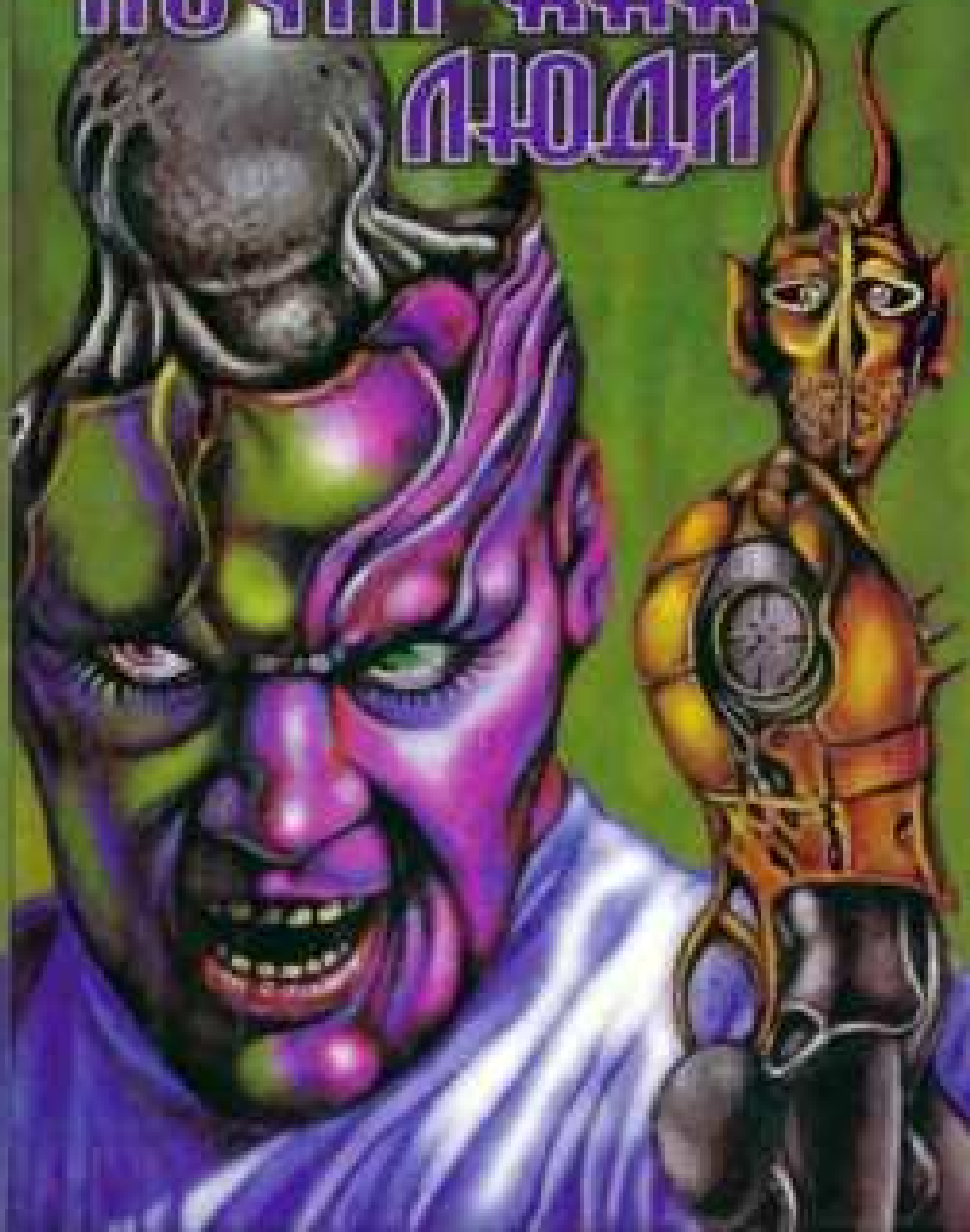
Клиффорд САЙМАК

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ
Клиффорд САЙМАК

22

Клиффорд
САЙМАК

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

●

ГОРОД ПОЧТИ КАК ЛЮДИ ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

●

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

РОССИЯ — ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
г. Тверь

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1993

ББК 84.7 США
С14

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

Выпуск 22

Художник К.М.Кошкин

Саймак Клиффорд
С14 Почти как люди: Фантастические романы. — Пер. с англ. — «Осирис». Вып. 22. М.: Центрполиграф, 1993. —495 с.

Создание новой цивилизации, проблема нового человека и нового общества, отказавшегося от войн и убийств — это мечта К.Саймака, писателя и человека. Поэтому на страницах книг К.Саймака появляются поразительные инопланетные существа: разноцветные пузыри, разумные лиловые цветы, маленькие черные человечки. Но не только в неистощимой сюжетной изобретательности и неиссякаемой фантазии причина непреходящей популярности К.Саймака у читателей. Свои удивительные фантастические миры писатель неизменно наполняет, по его собственным словам, «отзывчивостью, добротой и мужеством, которые так необходимы нашему миру».

ББК 84.7 США

ISBN 5-7001-0116-7

© Состав и художественное оформление, торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1993

РОМАН

ГОРОД

ПАМЯТИ ВИХРЯ
(ОН ЖЕ НЭТЭНИЕЛ)

От составителя

Перед вами предания, которые рассказывают Псы, когда ярко пылает огонь в очагах и дует северный ветер. Семьи собираются в кружок, и щенки тихо сидят и слушают, а потом рассказчика засыпают вопросами.

— А что такое Человек? — спрашивают они.

Или же:

— Что такое город?

Или:

— Что такое война?

Ни на один из этих вопросов нельзя дать удовлетворительный ответ. Есть предположения, гипотезы, есть много остроумных догадок, но положительных ответов нет.

Сколько сказителей вынуждены были прибегнуть к избитому объяснению — дескать, это все вымысел, на самом деле ни Человека, ни города никогда не существовало, и кто же ищет истины в обыкновенной сказке? Сказка должна быть увлекательной, и все тут.

Возможно, для щенков достаточно такого ответа, но мы не можем им довольствоваться. Потому что и в обыкновенных сказках сокрыто зерно истины.

Предлагаемый цикл из восьми преданий известен в устной передаче уже много столетий. Соотнести его начало с какими-либо исторически известными событиями не представляется возможным, и даже самое тщательное исследование не позволяет выявить те или иные стадии в его развитии. Не подлежит сомнению, что многократный пересказ должен был повлечь за собой стилизацию, однако проследить направление этой стилизации мы не можем.

О древности преданий и о том, что они, как утверждают некоторые авторы, не обязательно складывались Псами, говорит обилие темных мест — слов и выражений (и что еще хуже всего — идей), в которых нет, а возможно, никогда и не было никакого смысла. От тысячекратного повторения эти слова и выражения стали привычными, им даже приписывают некий смысл в контексте. Но мы не располагаем средствами, чтобы определить, приближаются ли эти предположительные

трактовки хоть в какой-то мере к подлинному значению толкуемых слов.

Настоящее издание цикла не следует понимать как попытку включиться в многочисленные специальные дискуссии о том, существовал ли Человек на самом деле, о загадочном понятии «город», о различных толкованиях слова «война» и обо всех прочих вопросах, которые неизбежно будут сверлить мозг исследователя, вознамерившегося привязать предания к каким-либо историческим явлениям или фундаментальным истинам.

Единственная цель этого издания — представить полный и неискаженный текст преданий в их нынешнем виде. Комментарий к каждой главе призван только познакомить с основными гипотетическими положениями без попытки подвести читателя к тому или иному выводу. Тем, кто хочет более основательно разобраться в преданиях или высказанных поэтому предмету точках зрения, мы рекомендуем обратиться к развернутым исследованиям, вышедшим из-под пера куда более компетентных Псов, чем составитель данного сборника.

Обнаруженные недавно фрагменты объемистого, судя по всему, литературного произведения дали пищу для новых попыток приписать авторство хотя бы части преданий не Псам, а мифическому Человеку. Однако пока не доказан сам факт существования Человека, вряд ли есть смысл связывать с ним упомянутую находку.

Особенно знаменательно — или странно, в зависимости от точки зрения, — что название (?) найденного произведения совпадает с названием одного из преданий представленного здесь цикла. Разумеется, само это слово лишено какого-либо смысла.

Естественно, все упирается в вопрос: жило ли вообще на свете такое существо — Человек? Поскольку на сегодняшний день нет положительных данных, будет разумнее исходить из того, что такого существа не было, что действующий в преданиях Человек — плод вымысла, фольклорный персонаж. Вполне возможно, что на заре культуры Псов возник образ Человека как родового божества, к которому Псы обращались за помощью и утешением.

В противовес такому трезвому взгляду кое-кто склонен видеть в Человеке настоящего бога, пришельца из некой таинственной страны или из другого измерения, который явился в наш мир, чтобы помогать нам, а затем вернуться туда, откуда пришел.

И наконец, есть мнение, что Человек и Пес вместе вышли из животного царства, сотрудничали и дополняли друг друга в становлении единой культуры, но потом, в незапамятные времена, их пути разошлись.

Многое в преданиях вызывает недоумение, но больше всего озадачивает благоговейное отношение к Человеку. Обыкновенному читателю трудно поверить, чтобы речь шла всего лишь о сказительском приеме. Перед нами нечто гораздо большее, нежели зыбкое почтение к родовому

божеству; чутье подсказывает, что это благоговение коренится в ныне забытом веровании или ритуалах доисторической поры.

Конечно, теперь трудно рассчитывать на то, что удастся решить хоть один из множества связанных с преданиями спорных вопросов.

Итак, предания перед вами, можете читать их для развлечения, или как исторические свидетельства, или в поисках скрытого смысла. Но широкому читателю настоятельно советуем не принимать их слишком всерьез, иначе вам грозит полное замешательство, если не помешательство.

Комментарий к первому преданию

Из всего цикла первое предание, несомненно, самое трудное для неискушенного читателя. И не только из-за непривычной лексики — поначалу и ход мыслей, и сами мысли представляются совершенно чуждыми. Возможно, причина та, что ни в этом, ни в следующем предании Псы не участвуют и даже не упоминаются. С первой же страницы на голову читателя обрушивается чрезвычайно странная проблема, и не менее странные персонажи занимаются ее решением. Зато когда одолеешь это предание, все остальные покажутся куда проще.

Через все предание проходит понятие «город». Что такое город и зачем он был нужен, до конца не выяснено, однако преобладает взгляд, что речь шла о небольшом участке земли, на котором обитало и кормилось значительное количество жителей. В тексте можно найти некие доводы, призванные обосновать существование города, однако Разгон, посвятивший всю жизнь изучению цикла, убежден, что мы тут имеем дело просто-напросто с искусной импровизацией древнего сказителя, попыткой сделать немыслимое правдоподобным. Большинство исследователей согласно с Разгоном, что приводимые в тексте доводы не сообразуются с логикой, а кое-кто — в частности Борзый — допускает, что перед нами древняя сатира, смысла которой теперь уже не восстановишь.

Большинство авторитетов в области экономики и социологии полагает организацию типа города немыслимой не только с экономической, но и с социологической и психологической точек зрения. Никакое существо с высокоразвитой нервной системой, необходимой для создания культуры, подчеркивают они, не могло бы выжить в столь тесных рамках. По мнению упомянутых авторитетов, такой опыт привел бы к массовым неврозам, которые в короткий срок погубили бы построившую город цивилизацию.

Борзый считает, что первое предание, по сути, является самым настоящим мифом, следовательно, ни одну ситуацию, ни одно утверждение нельзя понимать буквально, все предание насыщено символикой, ключ к которой давно утрачен. Но тут озадачивает такой факт: если

перед нами и впрямь сугубо мифическая концепция, то почему же она не выражена посредством характерных для мифа символических образов. Обычному читателю трудно усмотреть в сюжете какие-либо признаки, по которым мы узнаем именно миф. Пожалуй, из всего цикла первое предание — самое нескладное, неуклюжее, несуразное, в нем нет и намека на утонченные чувства и возвышенные идеалы, которые украшают изящными штрихами другие части цикла.

Весьма озадачивает язык предания. Обороты вроде классического «пропади он пропадом» не одно столетие ставят в тупик семантиков, и в толковании многих слов и оборотов мы по сей день не продвинулись ни на шаг дальше тех исследователей, которые впервые серьезно занялись публикуемым циклом.

Правда, терминология, связанная непосредственно с Человеком, в общих чертах расшифрована. Множественное число от слова «Человек» — люди; собирательное обозначение для всего этого мифического племени — род людской; она — женщина, или жена (возможно, некогда эти термины различались по смысловым оттенкам, но теперь их можно считать синонимическими); он — мужчина, или муж; щенки — дети, девочки и мальчики.

Кроме понятия «город», встречаются еще понятия, совершенно несовместимые с нашим укладом, противные самой нашей сути, — мы говорим о войне и убийстве. Убийство — процесс, обычно сопряженный с насилием, путем которого одно живое существо пресекает жизнь другого живого существа. Война, как явствует из контекста, представляла собой массовое убийство в масштабах, превосходящих всякое воображение.

Борзый в своем труде о настоящем цикле утверждает, что вошедшие в него предания намного древнее, чем принято считать. Он убежден, что такие понятия, как война и убийство, никак не сообразуются с нашей нынешней культурой, что они сопряжены с эпохой дикости, о которой нет письменных свидетельств.

Резон — один из немногих, кто полагает, что предания основаны на подлинных исторических фактах и что род людской действительно существовал, когда Псы еще находились на первобытной стадии, — утверждает, будто первое предание повествует о крахе культуры Человека. По его мнению, дошедший до нас вариант — всего лишь след более обширного сказания, величественного эпоса, который по объему был равен всему нынешнему циклу, а то и превосходил его. Трудно допустить, пишет он, чтобы такое грандиозное событие, как гибель могущественной машинной цивилизации, могло быть втиснуто сказителями той поры в столь тесные рамки. На самом деле, говорит Резон, перед нами лишь одно из многих преданий, посвященных этому предмету, и похоже, что до нас дошло далеко не самое значительное.

I

ГОРОД

Грэмп Стивенс сидел в шезлонге и смотрел на работающую косилку, чувствуя, как ласковое солнце прогревает его кости. Косилка дошла до края лужайки, поквохтала, словно довольная курица, аккуратно развернулась и покатила в обратную сторону. Мешок для скошенной травы заметно набух.

Внезапно косилка стала и возбужденно защелкала. Тотчас откинулась крышка сбоку, и высунулась крановидная рука. Кривые стальные пальцы пошарили в траве, торжествующе подняли камень, бросили его в маленький ящик и вернулись под крышку. Косилка лязгнула, потом тихо загудела и пошла дальше окашивать ряд.

Грэмп проводил ее недовольным ворчанием.

В один прекрасный день, сказал он себе, эта штуковина, пропади она пропадом, возьмет да свихнется из-за какой-нибудь промашки.

Он откинулся на спину и перевел взгляд на выбеленное солнцем небо. В далекой выси мчался куда-то вертолет. В эту минуту в доме ожило радио, и над лужайкой раскатилась дикая какофония. Грэмп вздрогнул и сжался в комок.

У юного Чарли, пропади он пропадом, очередной сеанс твича...

Косилка прогудела рядом с шезлонгом, и Грэмп метнул в нее злобный взгляд.

— Автоматика, — сообщил он небу. — Кругом одна сплошная автоматика. Скоро дойдет до того, что подзовешь машину, пошепчешь ей на ухо, и она помчится выполнять приказание.

Сквозь какофонию из окна пробился нарочито звонкий голос его дочери:

— Папа!

Грэмп поежился.

— Да, Бетти.

— Папа, ты уж, будь любезен, отодвинься, когда косилка дойдет до тебя. Не пытайся ее переупрямить. Это ведь всего-навсего машина. Прошлый раз ты сидел как вкопанный, она то с одной, то с другой стороны заходила, а ты хоть бы пошевельнулся.

Он промолчал и несколько раз клюнул носом — пусть подумает, что он задремал, и оставит его в покое.

— Папа, — повторил пронзительный голос. — Ты меня слышишь?

Не помогла уловка...

— Слышу, слышу. Я как раз хотел отодвинуться.

Грэмп медленно поднялся, тяжело опираясь на трость. Пусть видит, какой он старый и дряхлый, может, совестно станет. Да только надо меру соблюдать. Если она поймет, что он вполне может обходиться без

трости, ему сразу найдется работенка. Если же он переиграет, она опять напустит на него этого дурацкого врача.

Ворча себе под нос, он передвинул шезлонг на выкошенный участок. Косилка поравнялась с ним и злорадно фыркнула.

— Ты у меня когда-нибудь дождешься, — сказал ей Грэмп. — Врежу так, что все шестеренки полетят.

Косилка погудела в ответ и невозмутимо покатила дальше.

Только он хотел сесть, как в дальнем конце заросшей улицы что-то заскрежетало и закряхтело.

Грэмп поспешил выпрямиться и прислушался.

Опять... На этот раз более явственно — гулкое чиханье норовистого мотора, лязг разболтанных металлических частей.

— Автомобиль! — завопил Грэмп. — Автомобиль, чтоб мне было пусто!

Он сорвался с места, но тут же вспомнил о своей немощности и сбавил ход.

Небось Уле Джонсон, — говорил он себе, ковыляя к воротам. Только у этого психа и остался еще автомобиль. Не желает с ним расставаться, чертов упрямец.

Это был Уле.

Грэмп подоспел к воротам как раз в ту минуту, когда из-за угла, подпрыгивая на ухабах, выехал древний, весь в ржавчине, разбитый рыдван. Из перегревшегося радиатора со свистом вырывался пар, а выхлопная труба, потерявшая глушитель лет пять или больше тому назад, извергала клубы синего дыма.

Уле важно восседал за рулем, весь внимание, он старался обойти самые глубокие выбоины, но не так-то просто было высмотреть их сквозь завладевший улицей густой бурьян.

Грэмп помахал тростью.

— Привет, Уле!

Поравнявшись с ним, Уле дернул ручной тормоз, машина поперхнулась, лязгнула всеми частями, кашлянула и замолкла, издав напоследок сиплый вздох.

— Чем заправляешь? — спросил Грэмп.

— Всего помаленьку, — ответил Уле. — Керосин, спиртец, солярка — нашел остатки в старой бочке.

Грэмп восхищенно смотрел на бренную конструкцию.

— Да... было время, сам держал машину, сто миль в час развивала.

— И эта бегает, — отозвался Уле. — Было бы только горючее да запасные части. Года три-четыре назад я еще бензин доставал, теперь-то его давно уже не видно. Кончили производить небось. Дескать, для чего бензин, когда есть атомная энергия.

— Во-во, — подхватил Грэмп. — И ничего не возразишь. Да только атомная, она ведь ничем не пахнет, а для меня нет на свете ничего

слаще, чем запах бензина. Со всеми этими вертолетами и прочими премудростями путешествия совсем романтики лишились.

Он покосился на громоздящиеся на заднем сиденье корзины и ящики.

— Овощишками нагрузился?

— Ага, — подтвердил Уле. — Молочная кукуруза, молодая картошечка, три-четыре корзинки помидоров. На продажу везу.

Грэмп покачал головой.

— Пустая затея, Уле. Никто не возьмет. Теперь все вбили себе в голову, что для стола одна только гидропония годится. Гигиенично, мол, и вкус потоньше.

— А я так гроша ломаного не дал бы за ту дрянь, что они в своих банках выращивают, — воинственно объявил Уле. — В рот взять противно! Я Марте всегда так говорю: чтобы в еде настоящее свойство было, ее надо в земле выращивать.

Он опустил руку и повернул ключ зажигания.

— Не знаю даже, стоит ли пытаться ехать в город, — продолжал он. — Вон ведь как дороги запустили, то есть никакого глазу нет. Вспомни нашу автостраду двадцать лет назад — гладкая, ровная, чуть что, новый бетон клали, зимой непрестанно снег счищали. Ничего не жалели, большие деньги тратили, чтобы только движение не прерывалось. А теперь начисто о ней забыли. Бетон весь потрескался, местами и вовсе повыкрошился. Куманика растет. Сегодня на пути сюда пришлось выходить из машины и распиливать дерево, прямо поперек шоссе лежало.

— Да уж чего хорошего, — кивнул Грэмп.

Мотор вдруг ожил, прокашлялся, закряхтел, откуда-то снизу вырвалось густое облако синего дыма, затем машина рывком стронулась с места и запрыгала по ухабам.

Грэмп проковылял обратно к шезлонгу и обнаружил, что полотно насквозь мокрое. Автоматическая косилка кончила подстригать газон и теперь, размотав шланг, поливала лужайку.

Бормоча ругательства, Грэмп зашел за дом и опустился на скамейку около заднего крыльца. Он не любил здесь сидеть, но ведь больше нигде нет спасения от этой механической уродины... Взять хоть этот вид — сплошь пустые, заброшенные дома, все палисадники бурьяном поросли.

Правда, одно преимущество есть: можно внушить себе, что ты туг на ухо, и забыть о каскадах твича, изрыгаемых приемником.

Из-за дома донесся чей-то голос:

— Билл! Билл, ты где?

Грэмп повернул голову:

— Здесь я, Марк, здесь. Прячусь от этой чертовой косилки.

Из-за угла появился Марк Бейли, он пыхтел сигаретой, которая грозила подпалить его косматые баки.

— Что-то ты рано сегодня, — заметил Грэмп.

— Сегодня не придется нам сыграть, — ответил Марк.

Он доковылял до скамейки, сел рядом с Грэмпом и добавил:

— Уезжаем...

Грэмп стремительно обернулся.

— Уезжаете?!

— Ага. Перебираемся за город. Люсинда наконец уломала Герба. Всю голову ему продолбила, дескать, там такие чудесные участки, и все переезжают, зачем же нам от людей отставать.

Грэмп судорожно глотнул.

— А в какое место?

— Не знаю точно, — ответил Марк. — Еще не бывал там. Где-то на севере. На каком-то озере, что ли. Десять акров отмерили. Люсинда на сотню замахнулась, но тут Герб уперся, мол, хватит и десяти. И то столько лет городским палисадником обходились.

— Бетти тоже на Джонни наседает, — сообщил Грэмп. — Но он стоит насмерть. Не могу, говорит, и все тут. Дескать, на что это будет похоже, если он, секретарь Торговой палаты, и вдруг бросит город.

— И что это на людей нашло, — продолжал Марк. — Прямо помешательство какое-то.

— Уж это точно, — подтвердил Грэмп. — Помешались на деревне, все как один. Вон, посмотри...

Он взмахнул рукой, показывая на ряды заброшенных домов.

— Давно ли тут все цвело, что ни дом — загляденье. И какие славные соседи были. Хозяйки бегали друг к другу за кулинарными рецептами. А мужчины выйдут траву подстригать — глядишь, косилки уже забыты, а они стоят все вместе, языки чешут. Дружно жили, чего там. А теперь — сам видишь...

Марк заторопился.

— Ну, мне пора, Билл. Я ведь только для того и заглянул, чтобы сказать тебе, что мы снимаемся. Люсинда велела мне вещи укладывать. Заметит, что меня нет, сразу надуется.

Грэмп тяжело поднялся и протянул ему руку.

— Забежишь еще? Сыграем разок напоследок?

Марк покачал головой.

— Нет, Билл, боюсь, уже не смогу забежать.

Они неловко обменялись рукопожатием.

— Да-а, там уж я не поиграю, — уныло произнес Марк.

— А я? — сказал Грэмп. — Мне без тебя тоже не с кем...

— Ну всего, Билл.

— Всего, — отозвался Грэмп.

Марк, прихрамывая, скрылся за углом, и Грэмп, проводив друга взглядом, почувствовал, как безжалостная рука одиночества косну-

лась его ледяными пальцами. Страшное одиночество... Одиночество старости, отжившей свой век. Да-да, так оно и есть — пора на свалку. Его место в другой эпохе, он превысил свой срок, зажился на свете.

С туманом в глазах он нащупал прислоненную к скамейке трость и поплелся к покосившейся калитке, за которой простиралась безлюдная улица.

Годы текли слишком быстро. Годы, которые принесли с собой семейные самолеты и вертолеты, предоставив забытым автомашинам ржаветь, дорогам — приходить в негодность. Годы, которые с развитием гидропоники положили конец земледелию. Годы, которые свели на нет хозяйственное значение ферм и сделали землю дешевой. Годы, которые изгнали горожан в сельскую местность, где добрая усадьба стоила меньше жалкого городского участка. Годы, которые внесли переворот в строительство, так что семьи преспокойно бросали старое жилье и переходили в новые, по индивидуальным проектам дома, стоимостью вдвое меньше довоенных, а не понравилось что-нибудь или тесно показалось — за небольшую плату переделают, перекроят по своему вкусу.

Грэмп фыркнул. Дома, которые можно перестраивать каждый год, словно мебель переставил... Что это за жизнь?

Он медленно брел по пыльной тропинке. Всего несколько лет назад тут была оживленная улица, а теперь? Улица призраков, сказал он себе, маленьких неуловимых призраков, шелестящих в ночи. Призраки резвящихся детей, призраки опрокинутых тележек и трехколесных велосипедов. Призраки судачащих домохозяек. Призраки приветственных возгласов. Призраки пылающих каминов и коптящих зимнюю ночь дымоходов...

Облачка пыли вились вокруг его башмаков и белили отвороты брюк.

Вот и дом старины Адамса, на той стороне. Как Адамс им гордился! Широченные окна, облицовка из серого дикого камня... Теперь камень зеленый от ползучего мха, разбитые окна — словно ощеренные пасти. Бурьян заполонил лужайку, забрался на крыльцо; высокий вяз уперся ветвями в фронтон. Грэмп еще помнил тот день, когда Адамс посадил его.

Он остановился посреди заросшей улицы — ноги по щиколотку в пыли, руки сжимают трость, глаза плотно закрыты...

Через дымку лет донеслись до него крики играющих детей, тявканье ворчливой дворняжки с соседнего двора, где жили Конрады. А вот и Адамс, голый по пояс, орудует лопатой — яму готовит, и рядом лежит на траве деревце, корни мешковиной обернуты.

Май 1946 года. Сорок четыре года назад. Они с Адамсом только что вернулись домой с войны...

Звук шагов, приглушенных пылью, заставил Грэмпа испуганно открыть глаза.

Перед ним стоял молодой мужчина. Лет тридцати или около того.

— Доброе утро, — поздоровался Грэмп.

— Надеюсь, я вас не напугал? — сказал незнакомец.

— Вы видели, как я стою тут, болван болваном, с закрытыми глазами?

Молодой человек кивнул.

— Я вспоминаю, — объяснил Грэмп.

— Вы тут живете?

— Да, на этой самой улице. Последний здешний обитатель, можно сказать.

— Тогда вы, может быть, поможете мне.

— Постараюсь, — ответил Грэмп.

Молодой человек замялся.

— Понимаете... Дело в том... Ну, в общем, я совершаю, как это сказать, что-то вроде сентиментального паломничества...

— Понятно, — сказал Грэмп. — Я тоже.

— Моя фамилия Адамс, — продолжал незнакомец. — Мой дед жил где-то здесь. Может быть...

— Вот этот дом, — показал Грэмп.

Они постояли молча.

— Славный уголок был, — заговорил наконец Грэмп. — Вон то дерево ваш дедушка посадил сразу после того, как с войны приехал. Мы с ним всю войну вместе прошли и вместе вернулись. И погуляли же мы в тот день...

— Жаль, — произнес молодой Адамс. — Жаль...

Но Грэмп словно и не слышал его реплики.

— Тут вы говорите — ваш дед! Я что-то потерял его из виду.

— Умер, — ответил молодой Адамс. — Уже много лет назад.

— Помнится, он влез в атомные дела, — сказал Грэмп.

— Совершенно верно, — с гордостью подтвердил Адамс. — Сразу подключился, как только началось промышленное применение. После Московского соглашения.

— Это когда они порешили, что воевать больше невозможно.

— Вот именно.

— В самом деле, — продолжал Грэмп, — как воевать, когда не во что целиться.

— Вы подразумеваете города? — сказал Адамс.

— Ну да. И ведь как все чудно вышло... Сколько ни пугали атомными бомбами — хоть бы что, все равно за город все держались. А стоило предложить им дешевую землю и семейные вертолеты — так и кинулись врассыпную, чисто кролики, чтоб им...

Джон Дж. Вебстер решительно поднимался по широким ступеням ратуши, когда его догнал и остановил оборванец с ружьем под мышкой.

— Привет, мистер Вебстер.

Несколько секунд Вебстер озадаченно рассматривал ходячее огородное пугало, потом лицо его расплылось в улыбке.

— А, это ты, Леви. Ну, как дела?

Леви Льюис осклабился, обнажив щербатые зубы.

— Ничего, так себе. Сады все гуще, молодые кролики нагуливают вес.

— Ты случайно не причастен к этой заварухе с брошенными домами? — спросил Вебстер.

— Никак нет, ваша честь, — отчеканил Леви. — Мы, скваттеры, ни в чем дурном не замешаны. Мы все люди богобоязненные, законопослушные. А дома эти занимаем только потому, что нам ведь больше негде жить. И кому вред от того, что мы селимся там, где все равно никто не живет. Полиция знает, что мы не можем за себя постоять, вот и валит на нас все кражи и прочие безобразия. Делает из нас козлов отпущения.

— Ну, тогда ладно, — ответил Вебстер. — А то ведь начальник полиции хочет сжечь заброшенные дома.

— Пусть попробует, — сказал Леви. — Только как бы сам не обжегся. Развели огороды в банках, заставили нас фермы бросить, но уж дальше мы ни на шаг не отступим.

Сплюнув на ступеньку, он продолжал:

— Случайно у вас нет при себе какой-нибудь мелочи? У меня совсем патронов не осталось, а тут эти кролики...

Вебстер сунул два пальца в жилетный карман и выудил полдоллара.

Леви ухмыльнулся.

— Вы сама щедрость, мистер Вебстер. Доживем до осени, я вас белками завалю. — Скваттер козырнул на прощание и зашагал вниз по ступенькам: ствол ружья поблескивал на солнце. Вебстер повернулся и вошел в здание.

Заседание муниципального совета было в полном разгаре.

Начальник полиции Джим Максвелл стоял около стола; мэр Пол Картер говорил, обращаясь к нему:

— Тебе не кажется, Джим, что с твоей стороны несколько опрометчиво настаивать на таких мерах?

— Нет, не кажется, — ответил начальник полиции. — Изо всех домов только два или три десятка заняты законными владельцами, точнее, первоначальными хозяевами, ведь на самом деле дома эти давно уже принадлежат муниципалитету. И никакого толку от них, одни только неприятности. Хоть бы ценность какую-то представляли, не как жилье — как утиль, но ведь и того нет. Строительный лес? Мы больше не употребляем дерева, пластики лучше. Камень? Его заменила сталь. Короче говоря, ничего такого, что можно было бы реализовать.

А между тем они становятся пристанищем мелких преступников и нежелательных элементов. Да там теперь такие заросли образовались, лучшего укрытия для всевозможных правонарушителей и не придумаешь. Как что-нибудь натворил — прямым ходом туда, в заброшенные кварталы, там преступнику ничего не грозит, я же могу хоть тысячу человек послать, все равно он от них ускользнет.

Сносить — слишком дорого обойдется. И оставлять нельзя, они как бельмо на глазу. В общем, надо от них избавляться, и самый простой и дешевый способ — огонь. Все необходимые меры предосторожности будут приняты.

— А как с юридической стороной? — спросил мэр.

— Я выяснял — всякий человек вправе уничтожить свое имущество удобным для него способом, если при этом не подвергается угрозе имущество других лиц. Очевидно, это правило применимо и к имуществу муниципалитета.

Олдермен Томас Гриффин вскочил на ноги.

— Вы только ожесточите людей! — воскликнул он. — Там ведь много таких домов, которые переходили из рода в род, а люди еще не освободились от сентиментальности...

— Если они так дорожат своими домами, — перебил его начальник полиции, — почему не платили налог, почему не следили за ними? Почему бежали за город, а дома бросили на произвол судьбы? Спросите-ка Вебстера, он расскажет вам, как пытался пробудить в них любовь к отчему дому и что из этого вышло.

— Вы говорите про этот фарс под названием «Неделя отчего дома»? — спросил Гриффин. — Да, он провалился. И не мог не провалиться. Вебстер так пересластил свою стряпню, что она людям поперек горла стала. А чего еще ждать, когда за дело берется Торговая палата.

— При чем тут Торговая палата, Гриффин? — сердито вмешался олдермен Форрест Кинг. — Если вам в делах не везет, это еще не повод...

Но Гриффин его не слушал:

— Время нахального натиска прошло, джентльмены, прошло раз и навсегда. Приемы ярмарочного зазывалы безнадежно устарели, их место на кладбище. «Дни высокой кукурузы», «Дни доллара», всякие там липовые праздники с пестрыми флажками на площади и прочие трюки, назначение которых собрать толпу и заставить ее раскошелиться, — все это быльем поросло. И только вы, други мои, этого, похоже, не заметили.

Отчего такие фокусы удавались? Да оттого, что они спекулировали на психологии толпы и гражданских чувствах. Но откуда взяться гражданским чувствам, когда город на глазах умирает? И как спекулировать на психологии толпы, когда толпы нет, у каждого — или почти у каждого — свое царство величиной в сорок акров?

— Джентльмены, — взывал мэр, — джентльмены, прошу придерживаться регламента!

Кинг рывком встал и грохнул кулаком по столу:

— Нет уж, давайте начистоту! Вот и Вебстер тут, может быть, он поделится с нами своими мыслями?

Вебстер поежился.

— Боюсь, — ответил он, — мне нечего сказать.

— Ладно, хватит об этом, — резко подытожил Гриффин и сел.

Но Кинг продолжал стоять, лицо его налилось краской, губы дрожали от ярости.

— Вебстер! — крикнул он.

Вебстер покачал головой.

— Вы пришли сюда по поводу вашей очередной великой идеи! — не унимался Кинг. — Собирались представить ее на рассмотрение муниципалитета. Так чего сидите — давайте, выкладывайте!

Вебстер поднялся с хмурым видом.

— Не знаю, может, тупость помешает вам уразуметь, — обратился он к Кингу, — почему меня возмущает вся ваша деятельность.

Кинг на секунду опешил, потом взорвался:

— Тупость? И это вы говорите мне! Мы работали вместе, я вам помогал. Вы никогда не позволяли себе... никогда не...

— Да, я никогда не позволял себе говорить ничего подобного, — бесстрастно произнес Вебстер. — Еще бы. Мне не хотелось вылететь со службы.

— Так вот, вы уже вылетели! — рявкнул Кинг. — Уволены! С этой самой секунды!

— Заткнитесь! — сказал Вебстер.

Кинг ошалело уставился на него, словно получил пощечину.

— И сядьте. — Голос Вебстера кинжалом прорезал напряженную тишину.

У Кинга подкосились ноги, и он шлепнулся на стул. Все молчали.

— Я хочу сказать вам кое-что, — продолжал Вебстер. — О том, что давно уже пора сказать вслух. О том, что всем нам давно следовало бы знать. Странно только, что именно мне приходится говорить вам об этом. А может быть, ничего тут странного и нет, кому, как не мне, сказать правду, все-таки почти пятнадцать лет служу интересам города.

Олдермен Гриффин сказал, что город умирает на глазах. Верно сказал, с одной только небольшой поправкой: он выразился слишком мягко. Город — этот город, любой город — уже умер.

Город стал анахронизмом. Он изжил себя. Гидропоника и вертолеты предопределили его кончину. Первоначально город был попросту

пристанищем того или иного племени, которое собиралось вместе, чтобы обороняться от врагов. Потом стена исчезла, а город остался как центр торговли и ремесла. И просуществовал до нашего времени, потому что люди были привязаны к месту работы, которое находилось в городе.

Теперь условия изменились. В наше время, при семейном вертолете, сто миль — меньше, чем пять миль в тридцатых годах. Утром вылетел на работу, отмахал несколько сот миль, а вечером — домой. Теперь нет больше необходимости жаться в городе.

Начало положил автомобиль, а семейный вертолет довершил дело. Уже в первой четверти столетия люди потянулись за город, подальше от духоты, от всяких налогов, на свой, отдельный участочек в предместье. Конечно, многие оставались — не был налажен загородный транспорт, денег не хватало. Но теперь, когда все выращивают на искусственной среде и цены на землю упали, большой загородный участок стоит меньше, чем клочок земли в городе сорок лет назад. И транспорт перестал быть проблемой после того, как самолеты перешли на атомную энергию.

Он остановился. Тишина. Мэр был явно потрясен. Кинг беззвучно шевелил губами. Гриффин улыбался.

— К чему мы пришли в итоге? — спросил Вебстер. — Сейчас я скажу вам к чему. Кварталы, целые улицы пустых, заброшенных домов. Люди взяли да уехали. А зачем им оставаться? Что мог дать им город? Предыдущим поколениям он что-то давал, а вот нынешнему — ничего, потому что прогресс свел на нет все плюсы города. Конечно, что-то они потеряли, ведь какие-то деньги были вложены в старое жилье. Но все это с лихвой возмещалось, поскольку они могли купить дом, который был вдвое лучше и вдвое дешевле, могли жить так, как им хотелось, обзавестись, так сказать, фамильной усадьбой вроде тех, которые всего несколько десятилетий тому назад были привилегией богачей.

Что же нам осталось? Несколько кварталов под конторами фирм и компаний. Несколько акров под промышленными предприятиями. Муниципалитет, назначение которого заботиться о миллионе горожан, да только горожан-то больше нет. Бюджет с такими высокими налогами, что скоро и фирмы из города уберутся, чтобы не платить столько. Конфискованный жилой фонд, которому грош цена. Вот что нам осталось...

Только болван может думать, что ответ дадут Торговые палаты, шумные кампании да идиотские проекты. Потому что на все наши вопросы есть один-единственный, простой ответ. Город как таковой мертв. Он может кое-как протянуть еще несколько лет, но не больше.

— Мистер Вебстер, — начал мэр.

Но Вебстер даже ухом не повел.

— Если бы не сегодняшний случай, — говорил он, — я продолжал бы вместе с вами играть в кукольные домики. Делать вид, будто город еще действующее предприятие. Продолжал бы морочить голову себе и вам. Но все дело в том, господа, что на свете есть нечто, именуемое человеческим достоинством.

Ледяную тишину раздробило шуршание бумаг, чье-то озадаченное покашливание.

Однако Вебстер еще не кончил.

— Город приказал долго жить. И слава богу. Чем сидеть здесь и лить слезы над его останками, лучше встали бы и прокричали спасибо.

Ведь если бы этот город, как и все города на свете, не изжил себя, если бы люди не бросили городов, они были бы разрушены. Разразилась бы война, господа, атомная война. Вы забыли пятидесятые, шестидесятые года? Забыли, как просыпались ночью и слушали — не летит ли бомба, хотя знали, что все равно не услышите, когда она прилетит, вообще больше ничего и никогда не услышите?

Но люди покинули города, промышленность рассредоточилась, и обошлось без войны.

Многие из вас, господа, живы сегодня только потому, что люди ушли из вашего города. Да, живы потому, что город мертв!

Так пусть же, черт побери, он остается мертвым. Вам надо радоваться, что он умер. Это самое счастливое событие во всей истории человечества.

Джон Дж. Вебстер круто повернулся и вышел из зала.

На широкой наружной лестнице он остановился и посмотрел на безоблачное небо. Над шпилями и башенками ратуши кружили голуби.

Джон Вебстер мысленно встряхнулся, словно пес, который выскочил из пруда на берег.

Глупо он поступил, чего там. Теперь надо искать новое место, и когда еще найдешь, ведь возраст уже не тот.

Но тут в душе его сама собой родилась какая-то песенка, потеснила мрачные мысли, он сложил губы трубочкой и, беззвучно насвистывая, бодро зашагал прочь от ратуши.

Не надо больше лицемерить. Не надо больше ночи напролет думать над тем, как жить дальше, зная, что город мертв, что ты занимаешься никчемным делом, презирая себя за то, что даром ешь хлеб. Борясь с тягостным чувством, преследующим труженика, который понимает, что трудится вхолостую.

Он направился к стоянке, где ждал его вертолет.

Может быть, теперь и они уедут из города, исполнится желание Бетти. И будет он вечерами бродить по собственной земле. Свой

участок с речушкой. Непременно с речушкой, чтобы можно было развести форель.

Кстати, надо будет сходить на чердак и проверить удочки.

Марта Джонсон стояла и ждала у въезда на скотный двор, когда древняя колымага пропыхтела по дорожке, и Уле неуклюже выбрался из кабины, посеревший от усталости.

— Ну как, что-нибудь продал? — спросила Марта.

Он покачал головой.

— Гиблое дело. Деревенского не берут. Еще и смеются. Показывают мне кукурузу — початки вдвое больше моих, ровнехонькие и такие же сладкие. На дынях кожуры почитай и нет. И повкуснее наших будут, коли не врут.

Он поддал ногой ком земли, так что пыль полетела.

— Да что там говорить, разорили нас эти искусственные среды.

— Может, нам лучше уж продать ферму? — сказала Марта.

Уле промолчал.

— Наймешься в гидропонное хозяйство. Вон Гарри поступил. И как еще доволен.

Уле мотнул головой.

— Или в садовники наймись. У тебя очень даже хорошо получится. Всем этим барам с большими усадьбами только садовника подавай, машин не признают, не тот шик.

Уле снова мотнул головой.

— Душа не лежит с цветочками возиться, — объяснил он. — Как-никак двадцать лет с лишком кукурузе отдал.

— А может, и нам вертолет завести, какой поменьше? — сказала Марта. — И провести воду в дом. И ванну поставить, чем в старом корыте на кухне мыться.

— Не справлюсь я с вертолетом, — возразил Уле.

— Еще как справишься. Невелика хитрость. Вон погляди на андерсоновских ребятишек — от горшка два вершка, а уже летают почем зря. Правда, один из них тут затеял дурачиться и вывалился из кабины, но...

— Ладно, я подумаю, — перебил Уле с отчаянием в голосе. — Подумаю.

Он повернулся, перемахнул через ограду и зашагал в поле. Марта стояла у машины и глядела ему вслед. По припорошенной пылью щеке скатилась слеза.

— Мистер Тэйлор ждет вас, — сказала девушка.

Джон Дж. Вебстер опешил.

— Но ведь я у вас еще не бывал. И не договаривался с ним о встрече.

— Мистер Тэйлор ждет вас, — настойчиво повторила она и указала кивком на дверь с надписью:

ОТДЕЛ ПЕРЕСТРОЙКИ

— Но я пришел сюда узнать насчет работы, — возразил Вебстер. — А не за тем, чтобы меня перестраивали. Здесь ведь Бюро найма Всемирного комитета или я ошибся?

— Нет, не ошиблись, — ответила девушка. — Так доложить о вас мистеру Тэйлору?

— Если вы так настаиваете...

Девушка нажала рычажок и сказала в микрофон:

— Мистер Вебстер здесь, сэр.

— Пусть войдет, — ответил мужской голос.

Вебстер вошел в кабинет, держа шляпу в руке.

Седой мужчина с молодым лицом жестом предложил ему сесть.

— Вы хотите устроиться на работу?

— Да, — подтвердил Вебстер, — но я...

— Да вы садитесь, — продолжал Тэйлор. — Если вас смутила надпись на двери, забудьте о ней. Мы отнюдь не собираемся вас перестраивать.

— Я никак не могу найти себе место, — объяснил Вебстер. — Которую неделю хожу, и всюду отказ. Вот и пришел сюда к вам.

— Не хотелось к нам обращаться?

— Откровенно говоря, не хотелось. Бюро найма... В этом есть что-то... в общем, что-то неприятное.

Тэйлор улыбнулся.

— Возможно, название не совсем удачное. Вы думали, это нечто вроде бывшей биржи труда, куда обращались отчаявшиеся люди. Государственное учреждение, которое старается определить людей на работу, чтобы они не были в тягость обществу...

— Ну что ж, я тоже отчаялся, — признался Вебстер. — Но гордость еще сохранил, оттого и трудно было заставить себя прийти к вам. Но что поделаешь, другого выхода нет. Понимаете, я оказался изменником...

— Другими словами, — перебил его Тэйлор, — вы предпочитали говорить правду. Хотя бы это стоило вам места. Деловые круги, и не только здесь, во всем мире, еще не доросли до вашей правды. Бизнесмен еще цепляется за миф о городе, миф о коммерческой хватке. Придет время, и он поймет, что можно обойтись без города, что честное служение обществу дает ему куда больше, чем всякие коммерческие штучки. А скажите, Вебстер, что вас все-таки заставило поступить так, как вы поступили?

— Мне стало тошно, — ответил Вебстер. — Тошно глядеть, как люди тычутся туда-сюда с зажмуренными глазами. Тошно глядеть, как

лелеют старую традицию, которой давно место на свалке. Мне опротивел Кинг с его пустопорожним энтузиазмом.

Тэйлор кивнул.

— А как вы думаете, не смогли бы вы помочь нам с перестройкой людей?

Вебстер вытаращил глаза.

— Нет, я серьезно, — продолжал Тэйлор. — Всемирный комитет уже который год этим занимается ненавязчиво, незаметно. Многие из тех, кто прошел перестройку, даже сами об этом не подозревают.

С того времени, как на смену Объединенным Нациям пришел Всемирный комитет, на свете многое изменилось, и далеко не все сумели приспособиться к этим изменениям. Когда начали широко применять атомную энергию, сотни тысяч остались без места. Их надо было переучивать и направлять на другую работу, одних на атомные предприятия, других куда-нибудь еще. Гидропоника ударила по фермерам. Пожалуй, с ними нам пришлось особенно трудно, ведь они ничего не умели, только выращивать хлеб и смотреть за скотом. И большинство из них вовсе не стремилось ни к чему другому. Они возмущались, что их лишили источника существования, унаследованного от предков. Индивидуалисты по самой своей природе, они оказались для нас, так сказать, самым твердым психологическим орешком.

— Многие из них, — вмешался Вебстер, — до сих пор не устроены. Больше сотни вселились без разрешения в заброшенные дома, живут впроголодь, там кролика подстрелят, там белку, рыбу ловят, растят овощи, собирают подаяние в жилых кварталах...

— Вы знаете этих людей? — спросил Тэйлор.

— Знаю кое-кого. Один из них, случается, приносит мне белок или кроликов. Когда ему нужны деньги на патроны.

— По-вашему, они будут противиться перестройке?

— Еще как, — ответил Вебстер.

— Вам не знаком фермер по имени Уле Джонсон? Который все держится за свою ферму и ничего менять не хочет?

Вебстер кивнул.

— Если бы вы занялись им?

— Он меня тут же выставит за дверь.

— Такие люди, как Уле и эти скваттеры, — объяснил Тэйлор, — нас сейчас особенно заботят. Большинство благополучно приспособились к новым условиям, вошли, так сказать, в современную колею. Правда, кое-кто еще оплакивает старину, но это больше для вида. Их теперь силой не заставишь жить по-старому.

Когда много лет назад всерьез начали развивать атомную энергетику, Всемирный комитет столкнулся с нелегкой проблемой. Перемены, прогресс нужны, но как их вводить — постепенно, чтобы люди испод-

воль приноравливались, или полным ходом, и принять все меры, чтобы люди перестраивались поскорее. И решили — может быть, верно, может быть, нет — дать полный ход, а люди пусть поспевают как могут. В общем, это решение оправдалось.

Конечно, мы понимали, что не всегда можно будет проводить перестройку в открытую. В некоторых случаях затруднений не было — скажем, когда какие-то категории промышленных рабочих целиком переводили на новое производство. Но в некоторых случаях, как, например, с нашим другом Уле, нужен особый подход. Этим людям надо помочь найти свое место в новом мире, но так, чтобы они не чувствовали, что им помогают. Иначе можно подорвать их веру в свои силы, чувство человеческого достоинства, а ведь это чувство — краеугольный камень всякой цивилизации.

— Насчет перестройки в промышленности я, конечно, знал, — сказал Вебстер. — А вот про индивидуальные случаи впервые слышу.

— Мы не можем трубить об этом, — ответил Тэйлор. — Дело, можно сказать, секретное.

— Зачем же вы тогда мне рассказали?

— Потому что хотим, чтобы вы у нас работали. Помогите для начала Уле. А потом подумайте, что можно сделать для скваттеров.

— Не знаю даже... — начал Вебстер.

— Мы ведь ждали вас, — продолжал Тэйлор. — Знали, что в конце концов вы придете к нам. Кинг позаботился о том, чтобы вас нигде не приняли. Всюду дал знать, так что теперь все Торговые палаты, все муниципальные органы занесли вас в черный список.

— Судя по всему, у меня нет выбора.

— Не хотелось бы, чтобы вы так это воспринимали, — сказал Тэйлор. — Лучше не спешите — обдумайте все и приходите еще раз. Не согласитесь на мое предложение, найдем вам другую работу, наперекор Кингу.

Выйдя из бюро, Вебстер увидел знакомого оборванца с ружьем под мышкой. Но сегодня Леви Льюис не улыбался.

— Ребята сказали мне, что вы сюда зашли, — объяснил он. — Вот я и жду.

— Беда какая-нибудь? — спросил Вебстер, глядя на озабоченное лицо Леви.

— Да полиция, — ответил Леви и презрительно сплюнул в сторону.

— Полиция... — У Вебстера замерло сердце, он сразу понял, какая беда стряслась.

— Ага. Хотят нас выкурить.

— Так, значит, муниципалитет все-таки поддался.

— Я сейчас был в полицейском управлении, — продолжал Леви. — Сказал им, чтобы не очень-то петушились. Предупредил, что мы им

кишки выпустим, если сунутся. Я расставил своих ребят и велел стрелять только наверняка.

— Но ведь так же нельзя, Леви, — строго произнес Вебстер.

— Нельзя? — воскликнул Леви. — Можно, и уже сделано. Нас согнали с земли, заставили продать ее, потому что она нас уже не кормит. Но больше мы не отступим, хватит. Будем насмерть стоять, до последнего, но выкурить себя не дадим.

Леви поддернул брюки и снова плюнул.

— И не только мы, скваттеры, так думаем, — добавил он. — Грэмп с нами заодно.

— Грэмп?

— Он самый. Ваш старик. Он у нас как бы за генерала. Говорит, еще не совсем забыл военное дело, полиция только ахнет. Послал ребят, и они увели пушечку из Мемориала. Говорит, в музее для нее и снаряды найдутся. Оборудуем, говорит, огневую точку, а потом объявим, мол, если полиция сунется, мы откроем огонь по деловому центру.

— Послушай, Леви, ты можешь сделать для меня одну вещь?

— Натурально могу, мистер Вебстер.

— Зайди в эту контору и спроси там мистера Тэйлора, хорошо? Добейся, чтобы он тебя принял, и скажи ему, что я уже приступил к работе.

— Не хотите, чтоб я с вами пошел?

— Нет, — ответил Вебстер. — Я один справлюсь. И еще, Леви...

— Да.

— Попроси Грэмпа, чтобы попридержал свою артиллерию. Пусть не стреляет без крайней надобности. Ну а уж если придется стрелять, так чтобы не мазал.

— Мэр занят, — сказал секретарь Реймонд Браун.

— А вот мы сейчас посмотрим, — ответил Вебстер, направляясь к двери в кабинет.

— Вам туда нельзя, Вебстер! — завопил Браун.

Он вскочил на ноги и обогнул стол, бросаясь наперехват. Вебстер развернулся и толкнул его локтем в грудь прямо на стол. Стол поехал, Браун взмахнул руками, потерял равновесие и сел на пол.

Вебстер рванул дверь кабинета.

Мэр сдернул ноги со стола.

— Я же сказал Брауну... — начал он.

Вебстер кивнул.

— А Браун сказал мне. В чем дело, Картер? Боитесь, Кинг узнает, что я у вас был? Боитесь развращающего действия порядочных идей?

— Что вам надо? — рявкнул Картер.

— Мне стало известно, что полиция собирается сжечь заброшенные дома.

— Точно, — подтвердил мэр. — Эти дома представляют опасность для общины.

— Для какой общины?

— Послушайте, Вебстер...

— Вы отлично знаете, что никакой общины нет. Есть несколько вшивых политиканов, которые нужны только затем, чтобы вы могли претендовать на свой престол, могли каждый год избираться и загребать свой оклад. Вам скоро никаких других дел не останется, кроме как голосовать друг за друга. Ни служащие, ни рабочие даже самой низкой квалификации — никто из них не живет в черте города. А бизнесмены давно уже разъехались кто куда. Дела свои здесь вершат, но живут-то в других местах.

— Все равно город есть город, — заявил мэр.

— Я пришел не для того, чтобы обсуждать этот вопрос, — сказал Вебстер. — А чтобы попытаться убедить вас, что нельзя сжигать эти дома. Вы должны понять, заброшенные дома — пристанище людей, которые остались без своего угла. Людей, которых поиски убежища привели в наш город, и они нашли у нас кров. В каком-то смысле мы за них отвечаем.

— Ничего подобного, мы за них не отвечаем, — прорычал мэр. — И что бы с ними не случилось, пусть пеняют на себя. Мы их не звали. Они нам не нужны. Общине от них никакого проку. Скажете, что они неудачники. Ну а я тут при чем? Скажете, у них нет работы. А я отвечу — нашли бы, если бы поискали. Работа есть, работа всегда есть. А то наслышались о новом мире и вбили себе в голову, что кто-то другой должен о них позаботиться, найти работу, которая их устроит.

— Вы рассуждаете как закоренелый индивидуалист, — усмехнулся Вебстер.

— Вам это кажется забавным? — огрызнулся мэр.

— Забавно, — сказал Вебстер. — Забавно и печально, что в наши дни человек способен так рассуждать.

— Добрая доза закоренелого индивидуализма ничуть не повредила бы нашему миру. Возьмите тех, кто преуспел в жизни...

— Это вы о себе? — спросил Вебстер.

— А хоть бы и о себе. Я трудился как вол, не упускал благоприятных возможностей, заглядывал вперед. Я...

— Вы хотите сказать, что знали, чьи пятки лизать и чьи кости топтать, — перебил Вебстер. — Так вот, вы блестящий образчик человека, ненужного сегодняшнему миру. От вас плесенью несет, до того обветшали ваши идеи. Если я был последним из секретарей Торговых палат, то вы, Картер, — последний из политиканов. Только вы этого еще не уразумели. А я уразумел. И вышел из игры. Мне

это даром не далось, но я вышел из игры, чтобы не потерять к себе уважение. Деятели вашей породы отжили свое. Отжили, потому что раньше любой хлыщ с луженой глоткой и нахальной рожей мог играть на психологии толпы и пробиться к власти. А теперь психологии толпы больше не существует. Откуда ей взяться, если ваша система рухнула под собственной тяжестью и народу плевать на ее труп.

— Вон отсюда! — заорал Картер. — Вон, пока я не позвал полицейских и не велел вас вышвырнуть.

— Вы забываете, — возразил Вебстер, — что я пришел поговорить о заброшенных домах.

— Пустая затея, — отрезал Картер. — Можете разглагольствовать хоть до Судного дня, все равно эти дома будут сожжены. Это вопрос решенный.

— Вам хочется увидеть развалины на месте делового центра? — спросил Вебстер.

— О чем вы толкуете? — вытаращился мэр. — При чем тут центр?

— А при том, что в ту самую секунду, когда первый факел коснется домов, ратушу поразит первый снаряд. А второй ударит по вокзалу. И так далее, сперва все крупные мишени.

У Картера отвалилась челюсть. Потом лицо его залила краска ярости.

— Бросьте, Вебстер, — прохрипел он. — Меня не проведешь. Я этими вашими баснями...

— Это не басня, — возразил Вебстер. — У них там есть пушки. Около Мемориала взяли и в музеях. И есть люди, которые умеют с ними обращаться. Да тут и не нужен большой знаток. Прямая наводка, все равно что в упор по сараю стрелять.

Картер потянулся к передатчику, но Вебстер жестом остановил его.

— Подумайте, подумайте хорошенько, Картер, прежде чем в петлю лезть. Стоит вам дать ход вашему плану, и начнется сражение. Допустим, вам удастся сжечь заброшенные дома, но ведь и от центра ничего не останется. Бизнесмены снимут с вас скальп за это.

Картер убрал руку с тумблера.

Издалека донесся резкий звук ружейного выстрела.

— Лучше отзовите их, — посоветовал Вебстер.

На лице Картера отразилось смятение.

Снова выстрел... второй, третий.

— Еще немного, — сказал Вебстер, — и будет поздно, вы уже ничего не сможете сделать.

Глухой взрыв потряс оконные стекла. Картер вскочил на ноги. Вебстер вдруг ощутил противную слабость, однако виду не показал.

Картер с каменным лицом смотрел в окно.

— Похоже, что уже поздно, — произнес Вебстер, стараясь придать голосу твердость.

Радио на столе требовательно запищало, мигая красным огоньком. Картер дрожащей рукой нажал тумблер.

— Картер, — звал чей-то голос. — Картер, Картер.

Вебстер узнал луженую глотку начальника полиции Джима Максвелла.

— Что там случилось? — спросил Картер.

— Они выкатили пушку, — доложил Максвелл. — Взорвалась при первом же выстреле. Должно быть, снаряд с дефектом.

— Пушка? Только одна пушка?

— Других пока не видно.

— Я слышал ружейные выстрелы, — сказал Картер.

— Так точно, они нас обстреляли. Двоих-троих ранили. Но теперь отошли. Прячутся в зарослях. Больше не стреляют.

— Ясно, — сказал Картер. — Валяйте, начинайте поджигать.

Вебстер бросился к нему.

— Спросите его... спросите...

Но Картер уже щелкнул тумблером, и радио смолкло.

— Что вы хотели его спросить?

— Нет, ничего, — ответил Вебстер. — Ничего существенного.

Он не мог сказать Картеру, что один только Грэмп знал, как стреляют из пушки. Что Грэмп был там, где произошел взрыв.

Уйти отсюда — и туда, к пушке, возможно скорее!

— Недурно было задумано, Вебстер, — сказал Картер. — Недурно, да только сорвался ваш блеф.

Он снова подошел к окну.

— Все, кончилась стрельба. Быстро сдались.

— Скажите спасибо, если из ваших полицейских хотя бы шестеро живьем вернутся, — огрызнулся Вебстер. — Там, в зарослях, засели люди, которые за сто шагов бьют белку в глаз.

В коридоре послышался топот, две пары ног стремительно приближались к двери.

Мэр отпрянул от окна, Вебстер повернулся на каблуках.

— Грэмп! — крикнул он.

— Привет, Джонни, — выдохнул ворвавшийся в кабинет Грэмп.

За его спиной стоял молодой человек, он размахивал в воздухе чем-то шелестящим, какими-то бумагами.

— Что вам угодно? — спросил мэр.

— Нам много чего угодно, — ответил Грэмп, помолчал, переводя дух, и добавил: — Познакомьтесь, мой друг Генри Адамс.

— Адамс? — переспросил мэр.

— Вот именно, Адамс, — подтвердил Грэмп. — Его дед когда-то жил здесь. На Двадцать седьмой улице.

— А-а... — У мэра был такой вид, словно его стукнули кирпичом. — А-а... Вы говорите про Ф. Дж. Адамса?

— Во-во, он самый, — сказал Грэмп. — Мы с ним вместе воевали. Он мне целыми ночами рассказывал про сына, который дома остался.

Картер взял себя в руки и поклонился Генри Адамсу.

— Разрешите мне, — важно начал он, — как мэру этого города, приветствовать...

— Горячее приветствие, ничего не скажешь, — перебил его Адамс. — Я слышал, вы сжигаете мою собственность.

— Вашу собственность?

Мэр осекся, озадаченно глядя на бумаги в руке Адамса.

— Вот именно, его собственность! — отчеканил Грэмп. — Он только что купил этот участок. Мы сюда прямиком из казначейства. Задолженность по налогам покрыта, пени уплачены — словом, конец всем увертками, которыми вы, легальные жулики, хотели оправдать свое наступление на заброшенные дома.

— Но... но... — Мэр никак не мог подобрать нужные слова. — Но ведь не все же, надо думать, а только дом старика Адамса...

— Все, все как есть, — торжествовал Грэмп.

— И я был бы вам очень обязан, — сказал молодой Адамс, — если бы вы попросили ваших людей прекратить уничтожение моей собственности.

Картер наклонился над столом и взялся непослушными руками за радио.

— Максвелл! — крикнул он. — Максвелл! Максвелл!

— В чем дело? — рявкнул в ответ Максвелл.

— Сейчас же прекратите поджигать дома! Тушите пожары! Вызовите пожарников! Делайте что хотите, только потушите пожары!

— Вот те на! — воскликнул Максвелл. — Вы уж решите что-нибудь одно.

— Делайте, что вам говорят! — орал мэр. — Тушите пожары!

— Ладно, — ответил Максвелл. — Хорошо, не кипятитесь. Только ребята вам спасибо не скажут. Они тут голову под пули подставляют, а вы то одно, то другое.

Картер выпрямился.

— Позвольте заверить вас, мистер Адамс, произошла ошибка, прискорбная ошибка.

— Вот именно, — сурово подтвердил Адамс. — Весьма прискорбная ошибка. Самая прискорбная ошибка в вашей жизни.

С минуту они молча мерили взглядом друг друга.

— Завтра же, — продолжал Адамс, — я подаю заявление в суд, ходатайствую об упразднении городской администрации. Если не ошибаюсь, как владелец большей части земель, подведомственных муниципалитету, я имею на это полное право.

Мэр глотнул воздух, потом выдавил из себя:

— На каком основании?..

— А на таком, — ответил Адамс, — что я больше не нуждаюсь в услугах муниципалитета. Думаю, суд не станет особенно противиться.

— Но... но... ведь это означает...

— Во-во, — подхватил Грэмп. — Вы отлично разумеете, что это означает. Вы получили нокаут, вот что это означает.

— Заповедник. — Грэмп взмахнул рукой, указывая на заросли на месте жилых кварталов. — Заповедник, чтобы люди не забывали, как жили их предки.

Они стояли втроем на холме, среди торчащих из густой травы массивных стальных опор старой ржавой водокачки.

— Не совсем заповедник, — поправил его Генри Адамс, — а скорее мемориал. Памятник городской эре, которая лет через сто будет всеми забыта. Этакий музей под открытым небом для всякого рода диковинных построек, которые отвечали определенным условиям среды и личным вкусам хозяев. Подчиненных не каким-то единым архитектурным принципам, а стремлению жить удобно и уютно. Через сто лет люди будут входить в эти дома там, внизу, с таким же благоговейным чувством, с каким входят в нынешние музеи. Для них это будет что-то первобытное, так сказать, одна из ступеней на пути к лучшей, более полной жизни. Художники будут посвящать свое творчество этим старым домам, переносить их на свои полотна. Авторы исторических романов будут приходить сюда, чтобы подышать подлинной атмосферой прошлого...

— Но вы говорили, что хотите восстановить все постройки, расчистить сады и лужайки, чтобы все было как прежде, — сказал Вебстер. — На это нужно целое состояние. И еще столько же на уход.

— А у меня чересчур много денег, — ответил Адамс. — Честное слово, куры не клюют. Не забудьте, дед и отец включились в атомный бизнес, когда он только зарождался.

— Дед ваш лихо в кости играл, — сообщил Грэмп. — Бывало, как получка, непременно меня обчистит.

— В старое время, — продолжал Адамс, — когда у человека было чересчур много денег, он мог найти им другое употребление. Скажем, вносил в благотворительные фонды, или на медицинские исследования, или еще на что-нибудь. Теперь нет благотворительных фондов. Некому их поддерживать. И с тех пор, как Всемирный комитет вошел в силу, хватает денег на все исследования, медицинские и прочие.

У меня ведь не было никаких планов, когда я решил побывать на родине деда. Просто захотелось поглядеть на его дом, больше ничего.

Он мне столько про него рассказывал. Как сажал дерево на лужайке... Какие розы развел за домом...

И вот я увидел этот дом. И он был словно манящий призрак прошлого. Вот он брошен, брошен навсегда, а ведь был кому-то очень дорог... Мы стояли с Грэмпом и смотрели, и вдруг я подумал, что могу сделать большое дело, если сохраню для потомства как бы срез прошлого, чтобы могли видеть, как жили их предки.

Над деревьями внизу взвился столбик голубого дыма.

— А как же с ними? — спросил Вебстер, показывая на дым.

— Пусть остаются, если хотят, — ответил Адамс. — Для них тут найдется работа. И жилье найдется. Меня только одно заботит. Я не могу сам быть здесь все время. Мне нужен человек, который руководил бы этим делом. Посвятил бы ему всю жизнь. — Он посмотрел на Вебстера.

— Валяй, Джонни, соглашайся, — сказал Грэмп.

Вебстер покачал головой.

— Бетти уже присмотрела дом за городом.

— А вам не надо жить тут постоянно, — заметил Адамс. — Будете прилетать каждый день.

Кто-то окликнул их снизу.

— Это Уле! — Грэмп помахал тростью. — Эй, Уле! Поднимайся сюда!

Они молча глядели, как Уле взбирается вверх по склону.

— Потолковать надо, Джонни, — заговорил Уле, подойдя к ним. — Мыслишка есть. Ночью осенило, до утра не спал.

— Выкладывай, — сказал Вебстер.

Уле покосился на Адамса.

— Все в порядке, — успокоил его Вебстер — Это Генри Адамс. Может, помнишь его деда, старика Ф. Дж.?

— Ну как же, помню, — подтвердил Уле. — Он еще полез в эти атомные дела. Что-нибудь это ему дало?

— И совсем немало, — ответил Адамс.

— Рад слышать. Стало быть, я ошибался, когда говорил, что из него не выйдет толку. Он все мечтал да грезил.

— Так что за идея? — спросил Вебстер.

— Вы, конечно, слышали про туристские ранчо?

Вебстер кивнул.

— Туда городские приезжали, чтобы ковбоев разыгрывать, — продолжал Уле. — Уж так им это нравилось, они ведь понятия не имели, что настоящее ранчо — это тяжелый труд, им представлялась одна сплошная романтика, скачки на лошадях и...

— Постой, — перебил его Вебстер, — ты что же, задумал свою ферму превратить в такое туристское ранчо?

— Ранчо не ранчо, а вот насчет туристской фермы стоит помозговать. Теперь ведь настоящих ферм почитай что и не осталось, люди

все равно не знают толком, что это такое. А уж мы им распишем — про тыквы с кружевами на корке и всякие прочие красоты...

Вебстер внимательно посмотрел на Уле.

— А знаешь, Уле, ведь клюнут. Драться будут, убивать друг друга, только дай им провести отпуск на самой настоящей неподдельной старинной ферме!

Внезапно из кустов на склоне, мелькая кривыми лезвиями и помахивая длинной металлической рукой, с визгом, рокотом и скрежетом вырвалась какая-то блестящая штуковина.

— Это еще... — начал Адамс.

— Косилка, чтоб ей было пусто! — воскликнул Грэмп. — Я всегда говорил, что она когда-нибудь свихнется и пойдет куролесить!

Комментарий ко второму преданию

Второе предание при всей его чужеродности все-таки нам как-то ближе. Здесь впервые читатель ловит себя на чувстве, что это предание могло родиться у лагерного костра Псов; для первого предания такое предположение немыслимо.

Тут провозглашаются какие-то высокие морально-этические принципы, которые святы для Псов. Далее, происходит понятная для Пса борьба, пусть даже в ней обнаруживается моральное и умственное оскудение главного действующего лица.

И появляется близкий нам персонаж — робот. В роботе Дженкинсе, впервые предстающем здесь перед читателем, мы узнаем персонаж, который уже не одну тысячу лет является любимцем щенков. Резон полагает Дженкинса подлинным героем всего цикла. Он видит в Дженкинсе олицетворение авторитета человека, который продолжал влиять и после того, как исчез сам Человек, видит механическое устройство, посредством которого человеческая мысль еще много столетий направляла Псов, хотя сам человек ушел.

У нас и теперь есть роботы, приятные и полезные маленькие аппараты, единственное назначение которых — служить нам руками. Впрочем, Псы уже настолько свыклись со своими роботами, что мысленно не отделяют их от себя.

Утверждение Резона, будто робот изобретен Человеком и представляет собой наследие эпохи Человека, решительно опровергается большинством других исследователей цикла.

По мнению Разгона, мысль о том, будто робот сделан и дарован Псам, чтобы они могли создать свою культуру, тотчас отпадает в силу своей романтичности. Он утверждает, что перед нами просто литературный прием, который никак нельзя воспринимать всерьез.

Остается невыясненным, как Псы могли прийти к конструкции робота. Немногие из исследователей, занимавшихся проблемой развития робототехники, отстаивают мнение, что узкоспециальное назначение робота говорит в пользу его изобретения Псом. Такую специализацию, заявляют они, можно объяснить лишь тем, что робот был придуман и изготовлен именно теми существами, для которых он предназначен.

Только Пес, утверждают они, мог столь успешно решить такую сложную задачу.

Ссылка на то, что никто из Псов сегодня не сумел бы изготовить робота, ничего не доказывает. Псы сегодня не сумеют изготовить робота потому, что в этом нет нужды, поскольку роботы сами себя изготовляют. Несомненно, когда возникла надобность, Пес создал робота, и, наделив роботов способностью к воспроизводству, которое выразилось в изготовлении себе подобных, он избрал решение, типичное для самих Псов.

И наконец, в этом предании впервые появляется проходящая затем через весь цикл идея, которая давно уже изумляет всех исследователей и большинство читателей. Речь идет о возможности физически покинуть наш мир и достичь через заоблачные выси других миров. Почти все рассматривают эту идею как чистую фантастику (вполне допустимую в преданиях и легендах), тем не менее она тоже внимательно изучалась. Большинство исследований подтвердило вывод, что такое путешествие немыслимо. Иначе пришлось бы допустить, что звезды, которые мы видим ночью, — огромные миры, удаленные на чудовищные расстояния от нашего мира. Но ведь всякий знает, что на самом деле звезды — всего-навсего висящие в небе огни, и многие из них висят совсем близко.

Пожалуй, наиболее удачное объяснение, откуда могла возникнуть идея о заоблачных мирах, предложено Разгоном. Все очень просто, говорит он: древний сказитель по-своему изобразил исстари известные Псам миры гоблинов.

II

БЕРЛОГА

Мелкий дождик из свинцовых туч плыл серыми космами среди оголенных деревьев. Он обволакивал живую изгородь, сглаживал углы построек, скрадывал даль. Он поблескивал на металлической оболочке безмолвных роботов и серебрил плечи трех людей, слушающих человека в черном облачении, который держал в руках книгу и читал нараспев:

— Я есмь воскресение и жизнь...

Замшелая статуя над входом в крипту словно стремилась ввысь, всеми своими частицами напряженно тянулась к чему-то незримому. Тянулась с того самого далекого дня, когда ее высекли из гранита и водрузили на фамильном склепе как символ, столь близкий сердцу первого Джона Дж. Вебстера в последние годы его жизни.

— И всякий живущий и верующий в Меня...

Джером А. Вебстер чувствовал, как его руку стискивают пальцы сына, слышал тихий плач матери, видел неподвижных роботов, почти-

тельно склонивших головы над прахом своего хозяина, возвращающегося в лоно, которое служит конечным пристанищем всего сущего.

Понимают ли они происходящее?.. Понимают ли, что такое жизнь и смерть?.. Почему Нельсон Ф. Вебстер лежит в ящике, почему человек с книгой что-то читает над ним?..

Нельсон Ф. Вебстер, четвертый из обосновавшихся на этих землях Вебстеров, жил и умер тут, почти никуда не выезжая, и теперь его ожидал вечный покой в прибежище, которое первый из них устроил для всех последующих, для долгой призрачной череды потомков, которые будут здесь обитать, лелея установленные Джоном Дж. Вебстером обычаи, нравы и образ жизни.

...Челюсти напряглись, по телу пробежала дрожь. Защипало веки, и гроб расплылся, и голос человека в черном слился с шепотом ветра в соснах, обступивших покойного почетным караулом. В мозгу Джерома А. Вебстера чередовались воспоминания — воспоминания о седом человеке, который бродил по холмам и полям, вдыхая свежий утренний воздух, стоял с рюмкой бренди перед пылающим камином, широко расставив ноги.

Гордость... Гордость, которую дарует человеку власть над землей и бытием. Смирение и благородство, которое прививает человеку покойная жизнь. Отсутствие всякой гонки, сознание, что ты нужен людям, уют привычного окружения, широкое приволье...

Томас Вебстер дергал его за локоть.

— Отец, — шептал он. — Отец.

Служба кончилась. Человек в черном облачении закрыл свою книгу. Шестеро роботов шагнули вперед, подняли гроб.

Следом за ними медленно вошли в склеп люди и молча смотрели, как роботы поместили гроб в нишу, затворили дверцу и укрепили дощечку с надписью:

НЕЛЬСОН Ф. ВЕБСТЕР
2034— 2117

Все. Только фамилия и дата. И вполне достаточно, подумал Джером А. Вебстер. Больше ничего не надо. То же, что у других членов рода, начиная с Уильяма Стивенса, 1920—1999. Помнится, его прозвали Грэмп Стивенс. На его дочери был женат первый Джон Дж. Вебстер, который тоже здесь покоится: 1951—2020. За ним последовал его сын, Чарлз Ф. Вебстер, 1980—2060. И сын Чарлза, Джон Дж. второй, 2004—2086. Вебстер хорошо помнил своего деда, Джона Дж. второго, любителя подремать у камина с трубкой в зубах, которая вечно грозила подпалить ему баки.

Его глаза обратились к следующей дощечке. Мери Вебстер, мать мальчугана, который стоит рядом с ним. Впрочем, какой там мальчуган! Он все забывает, что Томасу уже двадцать лет и дней через десять он, как и сам Джером А. Вебстер в молодости, отправится на Марс.

Все здесь собраны... Вебстеры, жены Вебстеров, дети Вебстеров. Вместе при жизни, вместе после смерти, спят чинно и благородно среди бронзы и мрамора, и сосны снаружи, и символическая фигура над позеленевшей дверью...

Роботы молча ждали, закончив свое дело.

Мать посмотрела на него.

— Теперь ты глава семейства, сын мой, — сказала она.

Он прижал ее к себе одной рукой. Глава семейства... От которого, кроме него, остались двое — его мать и сын. К тому же сын скоро уедет, полетит на Марс. Но он вернется. Вернется с женой, надо думать, и род продолжится. Не будет их всего трое. Большинство комнат усадьбы не будут, как теперь, пустовать. Было время, в усадьбе бурлила жизнь, под одной большой крышей, каждый в своих апартаментах, жили десятки членов семьи. Это время еще вернется, непременно вернется...

Трое Вебстеров повернулись, вышли из склепа и направились обратно к едва различимой во мгле серой громаде дома.

В камине пылал огонь, на столе лежала открытая книга. Джером А. Вебстер протянул руку, взял книгу и еще раз прочел заглавие.

«ФИЗИОЛОГИЯ И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ МАРСИАНИНА»

Джером А. Вебстер, *доктор медицинских наук.*

Толстая, солидная — труд целой жизни, пожалуй, не имеющий равных в этой области. Основан на данных, собранных за пять лет борьбы с эпидемией на Марсе, пять лет, когда он день и ночь трудился не покладая рук вместе с товарищами по бригаде, которую Всемирный комитет послал на помощь соседней планете.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Дверь отворилась, показался робот.

— Ваше виски, сэр.

— Благодарю, Дженкинс.

— Священник уехал, сэр, — сообщил Дженкинс.

— Да-да, конечно... Надеюсь, ты о нем позаботился.

— Так точно, сэр. Вручил ему положенный гонорар и предложил рюмочку спиртного. От рюмочки он отказался.

— Ты допустил оплошность, — объяснил Вебстер. — Священники не пьют.

— Простите, сэр. Я не знал. Он просил меня передать вам, что будет рад видеть вас в церкви.

— Что?..

— Я ответил, сэр, что вы никуда не ходите.

Дженкинс направился к двери, но затем повернулся.

— Простите, сэр, но я хотел сказать, что служба у склепа была очень трогательная. Ваш отец был превосходный, исключительный человек. Все роботы говорят, что служба удалась. Очень благородно получилось. Ему было бы приятно, если бы он знал.

— Ему было бы еще приятнее услышать твои слова, Дженкинс.

— Благодарю, сэр.

Дженкинс вышел.

Виски, книга, горящий камин. Обволакивающий уют привычной комнаты, мир и покой...

Родной дом. Родной дом всех Вебстеров с того самого дня, когда сюда пришел первый Джон Дж. и построил первую часть пространного сооружения. Джон Дж. выбрал это место из-за ручья с форелью, во всяком случае, так он сам говорил. Но дело не только в ручье, не может быть, чтобы дело было только в ручье...

А впрочем, не исключено, что вначале все сводилось к ручью. Ручей, деревья, луга, скалистый гребешок, куда по утрам уползал туман с реки. Все же остальное складывалось постепенно, из года в год — из года в год семья обживала этот уголок, пока сама земля, что называется, не пропиталась пусть не традицией, но, во всяком случае, чем-то вроде традиции. И теперь каждое дерево, каждый камень, каждый клочок земли стал *вебстерским.*

Джон Дж. — первый Джон Дж. — пришел сюда после распада городов, после того, как человек раз и навсегда отказался от этих берлог двадцатого века, избавился от древнего инстинкта, под действием которого племена забивались в пещеру или скучивались на прогалине в лесу, соединяясь против общего врага, против общей опасности. Инстинкт этот изжил себя, ведь больше не стало врагов и опасностей. Человек восстал против стадного инстинкта, навязанного ему в далеком прошлом экономическими и социальными условиями. И помогло ему в этом сознание безопасности и достатка.

Начало новому курсу было положено в двадцатом веке, больше двухсот лет назад, когда люди стали переселяться за город ради свежего воздуха, простора и благодатного покоя, которого они никогда не знали в городской толчее.

И вот конечный итог. Безмятежная жизнь. Мир и покой, возможные только тогда, когда царит полное благополучие. То, к чему люди искони стремились, — поместный уклад, правда, в новом духе: родовое имение и зеленые просторы, атомная энергия и роботы взамен рабов.

Вебстер улыбнулся, глядя на камин с пылающими дровами. Пережиток пещерной эпохи, анахронизм, но прекрасный анахронизм... Практически никакой пользы, ведь атомное отопление лучше, зато сколько удовольствия. Перед атомной печью не посидишь, не погрезишь, любуясь языками пламени.

А этот склеп, куда сегодня поместили прах отца. Тоже часть — неотъемлемая часть поместного уклада. Покой, простор, сумрачное благородство. В старину покойников хоронили на огромных кладбищах как попало, бок о бок с чужаками...

Он никуда не ходит.

Так ответил Дженкинс священнику.

Так оно и есть на самом деле. А для чего ходить куда-то? Все, что тебе нужно, — тут, только руку протяни. Достаточно покрутить диск, и можно поговорить с кем угодно лицом к лицу, можно перенестись в любое место, только что не телесно. Можно посмотреть театральный спектакль, послушать концерт, порыться в библиотеке на другом конце света. Совершить любую сделку, не вставая с кресла.

Вебстер проглотил виски, затем повернулся к стоящему возле письменного стола аппарату.

Он набрал индекс по памяти, не заглядывая в справочник. Не в первый раз...

Пальцы нажали рычажок, и комната словно растаяла. Осталось кресло, в котором он сидел, остался угол стола, часть аппарата — и все.

Кресло стояло на горном склоне среди золотистой травы, из которой тут и там торчали искривленные ветром деревца.

Склон спускался к озеру, зажатому в объятиях багряных скал. Крутые скалы, исчерченные синевато-зелеными полосками сосен, ярус за ярусом вздымались вплоть до тронутых голубизной снежных пиков, вонзивших в небо неровные зубья.

Хриплый ветер трепал приземистые деревца, яростно мял высокую траву. Лучи заходящего солнца воспламенили далекие вершины.

Величавое безлюдье, изрытый складками широкий склон, свернувшееся клубком озеро, иссеченные тенями гряды...

Вебстер сидел в покойном кресле и смотрел, прищурившись, на вершины.

Чей-то голос произнес чуть ли не над ухом:

— Можно?

Мягкий, свистящий, явно не человеческий голос.

И тем не менее хорошо знакомый.

Вебстер кивнул.

— Конечно, конечно, Джуэйн.

Повернув голову, он увидел изящный низкий пьедестал и сидящего на корточках мохнатого марсианина с кроткими глазами. За пьедесталом смутно вырисовывались другие странные предметы — вероятно, обстановка марсианского жилища.

Мохнатая рука марсианина указала на горы.

— Вам нравится этот вид, — произнес он. — Он говорит что-то вашему сердцу. Я представляю себе ваше чувство, но во мне эти

горы вызывают скорее ужас, чем восторг. На Марсе такой ландшафт немыслим.

Вебстер протянул руку к аппарату, но марсианин остановил его.

— Не надо, оставьте. Я знаю, почему вы здесь уединились. И если я позволил себе явиться в такую минуту, то лишь потому, что подумал, может быть, общество старого друга...

— Спасибо, — сказал Вебстер. — Я вам очень рад.

— Ваш отец, — продолжал Джуэйн, — был замечательный человек. Я помню, вы мне столько рассказывали о нем в те годы, когда работали на Марсе. А еще вы тогда обещали когда-нибудь снова у нас побывать. Почему до сих пор не собрались?

— Дело в том, что я вообще никуда...

— Не надо объяснять, — сказал марсианин. — Я уже понял.

— Мой сын через несколько дней вылетает на Марс. Я скажу ему, чтобы навестил вас.

— Мне будет очень приятно, — ответил Джуэйн. — Я буду ждать его.

Он помялся, потом спросил:

— Ваш сын пошел по вашим стопам?

— Нет, — сказал Вебстер. — Он хочет стать конструктором. Медицина его никогда не привлекала.

— Что ж, он вправе сам выбирать себе дорогу в жизни. Но вообще-то хотелось бы...

— Конечно, хотелось бы, — согласился Вебстер. — Но тут уж все решено. Может быть, из него выйдет крупный конструктор. Космос... он думает о звездных кораблях.

— И ведь ваш род сделал достаточно для медицинской науки. Вы, ваш отец...

— И его отец тоже, — добавил Вебстер.

— Марс в долгу перед вами за вашу книгу, — сказал Джуэйн. — Может быть, теперь станет больше желающих специализироваться по Марсу. Из марсиан не получаются хорошие врачи. У нас нет нужной традиции. Странно, как различается психология обитателей разных планет. Странно, что марсиане сами не додумались — да-да, нам просто в голову не приходило, что болезни можно и нужно лечить. Медицину у нас заменял культ фатализма. Тогда как вы еще в древности, когда люди жили в пещерах...

— Зато вы додумались до многого, чего не было у нас, — сказал Вебстер. — И нам теперь странно, как это мы прошли мимо этих вещей. У вас есть свои таланты, есть области, в которых вы намного опередили нас. Взять хотя бы вашу специальность, философию. Вы сделали ее подлинной наукой, а у нас она была только щупом, которым действовали наугад. Вы создали стройную, упорядоченную систему, прикладную науку, действенное орудие.

Джуэйн открыл рот, помешкал, потом все-таки заговорил:

— У меня складывается одна концепция, совсем новая концепция, которая может дать поразительный результат. Она обещает стать действенным орудием не только для марсиан, но и для вас, людей. Я уже много лет работаю в этом направлении, а основой послужили кое-какие идеи, которые возникли у меня, когда земляне впервые прибыли на Марс. До сих пор я ничего не говорил, потому что не был убежден в своей правоте.

— А теперь убеждены?

— Не совсем, не окончательно. Почти убежден.

Они посидели молча, глядя на горы и озеро. Откуда-то прилетела птица и запела, сев на корявое дерево. Над гребнями вспухли темные тучи, и снежные пики стали похожи на мраморные надгробья. Алое зарево поглотило солнце и потускнело. Еще немного, и костер заката догорит...

Кто-то постучался в дверь, и Вебстер весь напрягся, возвращаясь к действительности, к своему кабинету и креслу.

Джуэйн исчез. Разделив с другом минуты раздумья, старый философ тихо удалился.

Снова стук в дверь.

Вебстер наклонился, щелкнул рычажком, и горы исчезли, кабинет снова стал кабинетом. За высокими окнами сгущались сумерки, в камине розовели подернутые пеплом головешки.

— Войдите, — сказал Вебстер.

Дженкинс отворил дверь.

— Обед подан, сэр, — доложил он.

— Спасибо.

Вебстер медленно поднялся на ноги.

— Ваш прибор во главе стола, сэр, — добавил Дженкинс.

— Да-да... Спасибо, Дженкинс. Большое спасибо, что напомнил.

Стоя на краю смотровой площадки, Вебстер провожал взглядом тающий в небе круг, отороченный красными вспышками, которые не могло затмить тусклое зимнее солнце.

Круг исчез, а он все стоял, сжимая пальцами перила, и глядел вверх.

Губы его зашевелились и беззвучно вымолвили: «До свидания, сынок».

Постепенно он очнулся. Заметил людей кругом, увидел теряющееся вдали летное поле с разбросанными по нему конусами космических кораблей. У одного из ангаров сновали тракторы, сгребая остатки выпавшего ночью снега.

Вебстер зябко поежился. Удивился, с чего бы это, — полуденное солнце грело хорошо, — и снова поежился.

С трудом оторвавшись от перил, он двинулся к зданию космопорта. Внезапно его обуял дикий страх — нелепый, необъяснимый страх пе-

ред бетонной плоскостью смотровой площадки. Страх сковал холодом его душу и заставил ускорить шаг.

Навстречу, помахивая портфелем, шел мужчина. «Только бы не заговорил со мной», — лихорадочно подумал Вебстер.

Мужчина не сказал ни слова, даже не посмотрел на него, и Вебстер облегченно вздохнул.

Быть бы сейчас дома... Час отдыха после ленча, в камине пылают дрова, на железной подставке мелькают красные блики... Дженкинс приносит ликер, что-то говорит невпопад...

Он прибавил шагу, торопясь поскорее уйти с холодной, голой бетонной площадки.

Странно, отчего ему так тяжело далось прощание с Томасом. Конечно, разлука вещь неприятная, это только естественно. Но чтобы в последние минуты расставания им овладел такой ужас, это никак не естественно. Ужас при одной мысли о предстоящем сыну путешествии через космос, ужас при мысли о чужом, марсианском мире, хотя Марс теперь вряд ли можно назвать чужим, земляне больше ста лет знают его, осваивают, живут в нем, некоторые даже полюбили его.

И однако лишь величайшее напряжение воли помешало ему в последние секунды перед стартом корабля выскочить на летное поле, взывая к Томасу: «Вернись! Не улетай!»

Это был бы, конечно, совершенно недопустимый поступок. Унизительная, позорная демонстрация чувств, никак не подобающая одному из Вебстеров.

В самом деле, что такое путешествие на Марс? Ничего особенного, во всяком случае, теперь. Когда-то полет на Марс был событием, но это время давно миновало. Он сам туда летал, провел на Марсе пять долгих лет. Это было... он мысленно ахнул... да, это было около тридцати лет назад.

Дежурный робот распахнул перед ним дверь зала ожидания, и в лицо ему ударил гул и рокот многих голосов. В этом гуле было что-то такое жуткое, что он на миг остановился. Потом вошел, и дверь мягко закрылась за ним.

Прижимаясь к стене, чтобы ни с кем не столкнуться, он прошел в угол к свободному креслу и съежился в нем, глядя на толчею в зале.

Люди — шумные, суетливые, с чужими, замкнутыми лицами. Чужаки, сплошь чужаки. Ни одного знакомого лица. Всем куда-то надо. Направляются на другие планеты. Спешат. В последнюю минуту что-то вспоминают. Мечутся туда-сюда...

В толпе мелькнуло знакомое лицо. Вебстер подался вперед.

— Дженкинс! — крикнул он и почувствовал неловкость, хотя никто не обратил внимания на его возглас.

Робот остановился перед ним.

— Передай Раймонду, — продолжал Вебстер, — что мне надо немедленно возвращаться домой. Пусть сейчас же подаст вертолет.

— К сожалению, сэр, — сказал Дженкинс, — мы не можем вылететь сейчас. Механики обнаружили неисправность в атомной камере и теперь заменяют ее. На это уйдет несколько часов.

— Уверен, что с этим можно подождать до другого раза, — нетерпеливо возразил Вебстер.

— Механики говорят — нельзя. Камеру может прорвать в любую минуту. И вся энергия...

— Ладно, ладно, — перебил его Вебстер, — нельзя так нельзя.

Он мял в руках свою шляпу.

— Срочное дело, — заговорил он опять. — Я только что вспомнил. Мне нужно попасть домой, я не могу ждать несколько часов.

Вебстер сидел как на иголках, глядя на мельтешащих людей.

Лица... лица...

— Может быть, вы свяжетесь по видеофону, — предложил Дженкинс. — И дадите поручение кому-нибудь из роботов. Тут есть будка...

— Погоди, Дженкинс. — Вебстер помялся, потом продолжал: — Нет у меня никаких срочных дел. Но мне непременно надо вернуться домой. Я не могу здесь оставаться. Еще немного, и я потеряю рассудок. Мне стало вдруг страшно там, на площадке. И здесь мне тоже не по себе. У меня такое чувство... странное, ужасное чувство. Дженкинс, я...

— Я понимаю вас, сэр, — ответил Дженкинс. — У вашего отца было то же самое.

— У отца?!

— Да-да, сэр, вот почему он никуда не выезжал. И началось это у него примерно в вашем возрасте. Он задумал поехать в Европу, но так и не доехал. Вернулся с полпути. Он это как-то называл.

Вебстер молчал, ошеломленный услышанным.

— Называл... — вымолвил он наконец. — Ну, конечно, есть какое-то название. Значит, и отец этим страдал... А дед как?

— Не могу знать, сэр, — ответил Дженкинс. — Когда меня создали, ваш дед был в преклонных летах. А вообще это вполне возможно. Он тоже никуда не выезжал.

— Значит, ты меня понимаешь. Знаешь, что это такое. Мне невмоготу, я заболеваю. Постарайся нанять другой вертолет, придумай что-нибудь, чтобы нам поскорее добраться до дома.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дженкинс, трогаясь с места, но Вебстер остановил его.

— Дженкинс, а кто-нибудь еще об этом знает? Кто-нибудь...

— Нет, сэр, — ответил Дженкинс. — Ваш отец никогда об этом не говорил. И не хотел, чтобы я говорил, я это чувствовал.

— Благодарю, Дженкинс, — сказал Вебстер.

Он снова съежился в кресле. Ему было тоскливо, одиноко, неуютно. Одиноко в гудящем зале, битком набитом людьми. Нестерпимое, вымотывающее душу одиночество.

Тоска по дому, вот как это называется. Самая настоящая, не приличествующая взрослому мужчине тоска по дому. Чувство, простительное подростку, который впервые покидает отчий дом и оказывается один в незнакомом мире.

Есть у этого явления мудреное название — агорафобия, что означает боязнь пространства, а если буквально перевести с греческого — страх перед рыночной площадью.

Может быть, пройти через зал к будке видеофона, соединиться с домом, поговорить с матерью или с кем-нибудь из роботов? Или еще лучше — просто посидеть и посмотреть на усадьбу, пока Дженкинс не придет за ним.

Он привстал, но тут же опять опустился в кресло. Какой смысл? Говорить, смотреть — это все не то. Не вдохнешь морозный воздух с привкусом сосны, не услышишь, как скрипит под ногами снег на дорожке, не погладишь рукой стоявшие вдоль нее могучие дубы. Не согреет тебя тепло очага, и не будет душа пронизана благодатным, покойным чувством неразделимого единства с принадлежащим тебе клочком земли и всем, что на нем стоит.

А может, все-таки станет легче? Хотя бы чуть-чуть. Он снова привстал, и опять его сковало бессилие. Мысль о двух-трех десятках шагов, отделявших его от будки, вызывала в нем ужас, нестерпимый ужас. Чтобы одолеть это пространство, придется бежать. Бежать, спасаясь от устремленных на тебя глаз, от чуждых звуков, от мучительного соседства чужих лиц.

Пронзительный женский голос рассек гудение в зале, и он сжался, как от удара. До чего же скверно, до чего отвратительно на душе. И что это Дженкинс копается...

Через открытое окно в кабинет струилось первое дыхание весны, оно сулило таяние снегов, зеленую листву и цветы, клинья перелетных птиц в голубых небесах, таящихся в заводях прожорливых лососей.

Вебстер поднял взгляд от бумаг на столе, легкий ветерок пощекотал ему ноздри, погладил щеку холодком. Рука потянулась за коньячной рюмкой, но рюмка была пуста, и он поставил ее на место.

Снова наклонился над бумагой, взял карандаш и вычеркнул какое-то слово.

Потом придирчиво прочел заключительные абзацы главы:

«Тот факт, что из двухсот пятидесяти человек, приглашенных мной для обсуждения достаточно важных вопросов, приехали только трое, еще не означает, что все остальные страдают агорафобией. Вполне воз-

можно, что уважительные причины помешали многим принять мое приглашение. И все же есть основания говорить о растущем нежелании людей, быт которых определяется укладом, возникшим после распада городов, покидать привычные места, об усиливающемся стремлении не расставаться с окружением, ассоциирующимся с представлением об уюте и полном довольстве.

Сейчас нельзя точно предсказать, чем чревата такая тенденция, ведь пока она коснулась только малой части обитателей Земли. В больших семьях материальные обстоятельства вынуждают кого-то из сыновей искать счастья в других краях, даже на других планетах. Многих манит космос с его приключениями и возможностями, а многие избирают такое занятие, которое само по себе исключает сидячий образ жизни».

Он перевернул страницу и пробежал всю статью до конца.

Стоящая статья, несомненно, но публиковать ее нельзя, сейчас нельзя. Может быть, после его смерти. Насколько он мог судить, еще никто не подметил этой тенденции, все воспринимают домоседство как нечто естественное. В самом деле, зачем куда-то ездить?

«Чревато определенными угрозами...» — пробормотал телевизор рядом с ним, и он протянул руку к переключателю.

Кабинет растаял, и он увидел прямо перед собой человека, сидящего за рабочим столом, который казался продолжением стола Вебстера.

Седые волосы, печальные глаза за толстыми линзами очков. Удивительно знакомое лицо...

— Неужели... — заговорил наконец Вебстер.

Его собеседник угрюмо улыбнулся.

— Да, я изменился, — сказал он. — Вы тоже. Моя фамилия Клейборн. Вспомнили? Марс, медицинская бригада...

— Клейборн. Я о вас часто думал. Вы остались на Марсе.

Клейборн кивнул.

— Я прочел вашу книгу, доктор. Первоклассный труд, очень нужный. Я много раз сам собирался сесть и написать такую книгу, но все некогда. И очень хорошо, что не собрался. Вы справились с задачей гораздо лучше. Особенно хорош раздел о мозге.

— Марсианский мозг всегда меня занимал, — сказал Вебстер. — Есть некоторые специфические особенности. Боюсь, я тогда уделял ему больше времени, чем имел на это право. Нас ведь не за тем послали.

— Вы поступили правильно, — ответил Клейборн. — Я потому и обратился к вам теперь. У меня тут есть пациент — операция на мозге. Только вы можете справиться.

— Вы доставите его сюда? — У Вебстера перехватило дыхание, задрожали руки.

Клейборн покачал головой.

— Его нельзя перевозить. Да вы его, наверно, знаете, это философ Джуэйн.

— Джуэйн! Он один из моих лучших друзей. Мы же с ним разговаривали два дня назад.

— Внезапный приступ, — сказал Клейборн. — Он хотел вас видеть.

Вебстер онемел, скованный холодом — непостижимым холодом, от которого лоб его покрылся испариной, пальцы сжались в кулак.

— Вы можете успеть, если отправитесь немедленно, — продолжал Клейборн. — Я уже договорился с Всемирным комитетом, чтобы вам тотчас предоставили корабль. Сейчас все решает быстрота.

— Но... — заговорил Вебстер. — Но... я не могу прилететь.

— Не можете прилететь?!

— Это не в моих силах, — сказал Вебстер. — И вообще, почему непременно я? Вы прекрасно...

— Нет, я не справлюсь, — перебил его Клейборн. — Только вы — только у вас есть необходимые знания. Жизнь Джуэйна в ваших руках. Если вы прилетите, он будет жить. Не прилетите — умрет.

— Я не могу отправиться в космос.

— Космические полеты всем доступны, — отрезал Клейборн. — Это не то что прежде. Вас подготовят, создадут любые условия.

— Вы не понимаете, — взмолился Вебстер. — Вы...

— Не понимаю, — подтвердил Клейборн. — Мне совершенно непонятно, чтобы человек мог отказаться спасти другу жизнь...

Они долго смотрели в упор друг на друга, не произнося ни слова.

— Я передам в комитет, чтобы ракету подали прямо к вашему дому, — сказал наконец Клейборн. — Надеюсь, к тому времени вы решитесь.

Клейборн пропал, и стена вернулась на свое место. Стена и книги, камин и картины, милая сердцу мебель, дыхание весны из открытого окна.

Вебстер сидел неподвижно в кресле, глядя на стену перед собой.

Джуэйн... Мохнатое лицо в морщинах, свистящий шепот. Дружелюбный, проницательный Джуэйн. Познавший вещество, из которого соткана грезы, и вылепивший из него логику, нормы жизни и поведения. Джуэйн, для которого философия — прикладная наука, орудие, средство усовершенствовать жизнь.

Вебстер спрятал лицо в руках, борясь с нахлынувшим на него отчаянием.

Клейборн не понял его. Да и откуда ему понять, ведь он не знает, в чем дело. А хотя бы и знал... Разве он, Вебстер, сумел бы понять другого человека, не испытай он сам неодолимый ужас при мысли о том, чтобы покинуть родной очаг, родной край, свои владения — эту кумирню, которую он себе воздвиг? Впрочем, не он один, ее воздвигали все Вебстеры. Начиная с первого Джона Дж. Мужчины и женщины, созидавшие привычный уклад, священную традицию.

В молодости он, Джером А. Вебстер, летал на Марс и не подозревал о гнездящейся в его жилах психологической отраве. Как улетел Томас

несколько месяцев назад. Но тридцать лет безмятежного бытия в логове, которое стало Вебстерам родным домом, привели к тому, что эта отрава достигла пагубной концентрации незаметно для него. Да у него просто не было случая заметить ее.

Теперь-то ясно, как это вышло, абсолютно ясно. Привычка и умственный стереотип, понятие о счастье, обусловленное определенными вещами, которые сами по себе не обладают вещественной ценностью, но твой род — пять поколений Вебстеров — сообщил им вполне конкретную, определенную ценность.

Неудивительно, что в других местах тебе неуютно, неудивительно, что тебя оторопь берет при одной мысли о чужих горизонтах.

И ничего тут не поделаешь. Разве что кто-нибудь срубит все деревья до одного, спалит дом и изменит течение рек и ручьев. Да и то еще неизвестно...

Телевизор зажужжал, Вебстер поднял голову и нажал рукой рычажок. Кабинет озарился белым сиянием, но изображения не было. Чей-то голос сказал:

— Секретный вызов. Секретный вызов.

Вебстер отодвинул филенку в аппарате, покрутил два диска и услышал гудение тока в экранирующем устройстве.

— Есть секретность, — сказал он.

Белое сияние погасло, и по ту сторону стола возник человек, которого он видел не раз в телевизионных выпусках известий, на страницах газеты.

Гендерсон, председатель Всемирного комитета.

— Ко мне обратился Клейборн, — начал Гендерсон.

Вебстер молча кивнул.

— Он говорит, вы наотрез отказываетесь лететь на Марс.

— Ничего подобного, — возразил Вебстер. — Мы не договорили, когда он отключился. Я сказал ему, что не в силах лететь, но он стоял на своем, не хотел меня понять.

— Вебстер, вы должны лететь, — сказал Гендерсон. — Только вы достаточно изучили мозг марсиан и можете провести эту операцию. Если бы не такой серьезный случай, возможно, справился бы кто-нибудь другой. Но тут такое дело...

— Может быть, вы и правы, — сказал Вебстер. — Но...

— Речь идет не просто о спасении жизни, — продолжал Гендерсон. — Пусть даже жизни такого видного деятеля, как Джуэйн. Тут все гораздо сложнее. Джуэйн ваш друг. Вероятно, он вам говорил о своем открытии.

— Да, — подтвердил Вебстер. — Он говорил о какой-то новой философской концепции.

— Эта концепция исключительно важна для нас, — объяснил Гендерсон. — Она преобразит Солнечную систему, за несколько десятков лет продвинет человечество вперед на сто тысячелетий. Речь идет о

совсем новой перспективе, о новой цели, которой мы себе и не представляли до сих пор. Совершенно новая истина, понимаете? Которая еще никому не приходила в голову.

Вебстер стиснул руками край стола так, что суставы побелели.

— Если Джуэйн умрет, — сказал Гендерсон, — концепция умрет вместе с ним. И возможно, будет утрачена навсегда.

— Я постараюсь, — ответил Вебстер. — Постараюсь...

Глаза Гендерсона посуровели.

— Это все, что вы можете сказать?

— Да, все.

— Но, помилуйте, должна же быть какая-то причина! Какое-то объяснение!

— Это уж мое дело, — сказал Вебстер.

Решительным движением он нажал выключатель.

Сидя у рабочего стола, Вебстер рассматривал свои руки. Искусные, знающие руки. Руки, которые могут спасти больного, если он их доставит на Марс. Могут спасти для человечества, для марсиан, для всей Солнечной системы идею — новую идею, которая за несколько десятков лет продвинет их вперед на сто тысячелетий. Но руки эти скованы фобией, следствием тихой, безмятежной жизни. Регресс — по-своему пленительный... И гибельный.

Двести лет назад человек покинул многолюдные города, эти коллективные берлоги. Освободился от древних страхов и суеверий, которые заставляли людей жаться к костру, распростился с нечистью, которая вышла вместе с ним из пещер.

Но вот поди ж ты...

Опять берлога. Берлога не для тела, а для духа. Психологический родовой костер со своим световым кругом, переступить который нет сил.

Но он должен, он обязан переступить круг. Подобно тому, как люди двести лет назад покинули города, так и он обязан сегодня выйти из этого дома. И не оглядываться назад.

Он должен лететь на Марс. Хотя бы сесть в ракету. Никаких «но», он обязан отправиться в путь.

Выдержит ли он полет, сможет ли провести операцию, если благополучно прибудет на место, этого он не знал. Может ли агорафобия стать причиной смерти? В острой форме, пожалуй, может...

Он протянул руку к колокольчику, но остановился. Зачем беспокоить Дженкинса? Лучше самому собрать вещи. Будет какое-то занятие, пока придет ракета.

Сняв с верхней полки стенного шкафа в спальне чемодан, он обнаружил на нем пыль. Подул, однако пыль не хотела отставать. Слишком много лет она копилась.

Пока он собирал вещи, комната спорила с ним.

«Ты не можешь уехать, — говорила она, как говорят с человеком неодушевленные предметы, с которыми его связывает давняя привычка. — Не можешь меня бросить».

«Я должен ехать, — виновато оправдывался Вебстер. — Как ты не понимаешь? Речь идет о друге, моем старом друге. Я вернусь».

Покончив со сборами, он прошел в кабинет и тяжело опустился в кресло. Он должен ехать, но не в силах... Ничего, когда придет ракета, когда настанет время, он сможет — он выйдет из дома и направится к ожидающему кораблю.

Вебстер упорно настраивал себя на нужный лад, зажимая ум в тиски одной-единственной мысли: он уезжает.

А окружающие вещи не менее упорно вторгались в сознание, точно сговорились удержать его дома. Он смотрел на них так, словно видел впервые. Старые, привычные предметы вдруг стали новыми. Хронометр, показывающий земное время, марсианское время, дни недели и фазы луны. Фотография умершей жены. Школьные награды. Сувенирный доллар в рамке — память о полете на Марс — стоимостью в десять обыкновенных долларов.

Он рассматривал их, сперва нехотя, потом жадно, запечатлевая в памяти каждый предмет. Теперь он видел их отдельно от комнаты, с которой все эти годы они составляли нечто неразделимое для него, — он даже не представлял себе, как много единиц составляет это единство.

Сгущались сумерки — сумерки ранней весны, сумерки, пахнущие пушистой вербой.

...Где же ракета? Он поймал себя на том, что напрягает слух, хотя знал, что ничего не услышит. Атомные двигатели гудят только в те минуты, когда корабль наращивает скорость. А садится и взлетает он бесшумно, как пушинка.

Ракета скоро прилетит. Она должна прилететь скоро, иначе он никуда не поедет. Если ожидание затянется, его вымученная решимость растает, как снег под дождем. Он не сможет устоять в поединке с настойчивым призывом комнаты, с переливами огня в камине, с бормотанием земли, на которой прожили свою жизнь и нашли вечный покой пять поколений Вебстеров. Он закрыл глаза, подавляя озноб. Не поддаваться, ни в коем случае не поддаваться! Надо выдержать. Когда придет ракета, он должен найти в себе силы встать и выйти из дома...

Послышался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Вебстер.

Это был Дженкинс; его металлический кожух переливался блестками в свете пылающего камина.

— Вы не звали меня, сэр? — спросил он.

Вебстер отрицательно покачал головой.

— Я боялся, вы меня позовете и будете удивляться, почему я не иду. Меня отвлекло нечто из ряда вон выходящее, сэр. Два человека прилетели на ракете и заявили, что должны отвезти вас на Марс.

— Прилетели... Почему ты меня сразу не позвал?

Он тяжело поднялся на ноги.

— Я не видел причин беспокоить вас, сэр, — ответил Дженкинс. — Такая нелепость! Мне удалось втолковать им, что вы и не помышляете о том, чтобы лететь на Марс.

Вебстер оцепенел, сердце его похолодело от ужаса. Руки нащупали край стола, он опустился в кресло и ощутил, как стены кабинета смыкаются вокруг него — смыкается западня, из которой ему никогда не вырваться.

Комментарий к третьему преданию

Для полюбивших это предание тысяч читателей оно примечательно тем, что здесь впервые выступают Псы. Исследователю видится в нем гораздо больше. По существу, это повесть о вине и суетности. Продолжается распад людского, Человека преследует чувство вины, а присущие ему метания и неустойчивость приводят к тому, что появляются люди-мутанты.

Предание пытается рационалистически объяснить мутации, доходит до того, что Псы изображаются как некая модификация исходной расы. Согласно преданию, без мутаций невозможно совершенствование вида, однако ничего не говорится о том, что для устойчивости общества необходим определенный статический фактор. Весь цикл отчетливо свидетельствует, что род людской недооценивал устойчивость.

Резон, который тщательно проштудировал цикл, чтобы подкрепить свое утверждение, будто предания на самом деле созданы Человеком, считает, что ни один Пес не стал бы выдвигать мутационную гипотезу, как совершенно несовместимую с убеждениями его народа. Подобное воззрение, заявляет он, могло родиться только в каком-то ином разуме.

Однако Разгон отмечает, что цикл изобилует примерами, когда суждения, прямо противоположные псовой логике, излагаются сочувственно. Перед нами, говорит он, всего лишь типичный прием искусного рассказчика, который смещает ценности, добиваясь разительного драматического эффекта.

В том, что Человек намеренно выведен как персонаж, осознающий свои изъяны, нет никакого сомнения. Одно из действующих лиц комментируемого предания, Грант, мечтает об уме, «свободном от шор», и совершенно ясно, что он подразумевает какие-то изъяны человеческого мышления. Он говорит Нэтэниелу, что люди всегда чем-то озабочены. С каким-то инфантильным простодушием он уповает на теорию Джуэйна как на средство, которое еще может спасти род людской.

И тот же Грант, видя, что наклонность к разрушению заложена в самой сути его сородичей, в конце поручает Нэтэниелу продолжать начинания человечества.

Из всех персонажей цикла Нэтэниел, вероятно, единственный, у кого есть реальный исторический прообраз. Имя «Нэтэниел» часто встречается в других родовых преданиях. Конечно, Нэтэниел заведомо не мог совершить всего того, что приписывают ему эти предания, тем не менее принято считать, что он жил на самом деле и играл видную роль. Естественно, теперь за давностью нельзя установить, в чем именно заключалась эта роль.

Род Вебстеров, с которым мы познакомились еще в первом предании, занимает важное место и во всех остальных частях цикла. Можно видеть в этом дополнительное подтверждение выводов Резона, однако не исключено, что и здесь речь идет о приеме искусного сказителя, род Вебстеров нужен лишь для того, чтобы нанизать на один стержень предания, которые в остальном довольно слабо связаны между собой.

Того, кто склонен все читаемое понимать буквально, наверно, возмутит намек на то, что Псы представляют собой продукт вмешательства Человека. Борзый, для которого весь цикл не что иное как миф, считает, что тут перед нами стародавняя попытка объяснить происхождение нашего рода. Отсутствие подлинного знания прикрывается толкованием, подразумевающим этакое вмешательство свыше. Простой и для неразвитого ума вполне приемлемый и убедительный способ объяснять то, о чем совсем ничего не известно.

III

ПЕРЕПИСЬ

Ричард Грант сидел, отдыхая, у журчащего ручья, который стремительно скатывался вниз по склону и пересекал извилистую тропу. Вдруг мимо него прошмыгнула белка и мигом взбежала вверх по стволу могучего гикори. Следом за белкой, в вихре сухих листьев, из-за поворота выскочил маленький черный пес.

Заметив Гранта, пес круто остановился; глаза его сверкали веселым озорством.

Грант усмехнулся.

— Здорово, — сказал он.

— Привет, — отозвался пес, виляя хвостом.

Грант сел прямо и удивленно разинул рот. Пес стоял и смеялся, вывесив язык красной тряпкой.

Грант показал большим пальцем на дерево.

— Твоя белка там, наверху.

— Спасибо, — ответил пес. — Я знаю. Слышу запах.

Грант быстро оглянулся. Розыгрыш? Кто-то балуется чревовещанием? Однако он никого не увидел. Лес был пуст, если не считать его самого, пса, бурлящий ручей и возбужденно цокающую белку.

Пес подошел ближе.

— Меня зовут Нэтэниел, — сказал он.

Сам сказал. Никакого сомнения. Речь почти как у человека, только очень тщательно выговаривает слова, как обучающийся чужому языку. И необычное произношение, какой-то неуловимый акцент...

— Я живу тут за горой, — сообщил Нэтэниел. — У Вебстеров.

Он сел и застучал хвостом по сухим листьям. Его морда выражала полное блаженство.

Внезапно Грант щелкнул пальцами.

— Брюс Вебстер! Ну конечно. Как я сразу не сообразил. Рад познакомиться, Нэтэниел.

— А вы кто? — спросил Нэтэниел.

— Я? Ричард Грант, счетчик.

— А что такое счет... счет...

— Счетчик считает людей, — объяснил Грант. — Я занимаюсь переписью.

— Я еще многих слов не знаю, — сказал Нэтэниел.

Он встал, подошел к ручью, шумно полакал, потом распластался на земле рядом с человеком.

— Стрельнете белку? — спросил он.

— А тебе этого хочется?

— Конечно.

Но белка уже исчезла. Они обошли вокруг дерева, придирчиво осматривая почти голые ветви. Ни торчащего из мячика пушистого хвоста, ни устремленных на них бусинок глаз... Пока они разговаривали, белка улизнула.

Нэтэниел был явно обескуражен, но долго унывать не стал.

— Останьтесь на ночь у нас! — предложил он. — А утром пойдем на охоту. Весь день будем охотиться!

Грант рассмеялся.

— Зачем же вас затруднять. Я привык спать на воле.

— Брюс будет вам рад, — настаивал Нэтэниел. — И Дед не станет возражать. Он все равно плохо соображает.

— А кто это Дед?

— Его настоящее имя Томас, — сказал Нэтэниел. — Но мы все зовем его Дедом. Он отец Брюса. Ужасно старый. Весь день сидит и думает про одно дело, которое было давным-давно.

— Знаю, — кивнул Грант. — Джуэйн...

— Вот-вот, — подтвердил Нэтэниел. — А что это такое?

Грант покачал головой.

— Боюсь, Нэтэниел, я не сумею объяснить. Сам толком не знаю.

Он вскинул на плечо вещевой мешок, потом нагнулся и почесал псу за ухом. Нэтэниел осклабился от удовольствия.

— Спасибо, — сказал он и побежал по тропе.

Грант последовал за ним.

Томас Вебстер сидел на лужайке, глядя вдаль на вечерние холмы.

Завтра мне исполнится восемьдесят шесть, думал он. Восемьдесят шесть... Чертова уйма лет. Пожалуй, даже чересчур много для одного человека. Особенно когда он не способен больше ходить и глаза начинают отказывать.

Элси испечет какой-нибудь дурацкий торт с кучей свечек, роботы преподнесут мне подарок, и Брюсовы собаки придут поздравить меня с днем рождения и повилять хвостами. Будут также поздравления по видеофону — надо думать, не так уж много. Я буду пыжиться и твердить, что доживу до ста лет, и все будут хихикать в кулак и говорить: «Ну, расхвастался старый дурень».

Восемьдесят шесть лет, и было у меня в жизни два заветных замысла, один удалось осуществить, другой — нет.

Из-за гребня, каркая, вылетела ворона, скользнула вниз, в долину, и пропала в тени. На реке, далеко-далеко, крякали дикие утки.

Скоро появятся звезды. Теперь рано темнеет. Томас Вебстер любил смотреть на них. Звезды!.. Он довольно погладил ладонями подлокотники качалки. Видит бог, звезды — его конек. Навязчивая идея? Допустим. Но и средство стереть давнишнее пятно, щит, который оградит их род от сплетников, называющих себя историками. И Брюс тоже молодец. Эти его псы...

Кто-то прошел по траве за его спиной.

— Ваше виски, сэр, — сказал голос Дженкинса.

Томас Вебстер уставился на робота, потом взял с подноса рюмку.

— Благодарю, Дженкинс.

Он покрутил пальцами рюмку.

— Скажи, Дженкинс, сколько лет ты у нас подаешь виски?

— Вашему отцу подавал... А еще раньше — его отцу.

— Новости есть? — спросил старик.

Дженкинс покачал головой.

— Никаких.

Томас Вебстер сделал маленький глоток.

— Значит, они вышли далеко за пределы Солнечной системы. Так далеко, что даже станция на Плутоне не может их ретранслировать. Прошли полпути до Альфы Центавра, если не больше. Мне бы только дожить...

— Доживете, сэр, — сказал Дженкинс. — Я печенкой чувствую.

— Откуда у тебя печенка? — возразил старик.

Он медленно потягивал виски, придирчиво проверяя вкус языком. Опять воды слишком много. Говори не говори... На Дженкинса злиться нет смысла, это все доктор, чтоб его! Каждый раз заставляет Дженкинса разбавлять чуть больше. Тут жить всего-то ничего осталось, а тебе даже выпить не дают по-человечески...

— Что это там? — спросил он, показывая на взбирающуюся на бугор тропу.

Дженкинс повернулся и посмотрел.

— Похоже, сэр, Нэтэниел к нам гостя ведет.

Псы дружно пожелали спокойной ночи и ушли.

Брюс Вебстер улыбнулся, провожая их взглядом.

— Славная компания, — сказал он и продолжал, обращаясь к Гранту: — Представляю себе, как Нэтэниел напугал вас сегодня.

Грант поднял рюмку с бренди, поглядел на свет.

— Что правда, то правда. Напугал. Но тут же я вспомнил, что читал про ваши занятия. Конечно, это не по моей части, но о вашей работе написано немало популярных статей, язык там вполне доступный.

— Не по вашей части? — удивился Вебстер. — Но разве...

Грант рассмеялся.

— Я понимаю: переписчик... Счетчик, так сказать. Это я, никуда не денешься.

Вебстер смешался, самую малость.

— Простите, мистер Грант, я не хотел вас...

— Что вы, что вы, — успокоил его Грант, — я привык. Для всех я человек, который записывает фамилию, имя, возраст обитателей усадьбы и отправляется дальше. Естественно, так проводились переписи в старину. Чистый подсчет, только и всего. Статистическое мероприятие. Но не забудьте, последняя перепись проводилась больше трехсот лет назад. С тех пор многое на свете произошло, немало перемен.

— Интересно, — сказал Вебстер. — У вас этот массовый учет выглядит даже как-то зловеще.

— Чего там зловещего, — возразил Грант. — Все вполне логично. Мы занимаемся анализом. Важно не столько количество людей, а что за люди живут на свете, о чем они помышляют, чем занимаются.

Вебстер сел глубже в кресле, вытянул ноги к пылающему камину.

— Другими словами, вы собираетесь подвергнуть меня психоанализу, мистер Грант? — Вебстер опустошил рюмку и поставил ее на стол.

— В этом нет необходимости. Всемирный комитет знает все, что ему надо знать, о таких людях, как вы. Речь идет о других, у вас здесь их называют горянами, на севере — дикими лесовиками, на юге — еще как-то. Тайное, позабытое племя, люди, которые ушли в дебри, задали стрекача, как только Всемирный комитет ослабил государственные узы.

Вебстер прокашлялся.

— Ослабить государственные узы было необходимо, — сказал он. — История это докажет. Пережитки отягощали государственную структуру еще до появления Всемирного комитета. Как триста лет назад не стало смысла в городских властях, так теперь нет надобности в национальных правительствах.

— Вы совершенно правы, — согласился Грант. — Но ведь с ослаблением авторитета государства ослабла и его власть над отдельным человеком. Стало проще простого устроить свою жизнь вне рамок государства, отречься от его благ и от обязательств перед ним. Всемирный комитет не противился этому. Ему было не до того, чтобы заниматься недовольными и безответственными элементами. А их набралось предостаточно. Взять хотя бы фермеров, у которых гидропоника отняла кусок хлеба. Как они поступили? Откололись. И вернулись к примитивному быту. Что-то выращивали, охотились, ставили капканы и силки, заготавливали дрова, помаленьку воровали. Лишенные средств к существованию, они повернули вспять, возвратились к земле, и земля их кормила.

— Это было триста лет назад, — сказал Вебстер. — Всемирный комитет махнул рукой на них. Не совсем, конечно, для них делали что могли, но и не особенно беспокоились, это верно, если кто-то ударялся в бега. С чего же вдруг такой интерес?

— Да просто теперь наконец руки дошли, надо думать.

Грант пытливо посмотрел на хозяина дома. Вебстер сидел перед камином в непринужденной позе, но в лице его чувствовалась сила, и контрастная игра светотеней на суровых чертах создавала почти сюрреалистический портрет.

Грант порылся в кармане, достал трубку, набил ее табаком.

— Есть еще одна причина, — произнес он.

— Что?

— Я говорю, есть еще причина, почему затеяли перепись. Вообще-то ее все равно провели бы, общая картина населения земного шара всегда пригодится. Но не только в этом дело.

— Мутанты, — сказал Вебстер.

Грант кивнул.

— Совершенно верно. А как вы догадались?

— Я работаю с мутациями, — объяснил Вебстер. — Вся моя жизнь связана с ними.

— Появляются образцы совсем необычного художественного творчества, — продолжал Грант. — Нечто совершенно новое. Свежие, новаторские литературные произведения. Музыка, которая не признает традиционных выразительных средств. Живопись, не похожая ни на что известное. И все это анонимно или подписано псевдонимами.

Вебстер усмехнулся.

— И конечно, тайна не дает покоя Всемирному комитету.

— Дело даже не в этом, — говорил Грант. — Комитет волнует не столько литература и искусство, сколько другие, менее очевидные вещи. Само собой, если где-то подспудно возникает ренессанс, он должен прежде всего выразиться в новых формах искусства и литературы. Но ведь этим ренессанс не исчерпывается...

Вебстер сел еще глубже в кресле и подпер подбородок ладонями.

— Кажется, я понимаю, куда вы клоните, — произнес он.

Они долго сидели молча, только огонь потрескивал да осенний ветер о чем-то хмуро шептался с деревьями за окном.

— И ведь была возможность, — заговорил Вебстер, словно размышляя вслух. — Возможность открыть дорогу новым взглядам, расчистить мусор, который накопился за четыре тысячи лет в сознании людей. Но один человек все смазал.

Грант поежился, тут же спохватился — не заметил Вебстер его реакцию? — и замер.

— Этот человек, — продолжал Вебстер, — был мой дед...

Грант почувствовал, что надо что-то сказать, дальше молчать просто нельзя.

— Но Джуэйн мог и ошибиться, — произнес он. — Может быть, на самом деле никакой новой философии вовсе и не было.

— Как же, мы хватаемся за эту мысль как за соломинку. Да только вряд ли это так. Джуэйн был великий философ, пожалуй, величайший из всех философов Марса. Если бы он тогда выжил, он создал бы новое учение, я в этом не сомневаюсь. Но он не выжил. Не выжил, потому что мой дед не мог вылететь на Марс.

— Ваш дед не виноват, — сказал Грант. — Он хотел, он пытался лететь. Но человек бессилен против агорафобии.

Вебстер взмахом руки отмел его слова.

— Что было, то было. Тут уж ничего не воротишь, и мы вынуждены из этого исходить. И так как мой род, мой дед...

У Гранта округлились глаза, его вдруг осенило:

— Псы! Вот почему вы...

— Вот именно, псы, — подтвердил Вебстер.

Издалека, с реки, вторя плачу ветра в листве, донесся жалобный звук.

— Енот, — заметил Вебстер. — Сейчас псы начнут рваться на волю.

Звук повторился, вроде бы ближе, а может быть, это только показалось.

Вебстер выпрямился в кресле, потом наклонился вперед, глядя на огонь в камине.

— И в самом деле, почему бы не попробовать? — рассуждал он. — У пса есть индивидуальность. Это сразу чувствуется, какого ни возьми. Что ни пес — свой нрав, свой темперамент. И все умные, пусть в разной степени. А больше ничего и не требуется: толика разума и осмысливающая себя индивидуальность.

Все дело в том, что природа с самого начала поставила их в невыгодные условия, создала им две помехи: они не могли говорить и не могли ходить прямо, а значит, не было возможности развиться рукам. Если бы отнять у нас речь и руки и отдать им, мы могли стать псами, а псы — людьми.

— Для меня это совсем ново, я как-то никогда не представлял себе ваших псов мыслящими созданиями, — сказал Грант.

— Еще бы, — в голосе Вебстера был оттенок горечи. — Иначе и быть не могло. Вы смотрели на них так же, как большинство людей до сих пор смотрит. Ученые собачки, домашние животные, забавные зверюги, которые теперь еще могут даже разговаривать с вами. Но разве этим дело исчерпывается? Вовсе нет, Грант, клянусь вам. До сих пор человек шел путями разума один-одинешенек, обособленный от всего живого. Так представьте себе, насколько дальше мы могли бы продвинуться и насколько быстрее, будь на свете два сотрудничающих между собой мыслящих, разумных вида. Ведь они мыслили бы по-разному! И сверялись бы друг с другом. Один спасует — другой додумается. Как в старину говорили — ум хорошо, два лучше.

Представляете себе, Грант? Другой разум, отличный от человеческого, но идущий с ним рука об руку. Разум, способный заметить и осмыслить вещи, недоступные человеку, способный, если хотите, создать философские системы, каких не смог создать человек.

Он протянул к огню руки, растопырив длинные властные пальцы с узловатыми суставами.

— Они не могли говорить, и я дал им речь. Это было нелегко, ведь язык и гортань собаки не приспособлены для членораздельной речи. Но хирургия сделала свое — не сразу, конечно, через промежуточные этапы — хирургия и скрещивание. Зато теперь... теперь, надеюсь... конечно, утверждать что-нибудь рано...

Грант взволнованно наклонился к нему.

— Вы хотите сказать, что перемены, которые вы внесли, передаются по наследству? Хирургические коррективы закрепились в генах?

Вебстер покачал головой.

— Сейчас еще рано что-нибудь утверждать. Но лет через двадцать я, пожалуй, смогу вам ответить.

Он взял со стола бутылку с бренди и вопросительно поглядел на Гранта.

— Благодарю, — кивнул тот.

— Я плохой хозяин, — извинился Вебстер. — Вы распоряжайтесь сами.

Он поглядел на огонь через рюмку.

— У меня был хороший материал. Собаки сметливый народ. Сметливее, чем вы думаете. Обыкновенная дворняга различает полсотни слов, больше, вплоть до ста. Добавьте вторую сотню, вот вам уже и обиходная лексика. Может быть, вы обратили внимание на речь Нэтэниела. Самые простые, необходимые слова.

Грант кивнул:

— Простые и короткие. Он сам сказал мне, что многого еще не может выговорить.

— В общем, работы еще непочатый край, — продолжал Вебстер. — Главное впереди. Взять хотя бы чтение. Собака видит не так, как мы с вами. Я экспериментировал с линзами, они корректируют зрение собак, так что оно приближается к нашему. Не поможет — есть другой способ. Пусть человек подлаживается, научимся печатать такие книги, чтобы псы могли их читать.

— А сами псы, они что об этом думают?

— Псы? — повторил Вебстер. — Хотите верьте, хотите нет, Грант, — они в восторге. И дай им бог... — добавил он, уставившись на пламя.

Следом за Дженкинсом Грант поднялся на второй этаж, где помещались спальни, но в коридоре его окликнул скрипучий голос из-за приоткрытой двери.

— Это вы, приятель?

Грант озадаченно остановился.

— Это старый хозяин, сэр, — прошептал Дженкинс. — Ему часто не спится.

— Да! — отозвался Грант.

— Устали? — спросил голос.

— Не очень.

— Тогда зайдите ко мне, — пригласил старик.

Томас Вебстер сидел в постели, обложенный подушками, в полосатом ночном колпаке. Он перехватил удивленный взгляд Гранта.

— Лысею... Зябко без головного убора. А шляпу в постель не наденешь.

Потом прикрикнул на Дженкинса:

— А ты что стоишь? Не видишь, гостю выпить надо?

— Слушаюсь, сэр. — Дженкинс удалился.

— Садитесь, — предложил Томас Вебстер. — Садитесь и приготовьтесь слушать. Я как наговорюсь, потом лучше засыпаю. Да и не каждый день мы новые лица видим.

Грант сел.

— Ну как вам мой сын? — спросил старик.

— Ваш сын?.. — Необычный вопрос озадачил Гранта. — Ну, по-моему, он просто молодец. То, чего он добился с собаками...

Старик усмехнулся.

— Ох уж этот Брюс со своими собаками! Я вам не рассказывал, как Нэтэниел сцепился со скунсом? Конечно, не рассказывал. Мы с вами еще двумя словами не перемолвились.

Его руки скользнули по простыням, длинные пальцы нервно теребили ткань.

— У меня ведь еще сынок есть, Ален. Я его просто Алом зову. Он сейчас далеко от Земли, так далеко еще ни один человек не забирался. К звездам летит.

Грант кивнул.

— Знаю. Читал. Экспедиция на Альфу Центавра.

— Мой отец был хирургом, — продолжал Томас Вебстер. — Хотел и меня врачом сделать. Должно быть, сильно переживал, что я не пошел по его следам. Но если бы он дожил до этого дня, он сейчас гордился бы нами.

— Вам не надо бояться за сына, — сказал Грант. — Он...

Взгляд старика остановил его:

— Я сам построил корабль. Конструировал, наблюдал за сборкой. Космос сам по себе ему не страшен, он дойдет до цели. И парень у меня молодчина. Если надо, сквозь ад эту колымагу проведет.

Он сел попрямее, при этом подушки сдвинули его колпак набекрень.

— У меня есть еще одна причина верить, что он достигнет цели и благополучно вернется домой. Тогда я не придал этому особенного значения, но в последнее время все чаще вспоминаю и задумываюсь... может быть, на самом деле... уж не...

Он перевел дух.

— Только не подумайте, я не религиозный.

— Ну конечно же, — сказал Грант.

— То есть ничего похожего, — твердил Вебстер.

— Какая-нибудь примета? — спросил Грант. — Предчувствие? Озарение?

— Ни то, ни другое, ни третье, — заявил старик. — А почти полная уверенность, что фортуна за меня. Что именно мне было предначертано построить корабль, который решит эту задачу. Кто-то где-то надумал, что пора уже человеку достичь звезд и не худо бы ему немного подсобить.

— Можно подумать, что вы подразумеваете какой-то случай, — сказал Грант. — Какое-то реальное событие, которое дает вам право верить в успех экспедиции.

— Провалиться мне на месте, — подхватил Вебстер. — Я это самое и подразумевал. А случилось это событие двадцать лет назад, на лужайке перед этим самым домом.

Он сел еще прямее, в груди у него сипело.

— Понимаете, я тогда был совершенно выбит из седла. Рухнуло все, о чем я мечтал. Годы потрачены впустую. Основной принцип — как достичь необходимых для межзвездных полетов скоростей, — никак не давался мне в руки. И что хуже всего, я знал, что не хватает пустяка. Осталось сделать маленький шажок, внести в проект какую-то ничтожную поправку. Но какую?

И вот сижу я на лужайке, настроение хуже некуда, чертеж лежит на траве передо мной. Я с ним не расставался, всюду носил с собой и смотрел на него, все надеялся, что меня вдруг осенит. Вы знаете, иногда так бывает...

Грант кивнул.

— Ну вот, сижу и вижу — идет человек. Из этих, горян. Вы знаете, кто такие горяне?

— Конечно, — сказал Грант.

— Да... Идет он развинченной походочкой с таким видом, словно в жизни никаких забот не знал. Подошел, остановился за спиной у меня, поглядел на чертеж и спрашивает, чем это я занят. «Космический движитель», — говорю. Он нагнулся и взял чертеж. Я подумал — пусть берет, все равно он в этом ничего не смыслит. Да и чертеж-то никчемный.

А он поглядел на него, потом возвращает мне и показывает пальцем. «Вот, — говорит, — где загвоздка». Повернулся — и ходу. А я сижу и гляжу ему вслед, не то чтобы окликнуть его — слова вымолвить не могу, так он меня огорошил.

Старик сидел очень прямо в сбившемся набок ночном колпаке, вперив взгляд в стену. За окном гулкий ветер ухал под застрехами. Казалось, в ярко освещенную комнату вторглись призраки, хотя Грант твердо знал, что их нет.

— А потом вам удалось найти его? — спросил он.

Старик покачал головой.

— Нет, он словно сквозь землю провалился.

Вошел Дженкинс, поставил рюмку на столик возле кровати.

— Я еще приду, сэр, — обратился он к Гранту. — Покажу вам вашу спальню.

— Не беспокойтесь, — ответил Грант. — Только объясните, я сам найду.

— Как изволите, сэр. Это третья дверь по коридору. Я включу свет и оставлю дверь открытой.

Они посидели молча, слушая, как удаляются шаги робота.

Старик поглядел на виски и прокашлялся.

— Эх, жаль, не попросил я Дженкинса принести рюмочку на мою долю, — сказал он.

— Ничего, берите мою, — отозвался Грант. — Я вполне могу обойтись.

— Правда?

— Честное слово.

Старик взял рюмку, сделал глоток, вздохнул.

— Совсем другое дело, — сказал он. — А то мне Дженкинс все время водой разбавляет.

Чем-то этот дом действовал на нервы... Тихо перешептываются стены, а ты здесь посторонний, и тебе зябко, неуютно.

Сидя на краю постели, Грант медленно расшнуровал ботинки и сбросил их на ковер.

Робот, который служит уже четвертому поколению и говорит о давно умерших людях так, будто вчера подавал им виски... Старик, мысли которого заняты кораблем, скользящим во мраке глубокого космоса за пределами Солнечной системы... Ученый, который мечтает о другой расе — расе, способной идти по дорогам судьбы лапа об руку с человеком...

И над всем этим вроде бы и неосязаемая, но в то же время явственная тень Джерома А. Вебстера — человека, который предал друга... Врача, который не выполнил своего долга.

Джуэйн, марсианский философ, умер накануне великого открытия, потому что Джером А. Вебстер не мог оставить этот дом, потому что агорафобия приковала Вебстера к клочку земли в несколько квадратных километров.

В одних носках Грант прошел к столу, на который Дженкинс положил его котомку. Расстегнул ремни, поднял клапан, достал толстый портфель. Вернулся к кровати, сел, вынул из портфеля кипу бумаг и стал перебирать их.

Анкеты, сотни анкет... Запечатленная на бумаге повесть о жизни сотен людей. Не только то, что они сами ему рассказали, не только ответы на его вопросы — десятки других подробностей, — все, что он подметил за день или час, наблюдая, более того, общаясь с ними как свой.

Да, скрытные обитатели этих горных дебрей принимают его как своего. А без этого ничего не добьешься. Принимают как своего, потому что он приходит пешком, усталый, исцарапанный колючками, с котомкой на спине. Никаких новомодных штучек, которые могли бы насторожить их, вызвать отчуждение. Утомительный способ проводить перепись, но ведь иначе не выполнишь того, что так нужно, так необходимо Всемирному комитету.

Потом где-то кто-то, исследуя вот такие листки, которые он разложил на кровати, найдет искомое, отыщет приметы жизни, отклонившейся от общепринятых человеческих канонов. Какую-нибудь особенность в поведении, по которой сразу отличишь жизнь другого порядка.

Конечно, мутации среди людей не такая уж редкость. Известно много мутантов, ставших выдающимися личностями. Большинство членов Всемирного комитета — мутанты, но их особые качества и таланты обтесаны господствующим укладом, мысли и восприятия безотчетно направляются по тому же руслу, в которое втиснуты мысли и восприятия других людей.

Мутанты были всегда, иначе род людской не двигался бы вперед. Но до последнего столетия их не умели распознавать. Видели в них замечательных организаторов, великих ученых, гениальных плутов. Или же оригиналов, которые возбуждали когда презрение, когда жалость массы, не признающей отклонения от нормы.

Преуспевал в мире тот из них, кто приспосабливался, держал свой могучий разум в рамках общепринятого. Но это сужало их возможности, снижало отдачу, вынуждая держаться колеи, положенной для менее одаренных.

Да и теперь способности действующих в обществе мутантов подсознательно тормозились устоявшимися канонами, шорами узкого мышления.

Грант достал из портфеля тоненькую папку и с чувством, близким к благоговению, прочел заглавие: «Неоконченный философский труд и другие заметки Джуэйна».

Нужен разум, свободный от шор, не скованный четырехтысячелетними канонами человеческого мышления, чтобы нести дальше факел, поднятый было рукой марсианского философа. Факел, освещающий подходы к новому взгляду на жизнь и ее назначение, указывающий человечеству более простые и легкие пути. Учение, которое за несколько десятилетий продвинет человечество на тысячи лет вперед.

Джуэйн умер, и в этом самом доме, хоронясь от суда обманутого человечества, дожил свою горькую жизнь человек, который до последнего дня слышал голос мертвого друга.

Кто-то тихонько поскребся в дверь. Грант оцепенел, прислушиваясь. Опять... А теперь вкрадчивое повизгивание.

Грант быстро убрал бумаги в портфель и подошел к двери. И только приоткрыл ее, как в комнату черной тенью просочился Нэтэниел.

— Оскар не знает, что я здесь, — сообщил он. — Оскар мне задаст, если узнает.

— Кто такой Оскар?

— Робот, он смотрит за нами.

— Ну и что тебе надо, Нэтэниел? — усмехнулся Грант.

— Хочу говорить с тобой, — сказал Нэтэниел. — Ты со всеми говорил. С Брюсом, с Дедом. Только со мной не говорил, а ведь я тебя нашел.

— Ладно, — согласился Грант. — Валяй, говори.

— Ты озабочен, — заявил Нэтэниел.

Грант нахмурился.

— Верно, озабочен... Люди постоянно чем-нибудь озабочены. Пора тебе это знать, Нэтэниел.

— Тебя гложет мысль о Джуэйне. Как Деда нашего.

— Не гложет, — возразил Грант. — Просто я очень интересуюсь этим делом. И надеюсь.

— А что с Джуэйном? — спросил Нэтэниел. — И кто он такой, и...

— Его нет, понимаешь, — ответил Грант. — То есть был когда-то, но умер много лет назад. Осталась идея. Проблема. Задача. Нечто такое, о чем нужно думать.

— Я умею думать, — торжествующе сообщил Нэтэниел. — Иногда подолгу думаю. Но я не должен думать как люди. Это Брюс мне так говорит. Он говорит, мое дело думать по-собачьи, не стараться думать как люди. Говорит, собачьи мысли ничуть не хуже людских, может, даже намного лучше.

Грант серьезно кивнул.

— В этом что-то есть, Нэтэниел. В самом деле, ты не должен думать как человек. Ты...

— Собаки знают много, чего не знают люди, — хвастался Нэтэниел. — Мы такое видим и слышим, чего человек не может видеть и слышать. Иногда мы воем ночью, и люди гонят нас на двор. Но если бы они могли видеть и слышать то же, что мы, они бы от страха с места не двинулись. Брюс говорит, что мы... мы...

— Медиумы?

— Вот-вот, — подтвердил Нэтэниел. — Никак не запомню все слова.

Грант взял со стола пижаму.

— Как насчет того, чтобы переночевать здесь, Нэтэниел? Можешь устроиться у меня в ногах.

Нэтэниел недоверчиво воззрился на него.

— Нет, правда, ты так хочешь?

— Конечно. Если нам, человеку и псу, суждено быть наравне, зачем откладывать, начнем сейчас.

— Я не испачкаю постель, — сказал Нэтэниел. — Честное слово. Оскар купал меня вечером.

Он поскреб лапой ухо.

— Разве что одну-две блохи оставил...

Грант растерянно смотрел на атомный пистолет. Удобнейшая штука, пригодна для всего на свете, хоть сигарету прикурить, хоть человека убить. Рассчитан на тысячу лет, не боится ни сырости, ни тряски — во всяком случае, так утверждает реклама. Никогда не отказывает. Вот только сейчас почему-то не слушается...

Направив дуло в землю, он как следует встряхнул пистолет. Никакого эффекта. Легонько постучал по камню. Хоть бы что.

Над беспорядочным нагромождением скал спускался сумрак. Где-то в дальнем конце долины раскатился несуразный хохот филина. На востоке незаметно проклюнулись первые звездочки, на западе ночь поглощала прозрачную зелень заката.

Около большого камня лежит кучка хвороста, рядом припасена еще целая гора, хватит до утра. Но с испорченным пистолетом костра не разжечь...

Грант тихо выругался при мысли о холодной ночевке и холодном ужине.

Еще раз постучал пистолетом по камню, теперь уже посильнее. Пустой номер...

В тени между деревьями хрустнула ветка, и Грант рывком выпрямился. У могучего ствола, уходящего в сумеречное небо, стоял человек — высокий, угловатый.

— Привет, — сказал Грант.

— Что-нибудь не ладится, приятель?

— Да пистолет... — начал Грант и осекся: незачем этой темной личности знать, что он безоружен.

Незнакомец шагнул вперед с протянутой рукой.

— Что, не работает?

Грант почувствовал, как у него забирают из рук пистолет.

Незнакомец присел на корточки, посмеиваясь. Как ни силился Грант рассмотреть, что он делает, в сгущающемся мраке были видны лишь размытые контуры рук, мелькающие тени над блестящим металлом.

Что-то звякнуло, скрипнуло. Чужак шумно втянул носом воздух и рассмеялся. Снова звякнул металл, чужак встал и протянул пистолет Гранту.

— Полный порядок, — сказал он. — Лучше прежнего будет работать.

Хрустнула ветка, Грант закричал:

— Эй, погодите!

Но незнакомец уже пропал, меж призрачных стволов растаял черный призрак.

По телу Гранта от пяток вверх пополз холодок — не от ночного воздуха... Зубы запрыгали во рту, короткие волосы на затылке поднялись дыбом, от плеча к пальцам побежали мурашки.

Тишина... Лишь чуть слышно журчит вода в ручейке за камнем.

Дрожа, он опустился на колени возле кучки хвороста и нажал спуск пистолета. Выплеснулся язычок голубого пламени, и вот уже костер пылает вовсю.

Когда Грант подошел к изгороди, старик Дэйв Бэкстер восседал на верхней жерди, дымя коротенькой трубочкой, почти и не видной в густой бороде.

— Здорово, приятель, — сказал Дэйв. — Лезь сюда, присаживайся рядышком.

Грант примостился на изгороди; перед ним простиралось поле, среди кукурузных снопов пестрели золотистые тыквы.

— Просто так шатаешься? — спросил старик Дэйв. — Или что вынюхиваешь?

— Вынюхиваю, — признался Грант.

Дэйв вынул трубочку изо рта, плюнул, потом воткнул ее на место. Борода нежно обвила ее с опасностью для себя.

— Раскопки?

— Да нет, — ответил Грант.

— А то лет пять тому рыскал тут один, — сообщил Дэйв. — В земле копался что твой крот. Откопал место, где прежде город стоял, так все вверх дном перевернул. И осточертел же он мне расспросами — расскажи ему про город, и все тут, да ведь я ничего толком и не помню. Слышал однажды, как мой дед говорил название этого города, так и то позабыл, провалиться мне на этом месте. У этого молодчика были с собой какие-то старые карты, он их и так, и этак крутил, все чего-то дознаться хотел, да так, должно, и не дознался.

— Охотник за древностями, — предположил Грант.

— Он самый, видать, — согласился старик Дэйв. — Я уж от него хорониться стал. А то еще один явился, такой же мудрец, тот какую-то старую дорогу искал, дескать, здесь проходила. Тоже все с картами носился. Ушел от нас довольный такой — нашел, дескать, а у меня духу не стало втолковать ему, мол, не дорога то была, а тропа старая, коровы проторили.

Он хитро поглядел на Гранта.

— Случаем ты не старые дороги ищешь, а?

— Нет, что вы, — ответил Грант. — Я переписчик.

— Чего-чего?

— Переписчик, — повторил Грант. — Вот запишу, как вас звать, сколько лет, где живете.

— Это еще зачем?

— Правительству надо знать.

— Нам от правительства ничего не надобно, — заявил старик Дэйв. — Чего же ему от нас нужно?

— Правительству от вас ничего не нужно, — объяснил Грант. — Напротив, глядишь, надумает вам деньжонок подбросить. Всякое может быть.

— Коли так, — сказал Дэйв, — это другое дело.

Сидя на жерди, они смотрели на простирающийся за полем ландшафт. Над позолоченной осенним пламенем берез лощиной вился дымок из незримой трубы. Ручей ленивыми петлями пересекал бурый осенний луг, дальше один над другим высились пригорки, ярусы пожелтевших кленов.

Солнце пригревало согнутую спину Гранта, воздух был наполнен запахом жнивья.

Благодать, сказал он себе. Урожай хороший, дрова припасены, дичи хватает. Что еще надо человеку...

Он поглядел на притулившегося рядом старика, на изборождившие его лицо мягкие морщины безмятежной старости и попробовал представить себе жизнь наподобие этой — простую сельскую жизнь, что-то вроде далекой поры, когда шло освоение Америки, со всеми ее прелестями, но без ее опасностей.

Старик Дэйв вынул изо рта трубку, указал ею на поле.

— Вон сколько еще делов, — сказал он. — А кому их делать-то? От молодых никакого проку, пропади они пропадом. Им бы все охотиться. Да рыбачить. А машины только и знают что ломаются. И Джо что-то давно не видать. Мастак машины чинить этот Джо.

— Ваш сын?

— Нет. Живет тут в лесу один чудила. Придет, наладит все — и прощайте, только его и видели. Иной раз и слова не вымолвит. Спасибо сказать не успеешь, его уже след простыл. Который год ходит. Дед говорил — первый раз пришел, когда он еще молодой был. И до сих пор ходит.

— Как же так? — ахнул Грант. — Все один и тот же?

— Ну! А я о чем толкую. Не поверишь, приятель, с первого раза, как я его увидел, вот столько не постарел. Да-а, странный малый. Чего только о нем тут не услышишь. Дед все рассказывал, как он мудрил с муравьями.

— С муравьями?!

— То-то и оно. Накрыл муравейник стеклом, вроде как дом построил, и отапливал зимой. Так мне дед рассказывал. Мол, своими глазами видел. Да только брехня все это. Дед мой был во всей округе первый враль. Сам прямо так и говорил.

Из солнечной ложбины, над которой курился дымок, донесся по воздуху звонкий голос колокола.

Старик слез с изгороди и выколотил трубочку, щурясь на солнце.

В осенней тишине снова раскатился гулкий звон.

— Это мать, — сообщил Дэйв. — Обедать зовет. Небось печеные яблоки в тесте. Вкуснятина, язык проглотишь. Давай, пошли живей.

Чудила, который чинит сломанные вещи и уходит, не дожидаясь благодарности. Человек, внешность которого за сто лет ничуть не изменилась. Странный малый, который накрыл стеклянным колпаком муравейник и зимой отапливал его.

Бессмыслица какая-то, и, однако, чувствуется, что старик Бэкстер не сочиняет. Тут не просто очередная небылица, родившаяся в лесной глуши, не плод, так сказать, народной фантазии.

Фольклор сразу распознаешь, у него свое лицо есть и своя примета — особый, характерный юморок. А здесь совсем другое дело. Что забавного, хоть бы и для жителей лесной глуши, в том, чтобы накрыть муравейник стеклянным куполом и отапливать его. Юмор подразумевает эффектную концовку, а тут ничего похожего нет.

Подтянув ватное одеяло к самому подбородку, Грант беспокойно ворочался на матрасе, набитом обертками кукурузных початков.

Чудно, подумал он, где только мне не приходится спать. Сегодня на кукурузном матрасе, вчера — в лесу у костра, позавчера — на пружинах и чистых простынях в усадьбе Вебстеров...

Ветер прошелся по ложбине снизу доверху, попутно подергал отставшую дранку, вернулся и снова подергал ее. Во мраке чердака шуршала мышь. Ровное дыхание доносилось с другой кровати, где спали двое младших Бэкстеров.

Человек, который чинит сломанные вещи и уходит, не дожидаясь благодарности... Так было с пистолетом. Так уже много лет происходит с отбившимися от рук машинами Бэкстера. Чудак по имени Джо, которого годы не берут и который с любой поломкой справляется...

В голове Гранта родилась одна мысль, он поспешил отогнать ее. Не надо тешить себя надеждой. Знай присматривайся, задавай невинные с виду вопросы, держи ушки на макушке... Да поосторожнее выспрашивай, не то сразу замкнутся, что твоя устрица.

Непонятный народ эти горяне. Сами для прогресса ничего не делают и себе ничего от него не желают. Распростились с цивилизацией, только лес, поле, солнце и дождь над ними хозяева.

Места для них на Земле хватает, на всех хватает, ведь за последние двести лет население сильно поредело, пионеры полчищами отправлялись осваивать другие планеты Солнечной системы, насаждать в других мирах земные порядки.

Вдоволь места, земли и дичи...

А может быть, правда на их стороне? Помнится, за те месяцы, что он бродит по здешним горам, эта мысль посещала его не раз. В такие минуты, как сейчас, под теплым домашним одеялом, на удобном, шершавом кукурузном матрасе, когда ветер шепчется в драночной кровле. Или когда Грант, примостившись на изгороди, глядел, как золотистые тыквы греют бока на солнце.

Что-то зашуршало во мраке — матрас, на котором спали мальчуганы. Потом по доскам тихо прошлепали босые ноги.

— Вы спите, мистер? — шепотом.

— Никак нет. Забирайся ко мне.

Мальчуган нырнул под одеяло, воткнул ему в живот холодные подошвы.

— Дедушка вам говорил про Джо?

Грант кивнул в темноте:

— Он сказал, что Джо давно уже здесь не показывался.

— И про муравьев говорил?

— Говорил. А ты что знаешь про муравьев?

— Мы с Биллом недавно нашли их, это наш секрет. Никому не говорили, ты первый. Тебе небось можно сказать, ты от правительства к нам присланный.

— И что, муравейник на самом деле стеклянным колпаком накрыт?

— Ага, накрыт... да это... это... — Мальчуган захлебывался от возбуждения. — Это еще что! У муравьев этих самых тележки есть, а из муравейника трубы торчат, а из труб дым идет. А потом... а потом...

— Ну, что потом было?

— Потом мы с Биллом оробели. Не стали больше глядеть. Оробели и дали тягу.

Мальчишка поерзал на матрасе, устраиваясь удобнее.

— Нет, это же надо, а? Муравьи тележки волокут!

Муравьи в самом деле тащили тележки. Из муравейника в самом деле торчали трубы, и они извергали крохотные клубы едкого дыма — признак плавки металлов.

С колотящимся от волнения сердцем Грант присел подле муравейника, глядя на тележки, которые сновали по дорожкам, теряющимся среди кочек. Туда идут пустые, обратно — груженные семенами, а то и расчлененными насекомыми. Знай себе катят, весело подпрыгивая, малюсенькие тележки, запряженные муравьями!

Плексигласовый купол, некогда защищавший муравейник, стоял на месте, но он весь потрескался и выглядел так, словно исчерпал свою роль и нужда в нем пропала.

Муравейник стоял на изрезанном склоне, спадающем к утесам над рекой; огромные камни чередовались с крохотными лужайками и кипами могучих дубов. Глухое место — должно быть, здесь редко звучит голос человека, только ветер шелестит листвой да попискивают зверушки, снующие по своим потайным тропкам.

Место, где муравьи могли существовать, не опасаясь ни плуга, ни ноги странника, продолжая линию жизни без разума, которая началась за миллионы лет до того, как появился человек, и до того, как на планете Земля родилась первая абстрактная мысль. Ограниченная, застойная жизнь, весь смысл которой сводился к существованию муравьиного рода.

И вот кто-то перевел стрелку, направил муравьев по другой стезе, открыл им тайну ремесла, тайну выплавки металлов. Сколько помех для развития культуры, для прогресса убрано тем самым с пути этого муравейника?

Угроза голода, надо думать, одна из них. Избавленные от необходимости непрерывно добывать пищу, муравьи получили досуг, который можно было использовать на что-то другое.

Еще одно племя ступило на путь к величию, развивая свое общество, заложенное в седой древности, задолго до того, как тварь, именуемая человеком, начала осознавать свое предназначение.

Куда приведет этот путь? Чем станет муравей еще через миллион лет? Найдут ли, смогут ли найти человек и муравей общий знаменатель, чтобы вместе созидать свое будущее, как сейчас находят этот знаменатель пес и человек?

Грант покачал головой. Сомнительно... Ведь в жилах пса и человека течет одна кровь, а муравей и человек — небо и земля, этим двум

организмам не дано понимать друг друга. У них нет той общей основы, которая для пса и человека сложилась в палеолите, когда они вместе дремали у костра и вместе настораживались при виде хищных глаз в ночи.

Грант скорее почувствовал, чем услышал шелест шагов в высокой траве за своей спиной. Живо встал, повернулся и увидел перед собой мужчину. Долговязого мужчину с покатыми плечами и огромными ручищами, которые оканчивались чуткими белыми пальцами.

— Это вы, Джо? — спросил Грант.

Незнакомец кивнул:

— А вы субъект, который охотится за мной.

— Что ж, пожалуй, — оторопело признался Грант. — Правда, не за вами лично, но за такими людьми, как вы.

— Не такими, как все, — сказал Джо.

— Почему вы тогда не остались? Почему убежали? Я не успел поблагодарить вас за починку пистолета.

Джо смотрел на Гранта, не произнося ни слова, но было видно, что он от души веселится.

— И вообще, — продолжал Грант, — как вы догадались, что пистолет неисправен? Вы за мной следили?

— Я слышал, как вы об этом думали.

— Слышали, как я думал?

— Да, — подтвердил Джо. — Я и сейчас слышу ваши мысли.

Грант натянуто усмехнулся. Не очень кстати, но вполне логично. Этого следовало ожидать — и не только этого...

Он показал на муравейник.

— Это ваши муравьи?

Джо кивнул, и Гранту снова показалось, что он с трудом удерживается от смеха.

— А что тут смешного? — рассердился Грант.

— Я не смеюсь, — ответил Джо, и Грант почему-то ощутил жгучий стыд, словно он был ребенком, которого нашлепали за плохое поведение.

— Вам следовало бы опубликовать свои записи, — сказал он. — Можно будет сопоставить их с тем, что делает Вебстер.

Джо пожал плечами.

— У меня нет никаких записей.

— Нет записей?!

Долговязый подошел к муравейнику и остановился, глядя на него.

— Вероятно, вы сообразили, почему я это сделал? — спросил он.

Грант глубокомысленно кивнул.

— Во всяком случае, пытался понять. Скорее всего, вам было любопытно посмотреть, что получится. А может быть, вами руководило сострадание к менее совершенной твари. Может быть, вы подумали, что преимущество на старте еще не дает человеку единоличного права на прогресс.

Глаза Джо сверкнули на солнце.

— Любопытство, пожалуй. Мне это не приходило в голову.

Он присел подле муравейника.

— Вы никогда не задумывались, почему это муравей продвинулся так далеко, потом вдруг остановился? Создал почти безупречную социальную организацию и на том успокоился? Что его осадило?

— Ну хотя бы существование на грани голода, — ответил Грант.

— И зимняя спячка, — добавил долговязый. — Ведь зимняя спячка что делает — стирает все, что отложилось в памяти за лето. Каждую весну начинай все с самого начала. Муравьи не могли учиться на ошибках, собирать барыш с накопленного опыта.

— Поэтому вы стали их подкармливать...

— И отапливал муравейник, — подхватил Джо, — чтобы избавить их от спячки. Чтобы им не надо было каждую весну начинать все сначала.

— А тележки?

— Я смастерил две-три штуки и подбросил им. Десять лет присматривались, наконец все же смекнули, что к чему.

Грант указал кивком на трубы.

— Это уже они сами, — сказал Джо.

— Что-нибудь еще?

Джо досадливо пожал плечами.

— Откуда мне знать?

— Но ведь вы за ними наблюдали! Пусть даже не вели записей, но ведь наблюдали.

Джо покачал головой.

— Скоро пятнадцать лет, как не приходил сюда. Сегодня пришел только потому, что вас услышал. Не забавляют меня больше эти муравьи, вот и все.

Грант открыл рот и снова закрыл его. Произнес:

— Так вот оно что. Вот почему вы это сделали. Для забавы.

Лицо Джо не выражало ни стыда, ни желания дать отпор, только досаду — дескать, хватит, сколько можно говорить о муравьях. Вслух он сказал:

— Ну да. Зачем же еще?

— И мой пистолет — очевидно, он тоже вас позабавил.

— Пистолет — нет, — возразил Джо.

Пистолет — нет... Конечно, балда, при чем тут пистолет. Ты его позабавил, ты сам. И сейчас забавляешь.

Наладить машины старика Дэйва Бэкстера, смотаться не говоря ни слова, — для него это, конечно, была страшная потеха. А как он, должно быть, ликовал, сколько дней мысленно покатывался со смеху после случая в усадьбе Вебстеров, когда показал Томасу Вебстеру, в чем изъян его космического движителя! Словно ловкий фокусник, который поражает своими трюками какого-нибудь тюфяка.

Голос Джо прервал его мысли.

— Вы ведь переписчик, верно? Почему не задаете мне ваши вопросы? Раз уж нашли меня, валяйте записывайте все как положено. Возраст, например. Мне сто шестьдесят три, а я, можно сказать, еще и не оперился. Считайте, мне еще тысячу лет жить, не меньше.

Он обнял свои узловатые колени и закачался с пятки на носок.

— Да-да, тысячу лет, а если я буду беречь себя...

— Разве все к этому сводится? — Грант старался говорить спокойно. — Я могу предложить вам еще кое-что. Чтобы вы сделали кое-что для нас.

— Для нас?

— Для общества. Для человечества.

— Зачем?

Грант опешил.

— Вы хотите сказать, что вас это мало волнует?

Джо кивнул, и в этом жесте не было ни вызова, ни бравады. Он просто констатировал факт.

— Деньги? — предложил Грант.

Джо широким взмахом указал на окружающие горы, на просторную долину.

— У меня есть это. Я не нуждаюсь в деньгах.

— Может быть, слава?

Джо не плюнул, но лицо его было достаточно выразительным.

— Благодарность человечества?

— Она недолговечна, — насмешливо ответил Джо, и Гранту опять показалось, что он с трудом сдерживает хохот.

— Послушайте, Джо... — Против воли Гранта в его голосе звучала мольба. — То, о чем я хочу вас попросить... это очень важно, важно для еще не родившихся поколений, важно для всего рода людского, это такая веха в нашей жизни...

— Это с какой же стати, — спросил Джо, — должен я стараться для кого-то, кто еще даже не родился? С какой стати думать дальше того срока, что мне отмерен? Умру — так умру ведь, и что мне тогда слава и почет, флаги и трубы! Я даже не буду знать, какую жизнь прожил — великую или никудышную.

— Человечество, — сказал Грант.

Джо хохотнул.

— Сохранение рода, прогресс рода... Вот что вас заботит. А зачем вам об этом беспокоиться? Или мне?..

Он стер с лица улыбку и с напускной укоризной погрозил Гранту пальцем.

— Сохранение рода — миф. Миф, которым вы все перебиваетесь, убогий плод вашего общественного устройства. Человечество умирает каждый день. Умрет человек — вот и нет человечества, для него-то больше нет.

— Вам попросту наплевать на всех, — сказал Грант.

— Я об этом самом и толкую, — ответил Джо.

Он глянул на лежащую на земле котомку, и по его губам опять пробежала улыбка.

— Разве что это окажется интересно...

Грант развязал котомку и достал портфель. Без особой охоты извлек тонкую папку с надписью «Неоконченный философский...», передал ее Джо и, сидя на корточках, стал смотреть, как тот пробегает глазами текст. Джо еще не кончил читать, а душу Гранта уже пронизало мучительное ощущение чудовищного провала.

Когда он в усадьбе Вебстеров представлял себе разум, свободный от шор, не скованный канонами обветшалого мышления, ему казалось, что достаточно найти такой ум, и задача будет решена.

И вот этот разум перед ним. Но выходит, что этого мало. Чего-то недостает — чего-то такого, о чем не подумал ни он, ни деятели в Женеве. Недостает черты человеческого характера, которая до сих пор всем представлялась обязательной.

Общественные отношения — вот что много тысяч лет сплачивало род людской, обуславливало его цельность, точно так же как борьба с голодом вынуждала муравьев действовать сообща.

Присущая каждому человеку потребность в признании собратьев, потребность в некоем культе братства, психологическая, едва ли не физиологическая потребность в одобрении твоих мыслей и поступков. Сила, которая удерживала людей от нарушения общественных устоев, которая вела к общественной взаимовыручке и людской солидарности, сближала членов большой человеческой семьи.

Ради этого одобрения люди умирали, приносили жертвы, вели ненавистный им образ жизни. Потому что без общественного одобрения человек был предоставлен самому себе, оказывался отщепенцем, животным, изгнанным из стаи.

Конечно, не обошлось и без страшных явлений — самосуды, расовое гонение, массовые злодеяния под флагом патриотизма или религии. И все же именно общественное одобрение служило цементом, на котором держалось единство человечества, который вообще сделал возможным существование человеческого общества.

А Джо не признает его. Ему плевать. Его ничуть не трогает, как о нем судят. Ничуть не трогает, будут его поступки одобрены или нет.

Солнце припекало спину, ветер теребил деревья. Где-то в зарослях запела пичуга.

Так что же это — определяющая черта мутантов? Отмирание стержневого инстинкта, который сделал человека частицей человечества?

Неужели этот человек, который сейчас читает Джуэйна, сам по себе живет, благодаря своим качествам мутанта, настолько полной, насыщенной жизнью, что может обходиться без одобрения собратьев? Неужели он в конце концов достиг той ступени цивилизации, когда человек становится независимым и может пренебречь условностями общества?

Джо поднял глаза.

— Очень интересный труд, — заключил он. — А почему он не довел его до конца?

— Он умер, — ответил Грант.

Джо прищелкнул языком.

— Он ошибся в одном месте... — Найдя нужную страницу, он показал пальцем. — Вот тут. Вот откуда ошибка идет. Тут-то он и завяз.

— Но... но об ошибке не было речи, — промямлил Грант. — Просто он умер. Не успел дописать, умер.

Джо тщательно сложил рукопись и сунул в карман.

— Тем лучше. Он вам такого наковырял бы...

— Значит, вы можете завершить этот труд? Беретесь?..

Глаза Джо сказали Гранту, что продолжать нет смысла.

— Вы в самом деле думаете, — сухо, неторопливо произнес мутант, — что я поделюсь этим с вашей кичливой шатией?

Грант отрешенно пожал плечами.

— Значит, не поделитесь. Конечно, мне следовало предвидеть... Человек вроде вас...

— Эта штука мне самому пригодится, — сказал Джо.

Он медленно встал и ленивым взмахом ноги пропахал борозду в муравейнике, сшибая дымящиеся трубы и опрокидывая груженые тележки. Грант с криком вскочил на ноги, его обуяла слепая ярость, она бросила его руку к пистолету.

— Не сметь! — приказал Джо.

Грант замер, держа пистолет дулом вниз.

— Остынь, крошка, — сказал Джо. — Я понимаю, что тебе не терпится убить меня, но я не могу тебе этого позволить. У меня есть еще кое-какие задумки, ясно? И ведь убьешь ты меня не за то, о чем сейчас думаешь.

— Не все ли равно, за что? — прохрипел Грант. — Главное, что мертвый вы останетесь здесь и не сможете распорядиться по-своему учением Джуэйна.

— И все-таки не за это тебе хочется меня убить, — мягко произнес Джо. — А просто ты злишься на меня за то, что я распотрошил муравейник.

— Может, это была первая причина. Но теперь...

— Лучше и не пытайся, — сказал Джо. — Не успеешь нажать курок, как сам превратишься в труп.

Грант заколебался.

— Если думаешь, я тебя на пушку беру, — продолжал Джо, — давай проверим, кто кого.

Минуту-другую они мерили друг друга взглядом; пистолет по-прежнему смотрел вниз.

— Почему бы вам не поладить с нами? — заговорил наконец Грант. — Мы нуждаемся в таком человеке, как вы. Ведь это вы показали старику Тому Вебстеру, как сконструировать космический движитель. А то, что вы сделали с муравьями...

Джо быстро шагнул вперед, Грант вскинул пистолет и увидел метнувшийся к нему кулак — могучий кулачище, который чуть не со свистом рассек воздух.

Кулак опередил палец, лежащий на курке.

Что-то горячее, влажное, шершавое ползало по лицу Гранта, и он поднял руку — стряхнуть.

Все равно ползает...

Он открыл глаза, и Нэтэниел радостно подпрыгнул.

— Вы живы! Я так испугался!

— Нэтэниел! — проскрипел Грант. — Ты откуда?

— Я убежал, — объяснил Нэтэниел. — Хочу пойти с вами.

Грант покачал головой:

— Я не могу взять тебя с собой. Мне еще идти и идти. Меня ждет одно дело.

Он поднялся на четвереньки, пошарил рукой по земле. Нащупал холодный металл, подобрал пистолет и сунул в кобуру.

— Я упустил его, — продолжал он, вставая, — но он не должен ускользнуть. Я отдал ему одну вещь, которая принадлежит всему человечеству, и я не могу допустить, чтобы он ею воспользовался.

— Я умею выслеживать, — сообщил Нэтэниел. — Белку шутя выслежу.

— Тебе найдется дело поважнее, — сказал Грант. — Понимаешь, сегодня я узнал... Обозначился один путь — путь, по которому может пойти все человечество. Не сегодня, не завтра и даже не через тысячу лет. Может быть, этого вообще не случится, но совсем исключить такую вероятность нельзя. Возможно, Джо всего-то самую малость опередил нас, и мы идем по его стопам быстрее, чем нам это представляется. Может быть, в конечном счете все мы станем такими, как Джо. И если дело к тому идет, если этим все кончится, вас, псов, ждет большая задача.

Нэтэниел озабоченно смотрел вверх на Гранта.

— Не понимаю, — виновато произнес он. — Вы говорите незнакомые слова.

— Послушай, Нэтэниел. Может быть, люди не всегда будут такими, как теперь. Они могут измениться. И если они изменятся, придется вам занять их место, перенять мечту и не дать ей погибнуть. Придется вам делать вид, что вы люди.

— Мы, псы, не подведем, — заверил Нэтэниел.

— До того часа еще не одна тысяча лет пройдет, — продолжал Грант. — У вас будет время приготовиться. Но вы должны помнить. Должны передавать друг другу наказ. Чтобы ни в коем случае не забыть.

— Я понимаю, — ответил Нэтэниел. — Мы, псы, скажем своим щенкам, а они скажут своим щенкам.

— Вот именно, — сказал Грант.

Он наклонился и почесал у Нэтэниела за ухом, и пес стоял и махал хвостом, пока Грант не исчез за гребнем.

Комментарий к четвертому преданию

Из всех преданий это особенно удручало тех, кто искал в цикле ясности и смысла.

Даже Резон признает, что здесь перед нами явный, несомненный миф. Но если это миф, то что он означает? Если это миф, то не мифы ли и все остальные части цикла?

Юпитер, где развертывается действие этого предания, видимо, является одним из тех миров, на которые будто бы можно попасть через космос. Выше уже говорилось, что наука исключает возможность существования таких миров. Если же принять гипотезу Разгона, что другие миры, о которых говорится в цикле, есть не что иное, как наш множественный мир, то разве не очевидно, что мы уже должны были обнаружить мир, изображенный в предании. Конечно, некоторые миры гоблинов закрыты, это всякому известно, но столь же хорошо известна причина, почему они закрыты, — во всяком случае, не в силу тех обстоятельств, которые описаны в четвертом предании.

Некоторые исследователи считают четвертое предание вставным, будто бы оно вовсе не из этого цикла, а целиком заимствовано. С этим выводом трудно согласиться, поскольку предание вполне вяжется с циклом и служит одной из главных осей всего действия.

О персонаже этого предания Байбаке неоднократно писалось, якобы он унижает честь нашего рода.

Возможно, у некоторых щепетильных читателей Байбак и впрямь вызывает брезгливость, однако он выразительно контрастирует с выведенным в предании Человеком. Не Человек, а Байбак первым осваивается с новой ситуацией, не Человек, а Байбак первым постигает суть происходящего. И как только разум Байбака освобождается от власти Человека, становится очевидно, что он ни в чем не уступает человеческому разуму.

Словом, Байбак при всех его блохах — персонаж, которого нам отнюдь не надо стыдиться.

Как ни кратко четвертое предание, оно, пожалуй, дает читателю больше, чем остальные части цикла. Несомненно, это предание заслуживает того, чтобы его читали вдумчиво, не торопясь.

IV

ДЕЗЕРТИРСТВО

Четыре человека — двое, потом еще двое — ушли в ревущий ад Юпитера и не вернулись. Ушли туда, где свирепствовал непрекращающийся ураган, даже не ушли, а ускакали на четырех конечностях, поблескивая влажными от дождя боками.

Потому что они уходили не в человечьем обличье.

Теперь перед столом Кента Фаулера, руководящего Куполом № 3 Службы изучения Юпитера, стоял пятый.

Под столом Фаулера старина Байбак шумно почесался, потом снова задремал.

С болью в душе Фаулер вдруг осознал, что Гарольд Ален молод, чересчур молод. У него юный доверчивый взгляд и лицо человека, который еще никогда не испытывал страха. Странно... Странно, потому что обитатели куполов на Юпитере хорошо знали, что такое страх. Страх и смирение. Очень уж неуместна тщедушная особа человека на этой чудовищной планете с ее могучими стихиями.

— Вам известно, что это чисто добровольное дело? — сказал Фаулер. — Вы вовсе не обязаны идти.

Непременная формула, не больше. Эти же слова были сказаны остальным четверым, но все равно они пошли. Пойдет и пятый, Фаулер в этом не сомневался. Но в душе его вдруг шевельнулась смутная надежда, что Ален откажется.

— Когда выходить? — спросил Ален.

Прежде Фаулер воспринял бы такой ответ с тайной гордостью. Прежде, но не теперь. Он насупился.

— В течение часа.

Ален спокойно ждал.

— Мы проводили уже четверых, и ни один не вернулся, — продолжал Фаулер. — Вы это, конечно, знаете. Нам нужно, чтобы вы вернулись. Никаких героических спасательных операций. Нам нужно одно, самое главное, — чтобы вы вернулись, доказали, что человек может жить в обличье юпитерианского существа. Дойдете до первой вешки, не дальше, и сразу возвращайтесь. Никакого риска. Никаких исследований. Сразу обратно.

Ален кивнул.

— Понимаю.

— У пульта преобразователя будет мисс Стенли. Тут вам опасаться нечего. Преобразование все перенесли благополучно. Вышли из аппарата в безупречном состоянии. Мы передаем вас в руки квалифицированного специалиста. Мисс Стенли — лучший оператор преобразователей во всей Солнечной системе. Она работала почти на всех планетах. Поэтому ее и назначили к нам.

Ален улыбнулся мисс Стенли, и Фаулер прочел на ее лице какое-то неясное чувство — то ли жалость, то ли гнев, а может быть, просто страх. Но это выражение тотчас исчезло, и она ответила юноше, который стоял перед столом, улыбкой — типичной для нее чопорной улыбкой классной дамы, как будто ей было противно улыбаться.

— Жду с нетерпением моего преобразования, — сказал Ален.

Сказал шутейно, словно речь шла о чем-то крайне потешном. Однако потехой тут и не пахло.

Дело было серьезное, серьезнее некуда. От этих опытов зависело будущее человека на Юпитере. Если они увенчаются успехом, станут доступными ресурсы исполинской планеты. Человек подчинит себе Юпитер, подобно тому как он уже подчинил себе другие, правда не такие крупные, планеты. Если же опыты провалятся...

Если они провалятся, человек и впредь будет обременен и скован чудовищным давлением, огромной силой тяготения, предельно чуждой химией. Он так и останется пленником куполов, не сможет сам шагать по планете, видеть ее своими глазами, будет всецело зависеть от телевидения и громоздких вездеходов, неуклюжих инструментов и механизмов или не менее неуклюжих роботов.

Потому что без средств защиты, в своем естественном облике человек здесь будет тотчас раздавлен колоссальным давлением в пятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм — давлением, рядом с которым дно земного океана покажется вакуумом.

Даже самые прочные сплавы, изобретенные землянами, не выдерживали юпитерианского давления и непрерывно хлещущих планету щелочных дождей. Они либо крошились и шелушились, либо превращались в ручейки и лужицы солей аммония. Только особая обработка металла, перестройка электронной структуры позволяли ему выдерживать вес тысячемильного слоя бушующих едких газов атмосферы Юпитера. И даже после такой обработки его еще надо было покрывать кварцевой пленкой против всех разъедающих аммониевых дождей.

Из подвального этажа доносился гул моторов — моторов, которые работали непрерывно, не умолкая ни на миг. Так положено, ведь если они станут, подача тока на металлические стены купола прекратится, исчезнет электронное поле, а это конец.

Снова под столом проснулся Байбак и почесался, стуча об пол ногой.

— Что-нибудь еще? — спросил Ален.

Фаулер покачал головой.

— Может быть, у вас есть какое-нибудь желание, может быть... — Он чуть не сказал «напишете письмо», но, слава богу, вовремя спохватился.

Ален поглядел на часы.

— Так, значит, в течение часа, — сказал он.

Повернулся и вышел.

Фаулер знал, что мисс Стенли смотрит на него. Не желая встречаться с ней взглядом, он принялся листать бумаги.

— И до каких пор это будет продолжаться? — спросила мисс Стенли, чеканя слова.

Он нехотя повернулся и посмотрел на нее. Прямые тонкие губы и гладкая — чуть ли не глаже обычной — прическа придавали ее лицу странное, даже пугающее сходство с посмертной маской.

— До тех пор, пока это будет необходимо. — Он старался говорить спокойно и бесстрастно. — Пока есть хоть какая-то надежда.

— Вы намереваетесь и впредь приговаривать их к смерти, — сказала она. — Намереваетесь и впредь снаряжать их на неравный бой с Юпитером. Намереваетесь сидеть тут в полной безопасности и посылать их на верную гибель.

— Ваша сентиментальность неуместна, мисс Стенли, — произнес Фаулер, превозмогая ярость. — Вам не хуже моего известно, для чего мы это делаем. Вам ясно, что в своем обличье человек бессилен против Юпитера. Единственный выход — превращать людей в таких тварей, которые могут существовать на Юпитере. Этот способ проверен на других планетах.

Несколько человеческих жизней — не слишком высокая цена, если мы в конце добьемся успеха. Сколько раз в прошлом люди жертвовали жизнью ради ерунды и всякого вздора. Так неужели нас в таком великом деле должна смущать мысль о минимальных жертвах?

Мисс Стенли сидела очень прямо, сложив руки на коленях, седеющие волосы серебрились на свету, и, глядя на нее, Фаулер попытался представить себе ее чувства, ее мысли. Не то чтобы он ее боялся, но ему было с ней как-то не по себе. Эти проницательные голубые глаза слишком много видят, эти руки чересчур искусны. Быть бы ей чьей-нибудь тетушкой и сидеть с вязаньем в качалке. Но она не тетушка, она первейший в Солнечной системе оператор преобразователей, и она недовольна его действиями.

— Здесь что-то не так, мистер Фаулер, — заявила она.

— Совершенно верно, — согласился он. — Именно поэтому я посылаю юного Алена одного. Может быть, ему удастся выяснить, в чем дело.

— А если не удастся?

— Пошлю еще кого-нибудь.

Она медленно встала и пошла к двери, но около его стола остановилась.

— Быть вам великим человеком. Уж вы своего не упустите. Сейчас вам такой случай представился! Вы это сразу сообразили, когда ваш купол выбрали для опытов. Справитесь с заданием — сразу поднимете на ступеньку-другую. Сколько бы людей ни погибло, вы все равно пойдете в гору.

— Мисс Стенли, — сухо произнес он, — Алену скоро выходить. Будьте любезны, удостоверьтесь, что ваш аппарат...

— Мой аппарат, — холодно ответила она, — тут ни при чем. Он выполняет программу, которую разработали биологи.

Сгорбившись над столом, Фаулер слушал, как ее шаги удаляются по коридору.

Все правильно. Программу разработали биологи. Но биологи могли ошибиться. Достаточно промахнуться чуть-чуть, отклониться на волосок, и преобразователь будет выпускать не то, что нужно. Каких-нибудь мутантов, которые в определенных ситуациях от непредвиденного стечения обстоятельств могут не выдержать, расклеиться, потерять голову.

Потому что человек довольно смутно представлял себе, что происходит за стенами купола. Он мог полагаться только на показания своих приборов. А что могут рассказать случайные данные приборов, когда куполов раз-два и обчелся, а планета невообразимо велика?

Только на то, чтобы собрать данные о скакунцах, представляющих собой, судя по всему, высшую форму юпитерианской жизни, биологи потратили три года упорного труда, да еще два года ушло на дотошную проверку данных. На Земле для такого исследования понадобилась бы неделя, от силы две. Да вот беда: такого исследования на Земле вообще не проведешь, потому что юпитерианский организм нельзя перенести на Землю. За пределами Юпитера не воссоздашь такое давление, а при земной температуре и земном давлении скакунец тотчас обратится в облачко газа.

А исследование было необходимо, если человек собирался выйти на поверхность Юпитера в обличье скакунца. Чтобы преобразовать человека в другое существо, нужно знать все параметры, знать точно, знать наверное.

Ален не вернулся.

Вездеходы, прочесав окрестности купола, не нашли никаких следов, разве что улепетывающий скакунец, замеченный одним из водителей, был пропавшим землянином.

Биологи только усмехнулись с вежливой снисходительностью специалистов, когда Фаулер предположил, что в программу, возможно, вкралась погрешность. Они учтиво подчеркнули, что с программой все в порядке. Если поместить в преобразователь человека и включить рубильник, человек превращается в скакунца. После чего он выходит из аппарата и пропадает в гуще здешней атмосферы.

Может, неувязочка какая? Микроскопическое отклонение от параметров скакунца, маленький дефектик? Если есть дефект, ответили биологи, понадобится не один год, чтобы найти его.

И Фаулер знал, что они правы.

Итак, теперь уже не четверо, а пятеро, и опыт с Гарольдом Аленом ничего не дал, не продвинул их ни на шаг в изучении Юпитера. Словно и не посылали парня.

Фаулер протянул руку и взял со стола аккуратно сколотые листки — список личного состава. Взял с тягостным чувством, да ведь никуда не денешься, как-то надо выяснить причину всех этих таинственных исчезновений. А способ только один — посылать еще людей.

Он прислушался к вою ветра под куполом, к непрестанно бушующему над планетой яростному вихрю...

Может быть, там притаилась неизвестная им опасность, неведомая угроза? Какая-нибудь пакость устроила засаду и жрет подряд всех скакунцов, не отличая настоящих от тех, которые вышли из преобразователя... В самом деле, какая ей разница.

А может быть, ошиблись в корне те, кто выбрал скакунцов как наиболее высокоорганизованных представителей юпитерианской жизни? Фаулер знал, что одним из решающих факторов было наличие интеллекта. Без этого человек после преобразования не смог бы сохранить свой разум в новом обличье.

Может быть, биологи сделали слишком большой упор на этот фактор и это повлекло за собой неблагоприятный, даже катастрофический сдвиг? Да нет, вряд ли. Хоть биологи порой и чванятся не в меру, но дело свое они знают.

А если вся эта затея с самого начала обречена на провал? Пусть на других планетах преобразование оправдало себя, это еще не значит, что на Юпитере этому методу тоже обеспечен успех. Может быть, разум человека не может функционировать нормально, получая сигналы от органов восприятия, которыми оснащен юпитерианский организм. Может быть, скакунцы настолько отличны от людей, что их понятия и категории просто не сочетаются с человеческим сознанием.

Или же все дело в самом человеке, в органически присущих ему чертах? Какой-нибудь изъян психики вместе с воздействием здешней среды мешает человеку вернуться в купол. Впрочем, по земным меркам, может быть, никакого изъяна нет, а есть свойство психики, которое на Земле вполне обычно и уместно, но настолько не гармонирует с условиями Юпитера, что человеческий рассудок не выдерживает этого противоречия.

В коридоре дробно застучали когти, и Фаулер тускло улыбнулся. Байбак возвращается с кухни — ходил проведать своего друга, повара... Байбак вошел, держа в зубах кость. Помахал Фаулеру хвостом и плюхнулся на пол подле стола. Зажав кость между лапами, он долго смотрел на хозяина слезящимися старческими глазами, наконец Фаулер опустил руку и потрепал косматое ухо.

— Ты еще любишь меня, Байбак? — спросил он.

Байбак постучал хвостом по полу.

— Один ты и любишь, — сказал Фаулер и выпрямился.

Повернувшись к столу, он снова взял в руки папку.

Беннет?.. Беннета на Земле ждет невеста.

Эндрюс?.. Эндрюс мечтает вернуться в Марсианский технологический институт, как только накопит денег на год учебы.

Олсон?.. Олсону скоро пора на пенсию. Все уши прожужжал ребятам рассказами о том, как уйдет на покой и будет выращивать розы.

Фаулер бережно положил папку на место.

Приговаривает людей к смерти... Бледные губы на пергаментном лице мисс Стенли едва шевелились, когда она произносила эти слова. Посылает их на верную гибель, а сам сидит тут в полной безопасности.

Можно не сомневаться, что все в куполе так говорят, особенно теперь, когда еще и Ален не вернулся. Нет, в лицо-то не скажут. Не скажет даже следующий, кого он вызовет сюда, чтобы сообщить, что пришла его очередь.

Но их глаза будут достаточно выразительными.

Он опять взял папку. Беннет, Эндрюс, Олсон. Есть и другие, да что толку от этого. Все равно он больше не в силах — не в силах смотреть им в глаза и посылать их на смерть.

Кент Фаулер наклонился и щелкнул рычажком связного устройства.

— Слушаю, мистер Фаулер.

— Пожалуйста, дайте мисс Стенли.

Дожидаясь соединения, он слушал, как Байбак вяло гложет кость. Бедняга, все зубы сточились...

— Мисс Стенли слушает.

— Я только хотел сказать вам, мисс Стенли, чтобы вы приготовили все к отправке еще двоих.

— Вы не боитесь, что у вас скоро совсем никого не останется? — спросила мисс Стенли. — Уж лучше посылать по одному, так экономичнее, и удовольствие растянете.

— Один из них — пес, — сказал Фаулер.

— Пес!

— Да, Байбак.

Ярость сделала ее голос ледяным:

— Своего собственного пса! Который столько лет с вами...

— Вот именно, — ответил Фаулер. — Байбак расстроится, если я его брошу.

Это был не тот Юпитер, который он знал по телевизору. Он ожидал, что Юпитер окажется другим, но не настолько. Ожидал, что очутится в аду, где хлещет аммиачный ливень, курятся ядовитые пары, ревет и лютует ураган. Где мчатся, крутятся облака, ползет туман и темное

небо секут чудовищные молнии. Он никак не предполагал, что ливень окажется всего-навсего легкой пурпурной мглой, стремительно летящей над пунцовым ковром травы. Ему в голову не приходило, что зигзаги грозовых разрядов будут ликующим фейерверком в ярком небе.

Ожидая Байбака, Фаулер поочередно напрягал свои мышцы и дивился их упругой силе. Совсем недурное тело... Он усмехнулся, вспомнив, с каким состраданием смотрел на скакунцов, изредка мелькавших на экране телевизора.

Очень уж трудно было представить себе живой организм, основу которого взамен воды и кислорода составляют аммиак и водород, трудно поверить, чтобы такой организм мог испытывать ту же радость в бурлящем котле Юпитера, тому, кто не подозревает, что для здешних существ Юпитер отнюдь не бурлящий котел.

Ветер теребил его ласковыми пальцами, и Фаулер оторопело подумал, что на земную мерку этот ветерок — свирепый ураган, ревущий поток смертоносных газов силой в двадцать баллов.

Сладостные запахи пронизывали его плоть. Запахи?.. Но ведь он совсем не то привык понимать под обонянием. Словно каждая клеточка его пропитывается лавандой. Нет, не лавандой, конечно, а чем-то другим, чего он не может назвать. Несомненно, это лишь первая в ряду многих ожидающих его терминологических проблем. Потому что известные ему слова, воплощение мысленных образов землянина, отказывались служить юпитерианину.

Люк в куполе открылся, и оттуда выскочил Байбак. То есть преображенный Байбак. Он хотел окликнуть пса, нужные слова уже сложились в уме. Но он не смог их вымолвить. Он вообще не мог сказать ни слова — говорить-то нечем!

На миг всю душу Фаулера обуял сосущий ужас, панический испуг, потом он схлынул, но в сознании еще вспыхивали искорки страха.

Как разговаривают юпитериане? Как...

Вдруг он физически ощутил присутствие Байбака, остро ощутил теплое, щедрое дружелюбие косматого зверя, который был рядом с ним и на Земле, и на многих других планетах. Такое чувство, словно пес на секунду сам целиком переселился в его мозг.

И на бурлящем гребне вторгшейся в сознание волны дружелюбия всплыли слова:

— Здорово, дружище.

Нет, не слова — лучше слов. Мысленные образы, транслировались мысленные образы, несравненно богаче оттенками, чем любые слова.

— Здорово, Байбак, — отозвался он.

— До чего же мне хорошо, — сказал Байбак. — Будто я снова щенком стал. Последнее время мне было так паршиво. Ноги не сгибаются, зубы совсем сточились. Попробуй погрызи кость такими зубами. И блохи вконец одолели. Раньше, в молодости, я их не замечал. Одной больше, одной меньше...

— Но... постой... — В голове у Фаулера все смешалось. — Ты разговариваешь со мной!

— Само собой, — ответил Байбак. — Я всегда с тобой разговаривал, да ты меня не слышал. Я много раз пытался тебе что-нибудь сказать, но у меня ничего не получалось.

— Иногда я понимал тебя, — возразил Фаулер.

— Не очень-то, — сказал Байбак. — Понимал, когда я просил есть или пить, когда просился гулять, но не больше того.

— Прости меня.

— Уже простил. Спорим, я первый до скалы добегу.

Только сейчас Фаулер увидел вдали, в нескольких милях, скалу, она переливалась какой-то удивительной хрустальной красотой под сенью многоцветных облаков.

Он заколебался.

— Так далеко...

— Да ладно, чего там, — и Байбак сорвался с места, не дожидаясь ответа.

Фаулер побежал за ним вдогонку, испытывая силу своих ног, выносливость нового тела. Сперва нерешительно, но нерешительность тотчас сменилась изумлением, и он помчался во всю прыть, исполненный ликования, которое вобрало в себя и пунцовую траву, и летящий по воздуху мелкий дождь.

На бегу он услышал музыку, она будоражила все его тело, пронизывала волнами плоть, влекла его вперед на серебряных крыльях скорости. Такая музыка льется в солнечный день с колокольни на весеннем пригорке. Чем ближе скала, тем мощнее мелодия, вся вселенная наполнилась брызгами волшебных звуков. И он понял, что музыку рождает пенный водопад, скатывающийся по ослепительным граням скалы.

Только не водопад, конечно, а аммиакопад, и скала такая белая потому, что состоит из твердого кислорода.

Он остановился рядом с Байбаком, там, где водопад рассыпался на сверкающую стоцветную радугу. Нет, не сто, а сотни цветов видел он, потому что здесь не было привычного человеческому глазу плавного перехода между основными цветами, а спектр с изумительной четкостью делился на элементарные линии.

— Музыка... — заговорил Байбак.

— Да, что ты хочешь о ней сказать?

— Музыку создают акустические колебания, — сказал Байбак. — Колебания падающей воды.

— Постой, Байбак, откуда ты знаешь про акустические колебания?

— А вот знаю, — возразил Байбак. — Меня только что осенило!

И тут в его мозгу неожиданно возникла формула — формула процесса, позволяющего металлу выдерживать юпитерианское давление.

Пока он удивленно смотрел на водопад, сознание мгновенно расположило все цвета в их спектральной последовательности. И все это ни с того ни с сего, само по себе; ведь он ровным счетом ничего не знал ни о металлах, ни о цветах.

— Байбак! — воскликнул он. — Байбак, с нами что-то происходит!

— Ага, — ответил Байбак, — я уже заметил.

— Все дело в мозге, — продолжал Фаулер. — Он заработал на полную мощность, все до единой клеточки включились. И мы соображаем то, что нам давно следовало бы знать. Может быть, мозг землян от природы работает туго, со скрипом. Может быть, мы дебилы Вселенной. Может, так устроены, что нам все дается трудно.

А внезапно прояснённый разум уже говорил ему, что дело не ограничится цветовой гаммой водопада или металлом неслыханной прочности. Сознание предвосхищало что-то еще, великие откровения, тайны, недосягаемые для человеческого ума, недоступные обыкновенному воображению. Тайны, факты, умозаключения... Все, что может постичь рассудок, до конца использующий свою мощь.

— Мы все еще земляне, более всего земляне, — заговорил он. — Мы только-только начинаем прикасаться к тому, что нам предстоит познать, к тому, что было сокрыто от нас, пока мы оставались землянами, именно потому, что мы были землянами. Потому что наш организм, человеческий организм, несовершенен.

Он плохо оснащен для мыслительной работы, свойства, необходимые для того, чтобы достичь подлинного знания, у нас недостаточно развиты. А может быть, у нас их вовсе нет...

Он оглянулся на купол — игрушечный черный бугорок вдали.

Там остались люди, которым недоступна красота Юпитера. Люди, которым кажется, что лик планеты закрыт мятущимися тучами и хлещущим дождем. Незрячие глаза. Никудышные глаза... Глаза, не видящие красоту облаков, не видящие ничего из-за шторма. Тела, неспособные радостно трепетать от трелей звонкой музыки над клокочущим потоком.

Люди, странствующие в одиночестве, в ужасающем одиночестве, и речь их подобна речи мальчишек, намеренно коверкающих слова для таинственности, и не дано им общаться так, как он общается с Байбаком, безмолвно, совмещая два сознания. Не дана им способность читать в душе друг друга.

Он, Фаулер, настраивался на то, что в этом чуждом мире его на каждом шагу будут подстерегать ужасы, прикидывал, как укрыться от незнаемых опасностей, готовился бороться с отвращением, вызванным непривычной средой.

И вместо всего этого обрел нечто такое, перед чем блекнет все, что когда-либо знал человек. Быстроту движений, совершенство тела.

Восторг в душе и удивительно полное восприятие жизни. Более острый ум. И мир красоты, какого не могли вообразить себе величайшие мечтатели Земли.

— Ну, пошли? — позвал его Байбак.

— А куда мы пойдем?

— Все равно куда. Пошли, там будет видно. У меня такое чувство... или предчувствие...

— Я все понял, — сказал Фаулер.

Потому что им владело такое же чувство. Чувство высокого предназначения. Чувство великой цели. Сознание того, что за горизонтом тебя ждет что-то небывало увлекательное и значительное. И остальные пятеро чувствовали то же самое. Властное стремление увидеть, что там, за горизонтом, неодолимый зов яркой, насыщенной жизни.

Вот почему они не вернулись.

— Я не хочу возвращаться, — сказал Байбак.

— Но мы не можем их подводить, — возразил Фаулер.

Он сделал шаг-другой к куполу, потом остановился.

Возвращаться в купол... Возвращаться в пропитанное ядами, ноющее тело. Прежде он вроде бы и не замечал, как все тело ноет, но теперь-то знает его пороки.

Снова мутное сознание. Туго соображающий мозг. Рты, которые открываются и закрываются, испуская сигналы для собеседника. Глаза, которым он теперь предпочел бы откровенную слепоту. Унылое, мешкотное, тупое существование.

— Как-нибудь в другой раз, — пробурчал он, обращаясь к самому себе.

— Мы столько сделаем, столько увидим, — говорил Байбак. — Мы столько узнаем, откроем...

Да, их ждут открытия... Может быть, новые цивилизации. Перед которыми цивилизация человека покажется жалкой. Встречи с прекрасным и — что еще важнее — способность его постичь. Ждет товарищество, какого еще никто — ни человек, ни пес — не знал.

И жизнь. Полнокровная жизнь вместо былого тусклого существования.

— Не могу я возвращаться, — сказал Байбак.

— Я тоже, — отозвался Фаулер.

— Они меня снова в пса превратят.

— А меня — в человека, — сказал Фаулер.

Комментарий к пятому преданию

Шаг за шагом, по мере того как развертывается действие, читатель получает все более полное представление о роде людском. И все больше убеждается, что этот род скорее всего вымышлен. Не могло такое племя пройти путь от скромных ростков до высот культуры, которая приписывается ему преданиями. Слишком многого ему недостает.

Мы уже видели, что ему не хватает устойчивости. Увлечение машинной цивилизацией в ущерб культуре, основанной на более глубоких и значимых жизненных критериях, говорит об отсутствии фундаментальных качеств.

А пятое предание показывает нам к тому же, что это племя располагало ограниченными средствами общения — обстоятельство, которое отнюдь не способствует движению вперед. Неспособность Человека по-настоящему понять и оценить мысли и взгляды своих собратьев — камень преткновения, какого никакая инженерная премудрость не могла бы преодолеть.

Что сам Человек отдавал себе в этом отчет, видно из того, как он стремился овладеть учением Джуэйна, однако следует отметить, что им руководила не надежда вооружить свой разум новым качеством, а погоня за властью и славой. В учении Джуэйна Человек видел средство за несколько десятков лет продвинуться вперед на сто тысячелетий.

От предания к преданию становится все яснее, что человек бежал наперегонки то ли с самим собой, то ли с неким воображаемым преследователем, который мчался за ним по пятам, дыша в затылок. Он исступленно домогался познания и власти, но остается совершенной загадкой, на что он намеревался их употребить.

Согласно преданию, Человек расстался с пещерами миллион лет назад. И однако он всего лишь за сто с небольшим лет до описанного в пятом предании времени нашел в себе силы отринуть убийство, составлявшее одну из фундаментальных черт его образа жизни. Это ли не подлинное мерило дикости Человека: миллион лет понадобился ему, чтобы избавиться от наклонности к убийству, — и он считает это великим достижением.

После знакомства с этим преданием большинству читателей покажется вполне убедительной гипотеза Борзого, что Человек введен в повествование намеренно, как антитеза всего, что олицетворяет собой Пес, как этакий воображаемый противник, персонаж социологической басни.

В пользу такого вывода говорят и многократные свидетельства отсутствия у Человека осознанной цели, его непрестанных метаний и попыток обрести достойный образ жизни, который упорно не дается ему в руки, потому, быть может, что Человек никогда сам не знает точно, чего хочет.

V

РАЙ

...И вот перед ним купол. Приникшее к земле чужеродное тело, которое решительно не сочеталось с пурпурной мглой Юпитера, испуганное творение, сжавшееся в комок от страха перед огромной планетой.

Существо, бывшее некогда Кентом Фаулером, смотрело на купол, широко расставив крепкие ноги.

Чужеродное тело... Как же сильно я отдалился от людей. Ведь оно совсем не чужеродное. Для меня не чужеродное. В этом куполе я жил, мечтал, думал о будущем. Его я покинул со страхом в душе. К нему возвращаюсь со страхом в душе.

Меня обязывает к этому память о людях, которые были подобны мне до того, как я стал другим, до того, как обрел жизнерадостность, бодрость, счастье, недоступные человеку.

Байбак коснулся его боком, и душу Фаулера согрело веселое дружелюбие бывшего пса, осязаемое дружелюбие, и товарищество, и любовь, которые, надо думать, существовали все время, но о которых Фаулер не подозревал, пока он оставался человеком, а Байбак — псом.

Мозг уловил мысли пса.

— Не делай этого, дружище, — говорил Байбак.

— Я обязан, Байбак, понимаешь, — ответил Фаулер чуть ли не со стоном. — Для чего я вышел из купола? Чтобы выяснить, что же такое на самом деле Юпитер. Теперь я могу рассказать им об этом, могу принести долгожданный ответ.

Ты обязан был сделать это давным-давно, произнес мысленный голос, неясный, далекий человеческий голос откуда-то из недр его юпитерианского сознания. *Но из трусости ты все откладывал и откладывал. Ты бежал, потому что боялся возвращаться. Боялся, что тебя снова превратят в человека.*

— Мне будет одиноко, — сказал Байбак, сказал, не произнося ни слова, просто Фаулеру передалось чувство одиночества, послышался раздирающий душу прощальный звук. Как будто его сознание и сознание Байбака на миг слились воедино.

Он стоял молча, в нем поднималось отвращение. Отвращение при мысли о том, что его снова превратят в человека, вернут ему неполноценное тело, неполноценный разум.

— Я пошел бы с тобой, — сказал Байбак, — но ведь я не выдержу, могу при этом умереть. Ты же знаешь, я совсем одряхлел. И блохи заели меня, старика. От зубов пеньки остались, желудок не варил. А какие ужасные сны мне снились! Щенком я любил гоняться за кроликами, теперь же во сне кролики за мной гонялись.

— Ты останешься здесь, — сказал Фаулер. — Я еще вернусь сюда.

Если смогу убедить их, подумал он. *Если получится... Если сумею им объяснить...*

Он поднял широкую голову и проследил взглядом череду холмов, переходящих в высокие горы, окутанные розовой и пурпурной мглой. Молния прочертила в небе зигзаг, озаряя мглу и облака ликующим светом.

Медленно, неохотно он побрел вперед. На крыльях ветра прилетел какой-то тонкий запах, и он вобрал его всем телом, точно кот, катающийся на кошачьей мяте. Нет, не запах, конечно, просто он не мог подобрать лучшего, более точного слова. Пройдут годы, и люди разработают новую терминологию.

Как рассказать им о летучей мгле, что стелется над холмами? О чистой прелести этого запаха? Какие-то вещи они, конечно, поймут. Что здесь не ощущаешь потребности в еде и никогда не хочешь спать, что нет ничего похожего на терзающие человека неврозы. Это они поймут, потому что тут вполне годятся обыкновенные слова, годится существующий язык.

Но как быть с остальным — со всем тем, что требует новой лексики? С чувствами, которых человек еще никогда не испытывал? С качествами, о которых он и не мечтал? Как рассказать о небывалой ясности ума и остроте мысли, о способности использовать весь мозг до последней клеточки? Обо всем том, что здесь само собой разумеется, но чего человек никогда не знал и не умел, потому что его организм лишен необходимых свойств.

Я напишу об этом, сказал он себе. *Сяду и не торопясь все опишу.*

А впрочем, слово, запечатленное на бумаге, тоже далеко не совершенное орудие...

Над кварцевой шкурой купола выступал телевизионный иллюминатор, и Фаулер доковылял до него. По иллюминатору бежали струйки сгустившейся мглы, поэтому он выпрямился перед ним во весь рост.

Сам-то он все равно ничего не разглядит, зато люди внутри купола увидят его. Люди, которые ведут непрерывные наблюдения, следят за бушующей стихией Юпитера, за неистовыми ураганами и аммиачными дождями, за стремительно летящими облаками смертоносного метана. Ведь людям Юпитер представляется только таким.

Подняв переднюю лапу, он быстро начертил на влажной поверхности иллюминатора буквы, написал задом наперед свою фамилию.

Они должны знать, кто пришел, чтобы не было ошибки. Должны знать, какую программу закладывать. Иначе его могут преобразовать в чужое тело. Возьмут не ту матрицу, и выйдет из аппарата кто-то другой — юный Ален, или Смит, или Пелетье. И ошибка может оказаться роковой.

Аммиачный дождь сначала размазал, потом вовсе смыл буквы. Фаулер написал их снова.

Уж теперь-то разберут. Прочтут и поймут, что вернулся с отчетом один из тех, кого преобразовали в скакунцов.

Он опустился на траву и быстро повернулся к двери преобразовательного отсека. Она медленно отворилась ему навстречу.

— Прощай, Байбак, — тихо вымолвил Фаулер.

Тотчас в мозгу зазвучало тревожное предупреждение: *Еще не поздно! Ты еще не вошел. Еще можешь передумать. Повернуть кругом и бежать.*

Мысленно скрипя зубами, он решительно пошел вперед. Ощутил металлический пол под ногами, почувствовал, как позади него закрылась дверь. Уловил напоследок обрывок мыслей Байбака, потом воцарился мрак.

Перед ним была камера преобразователя, и он направился к ней вверх по наклонному ходу.

Человек и пес уходили вдвоем, подумал он, *и вот теперь человек возвращается.*

Пресс-конференция проходила успешно. Текущая информация содержала одни приятные новости.

Да-да, сообщил репортерам Тайлер Вебстер, недоразумение на Венере полностью улажено. Достаточно было представителям сторон встретиться и побеседовать вместе. Эксперименты по жизнеобеспечению в холодных лабораториях на Плутоне протекают нормально. Экспедиция к Альфе Центавра стартует, как было предусмотрено, вопреки всем слухам о том, что она будто бы срывается. Коммерческий совет скоро выпустит новый прейскурант на ряд предметов межпланетной торговли, устраняющий некоторые несоответствия.

Ничего сенсационного. Никаких броских заголовков. Ничего потрясающего для «Последних известий».

— Тут Джон Калвер попросил меня напомнить вам, господа, — продолжал Вебстер, — что сегодня исполняется сто двадцать пять лет с того дня, как в Солнечной системе было совершено последнее убийство. Сто двадцать пять лет без единого случая преднамеренного лишения жизни.

Он откинулся в кресле, изобразив улыбку, хотя в душе с содроганием ждал вопроса, который неминуемо должен был последовать.

Однако они еще не были готовы задать этот вопрос, сперва полагалось выполнить некий ритуал, без которого не обходилась ни одна пресс-конференция.

Берли Стефан Эндрюс, заведующий отделом печати «Межпланетных новостей», прокашлялся, словно собираясь сообщить нечто важное, и спросил с наигранной торжественностью:

— А как наследник?

Лицо Вебстера просияло.

— На уик-энд полечу домой, к нему, — ответил он. — Вот игрушку купил.

Он взял со стола что-то вроде маленькой трубы.

— Старинная выдумка... Говорят, точно старинная. Совсем недавно начали выпускать. Подносите к глазу, крутите и видите прелестные узоры. Там перекатываются цветные стеклышки. У этой штуки есть специальное название...

— Калейдоскоп, — живо вставил один из репортеров. — Я про него читал. В одном историческом труде об обычаях и нравах начала двадцатого века.

— Вы уже смотрели в него, мистер председатель? — поинтересовался Эндрюс.

— Нет, — ответил Вебстер. — По правде говоря, только сегодня приобрел, да и занят был.

— И где же вы ее приобрели, мистер председатель? — спросил кто-то. — Я тоже не прочь подарить моему отпрыску такую штуковину.

— Да тут, за углом. Магазин игрушки, вы его знаете. Как раз сегодня поступили.

Ну вот, можно и закругляться... Еще несколько шутливых замечаний, потом пора бы вставать и расходиться.

Однако они не уходили. И он знал, что так просто они не уйдут. Ему сказала об этом внезапная тишина и громкое шуршание бумаг, призванное смягчить ее натянутость.

А затем Стефан Эндрюс задал вопрос, которого Вебстер так опасался. Хорошо еще, что Эндрюс, а не кто-нибудь другой... Он всегда держится более или менее доброжелательно, и его агентство предпочитает объективную информацию, не переиначивает сказанное, как это делают некоторые любители интерпретировать.

— Мистер председатель, — начал Эндрюс, — поговаривают, будто на Землю возвратился человек, который подвергался преобразованию на Юпитере. Нам хотелось бы услышать от вас, верно ли это сообщение?

— Верно, — сухо ответил Вебстер.

Все ждали, и Вебстер тоже ждал, сидя неподвижно в своем кресле.

— Вы не хотите комментировать его? — спросил наконец Эндрюс.

— Нет, — сказал Вебстер.

Он обвел взглядом лица собравшихся. Напряженные — угадывающие причину его решительного отказа обсуждать эту тему. Довольные — маскирующие мысль о том, как можно переиначить его скупой ответ. Сердитые — эти возмущенно выскажутся о праве народа знать истину.

— Прошу прощения, господа, — сказал Вебстер.

Эндрюс тяжело поднялся.

— Благодарим вас, мистер председатель, — заключил он.

Откинувшись в кресле, Вебстер смотрел, как расходятся репортеры, а когда они разошлись, остро ощутил холод опустевшего помещения.

Они распнут меня, думал он. *Разделают под орех, и я не могу дать сдачи. Не могу рта раскрыть.*

Он встал, подошел к окну и посмотрел на сад, освещенный косыми лучами уходящего на запад солнца.

Нет, он просто не мог сказать им правду.

Рай!.. Царство небесное для тех, кто искал его! И конец человечества... Конец всем мечтам и идеалам, конец самого рода людского.

На столе замигал зеленый огонек, пискнул звуковой сигнал, и он поспешил вернуться на свое место.

— Что случилось?

На маленьком экране возникло лицо.

— Псы сейчас доложили, сэр, что мутант Джо пришел в вашу усадьбу и Дженкинс впустил его.

— Джо?! Вы уверены?

— Так говорят псы. А они никогда не ошибаются.

— Верно, — медленно произнес Вебстер. — Они не ошибаются.

Лицо на экране растаяло, и Вебстер опустился в кресло.

Дотянулся негнущимися пальцами до пульта и не глядя набрал нужный индекс.

На экране выросла усадьба — приземистое строение на открытом ветру холме в Северной Америке. Строение, которому скоро тысяча лет. Место, где жили, мечтали и умирали многие поколения Вебстеров.

В глубокой выси над домом летела ворона, и Вебстер услышал — или вообразил, что услышал, — донесенное ветром «карр»...

Все в полном порядке. Во всяком случае с виду. Усадьба дремлет в лучах утреннего солнца, на просторной лужайке замерла статуя —

изображение давно умершего предка, который пропал на звездной тропе. Ален Вебстер, он первым покинул Солнечную систему, направляясь к той самой Альфе Центавра, куда через день-другой вылетает экспедиция с Марса.

Никакого переполоха, вообще никакого движения.

Рука Вебстера нажала рычажок. Экран погас.

Дженкинс справится, сказал он себе. *Лучше, чем справился бы любой человек на его месте. Что ни говори, эта металлическая коробка начинена почти тысячелетней мудростью. Скоро сам позвонит и скажет, в чем там дело.*

Он набрал другую комбинацию.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем на экране появилось лицо.

— Что стряслось, Тайлер?

— Мне только что сообщили, что Джо...

Джон Калвер кивнул.

— Мне тоже сообщили. Я как раз проверяю.

— Ну и что же ты скажешь об этом визите?

Начальник Всемирной службы безопасности задумчиво наморщил лоб.

— Может, он сдался. Ведь мы ему и прочим мутантам вздохнуть не даем. Псы потрудились на славу.

— Но до сих пор не было никаких данных, ничего, что говорило бы об их готовности уступить.

— Подумай сам, — сказал Калвер. — Вот уже больше ста лет они шагу шагнуть не могут без нашего ведома. Все, что они делают, записывается на наши ленты. Что ни затеют, мы блокируем. Вначале они думали, что это не так. Вот и признали, что мы загнали их в угол.

— Вряд ли, — строго произнес Вебстер. — Когда эти парни почуют, что их загоняют в угол, гляди, как бы самого не припечатали к ковру.

— Постараюсь оказаться сверху, — обещал Калвер. — И буду держать тебя в курсе.

Изображение погасло, но Вебстер продолжал уныло глядеть на стеклянный прямоугольник.

Черта с два их загонишь в угол. Калвер знает это не хуже его. И все-таки...

Почему Джо пришел к Дженкинсу? Почему не обратился сюда, в Женеву? Самолюбие не позволяет? Предпочитает переговоры через робота?.. Как-никак Джо с незапамятных времен знает Дженкинса.

Вебстер невольно ощутил прилив гордости. Ему было лестно, что Джо пришел к Дженкинсу (если они верно угадали причину). Ведь Дженкинс, пусть у него металлическая шкура, тоже из Вебстеров...

Гордость... думал Вебстер. *Были свершения, были и промахи... Но ведь все — незаурядные личности. Кого ни возьми. Джером, из-за которого мир не получил учение Джуэйна. Томас, который даровал*

миру усовершенствованный теперь принцип тяги для космических кораблей. Сын Томаса — Ален, который попытался долететь до звезд, но не смог. Брюс, который первым пришел к мысли о двойной цивилизации человека и пса. Наконец, он сам — Тайлер Вебстер, председатель Всемирного комитета...

Он поставил локти на стол и сплел пальцы, глядя на струящийся в окно свет вечернего солнца.

Исповедью он заполнил ожидание. Он ждал писклявого сигнала, который скажет ему, что звонит Дженкинс, чтобы доложить, зачем пришел Джо.

Если бы...

Если бы наконец удалось достичь взаимопонимания... Если бы люди и мутанты могли поладить между собой... Если бы можно было забыть зашедшую в тупик подспудную войну, то вместе, втроем, человек, пес и мутант, пошли бы далеко.

Вебстер покачал головой. Нет, на это не приходится рассчитывать. Слишком велико различие, слишком широка брешь. Подозрительность человека, снисходительные усмешки мутантов — неодолимая преграда. Потому что мутанты — особое племя, боковая ветвь, которая намного ушла вперед. Это люди, которые стали законченными индивидуалистами, общество им не нужно, признание других людей не нужно, они совершенно лишены сплачивающего род стадного инстинкта, на них не действуют социальные факторы.

И ведь это из-за мутантов небольшой отряд мутированных псов до сих пор практически не принес почти никакой пользы своему старшему брату, человеку. Потому что псы больше ста лет заняты слежкой, выполняют роль полицейских отрядов, которые держат под наблюдением мутантов.

Поглядывая на видеофон, Вебстер оттолкнул назад кресло, выдвинул ящик стола, достал папку.

Потом нажал рычажок, вызывая секретаря.

— Слушаю, мистер Вебстер.

— Я пойду к мистеру Фаулеру, — сказал Вебстер. — Если будет вызов...

— Если будет вызов, сэр, я вам тотчас сообщу. — Голос секретаря чуть дрожал.

— Благодарю.

Вебстер отпустил рычажок.

Уже прослышали, сказал он себе. *Все до единого, на всех этажах навострили уши, ждут новостей.*

Кент Фаулер сидел, развалившись в кресле, под окном своей комнаты и смотрел, как маленький черный терьер ретиво копает землю в поисках воображаемого кролика.

— Учти, Пират, — сказал Фаулер, — меня ты не обманешь.

Пес остановился, глянул на него, весело оскалясь, ответил возбужденным лаем, потом снова принялся копать.

— Рано или поздно все равно не выдержишь, проговоришься, — объявил Фаулер. — И я тебя выведу на чистую воду.

Пират продолжал рыть землю.

Хитрый чертенок, подумал Фаулер. *Умен не по летам. Вебстер напустил его на меня, и он играет свою роль на совесть. Ищет кроликов, пачкает в кустах, чешется — обыкновенный пес, да и только. Но меня-то ему не провести. Никто из них не проведет меня.*

Хрустнул камешек под чьей-то ногой, и Фаулер поднял голову.

— Добрый вечер, — поздоровался Тайлер Вебстер.

— Я уже заждался вас, — сухо ответил Фаулер. — Садитесь и выкладывайте. Без экивоков. Вы мне не верите?

Вебстер опустился в кресло рядом, положил на колени папку.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал он.

— Сомневаюсь, — отрезал Фаулер. — Я прибыл сюда с сообщением, которое казалось мне очень важным. Прибыл с отчетом, который дался мне дорогой ценой, вы и не представляете себе, чего мне это стоило.

Он сгорбился в кресле.

— Да поймите вы, все то время, пока я нахожусь в человеческом обличье, для меня — духовная пытка.

— Сожалею, — ответил Вебстер, — но мы должны были удостовериться, должны были проверить ваш ответ.

— И проверить меня?

Вебстер кивнул.

— Пират тоже в этом участвует?

— Он не Пират, — мягко сказал Вебстер. — Вы его обидели, если называли Пиратом. Теперь у всех псов человеческие имена. Этого зовут Эльмар.

Пес перестал копать землю и подбежал к ним. Сел возле Вебстера и потер грязной лапой вымазанные глиной усы.

— Ну, что ты скажешь, Эльмар? — спросил Вебстер.

— Он человек, никакого подвоха, — ответил пес, — но не совсем человек. Только не мутант. Что-то еще. Что-то чужое.

— Ничего удивительного, — сказал Фаулер. — Я пять лет был скакунцом.

Вебстер кивнул.

— Какой-то след должен был остаться. Это естественно. И пес не мог не заметить этого. Они на этот счет чуткие. Прямо-таки медиумы. Мы потому и поручили им мутантов — как бы ни прятались, все равно выследят.

— Значит, вы мне верите?

Вебстер перелистал лежащие на коленях бумаги, потом осторожно разгладил их.

— Боюсь, что да.

— Почему — боюсь?

— Потому что вы — величайшая из опасностей, которые когда-либо угрожали человечеству.

— Опасность?! Да вы что! Я предлагаю вам... предлагаю...

— Знаю, — ответил Вебстер. — Вы предлагаете рай.

— И это вас пугает?

— Ужасает. Да вы попробуйте представить себе, что будет, если мы объявим об этом народу и люди поверят. Каждому захочется улететь на Юпитер и стать скакунцом. Хотя бы потому, что скакунцы, похоже, живут по нескольку тысяч лет.

Все жители Солнечной системы потребуют, чтобы их немедленно отправили на Юпитер. Никто не захочет оставаться человеком. Кончится тем, что люди исчезнут, все превратятся в скакунцов. Вы об этом подумали?

Фаулер нервно облизнул пересохшие губы.

— Конечно. Другого я и не ожидал.

— Человечество исчезнет, — ровным голосом продолжал Вебстер. — Исчезнет накануне своих самых великих свершений. Испарится. Все, чего удалось достичь за многие тысячелетия, насмарку.

— Но вы не знаете... — возразил Фаулер. — Вам не понять. Вы не были скакунцом. А я был. — Он ткнул себя пальцем в грудь: — Я знаю, что это такое.

Вебстер покачал головой.

— Так ведь я не об этом спорю. Вполне допускаю, что скакунцом быть лучше, чем человеком. Но я никак не могу согласиться с тем, что мы вправе разделаться с человечеством, променять все, что было и будет совершено человеком, на то, что способны совершить скакунцы. Человечество продвигается вперед. Может быть, не с такой легкостью, не так мудро и блистательно, как ваши скакунцы, зато мне сдается, что в конечном счете мы продвинемся намного дальше. У нас есть свое наследие, есть свои предначертания, нельзя же все это просто взять да отправить за борт.

Фаулер наклонился вперед

— Послушайте, — сказал он. — Я все делал честь по чести. Пришел прямо к вам, во Всемирный комитет. А ведь мог обратиться к печати и радио, чтобы припереть вас к стене, но я не стал этого делать.

— Вы хотите сказать, что Всемирный комитет не вправе один решать этот вопрос. Что народ тоже должен участвовать.

Фаулер молча кивнул.

— Так вот, по чести говоря, — продолжал Вебстер, — я не полагаюсь на мнение народа. Существуют такие вещи, как реакция плебса,

как эгоизм. Что им до рода человеческого, каждый будет думать только о себе.

— То есть вы говорите мне, что я прав, но вы тут ничего не можете поделать?

— Не совсем так. Что-нибудь придумаем. Юпитер может стать чем-то вроде дома для престарелых. Придет пора человеку уходить на заслуженный отдых...

У Фаулера вырвалось рычание.

— Награда, — презрительно бросил он. — Пастбище для старых лошадей. Рай по путевкам.

— Зато мы и человечество спасем, — подчеркнул Вебстер, — и Юпитер используем.

— Это черт знает что! — вскричал он. — Я прихожу к вам с ответом на вопрос, который вы поставили. С ответом, который обошелся вам в миллиарды долларов. А сотни людей, которыми вы были готовы пожертвовать? Расставили по всему Юпитеру преобразователи, пропускали через них людей пачками, они не возвращались, вы считали их мертвыми и все равно продолжали слать других! Ни один не вернулся — потому что они не хотели, не могли вернуться, их пугала мысль снова стать людьми. И вот я вернулся. А что проку? Трескучие фразы... словесные ухищрения... допросы, проверки. И наконец мне объявляют, что я есть я, да только мне не надо было возвращаться.

Фаулер опустил руки и весь понурился.

— Полагаю, я свободен, — произнес он. — Не обязан здесь оставаться.

Вебстер медленно кивнул.

— Конечно, свободны. С самого начала вы были свободны. Я только просил вас побыть здесь, пока шла проверка.

— И я могу возвратиться на Юпитер?

— Учитывая все обстоятельства, — ответил Вебстер, — это, пожалуй, совсем неплохая мысль.

— Удивляюсь почему вы сразу мне этого не предложили, — с горечью сказал Фаулер. — Такой удобный выход. Сдали отчет в архив, забыли об этом деле, и продолжай распоряжаться Солнечной системой, словно фишками в детской игре. Ваш род уже не первый век отличается, сколько дров наломали, так нет же, люди предоставили вам новую возможность... По милости одного из ваших предков мир лишился учения Джуэйна, другой сорвал попытки наладить сотрудничество с мутантами...

— Оставьте в покое меня и мой род! — резко произнес Вебстер. — Это серьезнее, чем...

Однако Фаулер перекричал его:

— Но это я вам не позволю загубить. Хватит, мир и так достаточно потерял из-за вас, Вебстеров. А теперь такая возможность открывается!

Я расскажу людям про Юпитер. Пойду в газеты, на радио. Буду кричать со всех крыш. Я...

Он вдруг осекся, и у него задрожали плечи.

— Я принимаю ваш вызов, Фаулер, — с холодной яростью сказал Вебстер. — По-вашему не будет. Я не позволю, чтобы вы сделали такую вещь.

Фаулер уже встал и, повернувшись к нему спиной, решительно шагал к калитке.

Сидя на месте, будто скованный, Вебстер вдруг почувствовал, как его ногу тронула собачья лапа.

— Догнать его, хозяин? — спросил Эльмар. — Задержать?

Вебстер покачал головой.

— Пусть идет. У него такое же право, как у меня, поступать по своему разумению.

Прохладный ветерок, перевалив через ограду, теребил плащ на плечах Вебстера.

А в мозгу упорно отдавались слова. Произнесенные здесь, в саду, несколько секунд назад, они словно вышли из глубины веков. *По милости одного из ваших предков мир лишился учения Джуэйна. По милости одного...*

Он сжал кулаки, так что ногти впились в ладони.

От нас одни только несчастья, сказал себе Вебстер. *Всему человечеству несчастья. Учение Джуэйна... Мутанты... Да, но мутанты вот уже несколько веков как овладели учением Джуэйна, а ни разу его не применили. Джо отобрал его у Гранта, и Грант всю жизнь потратил на то, чтобы вернуть пропажу, да так и не вернул.*

А может быть, в этом учении ничего такого нет, попытался утешить себя Вебстер. *Иначе мутанты непременно пустили бы его в ход. Или — кто знает? — мутанты нам просто голову морочат, а на самом деле не лучше нашего разобрались?*

Тихий металлический кашель заставил Вебстера поднять глаза. На крыльце стоял маленький серый робот.

— Вызов, сэр, — доложил робот. — Вызов, которого вы ждали.

На экране возникло лицо Дженкинса — старое, уродливое, архаичное лицо. Никакого сравнения с гладкими, будто живыми лицами, которыми щеголяли работы новейших моделей.

— Простите, что беспокою вас, сэр, — сказал Дженкинс, — но случилось нечто из ряда вон выходящее. Пришел Джо и просит разрешения воспользоваться вашим видеофоном, чтобы связаться с вами, сэр. А в чем дело, не говорит. Дескать, просто захотелось побеседовать с давним соседом.

— Включи его, — сказал Вебстер.

— Не пойму я его поведение, сэр, — продолжал Дженкинс. — Пришел и больше часа переливал из пустого в порожнее, прежде чем попросил соединить с вами. С вашего позволения, сэр, мне это кажется очень странным.

— Понятно, — ответил Вебстер. — Он вообще со странностями, этот Джо.

Лицо Дженкинса исчезло, его сменило другое — лицо мутанта Джо. Волевые черты, морщинистая, обветренная кожа, серо-голубые живые глаза, серебрящиеся на висках волосы.

— Дженкинс мне не доверяет, Тайлер, — сказал Джо с затаенной усмешкой, от которой Вебстера всегда коробило.

— Коли на то пошло, я вам тоже не доверяю, — отрубил он.

Джо прищелкнул языком.

— Полно, Тайлер, разве мы вам хоть когда-нибудь чем-нибудь досадили? Хоть один из нас? Вы следите за нами, нервничаете, покоя не знаете, а ведь мы вам не сделали ничего дурного. Столько собак к нам приставили, что мы на каждом шагу на них натыкаемся, завели дела на нас, изучаете, обсуждаете, разбираете — как только самим до сих пор не тошно.

— Да, мы вас знаем, — сурово произнес Вебстер. — Знаем про вас больше, чем вы сами знаете. Знаем, сколько вас, и каждого в отдельности держим на примете. Хотите услышать, чем любой из вас был занят по минутам за последние сто лет? Спросите, мы вам скажем.

— А мы все это время печемся о вас, — ответил Джо елейным голосом. — Все прикидываем, как бы вам со временем помочь.

— За чем же дело стало? — огрызнулся Вебстер. — Мы с самого начала были готовы сотрудничать с вами. Даже после того, как вы украли у Гранта записи Джуэйна...

— Украли? Честное слово, Тайлер, тут какое-то недоразумение. Мы только взяли их, чтобы доработать. Он там такого нагородил...

— Уверен, вам и двух дней не понадобилось, чтобы разобраться, — отпарировал Вебстер. — Что ж вы тянули так долго? Приди вы к нам с ответом, сразу было бы ясно, что вы хотите сотрудничать, и шли бы мы дальше вместе. Мы отозвали бы собак, признали бы вас.

— Потеха, — сказал Джо. — Как будто нас когда-нибудь волновало ваше признание.

И Вебстер услышал смех — смех человека, который ни в ком не нуждается, для которого все потуги человеческого общества — уморительный анекдот. Который идет по жизни в одиночку и вполне этим доволен. Который считает род людской потешным и, возможно, чуть-чуть опасным, но именно это делает его еще потешнее. Который не испытывает потребности в братстве людей, отвергает это братство как нечто предельно трогательное и провинциальное, вроде клубов болельщиков двадцатого века.

— Ладно, — жестко произнес Вебстер. — Если вас больше устраивают такие отношения — пожалуйста. Я-то надеялся, что вы предложите какую-нибудь сделку, надеялся на примирение. Мы недовольны теперешними отношениями, мы за то, чтобы изменить их. Дело за вами.

— Погоди, Тайлер, — остановил его Джо, — не выходи из себя. Я думал, тебе будет интересно узнать, в чем же соль учения Джуэйна. О нем теперь почитай что забыли, а ведь было время, вся Солнечная система бурлила.

— Ладно, рассказывайте, — сказал Вебстер с явным недоверием в голосе.

— По сути, вы, люди, — одинокое племя, — начал Джо. — Никто из вас по-настоящему не знает своих собратьев. Не знает потому, что между вами нет нужного взаимопонимания. Конечно, у вас есть дружба, но дружба-то эта основана всецело на эмоциях, а не на глубоком взаимопонимании. Да, вы можете ладить между собой. Но опять же за счет терпимости, а не за счет понимания. Вы умеете согласованно решать проблемы, но что это за соглашения — кто посильнее духом, подавляет того, кто послабее.

— При чем тут все это?

— Так ведь именно в этом все дело! Учение Джуэйна позволит вам по-настоящему понимать друг друга.

— Телепатия?

— Что-то вроде. Мы, мутанты, владеем телепатией. Но тут речь о другом. Учение Джуэйна наделяет вас способностью воспринимать точку зрения другого человека. Вы не обязаны с ней соглашаться, но сможете отдать ей должное. Вы будете воспринимать не только смысл того, что вам говорит собеседник, но и степень его убежденности. Учение Джуэйна позволяет всесторонне оценить идею и ее обоснование, не только слова человека, но и смысл, который он в них вкладывает.

— Семантика, — сказал Вебстер.

— Называйте как хотите, а вся суть в том, что вам понятна не только формулировка, но и подразумеваемая мысль собственника. Это почти телепатия, но не совсем. Кое в чем даже получше телепатии.

— Ну хорошо, а как это достигается? Как вы...

Снова язвительный смех.

— Нет, ты сперва подумай как следует, Тайлер... Реши, так ли уж вам это нужно. Потом можно и потолковать.

— Сделку предлагаете? — сказал Вебстер.

Джо кивнул.

— С подвохом небось?

— Даже с двумя. Найдете, потолкуем и об этом.

— Ну а что вы хотите получить взамен?

— Много чего, — ответил Джо. — Но ведь и вы внакладе не останетесь.

Экран погас, а Вебстер все еще глядел на него невидящими глазами. Подвох?.. Разумеется. Ясно как день.

Он плотно зажмурился и услышал стук крови в мозгу.

Что там говорили про учение Джуэйна в те далекие дни, когда оно было утеряно? Будто за несколько десятилетий оно продвинуло бы человечество вперед на сотню тысяч лет. Что-то вроде этого...

Допустим, гипербола, но не такая уж большая. Так сказать, позволительное преувеличение.

Человек по-настоящему понимает другого человека, воспринимает его мысли не искаженно, видит не только слова, но и вложенный в них смысл, оценивает точку зрения другого как свою собственную. И включает ее в мерки, с которыми подходит к тому или иному вопросу. Конец недоразумениям, конец предвзятости, подозрительности, препирательствам — ясное, полное осознание всех спорных сторон всякой проблемы. Применимо в любой области человеческой деятельности. В социологии, в психологии, в технике — какую грань цивилизации ни возьми. Конец раздорам, конец нелепым ошибкам, честная и разумная оценка наличных фактов и идей.

Сто тысячелетий за несколько десятков лет? Что ж, пожалуй, не так уж и невероятно.

А подвох?.. Или никакого подвоха нет? Действительно ли мутанты решили уступить? В обмен на что-нибудь? Или это кошелек на веревочке, а за углом мутанты со смеха покатываются?..

Сами они не использовали учение. Естественно, они-то в нем не нуждаются. У них есть телепатия, их она вполне устраивает. Для чего индивидуалистам средство понимать друг друга, когда они отлично обходятся без такого понимания. Мутанты в своих взаимоотношениях довольствуются теми контактами, которые необходимы, чтобы обеспечить их интересы, но не больше того. Они сотрудничают для спасения своей шкуры, но радости им это не доставляет.

Предложение от души?.. Приманка, чтобы отвлечь внимание и тем временем незаметно провернуть какую-то махинацию?.. Розыгрыш? Подвох?..

Вебстер покачал головой. Пойди разберись. Разве угадаешь побуждения и мотивы мутанта!

С приближением вечера стены и потолок кабинета пропитались мягким скрытым светом, он становился все ярче по мере того, как сгущалась темнота. Вебстер поглядел на окно — черный прямоугольник с редкими вспышками реклам, озаряющих контуры здания.

Он нажал рычажок, соединяясь с секретарем.

— Простите, я вас задержал. Совсем забыл про время.

— Ничего, сэр, — ответил секретарь. — Вас тут ждет посетитель. Мистер Фаулер.

— Фаулер?

— Тот джентльмен, который прилетел с Юпитера.

— Да-да, — тоскливо произнес Вебстер. — Пусть войдет.

Он едва не забыл про Фаулера и его угрозы.

Вебстер рассеянно поглядел на стол, задержал свой взгляд на калейдоскопе. *Забавная игрушка... Оригинальная вещица. Бесхитростная забава для простодушных умов далекого прошлого. Но для сынишки это будет целое событие.*

Он протянул руку, взял калейдоскоп, поднес его к глазу. Преображенный трубою свет создал буйную комбинацию красок, какую-то геометрическую фантасмагорию. Вебстер слегка повернул трубу — узор изменился. Повернул еще...

Внезапно мозг пронизала щемящая мука, краски обожгли сознание ни с чем не сравнимой болью.

Калейдоскоп со стуком упал на столешницу. Вебстер ухватился руками за край стола.

Вот так детская игрушка! — подумал он с содроганием.

Недомогание прошло, сознание прояснилось, дыхание успокоилось, а он все сидел будто каменный.

Странно... Странно, почему это штука так на меня подействовала. Или калейдоскоп тут вовсе и ни при чем? Приступ? Сердце шалит? Да нет, вроде бы рановато. И ведь он совсем недавно проверялся.

Щелкнула дверь, и Вебстер поднял взгляд на посетителя.

Фаулер степенно, не торопясь, подошел к столу и остановился.

— Слушаю вас, Фаулер.

— Я вспылил тогда, в саду, — начал Фаулер, — и зря. Мне казалось, вы меня обязаны понять, хотя почему, собственно, обязаны? И меня такая досада взяла... Судите сами, возвращаюсь с Юпитера, чувствую, что все-таки не напрасно столько лет провел там в куполах, все, что я пережил, когда посылал людей на эксперимент, окупилось, что ли. Да, возвращаюсь с известием, которого ждал весь мир, с таким известием, что лучшего и представить невозможно! И мне казалось, вы это сразу поймете, все люди поймут! У меня было такое чувство, словно я принес им ключи от рая. Ведь это так и есть, Вебстер... так и есть, другого слова не подберешь.

Фаулер оперся ладонями о стол и наклонился вперед.

— Неужели вы меня не понимаете, Вебстер? — произнес он шепотом. — Хоть сколько-нибудь?..

У Вебстера дрожали руки, он опустил их на колени и сжал в кулаки до боли в суставах.

— Понимаю, — прошептал он в ответ, — кажется, понимаю.

Он в самом деле понял.

Понял больше того, что ему сказали слова. Он физически ощутил кроющиеся за словами тревогу, мольбу, горькое разочарование. Ощутил так, будто сам на минуту стал Фаулером и говорил за него.

— Что с вами, Вебстер? — испуганно воскликнул Фаулер. — Что случилось?

Вебстер пытался заговорить, но слова не давались ему. Горло словно закупорило пробкой боли.

Он сделал новое усилие и с натугой, тихо заговорил:

— Скажите, Фаулер... Вы там приобрели много новых качеств. Много такого, чего человек совсем не знает или представляет себе очень смутно. Вроде мощной телепатии... или, скажем...

— Да, — подтвердил Фаулер, — я многое там приобрел. Но ничего не сохранил. Как только снова стал человеком, так и вся натура стала прежней, человеческой. Ничего не прибавилось. Остались только смутные воспоминания и... ну, и тоска, что ли.

— Значит, вы не сохранили ничего из качеств, которыми обладали, когда были скакунцом?

— Ничего.

— А не осталось у вас способности внушить мне какую-нибудь важную для вас мысль? Сделать так, чтобы я воспринял что-то так же, как вы воспринимаете?

— Увы.

Вебстер вытянул руку, подтолкнул пальцем калейдоскоп. Он откатился и снова замер.

— Почему вы сейчас вернулись? — спросил Вебстер.

— Чтобы найти общий язык с вами. Сказать, что я совсем не обижаюсь. И попытаться объяснить вам свою позицию. Просто мы по-разному глядим на вещи, только и всего. Стоит ли из-за этого ссориться...

— Понятно. И вы по-прежнему твердо намерены обратиться к народу?

Фаулер кивнул:

— Я обязан это сделать. Уверен, вы меня понимаете, Вебстер. Это для меня... это... ну, в общем, что-то вроде религии. Я в это верю и обязан рассказать другим, что существует лучший мир и лучшая жизнь. Должен указать им дорогу.

— Мессия, — произнес Вебстер.

Фаулер выпрямился.

— Ну вот, так я и знал. Насмешка не...

— Я вовсе не насмехаюсь, — мягко объяснил Вебстер.

Он поставил калейдоскоп торчком и принялся его поглаживать, размышляя: *Не готов... Еще не готов... я должен в себе разобраться. Хочу ли я, чтобы он понимал меня так же хорошо, как я его понимаю?*

— Послушайте, Фаулер, — сказал он, — подождите день-два. Потерпите немного. Два дня, не больше. А потом побеседуем с вами еще раз.

— Я прождал достаточно долго.

— Но мне нужно, чтобы вы поразмыслили вот о чем... Человек появился миллион лет назад, он был тогда просто животным. Потом он шаг за шагом взбирался вверх по лестнице. Шаг за шагом одолевал трудности и созидал свой образ жизни, созидал свою философию, вырабатывал свой подход к решению практических проблем. Можно даже говорить о геометрической прогрессии. Сегодняшние возможности человека намного выше вчерашних. Завтра они будут больше сегодняшних. Впервые за всю историю своего племени человек, что называется, начинает осваивать технику игры. Можно сказать, он только-только пересек стартовую черту. Дальше он в более короткий срок пройдет куда больше, чем прошел до сих пор.

Может быть, такого блаженства, как на Юпитере, не будет, может быть, нас ждет нечто совсем другое. Возможно, человечество — серенький воробушек рядом с юпитерианами. Зато это наша жизнь. То, за что боролся человек. То, что он построил своими руками. Предначертание, которое он сам выполнял.

Страшно подумать, Фаулер, неужели мы в ту самую минуту, когда из нас начинает получаться толк, променяем свою судьбу на другую, о которой ровным счетом ничего не знаем, не знаем, чем она чревата.

— Я подожду, — сказал Фаулер. — Подожду день-два. Но я предупреждаю... Вам от меня не отделаться. Не удастся меня переубедить.

— Большего я и не прошу. — Вебстер встал и протянул ему руку. — По рукам?

Но, пожимая руку Фаулера, Вебстер уже знал, что все это понапрасну. Джуэйн не Джуэйн — человечество стоит перед решающей проверкой. И учение Джуэйна только усугубляет все дело. Потому что мутанты своего никогда не упустят... Если он верно угадал, если они задумали таким способом избавиться от человечества, то иначе не останется ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка, который не посмотрел бы в калейдоскоп. Да и почему непременно калейдоскоп? Один бог ведает, сколько еще способов они знают...

Проводив взглядом Фаулера, он подошел к окну. Очертания домов озарялись новой световой рекламой, какой не было прежде. Какой-то диковинный узор озарял ночь многоцветными вспышками. Вспыхнет — погаснет, вспыхнет — погаснет, словно кто-то крутил огромный калейдоскоп.

Вебстер стиснул зубы.

Этого следовало ожидать.

Мысль о Джо наполнила его душу лютой ненавистью. Так вот для чего он вызывал его к видеофону — лишний раз втихую посмеяться над людьми... Очередной жест трюкача, который снизошел до того, чтобы намекнуть простакам, в чем хитрость, когда их уже обвели вокруг пальца и поздно что-то предпринимать.

Надо было перебить их всех до одного, сказал себе Вебстер и подивился тому, как трезво и бесстрастно его мозг пришел к такому умозаключению. *Искоренить, как искореняют опасную болезнь.*

Но человек отверг насилие как средство решать общественные и личные конфликты. Вот уже сто двадцать пять лет, как люди не ходят стенка на стенку.

Во время разговора с Джо учение Джуэйна лежало на моем столе. Достаточно было потом протянуть руку, чтобы... Вебстер остолбенел, осененный догадкой. *Достаточно было протянуть за ним руку... И я это сделал!*

Это даже не телепатия, не чтение мыслей. Джо знал, что он возьмет в руки калейдоскоп, — конечно, знал! Особое предвидение, умение заглянуть в будущее. Хотя бы на час-другой, а больше и не требовалось.

Джо — и не только Джо, все мутанты знали про Фаулера. Мозг, наделенный даром проникать в чужие мысли, может легко выведать все, что нужно.

Но это не все, тут кроется еще что-то.

Глядя на цветные вспышки, он представил себе, как тысячи людей сейчас видят их. Видят, и сознание их поражает внезапный шок.

Вебстер нахмурился, соображая, в чем сила этих мелькающих узоров. Возможно, они действуют особым образом на какой-то центр в мозгу... До сих пор центр этот не работал, время не приспело, а тут его подхлестнули, и он включился.

Учение Джуэйна, наконец! Веками искали — и вот обрели. Но обрели в такую минуту, когда человеку лучше бы вовсе не знать его.

В своем отчете Фаулер написал: *Я не могу сообщить объективных данных, потому что у меня нет для этого нужных определений.* У него и теперь, разумеется, нет нужных слов, зато есть кое-что получше — слушатели, способные почувствовать искренность и убежденность тех слов, которыми он располагает. Слушатели, наделенные новым свойством, позволяющим хотя бы отчасти уловить величие того, что принес им Фаулер.

Джо все предусмотрел. Он ждал этой минуты. И превратил учение Джуэйна в оружие против человечества.

Потому что само это учение приведет к тому, что человек улетит на Юпитер. Сколько его ни вразумляй, он все равно улетит на Юпитер. Во что бы то ни стало улетит.

Единственная надежда победить в поединке с Фаулером заключалась в том, что он был бессилен описать виденное, рассказать о пережитом, не мог довести до сознания людей то, что его волновало. Выраженная заурядными земными словами, его мысль прозвучала бы тускло, неубедительно. Даже если бы ему поверили в первую минуту, эта вера была бы непрочной, людей можно было бы переубедить.

Теперь надежда рухнула, ведь слова Фаулера уже не покажутся тусклыми и неубедительными. Люди ощутят, что такое Юпитер, так же явственно, так же живо, как это ощущает Фаулер.

И земляне переберутся на Юпитер, отдав предпочтение юпитерианской жизни.

А Солнечная система, вся Солнечная система, кроме Юпитера, будет в распоряжении нового племени, племени мутантов, они будут создавать культуру по своему вкусу, и вряд ли эта культура пойдет по тому же пути, что цивилизация предков.

Вебстер отвернулся от окна и быстро подошел к столу. Нагнулся, выдвинул ящик, сунул внутрь руку. И вынул предмет, которым никогда в жизни не собирался пользоваться, — реликвию, музейный экспонат, много лет пролежавший в забвении...

Он протер носовым платком металлическую поверхность пистолета, потом дрожащими пальцами проверил механизм.

Все упирается в Фаулера. Если Фаулер умрет...

Если Фаулер умрет и станции на Юпитере демонтируют и покинут, затея мутантов сорвется. В активе человека будет учение Джуэйна и свой, ему предначертанный путь. Экспедиция «Центавр» отправится к звездам. Будут продолжаться эксперименты по освоению Плутона. Человек пойдет дальше по курсу, проложенному его цивилизацией. Пойдет быстрее, чем когда-либо. Превосходя все самые дерзкие мечты.

Два великих завоевания... Отказ от насилия как средства решать противоречия между людьми. И дарованное учением Джуэйна взаимопонимание. Два могучих ускорителя на путях в будущее.

Отказ от насилия и...

Вебстер уставился на зажатый в руке пистолет, а в мозгу у него словно ураган гудел.

Два великих завоевания — и он собирается перечеркнуть первое из них.

Сто двадцать пять лет не было убийства человека человеком, и вот уже больше тысячи лет, как убийство отвергнуто как способ разрешения общественных конфликтов.

Тысяча лет мира — и один смертный случай может все свести на нет. Одного выстрела в ночи довольно, чтобы рухнуло все здание, чтобы человек вернулся к прежним, звериным суждениям.

Вебстер убил — почему мне нельзя? Если уж на то пошло, кое-кого не мешало бы прикончить. Правильно Вебстер сделал,

только надо было не останавливаться на этом. И не вешать его надо, а наградить. Вешать надо мутантов. Если бы не они...

Именно так будут рассуждать люди.

Вот о чем гудит ураган в моем мозгу.

... Вспышки пестрых узоров рождали призрачный отсвет на стенах и полу.

Фаулер видит эти узоры. Он тоже глядит на диковинные вспышки, а если и не глядит, так ведь у меня есть еще калейдоскоп.

Он придет сюда, мы сядем и потолкуем. Сядем и потолкуем...

Вебстер швырнул пистолет обратно в ящик и пошел к двери.

Комментарий к шестому преданию

Если о происхождении других преданий цикла еще можно спорить, то здесь все очевидно. Шестое предание отмечено явственной печатью Псовой сказительской традиции. В нем есть и глубокие эмоциональные ценности, и пристальное внимание к этическим проблемам, которое присуще всем прочим сказаниям Псов.

И однако Резон, как ни странно, именно в этом предании видит наиболее веское свидетельство того, что человечество якобы существовало на самом деле. Перед нами, утверждает он доказательство, что эти самые предания рассказывали Псы, сидя у пылающих костров и толкуя о Человеке, погребенном в Женеве или улетевшем на Юпитер. Перед нами, говорит он также, сообщение о первом исследовании Псами миров гоблинов и о первых шагах к созданию братства животных.

И он видит здесь свидетельство того, что Человек представлял племя, которое одно время шло вместе с Псами по пути развития культуры. По мнению Резона, нет оснований утверждать, что именно описанная в предании катастрофа сокрушила Человека. Он допускает, что предание в том виде, в каком мы знаем его сегодня, за сотни лет было дополнено и приукрашено. При всем при том он видит в нем веские и убедительные доказательства того, что на род людской была наслана какая-то кара.

Борзый, который не усматривает в предании фактических свидетельств, будто бы обнаруженных Резоном, полагает, что сказитель просто доводит до логического финала культуру, якобы созданную Человеком. Без широкой перспективы, без элементов органической стабильности не может выжить ни одна культура — вот, по мнению Борзого, урок настоящего предания.

В отличие от других частей цикла это предание говорит о Человеке с какой-то нежностью. Он одновременно одинок и несчастен, но и по-своему величествен. Как типичен для него гордый жест, когда под конец ценой самопожертвования он обретает божественный ореол.

И все-таки в преклонении Эбинизера перед Человеком есть какие-то странные оттенки, давшие пищу для особенно ожесточенных споров среди исследователей цикла.

В своей книге «Миф о Человеке» Разгон спрашивает: «Если бы Человек пошел по другому пути, может быть, со временем он достиг бы такого же величия, как Пес?»

Вероятно, многие читатели цикла уже перестали задавать себе этот вопрос.

VI

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Кролик свернул за куст, маленький черный пес метнулся за ним — и с разбегу остановился. На тропке перед ним стоял волк, в его зубах трепетала окровавленная тушка кролика.

Эбинизер застыл на месте, вывесив язык красной тряпкой, он тяжело дышал, и его слегка мутило от увиденного.

Кролик был такой славный!

Чьи-то ноги простучали по тропе за спиной Эбинизера, из-за куста опрометью выскочил Сыщик и остановился рядом с ним.

Волк быстро перевел взгляд с пса на карликового робота, потом обратно на пса. Бешеное янтарное пламя в его глазах постепенно потухло.

— Зря ты так сделал, Волк, — мягко произнес Эбинизер. — Кролик знал, что я его не трону, что все это понарошку. Он нечаянно наскочил на тебя, а ты его сразу схватил.

— Нашел с кем разговаривать, — прошипел Сыщик. — Он же ни слова не понимает. Смотри, как бы тебя не сожрал.

— Не бойся, при тебе он меня не тронет, — возразил Эбинизер. — К тому же он меня знает. С прошлой зимы помнит. Он из той стаи, которую мы подкармливали.

Медленно переступая, волк крадучись двинулся вперед, в двух шагах от пса остановился, тихо, нерешительно положил кролика на землю и подтолкнул его носом к Эбинизеру.

Сыщик не то пискнул, не то ахнул.

— Он отдает его тебе!

— Вижу, — спокойно ответил Эбинизер. — Я же говорю, что он помнит. У него еще ухо было обморожено, а Дженкинс его подлечил.

Вытянув морду и виляя хвостом, пес шагнул вперед. Волк на миг оцепенел, потом наклонил свою уродливую голову, принюхиваясь. Еще секунда, и они коснулись бы друг друга мордами, но тут волк отпрянул.

— Пойдем лучше отсюда, — позвал Сыщик. — Ты давай улепетывай, а я прикрою тебя с тыла. Если попробует...

— Ничего он не попробует, — перебил его Эбинизер. — Он наш друг. И за кролика его винить нельзя. Он же не понимает. Он так привык. Для него кролик просто кусок мяса.

Так же, как это когда-то было для нас, подумал он. *Как было для нас, пока первый пес не сел рядом с человеком у костра перед входом в пещеру. Да и после еще долго так было... Даже теперь иной раз, как увидишь кролика...*

Медленно, как бы извиняясь, волк дотянулся до кролика и взял его зубами. При этом он помахивал хвостом, только что не вилял им.

— Ну что! — воскликнул Эбинизер, и в ту же секунду волк метнулся прочь.

Серым пятном мелькнул среди деревьев, серой тенью растаял в лесу.

— Забрал, вот что, — возмутился Сыщик. — Этот мерзкий...

— Но сперва он отдал его мне, — торжествующе возразил Эбинизер. — Просто очень голодный был, оттого и не выдержал, а ведь такое сделал, чего не делал ни один волк. На мгновение зверь в нем отступил...

— Он хотел подарок за подарок.

Эбинизер покачал головой.

— Ему же стыдно было, когда он его забирал. Видел, как он хвостом помахивал? Это он объяснял, что хочет есть, что кролик ему нужен. Нужнее, чем мне.

Скользя глазами по зеленым просветам в волшебном лесу, пес втягивал носом запах перегноя, пьянящее благоухание изящных подснежников и фиалок, бодрящий, острый аромат молодой листвы, пробуждающегося весеннего леса.

— Смотришь, когда-нибудь... — заговорил он.

— Знаю, знаю, — вставил Сыщик. — Смотришь, когда-нибудь и волки тоже станут цивилизованными. И кролики, и белки, и все остальные дикие твари. Вы, псы, все томитесь...

— Не томимся, а мечтаем, — поправил его Эбинизер. — У людей было заведено мечтать. Бывало, сидят и что-нибудь придумывают. И мы так появились. Нас придумал человек по имени Вебстер. И повозился же он с нами. Горло переделал, чтобы мы говорить могли. Сделал нам контактные линзы, чтобы читали. Еще...

— Много проку было людям от их мечтаний, — ехидно произнес Сыщик.

Святая правда, подумал Эбинизер. *Сколько людей на Земле осталось? Одни мутанты, которые невесть чем заняты в своих башнях, да маленькая колония взаправдашних людей в Женеве. Остальные давно уже перебрались на Юпитер. Отправились на Юпитер и превратились там из людей во что-то совсем другое.*

Опустив хвост, Эбинизер повернул кругом и медленно поплелся по тропе.

Жаль кролика, думал он. *Такой был славный... Так здорово улепетывал. И совсем не от страха. Я за ним столько раз гонялся, он знал, что я не собираюсь его ловить.*

Но все равно Эбинизер не винил волка. Волк за кроликом не для потехи бегает. У волков нет скота, который дает мясо и молоко, нет посевов, дающих муку для галет.

— А ведь мне придется сказать Дженкинсу, что ты убежал, — ворчал жестокосердный Сыщик, топая за ним по пятам. — Знаешь ведь, что тебе сейчас положено слушать.

Пес продолжал молча трусить по тропе. Сыщик прав... Эбинизеру полагалось не гоняться за кроликами, а сидеть в усадьбе Вебстеров и слушать. Ловить звуки и запахи и все время быть готовым почуять, когда вблизи что-то появится. Как будто сидишь у стены и слушаешь, что за ней делается, а слышно еле-еле. Хорошо, если хоть что-то уловишь, а понять, что именно, и того труднее.

Это зверь во мне сидит и никак меня не отпускает, думал Эбинизер. *Древний пес, который сражался с блохами, глодал кости, раскапывал сусличьи норы. Это он заставляет меня убегать из дома и гоняться за кроликом, когда мне положено слушать, заставляет рыскать по лесу, когда мне положено читать старые книги с длинных полок в кабинете.*

Слишком быстро... Мы слишком быстро продвигались. Так было нужно.

Человеку понадобились тысячи лет, чтобы из нечленораздельных звучаний развились зачатки речи. Тысячи лет ушли на то, чтобы приручить огонь, и еще столько, чтобы изобрести лук и стрелы. Тысяча лет, чтобы научиться возделывать землю и собирать урожай, тысячи лет, чтобы сменить пещеру на жилище, построенное своими руками.

А мы всего какую-нибудь тысячу лет как научились говорить, и уже во всем предоставлены самим себе. Конечно, если не считать Дженкинса.

Лес поредел, дальше только узловатые дубы тяжело карабкались вверх по склону, будто заплутавшие старики.

Усадьба распласталась на бугре. Прильнув к земле, пустив глубокие корни, стояло размашистое сооружение, такое старое, что оно стало под цвет всему окружающему — деревьям, траве, цветам, небу, ветру, дождю. Усадьба, построенная людьми, которые были привязаны к ней и к земле кругом так же, как теперь к ней привязались псы. Усадьба, в которой жили и умирали члены легендарного рода, оставившего в веках след яркий, как метеор. Люди, что вошли в предания, которые теперь рассказывали у пылающего камина в ненастные ночи, когда ветер с воем тормошил крышу... Предания о

Брюсе Вебстере и первом псе Нэтэниеле; о человеке по имени Грант, который велел Нэтэниелу передать потомкам наказ; о другом человеке, который хотел долететь до звезд, и о старике, который сидел и ждал его на лужайке. И еще предания об ужасных мутантах, за которыми псы много лет следили.

И вот теперь люди ушли, но имя Вебстеров не забыто, и псы не забыли наказ, который Грант дал Нэтэниелу в тот давно минувший день.

Как будто вы — люди, как будто пес стал человеком.

Вот наказ, который десять столетий передавался из поколения в поколение. И настало время выполнять его.

Когда люди ушли, псы возвратились домой, со всех концов света вернулись туда, где первый пес произнес первое слово, где первый пес прочел первую печатную строку. Вернулись в усадьбу Вебстеров, где в незапамятные времена жил человек, мечтавший о двойной цивилизации, о том, чтобы человек и пес шли в веках вместе, лапа об руку.

— Мы старались как могли, — сказал Эбинизер вслух, словно обращаясь к кому-то. — И продолжаем стараться.

Из-за бугра донесся звон колокольчика, потом неистовый лай. Щенки гнали коров домой на вечернюю дойку.

В подземелье отложилась вековая пыль, серой пудрой лежала пыль, не откуда-то извне, а неотъемлемая часть самого подземелья, та его часть, которая со временем обратилась в прах.

Пряный запах пыли перебивал влажную затхлость, в голове жужжанием отдавалась тишина. Радиевая лампочка тускло освещала пульт с маховичком, рубильником и пятью-шестью шкалами.

Опасаясь нарушить спящую тишину, придавленный источаемым сводами грузом веков, Джон Вебстер медленно подошел к пульту. Протянул руку и тронул рубильник, словно проверяя, настоящий ли он, словно ему нужно было ощутить пальцем сопротивление, чтобы удостовериться, что рубильник на месте.

Рубильник был на месте. Рубильник, и маховичок, и шкалы, освещенные одинокой лампочкой. И все. Больше ничего. В тесном подземелье с голыми стенами больше ничего не было.

Все так, как обозначено на старом плане.

Джон Вебстер покачал головой... Как будто могло быть иначе. План верен. План помнит. Это мы забыли — забыли, а может быть, никогда и не знали, а может быть, и знать не хотели. Пожалуй, это вернее всего — знать не хотели.

Впрочем, с самого начала, наверно, лишь очень немного людей знали про это подземелье. Мало кто знал, потому что так было лучше для всех. С другой стороны, то, что сюда никто не приходил, еще не залог полной тайны. И не исключено...

Он в раздумье смотрел на пульт. Снова рука протянулась вперед, но тут же он ее отдернул. Не надо, лучше не надо! Ведь план ничего не говорит о назначении подземелья, о действии рубильника.

«Оборона» — вот и все, что написано на плане.

Оборона! Тогда, тысячу лет назад, естественно было предусмотреть оборону. Она так и не пригодилась, но ее держали на всякий пожарный случай. Потому что даже тогда братство людей было настолько зыбким, что одно слово, один поступок могли его разрушить. Даже после десяти веков мира жила память о войне, и Всемирный комитет неизменно считался с ее возможностью, думал о ней и о том, как ее избежать.

Застыв на месте, Вебстер слушал биение пульса истории. Истории, которая завершила свой ток. Истории, которая зашла в тупик, и вот уже вместо полноводной реки — заводь, несколько сот бесплодных человеческих жизней, стоячий пруд, не питающий родников человеческой энергии и дерзаний.

Вытянув руку, он коснулся ладонью стены и ощутил липучий холод, щекочущий ворс пылинок.

Фундамент империи... Погреб... Нижний камень могучего сооружения, гордо возвышавшегося над поверхностью земли, величавого здания, куда в древности сходились живые нити Солнечной системы. Империя не как символ захватничества, а как торжество упорядоченных человеческих взаимоотношений, построенных на взаимном уважении и мудрой терпимости.

Резиденция правительства, которое черпало психологическую уверенность в мысли о том, что есть верная, надежная оборона. И можно положиться на то, что она в самом деле верная, непременно надежная. Люди той поры не оставляли случаю никаких лазеек. Они прошли суровую школу и кое-что соображали.

Вебстер медленно повернулся, поглядел на следы, оставленные в пыли его ногами. Бесшумно, аккуратно ступая след в след, он вышел из подземелья, закрыл за собой тяжелую дверь и повернул замок, тщательно охраняющий тайну.

Идя вверх по ступенькам потайного хода, он думал:

Теперь можно садиться и писать свой исторический обзор. Наброски в основном сделаны, композиция ясна. Это будет превосходное, всестороннее исследование, вполне заслуживающее того, чтобы его прочли.

Но Вебстер знал, что никто не прочтет его труд. Не найдется желающих тратить на это время и силы.

На широком мраморном крыльце своего дома Вебстер остановился и окинул взглядом улицу. Красивая улица, самая красивая во всей Женеве, — зеленый бульвар, ухоженные клумбы, доведенные до блеска неугомонными роботами пешеходные дорожки.

Ни души на улице — и в этом ничего удивительного. Роботы рано заканчивают уборку, а людей в городе очень мало.

На высоком дереве пела птица — эта песенка вобрала в себя и солнце, и цветы, она рвалась из переполненного счастьем горлышка, пританцовывая от неиссякаемой радости.

Чистая улица, прикорнувшая в солнечных лучах, и большой прекрасный город. А какой в них смысл? Такую улицу должны заполнять смеющиеся дети, влюбленные пары, отдыхающие на солнце старики. Такой город — последний город на Земле, единственный город на Земле — должен быть полон движения и жизни.

Пела птица, и человек стоял на ступеньках, и тюльпаны блаженно кивали реющему по улице душистому ветерку.

Вебстер повернулся к двери, толкнул ее и переступил через порог.

Комната была тихая и торжественная, похожая на собор. Витражи, мягкие ковры... Старое дерево рдело патиной веков, медь и серебро искрились в свете лучей из стрельчатых окон. Над очагами висела выполненная в спокойных тонах большая картина — усадьба на бугре, усадьба, которая пустила корни в землю и ревниво льнула к ней. Из трубы вился дым — жидкая струйка, размазанная ветром по ненастному небу.

Вебстер прошел через комнату, не слыша своих шагов. *Ковры,* подумал он, *ковры стерегут здесь тишину. Рендолл и тут хотел все переиначить на свой лад, но я ему не позволил, и хорошо сделал. Человек должен сохранять что-нибудь старинное, быть верным чему-то, в чем слиты былые голоса и будущие надежды.*

Подойдя к рабочему столу, он нажал кнопку, и над столом зажегся свет. Он медленно опустился в кресло, протянул руку за папкой с черновиками. Открыл ее и прочел заглавие: «Исследование функционального развития города Женевы».

Превосходное заглавие. Солидное, ученое. А сколько труда вложено... Двадцать лет. Двадцать лет читал и сопоставлял, взвешивал слова и суждения предшественников, двадцать лет просеивал, отсеивал, отбирал факты, выявляя параметры не только города, но и людей. Никакого культа героев, никаких легенд, одни факты. А факты добыть далеко не просто.

Что-то прошелестело в комнате. Не шаги — просто шелест. И ощущение, что рядом кто-то сидит. Вебстер повернулся. Сразу за световым кругом от лампы стоял робот.

— Простите, сэр, — сказал робот, — но мне поручено вам доложить. Мисс Сара ждет в Морской.

Вебстер вздрогнул.

— Что, мисс Сара? Давно она здесь не появлялась.

— Совершенно верно, сэр, — отозвался робот. — Когда она вошла, сэр, мне показалось, что вернулись былые времена.

— Благодарю, Оскар, — сказал Вебстер. — Я сейчас. Принесите нам что-нибудь выпить.

— Она принесла с собой, сэр, — ответил Оскар. — Одну из этих смесей мистера Бэлентри.

— Бэлентри! Надеюсь, это не отрава.

— Я наблюдал за ней, — доложил Оскар. — Она уже пила, и с ней пока ничего не случилось.

Вебстер встал, вышел из кабинета и прошел по коридору. Толчком отворил дверь, и его встретил плеск прибоя. Он невольно прищурился от яркого света на раскаленном песке пляжа, белой чертой уходящего вправо и влево за горизонт. Перед ним простирался океан, голубые волны с солнечными блестками и с белыми мазками бурлящей пены.

Он двинулся вперед по шуршащему песку, постепенно глаза его освоились с разлитым в воздухе солнцем, и он увидел Сару.

Она сидела в пестром шезлонге под пальмами, рядом на песке стоял элегантный, пастельных тонов кувшин.

Воздух был с привкусом соли, и дыхание моря разбавляло прохладой зной на берегу.

Заслышав шаги, женщина встала и протянула руки навстречу Вебстеру. Он подбежал, стиснул протянутые руки и посмотрел на нее.

— Нисколько не состарилась. Такая же прекрасная, как в день нашей первой встречи.

Она улыбнулась, ее глаза лучились.

— И ты, Джон... Немного поседели виски. Это тебе даже к лицу. Вот и все.

Он рассмеялся.

— Мне скоро шестьдесят, Сара. Зрелость подкрадывается.

— Я тут принесла... Один из последних шедевров Бэлентри. Сразу станешь вдвое моложе.

Он крякнул.

— И как только Бэлентри не угробил половину Женевы своим зельем.

— Но этот напиток ему удался.

Она была права. Пьется легко, и вкус необычный — пьянящезвонкий.

Вебстер пододвинул себе шезлонг и сел, не отрывая глаз от Сары.

— Красиво у тебя здесь, — сказала она. — Рендолл?

Вебстер кивнул:

— Уж он отвел душу, так разошелся, что я его еле остановил. А эти его роботы! На что он шальной, так они еще хлестче!

— Зато какие великолепные вещи делает. Оборудовал для Квентина марсианскую комнату — это что-то неземное!

— Слышал, — сказал Вебстер. — Мне он непременно хотел отделать кабинет под уголок космоса. Дескать, самая лучшая обстановка,

чтобы посидеть, поразмышлять. Даже обиделся, когда я сказал, что не надо.

Глядя в голубую даль, он потер левую руку большим пальцем правой руки. Сара наклонилась и отвела палец в сторону.

— До сих пор не избавился от бородавок, — заметила она.

— Ага, — ухмыльнулся он. — Можно свести, да все никак не соберусь. Очень я занятой человек. Да и свыкся с ними.

Она выпустила его палец, и он опять принялся машинально скрести бородавки.

— Занятой человек, — повторила она. — То-то тебя давно не видно. Как книга подвигается?

— Можно садиться и писать. Уже размечаю главы. Сегодня проверял последний пункт. Хочется ведь, чтобы все было точно. Побывал в одном месте глубоко под землей, это под старым зданием Управления Солнечной системы. Какая-то оборонительная установка. Оперативный центр. Включаешь рубильник и...

— И что?

— Не знаю, — ответил Вебстер. — Надо думать, что-нибудь достаточно эффективное. Не мешало бы выяснить, да не могу себя заставить. Столько копался в пыли последние двадцать лет, больше сил нет.

— Я смотрю, ты что-то приуныл, Джон. Как будто устал. С чего бы это? Не вижу причин, ты у нас такой энергичный. Налить еще?

Он покачал головой.

— Нет, Сара, спасибо. Не то настроение. Мне страшно, Сара, страшно.

— Страшно?

— Эта комната... Иллюзии. Зеркала, которые создают иллюзию простора. Вентиляторы, которые насыщают воздух брызгами соленой воды, насосы, которые нагоняют волну. Искусственное солнце. А не хочется солнца — щелкни рычажком, и вот тебе луна.

— Иллюзии, — произнесла Сара.

— Вот именно. Вот все, что у нас есть. Нет настоящего дела, нет настоящей работы. К чему стремиться, для чего стараться? Вот я проработал двадцать лет, а закончу книгу — кто ее прочтет? Потратить на нее немного времени — вот и все, что от них требуется. Куда там! Зайдите, попросите у меня экземпляр, — а если недосуг, я и сам буду рад принести, лишь бы прочли. Никто и не подумает. И стоять ей на полке рядом со всеми прочими книгами. Так какой мне от этого толк? Что ж... я тебе отвечу. Двадцать лет труда, двадцать лет самообмана, двадцать лет умственного здоровья.

— Знаю, — мягко сказала Сара. — Все это мне известно, Джон.

Последние три картины...

Он живо повернулся к ней.

— Как, неужели...

Она покачала головой.

— Нет, Джон. Они никому не нужны. Мода не та. Реализм — это старо. Сейчас в чести импрессионизм. Мазня...

— Мы слишком богаты, — сказал Вебстер. — У нас слишком много всего. Мы получили все — все, и ничего. Когда человечество перебралось на Юпитер, Землю унаследовали те немногие, которые на ней остались, и оказалось, что наследство для них чересчур велико. Они не могли с ним справиться, не могли осилить. Думали, что обладают им, а вышло наоборот. Над ними возобладало, их подчинило себе, их подавило все то, что им предшествовало.

Она протянула руку, коснулась его руки.

— Бедный Джон.

— От этого не отвертишься, — продолжал он. — Настанет день, когда кому-то из нас придется взглянуть правде в глаза, придется начинать сначала, с первой буквы.

— Я...

— Да, что ты хотела сказать?

— Я ведь пришла проститься.

— Проститься?

— Я выбрала Сон.

Он быстро, испуганно вскочил на ноги.

— Что ты, Сара!

Она рассмеялась, но смех был насильственный.

— Присоединяйся, Джон. Несколько сот лет... Может быть, когда проснемся, все будет иначе.

— Только потому, что никто не берет твоих картин. Только потому...

— Потому самому, о чем ты сам сейчас говорил. Иллюзии, Джо. Я знала, чувствовала, просто не умела до конца осмыслить.

— Но ведь Сон — тоже иллюзия.

— Конечно. Но ты-то об этом не будешь знать. Ты будешь воспринимать его как реальность. Никаких тормозов и никаких страхов, кроме тех, которые запрограммированы. Все очень натурально, Джо, натуральнее, чем в жизни. Я ходила в Храм, мне там все объяснили.

— А потом, когда проснешься?

— Проснешься вполне приспособленным к той жизни, к тем порядкам, которые будут тогда царить. Словно ты родился в той эре. А ведь она может оказаться лучше. Как знать? Вдруг окажется лучше?

— Не окажется, — сурово возразил Джон. — Пока или если никто не примет мер. А народ, который ищет спасения в Сне, уже ни на что не отважится.

Она вся сжалась, и ему вдруг стало совестно.

— Прости меня, Сара. Я ведь не о тебе... Вообще ни о ком в частности. Я обо всех нас вместе взятых.

Хрипло шептались пальмы, шурша жесткими листьями. Блестели на солнце лужицы, оставленные схлынувшей волной.

— Я не стану тебя переубеждать, — добавил Вебстер. — Ты все продумала и знаешь, чего тебе хочется.

Люди не всегда были такими, подумал он. *В прошлом, тысячу лет назад, человек стал бы спорить, доказывать. Но джуэйнизм положил конец мелочным раздорам. Джуэйнизм многому положил конец.*

— Мне все кажется, — мягко заговорила Сара, — если бы мы не разошлись...

Он сделал нетерпеливый жест.

— Вот тебе еще один пример того, что нами потеряно, что упущено человечеством. Да, многого мы лишились, если вдуматься... Нет у нас ни семейных уз, ни деловой жизни, нет осмысленного труда, нет будущего.

Он повернулся и посмотрел на нее в упор.

— Сара, если ты хочешь вернуться...

Она покачала головой.

— Ничего не получится, Джон. Слишком много лет прошло.

Он кивнул. Что верно, то верно.

Она встала и протянула ему руку.

— Если ты когда-нибудь предпочтешь Сон, найди мой шифр. Я скажу, чтобы оставили место рядом со мной.

— Не думаю, чтобы я захотел, — ответил он.

— Нет так нет. Всего доброго, Джон.

— Постой, Сара. Ты ничего не сказала о нашем сыне. Прежде мы с ним часто встречались, но...

Она звонко рассмеялась.

— Том почти уже взрослый, Джон. И только представь себе, он...

— Я его давно не видел, — снова начал Вебстер.

— Ничего удивительного. Он почти не бывает в городе. Видно, в тебя пошел. Хочет стать каким-то первооткрывателем, что ли, не знаю, как это называется. Это его хобби.

— Ты подразумеваешь какие-нибудь новые исследования? Что-нибудь необыкновенное?

— Это точно, необыкновенное, но не исследование. Просто он уходит в лес и живет там сам по себе. Он и несколько его друзей. Мешочек соли, лук со стрелами... Странно, что говорить, но он очень доволен. Уверяет, будто там есть чему поучиться. И вид у него здоровый. Что твой волк — сильный, поджарый, глаза такие яркие...

Она повернулась и пошла к двери.

— Я провожу, — сказал Вебстер.

Она покачала головой.

— Нет, лучше не надо.

— Ты забыла кувшин.

— Возьми его себе, Джон. Там, куда я иду, он мне не понадобится.

Вебстер надел «мыслительный шлем» из пластика и включил пишущую машинку на своем рабочем столе.

Глава двадцать шестая, подумал он, и тотчас машинка защелкала, застучала, появились буквы «Глава XXVI».

На минуту Вебстер отключился, перебирая в уме данные и намечая план, затем продолжил изложение. Стук литер слился в ровное жужжание:

«Машины продолжали работать, как и прежде, под присмотром роботов, производя все то, что производилось прежде.

И роботы, зная, что это их право — право и долг, — продолжали трудиться, делая то, для чего их сконструировали.

Машины все работали, и роботы все работали, производя материальные ценности, словно было для кого производить, словно людей были миллионы, а не каких-нибудь пять тысяч.

И эти пять тысяч — кто сам остался, кого оставили — неожиданно оказались хозяевами мира, соразмеренного с потребностями миллионов, оказались обладателями ценностей и услуг, которые всего несколько месяцев назад предназначались для миллионных масс.

Правительства не было, да и зачем оно, если все преступления и злоупотребления, предотвращаемые правительством, теперь столь же успешно предотвращались внезапным изобилием, выпавшим на долю пяти тысяч. Кто же станет красть, когда можно без воровства получить все, что тебе угодно. Кто станет тягаться с соседом из-за земельного участка, когда весь земной шар — сплошная незанятая делянка. Право собственности почти сразу стало пустой фразой в мире, где для всех всего было в избытке.

Насильственные преступления в человеческом обществе давно уже фактически прекратились, и, когда с исчезновением самого понятия материальных проблем право собственности перестало порождать трения, надобность в правительстве отпала. Вообще отпала надобность в целом ряде обременительных обычаев и условностей, которые человек начал вводить, едва появилась торговля. Стали ненужными деньги: ведь финансы потеряли всякий смысл в мире, где и так можно было получить все, что нужно, — хоть попроси, хоть сам возьми.

С исчезновением экономических уз начали ослабевать и социальные. Человек больше не считал для себя обязательным подчиняться обычаям и нормам, игравшим столь важную роль в насквозь пронизанном коммерцией доюпитерианском мире.

Религия, которая из столетия в столетие теряла свои позиции, теперь совсем исчезла. Семья, которую скрепляли традиция и

экономическая потребность в кормильце и защитнике, распалась. Мужчины и женщины жили друг с другом без оглядки на экономические и социальные обстоятельства, которые перестали существовать».

Вебстер снова отключился, и машинка умиротворенно замурлыкала. Он поднял руки, снял шлем, перечитал последний абзац.

Вот оно, подумал, *вот корень. Если бы не распались семьи. Если бы мы с Сарой не разошлись...*

Он потер бородавки на руке.

Интересно, чья у Тома фамилия — моя или ее? Обычно они берут фамилию матери. Вот и я так поступил сперва, но потом мать попросила меня взять отцовскую. Сказала, что отцу будет приятно, а она не против. Сказала, что он гордится своей фамилией и я у него единственный ребенок. А у нее были еще дети.

Если бы мы не разошлись. Тогда было бы ради чего жить. Если бы не разошлись, Сара не выбрала бы Сон, не лежала бы сейчас в забытьи, с «шлемом грез» на голове.

Интересно, какие сны она выбрала, на какой искусственной жизни остановилась? Хотел спросить ее, но не решился. Да и не пристало спрашивать о таких вещах...

Он снова взял шлем, надел его на голову и привел в порядок свои мысли. Машинка сразу защелкала:

«Человек растерялся. Но ненадолго. Человек пытался что-то сделать. Но недолго.

Потому что пять тысяч не могли заменить миллионы, которые отправились на Юпитер, чтобы в ином обличье начать лучшую жизнь. У оставшихся пяти тысяч не было ни сил, ни идей, ни стимула.

Сыграли свою роль и психологические факторы. Традиция — она тяжелым грузом давила на сознание тех, кто остался. Джуэйнизм — он принудил людей быть честными с собой и с другими, принудил людей осознать наконец тщетность их потуг. Джуэйнизм не признавал превратной доблести. А между тем оставшиеся пять тысяч больше всего нуждались именно в превратной бездумной доблести, не отдающей себе отчета в том, что ей противостоит.

Все их усилия выглядели жалкими перед тем, что было совершено до них, и в конце концов они поняли, что пяти тысячам не под силу осуществить мечту миллионов.

Всем жилось хорошо. Так зачем терзаться? Есть еда, есть одежда, есть кров, есть дружеское общение, развлечения, всяческие удобства. Есть все, чего только можно себе пожелать.

И человек прекратил попытки что-то сделать. Он наслаждался жизнью. Стремление достичь чего-то ушло в небытие, вся жизнь людей превратилась в рай для пустоцветов».

Вебстер снова снял шлем, протянул руку и нажал кнопку, выключая машинку.

Если бы нашелся хоть один желающий прочесть то, что я напишу, думал он. *Хоть один желающий прочесть и осознать. Хоть один, способный уразуметь, куда идет человек.*

Конечно, можно им рассказывать об этом. Выйти на улицу, хватать каждого за рукав и держать, пока все не выскажу. И ведь они меня поймут, на то и джуэйнизм. Поймут, но вдумываться не станут, отложат впрок где-нибудь на задворках памяти, а извлечь оттуда потом будет лень или недосуг.

Будут предаваться все тем же дурацким занятиям, развлекаться все теми же бессмысленными хобби, которые заменили им труд. Рендолл с его отрядом шалых роботов ходит и упрашивает соседей, чтобы позволили переоборудовать их дома. Бэлентри часами изобретает новые алкогольные напитки. Ну а Джон Вебстер убивает двадцать лет, копаясь в истории единственного города Земли.

Тихо скрипнула дверь, и Вебстер обернулся. В комнату неслышно вошел робот.

— Да, в чем дело, Оскар?

Робот остановился — туманная фигура в полумраке кабинета.

— Пора обедать, сэр. Я пришел узнать...

— Что придумаешь, то и годится, — сказал Вебстер. — Да, Оскар, положи-ка дров в камин.

— Дрова уже положены, сэр.

Оскар протопал к камину, наклонился, в его руке мелькнуло пламя, и щепки загорелись.

Понурившись в кресле, Вебстер глядел, как огонь облизывает поленья, слушал, как они тихо шипят и потрескивают, как в дымоходе просыпается тяга.

— Красиво, сэр, — сказал Оскар.

— Тебе тоже нравится?

— Очень нравится.

— Генетическая память, — сухо произнес Вебстер. — Воспоминание о кузнице, в которой тебя выковали.

— Вы так думаете, сэр?

— Нет, Оскар, я пошутил. Просто мы с тобой оба анахронизмы. Теперь мало кто держит камины. Незачем. А ведь есть в них что-то — что-то чистое, умиротворяющее.

Он поднял глаза на картину над камином, озаряемую колышущимся пламенем. Оскар проследил его взгляд.

— Как жаль, сэр, что с мисс Сарой все так вышло, — сказал он.

Вебстер покачал головой.

— Нет, Оскар, она сама так захотела. Покончить с одной жизнью и начать другую. Будет лежать там в Храме и спать много лет, и будет у нее другая жизнь. Причем счастливая жизнь, Оскар. Потому что она ее сама задумала.

Его мысли обратились к давно минувшим дням в этой самой комнате.

— Это она писала эту картину, Оскар. Долго работала, все старалась поточнее передать то, что ее занимало. Иной раз смеялась и говорила мне, что я тоже здесь изображен.

— Я не вижу вас, сэр, — сказал Оскар.

— Верно, меня там нет. А впрочем, может быть, и есть. Не весь, так частица. Частица моих корней. Этот дом на картине — усадьба Вебстеров в Северной Америке. А я тоже Вебстер, но как же я далек от этой усадьбы, как далек от людей, которые ее построили.

— Северная Америка не так уж далеко, сэр.

— Верно, Оскар. Недалеко, если говорить о расстоянии. В других отношениях далеко.

Он почувствовал, как тепло камина, наполняя кабинет, коснулось его.

...Далеко. Слишком далеко — и не в той стороне.

Утопая ступнями в ковре, робот тихо вышел из комнаты.

Она долго работала, все старалась поточнее передать то, что ее занимало.

А что ее занимало? Он никогда не спрашивал, и она ему никогда не говорила. Помнится, ему всегда казалось, что, вероятно, речь идет о дыме — как ветер гонит его по небу, об усадьбе, как она приникла к земле, сливаясь с деревьями и травой, укрываясь от надвигающегося ненастья.

Но, может быть, что-нибудь другое? Какая-нибудь символика. Какие-нибудь черты, роднящие дом с людьми, которые его строили.

Он встал, подошел ближе и остановился перед камином, запрокинув голову. Теперь он различал мазки, и картина смотрелась не так, как на расстоянии. Видно технику, основные мазки и оттенки — приемы, которыми кисть создает иллюзию.

Надежность. Она выражена в самом облике крепкого, добротного строения. Стойкость. Она в том, как здание словно вросло в землю. Суровость, упорство, некоторая сумрачность...

Целыми днями она просиживала, настроив видеофон на усадьбу, прилежно делала эскизы, писала не спеша, часто сидела и просто смотрела, не прикасаясь к кистям. Видела собак, по ее словам, видела

роботов, но их она не изобразила, ей нужен был только дом. Одно из немногих сохранившихся поместий. Другие, веками оставаясь в небрежении, разрушились, вернули землю природе.

Но в этой усадьбе были собаки и роботы. Один большой робот, по ее словам, и множество маленьких.

Вебстер тогда не придал этому значения — был слишком занят.

Он повернулся, прошел обратно к столу.

Странно, если вдуматься. Роботы и собаки живут вместе. Один из Вебстеров когда-то занимался собаками, мечтал помочь им создать свою культуру, мечтал о двойной цивилизации человека и пса.

В мозгу мелькали обрывки воспоминаний. Смутные обрывки сохранившихся в веках преданий об усадьбе Вебстеров. Что-то о роботе по имени Дженкинс, который с первых дней служил семье Вебстеров. Что-то о старике, который сидел на лужайке перед домом в своей качалке, глядя на звезды и ожидая исчезнувшего сына. Что-то о довлеющем над домом проклятье, которое выразилось в том, что мир не получил учения Джуэйна.

Видеофон стоял в углу комнаты, словно забытый предмет обстановки, которым почти не пользуются. Да и зачем им пользоваться — весь мир сосредоточился здесь, в Женеве.

Вебстер встал, сделал несколько шагов, потом остановился. Номера-то в каталоге, а где каталог? Скорее всего в одном из ящиков стола.

Он вернулся к столу, начал рыться в ящиках. Охваченный возбуждением, он рылся нетерпеливо, словно терьер, ищущий кость.

Дженкинс, робот-патриарх, потер металлический подбородок пальцами. Он всегда так делал, когда задумывался, бессмысленный жест, нелепая привычка, заимствованная у людей, с которыми он так долго общался.

Его взгляд снова обратился на черного песика, сидящего на полу рядом с ним.

— Так ты говоришь, волк вел себя дружелюбно? — сказал Дженкинс. — Предложил тебе кролика?

Эбинизер взволнованно заерзал.

— Это один из тех, которых мы кормили зимой. Из той стаи, которая приходила к дому, и мы пытались ее приручить.

— Ты смог бы его узнать?

Эбинизер кивнул.

— Я запомнил его запах. Я узнаю.

Сыщик переступил с ноги на ногу.

— Послушай, Дженкинс, задай ты ему взбучку! Ему положено было слушать тут, а он убежал в лес. Что это он вдруг вздумал гоняться за кроликами...

— Это ты заслужил взбучку, Сыщик, — строго перебил его Дженкинс. — За такие слова. Тебя придали Эбинизеру, ты его часть. Не воображай себя индивидом, ты всего-навсего руки Эбинизера. Будь у него свои руки, он обошелся бы без тебя. Ты ему не наставник и не совесть. Только руки, запомни.

Сыщик возмущенно зашаркал ногами.

— Я убегу, — сказал он.

— К диким роботам, надо думать.

Сыщик кивнул.

— Они меня с радостью примут. У них такие дела затеяны. Я им пригожусь.

— Пригодишься как металлолом, — язвительно произнес Дженкинс. — Ты же ничему не обучен, ничего не знаешь, где тебе с ними равняться.

Он повернулся к Эбинизеру:

— Подберем тебе другого.

Эбинизер покачал головой:

— По мне, и Сыщик хорош. Я с ним как-нибудь полажу. Мы друг друга знаем. Он не дает мне лениться, заставляет все время быть начеку.

— Вот и прекрасно, — заключил Дженкинс. — Тогда ступайте. И если тебе, Эбинизер, случится опять погнаться за кроликом и ты снова встретишь этого волка, попробуй с ним подружиться.

Сквозь окна в старинную комнату струились лучи заходящего солнца, они несли с собой тепло весеннего вечера.

Дженкинс спокойно сидел в кресле, слушая звуки снаружи — там звякали коровьи колокольчики, тявкали щенки, гулко стучал колун.

Бедняжка, думал он, *улизнул и погнался за кроликом, вместо того чтобы слушать. Слишком много, слишком быстро... Это надо учитывать. А то как бы не надорвались. Осенью устроим передышку на неделю-другую, поохотимся на енотов. Это пойдет им только на пользу.*

А там, глядишь, настанет день, когда и вовсе прекратится охота на енотов, гонка за кроликами. День, когда псы уже всех приручат, когда все дикие твари научатся мыслить, говорить, трудиться. Дерзкая, мечта, и сбудется она не скоро, а впрочем, не более дерзкая, чем иные человеческие мечты.

Может быть, их мечта даже лучше, ведь в ней нет и намека на взращенную людьми черствость, нет тяги к машинному бездушию, творцом которого был человек.

Новая цивилизация, новая культура, новое мышление. Возможно, с оттенком мистики и фантазерства, но разве человек не фантазировал? Мышление, стремящееся проникнуть в тайны, на которые человек не желал тратить время, считая их чистейшим суеверием, лишенным какой-либо научной основы.

Что стучит по ночам... Что бродит около дома, заставляя псов просыпаться и рычать, — и никаких следов на снегу... Отчего псы воют к покойнику...

Псы знают ответ. Они знали его задолго до того, как получили речь, чтобы говорить, и контактные линзы, чтобы читать. Они не зашли в своем развитии так далеко, как люди, — не успели стать циничными скептиками. Они верили в то, что слышали, в то, что чуяли. Они не избрали суеверие как форму самообмана, как средство отгородиться от незримого.

Дженкинс снова повернулся к столу, взял ручку, наклонился над лежащим перед ним блокнотом. Перо скрипело под нажимом его руки.

«Эбинизер наблюдал дружелюбие у волка. Рекомендовать совету, чтобы Эбинизера освободили от слушания и поручили ему наладить контакт с волком».

С волками полезно подружиться. Из них выйдут отличные разведчики. Лучше, чем собаки. Более выносливые, быстрые, ловкие. Можно поручить им вместо псов слежку за дикими роботами за рекой, поручить наблюдение за замками мутантов.

Дженкинс покачал головой.

Теперь никому нельзя доверять. Те же роботы — вроде бы ничего плохого не делают. Держатся дружелюбно, заходят в гости и в помощи не отказывают. Соседи как соседи, ничего не скажешь. Да разве наперед угадаешь... И ведь они машины изготавливают.

Мутанты никому не докучают, они вообще почти не показываются. Но и за ними лучше присматривать. Кто знает, какая у них чертовщина на уме. Как они с человеком поступили, какой подлый трюк выкинули — подсунули джуэйнизм в такое время, когда он погубил род людской.

Люди... Они были для нас богами, а теперь ушли, бросили нас на произвол судьбы. Конечно, в Женеве еще есть сколько-то людей, но разве можно их беспокоить, им до нас дела нет.

Сидя в сумерках, он вспоминал, как приносил виски, как выполнял разные поручения, вспоминал дни, когда в этих стенах жили и умирали Вебстеры.

Теперь он выполняет роль духовного отца для псов. Славный народец — умные, смышленые. И стараются вовсю.

Негромкий звонок заставил Дженкинса подскочить в кресле. Снова звонок, одновременно на пульте видеофона замигала зеленая лампочка. Дженкинс встал и оцепенел, не веря своим глазам.

Кто-то звонит!

Кто-то звонит после почти тысячелетнего молчания!

Пошатываясь, он добрел до видеофона, опустился в кресло, дотянулся дрожащими пальцами до тумблера и нажал его.

Стена перед ним растаяла, и он оказался лицом к лицу с человеком, сидящим за письменным столом. За спиной человека пылающий камин озарял комнату с цветными стеклами в стрельчатых окнах.

— Вы Дженкинс, — сказал человек, и в его лице было нечто такое, от чего у Дженкинса вырвался крик.

— Вы!.. Вы!..

— Я Джон Вебстер, — представился человек.

Дженкинс уперся ладонями в верхнюю кромку видеофона и замер, испуганный непривычными для робота эмоциями, которые бурлили в его металлической душе.

— Я вас где угодно узнал бы, — произнес он. — Та же внешность. Любого из вас узнал бы. Я вам столько прислуживал. Виски приносил и... и...

— Как же, как же, — сказал Вебстер. — Ваше имя передавалось от старших к младшим. Мы вас помнили.

— Вы ведь в Женеве, Джон? — Дженкинс спохватился: — Я хотел сказать — сэр...

— Зачем так торжественно — Джон, и все. Да, я в Женеве. Но мне хотелось бы с вами встретиться. Вы не против?

— Вы хотите сказать, что собираетесь приехать?

Вебстер кивнул.

— Но усадьба кишит псами, сэр.

Вебстер усмехнулся.

— Говорящими псами?

— Ну да, — подтвердил Дженкинс, — и они будут рады вас видеть. Они ведь все знают про ваш род. По вечерам, на сон грядущий, слушают рассказы про былые времена и... и...

— Ну, что еще, Дженкинс?

— Я тоже буду рад увидеть вас. А то все один да один!

Бог прибыл.

От одной мысли об этом притаившегося во мраке Эбинизера бросало в дрожь.

Если бы Дженкинс знал, что я здесь, думал он, *шкуру с меня содрал бы. Дженкинс велел, чтобы мы хоть на время оставили гостя в покое.*

Перебирая мягкими лапами, Эбинизер дополз до двери кабинета и понюхал. Дверь была открыта — чуть-чуть!..

Он прислушался, вжимаясь в пол, — ни звука. Только запах — незнакомый резкий запах, от которого по всему телу пробежала волна блаженства и шерсть на спине поднялась дыбом.

Он быстро оглянулся — никого. Дженкинс в столовой, наставляет псов, как им надлежит себя вести, а Сыщик ходит где-то по делам роботов.

Осторожно, тихонько Эбинизер подтолкнул носом дверь. Щель стала шире. Еще толчок, и дверь отворилась наполовину.

Человек сидел в мягком кресле перед камином, скрестив свои длинные ноги, сплетя пальцы на животе.

Эбинизер еще плотнее вжался в пол, из его глотки невольно вырвался слабый визг.

Джон Вебстер сел прямо.

— Кто там? — спросил он.

Эбинизер оцепенел, только сердце отчаянно колотилось.

— Кто там? — снова спросил Вебстер, заметил пса и произнес уже гораздо мягче: — Входи, дружище. Давай входи.

Эбинизер не двигался.

Вебстер щелкнул пальцами.

— Я тебя не обижу. Входи же. А где все остальные?

Эбинизер попытался встать, попытался ползти, но кости его обратились в каучук, кровь — в воду. А человек уже шагал через кабинет прямо к нему.

Эбинизер увидел, как человек нагибается над ним, ощутил прикосновение сильных рук, потом вознесся в воздух. И запах, который он уловил из-за двери, — одуряющий запах бога — распирал его ноздри.

Руки прижали его к незнакомой материи, которая заменяла человеку мех, затем послышался ласковый голос, Эбинизер не разобрал сразу слов, только почувствовал — все в порядке.

— Пришел познакомиться, — говорил Джон Вебстер. — Улизнул, чтобы познакомиться со мной.

Эбинизер робко кивнул:

— Ты не сердишься?.. Не скажешь Дженкинсу?

Вебстер покачал головой.

— Нет, не скажу Дженкинсу.

Он сел, и Эбинизер уселся на его коленях, глядя на его лицо — волевое, изборожденное складками, которые казались еще глубже в неровном свете каминного пламени.

Рука Вебстера поднялась и стала гладить голову Эбинизера, и Эбинизер заскулил от восторга, переполнявшего его псиную душу.

— Все равно что вернуться на родину, — говорил Вебстер, обращаясь к кому-то другому. — Как будто ты надолго куда-то уезжал и наконец вернулся домой. Так долго дома не был, что ничего не узнаешь. Ни обстановку, ни расположение комнат. Но чувство родного дома владеет тобой, и ты рад, что вернулся.

— Мне здесь нравится, — сказал Эбинизер, подразумевая колени Вебстера, но человек понял его по-своему.

— Еще бы, — отозвался он. — Для тебя это такой же родной дом, как для меня. Даже больше, ведь вы оставались здесь и следили за домом, а я о нем позабыл.

Он гладил голову Эбинизера, теребил его уши.

— Как тебя звать? — спросил он.

— Эбинизер.

— И чем же ты занимаешься, Эбинизер?

— Я слушаю.

— Слушаешь?

— Ну да, это моя работа. Ловить слухом гоблинов.

— И ты их в самом деле слышишь?

— Иногда. Я не очень хороший слухач. Начинаю думать про кроликов и отвлекаюсь.

— Какие же звуки издают гоблины?

— Когда какие. Когда ходят, когда просто тюкают. Иногда говорят. Только они чаще думают.

— Постой, Эбинизер, а где же находятся эти гоблины?

— А нигде, — ответил Эбинизер. — Во всяком случае, не на нашей Земле.

— Не понимаю.

— Это как большой дом. Большой дом, в котором много комнат. Между комнатами двери. Из одной комнаты тебе слышно, есть ли кто в других комнатах, но попасть к ним ты не можешь.

— Почему же не можешь? — возразил Вебстер. — Открыл дверь да вошел.

— Но ты не можешь открыть дверь. Ты даже не знаешь про нее. Тебе кажется, что твоя комната — одна во всем доме. И даже если бы ты знал про дверь, все равно не смог бы ее открыть.

— Ты говоришь про разные измерения.

Эбинизер озабоченно наморщил лоб.

— Я не знаю такого слова — измерения. Я объяснил тебе так, как Дженкинс нам объяснял. Он говорил, что на самом деле никакого дома нет, и комнат на самом деле нет, и те, кого мы слышим, наверно, совсем не такие, как мы.

Вебстер кивнул своим мыслям. Вот так и надо действовать. Не торопясь. Не обескураживать их трудными словами. Пусть сперва схватят суть, потом можно вводить более точную, научную терминологию. И скорее всего она окажется искусственной. Ведь уже есть название. Гоблины — то, что за стеной, то, что слышишь, а определить не можешь, жители соседней комнаты.

Гоблины.

Берегись, не то тебя гоблин заберет.

Такой подход у человека. Он чего-то не может понять. Не может увидеть. Не может пощупать. Не может проверить. Все — значит, этого нет. Не существует. Значит, это призрак, вурдалак, гоблин.

Тебя гоблин заберет...

Так проще, удобнее. Страшно? Да, но при свете дня можно про них забыть. И ведь они тебя не преследуют, не донимают. Если

очень постараться, можно внушить себе, что их нет. Назови их призраками, гоблинами, и можно даже посмеяться над ними. При свете дня.

Горячий шершавый язык лизнул подбородок Вебстера, и Эбинизер заерзал от восторга.

— Ты мне нравишься, — сказал он. — Дженкинс никогда меня так не держал. Никто так не держал.

— У Дженкинса много дел, — ответил Вебстер.

— Конечно, — подтвердил Эбинизер. — Он сидит и все записывает в книгу. Что мы услышим, псы, и что нам нужно сделать.

— Ты что-нибудь знаешь про Вебстеров? — спросил человек.

— Конечно. Мы про них все знаем. Ты тоже Вебстер. Мы думали, их уже не осталось.

— Остались. И один все время здесь был. Дженкинс тоже Вебстер.

— Он нам никогда об этом не говорил.

— Еще бы.

Дрова прогорели, и в комнате стало совсем темно. Язычки пламени, фыркая, озаряли стены и пол слабыми сполохами.

И было что-то еще. Тихий шорох, тихий шепот, будто сами стены разговаривали. Старый дом, вобравший в себя нескончаемые воспоминания и долгий ток жизни — две тысячи лет. Дом, который строился на века и простоял века. Который должен был стать родным очагом и до сих пор остается родным. Надежный приют, который обнимает тебя теплыми руками и ревниво прижимает к сердцу.

В мозгу отдавались шаги — шаги из далекого прошлого, шаги, отзвучавшие навсегда много столетий назад. Поступь Вебстеров. Тех, которые ему предшествовали, тех, которым Дженкинс прислуживал со дня их рождения до смертного часа.

История. Его окружала история. Она шелестела гардинами, стлалась по половицам, хоронилась в углах, глядела со стен. Живая история, которую чувствуешь нутром, воспринимаешь кожей, — пристальный взгляд давно угасших глаз, вернувшихся из ночи.

Что, еще один Вебстер? Дрянцо. Пустышка. Выдохлась порода. Разве мы такими были. Последыш.

Джон Вебстер поежился.

— Нет, не последыш, — возразил он. — У меня есть сын.

Ну и что из того? Сын, говорит. А много ли он стоит, этот сын...

Вебстер вскочил с кресла, уронив Эбинизера на пол.

— Неправда! — закричал он. — Мой сын...

И снова опустился в кресло.

Его сын — в лесу, играет луком и стрелами, забавляется.

«Хобби», — сказала Сара, прежде чем подняться в Храм, чтобы сто лет смотреть сны.

Хобби. А не деятельность. Не профессия. Не насущная необходимость.

Развлечение.

Ненастоящее занятие. Ни то ни се. В любую минуту брось, никто даже и не заметит.

Вроде изобретения разных напитков.

Вроде писания никому не нужных картин.

Вроде переделки комнат с помощью отряда шальных роботов.

Вроде составления истории, которая никого не интересует.

Вроде игры в индейцев, или пионеров, или дикарей с луком и стрелами.

Вроде сочинения длящихся веками снов для людей, которые пресытились жизнью и жаждут вымысла.

Человек сидел в кресле, уставившись в простертую перед ним пустоту, ужасающую, жуткую пустоту, поглотившую и завтра, и все дни.

Он рассеянно переплел пальцы, и большой палец правой руки потер левую.

Эбинизер подобрался к человеку через озаряемый тусклыми сполохами мрак, оперся передними лапами о его колени и заглянул ему в лицо.

— Повредил руку? — спросил он.

— Что?

— Повредил руку? Ты ее трешь.

Вебстер усмехнулся.

— Да нет, просто бородавки. — Он показал их псу.

— Надо же, бородавки! — сказал Эбинизер. — Разве они тебе нужны?

— Нет, — Вебстер помялся. — Пожалуй, не нужны. Все никак не соберусь пойти, чтобы мне их свели.

Эбинизер опустил морду и поводил носом по руке Вебстера.

— Вот так, — торжествующе произнес он.

— Что — вот так?

— Погляди на бородавки.

Вспыхнула обвалившаяся головешка, Вебстер поднял руку к глазам и присмотрелся.

Нет бородавок. Гладкая чистая кожа.

Дженкинс стоял во мраке, слушая тишину, податливую сонную тишину, которая уступала дом теням, полузабытым шагам, давно произнесенным фразам, бормотанию стен и шелесту гардин.

Стоило пожелать, и ночь превратилась бы в день, линзы переключить очень просто, но старик робот не стал изменять зрение. Ему

нравилось размышлять в темноте, он дорожил этими часами, когда спадала пелена настоящего и возвращалось, оживая, прошлое.

Остальные спали, но Дженкинс не спал. Ведь роботы никогда не спят. Две тысячи лет бдения, двадцать веков непрерывной деятельности, и сознание не отключалось ни на миг.

Большой срок, думал Дженкинс. *Большой даже для робота. Ведь еще до того, как люди перебрались на Юпитер, почти всех старых роботов деактивировали, умертвили, отдали предпочтение новым моделям. Новые модели больше походили на человека, мягче двигались, лучше говорили, быстрее соображали своим металлическим мозгом...*

Но Дженкинс остался, потому что он был старым верным слугой, потому что без него усадьба Вебстеров не была бы родным очагом.

— Они меня любили, — сказал себе Дженкинс.

В этих трех словах он черпал утешение — в мире, скупом на утешение, в мире, где слуга стал предводителем и остро желал снова стать слугой.

Стоя у окна, он смотрел через двор на ковыляющие вниз по склону черные глыбы дубов. Сплошной мрак. Ни одного огонька. А ведь когда-то были огни. В заречном краю приветливо лучились окна.

Но человек исчез, и огни пропали. Роботам огни не нужны, они видят в темноте, как и Дженкинс может видеть, если захочет. А замки мутантов, что днем, что ночью, одинаково сумрачные, одинаково зловещие.

Теперь человек появился опять — один человек. Появился, да только вряд ли останется. Переночует несколько ночей в господской спальне на втором этаже, потом вернется в Женеву. Обойдет старое, забытое поместье, поглядит на заречные дали, полистает книги на полках в кабинете — и в путь.

Дженкинс повернулся.

Проверить, как он там, подумал он. *Спросить, не нужно ли что-нибудь. Может, виски принести — боюсь только, что виски теперь никуда не годится. Тысяча лет — большой срок даже для бутылки доброго виски.*

Идя через комнату, он ощутил благодатный покой, глубокую умиротворенность, какой не испытывал с тех давних пор, когда, счастливый, как терьер, носился по дому, выполняя всевозможные поручения.

Подходя к лестнице, он напевал про себя что-то ласковое.

Он только заглянет и, если Джон Вебстер уснул, уйдет, а если не уснул, спросит: «Вам удобно, сэр? Может быть, чего-нибудь пожелаете? Может, горячего пунша?»

Он шагал через две ступеньки.

Ведь он снова прислуживал Вебстеру.

Джон Вебстер полусидел в постели, обложившись подушками. Кровать была жесткая и неудобная, комната — тесная и душная, не то что его спальня в Женеве, где лежишь на травке у журчащего ручья и глядишь на мерцание искусственных звезд в искусственном небе. И вдыхаешь искусственный запах искусственной сирени, цветы которой долговечнее человека. Ни тебе бормотания незримого водопада, ни мигающих в заточении светлячков. А тут... Просто-напросто кровать и спальня.

Вебстер вытянул руки поверх одеяла и согнул пальцы, размышляя.

Эбинизер только коснулся бородавок, и бородавки пропали. И это не было случайностью, он все проделал намеренно. Это было не чудо, а сознательный акт. Чудеса не всегда удаются, а Эбинизер был уверен в успехе.

Быть может, тут способность, добытая в соседней комнате, похищенная у гоблинов, которых слушает Эбинизер.

Способность исцелять без лекарств, без хирургии, нужно только некое знание, особое знание.

Были же в древние, непросвещенные века люди, уверяющие, будто могут сводить бородавки. Они «покупали» их за монетку, «выменивали» за какую-нибудь вещь, заговаривали — и случалось, бородавки постепенно сами пропадали.

Может быть, эти необычные люди тоже слушали гоблинов?

Чуть слышно скрипнула дверь, и Вебстер сел прямо.

Из темноты прозвучал голос:

— Вам удобно, сэр? Может быть, чего-нибудь пожелаете?

— Дженкинс?

— Он самый, сэр.

Темный силуэт крадучись вошел в спальню.

— Пожелаю, — сказал Вебстер — Мне хочется поговорить с тобой.

Он пристально поглядел на металлическое существо, стоящее возле кровати.

— Насчет собак, — добавил он.

— Они стараются изо всех сил, — сказал Дженкинс. — Нелегко им приходится. Ведь у них никого нет. Ни души.

— У них есть ты.

Дженкинс покачал головой:

— Но ведь этого мало. Я же только... ну, только наставник, и все. А им люди нужны. Потребность в людях у них в крови. Тысячи лет человек и пес были рядом. Человек и пес вместе охотятся. Человек и пес вместе пасут стада. Человек и пес вместе сражаются с врагами. Пес караулит, пока человек спит, человек отдает псу последний кусок. Сам голодный, а пса накормит.

Вебстер кивнул.

— Что ж, пожалуй, ты и прав.

— Они каждый вечер перед сном говорят о людях, — продолжал Дженкинс. — Садятся в кружок, и кто-нибудь из стариков рассказывает какое-нибудь старинное предание, а все остальные сидят и дивятся, сидят и мечтают.

— Но какая у них цель? Чего они хотят добиться? Как представляют себе будущее?

— Какие-то черты намечаются, — ответил Дженкинс. — Смутно, правда, но все-таки видно. Понимаете, они ведь медиумы. Никакого расположения к механике, вполне естественно, у них же нет рук. Где человека выручал металл, псов выручают призраки.

— Призраки?

— То, что вы, люди, называете призраками. На самом деле это не призраки. Я в этом убежден. Это жители соседней комнаты. Какая-то иная форма жизни на другом уровне.

— Ты допускаешь, что на Земле одновременно существует жизнь на разных уровнях?

Дженкинс кивнул.

— Я начинаю в это верить, сэр. У меня целый блокнот исписан тем, что видели и слышали псы, и вот теперь многолетние наблюдения складываются в какой-то узор.

Он поспешно добавил:

— Возможно, я ошибаюсь, сэр. Ведь у меня нет никакого опыта. В старые времена я был всего лишь слугой, сэр. После... после Юпитера я попытался что-то наладить, но это было не так-то просто. Один робот помог мне смастерить нескольких маленьких роботов для псов, а теперь маленькие сами мастерят себе подобных, когда нужно.

— Но ведь псы только сидят и слушают.

— Что вы, сэр, они много чего еще делают. Стараются подружиться с животными, следят за дикими роботами и за мутантами...

— А много их, этих диких роботов?

Дженкинс кивнул.

— Много, сэр. По всему свету разбросаны в небольших лагерях. Это те, которых бросили хозяева, сэр. Которые больше не нужны были человеку, когда он отправился на Юпитер. Объединились в группы и работают...

— Работают? Над чем же?

— Не знаю, сэр. Чаще всего машины изготавливают. Помешались на механике. Хотел бы я знать, что они будут делать со всеми этими машинами. Для чего они им нужны.

— Да, хотелось бы знать, — сказал Вебстер.

Устремив взгляд в темноту, он дивился, — дивился, до какой же степени люди, запершись в Женеве, потеряли всякую связь с остальным миром. Ничего не знают о том, чем заняты псы, не знают о лагерях деловитых роботов, о замках страшных и ненавистных мутантов.

Мы потеряли связь, говорил он себе. *Мы отгородились от внешнего мира. Устроили закуток и забились в него — в последний город на свете. И ничего не знали о том, что происходит за пределами города. Могли знать, должны были знать, но нас это не занимало.*

Пора бы и нам что-то предпринять.

Мы растерялись, мы были подавлены, но первое время еще пытались что-то сделать, а потом окончательно пали духом.

Те немногие, которые остались, впервые осознали величие рода человеческого, впервые рассмотрели грандиозный механизм, созданный рукой человека. И они пытались держать его в исправности и не смогли. И они искали рационалистических объяснений — человек почти всегда ищет рационалистических объяснений. Внушает себе, что на самом деле никаких призраков нет, называет то, что стучит в ночи, первым пришедшим в голову обтекаемым словом.

Мы не смогли держать механизмы в исправности и занялись рационалистическими объяснениями, хоронились за словесным занавесом, и джуэйнизм помогал нам в этом. Мы подошли вплотную к культу предков. Мы принялись возвеличивать род людской. Не могли продолжать деяния человека, тогда мы попытались его возвеличить, попытались поднять на пьедестал тех, кому задача была по плечу. Мы ведь все хорошее стремимся возвеличить, вознести на пьедестал посмертно.

Мы превратились в племя историков, копались грязными пальцами в руинах рода человеческого и прижимали каждый случайный фактик к груди, словно бесценное сокровище. Это была первая стадия, хобби, которое поддерживало нас, пока мы не осознали, что мы есть на самом деле — муть на дне опрокинутой чаши человечества.

Но мы пережили это. Разумеется, пережили. Достаточно было смениться одному поколению. Человек легко приспосабливается — он все что угодно переживет. Ну не сумели построить звездные корабли. Ну не долетели до звезд. Ну не разгадали тайну жизни. Ну и что?

Мы оказались наследниками, все досталось нам, мы были обеспечены лучше, чем кто-либо до нас и после нас. И мы опять предались рационалистическим объяснениям, а величие рода выбросили из головы — хоть и лестная штука, но, с другой стороны, несколько обременительная, даже унизительная.

— Дженкинс, — трезво сказал Вебстер, — мы разбазарили целых десять столетий.

— Не разбазарили, сэр, — возразил Дженкинс. — Просто передохнули, что ли. А теперь, может быть, опять займете свое место... Вернетесь к нам.

— Мы вам нужны?

— Вы нужны псам, — сказал Дженкинс. — И роботам тоже. Ведь и те, и другие всегда были только слугами человека. Без вас они пропадут. Псы строят свою цивилизацию, но дело подвигается медленно.

— Быть может, их цивилизация окажется лучше нашей, — заметил Вебстер. — Может, больше преуспеет. Наша ведь не преуспела, Дженкинс.

— Возможно, она будет подобрее, — согласился Дженкинс, — зато не особенно предприимчивая. Цивилизация, основанная на братстве животных, на сверхчувственном восприятии, и, может быть, в конечном счете дойдет до общения и обмена с сопряженными мирами. Цивилизация большой и чуткой души, но не очень конструктивная. Никаких конкретных задач, и лишь самая необходимая техника. Просто поиски истины, притом в направлении, которым человек совершенно пренебрег.

— И ты считаешь, что человек тут мог бы помочь?

— Человек мог бы направлять.

— Направлять так, как надо?

— Мне трудно ответить.

Лежа в темноте, Вебстер вытер об одеяло вспотевшие ладони.

— Ты мне правду скажи, — угрюмо произнес он. — Вот ты говоришь, что человек мог бы направлять. А если он снова начнет верховодить? Отвергнет как непрактичное то, чем занимаются псы. Выловит всех роботов и направит их технические способности по старому, заезженному руслу. Ведь и псы, и роботы подчинятся человеку.

— Конечно, — согласился Дженкинс. — Однажды они ведь уже были слугами. Но человек мудр, человек лучше знает.

— Спасибо, Дженкинс, — сказал Вебстер. — Большое спасибо.

И, устремив глаза в темноту, он прочел там правду.

Его следы по-прежнему были запечатлены на полу, и воздух был пряный от запаха пыли. Радиевая лампочка рдела над пультом, и рубильник, шкалы и маховичок ждали — ждали того дня, когда они понадобятся.

Стоя на пороге, Вебстер вдыхал смягчающий пыльную горечь запах влажных стен.

Оборона, думал он, глядя на рубильник. *Оборона — мера против вторжения, средство защитить то или иное место от всех действительных и воображаемых видов оружия, которые может пустить в ход предполагаемый враг.*

Но защита, не пропускающая врага внутрь, очевидно, не пропустит обороняющегося наружу. Конечно, поручиться нельзя, но все-таки...

Он пересек помещение, и остановился перед рубильником, и протянул руку, и сжал рукоятку, стронул ее с места, и понял, что механизм действует.

Тут рука его быстро метнулась вперед, и контакт замкнулся. Откуда-то снизу, глубоко-глубоко, донеслось глухое жужжание — заработали какие-то машины. На шкалах стрелки вздрогнули и оторвались от штифта.

Пальцы Вебстера нерешительно коснулись маховичка, повернули его, и стрелки, вздрогнув опять, поползли дальше. Вебстер решительно, быстро продолжал крутить маховичок, и стрелки ударились в противоположный штифт.

Вебстер круто повернулся, вышел из подземелья, закрыл за собой дверь, зашагал вверх по крошащимся ступенькам.

Только бы он работал, думал он. *Только бы работал.*

Ноги быстрее пошли по ступеням, в висках стучала кровь.

Только бы он работал!

Когда включился рубильник, глубоко-глубоко внизу сразу же загудели машины... Значит, оборонительный механизм — во всяком случае, часть его — еще работает.

Но даже если так — сделает ли он то, что надо? Что, если защита не пропускает врагов внутрь, а человека наружу пропустит?

Что, если...

Выйдя на улицу, он увидел, что небо изменилось. Свинцово-серая пелена скрыла солнце, и город погрузился в потемки, лишь наполовину разбавленные светом автоматических уличных фонарей. Слабый ветерок погладил щеку Вебстера.

Серый сморщенный пепел сожженных заметок и плана, который он нашел, по-прежнему лежал в очаге, и Вебстер, быстро подойдя к камину, схватил кочергу и яростно мешал ею пепел до тех пор, пока не уничтожил все следы.

Все, сказал он себе. *Последний ключ уничтожен. Без плана, не зная про город того, что выведал он за двадцать лет, никто и никогда не найдет тайник с рубильником и маховичком и шкалами под одинокой лампочкой.*

Никто не поймет толком, что произошло. Даже если станут догадываться, все равно удостовериться не смогут. Даже если удостоверятся, все равно ничего не смогут изменить.

Тысячу лет назад было бы иначе. В те времена человек, только дай зацепку, решил бы любую задачу.

Но человек изменился. Нет прежних знаний, нет прежней сноровки. Ум стал дряблым. Человек живет лишь сегодняшним днем, без каких-либо лучезарных целей. Зато остались старые пороки — пороки, которые он полагал достоинствами, считая, что они поставили его на ноги. Осталась незыблемая уверенность, что только его жизнь, только его племя чего-то стоит, — самодовольный эгоизм, сделавший человека властелином мироздания.

С улицы донесся звук бегущих ног, и Вебстер, отвернувшись от камина, посмотрел на темные стрельчатые окна.

Зашевелились... Забегали. Волнуются. Ломают голову, что произошло. Сотни лет их не тянуло за город, а теперь, когда путь закрыт, с пеной у рта рвутся.

Улыбка растянула его губы.

Глядишь, до того взбодрятся, что придумают какой-нибудь выход. Крысы в крысоловке способны на самые неожиданные хитрости, если только раньше не сойдут с ума.

И если люди выберутся на волю — что ж, значит, у них есть на это право. Если выберутся на волю, значит, заслужили право снова верховодить.

Он пересек комнату, в дверях на минуту остановился, глядя на картину над очагом. Неловко поднял руку и отдал честь — мученический прощальный жест... Потом вышел из дома и зашагал по улице вверх — туда же, куда всего несколько дней назад ушла Сара.

Храмовые роботы держались учтиво и приветливо, ступали мягко и величественно. Они проводили его туда, где лежала Сара, и показали соседний отсек, который она попросила оставить для него.

— Может быть, вам угодно выбрать себе сон? — сказал старший. — Мы можем показать различные образцы. Можем составить смесь по вашему вкусу. Можем...

— Благодарю, — ответил Вебстер. — Я не хочу снов.

Робот кивнул:

— Понятно, сэр. Вы хотите просто переждать, провести время.

— Да, — подтвердил Вебстер. — Пожалуй, что так.

— И сколько же?

— Сколько?..

— Ну да. Сколько вы хотите ждать?

— А, понятно... Предположим, бесконечно.

— Бесконечно?!

— Вот именно, бесконечно, — подтвердил Вебстер. — Я мог бы сказать — вечно, но какая, в сущности, разница. Нет смысла финтить из-за двух слов, которые означают примерно одно и то же.

— Так точно, сэр, — сказал робот.

Нет смысла финтить. Разумеется, нет. Он не может рисковать. Скажешь — тысячу лет, а когда они пройдут, вдруг передумаешь, спустишься в тайник и выключишь рубильник.

А этого случиться не должно. Пусть псы используют возможность. Пусть без помех попробуют добиться успеха там, где род людской потерпел крушение. Пока сохраняется человеческий фактор, у них такой возможности не будет. Потому что человек непременно захочет верховодить, непременно влезет и все испортит, высмеет гоблинов, которые разговаривают за стеной, выступит против приручения и цивилизации диких тварей.

Новая модель... Новый образ жизни и мыслей... Новый подход к извечной проблеме общества... Нельзя допустить, чтобы все это было искажено чуждым духом человеческого мышления.

Вечерами, закончив свои дела, псы будут сидеть и говорить о человеке. Мешая быль и небылицы, будут рассказывать древние предания, и человек превратится в бога.

Лучше уж так.

Ведь боги непогрешимы.

Комментарий к седьмому преданию

Несколько лет назад были обнаружены фрагменты древнего литературного произведения. Судя по всему, сочинение было объемистое, и хотя до нас дошла только малая часть, содержание позволяет предположить, что это был сборник басен, повествующих о различных членах братства животных. Басни архаичны, содержащиеся в них мысли и стиль изложения сегодня звучат для нас странно. Ряд исследователей, изучавших эти фрагменты, согласны с Резоном в том, что они скорее всего сочинены не Псами.

Заглавие упомянутых фрагментов — «Эзоп». Следующее, седьмое предание тоже озаглавлено «Эзоп» — это исконное заглавие, дошедшее до нас из седой древности вместе с самим преданием.

Что это значит? — спрашивают себя исследователи. Резон, естественно, видит здесь еще один довод в пользу своей гипотезы, что авторство всего цикла принадлежит Человеку. Большинство остальных исследователей цикла не согласны с ним, однако до сих пор не выдвинуто взамен никаких других объяснений.

Резон указывает также на седьмое предание как на свидетельство того, что Человека намеренно предали забвению, чтобы обеспечить развитие Псовой цивилизации в наиболее чистом виде, — этим-де объясняется полное отсутствие исторических свидетельств существования Человека.

В этом предании человек окончательно забыт Псами. Немногочисленных представителей рода людского, которые живут вместе с ними, Псы не воспринимают как людей, называя эти странные создания Вебстерами, по фамилии древнего рода. Однако слово «Вебстер» из собственного существительного стало нарицательным. Люди стали для Псов вебстерами, только для Дженкинса они по-прежнему остаются Вебстерами.

— Что такое люди? — спрашивает Лупус, и Мишка оказывается не в состоянии ответить на этот вопрос.

Дженкинс говорит в этом предании, что Псам незачем знать о Человеке. В главной части повествования он перечисляет нам меры, которые принял, чтобы стереть память о человеке.

Старые родовые предания забыты, говорит Дженкинс. Резон толкует это как сознательный заговор молчания, призванный оградить достоинство Псов, и, пожалуй, не такой уж альтруистический заговор, как старается изобразить Дженкинс. Предания забыты, говорит Дженкинс, и не надо их извлекать из забвения. Однако же мы видим, что они не были забыты. Где-то, в каком-то отдаленном уголке земного шара, их по-прежнему рассказывали, потому-то они и сохранились до наших дней.

Но если предания сохранялись, то сам человек исчез или почти исчез. Дикие роботы продолжали существовать, — если только они не были плодом воображения, — однако ныне и они тоже исчезли. Исчезли Мутанты, а они с Человеком из одного племени. Если существовал Человек, вероятно, существовали и Мутанты.

Всю развернувшуюся вокруг цикла полемику можно свести к одному вопросу: существовал ли Человек на самом деле? Если читатель, знакомясь с преданиями, станет в тупик, он окажется в превосходной компании — ученые и специалисты, всю жизнь посвятившие исследованию цикла, пусть даже у них больше информации, пребывают в таком же тупике.

VII

ЭЗОП

Серая тень скользила вдоль скальной полки к логову, поскуливая от досады и разочарования, потому что Заклинание не подействовало.

Косые лучи вечернего солнца высвечивали лицо, голову, туловище — расплывчатые, смутные, подобно утренней мгле над ущельем.

Внезапно полка оборвалась, и тень растерянно присела, прижимаясь к стенке, — логова не было! На месте логова — обрыв!

Тень стремительно повернулась, окинула взглядом долину. И река совсем не та. Ближе к утесам течет, чем прежде текла. И на скале появилось ласточкино гнездо там, где раньше никакого ласточкина гнезда не было.

Тень замерла, и ветвистые щупальца на ее ушах развернулись, исследуя воздух.

Жизнь! В воздухе над пустынными распадками среди череды холмов реял едва уловимый запах жизни.

Тень зашевелилась, встала, поплыла вдоль полки.

Логова нет, и река другая, и к скале прилепилось ласточкино гнездо.

Тень затрепетала от вожделения.

Заклинание подействовало, не подвело. Она проникла в другой мир.

Другой — и не только с виду. Мир, до того насыщенный живностью, что сам воздух ею пахнет. И может быть, эта живность не умеет так уж быстро бегать и так уж ловко прятаться.

Волк и медведь встретились под большим дубом и остановились поболтать.

— Говорят, убийства происходят, — сказал Лупус.

— Непонятные убийства, брат, — пробурчал Мишка. — Убьют и не съедают.

— Символические убийства, — предположил волк.

Мишка покачал головой:

— Вот уж никогда не поверю, что могут быть символические убийства. Эта новая психология, которую Псы нам преподают, совсем тебе голову заморочила. Убийства могут происходить либо из ненависти, либо от голода. Стану я убивать то, чего не могу съесть.

Он поспешил внести ясность:

— Да я вообще не занимаюсь убийством, брат. Ты ведь это знаешь.

— Конечно, — подтвердил волк.

Мишка лениво зажмурил свои маленькие глазки, потом открыл их и подмигнул.

— Нет, вообще-то случается иногда перевернуть камень и слизнуть муравьишку-другого.

— Не думаю, чтобы Псы посчитали это убийством, — серьезно заметил Лупус. — Одно дело — зверь или птица, другое дело — насекомое. Никто нам не говорил, что нельзя убивать насекомых.

— А вот и неверно, — возразил Мишка. — В Канонах на этот счет ясно сказано: «Не губи жизнь. Не лишай другого жизни».

— Вообще-то, кажется, ты прав, брат, — ханжески произнес волк. — Кажется, там так и сказано. Но ведь и сами Псы не больно-то церемонятся с насекомыми. Слышал небось, они все стараются придумать блохомор посильнее. А что такое блохомор, спрашивается? Средство морить блох. Убивать их, понял? А ведь блохи — живность, блохи — живые твари.

Мишка яростно взмахнул передней лапой, отгоняя зеленую мушку, которая жужжала у него над носом.

— Пойду на пункт кормления, — сказал волк. — Ты не идешь со мной?

— Я еще не хочу есть, — ответил медведь. — И вообще сейчас рано. До обеда еще далеко.

Лупус облизнулся.

— А я иногда зайду туда как бы невзначай, и дежурный вебстер обязательно что-нибудь найдет для меня.

— Смотри, — предостерег его Мишка. — Просто так он тебя не станет подкармливать. Не иначе что-нибудь замыслил. Не верю я этим вебстерам.

— Этому верить можно, — возразил волк. — Он дежурит на пункте кормления, а ведь совсем не обязан. Любой робот справится с этим делом, а он попросил ему поручить. Мол, надоело торчать в этих душных домах, где, кроме игр, никаких занятий. Зайдешь к нему — смеется, разговаривает, все равно как мы. Славный парень этот Питер.

— А я вот слышал от одного Пса, — пророкотал медведь, — будто Дженкинс говорил, что на самом деле их вовсе не вебстерами зовут. Мол, никакие они не вебстеры, а люди...

— А что такое люди? — спросил Лупус.

— Ведь я же тебе толкую — это Дженкинс так говорит...

— Дженкинс, — объявил Лупус, — до того старый стал, что у него ум за разум заходит. Столько надо всего в голове держать! Ему небось уже тысяча лет с лишком.

— Семь тысяч, — отозвался медведь. — Псы задумали ему на день рождения большой праздник устроить. Готовят в подарок новое тулови-ще. Старое уже совсем износилось, чуть не каждый месяц в починке.

Он глубокомысленно покачал головой.

— Что ни говори, Лупус, а все-таки псы для нас немало сделали. Взять хотя бы пункты кормления... А медицинские роботы, а всякие прочие вещи. Да вот в прошлом году у меня зуб зверски разболелся...

— Ну, кормить-то можно было бы получше, — перебил его волк. — Они все твердят, дескать, дрожжи — все равно что мясо, такие же питательные и так далее. Но разве вкус с мясом сравнишь...

— А ты-то откуда знаешь? — спросил Мишка.

Волк замялся только на секунду.

— То есть... как откуда — мне дед говорил. Такой разбойник был — нет-нет да закусит олениной. Он и рассказал мне, какой вкус у сырого мяса. Правда, тогда не было столько охранников, сколько их теперь развелось.

Мишка зажмурился, потом снова открыл глаза.

— Кто бы мне рассказал, какой вкус у рыбки... В Сосновом ручье форель водится. Я уже приметил. Проще простого — сунул лапу в ручей да выловил штучку-другую.

Он поспешно добавил:

— Конечно, я себе не позволю.

— Ну конечно, — подхватил волк.

Один мир, а за ним другой, цепочка миров. Один наступает на пятки другому, шагающему впереди. Завтрашний день одного мира — сегодняшний день другого. Вчера — это завтра, и завтра — это тоже прошлое.

С той небольшой поправкой, что прошлого нет. Нет, если не считать воспоминаний, которые порхают на ночных крыльях в тени сознания. Нет прошлого, в которое можно проникнуть. Никаких фресок на стене времени. Никакой киноленты, которую прокрутил назад и увидел былое.

Джошуа встал, встряхнулся, снова сел и почесался задней лапой. Икебод сидел как вкопанный, постукивая металлическими пальцами по столу.

— Все верно, — сказал робот. — Мы тут бессильны. Все сходится. Мы не можем отправиться в прошлое.

— Не можем, — подтвердил Джошуа.

— Зато мы знаем, где находятся гоблины, — продолжал Икебод.

— Да, мы знаем, где находятся гоблины, — сказал Джошуа. — И может быть, сумеем к ним проникнуть. Теперь мы знаем путь.

Один путь открыт, а другой закрыт. Нет, не закрыт, конечно, ведь его и не было. Потому что прошлого нет, прошлого никогда не было, ему негде быть. На месте прошлого оказался другой мир.

Словно два пса, которые идут след в след. Один вышел, другой вошел. Словно длинный, бесконечный ряд шариковых подшипников, которые катятся по желобу, почти соприкасаясь, почти, но не совсем. Словно звенья бесконечной цепи на вращающейся шестеренке с миллиардами зубцов.

— Опаздываем, — сказал Икебод, глянув на часы. — Нам надо еще приготовиться, чтобы пойти на день рождения Дженкинса.

Джошуа опять встряхнулся.

— Да, не мешает. Сегодня у Дженкинса такой день! Ты только подумай, Икебод, семь тысяч лет!

— Я уже готов, — гордо сообщил Икебод. — Еще утром отполировал себя, а тебе надо бы причесаться. Вон какой лохматый.

— Семь тысяч лет, — повторил Джошуа. — Не хотел бы я столько жить.

Семь тысяч лет — семь тысяч миров, ступающих след в след. Да нет, куда больше. Каждый день — мир. Семь тысяч на триста шестьдесят пять. А может быть, каждый час или каждая минута — мир. Или даже что ни секунда — то мир. Секунда — вещь плотная, достаточно плотная, чтобы разделить два мира, достаточно емкая, чтобы вместить два мира. Семь тысяч на триста шестьдесят пять, на двадцать четыре, на шестьдесят раз шестьдесят...

Вещь плотная и окончательная. Ибо прошлого нет. Назад пути нет. Нельзя вернуться и проверить рассказы Дженкинса — то ли это правда, то ли покоробившиеся за семь тысяч лет воспоминания. Нельзя вернуться и проверить туманные предания, повествующие о какой-то усадьбе, каком-то роде вебстеров, каком-то непроницаемом куполе небытия в горах, далеко за морями.

Икебод подошел с щеткой и гребешком, и Джошуа отскочил в сторону.

— Не дури, — сказал Икебод. — Я не сделаю тебе больно.

— В прошлый раз чуть всю шкуру с меня не содрал, — пожаловался Джошуа. — Поосторожней там, где шерсть запуталась!

Волк пришел, надеясь подкрепиться, но ему ничего не предложили, а просить учтивость не позволяла, и теперь он сидел, аккуратно обвив лапы косматым хвостом, и смотрел, как Питер скоблит ножом прут.

Белка Поня прыгнула с развесистого дерева прямо на плечо Питера.

— Что это у тебя? — спросила она.

— Метательная палка, — ответил Питер.

— Метать любую палку можно, — заметил волк. — Зачем тебе такая отделка? Бери какую попало и бросай.

— Это совсем новая штука, — объяснил Питер. — Я придумал и сделал. Только еще не знаю, что это такое.

— У нее нет названия? — спросила Поня.

— Пока нет, — сказал Питер. — Надо будет придумать.

— Но ведь любую палку можно бросить, — твердил волк. — Какую захотелось, ту и бросил.

— Не так далеко, — ответил Питер. — И не так сильно.

Он покрутил прут между пальцами — гладкий, круглый, потом поднес к глазу, проверяя, не криво ли получилось.

— Я его не рукой метаю, — объяснил он. — А другой палкой и веревкой.

Он взял вторую палку, прислоненную к дереву.

— А мне вот еще что непонятно, — сказала Поня. — Зачем тебе вообще понадобилось метать палки?

— Сам не знаю, — ответил Питер. — Интересно, вот и бросаю.

— Вы, вебстеры, странные твари, — строго произнес волк. — Иногда мне кажется, что вы не в своем уме.

— Можно в любую цель попасть, — сказал Питер. — Только надо, чтобы метательная палка была прямая и веревка хорошая. Первая попавшаяся деревяшка тут не годится. Пока подберешь...

— Покажи мне, — попросила Поня.

— Гляди, — Питер поднял повыше ореховое древко. — Видишь, крепкая, упругая. Согни ее — тут же опять выпрямляется. Я связываю оба конца веревкой, кладу вот так метательную палку, упираю ее одним концом в веревку и оттягиваю...

— Вот ты говоришь, можно в любую цель попасть, — сказал волк. — Попробуй попади.

— А во что? Выбирайте, а я...

Поня взволнованно показала:

— Вон, вон на дереве малиновка сидит.

Питер быстро прицелился, оттянул веревку, и древко изогнулось дугой. Метательная палка просвистела над поляной. Малиновка заку-

выркалась в воздухе, роняя перышки. Она упала на землю с глухим, мягким стуком и застыла — маленькая, жалкая, согнутые коготки смотрят вверх... Кровь из клювика окрасила листья под головой.

Белка оцепенела на плече у Питера, волк вскочил на ноги.

Тишина, притихла листва, беззвучно плывут облака в голубом полуденном небе...

— Ты ее убил! — закричала вдруг Поня, захлебываясь ужасом. — Она мертвая! Ты ее убил!

— Я не знал, — промямлил ошеломленный Питер. — Я еще никогда не целился ни во что живое. Только в метки бросил...

— Все равно, ты убил малиновку. А убивать запрещается.

— Знаю, — сказал Питер. — Знаю, что запрещается. Но ведь вы сами меня попросили попасть в нее. Вы мне показали. Вы...

— Я не говорила, чтобы ты ее убивал! — кричала Поня. — Я думала, ты ей просто дашь хорошего тычка. Напугаешь ее как следует. Она всегда такая важная, надутая была...

— Я же сказал вам, что палка сильно бьет.

Страх пригвоздил вебстера к месту.

Далеко и сильно, думал он. *Далеко и сильно — и быстро.*

— Не тревожься, дружище, — мягко произнес волк. — Мы знаем, что ты не нарочно. Это останется между нами. Мы никому не скажем.

Поня прыгнула на дерево и запищала с ветки:

— Я скажу! Скажу вот Дженкинсу!

Волк рыкнул на нее с лютой ненавистью:

— Ты доносчица паршивая! Подлая сплетница!

— Скажу, скажу! — не унималась Поня. — Вот увидите! Скажу Дженкинсу.

Она стремглав поднялась по стволу, добежала до конца ветки и перескочила на другое дерево.

Волк сорвался с места.

— Куда? — осадил его Питер.

— Всю дорогу по деревьям ей не пробежать, — торопливо объяснил волк. — На лугу придется спуститься на землю. Ты не тревожься.

— Нет, — сказал Питер. — Не надо больше убийств. Хватит одного.

— Но ведь она в самом деле скажет.

Питер кивнул:

— Не сомневаюсь.

— А я могу ей помешать.

— Кто-нибудь увидит и донесет на тебя, — сказал Питер. — Нет, Лупус, я тебе не разрешаю.

— Тогда улепетывай поскорей. Я знаю место, где ты можешь спрятаться. Тысячу лет искать будут, не найдут.

— Ничего не выйдет. В лесу глаза есть. Слишком много глаз. Они скажут, куда я пошел. Прошли те времена, когда можно было спрятаться.

— Наверно, ты прав, — медленно произнес волк. — Да, наверно, прав.

Он повернулся и посмотрел на убитую малиновку.

— Ну а как насчет того, чтобы изъять доказательство? — спросил он.

— Доказательство?..

— Вот именно...

Волк быстро сделал несколько шагов, опустил голову. Послышался хруст. Лупус облизал усы и сел, обвив лапы хвостом.

— Сдается мне, мы с тобой могли бы поладить, — сказал он. — Честное слово, могли бы. У нас так много общего.

На носу его предательски трепетало перышко.

Туловище было хоть куда.

Нержавеющее, крепкое — никакой молот не возьмет. А всевозможных приспособлений и не счесть.

Это был подарок Дженкинсу ко дню рождения. Изящная гравировка на груди так и гласила:

ДЖЕНКИНСУ ОТ ПСОВ

Все равно я не смогу им пользоваться, сказал себе Дженкинс. *Оно слишком роскошное для меня, для такого старого робота. Я себя буду неловко чувствовать в таком убранстве.*

Покачиваясь в кресле, он слушал, как воет ветер под застрехой.

Но ведь подарок сделан от души... А обижать их нельзя ни за что на свете. Так что изредка придется все же пользоваться новым туловищем — просто так, для вида, чтобы сделать приятное Псам. Нельзя совсем не пользоваться им, ведь они столько хлопотали, чтобы его изготовить. Конечно, это туловище не на каждый день, только для исключительных случаев.

Таких, как Вебстерский пикник. На пикник стоит принарядиться. Торжественный день... День, когда все Вебстеры на свете, все Вебстеры, которые еще живы, собираются вместе. И меня приглашают. Да-да, всякий раз меня приглашают. Ведь я Вебстерский робот. Вот именно, всегда был и буду Вебстерским.

Опустив подбородок на грудь, он прислушался к шепоту комнаты и повторил за ней слова. Слова, которые он и комната помнили. Слова из давно минувшего.

Качалка поскрипывала, и звук этот был неотделим от пропитанной настоем времени комнаты. Неотделим от воя ветра и бормотания дымохода.

Огонь, подумал Дженкинс. *Давно мы огня не разводили. Людям нравилось, чтобы в камине был огонь. Бывало, сидят перед ним, и смотрят, и представляют себе разные картины. И мечтают...*

Но мечты людей — да, где вы, мечты людей? Улетели на Юпитер, погребены в Женеве, и теперь только-только начинают пробиваться хилые ростки у нынешних Вебстеров.

Прошлое... Я чересчур занят прошлым. Поэтому от меня мало проку. Мне столько надо помнить, так много, что очередные дела отходят на второе место. Я живу в прошлом, а это неправильно.

Ведь Джошуа говорит, что прошлого нет, а уж кому об этом знать, как не ему.

Из всех Псов только он один и может знать. Он так старался найти прошлое, чтобы отправиться туда, отправиться назад во времени и проверить то, что я ему рассказывал. Он думает, что у меня маразм, считает мои рассказы старыми роботскими побасенками, полуправдой, полувымыслом, причесанным для гладкости.

Спроси его, ни за что не признается, но ведь думает именно так, плутишка. И думает, что я не знаю этого, да не тут-то было.

Дженкинс усмехнулся про себя.

Где ему провести меня. Меня никто из них не проведет. Я их насквозь вижу, знаю, чем они дышат. Я помогал Брюсу Вебстеру переделывать самых первых из них. Слышал самое первое слово, какое было ими произнесено. Они-то, может быть, забыли, да я помню каждый взгляд, каждый жест, каждое слово.

А может быть, это только естественно, что они забыли. И ведь они немалого достигли. Я старался поменьше вмешиваться, так оно было лучше. Так мне велел Джон Вебстер в ту далекую ночь. Потому Джон Вебстер и сделал то, что ему пришлось сделать, чтобы закрыть наглухо город Женеву. Конечно, Джон Вебстер. Кто же еще. Кроме него, некому.

Он думал, что всех людей запер там и освободил Землю для Псов. Но он забыл одну вещь. Вот именно забыл. Он забыл про своего собственного сына с его компанией лучников, которые с утра пораньше отправились в лес играть в дикарей. И дикарок.

И ведь игра обратилась горькой действительностью. Почти на тысячу лет. Пока мы их не нашли и не доставили домой. В усадьбу Вебстеров — туда, откуда все пошло.

Наклонив голову и сложив руки на коленях, Дженкинс продолжал медленно качаться. Поскрипывало кресло, и ветер гулял под застрехой, и дребезжало окно. И камин с его прокопченной глоткой толковал что-то про былые дни, про других людей, про давно отшумевшие западные ветры.

Прошлое, думал Дженкинс. *Вздор. Безделица, когда впереди еще столько дел. Еще столько проблем ожидает Псов.*

Например, перенаселение. Уж сколько мы о нем думаем, сколько говорим. Слишком много кроликов, потому что ни волкам, ни лисам не разрешается их убивать. Слишком много оленей, потому что койотам и волкам запрещается есть оленину. Слишком много

скунсов, слишком много мышей, слишком много диких кошек. Слишком много белок, дикобразов, медведей.

Запрети убийство — этот могучий регулятор — и разведется слишком много живности. Укроти болезни, обрати на борьбу с травмами быстроходных медицинских роботов — еще одним регулятором меньше.

Человек заботился об этом. Уж он заботился... Люди убивали всех на своем пути — будь то животные или другие люди.

Человек никогда не помышлял о великом обществе животных, не мечтал о том, чтобы скунс, енот и медведь, оставляя в стороне природные различия, вместе шли по дорогам жизни, вместе смотрели вперед, помогали друг другу.

А Псы мечтали об этом. И добились этого.

Все равно как в сказке про братца Кролика... Как в детских фантазиях минувших времен. Или как в библейской притче про льва и агнца, которые лежали рядом друг с другом. Или как на картинках Уолта Диснея, с той лишь поправкой, что картинки всегда отдавали фальшью, потому что воплощали человеческий образ мыслей.

Скрипнула дверь, кто-то переступил с ноги на ногу. Дженкинс повернулся.

— Привет, Джошуа, — сказал он. — Привет, Икебод. Прошу, входите. Я тут немножко задумался.

— Мы проходили мимо и увидели свет, — объяснил Джошуа.

— Я думал про свет. — Дженкинс глубокомысленно кивнул. — Думал про ту ночь пять тысяч лет назад. Из Женевы прибыл Джон Вебстер — первый человек, который навестил нас за много столетий. Он лежал в спальне наверху, и все Псы спали, и я стоял вон там у окна и смотрел за реку. А там — ни одного огня, ни единого. В какую сторону ни погляди — сплошной кромешный мрак. Я стоял и вспоминал то время, когда там были огни, и спрашивал себя — увижу ли я их когда-нибудь снова.

— Теперь там есть огни, — мягко произнес Джошуа. — Сегодня ночью по всему миру светят огни. Даже в логовах и пещерах.

— Знаю, знаю, — сказал Дженкинс. — Сейчас стало даже лучше, чем было прежде.

Икебод протопал в угол, где стояло сверкающее туловище, поднял руку и почти нежно погладил металлический кожух.

— Я очень благодарен Псам, что они подарили мне туловище, — сказал Дженкинс. — Да только зачем это? Достаточно подлатать немного старое, и оно еще вполне послужит.

— Просто мы тебя очень любим, — объяснил Джошуа. — Псы в таком долгу перед тобой. Мы и раньше пытались что-нибудь

сделать для тебя, но ведь ты нам никогда не позволял. Хоть бы ты разрешил нам построить тебе новый дом, современный дом со всякими новинками.

Дженкинс покачал головой:

— Это совершенно бесполезно, ведь я все равно не смогу там жить. Понимаешь, для меня дом — здесь. Усадьба всегда была моим домом. Только латайте ее время от времени, как мое туловище, и мне ничего другого не надо.

— Но ты совсем одинок.

— Ничего подобного, — возразил Дженкинс. — Здесь полно народу.

— Полно народу? — переспросил Джошуа.

— Люди, которых я знал.

— Ух ты, какое туловище! — восхищался Икебод. — Вот бы примерить.

— Икебод! — завопил Джошуа. — Сейчас же поди сюда. Не смей трогать...

— Оставь ты этого юнца в покое, — вмешался Дженкинс. — Пусть зайдет, когда я буду посвободнее...

— Нет, — отрезал Джошуа.

Ветка поскреблась о застреху, тонкими пальцами постучалась в стекло. Брякнула черепица, ветер прошелся по крыше легкой, танцующей походкой.

— Хорошо, что вы заглянули, — произнес Дженкинс. — Мне надо вам кое-что сказать.

Он покачивался в кресле взад-вперед, и один полоз поскрипывал.

— Меня не хватит навечно, — продолжал Дженкинс. — Семь тысяч лет тяну, как еще до сих пор не рассыпался.

— С новым туловищем тебя еще на трижды семь тысяч лет хватит, — возразил Джошуа.

Старый робот покачал головой.

— Я не о туловище, а о мозге говорю. Как-никак машина. Хорошо сработан, на совесть, но навечно его не хватит. Рано или поздно что-нибудь поломается, и тогда конец моему мозгу.

Кресло поскрипывало в притихшей комнате.

— А это значит смерть, — продолжал Дженкинс. — Значит, что я умру. Все правильно. Все как положено. Все равно от меня уже никакого толку. Был я когда-то нужен.

— Ты нам всегда будешь нужен, — мягко сказал Джошуа. — Без тебя нам не справиться.

Но Дженкинс продолжал, словно и не слышал его:

— Мне надо рассказать вам про Вебстеров. Надо вам объяснить. Чтобы вы поняли.

— Я постараюсь понять, — ответил Джошуа.

— Вы, Псы, называете их вебстерами — это ничего. Называйте как хотите, лишь бы вы знали, кто они такие.

— Иногда ты называешь их людьми, а иногда называешь вебстерами, — заметил Джошуа. — Не понимаю.

— Они были люди, и они правили Землей. И среди них был один род по фамилии Вебстер. Вот эти самые Вебстеры и сделали для вас такое замечательное дело.

— Какое замечательное дело?

Дженкинс крутнулся вместе с креслом и остановил его.

— Я стал забывчивым, — пробурчал он. — Все забываю. Чуть что, сбиваюсь.

— Ты говорил о каком-то замечательном деле, которое сделали для нас вебстеры.

— Что? Ах да. Вот именно. Вы должны присматривать за ними. Главное, присматривать.

Он медленно раскачивался в кресле, а мозг его захлестнули мысли, перемежаемые скрипом качалки.

Чуть не сорвалось с языка, говорил он себе. *Чуть не погубил мечту...*

Но я вовремя вспомнил. Да, Джон Вебстер, я вовремя спохватился. Я сдержал слово, Джон Вебстер.

Я не сказал Джошуа, что Псы когда-то были у людей домашними животными, что они обязаны людям своим сегодняшним положением. Ни к чему им об этом знать. Пусть держат голову высоко. Пусть продолжают свою работу. Старые родовые предания забыты, и не надо извлекать их из забвения.

А как хотелось бы рассказать им. Видит бог, хотелось бы рассказать. Предупредить их, чего надо остерегаться. Рассказать им, как мы искореняли старые представления у дикарей, которых привезли сюда из Европы. Как отучали их от того, к чему они привыкли. Как стирали в их мозгу понятие об оружии, как учили их миру и любви.

И как мы должны быть начеку, чтобы не прозевать тот день, когда они примутся за старое, когда возродится старый человеческий образ мыслей.

— Но ты же сказал... — не унимался Джошуа.

Дженкинс сделал отрицательный жест:

— Пустяки, не обращай внимания, Джошуа. Мало ли что плетет старый робот. У меня иной раз все путается в мозгу, и я начинаю заговариваться. Слишком много о прошлом думаю, а ведь ты сам говоришь, что прошлого нет.

Икебод присел на корточки, глядя на Дженкинса.

— Конечно же нет, — подтвердил он. — Мы проверяли и так и сяк — все данные сходятся, все говорят одно. Прошлого нет.

— Ему негде быть, — сказал Джошуа. — Когда идешь назад по временной оси, тебе встречается не прошлое, а совсем другой мир,

другая категория сознания. Хотя Земля та же самая — или почти та же самая. Те же деревья, те же реки, те же горы, и все-таки мир не тот, который мы знаем. Потому что он по-другому жил, по-другому развивался. Предыдущая секунда — вовсе не предыдущая секунда, а совсем другая, особый сектор времени. Мы все время живем в пределах одной и той же секунды. Двигаемся в ее рамках, в рамках крохотного отрезка времени, который отведен нашему миру.

— Наш способ мерить время никуда не годится, — подхватил Икебод. — Это он мешал нам верно представить себе время. Мы все время думали, что перемещаемся во времени, а фактически было иначе и ничего похожего. Мы двигались вместе со временем. Мы говорили — еще секунда прошла, еще минута прошла, еще час, еще день, а на самом деле ни секунда, ни минута, ни час никуда не делись. Все время оставалась одна и та же секунда. Просто она двигалась — и мы двигались вместе с ней.

Дженкинс кивнул:

— Понятно. Как бревна в реке. Как щепки, которые несет течением. На берегу одна картина сменяется другой, а поток все тот же.

— В этом роде, — сказал Икебод. — С той разницей, что время — твердый поток и разные миры зафиксированы крепче, чем бревна в реке.

— И как раз в этих других мирах живут гоблины?

Джошуа кивнул:

— А где же им еще жить?

— И ты теперь, надо думать, соображаешь, как проникнуть в эти миры, — заключил Дженкинс.

Джошуа легонько почесался.

— Конечно, соображает, — подтвердил Икебод. — Мы нуждаемся в пространстве.

— Но ведь гоблины...

— Может быть, они не все миры заняли, — сказал Джошуа. — Может быть, есть еще свободные. Если мы найдем незанятые миры, они нас выручат. Если не найдем — нам туго придется. Перенаселение вызовет волну убийств. А волна убийств отбросит нас к тому месту, откуда мы начинали.

— Убийства уже происходят, — тихо произнес Дженкинс.

Джошуа наморщил лоб и прижал уши.

— Странные убийства. Убьют, но не съедают. И крови не видно. Как будто шел-шел — и вдруг упал замертво. Наши медицинские роботы скоро с ума сойдут. Никаких изъянов. Никаких причин для смерти.

— Но ведь умирают, — сказал Икебод.

Джошуа подполз поближе, понизил голос:

— Я боюсь, Дженкинс. Боюсь, что...

— Чего же тут бояться?

— В том-то и дело, что есть чего. Ангес сказал мне об этом. Ангес боится, что кто-то из гоблинов... кто-то из гоблинов проник к нам.

Порыв ветра потянул воздух из дымохода, прокатился кубарем под застрехой. Другой порыв поухал совой в темном закоулке поблизости. И явился страх, заходил туда и обратно по крыше, глухо, осторожно ступая по черепицам.

Дженкинс вздрогнул и весь напрягся, укрощая дрожь. У него сел голос.

— Никто еще не видел гоблина, — проскрежетал он.

— А его, может, вообще нельзя увидеть.

— Возможно, — согласился Дженкинс. — Возможно, его нельзя увидеть.

Разве не это самое говорил Человек? Призрак нельзя увидеть, привидение нельзя увидеть, но можно ощутить их присутствие. Ведь вода продолжает капать, как бы туго ни завернули кран, и кто-то скребется в окно, и ночью Псы на кого-то воют, и никаких следов на снегу.

Кто-то поскребся в окно.

Джошуа вскочил на ноги и замер. Статуя собаки — лапа поднята, зубы оскалены, обозначая рычание. Икебод весь превратился в слух, выжидая.

Кто-то поскребся опять.

— Открой дверь, — сказал Икеботу Дженкинс. — Там кто-то просится в дом.

Икебод прошел через сгусток тишины. Дверь скрипнула под его рукой. Он отворил, тотчас в комнату юркнула белка, серой тенью прыгнула к Дженкинсу и опустилась на его колени.

— Это же Поня! — воскликнул Дженкинс.

Джошуа сел и спрятал клыки. Металлическая физиономия Икебода расплылась в дурацкой улыбке.

— Я видела, как он это сделал! — закричала Поня. — Видела, как он убил малиновку. Он попал в нее метательной палкой. И перья полетели. И на листике была кровь.

— Успокойся, — мягко произнес Дженкинс. — Не торопись так, расскажи все по порядку. Ты слишком возбуждена. Ты видела, как кто-то убил малиновку.

Поня всхлипнула, стуча зубами.

— Это Питер убил.

— Питер?

— Вебстер, которого зовут Питером.

— Ты видела, как он метнул палку?

— Он метнул ее другой палкой. Оба конца веревкой связаны, он веревку потянул, палка согнулась...

— Знаю, — сказал Дженкинс. — Знаю.

— Знаешь? Тебе все известно?

— Да, — подтвердил Дженкинс. — Мне все известно. Это лук и стрела.

И было в его тоне нечто такое, отчего они все притихли, и комната вдруг показалась им огромной и пустой, и стук ветки по стеклу превратился в потусторонний звук, прерывающийся замогильный голос, причитающий, безутешный.

— Лук и стрела? — вымолвил наконец Джошуа. — Что такое лук и стрела?

Да, что это такое? — подумал Дженкинс. *Что такое лук и стрела?*

Это начало конца. Это извилистая тропка, которая разрастается в громовую дорогу войны.

Это игрушка, это оружие, это триумф человеческой изобретательности.

Это первый зародыш атомной бомбы.

Это символ целого образа жизни.

И это слова из детской песенки.

Кто малиновку убил?
Я, ответил воробей.
Лук и стрелы смастерил
И малиновку убил!

То, что было забыто. То, что теперь воссоздано.

То, чего я опасался.

Он выпрямился в кресле, медленно встал.

— Икебод, — сказал он, — мне понадобится твоя помощь.

— Разумеется, — ответил Икебод. — Только скажи.

— Туловище, — продолжал Дженкинс. — Я хочу воспользоваться моим новым туловищем. Тебе придется отделить мою мозговую коробку...

Икебод кивнул:

— Я знаю, как это делается, Дженкинс.

Голос Джошуа зазвенел от испуга:

— В чем дело, Дженкинс? Что ты задумал?

— Я пойду к мутантам, — раздельно произнес Дженкинс. — Настало время просить у них помощи.

Тень скользила вниз через лес, сторонясь прогалин, озаренных лунным светом. В лунном свете она мерцала, ее могли заметить, а этого допустить нельзя. Нельзя срывать охоту другим, которые последуют за ней.

Потому что другие последуют. Конечно, не сплошным потоком, все будет тщательно рассчитано. По три, по четыре — и в разных местах, чтобы не всполошить живность этого восхитительного мира.

Ведь если они всполошатся — все пропало.

Тень присела во мраке, приникла к земле, исследуя ночь напряженными, трепещущими нервами. Выделяя знакомые импульсы, она ре-

гистрировала их в своем бдительном мозгу и откладывала в памяти для ориентировки.

Кроме знакомых импульсов, были загадочные — совсем или наполовину. А в одном из них улавливалась страшная угроза...

Тень распласталась на земле, вытянув уродливую голову, отключила восприятие от наполняющих ночь сигналов и сосредоточилась на том, что поднималось вверх по склону.

Двое, притом отличные друг от друга. Она мысленно зарычала, в горле застрял хрип, а ее разреженную плоть пронизало острое предвкушение пополам с унизительным страхом перед неведомым.

Тень оторвалась от земли, сжалась в комок и поплыла над склоном, идя наперехват двоим.

Дженкинс был снова молод, молод, силен, проворен — проворен душой и телом. Проворно шагал он по залитым лунным светом, открытым ветру холмам. Мгновенно улавливал шепот листвы и чириканье сонных птах. И еще кое-что!

Да, и еще кое-что!

Ничего не скажешь, туловище хоть куда. Нержавеющее, крепкое — никакой молот не возьмет. Но не только в этом дело.

Вот уж никогда не думал, говорил он себе, *что новое туловище так много значит! Никогда не думал, что старое до такой степени износилось и одряхлело. Конечно, оно с самого начала было так себе, да ведь в то время и такое считалось верхом совершенства. Что ни говори, механика может творить чудеса.*

Роботы, конечно, постарались — дикие роботы. Псы договорились с ними, и они смастерили туловище. Вообще-то Псы не очень часто общаются с роботами. Нет, отношения хорошие, все в порядке, но потому и хорошие, что они не беспокоят друг друга, не навязываются, не лезут в чужие дела.

Дженкинс улавливал все, что происходило кругом. Вот кролик повернулся в своей норке. Вот енот вышел на ночную охоту — Дженкинс тотчас уловил вкрадчивое, вороватое любопытство в мозгу за маленькими глазками, которые глядели на него из орешника. А вон там, налево, свернувшись калачиком, под деревом спит медведь и видит сны, сны обжоры — дикий мед и выловленная из ручья рыба, с приправой из муравьев, которых можно слизнуть с перевернутого камня.

Это было поразительно — и, однако, вполне естественно. Так же естественно, как ходить, поочередно поднимая ноги. Так же естественно, как обычный слух. Но ни слухом, ни зрением этого не назовешь. И воображение тут ни при чем. Потому что сознание Дженкинса вполне вещественно и четко воспринимало и кролика в его норе, и енота в кустах, и медведя под деревом.

И у самих диких роботов теперь такие же туловища, сказал он себе, ведь если они сумели смастерить такое для меня, так уж себе и подавно изготовили.

Они тоже далеко продвинулись за семь тысяч лет — как и Псы, прошедшие немалый путь после исхода людей. Но мы не обращали внимания на них, потому что так было задумано. Роботы идут своим путем, Псы — своим и не спрашивают, кто чем занят, не проявляют любопытства. Пока роботы собирали космические корабли и посылали их к звездам, пока мастерили новые туловища, пока занимались математикой и механикой, Псы занимались животными, ковали братство всех тех, кого во времена Человека преследовали как дичь, слушали гоблинов и зондировали пучины времени, чтобы установить, что времени нет.

Но если Псы и роботы продвинулись так далеко, то мутанты конечно же ушли еще дальше. Они выслушают меня, говорил себе Дженкинс, должны выслушать, ведь я предложу задачу, которая придется им по нраву. Как-никак мутанты — люди, несмотря на все свои причуды, они сыны Человека. Оснований для злобы у них не может быть, ведь имя Человек теперь не больше чем влекомая ветром пыль, чем шелест листвы в летний день.

И кроме того, я семь тысяч лет их не беспокоил, да и вообще никогда не беспокоил. Джо был моим другом, насколько это вообще возможно было для мутанта. С людьми иной раз не разговаривал, а со мной разговаривал. Они выслушают меня и скажут, что делать. И они не станут смеяться.

Потому что дело нешуточное. Пусть только лук и стрела — все равно нешуточное. Возможно, когда-то лук и стрелы были потехой, но история заставляет пересматривать многие оценки. Если стрела — потеха, то и атомная бомба — потеха, и шквал смертоносной пыли, опустошающей целые города, потеха, и ревущая ракета, которая взмывает вверх, и падает за десять тысяч миль, и убивает миллион людей.

Правда, теперь миллиона не наберется. От силы несколько сот, обитающих в домах, которые построили им Псы, потому что тогда Псы еще помнили, кто такие люди, помнили, что их связывало с ними, и видели в людях богов. Видели в людях богов, и зимними вечерами у очага рассказывали древние предания, и надеялись, что наступит день, когда Человек вернется, погладит их по голове и скажет: «Молодцом, верный и надежный слуга».

И зря, говорил себе Дженкинс, шагая вниз по склону, *совершенно напрасно. Потому что люди не заслуживали преклонения, не заслуживали обожествления. Господи, я ли не любил людей? Да и сейчас люблю, если на то пошло, но не потому, что они люди, а ради воспоминаний о некоторых из великого множества людей.*

Несправедливо это было, что Псы принялись работать на Человека. Ведь они строили свою жизнь куда разумнее, чем Человек свою. Вот почему я стер в их мозгу память о Человеке. Это был долгий и кропотливый труд, много лет я искоренял предания, мно-

го лет наводил туман, и теперь они не только называют, но и считают людей вебстерами.

Я сомневался, верно ли поступил. Чувствовал себя предателем, и были мучительные ночи, когда мир спал, окутавшись мраком, а я сидел в качалке и слушал, как ветер стонет под застрехой. И думал — вправе ли я был так поступить? А может быть, Вебстеры не одобрили бы мои действия? До того сильна была их власть надо мной, так сильна она до сих пор, через тысячи лет, что сделаю что-нибудь и переживаю: вдруг это им не понравилось бы?

Но теперь я убедился в своей правоте. Лук и стрелы это доказывают. Когда-то я допускал, что Человек просто пошел не по тому пути, что некогда, во времена темной дикости, которая была его колыбелью и детской комнатой, он свернул не в ту сторону, шагнул не с той ноги. Теперь я вижу, что это не так. Человек признает только один-единственный путь — путь лука и стрел.

Уж как я старался, видит бог, я старался.

Когда мы выловили этих шатунов и доставили их в усадьбу Вебстеров, я изъял их оружие, изъял не только из рук — из сознания тоже. Я переделал все книги, какие можно было переделать, а остальные сжег. Я учил их заново читать, заново петь, заново мыслить. И в книгах не осталось и намека на войну и оружие, на ненависть и историю — ведь история есть ненависть, — не осталось намека на битвы, подвиги и фанфары.

Да только попусту старался... Теперь я вижу, что попусту старался. Потому что, сколько ни старайся, человек все равно изобретет лук и стрелы.

Закончив долгий спуск, он пересек ручей, скачущий вниз к реке, и начал карабкаться вверх к мрачным, суровым контрфорсам, венчавшим высокий бугор.

Кругом что-то шуршало, и новое туловище сообщило сознанию, что это мыши — мыши снуют в ходах, которые проделали в густой траве. И на мгновение он уловил незатейливое счастье резвящихся мышек, незатейливые, простенькие, легкие мысли счастливых мышек.

На стволе упавшего дерева притаилась ласка — ее душу переполняло зло, вызванное мыслью о мышах и воспоминанием о тех днях, когда ласки кормились мышами. Жажда крови и страх — страх перед тем, что сделают Псы, если она убьет мышь, страх перед сотней глаз, следящих за тем, чтобы убийство больше не шествовало по свету.

Но ведь человек убил. Ласка убивать не смеет, а человек убил. Пусть даже не со зла, не намеренно. Но ведь убил. А Каноны запрещают лишать жизни.

Случались и прежде убийства — и убийц наказывали. Значит, человек тоже должен быть наказан. Нет, мало наказать. Наказание про-

блемы не решит. Проблема-то не в одном человеке, а во всех людях, во всем человеческом роде. Ведь что один сделал, могут сделать и остальные.

Замок мутантов высился черной громадой на фоне неба, до того черной, что она мерцала в лунном свете. И никаких огней, но в этом не было ничего удивительного, потому что никто еще не видел в замке огней. И никто не помнил, чтобы отворялись двери замка. Мутанты выстроили замки в разных концах света, вошли в них, и на том все кончилось. Прежде они вмешивались в людские дела, даже вели с людьми нечто вроде саркастической войны, когда же люди исчезли, мутанты тоже перестали показываться.

У широкой каменной лестницы Дженкинс остановился. Запрокинув голову, он глядел на возвышающееся перед ним сооружение.

Джо, наверное, умер, сказал он себе. *Он был долгожитель, но ведь не бессмертный. Вечно жить он не мог. Странно будет теперь встретиться с мутантом и знать, что это не Джо.*

Он начал подниматься по ступенькам, шел медленно-медленно, все нервы на взводе, готовый к тому, что вот-вот на него обрушится первая волна сарказма.

Однако ничего не произошло.

Он одолел лестницу и остановился перед дверью, размышляя, как дать мутантам знать о своем приходе.

Ни колокольчика. Ни звонка. Ни колотушки. Гладкая дверь, обыкновенная ручка. И все.

Он нерешительно поднял кулак и постучал несколько раз, потом подождал. Никакого отклика. Дверь оставалась немой и недвижимой.

Он постучал еще, на этот раз погромче. И опять никакого ответа.

Медленно, осторожно он взялся за дверную ручку и нажал на нее. Ручка подалась, дверь отворилась, и Дженкинс ступил внутрь.

— Дурень ты, дурень, — сказал Лупус. — Я заставил бы их поискать меня. Заставил бы погоняться за мной. Я бы так просто им не поддался.

Питер покачал головой:

— Может быть, ты так и поступил бы, Лупус, может быть, для тебя это годится. Но для меня это не подходит. Вебстеры никогда не убегают.

— Откуда ты это взял? — не унимался волк. — Чушь какую-то порешь. До сих пор ни одному вебстеру не надо было убегать, а раз ни одному вебстеру еще не приходилось убегать, откуда ты можешь знать, что они никогда...

— Ладно, заткнись, — отрезал Питер.

Они продолжали молча подниматься по каменистой тропе, взбираясь на холм.

— За нами кто-то следует, — вдруг сказал Лупус.

— Тебе померещилось, — возразил Питер. — Кому это нужно следовать за нами?

— Не знаю, но...

— Что, запах чуешь?

— Нет...

— Что-нибудь услышал? Или увидел?

— Нет, но...

— Значит, никто за нами не следует, — решительно заявил Питер. — Теперь вообще никто никого не выслеживает.

Свет луны, струясь между деревьями, испестрил серебром черный лес. В ночной долине на реке утки о чем-то сонно спорили вполголоса. Слабый ветерок снизу принес с собой дыхание речной мглы.

Тетива зацепилась за куст, и Питер остановился, чтобы освободить ее. При этом он уронил на землю несколько стрел и нагнулся, чтобы поднять их.

— Придумал бы какой-нибудь другой способ носить эти штуки, — пробурчал Лупус. — Без конца то зацепишься, то уронишь, то...

— Я уже думал об этом, — спокойно ответил Питер. — Пожалуй, сделаю что-нибудь вроде сумки, чтобы можно было повесить на плечо.

Подъем продолжался.

— Ну и что ты собираешься сделать, когда придешь в усадьбу Вебстеров? — спросил Лупус.

— Я собираюсь найти Дженкинса, — ответил Питер. — Собираюсь рассказать ему, что я сделал.

— Поня уже рассказала.

— Может быть, она не так рассказала. Может быть, что-нибудь напутала. Поня очень волновалась.

— Да она вообще ненормальная.

Они пересекли лунную прогалину и снова нырнули во мрак.

— Что-то у меня нервишки разгулялись, — сказал Лупус. — Затеял ты ерунду какую-то. Я тебя до сих пор проводил, и...

— Ну и возвращайся, — сердито ответил Питер. — У меня нервы в порядке. Я...

Он круто обернулся, волосы на голове у него поднялись дыбом.

Что-то было не так... Что-то в воздухе, которым он дышал, что-то в его мозгу... Тревожное, жуткое ощущение опасности, но еще сильнее — чувство омерзения, оно вонзило когти ему в лопатки и поползло по спине миллионами цепких ножек.

— Лупус! — вскричал он. — Лупус!

Возле тропы внизу вдруг сильно качнулся куст, и Питер стремглав бросился туда. Обогнув кусты, он круто остановился. Вскинул лук и, мгновенно выхватив из левой руки стрелу, упер ее в тетиву.

Лупус распростерся на траве — половина туловища в тени, половина на свету. Его пасть оскалилась клыками, одна лапа еще царапала землю.

А над ним наклонилась какая-то тень. Тень, силуэт, призрак. Тень шипела, тень рычала, в мозгу Питера отдался целый поток яростных звуков. Ветер отодвинул ветку, пропуская лунный свет, и Питер рассмотрел нечто вроде лица — смутные очертания, словно полустертый рисунок мелом на пыльной доске. Лицо мертвеца, и воющий рот, и щели глаз, и отороченные щупальцами уши.

Тренькнула тетива, и стрела вонзилась в лицо — вонзилась, и прошла насквозь, и упала на землю. А лицо все так же продолжало рычать.

Еще одна стрела уперлась в тетиву и поползла назад, дальше, дальше, почти до самого уха. Стрела, выброшенная упругой силой крепкой прямослойной древесины, выброшенная ненавистью, страхом, отвращением человека, который натягивал тетиву.

Стрела поразила размытое лицо, замедлила полет, закачалась — и тоже упала.

Еще одна стрела — и сильнее натянуть тетиву. Еще сильнее, чтобы летела быстрее и убила наконец эту тварь, которая не желает умирать, когда ее поражает стрела. Тварь, которая только замедляет стрелу, и заставляет ее качаться, и пропускает насквозь.

Сильнее, сильнее — еще сильнее. И...

Лопнула тетива.

Секунду Питер стоял, опустив руки, в одной — никчемный лук, в другой — никчемная стрела. Стоял, измеряя взглядом просвет, отделяющий его от призрачной нечисти, присевшей над останками серого.

В душе его не было страха. Не было страха, хотя он лишился оружия. Была только бешеная ярость, от которой его трясло, и был голос в мозгу, который чеканил одно и то же звенящее слово:

— У б е й... у б е й... у б е й...

Он отбросил лук и пошел вперед — руки согнуты в локтях, пальцы словно кривые когти. Жалкие когти...

Тень попятилась — попятилась под напором волны страха, внезапно захлестнувшей ее мозг, — страха и ужаса перед лицом любой ненависти, излучаемой идущим на нее созданием. Властная, свирепая ненависть...

Ужас и страх ей и прежде были знакомы — ужас, и страх, и отчаяние, но здесь она столкнулась с чем-то новым. Как будто мозг ожгло карающей плетью.

Это была ненависть...

Тень заскулила про себя — заскулила, захныкала, попятилась, лихорадочно копаясь мысленными пальцами в помутившемся мозгу в поисках формулы бегства.

Комната была пустая — пустая, заброшенная, гулкая. Комната, которая, поймав скрип открывающейся двери, потолкла его в глухих углах, потом возвратила. Комната, воздух которой загустел от пыли забвения, пропитался торжественным молчанием праздных столетий.

Дженкинс стоял, держась за дверную ручку, стоял, прощупывая все углы и темные ниши обостренным чутьем новой аппаратуры, составляющей его туловище. Ничего. Ничего, кроме тишины, и пыли, и мрака. И похоже, тишина, пыль и мрак безраздельно царят тут уже много лет. Никакого намека на дыхание хоть какой-нибудь бросовой мыслишки, никаких следов на полу, никаких каракуль, начертанных небрежным пальцем на столе.

Откуда-то из тайников мозга просочилась в сознание старая песенка, старая-престарая — она была старой уже тогда, когда ковали первое туловище Дженкинса. Его поразило, что она существует, поразило, что он вообще ее знал, — а еще ему стало не по себе от разбуженного ею шквала столетий, не по себе от воспоминания об аккуратных белых домиках на миллионе холмов, не по себе при мысли о людях, которые любили свои поля и мерили их уверенной, спокойной, хозяйской поступью.

Энни больше нету здесь.

Нелепо, сказал себе Дженкинс. *Нелепо, что какой-то вздор, сочиненный племенем, которое почти перевелось, вдруг пристал ко мне и не дает покоя. Нелепо.*

Кто малиновку убил?
Я, ответил воробей.

Он закрыл дверь и пошел через комнату.

Пыльная мебель ждала человека, который так и не вернулся. Пыльные инструменты и аппараты лежали на столах. Пылью покрылись названия книг, выстроенных рядами на массивных полках.

Ушли, сказал себе Дженкинс. *И никому не ведомо — когда и почему ушли. И куда, тоже неведомо. Никому ничего не говоря, ночью незаметно ускользнули. И теперь, как вспомнят, конечно же, веселятся — веселятся при мысли о том, что мы стережем и думаем — они еще там, думаем — как бы не вышли.*

В стенах были еще двери, и Дженкинс подошел к одной из них. Взявшись за ручку, он сказал себе, что открывать нет смысла, продолжать поиски нет смысла. Если эта комната пуста и заброшенна, значит, и все остальные такие же.

Он нажал на ручку, и дверь отворилась, и его обдало зноем, но комнаты он не увидел. Перед ним была пустыня — золотистая пустыня простерлась до подернутого маревом ослепительного горизонта под огромным голубым солнцем.

Нечто зеленое и пурпурное — вроде ящерицы, но совсем не ящерица, — семеня ножками, с мертвящим свистом молнией проскользнуло по песку.

Дженкинс захлопнул дверь, оглушенный и парализованный.

Пустыня. Пустыня и что-то скользящее по песку. Не комната, не зал и не терраса — пустыня.

И солнце было голубое. Голубое и палящее.

Медленно, осторожно он снова отворил дверь, сперва самую малость, потом пошире.

По-прежнему пустыня.

Захлопнув дверь, Дженкинс уперся в нее спиной, словно требовалась вся сила его металлического туловища, чтобы не пустить пустыню внутрь, преградить путь тому, что эта дверь и пустыня означали.

Да, здорово у них голова варила, сказал он себе. *Здорово и быстро, куда там обыкновенным людям за ними гнаться. Мы и не представляли себе, как у них здорово варила голова. Но теперь-то я вижу, что она у них варила лучше, чем мы думали.*

Эта комната — всего лишь прихожая, мост через немыслимые дали к другим мирам, другим планетам, вращающимся вокруг безвестных солнц. Средство покинуть Землю, не покидая ее, ключ, позволяющий, открыв дверь, пересечь пустоту.

В стенах были другие двери, и Дженкинс посмотрел на них, посмотрел и покачал головой.

Он медленно прошел через комнату к выходу. Тихо, чтобы не нарушить безмолвие пыльного помещения, нажал дверную ручку, и вышел, и увидел знакомый мир. Мир луны и звезд, ползущей между холмами речной мглы, перешептывающихся через распадок древесных крон.

Мыши все так же сновали по своим травяным ходам, и в голове у них роились радостные мышиные мысли или что-то вроде мыслей. На дереве сидела сова, думая кровожадную думу.

Рядом, думал Дженкинс, *совсем еще рядом таится она — древняя лютая ненависть, древняя жажда крови. Но мы с самого начала обеспечили им преимущество, какого не было у Человека, а впрочем, человечество скорее всего при любом начале осталось бы таким же.*

И вот мы снова видим искони присущую Человеку жажду крови, стремление выделиться, быть сильнее других, утверждать свою волю посредством своих изобретений — предметов, которые позволяют его руке стать сильней любой другой руки или лапы, позволяют его зубам впиваться в плоть глубже любого клыка, которые достают и поражают на расстоянии.

Я думал получить помощь. Я пришел сюда за помощью. А помощи не будет.

Не будет помощи. Ведь только мутанты могли мне помочь, а они ушли.

Теперь вся ответственность на тебе, говорил себе Дженкинс, идя вниз по ступеням. *Ты отвечаешь за людей. Ты должен их как-то остановить. Должен их как-то изменить. Ты не можешь позволить им погубить дело, начатое Псами. Не можешь позволить им опять превратить этот мир в мир лука и стрел.*

Он шел по темной лощине под лиственным сводом и ощущал запах гниющих прошлогодних листьев, скрытых под новой зеленью, и ничего подобного он прежде не испытывал.

Его старое туловище не обладало обонянием.

Обоняние, обостренное зрение, восприятие мыслей других существ — способность читать мысли енотов, угадывать мысли мышей, жажду крови в мозгу ласок и сов...

И еще кое-что — отголосок чьей-то ненависти в дыхании ветра и какой-то чужеплеменный крик ужаса.

Эта ненависть, этот крик пронизали его сознание и приковали его к месту, потом заставили сорваться с места и бежать, мчаться вверх по склону, не так, как человек бежал бы в темноте, а как бежит робот, видящий во мраке и наделенный железным организмом, которому неведомы тяжелое дыхание и задыхающиеся легкие.

Ненависть — и он знал лишь одну ненависть, равную этой.

Чувство становилось все сильнее, все острее по мере того, как он мерил тропу скачками, и мысль его стонала от мучительного страха — страха перед тем, что он увидит.

Он обогнул кустарник и круто остановился.

Человек шел вперед, согнув руки в локтях, и на траве лежал сломанный лук. Волк распростерся на земле — половина серого туловища на свету, половина в тени, — и от волка пятилась какая-то призрачная тварь, наполовину тень, наполовину свет, то ли видно, то ли не видно, будто фантом из кошмара.

— Питер! — крикнул Дженкинс, но крик его был беззвучным.

Потому что он уловил исступление в мозгу полупрозрачной твари — исступление и панический ужас пробились сквозь ненависть человека, который наступал на сжавшуюся в комок, брызгающую слюной тень. Панический ужас и отчаянное стремление — стремление что-то найти, что-то вспомнить.

Человек почти настиг ее. Он шел прямо, решительно — тщедушное тело, нелепые кулачки. И отвага.

Отвага, сказал себе Дженкинс, *с такой отвагой ему сам черт не страшен. С такой отвагой он сойдет в преисподнюю, и разворо-*

тит дрожащую брусчатку, и выкрикнет злую, скабрезную остроту в лицо князю тьмы.

Но тень уже нашла — нашла искомое, вспомнила заветное. Дженкинс ощутил волну облегчения, которая пронизала ее плоть, услышал магическую формулу — то ли слово, то ли образ, то ли мысль. Что-то вроде ворожбы, заклинания, чародейства, но не всецело. Мысленное усилие, мысль, подчиняющая себе тело, — так, пожалуй, вернее.

Потому что формула помогла.

Тварь исчезла. Исчезла — улетучилась из этого мира.

Никакого намека, ни малейшего признака. Словно ее никогда и не было.

А то, что она произнесла, то, что подумала? Сейчас. Вот оно...

Дженкинс осекся. Формула запечатлена в его мозгу, он помнит ее, помнит слово, помнит мысль, помнит нужную интонацию, но он не должен пускать ее в ход, должен забыть о ней, хранить ее в тайниках сознания.

Ведь она подействовала на гоблина. Значит, подействует и на него. Непременно подействует.

Человек тем временем повернулся кругом и теперь стоял, уставившись на Дженкинса, — плечи опущены, руки повисли.

На белом пятне лица зашевелились губы:

— Ты... ты...

— Я Дженкинс, — сказал ему Дженкинс. — У меня новое туловище.

— Здесь что-то было, — произнес Питер.

— Гоблин, — ответил Дженкинс. — Джошуа мне сказал, что к нам проник гоблин.

— Он убил Лупуса.

Дженкинс кивнул:

— Да, он убил Лупуса. Он и многих других убил. Это он занимался убийством.

— А я убил его, — сказал Питер. — Убил его... или прогнал... или...

— Ты его испугал, — объяснил Дженкинс. — Ты оказался сильнее его. Он испугался тебя. Страх перед тобой прогнал его обратно в тот мир, откуда он пришел.

— Я мог его убить, — похвастался Питер, — но веревка лопнула...

— В следующий раз, — спокойно заметил Дженкинс, — постарайся сделать более прочную тетиву. Я тебя научу. И сделай стальной наконечник для стрелы...

— Для чего?

— Для стрелы. Метательная палка — стрела. А палка с веревкой, которой ты ее метаешь, называется луком. Все вместе называется лук и стрела.

Питер сник.

— Значит, не я первый? Еще до меня додумались?

Дженкинс покачал головой:

— Нет, не ты первый.

Он пересек поляну и положил руку на плечо Питера.

— Пошли домой, Питер.

Питер мотнул головой.

— Нет. Я посижу здесь около Лупуса, пока не рассветет. Потом позову его друзей, и мы похороним его. — Он поднял голову и добавил, глядя в глаза Дженкинсу: — Лупус был мой друг, Дженкинс. Очень хороший друг.

— Иначе и быть не могло, — ответил Дженкинс. — Но мы еще увидимся?

— Конечно. Я приду на пикник. Вебстерский пикник. До него осталось около недели.

— Верно, — произнес Дженкинс, думая о чем-то. — Через неделю. И тогда мы с тобой увидимся.

Он повернулся и медленно пошел вверх по склону.

Питер сел около мертвого волка ждать рассвета. Раз или два его рука поднималась, чтобы вытереть щеки.

Они сидели полукругом, лицом к Дженкинсу и внимательно слушали его.

— Теперь сосредоточьтесь, — говорил Дженкинс. — Это очень важно. Сосредоточьтесь, думайте, думайте как следует и представьте себе вещи, которые принесли с собой, — корзины с едой, луки и стрелы и все остальное.

— Это новая игра, Дженкинс? — прыснула одна из девочек.

— Да, — сказал Дженкинс, — что-то вроде игры. Вот именно — новая игра. Увлекательная игра. Захватывающая.

— Дженкинс всегда к пикнику Вебстеров придумывает какую-нибудь новую игру, — заметил кто-то.

— А теперь, — продолжал Дженкинс, — внимание. Смотрите на меня и постарайтесь угадать, что я задумал...

— Это игра в угадайку! — взвизгнула смешливая девочка. — Угадайка — моя любимая игра!

— Ты права. Совершенно верно — это игра в угадайку. А теперь все сосредоточьтесь и смотрите на меня...

— Мне хочется испытать лук и стрелы, — сказал один из мужчин. — Потом, когда кончится игра, можно будет испытать их, Дженкинс?

— Можно, — терпеливо произнес Дженкинс. — Когда кончится игра, можете испытать их.

Он закрыл глаза и стал мысленно включаться в сознание каждого из них, проверяя всех поочередно и улавливая трепетное предвкушение

в направленных к нему мыслях, ощущая, как его мозг тихонько щупают пытливые мысленные пальцы.

Сильней! — говорил он про себя. *Сильней! Сильней!*

На экране его сознания появилась легкая рябь, и он поспешил разгладить ее.

Не гипноз, даже не телепатия, но что-то похожее, что-то очень похожее... Сосредоточить, слить воедино души собравшихся — вот в чем заключается его игра.

Медленно, осторожно он извлек из тайника формулу — слово, мысленный образ, интонацию. Потом передал все это в мозг, исподволь, не спеша — так разговаривают с ребенком, стараясь научить его верно произносить слова, правильно держать губы, двигать языком.

Подождал секунду, чувствуя, как другие ощупывают формулу, подумал громко — так, как думал гоблин.

И ничего не произошло. Ровным счетом ничего. Ни щелчка в мозгу. Ни такого чувства, словно падаешь. Ни головокружения. Вообще никаких ощущений.

Значит, провал. Значит, все кончено. Значит, игра проиграна.

Он открыл глаза и увидел тот же склон. И солнце так же светило в бирюзовом небе.

Он сидел молча, сидел как истукан, ощущая устремленные на него взгляды.

Кругом все осталось по-прежнему.

Если не считать...

Там, где прежде алел кустик иван-чая, теперь покачивалась маргаритка. А рядом с ней появился колокольчик, которого не было, когда он закрыл глаза.

— Уже все? — Смешливая девочка была заметно разочарована.

— Все, все, — ответил Дженкинс.

— Можно нам теперь проверить луки и стрелы? — спросил один из юношей.

— Можно, только поосторожней. Не цельтесь друг в друга. Это опасная штука. Питер вам покажет, как ими пользоваться.

— А мы пока разберем припасы, — сказала одна женщина. — Ты захватил свою корзину, Дженкинс?

— Захватил, — ответил Дженкинс. — Она у Эстер. Я дал ей подержать на время игры.

— Чудесно, — отозвалась женщина. — Не было года, чтобы ты нас чем-нибудь не удивил.

И в этом году удивлю, еще как удивлю, сказал себе Дженкинс. *Вас поразят пакетики с ярлычками, в каждом пакетике — семена.*

Да, нам понадобятся семена. Они понадобятся, чтобы вновь появились сады, вновь зеленели поля, чтобы люди вновь растили урожай. Нам понадобятся луки и стрелы, чтобы добывать мясо. Понадобятся остроги и рыболовные крючки.

Постепенно он стал примечать еще кое-какие отличия. Другой наклон дерева на краю поляны. Новый изгиб реки в долине внизу.

Дженкинс сидел на солнце, прислушиваясь к возгласам мужчин и подростков, которые испытывали луки и стрелы, слушая болтовню женщин, которые расстелили скатерть и теперь раскладывали еду.

Скоро придется сказать им, думал он. *Придется предупредить, чтобы не очень налегали на еду — не уписывали все в один присест. Эти припасы нужны нам, чтобы перебиться день-два, пока мы не накопаем корней, не наловим рыбы, не соберем плодов.*

Да, сейчас придется созвать их и сообщить, что произошло. Объяснить, что отныне они могут полагаться только на свои собственные силы. Объяснить — почему. Объяснить, чтобы брались за дело и действовали по своему разумению. Потому что здесь их окружает девственный мир.

Предупредить их насчет гоблинов.

Впрочем, это не самое важное. Человек знает способ — жестокий способ. Способ одолеть любого, кто станет на его пути.

Дженкинс вздохнул.

— Господи, помоги гоблинам, — произнес он.

Комментарий к восьмому преданию

Существует подозрение, что восьмое, заключительное предание — фальсификация, что оно не входило в древний цикл, перед нами позднее сочинение, состряпанное сказителем, жаждавшим публичной похвалы.

Композиция не вызывает особых возражений, но слог заметно уступает словесному мастерству других преданий.

Кроме того, бросается в глаза литературная конструкция. Очень уж ловко организован материал, слишком плавно совмещены здесь контуры, сходятся сюжетные линии предыдущих частей цикла.

А между тем, если ни в одном из остальных преданий нет ничего похожего на историческую подоплеку, если в них явно преобладает мифическое начало, то восьмое предание зиждется на исторической основе.

Досконально известно, что один из закрытых миров закрыт потому, что он принадлежит муравьям. Он является муравьиным миром, причем стал таким еще в незапамятные времена.

Нет никаких данных о том, чтобы мир муравьев был исконной родиной Псов, но и обратное не доказано. Тот факт, что до сих пор науке не удалось обнаружить какого-либо иного мира, который мог бы считаться родиной Псов, как будто указывает на то, что мир муравьев, возможно, и есть так называемая Земля.

Если это так, придется, видимо, оставить все надежды на обнаружение новых данных о происхождении цикла, ведь только в первом мире Псов можно было бы найти остатки материальной культуры, позволяющие неопровержимо установить происхождение цикла. Только там можно было бы получить ответ на основной вопрос: существовал. Если планета муравьев — Земля, тогда закрытый город Женева и усадьба на Вебстер Хилл для нас утрачены навсегда.

VIII

ПРОСТОЙ СПОСОБ

Енот Арчи, маленький беглец, припал к земле, стараясь поймать одну из снующих в траве крохотных тварей. Его робот Руфес обратился к нему, но енот был слишком занят и не отозвался.

Хомер сделал нечто такое, чего до него не делал ни один Пес. Он пересек реку и затрусил к лагерю диких роботов, борясь со страхом: ведь невозможно было предугадать, как с ним поступят дикие роботы, когда обернутся и увидят его. Но то, что его беспокоило, перевесило страх, и он побежал быстрей.

В недрах уединенного муравейника муравьи мечтали и рассчитывали, как овладеть миром, недоступным их разумению. И наступали на этот мир с надеждой на успех и с верой в дело, недоступное разумению ни Псов, ни роботов, ни людей.

В Женеве Джон Вебстер округлил десятое тысячелетие своего забытья и продолжал спать, лежа без движения. На бульваре блуждающий ветерок тормошил листву, но этого никто не слышал и никто не видел.

Дженкинс мерил шагами склон, не глядя ни налево, ни направо, потому что с обеих сторон были вещи, которые ему не хотелось видеть. Дерево, стоящее на том же месте, где в другом мире стояло другое дерево. Откос, запечатлевшийся в его мозгу с миллиардом шагов через десять тысячелетий.

И если хорошенько вслушаться, можно было услышать отдающийся в веках хохоток — сардонический хохоток человека по имени Джо.

Арчи поймал одну снующую тварь и крепко зажал ее в лапе. Осторожно поднял лапу, разжал пальцы — вот она, исступленно мечется, норовит убежать.

— Арчи, — сказал Руфес, — ты меня не слушаешь.

Снующая тварь нырнула в мех Арчи и устремилась вверх по руке.

— Похоже на блоху. — Арчи сел и почесал себе брюхо. — Новый род блох. Вот было бы некстати. Они и старые-то осточертели.

— Ты не слушаешь, — повторил Руфес.

— Я занят, — отозвался Арчи. — Вся трава кишит этими тварями. Мне надо выяснить, что это такое.

— Я ухожу от тебя, Арчи.

— Что?..

— Ухожу от тебя. Пойду к Зданию.

— Ты рехнулся, — вспылил Арчи. — Ты не можешь меня бросить. Ты какой-то психованный с тех самых пор, как шлепнулся на муравейник...

— Меня позвал Голос, — сказал Руфес. — Я не могу не пойти.

— Я тебя берег, — умоляюще продолжал енот. — Никогда не перегружал работой. Обращался с тобой как с товарищем, а не как с роботом. Так, как будто ты зверь.

Руфес упрямо мотал головой:

— И не пробуй меня удержать. Все равно я не могу остаться, что бы ты ни делал. Меня позвал Голос, и я не могу не пойти.

— Но ведь я так окажусь совсем без робота, — не унимался Арчи. — Они вытащили мой номер, и я убежал. Теперь я дезертир, и ты это знаешь. Знаешь, что я не могу добыть себе другого робота, потому что за мной следят.

Руфес никак не реагировал на его слова.

— Ты мне нужен, — настаивал Арчи. — Ты должен остаться и помогать мне таскать корм. Мне нельзя близко подходить к пунктам кормления, сторожа сразу схватят меня и поволокут на Вебстер Хилл. Ты должен помочь мне выкопать нору. Скоро зима, и мне понадобится логово. Пусть без света и отопления, но логово нужно. И ты должен...

Руфес уже повернулся и шагал вниз по склону к тропе, вьющейся по берегу реки. Вот вышел на тропу... взял курс на темное пятно вдали над горизонтом.

Арчи сидел, обвив хвостом лапы и ежась от ветра, который ворошил его мех. Какой студеный ветер, всего час назад он не был таким студеным... И не погода сделала его холодным, а что-то еще.

Яркие глаза-бусинки обрыскали весь склон — нет Руфеса...

Без корма, без логова, без робота. И стража его разыскивает. И блохи нещадно едят.

А тут еще это Здание — темная клякса на дальних холмах за рекой.

Сто лет назад (так записано в книгах) Здание было не больше усадьбы Вебстеров.

Но с тех пор оно выросло, раздалось во все стороны, этому строительству не видно конца. Сначала Здание занимало один акр. Потом квадратную милю. Теперь оно целый уезд захватило. И продолжает расти, расползается вширь, тянется ввысь.

Клякса над холмами... и гроза для суеверного лесного народца, который наблюдает за ней. Слово, которым стращают расшумевшихся козлят, щенят и котят.

Потому что Здание воплощало зло, как все непонятное воплощает зло... зло скорее угадываемое и предполагаемое, чем слышимое, зримое, обоняемое. Угадываемое чутьем — особенно темной ночью, когда погашен свет, и ветер скулит у входа в логово, и все звери спят, только один не спит и слушает плывущий между мирами *другой* Голос.

Арчи моргнул, взглянул на осеннее солнце, украдкой почесал бок.

Возможно, когда-нибудь, сказал он себе, *кто-нибудь придумает способ совладать с блохами. Какое-нибудь средство, чтобы натер мех — и ни одна блоха не сунется. Или придумают способ общаться с ними, чтобы можно было потолковать и урезонить их. Возможно, учредят для них заповедник, где бы они жили и получали пищу, а зверей оставили бы в покое. Или что-нибудь в этом роде.*

А пока что же остается?.. Чешись. Попроси своего робота, чтобы выловил блох, да только робот больше шерсти надергает, чем блох поймает. Катайся в песке или в пыли. Искупайся, чтобы утопить несколько штук... нет, не утопить, конечно, а просто смыть, если же при этом какая-нибудь из них захлебнется, пусть на себя пеняет.

Попроси робота... но робота больше нет.

Нет робота, который ловил бы твоих блох.

Нет робота, который помогал бы добывать пищу.

Постой, ведь внизу, в долине, стоит куст боярышника, и ягоды, наверно, уже тронуты ночным морозцем. При мысли о ягодах Арчи облизнулся. А за горой — кукурузное поле. Тому, кто легок на ногу, кто умеет выбирать подходящую минуту и незаметно подкрадываться, ничего не стоит раздобыть початочек. На худой конец всегда найдутся коренья, желуди, а на песчаной косе дикий виноград растет.

— Пусть Руфес уходит, — пробурчал Арчи себе под нос. — Пусть Псы кичатся своими пунктами кормления. Пусть сторожа сторожат.

Он будет жить сам по себе. Будет есть плоды, и выкапывать коренья, и устраивать набеги на кукурузные поля, как его далекие предки ели плоды, выкапывали коренья, устраивали набеги на кукурузные поля.

Будет жить, как все еноты жили, прежде чем явились Псы со своими идеями насчет Братства животных. Как жили все звери до того, как научились говорить словами, научились читать печатные книги, полученные от Псов, до того, как обзавелись роботами, выполняющими роль рук, до того, как в норах появилось отопление и свет.

И до того, как появилась лотерея, распоряжающаяся — оставаться тебе на Земле или отправляться в другой мир.

Ничего не скажешь, Псы все это излагали очень убедительно, очень рассудительно и деликатно. Некоторым животным, говорили они, придется перебираться в другие миры, иначе на Земле будет слишком много животных. Земля, говорил они, недостаточно велика, чтобы всех поместить. И лотерея, указывали они, самый справедливый способ решить, кому именно переправляться в другие миры.

И ведь другие миры, говорили они, мало чем отличаются от Земли. Потому что они всего лишь пристройки к Земле. Это просто другие миры, которые идут по пятам за Землей. Может быть, не совсем так, но что-то очень похожее. Почти никакой разницы. Может быть, нету дерева там, где на Земле растет дерево. Может быть, стоит дуб там,

где на Земле растет орешник. Может быть, бьет источник с холодной, чистой водой там, где на Земле никакого источника нет.

— Может быть, — говорил ему Хомер, воодушевляясь, — может быть, мир, куда ты попадешь, окажется даже лучше Земли.

Арчи припал к земле, чувствуя, как теплые лучи осеннего солнца пробиваются сквозь знобкий холод осеннего ветра. Он думал о боярышнике. О мягких и сочных ягодах, некоторые даже упали на землю. Сперва он съест те, которые лежат на земле, потом залезет на деревцо и сорвет еще несколько штук, потом слезет и подберет те, которые осыпались, пока он лазил.

Он будет есть их, и брать лапами, и растирать по мордочке. Можно даже покататься на них.

Уголком глаза он видел, как копошатся в траве снующие твари. Совсем как муравьи, хотя это вовсе не муравьи. Во всяком случае, не похожи на тех муравьев, которых он видел до сих пор.

Может быть, блохи? Новая порода блох?

Его лапа метнулась вперед и схватила одну тварь. Он почувствовал, как она копошится на ладони. Разжал пальцы и посмотрел, как она мечется, и снова сжал пальцы.

Поднес лапу к уху и прислушался.

Тварь, которую он поймал, тикала!

Лагерь диких роботов оказался совсем не таким, каким его представлял себе Хомер. Он не увидел никаких зданий. Только пусковые установки, и три космических корабля, и пять или шесть роботов, которые трудились над одним из кораблей.

Впрочем, если вдуматься, он мог бы заранее сообразить, что в лагере роботов не будет зданий. Ведь роботы не нуждаются в убежище, а что такое дом, как не убежище.

Хомеру было страшно, но он изо всех сил старался не показывать вида: хвост крючком, голову выше, уши вперед — и решительно затрусил прямо к роботам. Около них он сел и вывесил язык, ожидая, когда кто-нибудь обратит на него внимание.

Но никто не обратил на него внимания, тогда Хомер собрался с духом и сам заговорил.

— Меня зовут Хомер, — сказал он, — я представляю Псов. Если у вас есть старший робот, я хотел бы с ним поговорить.

С минуту роботы продолжали работать, наконец один из них повернулся, подошел к Хомеру и присел на корточки так, что его голова оказалась вровень с головой пса. Остальные роботы продолжали работать как ни в чем не бывало.

— Я робот по имени Эндрю, — сказал робот, присевший на корточки рядом с Хомером. — Меня нельзя назвать старшим роботом, потому что у нас таких вообще нет. Но я могу поговорить с тобой.

— Я пришел к вам насчет Здания, — сообщил Хомер.

— Насколько я понимаю, — ответил робот по имени Эндрю, — ты говоришь о постройке, что к северо-востоку от нас. О постройке, которую ты можешь увидеть отсюда, если повернешься кругом.

— Вот именно, о ней, — подтвердил Хомер. — Я пришел спросить, зачем вы ее строите.

— Мы не строим ее, — сказал Эндрю.

— Мы видели, как там работают роботы.

— Да, там работают роботы. Но мы не строим ее.

— Вы кому-то помогаете?

Эндрю покачал головой:

— Некоторых из нас призвали... призвали пойти и работать там. И мы их не стали задерживать, потому что каждый из нас волен распоряжаться собой.

— Но кто же строит ее? — спросил Хомер.

— Муравьи.

У Хомера отвисла нижняя челюсть.

— Муравьи? Вы про насекомых говорите? Маленьких таких, которые в муравейниках живут?

— Вот именно, — подтвердил Эндрю.

Его пальцы пробежались по песку, изображая встревоженного муравья.

— Но они на это не способны, — возразил Хомер. — Они тупые.

— Теперь уже нет, — сказал Эндрю.

Хомер сидел неподвижно, будто примерз к песку, и холодные мурашки бежали у него по телу.

— Теперь уже нет, — повторил про себя Эндрю. — Теперь не тупые. Понимаешь, жил-был на свете человек по имени Джо...

— Человек? Что это такое? — спросил Хомер.

Робот прищелкнул с мягкой укоризной.

— Это были такие животные, — объяснил он. — Животные, которые ходили на двух ногах. Очень похожие на нас, с той разницей, что они были из живой плоти, а мы металлические.

— Ты, наверно, про вебстеров говоришь. Мы слышали про таких тварей, только зовем их вебстерами.

Робот медленно кивнул.

— Вебстеры — люди?.. Пожалуй. Помнится, был один род с такой фамилией. Как раз за рекой жили.

— Там находится усадьба Вебстеров, — сказал Хомер. — На макушке Вебстер Хилл.

— Она самая, — подтвердил Эндрю.

— Мы смотрим за этим домом, — продолжал Хомер. — Он считается у нас святыней, хотя нам не совсем понятно — почему. Такой наказ передается из поколения в поколение... смотреть за усадьбой Вебстеров.

— Это вебстеры научили вас, Псов, говорить, — сообщил Эндрю.

Хомер внутренне ощетинился.

— Никто нас не учил говорить. Мы сами научились. Мы постепенно совершенствовались. И других животных научили.

Сидя на корточках, робот Эндрю качал головой, словно кивал собственным мыслям.

— Десять тысяч лет, — сказал он. — Если не двадцать. Что-нибудь около одиннадцати.

Хомер ждал, и, ожидая, он ощутил тяжелое бремя лет, давящее на холмы... годы реки и солнца, годы песка, и ветра, и неба.

Годы Эндрю.

— Ты старый, — произнес он. — И ты помнишь то, что было столько лет назад?

— Помню, — ответил Эндрю. — Хотя я один из последних роботов, сделанных людьми. Меня изготовили за несколько лет до того, как они отправились на Юпитер.

Хомер притих, он был в полном смятении.

Человек... новое слово.

Животное, которое ходило на двух ногах.

Животное, которое изготавливало роботов, которое научило Псов говорить.

Эндрю прочитал его мысли:

— Напрасно вы нас сторонились. Нам надо было сотрудничать. Когда-то мы сотрудничали. Для обеих сторон был бы выигрыш, если бы мы продолжали сотрудничать.

— Мы вас боялись, — сказал Хомер. — Я и теперь вас боюсь.

— Ну да. Конечно, так и должно быть. Конечно, Дженкинс позаботился о том, чтобы вы нас боялись. Он был башковитый, этот Дженкинс. Он понимал, что вам надо начинать с чистой страницы. Понимал, что незачем вам таскать на себе мертвым грузом память о Человеке.

Хомер сидел молча.

— А мы, — продолжал робот, — не что иное, как память о Человеке. Мы делаем то же, что он делал, только более научно, ведь мы машины, значит, в нас больше науки. Делаем более терпеливо, чем Человек, потому что у нас сколько угодно времени, а у него были всего какие-то годы.

Эндрю начертил на песке две параллельные линии, потом еще две поперек. Нарисовал крестик в левом верхнем углу.

— Ты думаешь, я сумасшедший, — сказал он. — Думаешь, чушь горожу.

Хомер поерзал на песке.

— Я не знаю, что и думать, — ответил он. — Все эти годы...

Эндрю нарисовал пальцем нолик в клетке посередине.

— Понятно, — сказал он. — Все эти годы вас поддерживала мечта. Мысль о том, что Псы были застрельщиками. Факты иной раз трудно

признать, трудно переварить. Пожалуй, лучше тебе забыть то, что я сказал. Факты иной раз ранят душу. Робот обязан оперировать фактами, ему больше нечем оперировать. Мы ведь не можем мечтать. У нас нет ничего, кроме фактов.

— Мы давно уже перешагнули через факт, — сообщил Хомер. — Это не значит, что мы совсем пренебрегаем фактами, нет, иногда мы ими пользуемся. Но вообще-то мы действуем иначе. У нас главное интуиция, гоблинство, слушание.

— Вы не мыслите механически, — заметил Эндрю. — Для вас дважды два не всегда четыре, для нас — всегда. Иногда я спрашиваю себя, может быть, дважды два бывает больше или меньше четырех.

Они посидели молча, глядя на реку — ленту из расплавленного серебра на цветном поле.

Эндрю нарисовал крестик в верхнем правом углу, нолик над центральной клеткой, крестик в средней клетке внизу. Потом стер все ладонью.

— Никак не могу выиграть у себя. Слишком сильный противник.

— Ты говорил про муравьев, — сказал Хомер. — Что они уже не тупые.

— А, да-да, — подтвердил Эндрю. — Я говорил тебе про Человека по имени Джо...

Дженкинс мерил шагами склон, не глядя ни налево, ни направо, потому что с обеих сторон были вещи, которые ему не хотелось видеть, которые вызывали слишком волнующие воспоминания. Дерево, стоящее там же, где в другом мире стояло другое дерево. Откос, запечатлевшийся в его мозгу с миллиардами шагов через десять тысячелетий.

В зимнем небе тускло мерцало вечернее солнце, мерцало, будто свеча на ветру, потом перестало мерцать, и это был уже не солнечный свет, а лунный.

Дженкинс остановился, и обернулся, и увидел усадьбу... Она распласталась на холме, приникла к холму, словно спящее юное существо, льнущее к матери-земле.

Дженкинс нерешительно шагнул вперед, и сразу же его металлическое туловище засверкало, заискрилось в лунном свете, который мгновение назад был солнечным.

Из долины донесся крик ночной птицы, а в кукурузном поле под гребнем скулил енот.

Дженкинс сделал еще шаг, заклиная небо, чтобы усадьба не исчезла... хотя знал, что усадьба не может исчезнуть, потому что ее и так нет. Ведь он шел по пустынному холму, на котором никогда не было никакой усадьбы. Он находился в другом мире, где вообще не существовало домов.

Дом продолжал стоять на месте — темный, безмолвный, без дыма над трубами, без огней в окнах, но знакомые очертания, ошибиться невозможно.

Дженкинс ступал медленно, осторожно, боясь, что дом скроется, боясь спугнуть его.

Но дом не двигался с места. И ведь есть еще приметы. Вон там стояла ольха, а теперь дуб стоит, как и тогда. И вместо зимнего солнца светит осенняя луна. И ветер дует с запада, а не с севера.

Что-то произошло, сказал себе Дженкинс. *Что-то зрело во мне. Я чувствовал, но не мог понять, что именно. Новое свойство развилось? Новое чувство прорезалось? Новая сила, о которой я не подозревал?*

Способность переходить по своему желанию из одного мира в другой. Способность переноситься в любое место кратчайшим путем, какой только могут измыслить для меня закрученные нужным образом силовые линии.

Он зашагал смелее, и дом никуда не делся, продолжая стоять, реальный, вещественный.

Он пересек двор, заросший травой, и остановился перед дверью.

Неуверенно поднял руку и взялся за щеколду. Щеколда была настоящая. Нет, не иллюзия, реальный металл.

Он медленно поднял ее, и дверь отворилась внутрь, и он переступил через порог.

Через пять тысяч лет Дженкинс вернулся домой... вернулся в усадьбу Вебстеров.

Итак, был некогда человек по имени Джо. Не вебстер, а человек. Потому что вебстер — это человек. И не Псы были застрельщиками.

Хомер — рыхлый ком шерсти, костей и мышц — лежал перед очагом, вытянув лапы вперед и положив на них голову. Сквозь щелочки глаз он видел пламя и тени, и тепло от горящих поленьев, достав его, распушило шерсть.

Но внутреннему взгляду Хомера рисовался песок, и сидящий на корточках робот, и холмы с гнетущим грузом лет.

Эндрю сидел на корточках на песке и рассказывал, и плечи его озаряло осеннее солнце... рассказывал про людей, и про Псов, и про муравьев. Об одном деле, которое произошло еще во времена Нэтэниела́, и было это давным-давно, ведь Нэтэниел был первым Псом.

Жил-был человек по имени Джо... человек-мутант, человек-титан... который двенадцать тысяч лет назад обратил внимание на муравьев. И задумался, почему остановилось их развитие, почему их стезя зашла в тупик.

Может быть, голод, рассуждал Джо... беспрестанная необходимость запасать пищу, чтобы выжить. Может быть, спячка, зимний застой, когда рвется цепочка памяти, и начинай все сначала, что ни год — муравьи словно заново на свет появляются.

И тогда, говорил Эндрю, поблескивая на солнце металлической лысиной, Джо выбрал один муравейник и назначил себя богом, чтобы изменить судьбы муравьев. Он кормил их, так что им не надо было бороться с голодом. Он накрыл муравейник куполом и подогревал его, так что отпала надобность в зимней спячке.

И вмешательство помогло. Муравьи делали успехи. Они мастерили тележки, и они плавили металл. Это были зримые успехи, ведь тележки катили поверху, а торчащие из муравейника трубы исторгали едкий дым. Чего еще они достигли, чему еще научились в глубине подземных ходов, никто не знал и не ведал.

Джо был сумасшедший, говорил Эндрю. Сумасшедший... а может быть, и не такой уж сумасшедший.

Потому что однажды он разбил плексигласовый купол и ударом ноги распахал муравейник, а затем повернулся и ушел, потеряв всякий интерес к будущему муравьев.

Но муравьи не потеряли интерес.

Рука, разбившая купол, нога, распахавшая муравейник, толкнули муравьев на путь к величию. Заставили их бороться... бороться, чтобы отстоять завоеванное, чтобы стезя их не уперлась снова в тупик.

Встряска, говорил Эндрю. Муравьи получили встряску. И она придала им ускорение в нужном направлении.

Двенадцать тысяч лет назад — разрушенный, развалленный муравейник. Сегодня — могучее здание, растущее с каждым годом. Здание, которое за какую-нибудь сотню лет заняло целый уезд, а еще через сотню лет займет сотню уездов. Здание, которое будет разрастаться, занимая землю. Землю, которая принадлежит не муравьям, а зверям.

Здание... не совсем это верно, просто с самого начала повелось называть его Зданием. Ведь по-настоящему здание — это убежище, место, где можно укрыться от холода и ненастья. А зачем оно муравьям, когда у них есть подземные ходы и муравейники?

Зачем понадобилось муравью воздвигать сооружение, которое за сто лет простерлось на целый уезд и все еще продолжает расти? Какая муравью польза от такого сооружения?

Хомер зарылся подбородком в шерсть между лапами, из горла его вырвалось ворчание.

Этого невозможно понять. Ведь сперва надо понять, как мыслит муравей. Надо понять, к чему он стремится, чего добивается. Надо получить понятие о его знаниях.

Двенадцать тысяч лет познания. Двенадцать тысяч лет, считая от начального уровня, который сам по себе непознаваем.

Но понять нужно. Должен быть способ понять.

Потому что из года в год Здание будет разрастаться. Миля в поперечнике, потом шесть, потом сто. Сто миль, и еще сто, а затем и весь мир.

Отступать, сказал себе Хомер. *Да, можно отступать. Можно переселиться в другие миры, те самые миры, которые плывут за нами в потоке времени, те самые миры, которые наступают на пятки друг другу. Можно отдать Землю муравьям, нам все равно найдется место.*

Но ведь это наш дом. Здесь возникли Псы. Здесь мы научили животных говорить, и мыслить, и действовать сообща. Здесь мы создали Братство зверей.

Не так уж важно, кто был застрельщиком, вебстер или Пес. Здесь наша родина. В такой же мере наша, как и вебстера. В такой же мере наша, как и муравья.

И мы должны остановить муравьев.

Должен быть какой-то способ остановить их. Способ переговорить с ними, выяснить, чего они хотят. Способ урезонить их. Должна найтись какая-то основа для переговоров. И путь к соглашению.

Хомер лежал неподвижно перед очагом, слушая наполняющие дом шорохи, мягкую, приглушенную поступь хлопочущих роботов, неразборчивый говор Псов где-то этажом выше, треск пламени, обгрызающего полено.

Неплохая жизнь, пробормотал про себя Хомер. *Неплохая жизнь, и мы думали, что это все сделано нами. А вот Эндрю говорит — не нами. Эндрю говорит, что мы ни грана не добавили к оставленному нам в наследство инженерному искусству и машинной логике... и что нами многое утрачено. Он толковал о химии и пробовал что-то объяснить, но я ничего не понял. Толковал об изучении элементов и каких-то атомов и молекул. И электроники... правда, он сказал, что мы без электроники умеем делать такие чудеса, каких не сумел бы сделать Человек со всеми его знаниями. Сказал, что можно миллион лет изучать электронику и не добраться до других миров, даже не знать про них... а мы с этим справились, сделали то, чего вебстер не смог бы сделать.*

Потому что мы мыслим не так, как вебстер. Нет, это называется Человек, а не вебстер.

Или взять наших роботов. Наши роботы не лучше тех, которых нам оставил человек. Небольшие изменения... очевидные изменения, но никаких существенных улучшений.

Да и кому могла прийти в голову мысль о более совершенном роботе?

Кукурузный початок покрупнее, это понятно. Или грецкий орех поразвесистей. Или водяной рис с колосками потяжелее. Или лучший способ производить дрожжи, заменяющие мясо.

Но более совершенный робот... зачем, когда робот и так выполняет все, что от него требуется. Зачем его совершенствовать?

А впрочем... роботы слышат призыв и отправляются работать к Зданию, отправляются строить махину, которая сгонит нас с Земли.

Мы не можем разобраться. Конечно, не можем разобраться. Если бы мы лучше знали наших роботов, мы, быть может, разобрались бы, в чем дело. И разобравшись, может быть, сумели бы сделать так, чтобы роботы не получали призыва или, услышав призыв, оставляли его без внимания.

А это, конечно, решило бы проблему. Если роботы не будут трудиться, строительство прекратиться. Одни муравьи, без помощи роботов, не смогут продолжать стройку.

По голове Хомера пробежала блоха, и он дернул ухом.

Но ведь Эндрю может ошибаться. У нас есть легенда о рождении Братства зверей, а у диких роботов есть легенда о падении Человека. Кто теперь скажет, которая из легенд верна?

Вообще-то рассказ Эндрю звучит правдоподобно. Были Псы, и были роботы, и когда пал Человек, их пути разошлись... правда, мы оставили себе роботов, которые служили нам руками. Несколько роботов остались с нами, но ни один Пес не остался с роботами.

Из какого-то угла вылетела осенняя муха и ошалело заметалась перед пламенем. Пожужжав над головой Хомера, она села ему на нос. Хомер свирепо уставился на нее, а она подняла задние лапки и нахально принялась чистить крылышки. Хомер взмахнул лапой, и муха улетела.

Раздался стук в дверь.

Хомер поднял голову и несколько раз моргнул.

— Войдите, — сказал он наконец.

Это был робот Хезикайя.

— Они поймали Арчи, — сказал Хезикайя.

— Арчи?

— Енота Арчи.

— Ах да, это он убежал.

— Они привели его сюда. Хочешь с ним поговорить?

— Пусть войдут, — сказал Хомер.

Хезикайя сделал знак пальцем, и Арчи трусцой вбежал в комнату. Шерсть его была вся в репьях, хвост волочился по полу. Следом за ним вошли два робота-сторожа.

— Он подбирался к кукурузе, — доложил один из сторожей, — и тут мы его застали, но нам пришлось побегать за ним.

Нехотя сев, Хомер уставился на Арчи. Арчи ответил тем же.

— Они меня ни за что не поймали бы, — сказал он, — будь у меня Руфес. Руфес был мой робот, и он меня предупредил бы.

— А куда же делся Руфес?

— Его сегодня позвал Голос, и он бросил меня, пошел к Зданию.

— Скажи-ка, а с Руфесом ничего не случилось, прежде чем он ушел? Ничего необычного? Ничего из ряда вон выходящего?

— Ничего, — ответил Арчи. — Если не считать, что он шлепнулся на муравейник. Он был очень неуклюжий. Настоящий раззява... все время спотыкался, в собственных ногах путался. С координацией что-то неладно. Какого-то винтика не хватало.

С носа Арчи соскочила крохотная черная тварь и помчалась по полу. Молниеносным движением лапы енот поймал ее.

— Лучше отойди от него подальше, — предостерег Хезикайя Хомера. — С него блохи так и сыплются.

— Это не блоха, — Арчи возмущенно надул щеки. — Это что-то другое. Я эту тварь сегодня поймал. Она тикает, и она похожа на муравья, но это не муравей.

Тикающая тварь протиснулась между пальцами Арчи и упала на пол. Приземлившись на ноги, она снова ринулась наутек. Арчи выбросил вперед лапу, но тварь увернулась. Мигом добежала до Хезикайи и устремилась вверх по его ноге.

Хомер вскочил, осененный внезапной догадкой.

— Скорей! — вскричал он. — Хватайте ее! Ловите! Не давайте ей...

Но тварь уже исчезла.

Хомер медленно сел опять.

— Стража, — он говорил спокойно, спокойно и сурово, — отведите Хезикайю в тюрьму. Не отходите от него ни на шаг, не давайте ему убежать. Докладывайте обо всем, что он будет делать.

Хезикайя попятился:

— Но я ничего не сделал.

— Верно, — мягко произнес Хомер. — Верно, ты ничего не сделал. Но ты сделаешь. Ты услышишь Голос, и ты попытаешься уйти от нас, уйти к Зданию. И прежде чем отпустить тебя, мы выясним, что заставляет тебя уходить. Что это за штука и как она действует.

Хомер повернулся, оскалив зубы в псиной улыбке.

— Ну так, Арчи...

Но Арчи не было.

Было открытое окно. И никакого Арчи.

Хомер поежился на мягкой постели, ему не хотелось просыпаться, из глотки вырвалось ворчание.

Старею, думал он. *Годы гнетут не только холмы, но и меня, их слишком много. А бывало, только заслышу шум за дверью, тотчас вскочу, весь в сене, и лаю как оглашенный, оповещаю роботов.*

Снова послышался стук, и Хомер заставил себя встать.

— Входите! — крикнул он. — Сколько можно барабанить, входите!

Дверь отворилась, и вошел робот. Такого огромного робота Хомер еще никогда не видел. Блестящий, могучий, тяжелый, полированное туловище даже во мраке светилось, как угли в очаге. А на плече робота восседал енот Арчи.

— Я Дженкинс, — сказал робот. — Я вернулся сегодня ночью.

Хомер судорожно глотнул и сел.

— Дженкинс, — вымолвил он. — У нас есть предания... легенды... старинные легенды.

— Только легенды, и все? — спросил Дженкинс.

— И все, — ответил Хомер. — Есть легенда о роботе, который смотрел за нами. Хотя Эндрю сегодня говорил о Дженкинсе так, словно сам его знал. Есть еще предание о том, как Псы подарили вам новое туловище в день вашего семитысячелетия, и это было потрясающее туловище, оно...

У него перехватило дыхание... потому что туловище робота, который стоял перед ним с енотом на плече... это туловище... ну, конечно, это и есть тот подарок.

— А усадьба Вебстеров? — спросил Дженкинс. — Вы смотрите за усадьбой Вебстеров?

— Да, мы смотрим за усадьбой Вебстеров, — сказал Хомер. — Следим, чтобы все было в порядке. Это так положено.

— А Вебстеры?..

— Вебстеров нет.

Дженкинс кивнул. Необычно острое чутье уже сказало ему, что вебстеров нет. Не было вебстеровских излучений, не было мыслей о вебстерах в сознании тех, с кем он общался.

Что ж, так и должно быть.

Он медленно прошел через комнату, ступая мягко, как кошка, несмотря на огромный вес, и Хомер ощутил, как он движется, ощутил дружелюбие и доброту этого металлического существа, ощутил заключенную в могучей силе надежную защиту.

Дженкинс присел на корточки перед ним.

— У вас неприятности, — сказал он.

Хомер молча смотрел на него.

— Муравьи, — продолжал Дженкинс. — Арчи рассказал мне. Рассказал, что вам досаждают муравьи.

— Я хотел спрятаться в усадьбе Вебстеров, — объяснил Арчи. — Я боялся, что вы меня опять настигнете, и я подумал, что усадьба Вебстеров...

— Помолчи, Арчи, — остановил его Дженкинс. — Ты ничего не знаешь об усадьбе. Ты сам сказал мне, что не знаешь. Ты просто рассказал, что у Псов неприятности с муравьями, и все.

Он снова перевел взгляд на Хомера.

— Я подозреваю, что это муравьи Джо, — сказал он.

— Значит, тебе известно про Джо? — отозвался Хомер. — Значит, на самом деле был человек по имен Джо?

— Да, был такой смутьян, — рассмеялся Дженкинс. — Хотя временами ничего парень. С огоньком.

— Они строят, — сказал Хомер. — Заставляют работать на себя роботов и воздвигают Здание.

— Ну и что, — ответил Дженкинс, — у муравьев тоже есть право строить.

— Но они строят чересчур быстро. Они вытеснят нас с Земли. Еще тысяча лет, и они всю Землю займут, если и дальше будут строить в таком духе.

— А вам некуда деться? Вот что вас заботит.

— Почему же, нам есть куда деться. Места много. Все остальные миры. Миры гоблинов.

Дженкинс важно кивнул.

— Я был в мире гоблинов. Первый мир после этого. Переправил туда несколько вебстеров пять тысяч лет назад. Я только сегодня ночью вернулся оттуда. Я понимаю, что вы чувствуете. Никакой другой мир не заменит родного. Я тосковал по Земле все эти пять тысяч лет. Я вернулся в усадьбу Вебстеров и застал там Арчи. Он рассказал мне про муравьев, и тогда я пришел сюда. Надеюсь, вы не против?

— Мы рады тебе, — мягко произнес Хомер.

— Эти муравьи, — продолжал Дженкинс. — Очевидно, вам хотелось бы их остановить?

Хомер кивнул.

— Способ есть, — сказал Дженкинс. — Я знаю, что способ есть. У вебстеров был способ, надо только вспомнить. Но это было так давно. Я помню только, что простой способ. Очень простой способ.

Рука его поднялась и поскребла подбородок.

— Почему ты так делаешь? — спросил Арчи.

— Что?

— Лицо вот так трешь. Почему ты это делаешь?

Дженкинс опустил руку.

— Просто привычка, Арчи. Вебстерская манера. У них был такой способ думать. Я у них перенял.

— И тебе это помогает думать?

— Не знаю, может быть. А может быть, нет. Вебстерам как будто помогало. Ну, хорошо, как поступил бы вебстер в таком случае?.. Вебстеры могли бы нас выручить. Я знаю, что могли бы...

— Те вебстеры, которые в мире гоблинов? — сказал Хомер.

Дженкинс покачал головой.

— Там нет вебстеров.

— Но ведь ты сказал, что переправил туда...

— Верно. Но теперь их там нет. Я почти четыре тысячи лет как живу один в мире гоблинов.

— Но тогда вебстеров совсем нигде нет. Остальные отправились на Юпитер. Так мне Эндрюс сказал. Дженкинс, где находится Юпитер?

— Как же, есть, — ответил Дженкинс. — Я хочу сказать, есть здесь вебстеры. Во всяком случае, были. Те, которые остались в Женеве.

— А дело-то непростое, — заметил Хомер. — Даже для вебстеров. Эти муравьи хитрющие. Арчи ведь рассказал тебе про блоху, которую он поймал?

— Это была вовсе не блоха, — возразил Арчи.

— Да, он мне рассказал, — подтвердил Дженкинс. — Сказал, что она залезла на Хезикайю.

— Не совсем так, — сказал Хомер. — Она внутрь залезла. Это была не блоха... это был робот, крохотный робот. Он просверлил дырочку в черепе Хезикайи и забрался в его мозг. А дырочку за собой заделал.

— И чем же теперь занят Хезикайя?

— Ничем, — ответил Хомер. — Но мы наперед знаем, что он сделает, как только робот-муравей изменит настройку. Его позовет Голос. Он услышит призыв и отправится строить Здание.

Дженкинс кивнул:

— Берут управление на себя. Самим такая работа не по силам, поэтому они подчиняют себе тех, кому она по силам.

Он опять поднял руку и поскреб подбородок.

— Интересно, Джо это предвидел? — пробормотал он. — Предвидел, когда выступал в роли бога для муравьев?

Да нет, ерунда. Джо не мог этого предвидеть. Даже такой гигант, как Джо, не мог заглянуть на двенадцать тысяч лет вперед.

Так давно это было, подумал Дженкинс. *Так много всего произошло с тех пор. Тогда Брюс Вебстер только-только начинал опыты с псами, только начал осуществлять свою мечту о говорящих, мыслящих Псах, которые будут идти по дорогам судьбы лапа об руку с Человеком... и не подозревал, что всего через несколько столетий человечество разбредется по Вселенной и оставит Землю роботам и псам. Не знал, что само имя Человека утонет в прахе веков, что все племя будут называть фамилией одного рода.*

Что же, род Вебстеров того заслуживал. Помню их, словно это было вчера. И ведь было время, когда я о себе самом думал как о Вебстере.

Видит бог, я старался быть Вебстером. Изо всех сил старался. Продолжал помогать вебстерским Псам, когда род людской исчез, и наконец переправил последних суматошных представителей этого племени сорвиголов в другой мир, чтобы расчистить путь

для Псов... чтобы Псы могли преобразить Землю по своему разумению.

А теперь и эти последние непоседы исчезли... исчезли куда-то... невесть куда. Нашли убежище в какой-то из причуд человеческой мысли. Что до людей на Юпитере, так они ведь не люди, а что-то другое. И Женева закрыта... отгорожена от всего мира.

А впрочем, вряд ли она более далека или более надежно отгорожена, чем мир, из которого я пришел. Мне бы только разобраться, как это у меня вышло, что я из отшельничества в мире гоблинов вернулся в усадьбу Вебстеров... тогда, может быть, вероятно, я так или иначе нашел бы способ проникнуть в Женеву.

Новое свойство, сказал себе Дженкинс. *Новая способность. Которая постепенно развивалась незаметно для меня самого. Которой любой Человек, любой робот... возможно, даже любой Пес... мог бы воспользоваться, суметь бы только разгадать, в чем тут хитрость.*

Хотя, может быть, все дело в моем туловище... этом самом туловище, которое Псы подарили мне в день семитысячелетия. Туловище, с которым никакая плоть и кровь не сравнится. Которому открыты мысли медведя, и мечты лисы, и снующая в траве крохотная мышиная радость. Исполнение желаний. Возможно. Реализация странного, нелогичного стремления во что бы то ни стало получить то, чего вовсе нет или редко бывает. И что вполне достижимо, если взлелеешь, или разовьешь, или привьешь себе новую способность, которая направляет тело и дух на исполнение желаний.

Я каждый день ходил через этот холм, вспоминал он. Ходил, потому что не мог удержаться, потому что меня неодолимо влекло к нему, но я старался не приглядываться, не хотел видеть всех различий.

Я ходил через него миллион раз, пока сокровенная способность не достигла нужной силы.

Ведь я был в западне. Слово, мысль, образ, которые перенесли меня в мир гоблинов, оказались билетом в один конец, формула доставила меня туда, а в обратную сторону она не работала. Но был еще другой способ, которого я не знал. Да я и теперь его не понимаю.

— Ты сказал что-то про способ, — нетерпеливо произнес Хомер.

— Способ?

— Да, способ остановить муравьев.

Дженкинс кивнул.

— Я выясню. Я отправлюсь в Женеву.

Джон Вебстер проснулся.

Странно, подумал он, *ведь я сказал — вечно.*

Сказал, что хочу спать бесконечно, а у бесконечности нет конца.

Все остальное тонуло в серой мгле сонного забытья, но эта мысль четко отпечаталась в сознании. Вечно, а это не вечность.

Какое-то слово стучалось в мозг, словно кто-то далеко-далеко стучался в дверь.

Он лежал, прислушиваясь к стуку, и слово превратилось в два слова... два слова, имя и фамилия, его имя и его фамилия.

— Джон Вебстер. Джон Вебстер.

Снова и снова, снова и снова два слова стучались в его мозг.

— Джон Вебстер.

— Джон Вебстер.

— Да, — сказал мозг Вебстера, и слова перестали звучать.

Безмолвие и редеющая мгла забытья. И струйка воспоминаний. Капля за каплей.

Был некогда город, и назывался он Женева.

В городе жили люди, но люди без идеалов.

За пределами города жили Псы... Они населяли весь мир за его пределами. У Псов был идеал и была мечта.

Сара поднялась на холм, чтобы на сто лет перенестись в мир мечты.

А я... я поднялся на холм и сказал — вечно. Это не вечность.

— Это Дженкинс, Джон Вебстер.

— Слушаю, Дженкинс, — сказал Джон Вебстер, но сказал не ртом, и не языком, и не губами, потому что чувствовал, как его тело в капсуле облегает жидкость, жидкость, которая питала его и не давала ему обезвоживаться. Жидкость, которая запечатала его губы, и уши, и глаза.

— Слушаю, Дженкинс, — мысленно ответил Вебстер. — Я тебя помню. Теперь вспомнил. Ты был с нами с самого начала. Ты помогал нам обучать Псов. Ты остался с ними, когда кончился наш род.

— Я и теперь с ними, — ответил Дженкинс.

— Я укрылся в вечность, — сказал Вебстер. — Закрыл город и укрылся в вечность.

— Мы часто думали об этом, — сказал Дженкинс. — Зачем вы закрыли город?

— Псы, — отозвался мозг Вебстера. — Чтобы Псы использовали возможность. Человек не дал бы им использовать возможность.

— Псы развернулись вовсю, — сообщил Дженкинс.

— А город теперь открыт?

— Нет, город по-прежнему закрыт.

— Но ведь ты здесь.

— Да, но я один знаю путь. И других не будет. Во всяком случае, до тех пор еще много времени пройдет.

— Время, — произнес Вебстер. — Я уже забыл про время. Сколько времени прошло, Дженкинс?

— С тех пор, как вы закрыли город? Около десяти тысяч лет.

— А здесь еще кто-нибудь есть?

— Есть, но они спят.

— А роботы? Роботы по-прежнему бдят?

Вебстер лежал спокойно, и в душе его воцарился покой. Город по-прежнему закрыт, и последние люди спят. Псы развернулись, и роботы бдят.

— Напрасно ты меня разбудил, — сказал он. — Напрасно прервал сон.

— Мне нужно узнать одну вещь. Я знал когда-то, но забыл, а дело совсем простое. Простое, но страшно важное.

Вебстер мысленно рассмеялся.

— Ну, что у тебя за дело, Дженкинс?

— Это насчет муравьев, — сказал Дженкинс. — Муравьи, бывало, досаждали людям. Как вы тогда поступали?

— Очень просто, мы их травили, — ответил Вебстер.

Дженкинс ахнул.

— Травили?!

— Ну да, — сказал Вебстер. — Это очень просто. Мы приманивали муравьев на сироп, сладкий сироп. А в сироп был добавлен яд, смертельный для муравьев. Но яд добавляли в меру, чтобы не сразу убивал. Он действовал медленно, понимаешь, так что они успевали донести его до муравейника. Таким способом мы убивали сразу много муравьев, а не двух или трех.

В голосе Вебстера жужжала тишина... ни мыслей, ни слов.

— Дженкинс, — окликнул он. — Дженкинс, ты...

— Да, Джон Вебстер, я здесь.

— Это все, что тебе надо?

— Да, это все, что мне надо.

— Мне можно снова уснуть?

— Да, Джон Вебстер. Можете снова уснуть.

Стоя на холме, Дженкинс ощутил летящее над краем первое суровое дыхание зимы. Склон спадал к реке черными и серыми штрихами, торчали скелеты оголившихся деревьев.

На северо-востоке возвышался призрачный силуэт, зловещее предзнаменование, нареченное Зданием. Неуклонно растущее порождение муравьиного мозга, и никто, кроме муравья, даже представить себе не может, для чего и зачем оно строится.

Но с муравьями можно бороться, есть способ.

Человеческий способ.

Способ, про который Джон Вебстер рассказал ему, проспав десять тысяч лет. Простой и надежный способ. Жестокий, но действенный способ. Взять сиропа, сладкого сиропа, чтобы пришелся по вкусу муравьям, и добавить в него яду... такого яду, чтобы не сразу подействовал.

Простой способ — яд, сказал себе Дженкинс. *Простейший способ.*

Да только тут нужна химия, а химия Псам неизвестна.

Да только тут нужно убивать, а убийства прекращены.

Даже блох не убивают, а блохи отчаянно донимают Псов. Даже муравьев... и муравьи грозят отнять у зверей их родной мир.

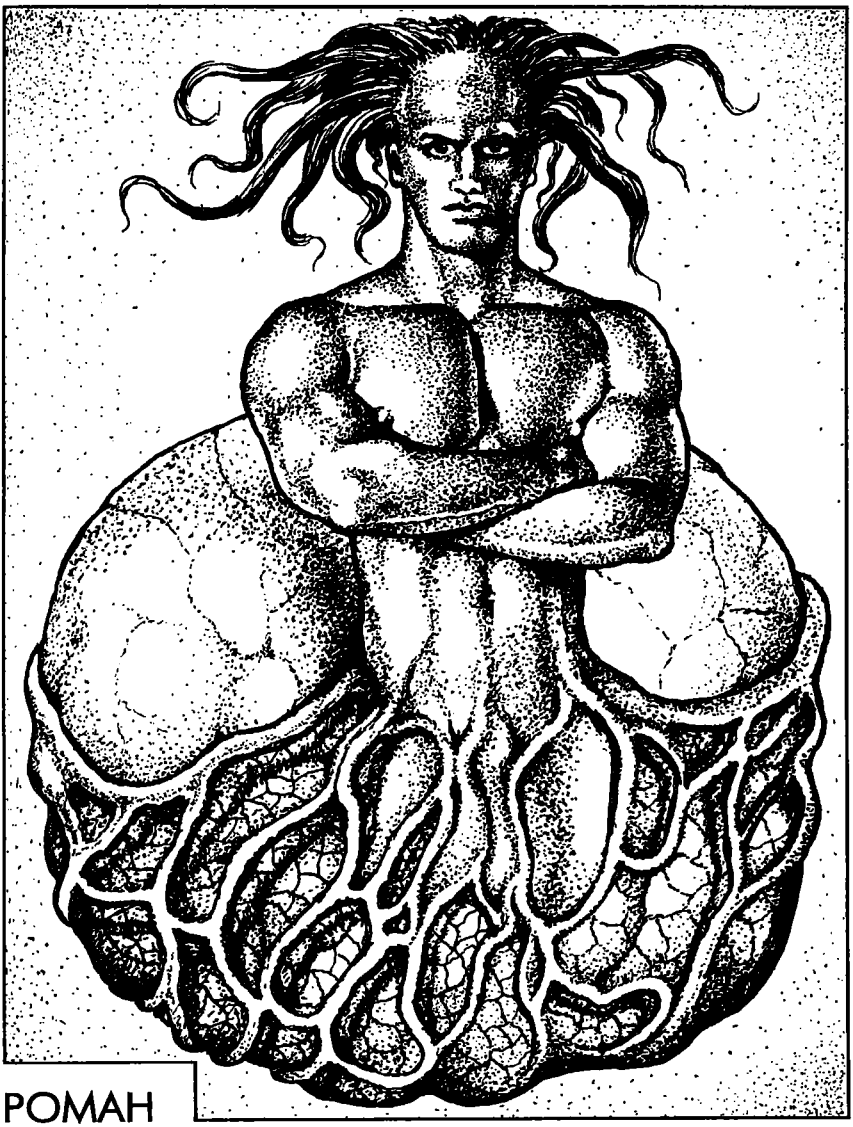
Уже пять тысяч лет, если не больше, как не было убийства. Сама мысль об убийстве искоренена из сознания тварей.

И так-то оно лучше, сказал себе Дженкинс. *Лучше потерять этот мир, чем снова убивать.*

Он медленно повернулся и пошел вниз по склону.

Хомер огорчится.

Страшно огорчится, когда услышит, что вебстеры не знали способа бороться с муравьями...

РОМАН

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

1

Был поздний вечер четверга, и я здорово надрался, а в коридоре было темно — только это и спасло меня. Не остановись я тогда посреди коридора с лампочкой, чтобы выбрать из связки нужный ключ, я, как пить дать, попал бы в капкан.

То, что это был вечер четверга, в общем-то никак не связано с тем, что произошло, — просто таков мой стиль изложения. Я репортер, а репортеры, о чем бы они ни писали, всегда приводят день недели, время суток и прочую относящуюся к делу информацию.

А темно в коридоре было потому, что Старина Джордж Уэбер — жуткий скряга. Половину своего времени он тратит на склоки с жильцами: то скандал из-за выключенного отопления, то из-за того, что не установлен кондиционер или в который уже раз барахлит водопроводная система, то из-за его вечного отказа отремонтировать дом. Впрочем, со мной он не воевал никогда, поскольку мне на все это наплевать. Моя квартира была для меня местом, где я мог от случая к случаю переночевать, поесть и провести выпадавшее мне иной раз свободное время, и я не портил себе кровь из-за пустяков. Мы отлично ладили друг с другом — Старина Джордж и я. Мы с ним поигрывали в пинокль, вместе пили пиво и каждую осень ездили вдвоем в Южную Дакоту стрелять фазанов. Тут я вспомнил, что в этом году нам не придется поохотиться, — как раз сегодня утром я отвез Старину Джорджа с женой в аэропорт и проводил их в Калифорнию. Но даже останься Старина Джордж дома, мы с ним все равно бы не поехали в Дакоту, потому что на следующей неделе мне предстояла командировка, которую Старик выжимал из меня вот уже целых полгода.

Итак, стоя перед своей дверью под лампочкой, я возился с ключами, и руки мои отнюдь не отличались ловкостью, а все потому, что Гэвин Уокер, редактор отдела городских новостей, и я — мы крепко поспорили о том, следует ли требовать от научных обозревателей, чтобы они давали материал о заседаниях муниципалитета Ассоциации родителей и учителей и тому подобных событий. Гэвин утверждал, что они обязаны об этом писать, у меня же на этот счет было

иное мнение, и он первым заказал выпивку, а потом выпивку заказал я, и так продолжалось, пока не подошло время закрывать заведение, и бармену Эду пришлось выставить нас за дверь. Выйдя на улицу, я стал соображать, что лучше — рискнуть сесть за руль или поехать домой на такси. И в конце концов пришел к выводу, что, пожалуй, в состоянии вести машину; однако я все-таки поехал по глухим улицам, где меньше шансов попасться на глаза полицейским. Доехал я благополучно и даже ухитрился ловко вырулить машину на стоянку за домом, но поставить ее на место уже не пытался. Бросил ее посреди площадки и ушел.

Я трудился в поте лица, отыскивая ключ от двери. Они все в ту минуту выглядели одинаково, и пока я неловко ковырялся в них, связка выскользнула из моих пальцев и упала на ковер.

Я нагнулся за ней и с первого захода промахнулся, промахнулся и со второго. Пришлось опуститься на колени, чтобы атаковать ключи заново.

И тут я это увидел.

Примите во внимание следующее: если бы Старина Джордж так не трясся за каждый доллар, он ввернул бы в коридоре лампочки поярче, и тогда можно было бы сразу пройти к своей двери и спокойно выбрать из связки нужный ключ — вместо того, чтобы тащиться на середину коридора и копаться под этим невесть откуда взявшимся светляком, который выполнял функции электрической лампочки. А если бы я не ввязался в спор с Гэвином и попутно не надрался до чертиков, я никогда б не уронил ключи. Но если б даже и уронил, то наверняка сумел бы поднять их, не становясь для этого на колени. А если б я опустился на колени, я не заметил бы, что ковер разрезан.

Понимаете, не разорван. Не протерт. А именно разрезан. Причем разрезан как-то странно — по полуокружности как раз перед моей дверью. Как будто кто-то взял середину основания двери за центр круга и с помощью ножа, привязанного к трехфунтовому шнуру, вырезал из ковра полукруг. Вырезал и на этом успокоился — ведь ковер после этого не убрали. Кто-то вырезал из него полукруглый лоскут, да так и оставил его лежать на прежнем месте.

Хоть тресни, но этому не найдешь объяснения, подумал я. Чушь какая-то. Для чего кому-то вдруг приспичило вырезать из ковра кусок именно такой формы? А если он кому-нибудь понадобился для какой-то уму непостижимой цели, почему этот некто, вырезав его, не забрал с собой?

Я осторожно протянул палец, желая убедиться, что все это мне не мерещится. И понял, что зрение меня не подвело — если, конечно, не считать того, что это был не ковер. Кусок, лежавший внутри полукруга диаметром в три фута, по виду ничем не отличался от ковровой ткани, однако же это была не ткань. Это была какая-то бумага — тончайшая бумага, которая выглядела точь-в-точь как ковровая ткань.

Я убрал руку и остался стоять на коленях, размышляя не столько о разрезанном ковре и этой бумаге, сколько о том, как я объясню свою позу, если в коридоре появится кто-нибудь из соседей.

Но никто не появился. Коридор был пуст, и в нем стоял тот специфический затхлый дух, который ассоциируется в сознании с коридорами многоквартирных доходных домов. Сверху до меня доносилось жиденькое пение крохотной электрической лампочки, и по этому пению я заключил, что она вот-вот перегорит. И быть может, тогда новый сторож заменит ее лампочкой поярче. Хотя на то не похоже, пораскинув мозгами, решил я: надо думать, что Старина Джордж подробнейшим образом проинструктировал его по всем пунктам экономного хозяйствования.

Я снова протянул руку и пальцем коснулся этой бумаги, и — как я и думал — это действительно была бумага, или, во всяком случае, нечто, на ощупь очень похожее на бумагу.

И мысль о вырезанном куске ковра и заменившей его бумаге привела меня в неописуемое бешенство. Что за хамство, что за гнусная выходка, возмутился я и, схватив бумагу, рванул ее к себе.

Под бумагой стоял капкан.

Пошатываясь, я поднялся на ноги и, не выпуская из пальцев бумагу, тупо уставился на капкан.

Я не верил своим глазам. Да ведь ни один человек в здравом уме не поверил бы. Люди же не ставят капканы на людей, точно эти другие люди — какие-нибудь там медведи или лисы.

Но капкан был явью — он стоял на полу, предательски выставленный напоказ вырезом в ковре, а до этой самой минуты он был прикрыт бумагой: так замаскировал бы свой капкан охотник, присыпав его листьями и травой, чтобы спрятать от своей предполагаемой жертвы.

Это был большой стальной капкан. Я никогда в жизни не видел медвежьих капканов, но мне кажется, этот был такой же величины, а может, даже и больше. Это человеческий капкан, сказал я себе, его же поставили на человека. На одного определенного человека, поскольку, вне всякого сомнения, он предназначался для меня.

Я попятился от него, пока не уперся спиной в противоположную стену. Там я остался стоять, прислонившись к стене и не спуская глаз с капкана, а на ковре между мной и этим капканом лежала связка ключей, которую я минуту назад уронил.

Это шутка, мелькнуло у меня. Но я, конечно, перехватил. Какая уж тут шутка! Если б, не остановившись под лампочкой, я сразу шагнул к двери, мне и в голову не пришла бы мысль ни о какой шутке. У меня была бы изувечена нога, а то и обе, и, возможно, даже переломаны кости, — ведь челюсти капкана были снабжены большими острыми зубьями. И стоило им сомкнуться на жертве, никто не смог бы их раздвинуть. Из такого капкана человека не высвободишь без гаечных ключей.

Меня бросило в дрожь. Пока кому-нибудь удалось бы разобрать капкан на части, попавший в него человек успел бы истечь кровью.

Я стоял, глядя на капкан и комкая пальцами бумагу. Потом поднял руку и швырнул бумажный комок в капкан. Он ударился о зубья, скатился с них и улегся между челюстями.

Необходимо найти палку или какой-нибудь другой предмет, сказал я себе, чтобы перед тем, как войти в квартиру, защелкнуть капкан. Я, конечно, мог вызвать полицейских, но это не имело смысла. Они бы страшно расшумелись и наверняка потащили бы меня в участок, чтобы провести допрос по всем правилам, а на это у меня не было времени. Я изнемогал от усталости и мечтал только о том, чтобы поскорее забраться в постель.

Вдобавок такое скандальное происшествие принесло бы дому дурную славу и, тем самым, я подложил бы свинью Старине Джорджу, пока он там прохлаждался в своей Калифорнии. Не говоря уже о том, что это дало бы всем моим соседям обильную пищу для пересудов, и они полезли бы ко мне с вопросами, а мне только этого не хватало. Они давно уже оставили меня в покое, и это мне было только на руку. Меня вполне устраивали такие отношения. Я стал гадать, где бы раздобыть палку, и на ум мне пришел только чулан на первом этаже, в котором хранились щетки, тряпки, пылесос и всякий хлам. Я попытался вспомнить, заперт ли он, и решил, что пожалуй что и нет, но полной уверенности у меня не было.

Я оторвался от стены и направился к лестнице. Только я дошел до нее, как что-то заставило меня обернуться. Вряд ли меня привлек какой-то звук. Напротив, я абсолютно уверен в обратном. Но реакция моя была в точности такой, как если бы я что-то услышал.

Мне было приказано обернуться, и я обернулся, причем так стремительно, что ноги мои переплелись, и я полетел на пол.

И падая, я успел заметить, что капкан как-то обмяк.

Пытаясь смягчить падение, я выбросил руки вперед, но это мне мало что дало. Я со стуком грохнулся на пол, ударился головой, и в мозгу моем завертелся звездный хоровод.

Подтянув под себя руки, я слегка приподнялся и вытряхнул из головы звезды — капкан продолжал сминаться. Челюсти как-то расслабились, и все это сооружение, вздыбившись самым невероятным образом, быстро колыхалось. Я с изумлением взирал на это, все еще лежа на полу.

Капкан постепенно как бы размягчался, и его детали, горбатясь, начали сминаться. Как будто размятый, раздавленный кусок глины пытался вернуть себе свою изначальную форму. И в результате он-таки добился своего. Он превратился в шар. Пока капкан торопливо лепил из себя шар, он непрерывно менял цвета, а завершив наконец свою работу, стал черным как смоль.

С минуту он полежал перед дверью, а потом медленно, словно бы нехотя, покатился.

И покатился он прямо на меня!

Я попытался убраться с его пути, но он быстро увеличил скорость, и на какое-то мгновение мне показалось, что он неизбежно вмажет в меня. Размером он был примерно с кегельный шар или, может, чуть побольше, а вес его, естественно, оставался для меня загадкой.

Но он не ударил меня. Лишь слегка задел.

Я повернулся, чтобы посмотреть, как он спускается по лестнице, и моим глазам представилось странное зрелище. Он прыгал со ступеньки на ступеньку, но не так, как прыгает обычный шар. Его прыжки не были высокими и затяжными, а быстрыми и короткими — словно существовал некий закон, по которому он обязан был удариться о каждую ступеньку и проделать это как можно быстрее. Не пропустив ни одной ступеньки, он допрыгал до площадки и там молниеносно свернул за угол, что только что дым не пошел.

Я с трудом поднялся на ноги и, добравшись до перил, свесился с них, чтобы взглянуть на следующий лестничный марш. Но шара не было и в помине. Он как в воду канул.

Я вернулся в коридор, и там, на полу под лампочкой, лежала связка ключей, а в ковре зияла полукруглая дыра диаметром в три фута.

Опустившись на колени, я поднял ключи, нашел, наконец, то, что искал, поднялся и шагнул к своей двери. Отпер ее, вошел в квартиру и, даже не включив свет, первым делом запер ее за собой, крепко-накрепко.

Только после этого я включил, наконец, свет и прошел на кухню. Присев к столу, я вспомнил, что в холодильнике еще оставалось с полкувшина томатного сока, а мне неплохо было бы влить в себя хоть пару глотков. Но это было выше моих сил. При одной мысли о соке к горлу подступила тошнота. Если уж на то пошло, так мне позарез необходим был добрый глоток спиртного, но я и без того уже сегодня накачался сверх меры.

Я сидел, размышляя о капкане, и пытался уразуметь, почему кому-то вдруг вздумалось поставить его на меня. Самый что ни на есть идиотский поступок из всех, о которых я когда-либо слышал. Если б я не видел капкан своими собственными глазами, никогда в жизни я в это не поверил бы.

Конечно, то был не капкан — вернее, был какой-то особенный капкан. Потому что обыкновенные капканы, упустив добычу, не сминаются, не сворачиваются в шар и не катятся прочь.

Я попытался найти этому какое-то объяснение, но мой мозг затуманился: мне смертельно хотелось спать, я был дома, в безопасности, а потом, ведь утро вечера мудренее. Посему я перестал ломать над этим голову и поплелся в спальню.

2

Что-то вырвало меня из сна.

Я сразу сел, не соображая, кто я и где нахожусь — полностью выключенный из действительности: не одурманенный, не сонный, не растерянный, а с той страшной холодной ясностью сознания, которая за краткий миг внезапного озарения опустошает все.

Была тишина, пустота, беспросветный мрак бездны и это холодное ясное сознание, вытянувшееся в струну подобно нападающей змее, ищущее, ничего не находящее и исполненное ужаса перед небытием.

Потом возник вопль — пронзительный, настойчивый, сумасшедший вопль, совершенно бессмысленный, потому что ничего не значил ни для меня, ни вообще, а звучал лишь для одного себя.

Снова сгустилась тишина, во мраке проступили какие-то пятна, и у этих пятен наметились определенные очертания: квадрат посветлее оказался окном, слабое сияние — оно просачивалось из кухни, где все еще горел свет, а пригнувшееся к полу темное чудовище постепенно превратилось в кресло.

Вопль телефона вновь рассек предутренний мрак, и я выскочил из кровати и наугад, как слепой, пошел к двери, которую не видел. Когда я наконец нащупал ее, телефон уже умолк.

Спотыкаясь в темноте, я пробрался через гостиную, и в тот момент, когда я протянул руку к аппарату, телефон зазвонил снова.

Я яростно сорвал с рычага трубку и промямлил что-то нечленораздельное. С моим языком творилось неладное. Он отказывался повиноваться.

— Это ты, Паркер?

— А кто же еще?

— Говорит Джо — Джо Ньюмен.

— Джо?

Тут я вспомнил. Джо Ньюмен был дежурным редакции по отделу ночных происшествий.

— Прости, что разбудил тебя.

Я что-то возмущенно буркнул.

— Произошло какое-то непонятное событие. Решил, что должен поставить тебя в известность.

— Послушай, Джо, — сказал я. — Позвони Гэвину. Он редактор отдела городских новостей. Если его вытаскивают ночью из постели, так ему хоть за это платят.

— Но это по твоей части, Паркер. Это...

— Знаю, знаю, — перебил я. — Приземлилась летающая тарелка.

— Не угадал. Ты когда-нибудь слышал о Тимбер-лейн?

— Это дорога у озера, — ответил я. — В западном предместье города.

— Точно. Она ведет к старой усадьбе «Белмонт». Сам-то дом заперт. С тех пор, как семейство Белмонтов переселилось в Аризону. А дорогу подростки облюбовали для свиданий.

— Послушай, Джо...

— Перехожу к главному, Паркер. Сегодня ночью какие-то юнцы развлекались там в машине. Они видели, как по дороге один за другим катилось несколько шаров. Похожих на кегельные.

Боюсь, что я не совладал с собой.

— Что, что?! — рявкнул я.

— Выезжая оттуда, они заметили эти штуковины в свете фар и до смерти перепугались. Они сообщили в полицию.

Я взял себя в руки и заставил свой голос звучать спокойно.

— Полицейские там что-нибудь нашли?

— Только следы.

— Следы катившихся кегельных шаров?

— Угу, пожалуй, это для них подходящее название.

— А может, детки были под мухой? — предположил я.

— Полицейские этого не заметили. Они ведь беседовали с теми ребятами. Те только видели катившиеся по дороге шары. Они даже не остановились, чтобы разглядеть их получше. Постарались побыстрее оттуда удрать.

Я промолчал. Я мучительно соображал, что мне следует сказать. И мне было страшно. Страшно до потери сознания.

— Чем ты можешь объяснить это происшествие, Паркер?

— Право, не знаю, — проговорил я. — Быть может, это галлюцинация. Или они решили разыграть полицейских.

— Полицейские наши следы.

— А может, это работа самих ребят. Они могли прокатить по дороге несколько кегельных шаров — там, где побольше пыли. Вообразили, что после этого их имена попадут в газеты. Им скучно, вот они и бесятся...

— Значит, ты не используешь этот материал?

— Видишь ли, Джо... Я же не редактор отдела городских новостей. Посоветуйся с Гэвином. Он ведь решает, что нам печатать.

— Стало быть, ты считаешь, что за этим ничего не кроется? Не исключено, что это мистификация?

— Да откуда я знаю, черт побери? — вызверился я.

Он обиделся. И, по-моему, не без причины.

— Спасибо, Паркер. Прости за беспокойство, — проговорил он, вешая трубку, и раздались короткие гудки.

— Спокойной ночи, Джо, — сказал я гудкам. — Ты уж извини, что я тебя облаял.

Он меня уже не слышал, но мне все же стало полегче.

И я в недоумении спросил себя, что все-таки заставило меня умалить значение этого события, почему я так из кожи лез, доказывая ему, что это всего-навсего проделки подростков.

Да потому, что ты струсил, ты — слюнтяй, — ответил тот, другой человек, который сидит в каждом из нас и порой подает голос. Потому, что ты многое отдал бы за то, чтобы поверить в незначительность этого происшествия. Потому, что ты не желаешь, чтобы тебе напоминали о том капкане за дверью.

Я положил трубку на рычаг — она громко стукнулась об аппарат: у меня тряслись руки.

Я стоял в темноте, чувствуя, как на меня надвигается ужас. А когда я попытался этот ужас осмыслить, оказалось, что он совершенно необоснован. Капкан, поставленный перед дверью, компания кегельных шаров, степенно катящихся по загородной дороге, — ведь это даже не страшно, это просто-напросто смешно. Тема для карикатур. Все выглядело чересчур уж нелепо, чтобы принять это всерьез. От такого будешь хохотать до колик, даже если это грозит тебе смертью.

А было ли тут задумано убийство?

Вот в чем вопрос. Предназначалась ли эта штука для убийства?

Был ли капкан, стоящий перед моей дверью, самым обыкновенным капканом из настоящей стали или ее равноценного заменителя? Или же это была игрушка из безобидной пластмассы или какого-нибудь сходного с ней материала?

И еще один вопрос, самый сложный — а был ли он, этот капкан, вообще? Я-то знал, что он был. Я ведь видел его своими собственными глазами. Но мой разум отказывался признать это. Оберегая мое спокойствие и психическое равновесие, мой разум гнал это прочь, и при одной мысли об этом яростно бунтовала логика.

Бесспорно, я был тогда пьян, но не вдрызг. Пьян не мертвецки, пьян не до галлюцинаций, у меня только слегка дрожали руки, и я нетвердо держался на ногах.

А сейчас я уже полностью пришел в норму, если не считать этой ужасной холодной пустоты в сознании. Третья степень похмелья — во многих отношениях самая мерзкая.

Глаза мои несколько привыкли к темноте, и я уже различал расплывчатые силуэты мебели. Я добрался до кухни, ни разу не споткнувшись. Дверь была приоткрыта, и через щель пробивалась полоса света.

Когда накануне я потащился отсюда в спальню, я не выключил верхний свет. Сейчас настенные часы показывали половину четвертого.

Я обнаружил, что почти не разделся, и одежда на мне здорово поизмялась. Ботинки, правда, были сняты, галстук развязан, но все еще болтался на шее, и вид у меня был весьма потрепанный.

Я стоял на кухне, совещаясь с самим собой. Если в этот предрассветный час я завалюсь обратно в постель, то наверняка просплю до полудня, а то и до трех, и проснусь с отвратительным самочувствием.

А если приведу себя в божеский вид, проглочу кусок-другой и рано, раньше всех, явлюсь в редакцию, я успею переделать уйму работы, пораньше кончу и тем самым обеспечу себе приличный уик-энд.

Сегодня ведь пятница, и вечером у меня свидание с Джой. И я постоял немного просто так, исполненный самых теплых чувств к вечеру пятницы и к Джой.

Я все продумал: пока вскипит вода для кофе, я успею принять душ, потом съем яичницу с беконом, несколько ломтиков поджаренного хлеба и выпью побольше томатного сока — а вдруг он поможет мне справиться с этой холодной пустотой в сознании.

Но, прежде всего, я выгляну в коридор и проверю, есть ли еще в ковре тот полукруглый вырез.

Я подошел к двери и выглянул.

Перед самой дверью нелепым полукругом разлеглись голые доски пола.

Невесело посмеявшись над своим сомневающимся разумом и возмущенной логикой, я пошел на кухню ставить воду для кофе.

3

Ранним утром в информационном отделе редакции холодно и тоскливо. Это обширное пустое помещение, и в нем очень чисто, так чисто, что это действует угнетающе. Днем здесь полнейший хаос, от которого комната теплеет и как-то очеловечивается: на столах вырастают груды изрезанных газетных листов, на полу валяются шарики скомканной копирки, наколки заполнены бумагами. Но утром, после того как здесь пройдутся уборщики, в этом помещении есть что-то от ледяной белизны операционной. Две-три горящие лампочки кажутся неуместно яркими, а обнаженные столы и стулья расставлены настолько аккуратно, что от них так и веет унылым будничным трудом, — впечатление, которое постепенно исчезает с наступлением дня, когда полным ходом идет работа, помещение замусорено, и исподволь назревает тот своеобразный бедлам, который неизменно сопровождает выпуск каждого номера газеты.

Сотрудники, которые готовили материал к утру, уже несколько часов как разошлись по домам; ушел и Джо Ньюмен. Я думал, что еще застану его, но стол Джо был прибран так же аккуратно, как и все остальные, а его самого и след простыл.

Баночки с клеем, тщательно обчищенные, вытертые до блеска и наполненные свежим клеем, сверкающими рядами торжественно выстроились на столах отдела городских новостей и отдела литературной

правки. Каждую баночку украшала кисточка, изящно воткнутая в клей под углом. Ленты с телетайпа были аккуратно сложены на столе отдела последних известий. А из-за перегородки в углу доносилось приглушенное курлыканье самих телетайпных аппаратов, которые деловито выдавливали из себя новости со всех частей света.

Где-то в глубинах полутемного лабиринта информационного отдела насвистывал редакционный рассыльный — насвистывал тот самый отрывистый пронзительный мотив, который даже не назовешь мотивом. От этого звука меня передернуло. В такой ранний час свист где-то граничит с непристойностью.

Я прошел к своему столу и сел. Кто-то из уборщиков собрал в одну стопку все мои подборки и научные журналы. Только вчера к вечеру я внимательно просмотрел их и отложил те, что мне могут понадобиться для будущих статей. Я свирепо посмотрел на кипу журналов и выругался. Теперь мне придется перерыть все заново, чтобы найти отобранные накануне номера.

На чистой поверхности стола во всей своей бледной наготе разлегся свежий номер утреннего выпуска газеты. Взяв ее, я откинулся на спинку стула и принялся просматривать столбцы новостей.

Там не было ничего из ряда вон выходящего. В Африке по-прежнему было неспокойно, а заваруха в Венесуэле выглядела совершенно непотребно. Какой-то тип перед самым закрытием ограбил аптеку в центре города, и в газете была фотография, на которой зубастый продавец показывал скучающему полицейскому место, где стоял грабитель. Губернатор заявил, что законодательный орган, собравшись в будущем году, должен в обязательном порядке заняться поисками новых источников дохода. Если это не будет сделано, предупреждал губернатор, средства штата истощатся. С подобным заявлением губернатор выступал уже неоднократно.

Верхний левый угол первой страницы занимал обзор экономики района, подписанный Грэнтом Дженсеном, редактором отдела промышленности и торговли. Грэнт пребывал в одном из своих профессионально-оптимистических настроений. Кривая коммерческой деятельности неуклонно поднимается, писал он. Розничная торговля процветает, наблюдается подъем в промышленности, в ближайшее время не ожидается никаких трудовых конфликтов — словом, кругом полное благоденствие. В особенности это относится к строительству жилых зданий, сообщала далее статья. Спрос на дома превысил предложение, и все строительные подрядчики федерального округа завалены заказами почти на год вперед.

Боюсь, что я не справился с зевотой. Это был все тот же застарелый словесный понос, которым хронически страдали подобные Дженсену ничтожества. Но хозяину это понравится, ведь именно такие вот статьи и взбадривают клиентов-рекламодателей, оказывая на них психологическое воздействие, и сегодня в полдень матерые финансовые волки, со-

бравшись к ленчу в «Юнион клаб», будут горячо обсуждать статью из утреннего выпуска.

Допустим, что все наоборот, сказал я себе, допустим, что торговля в упадке, что строительные компании обанкротились, что заводы начали выбрасывать рабочих на улицу, — так ведь пока окончательно не подопрет, в газете не появится об этом ни строчки.

Я сложил газету и отодвинул ее в сторону. Открыл ящик, вытащил пачку заметок, которые набрал накануне во второй половине дня, и начал их просматривать.

Лайтнинг, редакционный рассыльный, вышел из тени и остановился около моего стола.

— Доброе утро, мистер Грэйвс, — сказал он.

— Это ты свистел? — поинтересовался я.

— Угу, видать, это был я.

Он положил передо мной на пол корректуру.

— Ваша статья для сегодняшнего номера, — сказал он. — Та самая, в которой вы объясняете, почему вымерли мамонты и другие большие животные. Я подумал, что, может, вам захочется взглянуть на нее.

Я пробежал глазами корректуру. Какой-то остряк из отдела литературной правки, как водится, состряпал для нее разухабистый заголовок.

— Раненько вы сегодня, мистер Грэйвс, — заметил Лайтнинг.

— Нужно подготовить материал на две недели вперед, — сказал я. — Я уезжаю в командировку.

— Слыхал, слыхал, — оживился он. — По астрономической части.

— Что ж, пожалуй, это близко к истине. Загляну во все большие обсерватории. Должен написать серию статей о космосе. О дальнем. Всякие там галактики и тому подобное.

— Мистер Грэйвс, — спросил Лайтнинг, — как по-вашему, они позволят вам хоть чуток посмотреть в телескоп?

— Сомневаюсь. Время наблюдений расписано до минуты.

— Мистер Грэйвс...

— Что еще, Лайтнинг?

— Как вы думаете, есть там люди? На этих самых звездах?

— Понятия не имею. Этого никто не знает. Но, очевидно, где-нибудь все-таки должна существовать жизнь.

— Такая, как у нас?

— Нет, едва ли.

Лайтнинг потоптался немного и вдруг выпалил:

— Вот черт, чуть не забыл. Вас тут хочет видеть какой-то человек.

— Он здесь?

— Ага. Ввалился сюда часа два назад. Я сказал ему, что вы еще не скоро будете. А он все-таки решил подождать.

— Где же он?

— Прошел прямехонько в комнату радиопрослушивания и плюхнулся в кресло. Сдается мне, что он там заснул.

— Так пойдем посмотрим, — сказал я, поднимаясь со стула.

Мне следовало бы догадаться сразу. Такой номер мог отколоть один-единственный человек на свете. Только для него одного ничего не значило время суток.

Он полулежал в кресле с глупой улыбкой на лице. Из многочисленных приемников неслось невнятное бормотание полицейских участков, патрульных автомашин, пожарных депо и других учреждений, стоящих на страже законности и порядка, и под аккомпанемент всей этой тарабарщины он деликатно похрапывал.

Мы стояли и смотрели на него.

— Кто это, мистер Грэйвс? — спросил Лайтнинг. — Вы его знаете, мистер Грэйвс?

— Его зовут Кэрлтон Стирлинг, — ответил я. — Он биолог, работает в университете, и он мой друг.

— А на вид никакой он не биолог, — убежденно заявил Лайтнинг.

— Лайтнинг, — сказал я этому скептику, — со временем ты поймешь, что биологи, астрономы, физики и прочие представители этого ужасного племени ученых такие же люди, как и мы с тобой.

— Но ворваться сюда в три часа ночи! В полной уверенности, что вы здесь.

— Это он так живет, — объяснил я. — Ему и в голову не придет, что остальная часть человечества может жить иначе. Такой уж он человек.

Что правда, то правда, таким он и был.

Он имел часы, но ими не пользовался — разве что засекал по ним время, когда ставил опыты. Он никогда не знал, день сейчас или ночь. Проголодавшись, он без особой щепетильности любыми средствами раздобывал себе что-нибудь съестное. Когда его одолевал сон, он забивался в какой-нибудь уголок и проваливался на несколько часов. Закончив очередную работу или просто охладев к ней, он уезжал на север, к озеру, где у него была своя хижина, и бездельничал там денек-другой, а иногда и целую неделю.

Он с такой последовательностью забывал приходить на занятия, так редко являлся читать лекции, что администрация университета в конце концов махнула на него рукой. Там уже давно не притворялись, что не считают его преподавателем. Ему оставили его лабораторию, и с молчаливого согласия начальства он окопался в ней со своими морскими свинками, крысами и приборами. Но деньги платили ему не зря. Он постоянно делал какие-то сенсационные открытия, что привлекало всеобщий интерес не только к нему, но и к университету. Что касается его лично, то он с легкой душой мог бы всю славу отдать университету. Мнение прессы, мнение официальной общественности или еще чье-нибудь — для Кэрлтона Стирлинга все это было пустым звуком. Он жил

только своими экспериментами, жил только для того, чтобы без конца совать нос в тайны, существование которых воспринималось им как брошенный лично ему вызов. У него была квартира, но иной раз он по нескольку дней кряду не заглядывал в нее. Чеки на зарплату он швырял в ящики письменного стола, и они скапливались там до тех пор, пока ему не звонили из университетской бухгалтерии, чтобы узнать, какая их постигла судьба. Однажды он получил приз — не из высоких и престижных, но все же достаточно почетный, да к нему еще прилагалась небольшая денежная премия — и забыл явиться на торжественный ужин, на котором ему должны были этот приз вручить.

А сейчас он спал в кресле, запрокинув голову и вытянув свои длинные ноги в тень под радиоконсолью. Он тихонько похрапывал, и в эту минуту в нем невозможно было распознать одного из самых многообещающих ученых мира — он походил скорее на приезжего, который случайно забрел сюда в поисках ночлега. Он нуждался не только в бритье, ему не мешало бы и постричься. Небрежно повязанный галстук сбился на бок и весь был покрыт пятнами — вероятнее всего, от консервированного супа, который он разогревал прямо в банках и рассеянно хлебал, мысленно сражаясь с очередной проблемой.

Я шагнул в комнату и осторожно потряс его за плечо.

Проснулся он легко, даже не вздрогнул и, взглянув на меня снизу вверх, ухмыльнулся.

— Привет, Паркер, — сказал он.

— И тебе привет, — отозвался я. — Я бы дал тебе выспаться, но ты так вывернул шею, что я побоялся, как бы ты ее себе не сломал.

Он подобрался, встал и последовал за мной в информационный отдел.

— Уже почти утро, — проговорил он, кивнув на окна. — Пора просыпаться.

Я взглянул на окна и увидел, что черный фон за ними уже начал сереть.

Он расчесал пятерней свою густую шевелюру и, словно умываясь, провел несколько раз по лицу ладонью. Потом полез в карман и вытащил пригоршню скомканных банкнот. Выбрав две бумажки, он протянул их мне.

— Держи, — сказал он. — Случайно вспомнил. Решил, что лучше отдать их сразу, а то опять вылетит из головы.

— Но Кэрл...

Он тряс двумя бумажками, нетерпеливо суя их мне в руку.

— Года два назад, — бубнил он. — Тот уик-энд, который мы с тобой провели у озера. Я тогда спустил все до последнего цента на игорные автоматы.

Я взял у него деньги и положил в карман. О том событии у меня остались довольно смутные воспоминания.

— Выходит, ты зашел только для того, чтобы отдать мне долг?

— Конечно, — ответил он. — Проезжал мимо и увидел возле дома стоянку. Решил подняться и навестить тебя.

— Но я ведь по ночам не работаю.

Он улыбнулся.

— Ну и что? Зато я немного всхрапнул.

— Я накормлю тебя завтраком. Тут через дорогу закусочная. Подают вполне съедобную яичницу с беконом.

Он покачал головой:

— Должен ехать обратно. И так уже потерял бездну времени. Меня ждет работа.

— Что-нибудь новенькое? — полюбопытствовал я.

Секунду поколебавшись, он ответил:

— Не для прессы. Пока. Может быть позже, а сейчас ни-ни. До этого еще далеко.

Я ждал, не спуская с него глаз.

— Экология, — произнес он.

— А точнее?

— Паркер, ведь ты же знаешь, что такое экология.

— Разумеется. Это взаимоотношения различных форм жизни и окружающих ее условий.

— А ты когда-нибудь задумывался над тем, какими свойствами должен обладать живой организм, чтобы совершенно не зависеть от окружающих его условий? Каким должно быть, если можно так выразиться, неэкологическое существо?

— Но ведь такое невозможно, — возразил я. — А пища, воздух...

— Пока это только идея. Предчувствие. Своего рода головоломка. Загадка приспосабливаемости. Вполне возможно, что это не даст никаких результатов.

— Все равно я теперь от тебя не отстану.

— Твое дело, — сказал он. — Кстати, когда выберешься ко мне, напомни про пистолет. Про тот, что я взял у тебя, уезжая к озеру.

Месяц назад, отправляясь в свою хижину, он одолжил у меня пистолет, чтобы поупражняться в стрельбе в цель. Ни одному мало-мальски нормальному человеку, за исключением Кэрлтона Стирлинга, не пришло бы в голову стрелять в цель из пистолета 303.

— Я израсходовал твои патроны, — сообщил он, — купил новую коробку.

— Можно было обойтись без этого.

— Черт побери! — воскликнул он. — Я тогда отлично провел время.

Он даже не попрощался. Просто повернулся на каблуках и, выйдя из отдела, зашагал по коридору. Мы слышали, как его подошвы дробно застучали вниз по ступенькам.

— Мистер Грэйвс, — изрек Лайтнинг. — У этого парня мозги набекрень.

Я оставил его слова без внимания. Вернулся к своему столу и попытался взяться за работу.

4

Вошел Гэвин Уокер. Он достал тетрадь с записью текущих дел и принялся ее изучать. Потом презрительно фыркнул.

— Опять некому работать, — с горечью пожаловался он мне. — Чарли позвонил, что болен. Не иначе как опохмеляется после пьянки. Эл пришит к тому мельбурнскому делу, сидит в окружном суде. Берт все никак не разделается с серией статей о расширении сети бесплатных шоссейных дорог. Пора показать ему, где раки зимуют. Сколько можно тянуть!

Он снял пиджак, повесил его на спинку стула и бросил шляпу в плетеный проволочный ящик для бумаг. Он стоял возле стола в ослепительном сиянии ламп и с воинственным видом закатывал рукава, точно готовясь к драке.

— Ей-богу, — проговорил он, — если в один прекрасный день загорится универмаг «Франклин», битком набитый покупателями, которые в мгновение ока превратятся в обезумевшее от ужаса дико ревущее человеческое стадо...

— То тебе некого будет туда послать.

Гэвин по-совиному мигнул.

— Паркер, — сказал он, — ты угадал мою мысль.

В особо напряженные периоды он неизменно выступал с этим пророчеством. Мы уже выучили его наизусть.

«Франклин» был самым большим в городе универсальным магазином и самым крупным рекламодателем нашей газеты.

Я подошел к окну и выглянул на улицу. Уже светало. Город казался замороженным, мрачным и каким-то безжизненным, словно некая зловещая волшебная страна в преддверии зимы. По улице медленно проплыло несколько автомашин. Брели редкие пешеходы. Кое-где в окнах центральной части города светились огни.

— Паркер, — позвал Гэвин.

Я быстро повернулся к нему.

— Послушай, — отрезал я, — я знаю, что у тебя никого нет. Но мне необходимо поработать. Я должен подготовить массу статей. Для этого я так рано и пришел.

— Я вижу, как ты усиленно над ними работаешь, — ядовито заметил он.

— Иди к черту, — огрызнулся я. — Должен же я проснуться

Я повернулся к столу и попытался заставить себя работать.

Появился Ли Хоукинс, редактор фотоотдела. У него буквально дым валил из ноздрей. Лаборатория испортила фотографию для первой страницы. Изрыгая угрозы, он помчался вниз наводить порядок.

Постепенно подошли остальные сотрудники, помещение потеплело и ожило. Загорланили литправщики, требуя, чтобы Лайтнинг принес из закусочной напротив их утренний кофе. Недовольно ворча, Лайтнинг поплелся через улицу за кофе.

Я принялся за работу. Теперь она пошла легко. Одно за другим покатились слова, а в голове возникло множество идей. Потому что сейчас создалась соответствующая атмосфера, и обстановка располагала к творчеству: поднялись те самые галдеж и суматоха, без которых не может существовать ни одна газетная редакция.

Когда я, закончив одну статью, уже взялся за следующую, кто-то остановился около моего стола.

Подняв глаза, я увидел Дау Крейна, репортера из отдела экономики. Дау мне нравится. Он не такое дерьмо, как Дженсен. Он пишет честно, без прикрас. И ни перед кем не угодничает. Не занимается очковтирательством.

Вид у него был хмурый. И я ему об этом сказал.

— Заботы одолели, Паркер.

Он протянул мне пачку сигарет. Он знает, что я не курю, однако же всякий раз предлагает мне сигарету. Я отмахнулся от них. Тогда он закурил сам.

— Можешь оказать мне небольшую услугу?

Я ответил утвердительно.

— Вчера вечером мне домой позвонил один человек. Сегодня в первой половине дня он придет сюда. Говорит, что не может найти дом.

— А какой дом он ищет?

— Жилой. Хоть какой-нибудь, лишь бы в нем можно было жить. Говорит, что месяца три-четыре назад он продал свой собственный, а теперь не может купить другой.

— Что ж, очень прискорбно, — жестко сказал я. — А мы-то тут при чем?

— Он говорит, что не он один оказался в таком положении. Утверждает, что таких, как он, очень много. Что во всем городе не найдешь ни одного свободного дома или квартиры.

— Дау, этот тип рехнулся.

— А может, и нет, — возразил Дау. — Ты обратил внимание на объявления в отделе спроса и предложения?

Я отрицательно покачал головой.

— Мне они ни к чему, — сказал я.

— А я их просмотрел. Сегодня утром. Бесконечные столбцы объявлений — люди ищут жилье, любое жилье. Такое впечатление, что некоторые из них уже на пределе.

— Но сегодняшняя статья Дженсена...

— Ты имеешь в виду этот бум в жилищном строительстве?

— Вот именно, — ответил я. — Все это как-то не вяжется, Дау. Статья и то, что тебе сказал этот человек.

— Может, и не вяжется. Даже наверняка. Послушай-ка, мне нужно ехать на аэродром, чтобы встретить одну важную персону, которая намерена к нам сегодня пожаловать. Это единственная возможность получить интервью для первого выпуска. Если в мое отсутствие зайдет тот парень, что звонил мне по поводу дома, ты с ним побеседуешь?

— Что за вопрос, — сказал я.

— Спасибо, — бросил Дау и удалился к своему столу.

Появился Лайтнинг, неся заказанный кофе в помятом заржавленном проволочном ящике для бумаг, который, когда им не пользовались, он держал под столом фотоотдела. И в ту же секунду поднялся невообразимый ор. Он принес одну чашку кофе со сливками — никто не хотел пить кофе со сливками. Он принес три чашки кофе с сахаром, а сладкий кофе согласились пить только двое. Он обсчитался на пирожках.

Я повернулся к машинке и снова принялся за работу.

Жизнь редакции входила в свой нормальный ритм.

Стоит отгреметь ежедневной кофейной битве между Лайтнингом и ребятами из отдела литературной правки, как уже точно знаешь, что все вошло в привычную колею, и информационный отдел набрал наконец третью скорость.

Работал я недолго.

Мне на плечи легла чья-то рука. Я поднял глаза — передо мной стоял Гэвин.

— Парк, дружище, — проворковал он.

— Нет, — твердо сказал я.

— Из всей редакции только ты один сумеешь с этим справиться, — взмолил он. — Дело касается «Франклина».

— Только не говори мне, что там пожар и миллион покупателей...

— Нет, не это, — сказал он. — Только что звонил Брюс Монтгомери. В девять он созывает пресс-конференцию.

Брюс Монтгомери был президентом правления «Франклина».

— Этим занимается Дау.

— Дау уехал на аэродром.

Я сдался. У меня не было другого выхода. Парень готов был расплакаться. А я органически не переваривaю плачущих редакторов.

— Так и быть, поеду, — сказал я. — Что там стряслось?

— Не знаю, — ответил Гэвин. — Я спросил Брюса, но он уклонился от объяснений. Должно быть, что-то важное. Последний раз они созывали пресс-конференцию пятнадцать лет назад, чтобы объявить о вступлении Брюса Монтгомери на пост президента. Тогда впервые руководство универмагом было доверено человеку со стороны. До этого все руководящие должности занимали только члены семьи.

— Договорились, — сказал я. — Беру это на себя.

Он повернулся и рысью поскакал к столу отдела городских новостей.

Я позвал рассыльного и, когда он наконец соизволил явиться, послал его в библиотеку за подборкой газетных вырезок со сведениями о «Франклине» за последние пять-шесть лет.

Я вынул вырезки из конвертов и пробежал их глазами. Они мало что прибавили к тому, что я знал раньше. Ни одного существенного факта. Тут были отчеты о показах моделей у «Франклина», о художественных выставках у «Франклина», заметки, в которых сообщалось, что служащие «Франклина» принимают активное участие в многочисленных общественных мероприятиях.

Универмаг «Франклин» был очень стар и оброс множеством традиций. Как раз год назад он отпраздновал свой столетний юбилей. Он был девизом каждой семьи почти со дня основания города. Своего рода семейным клубом, со своим уставом, соблюдавшимся с той особой бережностью, которая возможна лишь в условиях семейного клуба. Поколение за поколением вырастали под сенью «Франклина», делая там покупки чуть ли не с колыбели до могилы, а честность торговли и качество его товаров вошли в поговорку.

Мимо моего стола шла Джой Кейн.

— Привет, дорогая, — сказал я. — Чем ты сегодня занимаешься?

— Скунсами, — ответила она.

— Тебе больше к лицу норка.

Она остановилась рядом со мной. Я ощутил слабый аромат ее духов и более того — близость ее красоты.

Она протянула руку и быстрым, чисто импульсивным движением взъерошила мне волосы, но тут же вновь стала воплощенным приличием.

— Это ручные скунсы, — сказала она. — Комнатные скунсы. Последний крик моды. Они без запаха, естественно.

— Ну, еще бы, — отозвался я. А про себя подумал: «От таких милашек недолго схватить водобоязнь».

— Я ужасно разозлилась на Гэвина, когда он меня туда послал.

— Куда послал, в лес?

— Нет, на ферму, где разводят скунсов.

— Их что, прямо так и разводят, как свиней и кур?

— Конечно. Говорю тебе, что это ручные скунсы. Человек, который их разводит, утверждает, что от них получаются самые что ни на есть распрекрасные комнатные животные. Чистенькие, ласковые и страшно забавные. Его завалили заказами. Ему пишут из Нью-Йорка, Чикаго, со всех концов страны.

— У тебя, наверно, есть фотография.

— Со мной ездил Бен. Он нащелкал кучу снимков.

— А где этот дядя достает своих скунсов?

— Я же тебе сказала. Он их выращивает.

— А откуда он берет производителей?

— Покупает у охотников, которые ставят на них капканы. У деревенских мальчишек. За диких он дает хорошие деньги. Он ведь расширяет бизнес. А дикие ему нужны на развод. Скупает их в любом количестве, только подавай.

— Кстати, о деньгах, — сказал я. — Сегодня зарплата. Ты поможешь мне ее промотать?

— Разумеется. Ты разве забыл, что уже пригласил меня?

— На Пайнкрест-драйв открылся новый кабак.

— Это звучит заманчиво.

— Значит, в семь?

— Ни минутой позже. К этому времени я уже успею как следует проголодаться.

Она вернулась к своему столу, а я — к вырезкам. И еще раз убедился, что в них нет ничего существенного. Собрав вырезки, я вложил их обратно в конверты.

Я откинулся на спинку стула и принялся размышлять о скунсах, о водобоязни и о том, какими только глупостями не занимаются некоторые представители человеческого рода.

5

Человек, сидевший во главе стола рядом с Брюсом Монтгомери, был лыс, вызывающе лыс, словно он гордился своей плешивостью, лыс до такой степени, что я невольно спросил себя, росли ли у него когда-нибудь волосы вообще. По голове его ползала муха, а ему хоть бы хны. Меня судороги сводили от одного только вида этой мухи, с беспечной наглостью прогуливавшейся по голому черепу. Пока она там резвилась, я буквально собственной кожей ощущал назойливое, доводящее до бешенства покалывание ее лапок.

Но незнакомец сидел как истукан, неотрывно глядя поверх наших голов на противоположную стену конференц-зала, будто его там что-то заворожило. Нас он не удостоил взглядом. Казалось, мы для него просто не существовали. Вид у него был безучастный и несколько надменный, и сидел он совершенно неподвижно. Если б он еще и не дышал, он вполне сошел бы за манекен, который Брюс Монтгомери приволок сюда с витрины и усадил за стол.

Муха перевалила через вершину лысого купола и исчезла, пустившись в странствия по заднему, невидимому для нас, полушарию этого лоснящегося черепа.

Ребята с телевидения все еще возились с установкой аппаратуры, и Брюс то и дело бросал на них нетерпеливые взгляды. Народу здесь

набралось порядком. Представители радио и телевидения, репортеры из Ассошиэйтед пресс и Юнайтед пресс интернейшнл; был также и внештатный корреспондент «Уолл стрит джорнэл».

Брюс снова взглянул на телевизионную аппаратуру.

— Ну как, готово наконец? — спросил он.

— Минуточку, Брюс, — ответил один из телевизионщиков.

Пришлось ждать, пока настраивались аппараты, протягивались кабели и беспорядочно суетились техники. С этими подонками с телевидения всегда так. Они, видите ли, считают, что без них не может обойтись ни одно событие, и поднимают скандал, если их куда-нибудь не пригласят, а стоит их только пустить, как они такого наворотят, что захочешь — не придумаешь. Перевернут все вверх дном, будут возиться до бесконечности, а ты сиди и жди.

И пока я сидел так, мне почему-то вдруг вспомнилось, как здорово мы с Джой провели последние несколько месяцев. Мы выезжали на пикники, вместе ездили на рыбалку, и она была самой замечательной девушкой из всех, которых я когда-либо встречал. Она была хорошим репортером, но, став репортером, она осталась женщиной, что далеко не всегда бывает. Большинство из них считает, что во имя бог весть какой традиции они просто обязаны вести себя грубо и нагло, а это, конечно, чистой воды блеф. Настоящие репортеры никогда не бывают такими грубиянами и хамами, какими их изображают в кинофильмах. Это самые обыкновенные работяги, которые из кожи вон лезут, чтобы получше справиться со своим делом.

На горизонте блестящего черепа вновь появилась муха. Немного повременив, она стала на передние лапки и задними почистила себе крылышки. Замерла на одну-две минуты, оценивая обстановку, и уползла обратно.

Брюс постучал по столу карандашом.

— Господа, — произнес он.

В комнате стало так тихо, что я явственно слышал дыхание своего соседа.

И пока все мы ждали, когда он снова заговорит, я вновь ощутил, сколько достоинства и строгого вкуса было в убранстве этой комнаты, в ее пушистом ковре, богато отделанных деревом стенах, в ее тяжелых занавесях и двух написанных маслом картинах, которые висели на стене по ту сторону стола. «Эта комната, — подумал я, — символ семьи Франклинов, символ универмага, который был ее детищем, символ положения, которое эта семья занимала в обществе, и того, что она значила для нашего города. Цитадель благородства и безупречной честности, высокой нравственности и культуры».

— Господа, — проговорил Брюс, — нет смысла начинать издалека. Произошло событие такого рода, что еще месяц назад я сказал бы о нем: этому никогда не бывать. Я сделаю сообщение, а потом задавайте вопросы...

На мгновение он остановился, словно подыскивая подходящие слова. Он оборвал фразу на середине, но не понизил голоса. Лицо его было суровым и бледным.

Помолчав, он медленно и выразительно произнес:

— Универмаг «Франклин» продан.

Какое-то время все молчали. Не оттого, что мы были ошеломлены и парализованы: мы просто не поверили своим ушам. Ведь из всего, что может нарисовать человеческое воображение, любому из нас это пришло бы в голову в последнюю очередь. Потому что универмаг «Франклин» и семья Франклинов были традицией города. Универмаг и семья существовали здесь почти со дня его основания. Продать «Франклин» — это все равно что продать здание суда или церковь.

Лицо Брюса было жестким к непроницаемым, и я подивился, как у него хватило мужества произнести эти слова, ведь Брюс Монтгомери был такой же неотъемлемой частью «Франклина», как и семья Франклинов, а за последние годы он, вероятно, еще теснее сросся с универмагом — он управлял им, заботился о нем, переживал за него столько лет, что мало кто из нас мог припомнить, с какого времени он начал этим заниматься.

Потом тишина взорвалась, и со всех сторон посыпались вопросы.

Брюс жестом призвал нас к молчанию.

— Спрашивайте не меня, — сказал он. — На все ваши вопросы ответит мистер Беннет.

Лысый мужчина впервые заметил наше присутствие. Он отвел взгляд от той точки на противоположной стене и слегка кивнул нам.

— Будьте любезны, не все сразу, — проговорил он.

— Мистер Беннет, — спросил кто-то из глубины комнаты, — это вы — новый владелец универмага?

— Нет, я всего лишь его представитель.

— А кто же тогда владелец?

— Этого я вам не могу сказать, — ответил Беннет.

— Значит ли это, что вы сами не знаете, кто он, или же...

— Это значит, что я не могу вам этого сказать.

— Не назовете ли нам сумму?

— Полагаю, что вы имеете в виду сумму, заплаченную за универмаг?

— Да, именно...

— Это тоже, — сказал Беннет, — не подлежит оглашению.

— Брюс! — раздался чей-то негодующий голос.

Монтгомери покачал головой.

— Будьте добры, обращайтесь к мистеру Беннету, — повторил он. — Он ответит на все ваши вопросы.

— Не скажете ли вы нам, — спросил я Беннета, — какую политику будет проводить новый владелец? Останется ли универмаг таким

же, каким он был до сих пор? Сохранится ли прежняя политика в отношении качества товаров, кредита, гражданских...

— Универмаг, — твердо произнес Беннет, — будет закрыт.

— Вы имеете в виду — будет закрыт для реорганизации?..

— Молодой человек, — отчеканивая каждое слово, проговорил Беннет, — я имею в виду нечто совершенно иное. Универмаг будет закрыт. И он больше не откроется. «Франклин» перестанет существовать. Навсегда...

Передо мной промелькнуло лицо Брюса Монтгомери. Проживи я хоть миллион лет, из моей памяти никогда не изгладятся испуг, изумление и боль, которые отразились на его лице.

6

Когда, ощущая затылком дыхание нависшего надо мной Гэвина, я дописывал последнюю страницу, а отдел литературной правки стонал, что уже прошли все сроки выпуска газеты, позвонила секретарша издателя.

— Мистер Мэйнард желает с вами побеседовать, — сказала она, — немедленно, как только вы освободитесь.

— Уже кончаю, — бросил я и положил трубку.

Я дописал последний абзац и вытащил лист из машинки. Схватив его, Гэвин помчался к столу отдела литературной правки.

Он тут же вернулся и кивнул на телефонный аппарат.

— Старик? — спросил он.

Я ответил, что он самый.

— Видно, собирается как следует выпотрошить меня. Допрос третьей степени, с применением пыток.

Такая уж была у Старика манера. И вовсе не потому, что он нам не доверял. Не потому, что считал нас идиотами или халтурщиками или подозревал, что мы что-нибудь замалчиваем. Мне думается, это в нем говорил газетчик с его неодолимой тягой к выяснению подробностей в надежде на то, что, беседуя с нами, он выудит нечто, ускользнувшее от нашего внимания: промывка грубого песка фактов в поисках крупиц золота. Мне кажется, что, учиняя такой допрос, он проникался чувством собственной значимости.

— Это ужасный удар, — посетовал Гэвин. — Потерять такой жирный кусок. Наверно, тот парень, что ведет счета в отделе рекламы, сейчас в каком-нибудь темном углу перепиливает себе горло.

— Удар не только для нас, — добавил я. — Но и для всего города. Потому что «Франклин» был не только торговым центром; он был еще и неофициальным клубом, местом встреч. Тщательно причесанные чопорные старые леди в опрятных костюмах регулярно устраивали в чайной комнате на седьмом этаже скромные пиршества. Домашние хо-

зяйки, отправляясь за покупками, неизменно встречали у «Франклина» своих старых приятельниц, и их сборища преграждали проходы. Случалось, что люди заранее договаривались встретиться у «Франклина». Там устраивались художественные выставки, читались лекции на возвышенные темы, короче — использовались все приманки, которые для американцев являются критерием изысканного вкуса. Для представителей всех классов, независимо от их образа жизни, «Франклин» был рынком, местом встреч и своего рода клубом.

Я поднялся из-за стола и пошел к боссу.

Его зовут Уильям Вудро Мэйнард, и он неплохой малый. Он далеко не так плох, как это может показаться, если судить по его имени.

У него в кабинете сидел Чарли Гендерсон, ведавший рекламой розничной торговли, и вид у обоих был встревоженный.

Старик предложил мне сигару из большой коробки, стоявшей на краю стола, но я отказался и опустился на стул рядом с Чарли — лицом к Старику, который восседал за столом.

— Я звонил Брюсу, — сказал Старик, — и он разговаривал со мной без особой охоты. Я бы даже сказал — уклончиво. Он не желает обсуждать эту тему.

— Естественно, — заметил я. — По-моему, это потрясло его не меньше, чем нас.

— Я тебя не понимаю, Паркер. Почему вдруг это должно было так его потрясти? Ведь наверняка он лично вел переговоры и заключил сделку продажи.

— Речь идет о закрытии универмага, — пояснил я. — Если не ошибаюсь, мы сейчас говорим именно об этом. Мне кажется, Брюс не знал, что новый владелец собирается закрыть универмаг. Уверен, что, заподозри он что-нибудь подобное, сделка бы не состоялась.

— Что навело тебя на эту мысль, Паркер?

— Выражение лица Брюса, — ответил я. — В тот момент, когда Беннет объявил, что универмаг будет закрыт, на его лице отразились изумление, возмущение, гнев и, пожалуй, даже отвращение. Как у человека, у которого четыре короля выпали против четырех тузов.

— Но он ведь промолчал.

— А что он мог сказать? Он заключил сделку, и универмаг был уже продан. Едва ли ему когда-нибудь приходило в голову, что кто-то может купить процветающее предприятие и тут же его закрыть.

— Верно, — задумчиво проговорил Старик, — все это как-то не вяжется.

— Не исключено, что это всего лишь рекламный трюк, — предположил Чарли Гендерсон. — Не больше, чем крючок для публики. Нельзя не признать, что за всю историю своего существования «Франклин» никогда не пользовался такой популярностью, как после сегодняшней пресс-конференции.

— «Франклин», — твердо сказал Старик, — никогда не гонялся за рекламой. Он в ней не нуждается.

— Через один-два дня, — не сдавался Чарли, — будет во всеуслышание объявлено, что универмаг опять открывается. Новое правление объяснит, что оно приняло во внимание протест общественности, которая потребовала, чтобы универмаг продолжал функционировать.

— У меня на этот счет другое мнение, — возразил я и в ту же секунду сообразил, что мне следовало бы попридержать язык. У меня ведь не было никаких доказательств, только какое-то интуитивное предчувствие. От всей этой сделки разило липой. Я готов был поклясться, что за ней скрывалось нечто большее, чем простая мистификация, которую на досуге измыслил какой-нибудь агент по рекламе.

Но никто из них не поинтересовался, почему я с ними не согласен.

— Паркер, — спросил Старик, — нет ли у тебя какой-нибудь мыслишки по поводу того, кто может стоять за этой сделкой?

Я покачал головой.

— Беннет отказался назвать нового владельца. Универмаг: здание, товары, репутация, связи — был куплен каким-то человеком, или группой людей, которых этот Беннет представляет, и он закрывается. Никаких объяснений, почему он закрывается. Ни звука о том, будет ли использовано здание для каких-нибудь других целей.

— Не сомневаюсь, что его допрашивали с пристрастием.

Я кивнул.

— И он ничего не сказал?

— Ни слова, — ответил я.

— Странно, — произнес Старик. — Тут сам черт не разберется.

— А этот Беннет? — спросил Чарли. — Что ты о нем знаешь?

— Ничего. О себе он сказал только, что является представителем покупателя.

— Ты уже, конечно, пытался выяснить, кто он, — сказал Старик.

— Этим занимаются другие. Мне нужно было успеть написать статью для первого выпуска, а в моем распоряжении было всего двадцать минут. Это Гэвин послал своих людей навести справки в отелях.

— Держу пари на двадцать долларов, — заявил Старик, — что они и следа его не найдут.

Вероятно, у меня был удивленный вид.

— Темная это история, — проговорил Старик. — С начала и до конца. Подготовку к этой сделке невероятно трудно сохранить в тайне. Однако же не просочилось никаких сведений, никаких слухов, ни звука.

— Если бы что-нибудь и выплыло, — подхватил я, — об этом бы знал Дау. А если б у него были какие-нибудь сведения, он, вместо того чтобы ехать на аэродром, занялся бы этим делом сам.

— Вполне с тобой согласен, — сказал Старик. — Дау прекрасно осведомлен о том, что происходит в городе.

— А не было ли в этом Беннете какой-нибудь особенности, которая могла бы хоть как-то облегчить разгадку? — спросил Чарли.

Я покачал головой. У меня в памяти остался только его поразительный лысый череп, ползавшая по этой лысине муха, и то, что он не обращал на муху никакого внимания.

— Ну что же, Паркер, спасибо, — произнес Старик. — Я нахожу, что ты поработал не хуже, чем обычно. Все сделано на высоком профессиональном уровне. Когда в информационном отделе сидят такие, как ты, Дау и Гэвин, можно жить спокойно.

Я поспешно ретировался, не дожидаясь, пока он размякнет настолько, что еще чего доброго заговорит о повышении мне жалованья. Это было бы ужасно.

Я вернулся в информационный отдел.

Из типографии только что принесли газеты, и на первой странице красовалась моя статья — заголовок раскинулся на восемь столбцов, а под ним выстроились все двенадцать букв моего полного имени.

Здесь же, на первой странице, была и фотография Джой со скунсом на руках, и, судя по ее виду, она прямо таяла от восторга. Под фотографией была напечатана ее заметка, которую какой-то остряк из отдела литературной правки не преминул снабдить пошлым слюнявым заголовком.

Я отправился к столу отдела городских новостей и остановился рядом с Гэвином.

— Как продвигаются поиски Беннета? — спросил я. — Тебе удалось что-нибудь выяснить?

— Полная неудача, — взорвался он. — Мне кажется, что он вообще не существует. По-моему, ты его высосал из пальца.

— Быть может, Брюс...

— Я звонил Брюсу. По его словам, он всегда считал, что Беннет остановился в одном из отелей. Он сказал, что этот тип никогда не говорил ни о чем, кроме бизнеса. Ни разу не упомянул ни единой фамилии.

— А как с отелями?

— Его там нет и никогда не было. За последние три недели ни в одном из отелей не останавливалось ни одного Беннета. Сейчас мы прочесываем мотели, но уверяю тебя, Паркер, что это пустая трата времени. Такой человек не существует.

— А может, он зарегистрировался под другим именем. Проверь всех лысых...

— Скажите пожалуйста, какие мы умные, — прорычал Гэвин. — А ты хотя бы приблизительно представляешь себе, сколько лысых мужчин регистрируется каждый день в наших отелях?

— Нет, — сознался я. — Не представляю.

Гэвин, как водится, не упустил возможности хорошенько себя взвинтить, и разговаривать с ним было бесполезно. Я отошел от него и

направился было в другой конец комнаты, чтобы перебросится парой слов с Дау. Но увидев, что его нет на месте, остановился у своего стола.

Я взял лежавшую на столе газету и присел, чтобы просмотреть ее. Прочел свою статью и обозлился на себя за два неряшливых неуклюжих абзаца. Обычная история, когда пишешь в спешке. Стараешься написать получше, а к следующему выпуску все равно приходится переделывать.

Поэтому я швырнул на стол машинку и заново переписал эти абзацы. С помощью линейки я аккуратно вырвал статью из газеты и наклеил ее на два листа плотной бумаги. Перечеркнул оба оскорбивших мои чувства абзаца и пометил их для младшего редактора. Еще раз пробежав статью, я выудил несколько опечаток и для гладкости слога подправил одну-две фразы.

Просто чудо, что мне вообще удалось написать эту статью, подумал я, вспомнив, как, развалясь на стульях, парни из отдела литературной правки истошно вопили, что уже прошли все сроки, а за моей спиной приплясывал Гэвин, выпаливая вслух каждую новую строчку.

Я отнес вставки и помеченный экземпляр статьи в отдел городских новостей и бросил все это в ящик. Потом вернулся к себе и разложил на столе искромсанную газету. Прочел заметку Джой — пальчики оближешь, как она была написана. Поискал интервью, за которым Дау поехал на аэродром, но его в газете не оказалось. Я снова пошарил глазами по комнате, но Дау как сквозь землю провалился.

Отложив газету в сторону, я не стал больше ничем заниматься и, от нечего делать, попытался вспомнить, что произошло сегодня утром в конференц-зале «Франклина». Но в памяти возникла только ползавшая по лысому черепу муха.

И вдруг я вспомнил кое-что еще.

Гендерсон спросил меня, не было ли в Беннете какой-нибудь особой черточки, которая помогла бы раскрыть его личность. Я тогда ответил отрицательно.

Но я невольно солгал. Потому что кое-что все-таки было. Если и не ключ к разгадке, то, во всяком случае, нечто чертовски странное. Как я сейчас вспомнил, это был его запах. Лосьон для бритья, подумал я, когда почувствовал слабое дуновение этого запаха. Но лосьон совершенно мне незнакомый. Не каждому мужчине пришелся бы по вкусу запах такого лосьона. Не потому, что он был вульгарным и резким — ведь это был лишь едва ощутимый намек на запах. Просто такой запах не имеет ничего общего с человеческим существом.

Я продолжал сидеть за столом, пытаясь найти этому запаху какое-нибудь определение, придумать, с чем его можно сравнить. Но безуспешно, потому что, хоть тресни, я никак не мог припомнить запах сам.

Однако я был глубоко убежден, что, доведись мне почувствовать этот запах еще раз, я его обязательно узнаю.

Я встал и побрел к столу Джой. Когда я подошел к ней, она бросила печатать. Подняв голову, взглянула на меня, и глаза ее так блестели, словно она едва сдерживала слезы.

— В чем дело? — спросил я.

— Ах, Паркер, — проговорила она. — Ну какие же это несчастные люди! Просто сердце разрывается.

— Что это за несчастные... — начал было я, но тут же сообразил, что могло с ней произойти.

— Каким образом к тебе попало это дело? — спросил я.

— Они пришли к Дау, — объяснила она. — А его не было. И все остальные были очень заняты. Поэтому Гэвин привел их ко мне.

— Я собирался заняться этим сам, — сказал я, — Дау попросил меня, и я согласился. А потом началась эта кутерьма с «Франклином», и я обо всем забыл. Однако мне казалось, что должен был прийти только один человек. А ты говоришь о нескольких...

— Он привел с собой жену и детей, и они сели в кружок и уставились на меня эдакими большими серьезными глазами. Они рассказали, как продали свой дом — семья росла и в нем стало тесновато, — а теперь не могут найти другой. Через день-два они уже должны выехать из своего дома, и им совершенно некуда податься. Вот так и сидят они, выкладывают свои горести и смотрят на тебя с надеждой. Точно ты — Дед Мороз, или добрая фея, или еще кто-нибудь из той же компании. Точно у тебя в руке не карандаш, а волшебная палочка. Точно они уверены, что ты в миг можешь решить все их проблемы и навести полный порядок. У людей такое странное представление о газетах, Паркер. Им кажется, что мы волшебники. Им кажется, что, как только их история будет напечатана в газете, все изменится к лучшему. Им кажется, что мы можем творить чудеса. А ты сидишь, смотришь на них, а про себя думаешь, что ничегошеньки-то ты не можешь.

— Все понятно, — произнес я. — Только не принимай это близко к сердцу. Ты не имеешь права распускаться. Тебе следует быть потверже.

— Паркер, — попросила она, — убирайся отсюда, мне нужно закончить статью. Гэвин уже минут десять мечет икру.

Это было сказано совершенно искренне. Она действительно хотела от меня избавиться, чтобы получить возможность выплакаться без свидетелей.

— Ладно, — согласился я. — До вечера.

Вернувшись к своему столу, я спрятал статьи, которые написал утром. Потом надел шляпу и пальто и отправился промочить горло.

7

Эд в полном одиночестве стоял за стойкой, положив на нее локти и поддерживая руками голову. Вид у него был не блестящий. Я влез на табурет и выложил пять долларов.

— Налей-ка мне, Эд, стаканчик. Да побыстрее, — сказал я. — Душа требует.

— Придержи свои деньги, — прохрипел он. — Я угощаю.

Я чуть не свалился с табурета. Такое за ним никогда не водилось.

— Ты что, спятил? — спросил я.

— Ничуть не бывало, — ответил Эд, доставая виски моей марки. — я сворачиваю дело. Вот и угощаю своих старых верных клиентов, когда кто-нибудь из них заглядывает ко мне.

— Стало быть, уже сколотил состояние, — заметил я, не придав значения его словам: у парня что ни слово, то острота, скажет что угодно, лишь бы схохмить.

— Мне отказали в аренде помещения, — сообщил он.

— Что ж, хорошего мало, — посочувствовал я. — Но ведь наверняка можно найти дюжину других помещений, прямо здесь, по соседству.

Эд с грустью покачал головой.

— Моя песенка спета, — сказал он. — Идти мне некуда. Где только я ни спрашивал. Если хочешь знать мое мнение, Паркер, у нас не муниципалитет, а вонючее болото. Кому-то приглянулась моя лицензия. И кто-то хорошо подмазал кое-кого из членов городского совета.

Он налил виски и подвинул ко мне стакан.

Он налил и себе тоже, а такого себе не позволяет ни один бармен. Сразу было видно, что ему теперь хоть трава не расти.

— Двадцать восемь лет, — сокрушенно проговорил он. — Вот сколько я здесь проработал. У меня в заведении всегда было очень прилично. Ты ведь не дашь соврать, Паркер. Ты же был постоянным клиентом. Сам знаешь, как у меня тут было. Никакого хулиганья, никаких женщин. И ты, верно, не раз видел у меня полицейских, как они сидели тут рядком и пили за счет заведения.

Я полностью с ним согласился. Все это была святая правда.

— Я знаю, Эд, — сказал я. — Ей-богу, ума не приложу, как наша банда будет выпускать газету, если ты закроешь бар. Ребятам некуда будет забежать, чтобы промыть мозги от всякой дряни. На добрых восемь кварталов нет больше ни одного бара.

— Не знаю, что и делать, — продолжал он. — Я еще слишком молод, чтобы не работать, да у меня и нет ни гроша. Мне нужно зарабатывать на жизнь. Я, конечно, могу работать на кого-нибудь. Почти в каждом баре города найдется для меня местечко. Но я ведь всегда был хозяином, и тут уж пришлось бы привыкать к другому раскладу. Честно тебе скажу, для меня это трудновато.

— Какое безобразие, — возмутился я.

— Я и «Франклин», — продолжал он. — Мы уйдем вместе. Я только что прочел об этом в газете. В твоей статье. Да, без «Франклина» город будет уже не тот.

Я заверил его, что и без него город уже не будет прежним, и он налил мне еще, но сам воздержался.

Он все стоял, а я сидел, и мы долго еще толковали о закрытии «Франклина», об аренде, в которой ему отказали, не в силах понять, ни он, ни я, куда катится этот окаянный мир. Он поставил мне еще пару стаканов, не забыл и себя, а потом мы выпили еще, и я попытался всучить ему деньги. Я убеждал его, что, даже закрывая бар, он не имеет права задарма разбазаривать свои напитки, на что он ответил, что достаточно заработал на мне за последние шесть или семь лет и может позволить себе один разок напоить меня бесплатно.

Подошли еще какие-то люди, и Эд отправился их обслуживать. Поскольку это были чужие, а может, просто заходили сюда только от случая к случаю, Эд взял с них деньги. Он выбил в кассе чек, отсчитал сдачу и вернулся ко мне.

И мы вновь принялись обсуждать создавшееся положение, незаметно опрокидывая стакан за стаканом, на что нам, впрочем, было наплевать.

Я выбрался оттуда только после двух.

От полноты чувств я пообещал Эду, что до того, как он закроет бар, я обязательно загляну к нему поболтать напоследок.

Если учесть, сколько я влил в себя, мне полагалось быть мертвецки пьяным. Но я был трезв как стеклышко. Только страшно подавлен.

Я пошел было в редакцию, но на полпути решил, что идти мне туда незачем. До конца работы оставался какой-нибудь час, а то и меньше, и в это время дня, когда основной материал уже сдан в производство, делать мне там нечего. Я мог, правда, написать две-три статьи, но сейчас у меня был не тот настрой. И я решил поехать домой. Сегодня уж я побездельничаю, а статьи напишу в субботу или воскресенье.

Поэтому я пошел на стоянку, путем сложных маневров вывел машину на улицу и не спеша покатил домой, старательно соблюдая все правила уличного движения, чтобы меня не засек какой-нибудь полицейский.

8

Я въехал во двор и, свернув за дом, поставил машину на площадку, отведенную под стоянку.

Здесь, за домом, было очень тихо, и, прежде чем покинуть машину, я немного посидел в ней. Пригревало солнце, и здание, огораживая

площадку с трех сторон, не пропускало сюда ни малейшего ветерка. У одного из углов дома рос чахлый тополь, и сейчас, в своем наряде из красно-желтых листьев, он сверкал под солнцем точно дерево земли обетованной. Дремал, убаюканный солнцем и временем, воздух, и мой слух уловил постукивание когтей бежавшей по дорожке собаки. Вслед за этим появился и сам пес. Увидев меня, он сел и навострил в мою сторону уши. Размером он был с теленка и так лохмат, что напоминал бесформенную глыбу. Он поднял увесистую заднюю лапу и с торжественным видом принялся вычесывать блох.

— Здравствуй, песик, — сказал я.

Он встал и затрусил по дорожке. Перед тем как скрыться за углом, он, на секунду остановился и оглянулся на меня.

Я вылез из машины и, завернув за угол дома, пошел по дорожке к входной двери. В тишине и пустоте вестибюля эхом отдавался звук моих шагов. В почтовом ящике оказалось два письма и, засунув их в карман, я стал медленно подниматься на второй этаж.

Первым делом я немного вздремну, сказал я себе. Я ведь встал очень рано, и это уже давало о себе знать.

Перед моей дверью в ковре по-прежнему зиял полукруглый вырез, и, остановившись, я в недоумении уставился на него. Я о нем почти забыл, но сейчас моя память в секунду восстановила картину ночного происшествия. При виде этого выреза меня пробрала дрожь, и я стал рыться в карманах в поисках ключей, чтобы поскорее войти в квартиру и отгородиться от этого полукруга.

Очутившись в квартире, я запер за собой дверь, бросил на стул шляпу и пальто и огляделся. Все было в полном порядке. Ни малейшего движения, ни шороха. Ничего подозрительного.

Особого шика в моей квартире не было, но она меня вполне устраивала. Она принадлежала мне одному, и за долгие годы скитаний была первым местом, где я прожил достаточно долго, чтобы уже считать ее своим домом. Я прожил в ней шесть лет, и мы с ней притерлись друг к другу. У одной стены стоял мой шкафчик с оружием, в углу — приемник, а значительную часть комнаты, выходившей окнами на улицу, занимал набитый книгами, чудовищного вида шкаф, который я смастерил своими собственными руками.

Я прошел на кухню и, заглянув в холодильник, нашел там томатный сок. Налив себе стакан сока, я присел к столу, а когда садился, в кармане у меня зашуршали письма, и я вытащил их. Одно было из союза, и я понял, что это очередное напоминание о необходимости уплатить взносы. Второе — от какой-то фирмы с длинным многословным названием.

Это письмо я вскрыл и вытащил из конверта один-единственный листок бумаги.

«Дорогой мистер Грэйвс, — прочел я, — ставим вас в известность, что на основании статьи 31-й мы аннулируем ваш договор об аренде

квартиры № 210, «Уэллингтон Армз». Срок вышеуказанного договора истекает 1 января будущего года».

Ниже стояла неразборчивая подпись.

Все это было крайне подозрительно, потому что лица, пославшие письмо, не были владельцами дома. Дом принадлежал Старине Джорджу Уэберу, который жил на первом этаже в сто шестнадцатой квартире.

Я было поднялся, чтобы броситься вниз и, взяв Старину Джорджа за горло, потребовать у него объяснений. Но тут же вспомнил, что Старина Джордж и миссис Джордж укатили в Калифорнию.

Быть может, подумал я, Старина Джордж на время своего отсутствия передал этим людям ведение дел по дому. А если так, то произошла какая-то ошибка. Ведь мы были приятелями — Старина Джордж и я. Он никогда бы не вышвырнул меня из квартиры. Он то и дело тайком пробирался ко мне, чтобы опрокинуть рюмку-другую чего-нибудь покрепче, и каждый вторник мы вечером перекидывались с ним в картишки, а почти каждую осень вместе ездили в Южную Дакоту стрелять фазанов.

Еще раз взглянув на отпечатанный типографским способом заголовок, я увидел, что фирма называлась «Росс, Мартин, Парк и Гоубел». Под названием фирмы маленькими буквами стояло: «Купля-продажа недвижимой собственности».

Мне захотелось ознакомиться с содержанием этой 31-й статьи, и я вознамерился было ее прочесть, но сразу сообразил, что понятия не имею, куда я дел копию договора. Скорей всего она была где-то здесь, в квартире, но где именно — я не имел ни малейшего представления.

Я пошел в гостиную и набрал номер «Росса, Мартина, Парка и Гоубела».

Из трубки мне ответил голос — высокий, профессионально любезный (как-я-рада-что-вы-позвонили) женский голос.

— Мисс, — сказал я ей, — в вашей конторе кто-то здорово начудил. Я получил письмо, из которого следует, что меня вышвыривают из моей квартиры.

Раздался щелчок, и место женщины занял мужчина. Я объяснил ему, что произошло.

— При чем тут ваша фирма? — спросил я. — Насколько мне известно, дом принадлежит моему доброму соседу и старому приятелю Джорджу Уэберу.

— Вы ошибаетесь, мистер Грэйвс, — возразил этот господин голосом, который своей невозмутимостью и высокомерием сделал бы честь любому судье. — Несколько недель назад мистер Уэбер продал свою собственность, о которой идет речь, одному из наших клиентов.

— Старина Джордж мне об этом даже не заикнулся.

— Может, это он по рассеянности, — с легкой тенью издевки предположил человек на другом конце провода. — Или же просто к слову

не пришлось. Наш клиент вступил во владение домом в середине этого месяца.

— И с ходу послал мне уведомление об аннулировании моего арендного договора?

— Он аннулирует все договоры, мистер Грэйвс. Дом ему нужен для других целей.

— Скажем, чтобы использовать его в качестве стоянки для автомашин.

— Совершенно верно, — подтвердил тот. — Именно в качестве стоянки.

Я бросил трубку. Я даже не взял себе за труд попрощаться с ним. Мне стало ясно, что толку от этого остряка не добьешься.

Я тихо сидел в гостиной, прислушиваясь к уличному шуму. Болтая и хихикая, мимо прошли две девушки. В окна, выходившие на запад, лился теплый насыщенный свет зрелого послеполуденного солнца.

Но в комнате веяло холодом — ужасным леденящим холодом, который просачивался из какого-то иного измерения и пронизывал меня до костей.

Вначале «Франклин», потом бар Эда, а теперь эта квартира, которую я считал своей. Нет, наверно, мысленно поправил я себя: первой ласточкой был человек, который позвонил Дау, а потом встретился с Джой и поведал ей о своих мытарствах с поисками дома. Он и все те, кто вложили свое отчаяние в сухие строчки газетных объявлений, — первыми были они.

Я взял газету, которую, войдя в комнату, небрежно бросил на письменный стол, раскрыл ее на странице, где печатались объявления, и увидел, что Дау сказал тогда правду. Вот они, выстроились столбцами под рубриками «ищу дом» или «ищу кв.». Короткие жалкие строчки типографского шрифта, молившие о пристанище.

«Что происходит?» — спросил я себя. Что могло так внезапно случиться со всеми жилыми помещениями? Где же они, все эти новые многоквартирные дома, которые, поглощая акр за акром, вырастали в пригородах как грибы?

Бросив на пол газету, я набрал номер одного знакомого мне агента по продаже и найму недвижимой собственности. Секретарша попросила меня подождать, пока он закончит говорить по другому телефону.

Наконец он взял трубку.

— Чем могу тебе быть полезен, Паркер? — спросил он.

— Меня выбросили на улицу, — сказал я. — Мне нужна крыша над головой.

— О господи! — простонал он.

— Меня устроит комната, — добавил я. — Одна большая комната, если нет ничего получше.

— Послушай, Паркер, какой тебе дали срок?

— До первого января будущего года.

— Может статься, за это время я сумею что-нибудь для тебя сделать. Возможно, что обстановка несколько разрядится. Буду иметь тебя в виду. Говоришь, тебе подойдет почти любое помещение?

— Неужели и вправду так плохо, Боб?

— Они приходят ко мне в контору. Они обрывают телефон. Буквально отбоя нет от людей, которые ищут жилье.

— Но что произошло? Ведь полным-полно новых домов, а сколько еще строится! Все лето на фасадах висели объявления о продаже или сдаче внаем квартир и домов.

— Не знаю, — сказал он тоном человека, озверевшего от собственного бессилия. — Я даже не пытаюсь ответить. Я просто ни черта не понимаю. Я мог бы продать тысячу домов. Я мог бы снять любое количество квартир. Но у меня нет ни одного дома, ни одной квартиры. Я сижу сложа руки и качусь к полному банкротству, потому что у меня нет ни единого предложения. Вот уже полных десять дней, как их число свелось к нулю. Люди валяются у меня в ногах. Предлагают мне взятки. Им кажется, что я веду нечестную игру. Сроду у меня не было столько клиентов, а я не в состоянии вести с ними дела.

— В городе много приезжих?

— Не думаю. Во всяком случае, не настолько же.

— Так, может, квартиру ищут молодожены?

— Поверь мне, что половина моих клиентов — пожилые люди, которые продали свои дома, потому что дети их выросли и живут самостоятельно, а им самим понадобилось жилье поменьше. Другие, и таких тоже немало, продали свои дома потому, что их семьи разрослись и им потребовалось дополнительное помещение.

— А на сегодняшний день, — подхватил я, — свободных жилых помещений нет и в помине.

— Вот именно, — подтвердил он.

Больше нам говорить было не о чем, что я ему не преминул сказать.

— Я постараюсь что-нибудь для тебя присмотреть, — пообещал он. Тон его не вселял особых надежд.

— Спасибо, Боб.

Я повесил трубку и, сидя у телефона, стал размышлять над тем, что же все-таки происходит. Я был убежден, что все это неспроста. Подобную ситуацию невозможно объяснить одним только необычным повышением спроса. Что-то бросило вызов всем экономическим законам. Чутье мне подсказывало, что за этим скрывается крупная сенсация. «Франклин» продан. Эду отказано в аренде помещения. Старина Джордж продал этот дом, толпы осатаневших людей штурмуют конторы по продаже и найму недвижимой собственности, пытаясь раздобыть себе кров.

Я встал, надел пальто и шляпу. Выходя из квартиры, я постарался обойти взглядом полукруглый вырез в ковре.

У меня возникло ужасное подозрение — подозрение, от которого кровь стыла в жилах.

Рядом с моим домом проходила торговая улица, одна из тех торговых улиц, где магазины открылись много лет назад, задолго до того, как кому-то взбрендило как попало распихать торговые центры по окраинам.

Если мое подозрение правильно, ответ я получу в торговом центре — в любом торговом центре.

И я отправился на поиски этого ответа.

9

Ответ я получил через полтора часа и похолодел от ужаса.

У большей части расположенных здесь торговых фирм договоры аренды помещения были либо аннулированы, либо к тому шло дело. Несколько хозяев — из тех, у кого договоры были заключены давно, — продали свои магазины. Судя по всему, за последние две-три недели большинство окрестных домов переменило хозяев.

Я беседовал с людьми, впавшими в отчаяние, беседовал с теми, кто уже потерял всякую надежду. Некоторые были озлоблены, встречались и такие, которые откровенно признавали, что потерпели полный крах.

— А! Что в лоб, что по лбу — один черт, — сказал мне один аптекарь. — Как подумаешь о нынешней системе налогов, обо всех этих инструкциях, о вмешательстве правительства, так просто диву даешься, каким нужно быть изворотливым, чтобы в таких условиях вести дело. Конечно, я искал помещение. Но это был чистый рефлекс. Привычки живучи, и мало в ком они умирают легко. Но помещений нет. Деваться мне некуда. Поэтому я постараюсь повыгоднее продать свои товары и сброшу с себя это ярмо, а там видно будет.

— У вас есть какие-нибудь планы? — спросил я.

— Понимаете, мы с женой уже давно поговариваем о том, что нам не мешало бы хорошенько отдохнуть. Но так до сих пор и не собрались устроить себе отпуск. Все руки не доходили. Этот бизнес держал меня в тисках, а хорошего помощника найти очень трудно.

Попался мне и парикмахер, который в такт своим словам размахивал ножницами, гневно щелкая ими в воздухе.

— Видали вы такое! — воскликнул он. — Человек больше не может зарабатывать себе на жизнь. Уж они постараются лишить вас куска хлеба.

Мне захотелось спросить, кто это «они», но я не успел даже рта раскрыть.

— Бог свидетель, я и так зарабатываю жалкие гроши, — продолжал он. — Парикмахерское дело теперь совсем не то, что было когда-то. Одни стрижки. Иной раз еще и мытье головы — вот и все. А ведь,

бывало, мы их брили, делали им массажи лица, и все они, как один, требовали, чтобы им мазали волосы бриллиантином. А нынче нам остались одни только стрижки. И теперь они хотят отнять у меня даже эти крохи.

Мне все-таки удалось спросить, кто эти таинственные «они», но он так и не смог ответить. Он даже обиделся. Решил, что я его разыгрываю.

Две старые фирмы, которые помещались в собственных домах, отказались эти дома продать, хотя суммы, которые им предлагали, были одна соблазнительнее другой.

— Видите ли, мистер Грэйвс, — сказал мне старый джентльмен в одной из уцелевших фирм, — в другое время я, возможно, и принял бы такое предложение. Быть может, я сделал большую глупость, отказавшись от него. Но я слишком стар. Я и этот магазин — мы так срослись, что стали частью друг друга. Для меня продать дело — все равно что продать самого себя. Пожалуй, вам этого не понять.

— Напрасно вы так думаете, — возразил я.

Он поднял старческую руку с поразительно вздутыми голубыми венами, резко выделявшимися на бледном фарфоровом фоне его кожи, и пригладил жидкие седые волосы, которые едва прикрывали его череп.

— Существует такое понятие, как гордость, — произнес он. — Гордость за то, как у тебя поставлено дело. Уверяю вас, что никто на свете не повел бы это дело так, как веду его я. В наше время, молодой человек, люди забыли хорошие манеры. Забыли, что такое любезность. Что такое уважение. Отвыкли думать по-доброму о своем ближнем. Деловой мир превратился в сплошные бухгалтерские операции, выполняемые машинами или людьми, очень похожими на машины своей бездушностью. В мире нет чести, нет доверия, и его этикой стала этика волчьей стаи.

Он протянул свою фарфоровую руку и положил ее мне на рукав — так легко, что я даже не почувствовал ее прикосновение.

— Вы говорите, что все мои соседи остались без помещения или продали свое дело?

— Большинство.

— А Джейк — на том конце улицы — он не продал? Тот, у которого мебельный магазин. Правда, он старый негодяй и плут, но у нас с ним один взгляд на современное общество и бизнес.

Я сказал ему, что он не ошибся: Джейк не собирался продавать свой магазин. Он был одним из тех немногих, кто воздержался от продажи.

— Мы оба смотрим на торговлю, как на занятие ответственное и привилегированное, — проговорил старик. — А другие видят в ней только способ наживы. Разница между нами в том, что у Джейка есть сыновья, которым он может завещать свое дело. Быть может, он еще и из-за этого так упорно держится за магазин. А у меня семьи нет. Нас

всего двое — я и сестра. Когда мы умрем, с нами умрет и наш бизнес. Но пока мы живы, мы никуда отсюда не уйдем и из последних сил будем честно служить людям. Потому что торговля, сэр, — это нечто большее, чем подсчет доходов. Это — возможность приносить пользу, возможность внести свой вклад. Торговля склеивает нашу цивилизацию в единое целое, и для человека, любого человека, не может быть более достойной профессии.

Это прозвучало, как далекий звук трубы из какой-то другой эпохи, и, возможно, так оно и было на самом деле. На мгновение мне показалось, что в синеве затрепетали яркие гордые стяги, и я ощутил новизну и безоблачность навсегда ушедших дней.

И, должно быть, старику привиделось то же самое, потому что он вдруг сказал:

— Теперь уже все потускнело. Только в немногих, изолированных от мира уголках нам удается поддерживать былой блеск.

— Благодарю вас, сэр, — произнес я. — Вы мне очень помогли.

Когда мы обменивались прощальным рукопожатием, я спросил себя, почему я ему так сказал. И сразу же понял, что это правда — в его поведении и словах было нечто такое, что отчасти вернуло мне веру. Во что? Этого я и сам не знал толком. Быть может, веру в Человека. Веру в незыблемость мира. А может, в какой-то степени и веру в самого себя.

Я вышел из магазина и, остановившись на тротуаре, зябко поежился — меня не согревало последнее тепло предвечернего солнца.

Потому что теперь происходящее больше не было простой случайностью. Дело тут не только во «Франклине» или в моей квартире. Не только в Эде, которому отказали в аренде помещения. Не только в тех людях, которые не могли найти для себя жилье.

Все это делалось по плану — по плану, который вел к неведомой, ужасной цели. И осуществлялось с поистине дьявольским хитроумием и четкостью.

И за всем этим стояла какая-то отлично слаженная организация, действовавшая быстро и в полной тайне. Ибо, судя по всему, все сделки были заключены в пределах двух-трех месяцев, и все договора вступали в силу примерно в одно и то же время.

Я не знал одного и мог только строить предположения: сколько понадобилось людей — один человек, несколько людей или целая армия, — чтобы все это провернуть; ведь кто-то должен был предлагать цену, торговаться и, наконец, заключить сделку. Я попробовал выяснить это, но безрезультатно. Моими собеседниками в основном были люди, которые свои помещения снимали, и, естественно, им об этом ничего не было известно.

Дойдя до угла, я зашел в аптеку. Втиснулся в телефонную будку, набрал номер редакции и попросил телефонистку соединить меня с Дау.

— Где тебя черти носят? — спросил он.

— Решил немного проветриться, — ответил я.

— У нас тут сумасшедший дом, — сказал Дау. — Дирекция «Хеннеси» сообщила, что им отказали в аренде помещения.

— «Хеннеси»?

Впрочем, после того, что я узнал, я мог бы и не удивляться.

— Уму непостижимо, — пожаловался Дау. — Это надо же — оба в один и тот же день.

«Хеннеси» был вторым по величине универсальным магазином. Когда они с «Франклином» закроются, центральный торговый район города превратится в пустыню.

— Ты так и не успел тиснуть свое интервью в первом выпуске, — заметил я, выгадывая время, чтобы решить, стоит ли быть с ним до конца откровенным.

— Самолет опоздал, — буркнул он.

— Как им удалось сохранить это в такой тайне? — спросил я. — Ведь до сегодняшнего дня никто даже краем уха не слышал, что «Франклин» продается.

— Я пошел к Брюсу, — сказал Дау. — И спросил его об этом напрямик. А он мне показал договор — имей в виду, это строго между нами. Там есть статья, по которой сделка автоматически аннулируется в случае преждевременной огласки.

— А что с «Хеннеси»?

— Здание принадлежало «Ферст нейшнл». Видно, в их договоре есть такая же статья. «Хеннеси» может еще с год продержаться, но ведь нет другого помещения...

— Надо полагать, что им отвалили хорошие денежки. Во всяком случае, достаточно хорошие, чтобы заставить их держать язык за зубами из боязни упустить такую выгодную сделку.

— Что касается «Франклина», — так оно и было. Скажу тебе, опять-таки по большому секрету, что сумма, уплаченная за «Франклин», вдвое превышает ту, которую дал бы за него любой здравомыслящий покупатель. И заплатив такие бешеные деньги, новый владелец закрывает универмаг. Вот что больше всего мучает Брюса. Словно кто-то настолько возненавидел универмаг, что заплатил за него двойную цену только за то, чтобы получить возможность его закрыть.

Секунду поколебавшись, Дау добавил:

— Паркер, но это же бессмысленно. Я хочу сказать, что это совершенно не имеет смысла с точки зрения бизнеса.

Так вот в чем причина всей этой секретности, тем временем думал я. Вот почему не было никаких слухов. Вот почему Старина Джордж скрыл от меня, что продал дом — он и в Калифорнию-то удрал, чтобы не оказаться в неловком положении, когда жильцы и друзья потребуют от него объяснений, почему он не сообщил им о продаже дома.

И тут же я спросил себя, возможно ли, что подобные ограничительные статьи были включены в каждый договор и сроки действия этих статей истекали одновременно.

Это, конечно, казалось неправдоподобным, но ведь вся эта история с начала до конца выглядела неправдоподобно.

— Паркер, — спросил Дау, — ты еще не повесил трубку?

— Нет, нет, — откликнулся я. — Я еще на проводе. Скажи-ка мне одну вещь, Дау. Кто купил «Франклин»?

— Не знаю, — ответил он. — К оформлению документов приложила руку какая-то фирма под названием «Росс, Мартин, Парк и Гоубел», которая занимается разного рода сделками, связанными с недвижимой собственностью. Я позвонил туда...

— И тебе ответили, что фирма действовала в интересах одного своего клиента. А имя этого клиента они сообщить тебе не могут.

— Точно. Откуда ты знаешь?

— Догадался, — ответил я. — От этих сделок смердит за версту.

— Я навел справки о «Россе, Мартине, Парке и Гоубеле», — сказал Дау. — Фирма существует в общей сложности два с половиной месяца.

— Эду сегодня отказали в аренде, — вдруг, ни к селу ни к городу, сообщил я. — Без него будет как-то одиноко.

— Эду?

— Угу. Хозяин бара.

— Паркер, что это делается на белом свете?

— Убей меня, если я знаю, — ответил я. — Что еще новенького?

— Какие-то чудеса с деньгами. Насколько мне известно, банки переполнены наличными деньгами. Последнюю неделю они там только и делают, что принимают вклады. Народ тащит доллары мешками.

— Ну, ну, приятно слышать, что местная экономика в таком блестящем состоянии.

— Паркер! — рявкнул Дау. — Какая муха тебя укусила?

— Никакая, — отрезал я. — До завтра.

И пока он не спросил что-нибудь еще, быстро повесил трубку.

Я стоял в будке, пытаясь разобраться, почему я все-таки ему ничего не сказал. Ведь к этому не было никаких оснований, и если уж на то пошло, по долгу службы я просто обязан был поставить его в известность о том, что происходит.

И все же я промолчал: что-то меня удержало, и я не смог заставить себя заговорить об этом. Точно в душе надеялся, что, стоит мне об этом умолчать, как все окажется неправдой, дурным сном.

Глупее ничего не придумаешь.

Я вышел из аптеки и побрел по улице. Остановившись на углу, я полез в карман и вытащил полученное сегодня извещение. Фирма «Росс, Мартин, Парк и Гоубел» обосновалась в центре, в старом здании, известном под названием «Мак Кендлесс билдинг» — в одной из тех древ-

них гробниц из бурого камня, которые должны были быть в скором времени снесены по распоряжению комиссии по реконструкции города.

Я представил себе поскрипывающие лифты, лестницы с мраморными ступеньками и великолепными бронзовыми перилами, сейчас уже почерневшими от времени; величественные коридоры с дубовыми панелями, такими старыми, что, казалось, их отполировал сам возраст, с высокими потолками и матовым стеклом дверей. А на первом этаже непременно должен быть пассаж, где ютятся и чистильщик сапог, и табачная лавочка, и газетный киоск, и еще с дюжину других мелких магазинчиков.

Я взглянул на часы — было уже начало шестого. По мостовой мчался поток машин: люди торопились домой, и лавина транспорта катилась на запад к двум главным шоссе, одно из которых вело к новому району гигантских жилых комплексов, а другое — в тихие уютные пригороды с затерявшимися среди холмов и озер домиками.

Солнце село, и наступил как раз тот момент, когда блекнувший дневной свет еще не сгустился в настоящие сумерки. «Самое прекрасное время дня, — подумал я, — для тех, кого ничто не тревожит, у кого спокойно на душе».

Я медленно шел по улице, неторопливо помешивая варившееся у меня в мозгу подозрение. Не очень-то оно мне нравилось, но оно было, а долгий опыт научил меня не пренебрегать подозрениями. Слишком уж много их оправдалось на моей памяти, чтобы смотреть на них сквозь пальцы.

Я отыскал скобяную лавку и, чувствуя себя преступником, купил алмаз для резки стекла. Положив алмаз в карман, я снова вышел на улицу.

Сейчас пешеходов поприбавилось и еще больше машин сигналило на мостовой. Я стоял под самой стеной дома, а мимо валил нескончаемый людской поток.

А не послать ли все это к черту? — подумал я. Не лучше ли просто пойти домой, переодеться и через часок заехать за Джой?

Меня одолели сомнения, и я чуть было действительно не послал все к черту, но что-то меня остановило — какое-то странное, грызущее душу беспокойство.

На улице показалось такси, прижатое другими машинами к самому тротуару. Движение остановилось на красный свет, и вместе с ним, почти напротив меня, остановилось и такси. Увидев, что оно свободно, я не дал себе ни секунды на размышление. Я лишил себя возможности прийти к какому-нибудь решению. Я шагнул к обочине, и шофер, заметив меня, распахнул передо мной дверцу.

— Куда поедем, мистер?

Я назвал перекресток — поблизости от «Мак Кендлесс билдинг».

Вспыхнул зеленый глаз светофора, и такси тронулось с места.

— А вы не обратили внимания, мистер, — начал шофер, завязывая разговор, — что весь мир катится в преисподнюю?

10

«Мак Кендлесс билдинг» оказался точно таким, каким он мне представлялся и какими были все старые, бурого цвета здания-пристанища разного рода контор и учреждений.

В коридоре третьего этажа было пусто и тихо; в конце его сквозь окна пробивался вялый свет умирающего дня. Ковер был вытерт, стены в пятнах, а панели, несмотря на все свое былое великолепие, выглядели обшарпанными и жалкими.

Двери контор были из матового стекла, и на них шелушились облезлые золотые буквы названий фирм. Я заметил, что, кроме старинных замков, вделанных в ручки, каждая дверь была снабжена еще одним отдельным запором.

Я прошелся по коридору, желая убедиться, что тут никого нет. Судя по всему, конторы уже опустели. Наступил вечер пятницы, и вряд ли кто из слу́жащих задержался бы сверх положенного в канун уик-энда. А для уборщиц было еще слишком рано.

Контора «Росс, Мартин, Парк и Гоубел» находилась почти в самом конце коридора. Я подергал дверь, и, как я и предполагал, она была заперта. Тогда я достал алмаз и принялся за дело. Работа была не из легких. Когда режешь стекло по всем правилам, его следует положить горизонтально на плоскую поверхность и обрабатывать сверху. Такой метод дает вам возможность — если вы достаточно аккуратны — все время нажимать на стекло с одинаковой силой, и тогда алмаз оставит на нем борозду. А здесь я пытался резать стекло, стоявшее на ребре.

Возился я довольно долго, но, в конце концов, все-таки умудрился провести на стекле борозды, после чего спрятал алмаз в карман. С минуту я прислушивался, желая окончательно увериться, что в коридоре пусто и никто не поднимается по лестнице. Потом двинул локтем в стекло — очерченный алмазом кусок его раскололся и едва не вылетел, удержавшись в дверной раме. Я снова пустил в ход локоть — теперь стекло разбилось вдребезги, и в комнату посыпались осколки. А в моем распоряжении оказалась дыра величиной с кулак — как раз над замком.

Стараясь не порезаться острыми осколками стекла, торчавшими из рамы, я осторожно просунул в пробоину руку, нащупал круглую головку замка, повернул ее, и замок открылся. Другой рукой я повернул наружную ручку и нажал на дверь. Она поддалась.

Я вошел в комнату, прикрыл за собой дверь, и, скользнув вбок, остановился и замер, прижавшись спиной к стене.

Я вдруг почувствовал, что у меня на голове стали дыбом волосы и бешено заколотилось сердце: в комнате стоял тот же запах — запах лосьона, который исходил от Беннета. Впрочем, скорее это был лишь слабый намек на запах: так пахло бы от человека, который пользовался этим лосьоном утром, а в тот же день к вечеру повстречался бы мне на улице. Но этот запах я узнал сразу. Я снова попытался найти ему определение и снова потерпел неудачу: мне не с чем было его сравнить. Он не был похож ни на один из известных мне запахов. Он не был неприятным, вернее, каким-то особенно неприятным, и мне он был совершенно незнаком.

С того места, где я стоял, прижавшись к стене, видны были черные горбатые силуэты каких-то непонятных предметов, но когда мои глаза привыкли к полумраку и я вгляделся повнимательнее, перед моим взором предстала самая обыкновенная контора. Черные силуэты оказались письменными столами, шкафами для бумаг и прочими предметами меблировки, которые вы найдете в любом учреждении.

Я стоял, напрягшись всем телом, и ждал, но ничего не случилось. Снаружи серели поздние сумерки, но свет их, словно застревая в окнах, не проникал в комнату. И здесь было тихо, настолько тихо, что не выдерживали нервы.

Я окинул взглядом комнату и только сейчас заметил в ней нечто странное. В одном из ее углов была задернутая занавесом ниша — довольно-таки необычная для конторы деталь интерьера.

Напрягая зрение, я тщательно осмотрел остальную часть помещения; мои глаза изучили чуть ли не каждый дюйм, стараясь не пропустить ни единой мелочи, которая бы не вязалась с обстановкой. Но там больше ничего не было, ничего из ряда вон выходящего — кроме ниши за занавесом. И запах лосьона.

Я осторожно оторвался от стены и шагнул вперед. Я не знал, чего именно я боялся, но в этой комнате было что-то жуткое.

Я остановился у письменного стола, стоявшего перед нишей, и включил настольную лампу. Я понимал, что это неразумно. Мало того, что я вломился сюда, — теперь я всех оповещал об этом, включив свет. Но я пошел на риск. Я должен был немедленно узнать, что находилось в нише по ту сторону занавеса. При свете я рассмотрел, что занавес был из какой-то темной тяжелой ткани и держался на кольцах, надетых на стальной прут. Пошарив с боку от него рукой, я нащупал шнур, потянул его, и половинки занавеса плавно разошлись, собравшись по обе стороны ниши в мягкие складки, и передо мной открылся длинный ряд вешалок с одеждой, и вешалки эти крючками цеплялись за палку.

Я оторопело уставился на весь этот гардероб. Вначале я видел только сплошную массу одежды, но мало-помалу начал различать отдельные вещи. Здесь висели мужские костюмы и пальто; здесь было с полдюжины рубашек, вешалка со множеством галстуков. А над вешалками на полке шеренгой выстроились шляпы. Здесь висели также жен-

ские костюмы, платья и какие-то весьма легкомысленные одеяния в оборочках, которые отчасти походили на халаты. Здесь были мужское и женское бельё, носки и чулки. А под одеждой на длинной, стоявшей на полу подставке, была аккуратно расставлена обувь — опять-таки мужская и женская.

Все это смахивало на какой-то бред. Если, скажем, в помещении конторы нет стенного шкафа, то какой-нибудь зануда-чиновник вполне может приспособить такую нишу под вешалку для пальто, плащей, пиджаков и шляп. Но здесь ведь был полный комплект одежды для всех служащих конторы — от босса до последней секретарши.

Я ломал себе голову над этой загадкой, но так ни до чего не додумался.

И что самое нелепое — контора была пуста; все ушли, оставив здесь свою одежду. Не ушли же они нагишом!

Касаясь рукой одежды, я медленно двинулся вдоль ряда вешалок: я хотел проверить, из настоящей ли они ткани и существует ли она вообще. Одежда была вполне осязаемой, а ткань — самой обычной.

И пока я неторопливо шел мимо ниши, мне по ногам вдруг ударила струя холодного воздуха. Словно на меня подуло из окна, которое забыли закрыть. Я сделал еще шаг, и сквозняк так же внезапно прекратился.

Дойдя до конца вешалки, я повернулся и пошел обратно. И снова мне обдало ноги холодом.

Что-то было неладно. Все окна ведь были закрыты. К тому же, если дует из окна, холодный воздух не бьет по лодыжкам, не идет направленной струей шириной в один-два шага.

Что-то скрывалось за вешалкой. А какой, черт возьми, источник холода может находиться за вешалкой с одеждой?

Недолго думая, я присел на корточки и, раздвинув одежду, увидел, откуда шел этот холод.

Он шел из дыры, из дыры в стене «Мак Кендлесс билдинг», но дыра эта не была сквозной, не вела наружу, потому что, будь это обычная дыра, пробитая в стене здания, я бы увидел уличные огни.

А огней не было. Была беспросветная одурманивающая мгла и холод, но холод не только в смысле отсутствия тепла. Каким-то необъяснимым образом я почувствовал, что тут не хватает чего-то еще — быть может, даже всего сущего, точно этот мрак и холод были антиподом предметных форм, света и тепла Земли. Я ощутил, именно ощутил, а не увидел, какое-то движение, какое-то вращение тьмы и холода, словно чья-то таинственная рука смешивала их в невидимом миксере, и они кружились в бешеном водовороте. И глядя в дыру, я почувствовал, как это головокружительное вращение гипнотизирует меня, точно пытаясь заманить поближе и всосать в свою черную бездну, и я в ужасе отпрянул и растянулся на полу.

Я лежал, оцепенев от страха, всем телом ощущая тот пронизывающий холод, а у меня на глазах сомкнулась раздвинутая мною одежда, закрыв собой дыру в стене.

Я медленно поднялся на ноги и, крадучись, двинулся в обход стола, чтобы загородиться от того, что я обнаружил за занавесом.

А что, собственно, я там обнаружил?

Этот вопрос молотком стучал у меня в голове, но ответа на него не было — эта дыра была так же необъяснима, как висевшая в нише одежда.

Я протянул руку к столу в поисках какой-нибудь опоры, чтобы устоять против этой неведомой опасности. Но вместо стола мои пальцы неловко схватились за ящик с бумагами; он опрокинулся, и его содержимое упало на пол. Опустившись на четвереньки, я принялся сгребать в кучу рассыпавшиеся листы. Каждый лист был аккуратно сложен пополам и даже на ощупь в них было что-то официальное — та странная значительность, свойственная самой фактуре бумаги деловых документов.

Поднявшись на ноги, я свалил бумаги на стол и быстро просмотрел их — и все они, все до единой, были документами о передаче права собственности на недвижимое имущество. И все они были оформлены на имя некоего Флетчера Этвуда.

Это имя прозвучало в моем мозгу далеким ударом колокола, и я стал наугад рыться в своей захламленной всякой всячиной и далеко не совершенной памяти, отыскивая конец нити, которая привела бы меня к этому человеку.

Было время, когда имя Флетчера Этвуда что-то для меня значило. Когда-то я был с ним знаком или писал о нем, а может, просто говорил с ним по телефону. Его имя хранилось в каком-то закоулке сознания, но оно было так давно и, возможно даже, сразу забыто, что все обстоятельства, время и место начисто стерлись из моей памяти.

Похоже, это как-то связано с Джой. Она вроде бы однажды упомянула это имя, остановившись на минутку у моего стола, чтобы перекинуться несколькими словами — короткий пустой разговор в напряженной обстановке редакции, где любое имя быстро вытесняется из памяти непрерывным потоком другой информации.

Кажется, она тогда упомянула о каком-то доме — доме, который купил Этвуд.

Вот так я до этого и докопался. Флетчер Этвуд был тем самым человеком, который купил легендарную усадьбу «Белмонт» на Тимберлейн. Тем самым загадочным человеком, который в этом аристократическом предместье казался белой вороной. Который на самом деле никогда не жил в купленном им доме; который лишь время от времени проводил в нем ночь, в лучшем случае неделю, но никогда там не жил по-настоящему. У него не было ни семьи, ни друзей, и он явно избегал заводить знакомства с соседями.

На первых порах жители Тимбер-лейна презирали его — по той простой причине, что некогда усадьба «Белмонт» была центром того переменчивого явления, которое в Тимбер-лейне называлось «светом». Теперь же имя его никогда не упоминалось, во всяком случае, в Тимбер-лейне. Подобно тому, как обходят молчанием грехи молодости.

Так, может быть, это месть? — подумал я, раскладывая под лампой бумаги. Впрочем, едва ли: судя по всему, Этвуда нимало не беспокоило, что о нем думают в Тимбер-лейне.

Стоимость перешедшей в его руки собственности исчислялась миллиардами. Здесь были солидные семейные фирмы с безукоризненной репутацией и чуть ли не вековыми традициями; здесь были небольшие промышленные предприятия, старинные здания, которые с незапамятных времен были достопримечательностью города. И здесь же, черным по белому, тяжеловесным юридическим языком было ясно сказано, что это стало собственностью Флетчера Этвуда. И все эти бумаги были собраны в кучу, ожидая окончательного оформления и отправки в архив.

А тут они находились потому, предположил я, что до сих пор ни у кого еще не нашлось времени, чтобы их систематизировать и спрятать. Потому что у всех было по горло другой работы. Хотел бы я знать, что это за работа, подумал я.

Пусть это было невероятно, но факт оставался фактом: передо мной было самое что ни на есть веское доказательство — пачка официальных документов, из которых следовало, что один-единственный человек купил солидную часть делового района города.

Ни один человек на Земле не мог иметь такого количества денег, какое, как свидетельствовали документы, было уплачено за всю эту собственность. Даже группа людей едва ли могла располагать такой суммой. Но даже если допустить, что такие люди существовали, какова их цель?

Купить весь город?

Ведь передо мной была лишь небольшая пачка документов, которую столь беспечно оставили на столе в открытом ящике, словно им не придавали особого значения. Совершенно очевидно, что в этой конторе их было куда больше. А если Флетчер Этвуд или те, от чьего имени он действовал, купили город, что они собираются с ним делать?

Я положил бумаги обратно в ящик и снова подошел к вешалке.

Подняв голову, я стал разглядывать полку, на которой выстроились шляпы, и вдруг заметил между шляпами какой-то предмет, похожий на картонку из-под обуви.

Быть может, в ней хранились еще какие-нибудь бумаги?

Став на цыпочки, я кончиками пальцев подтянул картонку поближе к краю, наклонил и снял с полки. Она оказалась тяжелее, чем я ожидал. Я отнес ее на стол, поставил под лампу и снял крышку.

Коробка была доверху наполнена куклами, однако эти фигурки не были куклами в полном смысле слова — в них не было той нарочитой примитивности, которая, по нашим понятиям, свойственна любой кукле. Передо мной лежали куклы, настолько сходные с людьми, что невольно напрашивался вопрос, не были ли они и в самом деле людьми, уменьшенными до четырех дюймов, причем так умело, что при этом совершенно не нарушились пропорции.

А на самом верху лежала кукла, как две капли воды похожая на того самого Беннета, который во время пресс-конференции сидел за столом рядом с Брюсом Монтгомери.

11

Меня словно громом сразило, и я остолбенело уставился на эту куклу. И чем больше я на нее смотрел, тем больше находил в ней сходство с Беннетом: передо мной был абсолютно голый Беннет, маленькая кукла-Беннет, которая ждала, чтобы ее одели и посадили за стол заседаний. Он был настолько реалистичным, что я мог представить ползущую по его черепу муху.

Медленно, почти со страхом, словно боясь, что, прикоснувшись к кукле, я обнаружу, что она живая, я протянул руку к коробке и извлек из нее Беннета. Он был тяжелее, чем мне думалось, тяжелее обычной куклы длиной в четыре дюйма. Я поднес его к лампе и окончательно убедился, что предмет, который я держал в руке, был точной копией живого человека. У него были холодные остекленевшие глаза и тонкие, плотно сжатые губы. Череп казался не просто лысым, а каким-то бесплодным, точно на нем сроду не росли волосы. У него было ничем не примечательное тело стареющего мужчины, уже дрябловатое, но еще в приличной форме, которая поддерживается регулярными физическими упражнениями и строго соблюдаемым режимом.

Положив Беннета на стол, я снова потянулся к коробке и на этот раз вытащил прелестную молодую блондинку. Когда я поднес ее к свету, у меня не осталось никаких сомнений — это была не кукла, а точная модель женщины со всеми анатомическими подробностями. Она до такой степени напоминала настоящую девушку, что, казалось, стоит только произнести магическое слово, и она оживет. Она была изящна и прелестна с головы до кончиков пальцев — ни одной нарушенной пропорции, ни намека на гротеск или неестественность, которыми отличаются такого рода изделия.

Положив ее рядом с Беннетом, я запустил руку в коробку и принялся перебирать кукол. Их было довольно много — штук двадцать, а может, и все тридцать, и они представляли разные типы людей. Тут были энергичные молодые бородачи и степенные пожилые люди, холеные красавчики с внешностью прирожденных маклеров, подтянутые де-

ловые женщины, желчные старые девы, всевозможная чиновничья мелюзга.

Оставив в покое кукол, я вернулся к блондинке. Она меня очаровала.

Взяв куклу в руку, я снова осмотрел ее, и, стараясь придать этому осмотру деловой характер, попробовал определить, из какого она сделана материала. Возможно, это была пластмасса, но мне такая никогда не попадалась. Она была тяжелой, твердой и определенно податливой. Если надавить как следует, в ней образовывалась вмятина, но стоило отнять палец, как вмятина моментально исчезала. И в ней чувствовалось какое-то едва ощутимое тепло. Вдобавок у этого материала была одна странная особенность — он был настолько монолитен, что если и была у него какая-нибудь структура, то настолько мелкая, что рассмотреть ее невооруженным глазом было невозможно.

Я снова перебрал лежавшие в коробке куклы и убедился, что все они, без исключения, были выполнены одинаково искусно.

Я положил Беннета и блондинку в коробку и осторожно поставил ее обратно на полку между шляпами.

Попятившись, я обернулся, окинул взглядом контору, и от всего этого сумасшествия у меня голова пошла кругом — от этих кукол, лежавших на полке, от ниши с одеждой, круговорота тьмы и холода в дыре и пачки документов, из которых следовало, что кто-то купил полгорода.

Протянув руку, я задернул занавес. Его половины легко и почти бесшумно соединились, закрыв от меня кукол, одежду и дыру в стене, но безумие осталось со мной. Я почти физически ощущал его присутствие, словно оно было тенью, которая неслышно двигалась во мраке, обступившем со всех сторон круг света под лампой.

Что делает человек, столкнувшись с невероятными, однако совершенно очевидными фактами? — спросил я себя. Ведь то, что я здесь нашел, несомненно существовало; вообразить или, скажем, неверно истолковать можно что-нибудь одно, но все вместе никак не могло быть игрой моего воображения.

Я выключил лампу, и тьма, сомкнувшись, окутала комнату. Не снимая руки с выключателя, я замер и прислушался, но не услышал ни звука.

Я на цыпочках стал пробираться между столами к двери, и с каждым шагом во мне рос ужас перед какой-то неведомой опасностью — пусть воображаемой, но все равно страшной и неотвратимой. Быть может, этот ужас породила мысль о том, что здесь непременно должна таиться какая-то опасность, что все, найденное мною, тщательно скрывалось и что, по логике вещей, здесь обязательно должно быть какое-то защитное устройство.

Я вышел в коридор и, прикрыв дверь в контору, с минуту постоял, прислонившись к стене. Коридор тонул во мраке. Свет горел

только на лестнице, да в окна проникал слабый отблеск уличных огней.

Ни шороха, ни единого признака жизни. С улицы доносились приглушенные расстоянием гудки автомашин, скрип тормозов и веселый женский смех.

И вдруг, по какой-то непонятной причине, я почувствовал, что для меня очень важно выйти из здания никем не замеченным. Как будто это игра, невероятно важная игра, в которой на карту поставлено так много, что я не мог рисковать выигрышем, попавшись кому-нибудь на глаза.

Я прокрался по коридору и уж почти достиг лестницы, как вдруг почувствовал за собой погоню.

«Почувствовал», пожалуй, не то слово. Потому что это было не ощущение, а уверенность. Я не услышал шороха, не заметил никакого движения или мелькнувшей тени. Не произошло ничего, что могло бы меня предостеречь, — только этот прозвеневший в моем мозгу необъяснимый сигнал тревоги.

Обезумев от ужаса, я стремительно обернулся и увидел, что оно уже почти настигло меня — нечто черное, человекоподобное, приближавшееся ко мне с огромной скоростью и совершенно бесшумно. Словно оно, чтобы не было слышно шагов, бежало по воздуху.

Я обернулся так внезапно и резко, что меня отбросило к стене, и эта фигура проскочила мимо, но тут же, молниеносно развернувшись, ринулась обратно. На фоне слабо освещенной лестничной клетки обозначились контуры массивного тела, и передо мной мелькнуло бледное пятно лица. Я инстинктивно выбросил вперед кулак, целясь в это единственное на черном силуэте светлое пятно. Когда мой кулак вмазал в эту бледность, что-то чмокнуло, и от удара у меня заныли костяшки пальцев.

Человек — если это был человек — пошатываясь, отступил назад, а я, последовав за ним, снова размахнулся, и снова раздался этот чмокающий звук.

Человек уже не пятился, а откидывался назад, упершись поясницей в железные перила, которые огораживали площадку от лестничного пролета, откидывался всем корпусом, переваливаясь через перила, и спустя мгновение, раскинув руки, он уже начал свое страшное падение в зияющую пропасть, на дне которой белели мраморные ступени.

Его лицо на миг попало в полосу света, и я успел заметить широко, словно для крика, разинутый рот, но крика не было. Потом он исчез, и до меня донесся тяжелый удар — пролетев футов двадцать, он рухнул на ступени нижнего марша лестницы.

В тот момент, когда я неожиданно столкнулся с этим человеком, меня охватили непередаваемый ужас и отчаяние, а сейчас мне стало дурно от мысли, что я его убил. Я был уверен, что невозможно остаться в живых, упав с такой высоты на каменные ступеньки.

Я ждал, что вот-вот снизу послышится какой-нибудь шум. Но мой слух не уловил ни звука. Стояла такая тишина, будто сам дом затаил дыхание.

У меня взмокли от пота ладони и дрожали колени; еле передвигая ноги, я дотащился до перил и, стиснув зубы, глянул вниз, ожидая увидеть распростертое на ступеньках мертвое тело.

Но там ничего не было.

Человек, который только что отправился навстречу почти неминуемой гибели, бесследно исчез.

Я отпрянул от перил и, громко стуча подошвами, помчался вниз по лестнице, уже не заботясь о том, чтобы производить поменьше шума. А к облегчению, которое я было почувствовал, поняв, что не совершил убийства, уже примешивался новый смутный страх: если он жив, значит, меня по-прежнему где-то рядом подстерегает враг.

Еще не добежав до следующей площадки, я вдруг подумал, не ошибся ли я — может быть, труп все-таки лежит там, и я его просто не заметил. «Но разве можно не заметить распростертое на ступеньках человеческое тело?» — тут же возразил я себе.

И точно. Миновав площадку и свернув за угол, я увидел, что лестница была пуста.

Я остановил свой бег и теперь шел осторожнее, внимательно разглядывая каждую ступеньку, словно это могло дать мне какой-нибудь ключ к разгадке того, что здесь произошло.

И спускаясь по лестнице, я вновь почувствовал запах лосьона — тот самый запах, который исходил от Беннета и который я уловил в конторе, где нашел его кукольного двойника.

На нижних ступеньках и на полу площадки я заметил какое-то мокрое пятно — словно кто-то пролил тут немного воды. Нагнувшись, я провел по нему пальцами — ничего особенного, обыкновенное мокрое пятно. Подняв к лицу руку, я понюхал пальцы: они пахли лосьоном и сейчас запах его был значительно сильнее, чем раньше.

Я увидел, что две полоски этой жидкости тянутся через всю площадку и спускаются по лестнице вниз на следующий этаж, будто кто-то нес здесь стакан с водой, а со стакана непрерывно капало на пол. «Вот он, след того, кто должен был умереть, — подумал я — эта влага и есть тот след, который он после себя оставил».

Ужасом веяло от этой лестничной клетки, такой пустой и тихой, что, казалось, тут вообще не могло быть места каким-либо эмоциям, даже ужасу. Но, возможно, этот ужас отчасти порождала сама пустота, пустота там, где должен был лежать труп, и влажный пахучий след, указывавший путь, по которому он удалился. Ужас с воем впился мне в мозг, и я бросился вниз по ступенькам, уже на бегу пытаясь представить, как мне себя вести, если где-то на лестнице меня подстерегает

этот призрак, и чем мне это грозит; но даже страх перед такой встречей не заставил меня замедлить шаг, и я продолжал с грохотом мчаться вниз, пока не влетел на первый этаж.

Здесь было пусто, если не считать мальчишки-чистильщика, который дремал, откинувшись вместе со стулом к стене, да продавца табачного киоска, читавшего расстеленную на прилавке газету.

Продавец поднял голову, а чистильщик дернулся вперед так, что передние ножки стула громко стукнули об пол, но, прежде чем кто-либо из них успел раскрыть рот, я уже проскочил через вращающуюся дверь и очутился на улице. Сейчас здесь стало еще многолюднее: был вечер пятницы — один из двух вечеров, когда в центральные магазины со всего города стекаются толпы покупателей.

По улице я уже не бежал — здесь я чувствовал себя в относительной безопасности. Остановившись на углу, я оглянулся на «Мак Кендлесс билдинг» и увидел самое обыкновенное здание, старое, изъеденное временем здание, которое отжило свой срок и в недалеком будущем будет снесено. В нем не было ничего таинственного, ничего зловещего.

Но от его вида меня пробрала дрожь, словно меня коснулось ледяное дыхание зимнего ветра.

Я знал точно, в чем я сейчас остро нуждался, и отправился искать бар. Народ только начал собираться, а в полумраке, в глубине бара кто-то играл на пианино. Вернее, не играл, а забавлялся, перебирая клавиши, и время от времени оттуда доносились обрывки каких-то мелодий.

Я прошел в глубь зала, где было поспокойнее, и нашел свободный табурет.

— Что будете пить? — спросил человек за стойкой.

— Виски со льдом, — ответил я. — И лучше сразу двойное. Это избавит вас от лишних хлопот.

— Какой марки?

Я уточнил и это.

Он поставил на стойку стакан и лед, а с полки за баром достал бутылку.

Кто-то сел на соседний табурет.

— Добрый вечер, мисс, — сказал бармен. — Чем могу служить?

— «Манхаттн»[1], пожалуйста.

При звуке этого голоса я обернулся; он чем-то сразу привлек мое внимание.

Так же, как и сама девушка.

Она была поразительно красива, — той нестандартной красотой, при которой полностью сохраняется индивидуальность.

---

[1] «Манхаттн» — коктейль из вермута и виски.

Она, в свою очередь, пристально посмотрела на меня. Глаза ее были холодны как лед.

— Мы с вами где-нибудь встречались? — спросила она.

— Да, — ответил я.

Передо мной, чудесным образом выросшая и сейчас одетая, сидела та самая блондинка, которую я с полчаса назад нашел в коробке из-под обуви.

12

Бармен поставил передо мной стакан с виски и занялся приготовлением коктейля для блондинки.

На его лице была написана скука. Наверняка в этом самом баре у него на глазах не раз подобным образом завязывались случайные знакомства.

— Давно ли? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — В общем-то совсем недавно. Если не ошибаюсь, в одной конторе.

Если она и поняла мой намек, то ничем этого не выдала. Она была чересчур холодной, неприступной и самоуверенной.

Открыв портсигар, она вынула из него сигарету. Постучала ею о крышку, сунула в рот и выжидающе взглянула на меня.

— Извините, — сказал я. — Я не курю. У меня нет при себе спичек.

Она вынула из сумочки зажигалку и дала ее мне. Я щелкнул рычажком — из зажигалки вынырнул маленький язычок пламени. И в тот момент, когда она наклонилась, чтобы прикурить, на меня пахнуло фиалками или какими-то другими цветочными духами. Хотя, пожалуй, это все-таки был запах фиалок.

И тут я понял то, о чем мне следовало бы догадаться с самого начала. От Беннета пахло так вовсе не потому, что он пользовался каким-то лосьоном для бритья, а, наоборот, потому что он им не пользовался. Это был его собственный запах, запах, присущий такого рода организмам.

Прикурив, девушка откинулась назад и сделала первую затяжку. Потом очень изящно выпустила дым из ноздрей.

Я отдал ей зажигалку, и она небрежно бросила ее в сумочку.

— Благодарю вас, сэр, — произнесла она.

Бармен поставил перед ней на стойку коктейль. Напиток выглядел как картинка — его очень украшала брошенная в бокал красная вишенка на черенке.

Я протянул бармену бумажку.

— За виски и коктейль.

— Нет, нет, сэр, — запротестовала она.

— Не огорчайте меня, — взмолился я. — Я обожаю угощать хорошеньких девушек выпивкой. Такая уж у меня слабость.

Она уступила, но ледок в ее глазах до конца не растаял.

— Вы никогда в жизни не курили? — пристально разглядывая меня, спросила она.

Я отрицательно покачал головой.

— А почему? Чтобы сохранить остроту обоняния?

— Сохранить что?

— Остроту обоняния. Я подумала, что, может, по роду работы вам не мешает иметь острое обоняние.

— Я никогда не рассматривал свою работу с такой точки зрения, — сказал я, — но, пожалуй, в этом есть своя правда.

Она подняла бокал к лицу и внимательно посмотрела на меня поверх его края.

— Сэр, — спокойным ровным голосом произнесла она, — вы не хотели бы себя продать?

Боюсь, что на этот раз я оказался не на высоте. У меня аж язык отнялся, и я обалдело вытаращился на нее. Ведь она и не думала шутить; она спросила это вполне серьезно, по-деловому.

— Начнем с миллиона, — продолжала она, — а там можно и поторговаться.

Я уже пришел в себя.

— Вам нужна моя душа? — поинтересовался я. — Или только тело? С душой будет подороже.

— Душу можете оставить себе, — ответила она.

— А кто же это собирается меня купить? Вы?

Она покачала головой:

— Нет. Мне вы не нужны.

— Значит, вы действуете от чьего-то имени? Быть может, от имени того, кто скупает все без разбора? Скажем, магазин, чтобы тут же его закрыть. Или целый город.

— Вы очень догадливы, — заметила она.

— Деньги — это еще не все, — заявил я. — Помимо денег существуют и другие ценности.

— Если хотите, — сказала она, — можно обсудить какую-нибудь иную форму платежа.

Она поставила бокал на стойку и, порывшись в сумочке, протянула мне карточку.

— Если надумаете, найдете меня по этому адресу, — сказала она. — Предложение остается в силе.

Ее точно ветром сдуло с табурета и, прежде чем я успел открыть рот или как-то задержать ее, она уже затерялась в толпе.

Бармен, проплывая мимо, заметил нетронутые напитки.

— Что, выпивка не понравилась, приятель? — спросил он.

— Нет, все нормально, — ответил я.

Я положил карточку на стойку — она легла обратной стороной кверху. Я перевернул ее, и из-за тусклого освещения мне пришлось наклониться, чтобы прочесть, что на ней написано.

Я мог бы и не читать. Ведь я заранее знал, что там увижу. Разница была только в одной строчке. Вместо «Купля-продажа недвижимого имущества» стояло «Мы покупаем все».

Съежившись от пронизавшего мне душу холода, я, точно нахохлившаяся птица, сидел на своем высоком табурете. В баре было так сумрачно, что все виделось словно в тумане; со всех сторон до меня долетали бессвязные обрывки человеческой речи, но в этих звуках почему-то было мало человеческого — скорее они напоминали невнятное урчание каких-то чудовищ или бессмысленные выкрики дегенератов.

И вкрапливаясь в этот шум, то заглушая его, то пробиваясь в щели между фразами, подобно непристойной шутке, нагло дребезжало пианино.

Я залпом выпил виски и остался сидеть со стаканом в руке. Я хотел было заказать еще одну порцию, но бармен уже занялся другими посетителями.

Рядом со мной кто-то навалился на стойку и задел локтем бокал с коктейлем. Он опрокинулся, и жидкость растеклась по полированному дереву как грязное масло; ножка бокала отломилась, а сам он разбился вдребезги. Вишенка откатилась к краю стойки.

— Извините, — сказал этот человек. — Какой же я растяпа. Я закажу вам другой.

— Пустяки, — успокоил я его. — Она все равно не вернется.

Я соскользнул с табурета и пошел к выходу.

Мимо ехало такси; я шагнул к краю тротуара и поднял руку.

13

На небе уже угасли последние отблески дня, и на улицах горели фонари. Я увидел, что часы на углу перед банком показывали почти половину седьмого. Мне следовало поторопиться — на семь у меня было назначено свидание, и Джой здорово раскипятится, если я опоздаю.

— Ночь сегодня будет классная, только на енотов охотиться, — проговорил шофер. — Тепло, тихо, и луна вот-вот взойдет. Я б с удовольствием подался в лес, да мне всю ночь работать. Мы тут с одним парнем завели собаку. Черную, с рыжими подпалинами. А лает-то как — ну просто музыка, такого в жизни не услышишь.

— Выходит, вы охотитесь на енотов, — заметил я с оттенком вопроса. Не потому, что меня это заинтересовало, просто я почувствовал, что от меня ждут какой-то реакции.

Его это вполне устроило. Скорей всего, на большее он и не рассчитывал.

— Это у меня с детства, — пояснил он. — Папаша начал брать меня с собой на охоту, когда мне было лет эдак девять или десять. А это как влезет в душу, так уж на всю жизнь, можете мне поверить. В такую вот ночь прямо изведешься, так в лес тянет. В эту пору в лесу и запах какой-то особенный, и ветер в поредевшей листве шумит по-иному, и чувство у тебя такое, будто вот-вот грянет мороз.

— Где вы охотитесь?

— На западе, милях в сорока — пятидесяти от города. У верховьев реки. Там на дне реки полно бревен.

— И много вы приносите енотов?

— Дело-то, в общем, не в енотах, — ответил он. — Бывает, что несколько раз кряду возвращаешься с пустыми руками. Может, эти еноты только предлог, чтобы побыть ночью в лесу. Мало кто нынче выбирается в лес, что днем, что ночью. И хоть я не из тех трепачей, которые на каждом шагу проповедуют общение с природой, но точно вам скажу — стоит только провести с ней наедине какое-то время, и становишься лучше.

Усевшись поглубже, я перевел взгляд на проплывавшие мимо кварталы. Это был все тот же, хорошо знакомый старый город, однако мне показалось, что сейчас в нем появилось что-то враждебное, словно из затененных дверных ниш темных зданий за мной следили какие-то таинственные злые призраки.

— Вам когда-нибудь случалось охотиться на енотов? — спросил шофер.

— Нет. Иной раз хожу на уток, а иногда езжу в Южную Дакоту стрелять фазанов.

— Ясно, — протянул он. — Утки и фазаны мне тоже по душе. Но еноты совсем другое дело, их ни с чем не сравнишь.

И помолчав немного, добавил:

— Хотя, наверно, каждому свое. Вам вот нравятся фазаны и утки, мне — еноты. А еще я знаю одного совсем древнего старикашку — так он возится со скунсами. И думает, что лучше животных на всем свете не сыщешь. Уж такую он с ними водит дружбу! Могу поклясться, что он с ними даже разговаривает. Пощелкает языком, поворкует что-то, и они уже тут как тут, взбираются к нему на колени, а он их ласково так поглаживает, точно кошек. А потом они еще и домой его проводят — так и бегут следом, как собаки. Ей-богу, прямо глазам не веришь. Аж страшно становится, как он с ними хороводится. Он живет на холмах у реки — у него там домишко, а округа кишмя кишит этими скунсами. Он пишет о них книгу. Сам видел, он мне ее показывал. А пишет он карандашом, в самом простом грошовом блокноте — такой грубой бумагой ребятишки в школе пользуются для черновиков. Сидит себе, согнувшись над столом, и строчит эту свою книгу огрызком

карандаша, который то и дело приходится слюнить, чтобы писал поясснее, а на столе старый фонарь коптит. Но уверяю вас, мистер, ни черта у него не получится, одно правописание чего стоит — жуть. А жаль. Знатная бы вышла книга.

— Так оно всегда и бывает, — заметил я.

Некоторое время он вел машину молча.

— Ваш дом, кажется, на следующем квартале, верно? — спросил он.

Я ответил утвердительно.

Он затормозил перед домом, и я вылез из машины.

— Может, как-нибудь вечерком махнем вместе на охоту? — спросил он. — Так часиков в шесть, к вечеру.

— Что же, неплохо бы, — согласился я.

— Меня зовут Ларри Хиггинс. Найдете в телефонной книге. Звоните в любое время.

Я пообещал, что непременно позвоню.

14

Поднявшись на свой этаж, я обнаружил, что вырезанный на ковре полукруглый лоскут вернулся на место. Я вполне мог бы этого не заметить, потому что лампочка под потолком светила еще слабее — если такое вообще возможно.

Я едва не вступил в этот полукруг, но тут вдруг увидел, что ковер починен. Ни о каких коврах я в тот момент не думал. И без них хватало тем для размышлений.

Я остановился как вкопанный перед тем местом, где раньше был вырез, точно человек, подошедший вплотную к черте, за которой начинается опасная зона. И что странно — вырез был заделан не новой ковровой тканью, а такой же старой, вытертой и грязной, как весь остальной ковер.

Неужели, подумал я, сторож все-таки нашел в каком-нибудь углу тот самый лоскут, который был вырезан из ковра?

Чтобы получше разглядеть его, я опустился на колени — от разреза не осталось и следа. Словно это мне раньше просто померещилось. Я не увидел никаких швов — ничего, что свидетельствовало бы о том, что этот лоскут вшивали.

Я провел рукой по тому месту, где недавно был полукруглый вырез, и моя рука нащупала самый обыкновенный ковер. Ковер, а не прикрывавшую капкан бумажную подделку. Я ощущал пальцами фактуру ткани, ее толщину и упругость — вне всякого сомнения, это была самая настоящая ковровая ткань.

И все-таки я ему не доверял. Однажды этот ковер уже чуть не подвел меня, и я отнюдь не собирался вторично попасться на эту

удочку. Так я и стоял там на коленях, а с потолка мне в затылок неслось тоненькое комариное пение электрической лампочки.

Я медленно встал, нашел ключ и, чтобы отпереть дверь, подался вперед всем телом, оставив ноги за пределами подозрительного участка ковра. Если б меня в тот момент кто-нибудь увидел, то наверняка решил бы, что я свихнулся: чтобы отпереть дверь, человек тянется к ней чуть ли не с середины коридора.

Замок щелкнул, дверь открылась, и я, благополучно перепрыгнув через вставленный кусок ковра, очутился в квартире.

Закрыв за собой дверь, я привалился к ней спиной и включил свет.

Вот она, моя квартира, которая, как всегда, преданно ждала меня. Символ безопасности и удобства, мой дом.

Но этой квартире, напомнил я себе, осталось пробыть моим домом меньше трех месяцев.

«А что потом? — спросил я себя. — Что будет потом? И не только со мной, а со всеми этими людьми? Что будет с городом?»

«Мы покупаем все» — стояло на карточке. Это звучало как реклама давнишнего старьевщика, который в свое время покупал все, что ему притащат — бутылки, кости, всякую рвань. Только старьевщик был честным покупателем. Он покупал ради прибыли. А с какой целью покупали эти люди? Для чего, спрашивается, покупал Флетчер Этвуд? Ясно, что не ради прибыли, если он платил больше, чем того стоил, к примеру, магазин или дом, а потом не пользовался своей покупкой.

Я бросил пальто на стул. Туда же полетела и шляпа. Из ящика письменного стола я достал телефонную книгу и перелистал ее до фамилии Этвуд. Этвудов там было пруд пруди, но ни одного из них не звали Флетчером. В книге не было ни одного Этвуда, имя которого хотя бы начиналось с буквы Ф.

Я позвонил в справочную.

Девушка просмотрела списки абонентов и мелодично пропела:

— У нас такой не значится.

Я был поставлен перед фактами, которые взывали к немедленным действиям, но с какого боку к этому подступиться? А если уж решишься этим заняться, то что именно следует предпринимать? И что вообще можно сделать, когда кто-то покупает город?

Но прежде всего — как все это рассказать, чтобы тебе поверили?

Я перебрал несколько человек, но не нашел ни одной подходящей кандидатуры. Взять, к примеру, Старика — ему бы я выложил все без остатка, хотя бы потому, что я на него работал. Но ведь за один только намек на то, что происходит, он запросто может меня уволить как последнего кретина и бездаря.

Можно было обратиться к мэру, к шефу полиции или еще какому-нибудь блюстителю закона, вроде прокурора округа или министра юстиции, но если я шепну кому-нибудь из них хоть полслова, меня

быстренько выставят за дверь как очередного сумасшедшего или упрячут за решетку.

Есть еще сенатор Роджер Хилл, вспомнил я. Вот кто меня может выслушать.

Я протянул было руку к трубке, но сразу же отдернул ее.

Что все-таки я скажу ему, когда меня соединят с Вашингтоном?

Я мысленно представил, как будет выглядеть мое сообщение.

«Знаешь, Родж, кто-то пытается купить город. Я тайком пробрался в контору и нашел там подтверждающие это документы. И еще там была вешалка с одеждой, коробка из-под обуви, полная кукол, и большая дыра в стене...»

Слишком уж все это было нелепо, слишком фантастично, чтобы хоть один человек отнесся к этому серьезно. Явись ко мне кто-либо с подобной историей, я бы сам решил, что у этого типа не все дома.

Прежде чем к кому-нибудь обращаться, мне необходимо собрать побольше доказательств. Я должен выяснить все до конца. Чтобы я мог сообщить, кто этим занимается, как и с какой целью, причем разузнать об этом я должен поскорее. Я уже решил, с чего начать — с Флетчера Этвуда. Где бы он ни был, его нужно найти. О нем мне были известны два факта: у него не было телефона и несколько лет назад он купил усадьбу «Белмонт» в предместье Тимбер-лейн. Правда, не совсем ясно, жил ли он там когда-нибудь, но тем не менее с этого можно было начать. Даже если его сейчас там нет, даже если его там вообще никогда не было, не исключено, что какая-нибудь найденная в доме мелочь может навести на его след.

На моих часах было без четверти семь — пора было ехать за Джой, и у меня не осталось времени сменить костюм. Чтобы Джой не ворчала, я надену чистую рубашку и свежий галстук, а остальное сойдет и так. В конце концов, не кутить же мы собрались — мы ведь ехали просто поужинать.

Войдя в спальню, я не стал включать лампу — из двери гостиной сюда падала широкая полоса света. Из ящика туалетного столика я достал рубашку, сорвал с нее целлофановую упаковку, в которой ее вернула прачечная, и вытащил из нее картонную прокладку. Встряхнув рубашку, я бросил ее на спинку стула и направился к стенному шкафу за галстуком. И уже потянув к себе дверцу, я вдруг сообразил, что здесь темно и нужно включить свет, иначе я не смогу выбрать галстук.

Я успел приоткрыть дверцу шкафа на какой-нибудь фут, а вспомнив про свет, я снова закрыл ее. Сам не знаю, почему я так сделал. Ведь отойдя на секунду к выключателю, я вполне мог бы оставить шкаф открытым.

И за то мгновение, пока он был открыт, я увидел, или почувствовал, или услышал — уже не знаю, как объяснить это ощущение, — что в темноте шкафа что-то копошится. Словно в нем меня поджидала ожившая одежда; словно галстуки на вешалке превратились в змей, висев-

ших неподвижно, как галстуки, до той поры, пока не наступит время нанести удар. Если б я попытался захлопнуть дверцу только после того, как заметил в шкафу какое-то движение, пожалуй, было бы уже слишком поздно. Но я закрыл ее вовсе не потому, что там что-то двигалось. Я начал закрывать дверцу еще до того, как в шкафу что-то зашевелилось — во всяком случае раньше, чем это дошло до моего сознания.

Я попятился через всю комнату — подальше от этого кошмара, который корчился и извивался за дверцей шкафа, и в душу мне ворвался ужас, тот отчаянный, клокочущий ужас, который может охватить человека, когда на него с ненавистью оскаливается его собственный дом.

Но невзирая на этот леденящий кровь ужас, я все-таки пытался убедить себя в том, что тут какая-то ошибка: может случиться все, что угодно, только не это. Ваш стул может вырастить челюсти и укусить вас, когда вы на него присядете; у вас из-под ног могут предательски уползать коврики; на вас может напасть ваш собственный холодильник; но ничего подобного не может произойти со стенным шкафом. Ведь шкаф — это как бы часть человека. Человек хранит в нем свою вторую, искусственную кожу, и поэтому со шкафом у него более близкие, более интимные отношения, чем со всей остальной обстановкой его жилья.

Но даже в тот момент, когда я, пытаясь свалить все на свое больное воображение, убеждал себя, что этого не может быть, из-за закрытой дверцы шкафа явственно слышался какой-то шорох и лихорадочная возня.

Быть может, это покажется странным, но что-то неодолимо влекло меня к этому месту; словно завороженный, я почти с неохотой попятился, переступил порог спальни и остановился у двери, не в силах оторвать взгляд от мрака, в котором копошилось это таинственное нечто. Да, там что-то было: если я не сошел с ума и меня не обманывали все мои органы чувств, там несомненно что-то было.

То, что составляло единое целое с замаскированным капканом и обыкновенной коробкой из-под обуви, наполненной необыкновенными куклами.

«Но почему это случилось именно со мной?» — спросил я себя. Спору нет — после того, как я взломал дверь конторы, нашел кукол и встретил девушку, заказавшую коктейль, это было бы логично. Эти события вполне могли привлечь ко мне внимание. Но началось-то с капкана — ведь капкан появился еще до того, как произошло все остальное.

Я напряг слух, но либо, как только я оттуда ушел, шорох стих, либо я стоял слишком далеко — сейчас я ничего не услышал.

Я подошел к шкафчику, в котором хранил оружие, отпер нижний ящик, достал из него автоматический пистолет и коробку с патронами, заполнил обойму и вставил ее на место. Остальные патроны я высыпал из коробки на ладонь и отправил их в карман.

Надев пальто, я опустил пистолет в правый карман. И стал искать ключи от машины: я решительно собрался уходить.

Ни в карманах пальто, ни в карманах пиджака и брюк ключей не оказалось. Тут было кольцо с ключами от входной двери, от шкафчика с оружием, от моего редакционного стола, от моего сейфа в банке; помимо этого, на нем болталось еще с полдюжины ключей от давным-давно не существующих замков — неизменная причудливая коллекция бесполезных ключей, с которыми человек обычно никак не может расстаться.

Все это было при мне, а ключи от машины бесследно исчезли.

Я осмотрел мебель, обшарил письменный стол. Поискал в кухне. Ключей нигде не было.

И уже стоя в кухне, я наконец вспомнил, где их оставил. Теперь я знал точно, где они. Перед моим мысленным взором возник приборный щиток, брелок с висящим на нем ключом от багажника и ключ зажигания, аккуратно вставленный в замок. Приехав сегодня к вечеру домой, я оставил их в машине. Да, вне всякого сомнения, я оставил их в машине, а такого со мной почти никогда не случалось.

Я направился к двери, но, сделав несколько шагов, остановился. Я вдруг со всей ясностью осознал, что не в силах заставить себя пойти на темную стоянку и приблизиться к машине, в замке которой уже торчит ключ.

Это было нелогично. Это было просто дико. Но я ничего не мог с собой поделать. Ничего. Не будь в машине ключей, я пошел бы, не задумываясь. А то, что ключи были уже там, по какой-то непонятной, совершенно необъяснимой причине меняло все дело и внушало страх.

Ужас сковал и обезоружил меня. Я заметил, что у меня дрожат руки — но заметил только тогда, когда на них взглянул.

Часы показывали семь — Джой уже ждала меня. Она обидится, и будет права.

«Ни минутой позже, — предупреждала она. — Я уже успею как следует проголодаться».

Я подошел к письменному столу и протянул руку к телефону, но она замерла в воздухе, еще не коснувшись трубки. Мой мозг вдруг пронзила страшная мысль. А что, если телефон уже перестал быть телефоном? Что, если все предметы в этой комнате только кажутся тем, чем они должны быть? Что, если все это за последние несколько минут превратилось в адские машины?

Опустив руку в карман, я вытащил пистолет и осторожно ткнул дулом в аппарат, но он не обернулся каким-нибудь неведомым живым существом. Передо мной был самый обыкновенный телефон.

Все еще сжимая в руке пистолет, я другой рукой поднял трубку, положил ее на стол и набрал номер.

И уже поднеся трубку к уху, я спросил себя, что же мне все-таки ей сказать.

Эта проблема разрешилась довольно просто: я назвал себя.

— Почему ты задерживаешься? — сладким голоском спросила она.

— Джой, у меня неприятности.

— Что там стряслось на этот раз?

Это уже было нечестно. Неприятности у меня случались крайне редко.

— Я говорю серьезно, — сказал я. — Мне грозит опасность. Я не могу поехать с тобой в ресторан.

— Маменькин сынок, — фыркнула она. — Я сама за тобой заеду.

— Джой! — вскричал я. — Погоди! Ради бога, выслушай меня. Держись от меня подальше. Поверь, я знаю, что делаю. Тебе нельзя со мной встречаться.

— В чем дело, Паркер? Что это за неприятности?

Голос ее звучал еще спокойно, но я уже уловил в нем тревожные нотки.

— Не знаю! — в отчаянии воскликнул я. — Понимаешь, что-то происходит. Что-то опасное и непонятное. Ты мне не поверишь, если я расскажу тебе. И никто не поверит. Я займусь расследованием, но мне не хочется замешивать в это тебя. Может быть, завтра я сам себе покажусь полнейшим болваном, но...

— Паркер, ты трезв?

— К величайшему сожалению, — ответил я.

— А ты здоров? Как ты себя чувствуешь, вот прямо сейчас?

— Прекрасно, — сказал я. — Только что-то скрывается в стенном шкафу, а в коридоре за дверью недавно стоял капкан, и еще я нашел коробку с куклами...

Я осекся, и мне захотелось вырвать себе язык. Черт меня дернул заговорить об этом. Ведь я не собирался ей ничего рассказывать.

— Никуда не уходи, — приказала она. — Через минуту я буду у тебя.

— Джой! — крикнул я. — Джой, не делай этого!

Но телефон молчал.

Я в отчаянии бросил трубку, но тут же снова поднял ее и набрал номер Джой.

«Безмозглый кретин», — обругал я себя. Я обязан был как-то остановить ее.

В трубке раздались гудки. Они следовали бесконечной чередой, и в их звуке была какая-то пугающая пустота. Гудок за гудком, гудок за гудком — и никакого ответа.

Я ел себя поедом за то, что проговорился. Мне следовало притвориться мертвецки пьяным, показать ей, что я непригоден ни для каких выездов; обидевшись, она бы наверняка бросила трубку — и тогда все было бы в порядке. Или на худой конец я должен был придумать какую-нибудь более или менее правдоподобную историю, но на это у меня не оставалось времени. Вдобавок от страха у меня в голове была

полная каша. Я и сейчас еще был слишком испуган, чтобы как следует собраться с мыслями.

Положив трубку на рычаг, я схватил шляпу и бросился к двери. У самого порога я на секунду остановился и, обернувшись, окинул взглядом комнату. И теперь она показалась мне совсем чужой, словно я попал сюда случайно и вижу ее впервые, и из всех углов мне слышался какой-то шелест, шепот и едва уловимый шорох.

Я распахнул дверь, вылетел в коридор и с топотом помчался вниз по лестнице. И даже на бегу меня мучила мысль: какая же часть этого едва уловимого скользящего шороха, наполнявшего комнату, существовала в действительности, а какая — в моем воображении?

Я миновал вестибюль, выскочил из дома и через секунду уже был на тротуаре. Стоял теплый безветренный вечер, в воздухе тянуло дымком тлеющих листьев.

На улице послышалось какое-то постукивание — странный быстрый, ритмичный перестук — и из-за угла дома, из аллеи, которая вела к стоянке, показался огромный пес. Он был в благодушном настроении, помахивал хвостом, и в его подпрыгивающей походке сквозила даже некоторая игривость. Размером он был с теленка, лохмат до бесформенности и, казалось, будто он вынырнул прямо из лучей сегодняшнего послеполуденного осеннего солнца.

— Здравствуй, песик, — сказал я, и он подбежал ко мне, со счастливым видом уселся у моих ног и в собачьем экстазе заколотил своим пушистым хвостом по асфальту.

Я протянул было руку, чтобы погладить его, но не успел — по улице с рокотом мчалась машина; она круто развернулась и остановилась как раз напротив нас.

Открылась дверца.

— Садись, — приказал голос Джой. — И поехали отсюда.

15

Мы ели при свечах, в каком-то ином мире, в одном из тех немыслимых старомодных ресторанчиков, которые, видно, пользовались особой симпатией Джой, — мы не поехали в тот новый, только что открывшийся ночной клуб на Пайнкрест-драйв. Вернее сказать, ела одна Джой. Я не проглотил ни кусочка.

Сам черт не разберет, что за народ эти женщины. Я рассказал ей все. Я по своей дурости так много сболтнул ей по телефону, что мне уже некуда было деваться и пришлось рассказать ей все остальное. Вообще-то у меня не было причин скрывать от нее мои приключения, но, рассказывая, я чувствовал себя преглупо. А она в это время ела, спокойно и с удовольствием, как всегда, — будто я выкладывал ей какие-нибудь последние редакционные сплетни.

Она держалась так, словно не верила ни единому моему слову, хотя я убежден в обратном. Быть может, увидев, что я взволнован (а кто на моем месте не был бы взволнован?), она просто исполняла женский долг, пытаясь успокоить меня своей невозмутимостью.

— Поешь, Паркер, — попросила она. — Что бы там ни происходило, ты должен поесть.

Я взглянул на свою тарелку, и меня замутило.

Не от вида еды, а от одной только мысли о ней. Кстати, при свечах даже толком и не разглядишь, что лежит у тебя на тарелке.

— Джой, почему я побоялся выйти на стоянку? — спросил я.

Вот что не давало мне покоя. Вот что меня грызло.

— Потому что ты трус, — ответила она.

Легче мне не стало.

Я вяло ковырнул еду. Вкус у нее был точь-в-точь как у пищи, которую невозможно оценить взглядом.

Убогий дребезжащий оркестрик заиграл новую мелодию — как раз под стать такому вот заведению. Я окинул взглядом зал и вспомнил о шорохе за дверью стенного шкафа — да ведь такого и быть не может! В подобной обстановке это походило на какой-то кошмар, который изредка можно увидеть лишь во сне.

Но я знал, что то был не сон. Я знал, что это произошло наяву. За пределами этой, созданной человеком, пресыщающей, усыпляющей эмоции теплицы существовало нечто такое, с чем еще никто никогда не сталкивался. То, чего я едва коснулся, а может, и увидел, но лишь мельком, да и то самый краешек.

— Какие у тебя планы? — спросила Джой, словно прочтя мои мысли.

— Пока никаких, — ответил я.

— Ты репортер, — сказала она, — и для тебя это золотая жила. Но будь осторожен, Паркер.

— Можешь не сомневаться.

— Как ты думаешь, что это такое?

Я пожал плечами.

— Ты в это не веришь, — сказал я. — Впрочем, я и сам сейчас не представляю, как в это можно поверить.

— Я верю твоим словам. Но насколько правильно ты истолковал эти события?

— Я не могу истолковать их по-иному.

— В первый вечер ты был пьян. Пьян в стельку, как ты сам сознался. Капкан...

— Но ведь из ковра был вырезан кусок. Я видел это, когда уже совершенно протрезвел. И в конторе...

— Не все сразу, — перебила она. — Давай разберемся по порядку. Тебе нельзя разбрасываться. А то покатишься по неверному пути.

— Вот оно! — вскричал я.

Ведь я начисто об этом забыл.

— Не кричи, — попросила она. — Ты привлекаешь к нам внимание.

— Кегельные шары, — пояснил я. — Как это я забыл о них. Были же еще кегельные шары, которые сами собой катились по дороге.

— Паркер!

— В Тимбер-лейне. Мне сообщил об этом по телефону Джо Ньюмен.

Она сидела напротив, по ту сторону стола, и по ее лицу я увидел, что она не на шутку перепугалась. Она стойко выдержала все остальное, но кегельные шары оказались самой последней соломинкой. Она уже не сомневалась, что я сошел с ума.

— Прости, — как можно мягче произнес я.

— Но, Паркер! Где это видано, чтобы по дороге катились кегельные шары.

— Один за другим. Торжественной вереницей.

— И их видел Джо Ньюмен?

— Нет, не Джо. Их видели какие-то школьники. Они позвонили в редакцию, а Джо в свою очередь позвонил мне. Я посоветовал ему выбросить это из головы.

— Их видели около усадьбы «Белмонт»!

— Ты угадала, — ответил я. — Понимаешь, это звенья одной цепи. Не могу тебе объяснить, но уверен, что все эти события каким-то образом связаны между собой.

Я оттолкнул тарелку и вместе со стулом отодвинулся от стола.

— Куда ты собрался, Паркер?

— Во-первых, я хочу отвезти тебя домой, — сказал я. — Потом, если ты одолжишь мне свою машину...

— Разумеется, но... О, понимаю — усадьба «Белмонт».

16

Усадьба «Белмонт» массивным черным кубом возвышалась среди таких же черных деревьев. Она стояла на вершине невысокого холма, мысом вдававшегося в озеро, и, остановив машину, я услышал плеск набегавших на берег волн. Сквозь ветви деревьев поблескивала в лунном свете водная гладь, а наверху, под самой крышей, лунный блик играл на стекле слухового окошка, но сам дом и сторожившие его деревья тонули во тьме. В безмолвии ночи шорох высыхающих листьев звучал, как крадущиеся шажки множества маленьких ног.

Я вылез из машины и, стараясь не стучать, осторожно закрыл дверцу. И закрыв ее, немного постоял, разглядывая дом. Нельзя сказать, что мне было страшно. Недавний ужас почти отпустил меня. Однако я не ощущал в себе и избытка храбрости.

«Тут ведь могут быть ловушки, — мелькнуло у меня. — Не такие, как тот замаскированный капкан перед моей дверью, а какие-нибудь другие. Коварные, дьявольские ловушки».

Но я с ходу выбранил себя за такие дурацкие домыслы. Ведь если рассудить здраво, вне дома не должно быть никаких ловушек. Иначе в эти ловушки могли бы попасться совершенно невинные люди: те, кто, выбрав кратчайший путь к озеру, пересекали бы владение Этвуда; или дети, которым захотелось бы поиграть в таком соблазнительном месте, около пустующего заброшенного дома, что привлекло бы к этому дому нежелательный интерес. Если и были тут какие-нибудь ловушки, их расставили в самом доме. Однако, если учесть все обстоятельства, это тоже маловероятно. Ведь в своем собственном доме они — кем бы они ни были — могут и без ловушек разделаться с незваным гостем. «И вообще может оказаться, — подумал я, — что я как последний дурак заблуждаюсь, считая, что усадьба «Белмонт» имеет какое-то отношение к последним событиям. Но все равно я должен пойти и взглянуть, что там делается, я должен знать, я должен довести дело до конца и исключить это подозрение, иначе меня вечно будет терзать мысль, не проморгал ли я какие-нибудь важные улики».

Напрягшись всем телом, я зашагал по дорожке; спина моя сгорбилась, словно в ожидании неизвестно откуда грозившего нападения. Я попробовал распрямиться, но не тут-то было — спина так и осталась согнутой.

Я поднялся по лестнице и остановился перед парадной дверью, раздираемый сомнениями, споря с самим собой. И, наконец, решил пойти по честному пути — позвонить или постучать в дверь. Поискав, я нашарил в темноте звонок. Кнопка едва держалась и завихлялась под моими пальцами; я понял, что звонок не работает, но все-таки нажал ее. Звонок молчал: из дома не донеслось ни звука. Я снова надавил на кнопку и долго не отпускал ее, но звонка не было. Тогда я постучал, и в ночной тишине этот стук прозвучал как-то особенно громко.

Я подождал, но ничего не произошло. Правда, в какой-то момент мне вроде бы послышались шаги, но звук не повторился, и я понял, что мне это почудилось.

Спустившись с крыльца, я обошел вокруг дома. За кустами, некогда посаженными вдоль фундамента, уже много лет никто не ухаживал, и они разрослись в густую, непроходимую изгородь. Под ногами шуршали опавшие листья, а в воздухе ощущались присущие осени едкость и острота.

Ставни пятого из обследованных мною окон были едва прикрыты. А само окно незаперто.

«Как-то все очень просто, — подумал я. — Даже чересчур. Если я искал ловушку, то лучшего места для нее не придумаешь».

Я поднял оконную раму, замер и прислушался: ничего. Стояла полная тишина. Только лениво плескались о берег волны, да ветер резвился

в сухой, еще не опавшей листве. Я сунул руку в карман пальто и нащупал пистолет и карманный фонарик, который прихватил с собой из машины Джой.

Я подождал еще, собираясь с духом. Потом перемахнул через подоконник и очутился в доме.

Я сразу метнулся в сторону и прижался к стене, чтобы мой силуэт не маячил на фоне открытого окна. Немного постоял так, выпрямившись и стараясь не дышать, чтобы не пропустить ни малейшего звука.

Ни движения. Ни шороха. Ничего.

Я вытащил из кармана фонарик, включил его и провел лучом по комнате. Я увидел одетую в чехлы мебель, картины на стенах и какой-то призовой кубок, стоявший на каминной полке.

Я погасил фонарик и быстро скользнул вдоль стены — на тот случай, если кто-то или что-то прячется среди этой зачехленной мебели и решит вдруг на меня напасть.

Никто не собирался на меня нападать.

Я выждал еще какое-то время.

Комната по-прежнему оставалась комнатой, и только.

Я на цыпочках пересек ее и вышел в вестибюль. Нашел кухню, столовую и кабинет, где в беззубой старческой улыбке на меня ощерились пустые книжные полки.

Я не обнаружил ничего интересного.

Пол был покрыт толстым слоем пыли, и за мной тянулся след. Вся мебель была укутана чехлами. В воздухе попахивало плесенью. Отовсюду веяло заброшенностью, как в доме, который хозяева, неведомо почему, вдруг покинули и больше ни разу не возвращались.

«Я и впрямь свалял дурака, приехав сюда», — обругал я себя. Ведь здесь не было ничего подозрительного. Я просто пошел на поводу своего разыгравшегося воображения.

«Но раз уж я здесь, — подумал я, — мне нужно с толком использовать свой визит и довести дело до конца». Пусть я сглупил, приехав сюда, все равно нельзя уехать, не осмотрев остальную часть дома — верхний этаж и подвал.

Я вернулся в вестибюль и начал подниматься по лестнице, эдакому винтовому сооружению с поблескивавшими в темноте перилами и столбиками.

Когда я уже поставил ногу на третью ступеньку, меня вдруг остановил чей-то голос.

— Мистер Грэйвс, — произнес голос.

Это был мягкий интеллигентный голос, и говорил он самым естественным, нормальным тоном. И хотя я уловил в нем вопросительные интонации, вопрос этот был чисто риторическим. У меня встали дыбом волосы, и миллионы игл вонзились в кожу головы.

Я мгновенно обернулся, судорожно хватаясь за пистолет, оттягивавший мне карман.

Когда я его уже наполовину вытащил, голос заговорил снова.

— Я — Этвуд, — сказал голос. — Приношу свои извинения за испорченный звонок.

— Я еще и стучал.

— Я не слышал вашего стука. Я работал в подвале.

Я уже разглядел в вестибюле его темную фигуру. Я разжал пальцы, и пистолет скользнул обратно в карман.

— Мы можем спуститься в подвал, — предложил Этвуд, — и славно побеседовать. Эта лестница едва ли подходит для продолжительного разговора.

— Как вам будет угодно, — сказал я.

Я сошел со ступенек, и он повел меня через вестибюль к двери в подвал.

Горевшая внизу лампа заливала светом лестничную клетку, и теперь я его рассмотрел как следует. Внешность у него была самая заурядная — спокойный, приятный мужчина, типичный делец.

— Мне здесь нравится, — заметил Этвуд, легко и беззаботно спускаясь по ступенькам. — Прежний хозяин оборудовал в подвале комнату для развлечений, которая из всех помещений этого дома, по-моему, наиболее пригодна для жилья. Может потому, что сам дом очень стар, а эта комната оборудована совсем недавно.

Мы спустились до конца лестницы, свернули за угол и очутились в комнате для развлечений.

Это было обширное длинное помещение, тянувшееся через весь подвал; в каждом конце его было по камину, а на выложенном красной плиткой полу в беспорядке расставлена кое-какая мебель. У одной стены стоял письменный стол, заваленный бумагами, а в противоположной стене чернела дыра — просверленная в стене круглая дыра такого диаметра, что в нее свободно мог пройти кегельный шар, и из нее дул холодный ветер, леденивший мне лодыжки. А в воздухе едва ощутимо попахивало тем самым лосьоном для бритья.

Уголком глаза я заметил, что Этвуд наблюдает за мной. Я попытался справиться со своим лицом — не превратить его в застывшую маску, а придать ему то выражение, которое, как мне казалось, было ему свойственно в повседневной жизни. И мне, видно, это удалось, потому что на лице Этвуда не мелькнуло и тени улыбки, которую он вряд ли бы скрыл, подметив во мне признаки замешательства или страха.

— Вы правы, — произнес я. — Здесь и впрямь очень уютно.

Я сказал это только, чтобы нарушить молчание. Комната была совершенно нежилой, во всяком случае, по человеческим канонам. Пыль здесь лежала почти таким же толстым слоем, как и наверху, повсюду валялся разнообразный хлам, в углах скопились кучи мусора.

— Не хотите ли присесть? — спросил Этвуд.

Он указал на стул с мягкой обивкой, стоявший наискосок от стола.

Я направился к нему, и у меня под ногами что-то зашуршало. Тут я увидел, что ступаю по валявшемуся на полу большому измятому куску почти прозрачной полиэтиленовой пленки.

— Осталось от прежнего хозяина, — небрежно бросил Этвуд. — Надо бы наконец навести здесь чистоту.

Я сел на предложенный мне стул.

— Позвольте ваше пальто, — сказал Этвуд.

— Пожалуй, я не сниму его. У вас тут вроде откуда-то дует.

Я не спускал глаз с его лица — оно не дрогнуло.

— Быстро же вы все подмечаете, — благодушно заметил Этвуд без намека на угрозу. — Быть может, даже слишком быстро.

Я промолчал, и он заговорил снова:

— Однако я рад, что вы пришли. Не часто встретишь такого проницательного человека.

— Уж не собираетесь ли вы предложить мне работу в вашей организации? — ехидно спросил я.

— Эта мысль, — невозмутимо ответил Этвуд, — уже посещала меня.

Я покачал головой.

— Вряд ли я вам нужен. Ведь город вы уже купили, и, надо сказать, неплохо с этим справились.

— Город! — оскорбленно вскричал Этвуд.

Я кивнул.

Он рывком отодвинул от стола стул и осторожно опустился на него.

— Я вижу, что вы ничего не понимаете, — произнес он. — Придется вам все разъяснить.

— Валяйте, — сказал я. — Для этого я и пришел.

Этвуд с серьезным видом подался вперед.

— Не город, — проговорил он тихим напряженным голосом. — Не цените меня слишком дешево. Нечто гораздо большее, чем город, мистер Грэйвс. Гораздо большее. Полагаю, я ничем не рискую, открыв вам это, — ведь теперь меня уже никто не может остановить. Я покупаю Землю!

17

Есть идеи, настолько чудовищные, настолько противоестественные и возмутительные, что человеку нужно какое-то время, чтобы вникнуть в их смысл.

К таким вот идеям относится предположение, что у кого-нибудь может зародиться мысль — пусть только одна мысль — попытаться купить Землю. Завоевать ее — это куда ни шло, ведь это добрая старая традиционная идея, которую вынашивали многие представители человечества. Уничтожить Землю — это тоже можно понять, потому что

были и есть безумцы, которые если и не кладут угрозу всеобщего уничтожения в основу своей политики, то, во всяком случае, используют ее в качестве дополнительной точки опоры.

Но купить Землю — это не укладывалось в сознании.

Прежде всего, Землю купить невозможно — ведь ни у кого не найдется такого количества денег. А если б и объявился такой богач, все равно это бред сумасшедшего, — что бы этот человек стал делать с Землей, купив ее? И, наконец, это было неэтично и шло вразрез с традициями: настоящий бизнесмен никогда не уничтожает всех своих конкурентов. Он может их поглотить, установить над ними контроль, но отнюдь не уничтожить.

Этвуд балансировал на краешке стула, как встревоженная хищная птица — должно быть, в моем молчании он уловил осуждение.

— Тут комар носа не подточит, — проговорил он. — Все совершенно законно.

— Возможно, — выдавил я.

Однако я чувствовал, что тут есть, к чему придраться. Если б мне удалось выразить это словами, я бы сумел объяснить ему, что здесь не так.

— Мы действуем в рамках социального устройства человеческого общества, — продолжал Этвуд. — Наша деятельность базируется на ваших принципах и законах, которые мы соблюдаем со всей строгостью. Мало того, мы придерживаемся ваших обычаев. Мы не нарушили ни одного. Я уверяю вас, друг мой, что это не так-то просто. Крайне редко удается провести подобную операцию, не нарушая обычаев.

Я попытался что-то сказать, но слова лишь булькнули в горле, да там и остались. Впрочем, это не меняло дела. Я ведь фактически даже не знал, что это были за слова.

— В наших деньгах и ценных бумагах нет ни единого изъяна, — заявил Этвуд.

— Как сказать, — возразил я. — Что касается денег, то у вас их слишком много, чересчур много.

Но беспокоила меня вовсе не мысль о чрезмерном количестве денег. Меня встревожило что-то другое. Нечто куда более важное, чем эта денежная вакханалия.

Меня насторожили кое-какие его слова и то, как он их употреблял. То, как он произносил слово «наше», будто имея в виду себя и каких-то своих сообщников; то, как он употреблял слово «ваше», как бы подразумевая под этим все человечество, за исключением некоей группы себе подобных. И то, как он особо подчеркнул, что действует в рамках социального устройства человеческого общества.

Мой мозг словно раскололся надвое. И одна его половина вопила от ужаса, а другая призывала к благоразумию. Ибо мысль, пронзившая его, была настолько чудовищной, что сознание отказывалось ее воспринимать.

Теперь он уже улыбался, и при виде этой улыбки меня внезапно захлестнула неодолимая, слепящая ярость. Вопль, исторгавшийся одной половиной моего мозга, заглушил разумные доводы другой, и я поднялся со стула, выхватив из кармана пистолет.

В тот момент я бы убил его. Не задумываясь, без всякой жалости я выстрелил бы в него в упор и убил. Все равно, что я раздавил бы ногой змею или прихлопнул муху.

Но выстрелить мне не пришлось.

Потому что стрелять было не в кого.

Даже не знаю, как это объяснить. Объяснить такое невозможно. Подобного явления еще не наблюдало ни одно человеческое существо. Ни в одном человеческом языке нет слов, чтобы описать, что сотворил с собой Этвуд.

Он не заколебался, постепенно растворяясь в воздухе. Он не растаял. Что бы с ним не произошло, это случилось мгновенно.

Только что он сидел передо мной. А в следующую секунду его уже не было. И я не заметил, как он исчез.

Раздался негромкий стук, как от падения легкого металлического предмета, и по полу запрыгало несколько угольно-черных кегельных шаров, которых тут раньше не было.

Должно быть, сознание мгновенно проделало какой-то сложный акробатический этюд, но тогда я этого не заметил. И все мои последующие поступки я приписал инстинкту. Я не сознавал, что было причиной, а что — следствием, не анализировал факты, не строил догадок и предположений, но все это, несомненно, промелькнуло в моем мозгу, побудив меня к немедленным действиям.

Я выронил пистолет и, нагнувшись, схватил с пола кусок полиэтиленовой пленки. Схватил его и начал расправлять уже на пути к наружной стене, где зияла источавшая холод дыра.

К дыре, прямо на меня катились шары, и я был к этому готов — у прикрытого пленкой отверстия их ждала ловушка.

Первый шар ткнулся в дыру, увлекая за собой пленку, за первым последовал второй, потом третий, четвертый, пятый.

Я схватил концы прозрачного полотнища, сложил их вместе и вытянул его из дыры — и в этом импровизированном мешке, ударяясь друг о друга, взволнованно постукивали угольно-черные шары.

В подвале оставалось еще несколько шаров — тех, что испугались и не попали в сеть, — и теперь они в исступлении катились по полу, ища, куда бы спрятаться.

Я поднял мешок и встряхнул его, чтобы ссыпать мой улов на дно. А чтобы шары не выскочили, как следует закрутил горловину и перебросил мешок через плечо. Тем временем остальные шары продолжали метаться в поисках темных уголков, и со всех сторон слышалось какое-то шушуканье, шелест и шепот.

— А ну, марш в свою дыру! — крикнул я им. — Убирайтесь туда, откуда явились!

Никакой реакции. Они все уже попрятались. И теперь следили за мной из темных уголков, из куч хлама. Быть может, даже не видя меня. Скорей всего, просто ощущая мое присутствие. Впрочем, неважно каким образом, но они за мой следили.

Я шагнул вперед, и моя нога наступила на какой-то предмет. Я в ужасе подпрыгнул.

Это был всего-навсего мой пистолет, который я выронил, когда нагнулся за пленкой.

Я оцепенело смотрел на него, чувствуя, как у меня трясутся внутренности, но дрожь эта билась где-то в глубине, не в силах вырваться наружу и завладеть всем телом — настолько оно было напряжено. Зубы мои порывались застучать, но безуспешно, потому что челюсти были стиснуты с такой отчаянной силой, что ныли мышцы.

Отовсюду за мной следили невидимые наблюдатели, из дыры в стене дул холодный ветер, а у меня за спиной, в мешке, скорей возбужденно, чем злобно, постукивали друг о дружку шары. И еще в подвале была пустота — пустота там, где только что было двое людей, а теперь остался один. Хуже того, здесь зверем выла пустота взбесившейся Вселенной, Земли, утратившей свое значение, и цивилизации, которая, пока того не ведая, корчилась в муках агонии.

Но все это забивал запах — запах, который я впервые почувствовал сегодня утром, запах этих существ; кем бы они ни были, откуда бы они ни появились, какова бы ни была их цель — этот запах принадлежал им. Он был рожден не Землей, не нашей, такой знакомой старушкой-планетой, и до этого человеку никогда не приходилось его вдыхать.

Я понял, что передо мной была иная форма жизни, явившаяся откуда-то извне, из краев, расположенных далеко за пределами планеты, на которой я сейчас находился; и все во мне протестовало против этой мысли, но другого объяснения я подыскать не мог.

Я опустил мешок с плеча, наклонился за пистолетом и, протянув к нему руку, вдруг увидел, что неподалеку от пистолета на полу лежит еще какой-то предмет.

Выпустив пистолет, мои пальцы потянулись к этому предмету, и в тот момент, когда они схватили его, я увидел, что это кукла. И еще не успев рассмотреть ее, я уже знал, что это за кукла: в памяти всплыл негромкий стук, услышанный мною в тот самый миг, когда исчез Этвуд.

Я не ошибся. Это была кукла Этвуд. Этвуд до последней морщинки на лице, до мельчайшей черточки его внешности. Словно кто-то взял живого Этвуда и уменьшил раз в сто, стараясь при этом ни на йоту не изменить его, не повредить ни единого атома в существе, которое было Этвудом.

Мне неудержимо захотелось бежать. Я напряг всю свою силу воли, всю, до последней капли, чтобы сломя голову не кинуться бежать оттуда. Но я заставил себя идти шагом. Точно мне все было до лампочки, точно я не был смертельно испуган, точно ни в этом благословенном мире, ни во всей Вселенной не было ничего, что могло бы испугать человека, обратить его в бегство.

Потому что я должен был им это доказать!

Каким-то необъяснимым образом, словно бы инстинктивно, я вдруг понял, что должен сейчас сыграть эту роль в интересах всего человечества, должен им кое-что показать, должен продемонстрировать перед ними смелость, решительность, непоколебимое упорство, свойственные человеческому роду.

Уж не знаю как, но я это выполнил. С таким ощущением, будто мне в спину нацелены кинжалы, я прошел через комнату и стал не спеша подниматься по лестнице. Одолел последние ступеньки и осторожно, без стука, закрыл за собой дверь.

И теперь, освободившись от наблюдавших за мной глаз, от необходимости играть эту роль, я, спотыкаясь, проковылял через вестибюль, как-то ухитрился открыть парадную дверь — и в лицо мне пахнул налетевший с озера свежий ночной ветерок, очищая мне легкие и мозг от подвального смрада.

Я добрел до какого-то дерева и привалился к нему, ослабевший и вымотанный, словно после состязания в беге, и на меня напала неукротимая рвота. Я корчился, давился, изрыгая из себя блевотину, почти с наслаждением ощущая вкус желчи, разъедавшей мне горло и рот, — в этом вкусе было что-то истинно человеческое.

Я стоял, прислонившись лбом к грубой коре ствола, и прикосновение к ее шершавой поверхности успокаивало, словно это ощущение восстанавливало контакт со знакомым мне миром. Я слышал, как ударяются о берег волны озера, слышал пляску смерти сухих листьев, уже мертвых, но еще не покинувших родного дерева, а откуда-то издалека доносился приглушенный расстоянием собачий лай.

Наконец я оторвался от дерева, вытер рукавом рот и подбородок. Пора приниматься за дело. Теперь у меня на руках были доказательства: полный мешок существ, которые подтвердят собой достоверность моего сообщения, ведь как ни крутись, а я должен все рассказать.

Я поднял мешок на плечо, и пока я поднимал его, мои ноздри вновь уловили запах пришельцев.

У меня окоченело все тело, подкашивались ноги, болели внутренности. Больше всего на свете, подумал я, мне сейчас нужен добрый глоток спиртного.

На ведущей к дому аллее темнела машина, и я нетвердым шагом двинулся к ней. За моей спиной возвышался мрачный расплывчатый силуэт дома, и наверху, в стекле слухового окошка, по-прежнему поблескивали серебристые осколки лунного луча.

У меня вдруг мелькнула странная мысль: может, мне вернуться и закрыть то окно, ведь в комнаты с укутанной светлыми чехлами мебелью ветер нанесет листья, на ковры будет хлестать дождь, а когда пойдет снег, пол заметет маленькими белыми сугробами.

Я хрипло расхохотался. Надо же такому прийти в голову, да еще именно тогда, когда мне необходимо, не теряя ни минуты, убраться отсюда подальше, подальше от этого дома на Тимбер-лейн.

Я подошел к машине и открыл дверцу со стороны сиденья водителя. На другом конце сиденья что-то шевельнулось и произнесло:

— Рад вашему возвращению. А то я беспокоился, не случилось ли чего.

Непередаваемый ужас пригвоздил меня к месту.

Я не верил своим глазам — существо, сидевшее в машине, существо, только что обратившееся ко мне с этими словами, было тем самым веселым лохматым псом, которого я сегодня вторично встретил возле своего дома!

18

— Я вижу, — продолжал Пес, — что один из них при вас. Держите же его покрепче. Могу засвидетельствовать, что это весьма скользкие личности.

И пока он так разглагольствовал, я изо всех сил старался не сойти с ума. Я стоял столбом. А что мне еще оставалось делать? Ведь, в конце концов, отупеешь, если тебя достаточно часто бьют по башке.

— Ну-с, вам, пожалуй, пора уже спросить, кто я, черт возьми, такой, — с укором заметил Пес.

— Ладно, — прохрипел я. — Так кто же ты такой, черт тебя подери?

— Мне очень приятно, что вы наконец спросили об этом, — удовлетворенно проговорил Пес. — Ибо со всей откровенностью могу вам сообщить, что являюсь конкурентом — не сомневаюсь, что слово «конкурент» выбрано мною правильно — того существа, которое сидит в вашем мешке.

— Очень ценная информация, — съязвил я. — А теперь, милейший, кем бы ты там ни был, объясни-ка все как следует.

— Но мне думается, вам должно быть абсолютно понятно, кто я! — воскликнул Пес, пораженный моей тупостью. — Как конкурент этих кегельных шаров, я, естественно, должен быть отнесен к числу ваших друзей.

К этому времени мое оцепенение частично прошло, и я смог сесть в машину. И вообще, я почему-то уже спокойнее относился к этому событию. У меня, правда, мелькнуло подозрение, не является ли Пес еще одной бандой кегельных шаров, на этот раз превратившихся не в

человека, а в собаку, но даже если б мое подозрение оправдалось, я был к этому подготовлен. Я уже несколько оправился от испуга, и на смену ему пришло раздражение. «Что за проклятая жизнь, — подумал я, — когда человек может вмиг превратиться в кучу черных шаров, а в машине тебя ждет собака, которая, как только ты появляешься, заводит с тобой светскую беседу».

Видно, в ту минуту я еще сомневался, не обманывают ли меня мои глаза и уши. Но от действительности не отмахнешься — Пес сидел рядом, разговаривал со мной, и мне оставалось только смириться с этим, с позволения сказать, фарсом.

— Почему бы вам не отдать мешок мне? — спросил Пес. — Уверяю вас, что я буду держать его мертвой хваткой и с превеликим вниманием. Для меня дело чести проследить, чтобы они не сбежали.

И я отдал ему мешок — он протянул лапу, и, бог свидетель, эта лапа так плотно обхватила горловину мешка, словно вдруг выросла пальцы.

Я вытащил из кармана пистолет и положил его себе на колени.

— Что это за инструмент? — поинтересовался Пес, не пропуская ни единой мелочи.

— Это оружие под названием пистолет, — объяснил я, — и с его помощью я могу продырявить тебя насквозь. Одно неверное движение, приятель, и ты узнаешь, что это такое, на своей собственной шкуре.

— Я приложу все усилия, — довольно сухо произнес Пес, — чтобы не допустить ни одного неверного движения. Уверяю вас, что касаемо текущих событий, я полностью ваш союзник.

— Вот и чудесно, — сказал я. — Смотри не передумай.

Я завел мотор, развернулся и выехал на проселочную дорогу.

— Меня радует, что вы столь охотно вручили мне мешок, — проговорил Пес. — У меня есть некоторый опыт обращения с этими существами.

— В таком случае, может, ты посоветуешь, куда нам сейчас с ними отправиться? — спросил я.

— О, существует множество способов их уничтожить, — сказал Пес. — Осмелюсь посоветовать, сэр, избрать метод, который был бы достаточно эффективным и, может быть, несколько болезненным.

— А я вовсе не собираюсь их уничтожать, — возразил я. — С меня семь потов сошло, пока я поймал их в этот мешок.

— Очень прискорбно, — с сожалением промолвил Пес. — Поверьте мне — негоже оставлять этих существ в живых.

— Ты все время зовешь их «этими существами», — заметил я, — и однако же утверждаешь, что хорошо с ними знаком. Разве у них нет имени?

— Имени?

— Да. Названия. Определенного обозначения. Должен же ты их как-то называть.

— Теперь я вас понял, — сказал Пес. — Я не всегда быстро схватываю смысл ваших слов. Порой мне нужно на это какое-то время.

— Кстати, пока я не забыл, объясни мне, как это ты умудряешься со мной разговаривать? Ведь говорящих собак не бывает.

— Собак?

— Да. Это такие существа, как ты. Ведь на вид ты — настоящая собака.

— Очаровательно, — воскликнул Пес. — Так вот, значит, кто я. Мне и вправду попадались особи, похожие на меня внешностью, но в остальном они совсем, совсем другие, и их столько разных видов. Сперва я пытался с ними познакомиться, но...

— Значит, ты всегда так выглядишь, да? Выходит, ты не превратился в собаку из какого-то другого существа, как это умеют наши дружки в мешке?

— Такой я и есть, — гордо заявил Пес. — И не стал бы ничем иным, даже если б это было в моих возможностях.

— Однако ты не ответил, каким образом ты со мной разговариваешь.

— Друг мой, прошу вас, не будем забираться в эти дебри. Тут нужно так много объяснять, а у нас очень мало времени. Видите ли, я не разговариваю с вами по-настоящему. Я общаюсь с вами, но...

— Телепатия?

— Повторите — и помедленнее.

Я объяснил ему, что такое телепатия, вернее, изложил ее гипотезу. Доклад получился никудышный — в основном, как мне кажется, из-за скудости моих познаний в области парапсихологии.

— В общих чертах похоже, — сказал Пес. — Но не совсем то.

На этом я успокоился. Сейчас меня занимали вопросы поважнее.

— Я уже с тобой встречался, — сказал я. — Ты ведь болтался вчера возле моего дома.

— Совершенно верно, — подтвердил Пес. — Ведь вы, как бы это выразиться поточнее, вы были главным действующим лицом.

— Главным действующим лицом! — изумленно воскликнул я.

А я-то думал, что попал в эту заваруху случайно. Есть ведь такие везучие парни. Если они стоят под деревом в лесу площадью в тысячу акров, то молния обязательно ударит именно в это дерево.

— Они это знали, — сказал Пес, — и я, конечно, тоже. Неужели вы ни о чем не догадывались?

— Братишка, ты сообщил мне потрясающую новость!

Мы уже оставили позади Тимбер-лейн и сейчас ехали по шоссе к городу.

— Ты мне не ответил, что это за существа, — напомнил я. — Так и не сказал, как они называются. И вообще, если пораскинуть мозгами, наберется немало вопросов, которые ты пропустил мимо ушей.

— Да вы же сами не даете мне ответить, — возмутился Пес. — Вы слишком быстро спрашиваете. К тому же у вас какой-то чудный мыслящий аппарат. Только и делает, что непрерывно перемешивает мысли.

Окошко с его стороны было приоткрыто на несколько дюймов, и через щель врывался ветер. Он откидывал назад его пушистые бакенбарды, обнажая челюсти. Челюсти у него были уродливые и тяжелые, и он их не открывал. Они не двигались, когда он говорил, как им было положено, если бы он говорил ртом.

— Ты знаком с моим мыслящим аппаратом? — растерянно спросил я.

— А иначе как бы я мог вести с вами беседу? — удивился Пес. — И надо сказать, в нем нет никакого порядка и работает он очень, очень быстро. Никак не угомонится.

Поразмыслив над этим, я пришел к выводу, что, пожалуй, он прав. Однако я почерпнул из его слов еще кое-что, и это мне не очень-то понравилось. У меня возникло подозрение, что он в курсе всех моих мыслей и знает все, что знаю я, хотя, видит бог, это никак не отразилось на его поведении.

— Возвращаясь к вашему вопросу об именовании этих существ, — сказал Пес, — могу ответить, что у нас действительно есть для них название, но оно не переводится ни одним словом, которое вы поняли бы. Для нас — в аспектах наших с ними отношений — небезынтересно то, что, помимо прочих их свойств, они еще являются агентами по продаже недвижимой собственности. Однако вы должны понять, что это весьма приблизительное определение и у них есть еще ряд своеобразных качеств, которые я не в силах объяснить словами.

— Ты имеешь в виду, что они занимаются продажей домов?

— Что вы! — воскликнул Пес. — Они и не подумают затруднить себя такой мелочью, как какое-то здание.

— А как насчет планеты?

— Это уже получше, — сказал Пес, — хотя эта планета должна быть самой необыкновенной и исключительно ценной. Как правило, они не берут себе за труд заняться чем-нибудь поменьше солнечной системы. И это должна быть хорошая, добротная солнечная система, а то они к ней и не притронутся.

— Короче говоря, — резюмировал я, — ты хочешь сказать, что они торгуют солнечными системами.

— Ваша сообразительность, — изрек Пес, — не оставляет желать лучшего. Но это всего только одна сторона вопроса. Полное понимание положения вещей для вас несколько затруднительно.

— А кому они продают эти солнечные системы?

— Вот тут мы уже начинаем углубляться в более сложные материи, — произнес Пес. — Что бы я вам ни сказал, вы все равно попытаетесь сравнить это с вашей собственной экономической системой, а ваша экономическая система — прошу прощения, если я оскорблю ва-

ши чувства, — самая бестолковая из всех, которые я когда-либо встречал.

— Между прочим, мне известно, что они покупают эту планету, — заметил я.

— О, разумеется, — сказал Пес, — и, как всегда, действуют самыми нечестными путями.

Я промолчал — меня вдруг поразила вся нелепость этой ситуации: подумать только, что мне приходится беседовать с каким-то существом, как две капли воды похожим на огромную собаку, и обсуждать с ним других пришельцев, которые покупают Землю, действуя, по словам своего инопланетного союзника, обычными для них методами обмана и жульничества.

— Дело в том, — продолжал Пес, — что они могут стать кем угодно и чем угодно. Они никогда не бывают собой. Вся их деятельность основана на лжи.

— Ты сказал, что они — твои конкуренты. Стало быть, ты тоже агент по продаже недвижимости.

— О да, благодарю вас за такое понимание, — польщенно подтвердил Пес, — причем агент наивысшего класса.

— Следовательно, если бы этим кегельным шарам, или кем там они являются, не удалось купить Землю, ты приобрел бы ее сам, так ведь?

— Никогда, — запротестовал Пес. — Это было бы неэтично. Подобная операция нанесет исключительной силы удар всей галактической торговле недвижимостью, а этого ни в коем случае нельзя допустить. Торговля недвижимостью — древняя и благородная профессия, и она должна сохранить свою первозданную чистоту.

— Что ж, весьма похвально, — одобрил я. — Рад это слышать. И что ты намерен предпринять?

— Честно говоря, сам не знаю. Ведь вы мне мешаете. От вас не дождешься никакой помощи.

— Я мешаю?

— Нет, не вы. Вернее, не только вы. Я имею в виду вас всех. Ваши идиотские правила.

— Но зачем им понадобилась Земля? Что они будут с ней делать, когда купят?

— Я вижу, что вы не сознаете, — произнес Пес, — какое у вас в руках богатство. Должен вас поставить в известность, что немного найдется таких планет, как эта, которую вы называете Землей. Это нормальная, покрытая плодородной почвой планета, а таких планет очень мало и они представляют собой большую редкость. Утомленный может здесь дать отдых измученному телу и утешить свой воспаленный взор изысканной красотой, которая встречается отнюдь не на каждом шагу. В некоторых системах были построены и выведены на орбиту конструкции, на которых попытались создать условия, имеющиеся здесь у вас в естественном виде. Но искусственное никогда не может до конца

приблизиться к настоящему, поэтому ваша планета имеет такую большую ценность, как естественная спортивная площадка и курорт. Надеюсь, вы понимаете, — извиняющимся тоном добавил он, — что, исходя из вашего языка и ваших понятий, я все упрощаю и употребляю грубое, приблизительное сравнение. На самом деле это не совсем так, как я вам рассказал. Во многих аспектах это нечто совершенно иное. Но вы ухватили основную идею, а объяснить получше у меня нет возможностей.

— Ты хочешь сказать, что, завладев Землею, эти существа откроют на ней своего рода галактический курорт?

— О нет, — возразил Пес, — для этого у них слишком тонкие кишки. Но они продадут ее тем, кто сумеет этим заняться. И хорошо на этом заработают. В космосе выстроено много увеселительных заведений и планет типа Земли, на которых самые разнообразные существа могут устраивать пикники и проводить свои отпуска. Но в действительности ничто не может заменить настоящую, плодородную, с хорошим климатом планету. Уверяю вас, что они могут получить за нее все, что попросят.

— А что они могут за нее запросить?

— Запах. Аромат. Благовоние, — ответил Пес. — Никак не могу найти подходящее слово.

— Духи?

— Правильно, духи. Запах, который доставляет удовольствие. Запах для них — это что-то необыкновенно прекрасное. Когда они бывают сами собой, в своем естественном виде, он является их самым большим, может быть, даже единственным сокровищем. Ведь в своем естественном состоянии они совсем не такие, как вы и я...

— Кажется, я имею представление о их естественном состоянии, — проговорил я. — Это те штуки, которые сидят у тебя в мешке.

— Ну тогда вам должно быть понятно, — сказал Пес, — какие это полнейшие ничтожества.

Он яростно встряхнул мешок, сбивая шары в кучу.

— Полнейшие ничтожества, — повторил он. — Лежат себе в мешке и наслаждаются своими духами, а для них это — вершина счастья, если подобные твари вообще способны испытывать счастье.

Обдумав его слова, я решил, что все это донельзя возмутительно. У меня мелькнуло подозрение, не пытается ли Пес меня одурачить, но я сразу же отмел эту мысль. Ведь если все это — нагромождение лжи, сам Пес неизбежно должен быть частью мистификации, потому что он был таким же гротескным и несуразным, как те существа в мешке.

— Мне жаль вас, — проговорил Пес без особой грусти в голосе, — но вы сами виноваты. Все эти идиотские правила...

— Я это слышу от тебя не в первый раз, — сказал я. — Что ты подразумеваешь под «всеми этими идиотскими правилами»?

— Ну как же — это правила для каждого, кто владеет какими-либо вещами.

— Иными словами — наши законы о собственности.

— Должно быть, так они называются по-вашему.

— Но ты же сказал, что кегельные шары собираются продать Землю...

— Это совсем не то, — возразил Пес. — Я вынужден был так сказать, потому что не мог выразить это иначе, как в ваших понятиях. Но убедительно прошу вас поверить, что это совсем другое.

«А ведь верно, — подумал я. — Вряд ли две совершенно разные цивилизации могут в своем развитии выработать одинаковый образ действий. У них должны быть разные мотивы, разные методы, потому что сами эти цивилизации всегда в корне отличны друг от друга. Даже их языки — не только по словарному составу, но и по самой своей концепции, не могут иметь ничего общего».

— Это средство передвижения, которым вы сейчас управляете, — сказал Пес, — заинтересовало меня с самого начала, но у меня не находилось времени с ним ознакомиться. Как вы можете себе хорошо представить, я был очень занят, собирая другую необходимую мне информацию.

Он вздохнул.

— Вы не имеете никакого понятия — да и откуда вам это знать, — сколько всего нужно изучить, когда без подготовки попадешь в чужую цивилизацию.

Я рассказал ему о двигателе внутреннего сгорания и механизме передачи, с помощью которого энергия, вырабатываемая двигателем, приводит машину в движение, но сам я довольно-таки слабо в этом разбираюсь. Объяснение получилось поверхностным и примитивным, однако он вроде бы понял основной принцип. По его реакции я заключил, что он впервые встретился с подобным устройством. Но у меня создалось отчетливое впечатление, что оно поразило его отнюдь не совершенством конструкции, а скорее своей явной, с его точки зрения, бездарностью.

— Очень вам благодарен за столь четкое объяснение, — учтиво проговорил он. — Я не стал бы вас беспокоить, но меня одолевало большое любопытство. Быть может, было бы лучше и в некотором смысле полезнее, если бы мы потратили это время на обсуждение дальнейшей судьбы этих вот штук.

Он встряхнул мешок, давая мне понять, что он имеет в виду.

— Я уже знаю, что мы с ними сделаем, — сказал я. — Мы отвезем их к одному моему другу, которого зовут Кэрлтон Стирлинг. Он биолог.

— Биолог?

— Биолог — это тот, кто изучает жизнь, — пояснил я. — Он вскроет эти шарики и расскажет нам, что они из себя представляют.

— А это болезненно? — поинтересовался он.

— В некотором смысле, пожалуй, да.

— Тогда все в порядке, — решил Пес. — А что касается этого биолога — я, кажется, уже слышал о существах, которые занимаются чем-то похожим.

Но, судя по его тону, он, несомненно, имел в виду нечто совершенно иное. «Оно и понятно, — подумал я, — ведь жизнь можно изучать по-всякому».

Некоторое время мы ехали молча. Сейчас мы уже приближались к городу и машин на шоссе становилось все больше. Пес напряженно застыл на сиденье, и я видел, что его тревожит длинная полоса надвигающихся на нас городских огней. Я попытался представить, будто сам вижу эти огни впервые, и понял, какой они могут внушить ужас сидевшему рядом со мной существу.

— Давай-ка послушаем радио, — предложил я.

Я протянул руку и включил приемник.

— Связь на расстоянии? — спросил Пес.

Я кивнул.

— Как раз время вечернего выпуска последних известий, — заметил я.

Передача только началась. Захлебываясь от счастья, диктор бодро рекламировал какое-то моющее средство.

Потом раздался голос радиообозревателя:

— «Час назад при взрыве, происшедшем на автомобильной стоянке позади жилого дома «Уэллингтон Армз», погиб какой-то мужчина. Предполагают, что погибший — научный обозреватель «Ивнинг геральд» Паркер Грэйвс. Полиция считает, что в машину Грэйвса подложили бомбу, которая взорвалась, когда Грэйвс включил мотор. В настоящее время полиция пытается окончательно уточнить личность погибшего».

И он перешел к следующему сообщению.

С минуту я сидел, словно оглушенный, потом протянул руку и выключил радио.

— В чем дело, друг мой?

— Тот человек, который погиб. Ведь это был я, — объяснил я ему.

— Вот чудеса-то, — заметил Пес.

19

Увидев свет в окне его лаборатории на третьем этаже, я понял, что Стирлинг у себя и работает. Я забарабанил в парадную дверь, по коридору прохромал разгневанный сторож. Через окно он жестом приказал мне убираться вон, но я упорно продолжал стучать. В конце концов он все-таки отпер дверь, и я назвал себя. Недовольно ворча, он впустил меня. Вслед за мной в дом проскользнул и Пес.

— Оставьте собаку на улице, — возмущенно потребовал сторож. — Сюда собакам вход запрещен.

— Это не собака, — возразил я.

— А что же?

— Подопытный экспонат, — объяснил я.

И пока он переваривал это, мы успели юркнуть мимо него и подняться на несколько ступенек. Я слышал, как, сердито бормоча себе что-то под нос, он заковылял обратно в свою каморку на первом этаже.

Склонившись над лабораторным столом, Стирлинг что-то записывал в тетрадь. На нем был неописуемо грязный белый халат.

Когда мы вошли, он оглянулся на нас с таким видом, будто наш приход был в порядке вещей. Я сразу понял, что он не знает, который сейчас час. Его ничуть не удивило, что мы явились в такое неурочное время.

— Ты пришел за пистолетом? — спросил он.

— Нет, кое-что тебе принес, — сказал я, показывая мешок.

— Тебе придется вывести отсюда собаку, — заявил он. — Собакам сюда вход запрещен.

— А это вовсе не собака, — сказал я. — Я, правда, не знаю, как он там себя величает и откуда он, но это пришелец.

Явно заинтересовавшись, Стирлинг повернулся к нам всем телом. Прищурившись, посмотрел на Пса.

— Пришелец, — без особого удивления повторил он. — Ты хочешь сказать, что это существо с какой-то другой планеты?

— Именно это он и имеет в виду, — вставил Пес.

Стирлинг наморщил лоб. Помолчал. Было почти слышно, как лихорадочно заработали его мысли.

— Когда-нибудь это должно было случиться, — наконец проговорил он, словно давая авторитетное заключение по какому-то важному вопросу. — Но никто, конечно, не мог предугадать, как это произойдет.

— Поэтому тебя это нисколько не удивило, — констатировал я.

— Нет, почему же? Разумеется, я удивлен. Но скорее внешностью нашего гостя, чем самим фактом.

— Рад с вами познакомиться, — промолвил Пес. — Как я понимаю, вы — биолог, и я нахожу это в высшей степени интересным.

— Но, честно говоря, пришли мы из-за этого мешка, — сказал я Стирлингу.

— Мешка? Ах, да, у тебя ведь был еще какой-то мешок.

Я поднял мешок, чтобы он мог получше разглядеть его.

— Тоже пришельцы, — объявил я.

Все это начинало чертовски смахивать на водевиль.

Он недоуменно поднял бровь.

Запинаясь и путаясь в словах, я торопливо рассказал ему, что это за существа — в моем понимании, конечно. У меня вдруг почему-то возникла потребность высказаться как можно быстрее. Словно меня

подстегнула мысль о том, что у нас очень мало времени, а мне нужно успеть все рассказать. Возможно, так оно и было.

Лицо Стирлинга побагровело от волнения, глаза возбужденно заблестели.

— Об этом-то я и говорил тебе сегодня утром! — воскликнул он.

Я вопросительно хмыкнул — наш утренний разговор давно выветрился у меня из головы.

— Существо, не зависящее от окружающей среды, — напомнил он. — Существо, которое может жить везде и быть всем, чем угодно. Форма жизни, обладающая стопроцентной приспособляемостью. Способная приспособиться к любым условиям...

— Но ты ведь говорил вовсе не об этом, — возразил я, вспомнив наконец, что он тогда сказал.

— Вполне возможно, — согласился он. — Не исключено, что я не совсем точно выразил свои мысли. Но в итоге получается то же самое.

Он повернулся к лабораторному столу, выдвинул ящик и стал быстро рыться в каких-то вещах. Наконец вытащил то, что искал, — прозрачный полиэтиленовый пакет.

— Давай-ка пересыплем их сюда, — сказал он. — А потом уж хорошенько рассмотрим их.

Он открыл пошире отверстие пакета. С помощью Пса я перевернул наш импровизированный мешок и высыпал кегельные шары в пакет к Стирлингу. Несколько каких-то клочков и обрывков упало на пол. Даже не пытаясь принять форму шаров, они быстро шмыгнули к рукомойнику, вскарабкались по его металлическим ножкам и нырнули в раковину.

Пес бросился было за ними в погоню, но они оказались проворнее. Он вернулся с удрученным видом, уныло свесив уши и волоча поникший хвост.

— Они отступили в канализационную трубу, — сообщил он.

— Ну и пусть, — беспечно отмахнулся Стирлинг, которого так и распирало от счастья, — большая часть ведь осталась у нас.

Он стянул крепким узлом горловину пакета и, подняв его, зацепил узел за крюк укрепленного над полом кронштейна — и пакет повис о воздухе. Пакет был настолько прозрачным, что теперь можно было без помех рассмотреть кегельные шары во всех подробностях.

— А вы разберете их на части? — озабоченно спросил Пес.

— Со временем, — ответил Стирлинг. — Сперва я понаблюдаю за ними, изучу их повадки и подвергну их кое-каким испытаниям.

— Тяжким испытаниям? — не унимался Пес.

— Это еще что такое? — спросил Стирлинг.

— Он питает некоторую неприязнь к нашим друзьям, — вмешался я. — Они ставят ему палки в колеса. Позорят его бизнес.

В другом конце комнаты негромко зазвонил телефон.

Потрясенные, мы разом умолкли.

Телефон зазвонил снова.

В этом звуке было что-то пугающее. Мы были здесь совершенно одни и чувствовали себя как-то уютно и спокойно, а кегельные шары на время стали для нас не более чем диковиной, вызывающей чисто академический интерес. Но с этим телефонным звонком все рухнуло — к нам ворвалась неумолимая действительность внешнего мира. Пришел конец уединению, пришел конец спокойному созерцанию, потому что все это касалось не только нас одних, а существа в прозрачном полиэтиленовом пакете из объектов исследования превратились в нечто опасное и угрожающее, в нечто, внушающее уже не академический интерес, а ненависть и страх.

И я увидел за окном величественную всепоглощающую тьму ночи и ощутил бездушное высокомерие, которое опутало мир. Комната словно сжалась в пятно холодного света, разбивавшегося о блестящую поверхность лабораторного стола, о раковину и стеклянные приборы, а я — сама слабость — стоял рядом со Стирлингом и Псом, такими же бессильными, как и я.

— Алло, — сказал Стирлинг в трубку. И спустя немного: — Нет, я ничего об этом не слышал. Должно быть, тут какое-то недоразумение. Он сейчас здесь.

Послушал еще, потом перебил своего собеседника:

— Но ведь он сейчас здесь, у меня. Вместе с говорящей собакой... Нет, он не пьян. Да нет, говорю вам, он цел и невредим...

Я шагнул к телефону.

— Дай-ка мне трубку! — потребовал я.

Он сунул ее мне к уху, и я услышал голос Джой:

— Паркер, ты... Что случилось? Радио...

— Ага, я слышал эту передачу. Те парни на радио просто рехнулись.

— Почему ты мне не позвонил, Паркер? Ты ведь знал, что я это услышу...

— Да откуда я мог знать? Я совершенно замотался. Мне нужно было переделать кучу дел. Я нашел Этвуда, он рассыпался на кегельные шары, и я поймал его в мешок, а потом меня в машине поджидала эта собака...

— Паркер, у тебя действительно все в порядке?

— Конечно, — ответил я. — В полнейшем.

— Паркер, мне так страшно.

— Брось, теперь уже нечего бояться. В машине был не я, и к тому же я нашел Этвуда...

— Я не об этом. У меня во дворе снуют какие-то существа.

— Так ведь вне дома всегда есть какие-нибудь живые существа, — возразил я. — Собаки, кошки, белки, люди, наконец...

— Но эти твари бродят вокруг дома. Так и кишат повсюду, заглядывают в окна и... Паркер, прошу тебя, приезжай и забери меня отсюда!

Мне стало не по себе. Это не был обычный глупый женский страх перед темнотой и воображаемыми ужасами. По ее голосу чувствовалось, что она едва сдерживает истерику, и это убедило меня в том, что причина ее испуга не в игре воображения.

— Хорошо, — сказал я. — Держись молодцом. Постараюсь приехать как можно скорее.

— Паркер, пожалуйста...

— Надень пальто. Стань у двери и жди, когда подъедет машина. Только не выходи, пока я не подойду к самому дому.

— Ладно.

Голос ее уже звучал почти спокойно.

Я бросил трубку на рычаг и стремительно повернулся к Стирлингу.

— Мне нужна винтовка, — сказал я.

— Она вон в том углу.

Винтовка стояла там, прислоненная к стене; я бросился в угол и схватил ее. Стирлинг порылся в ящике и протянул мне коробку с патронами. Я сломал ее, и несколько патронов упало на пол. Стирлинг нагнулся и собрал их.

Я заполнил магазин, остальные патроны высыпал в карман.

— Я еду за Джой, — сказал я.

— Там что-нибудь случилось? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я.

Ударом ноги я распахнул дверь и понесся вниз по лестнице. Пес кинулся следом за мной.

20

Джой жила в северо-западной части города в своем собственном маленьком домике. Первые дни после смерти матери она подумывала о том, чтобы продать его и переехать поближе к редакции в какой-нибудь многоквартирный дом. Да так и не собралась. Что-то не отпускало ее отсюда — то ли какие-то воспоминания и сентиментальная привязанность к дому, то ли нежелание рисковать — а вдруг ей не понравится на новом месте.

Я выбрал улицу, где, как я знал, мне не будут помехой мигалки, и дал газ.

Пес сидел рядом со мной, и ветер, врывавшийся через полуоткрытое окошко, откидывал назад его бакенбарды, мягким веером расстилая их по морде. Он задал мне один-единственный вопрос.

— А эта Джой хороший товарищ? — спросил он.

— Самый лучший, — заверил его я.

Он умолк, обдумывая мой ответ. Еще немного, и, наверное, можно было бы услышать, как напряженно работают его мысли. Но он больше не проронил ни слова.

Я пренебрег светофорами и развил недозволенную скорость, пытаясь придумать, что мне сказать в свое оправдание, если за нами погонится полицейская машина. Но обошлось без этого, и, нажав до отказа тормоз, я резко остановил машину перед домом Джой, взвизгнули по асфальту шины, и Пес со всего маху ткнулся мордой в ветровое стекло, весьма этому удивившись.

Домик стоял в глубине двора, обнесенного старинным частоколом и густо заросшего деревьями и кустами, между которыми извивались цветочные клумбы. Ворота были распахнуты настежь — с тех пор как я впервые побывал здесь, я ни разу не видел их запертыми — и створки их криво висели на ржавых петлях. Крыльцо было освещено; в прихожей и гостиной тоже горел свет.

Прихватив винтовку, я выскочил на мостовую и обежал вокруг машины. Пес опередил меня, ворвался в ворота и, как одержимый, бросился в заросли кустарника, росшего по краям вымощенной кирпичом дорожки. Прежде чем он исчез, перед моими глазами промелькнула его оскаленная морда, плотно прижатые к голове уши и задранный кверху хвост.

Я вошел в ворота и, тяжело ступая, двинулся по дорожке к дому, а слева от меня, в кустах, где только что скрылся Пес, поднялся вдруг совершенно невообразимый шум.

Дверь открылась, и Джой перебежала через крыльцо. Я встретил ее на ступеньках. На мгновение она в нерешительности остановилась, глядя во двор, в ту сторону, откуда неслась эта чудовищная какофония.

Сейчас этот шум еще усилился. Описать его почти невозможно. В нем было что-то от верещания взбесившейся фисгармонии, надрывающейся под аккомпанемент какого-то топота и шороха, словно нечто огромное в яростном исступлении мчалось по заросшему высокой сухой травой полю.

Я схватил Джой за руку и потащил по дорожке к воротам.

— Пес! — позвал я. — Пес!

Бедлам не стихал.

Мы выбежали на тротуар, я втолкнул Джой на переднее сиденье и захлопнул дверцу.

Пес как в воду канул.

Кое-где в окнах соседних домов начали вспыхивать огни, и я услышал, как неподалеку хлопнула дверь: видно, кто-то вышел на крыльцо.

Я бросился назад к воротам.

— Пес! — снова крикнул я.

Он пулей вылетел из кустов, поджатый хвост его исчез под брюхом, с влажных бакенбард стекали пенистые струйки слюны. А за ним по пятам что-то гналось — что-то черное, шишковатое, с огромной — во весь фасад — жадно разинутой пастью.

Я понятия не имел, что это такое. Даже отдаленно не представлял, как мне следует действовать.

То, что я сделал, я проделал инстинктивно, не задумываясь.

Я воспользовался винтовкой, как клюшкой для гольфа. Не знаю, почему я не выстрелил. Вероятно, на это не было времени, а может, и по какой-нибудь другой причине. Возможно, я интуитивно почувствовал, что против этой алчущей пасти пуля бессильна.

И прежде чем я осознал, что делаю, пальцы мои сжали винтовочный ствол, приклад был заброшен за спину я уже устремился вперед.

Пес проскочил мимо меня, а шишковатое страшилище было еще в воротах, когда винтовка беспощадной дубинкой со свистом рассекла воздух. Она нанесла удар, но удара не получилось. Приклад прошел сквозь черную тварь, как нож сквозь масло: тело ее расплескалось, обляпав забор, и на тротуаре растеклась лужа отвратительной клейкой жидкости.

В кустах шла какая-то возня — я понял, что вот-вот появятся другие монстры, и не стал медлить. Повернувшись, я бросился назад к машине, обежал ее и, швырнув винтовку на сиденье рядом с Джой, прыгнул в машину сам. Уходя, я не выключил мотор и сейчас вмиг оторвал машину от обочины тротуара и погнал ее по улице, до отказа нажав на акселератор.

Сжавшись в комок, Джой тихо всхлипывала.

— Перестань, — попросил я.

Она попыталась, но у нее ничего не получилось.

— Они всегда слишком торопятся, — подал голос Пес с заднего сиденья. — И никогда не доводят дело до конца. У них не имеется соответствующего мужского качества, чтобы выполнить задуманное, как тому следует быть.

— Иными словами, им не хватает мужества, — уточнил я.

Всхлипывания Джой мгновенно стихли.

— Кэрлтон сказал мне, что с тобой говорящая собака, — полусердито, полуиспуганно проговорила она, — но я этому не верю. Что это за трюк?

— Никакого трюка тут нет, моя красавица, — промолвил Пес. — Разве у меня нечеткое произношение?

— Джой, — сказал я, — выкинь из головы все, что ты знала раньше. Расстанься со всеми своими старыми взглядами и представлениями. Забудь обо всем, что ты считала логичным, правильным и уместным. Вообрази, что ты находишься в какой-то заколдованной стране, где может случиться абсолютно все, и учти — главным образом в ней случается что-нибудь скверное.

— Но... — начала было она.

— Но от этого никуда не денешься, — продолжал я. — То, во что ты верила сегодня утром, к вечеру обратилось в дым. Появились говорящие собаки, а на самом деле это не собаки. И кегельные шары,

которые по собственному желанию могут превратиться во что угодно. Они покупают Землю, которая, быть может, уже не принадлежит Человеку, и вполне вероятно, что в эту самую минуту мы с тобой уже не люди, а затравленные крысы.

В слабом свете приборного щитка я видел ее лицо — на нем были изумление, неверие и боль, — и мне захотелось обнять ее, прижать к себе и попробовать стереть с него хотя бы часть этой жути. Но я не мог. Я должен был вести машину и постараться придумать, как нам быть дальше.

— Я ничего не понимаю, — спокойным голосом произнесла она, но за этим спокойствием угадывались ужас и огромное внутреннее напряжение. — Тот взрыв машины...

Она схватила меня за руку.

— Не волнуйся, детка, — сказал я. — Забудь об этом. Все это в прошлом. Сейчас меня беспокоит, что нас ждет впереди.

— Ты побоялся выйти к машине, — проговорил она. — Потом все ломал себе голову, в чем причина этого страха. А ведь он спас тебе жизнь.

Сзади послышался голос Пса:

— Полагаю, вам будет интересно узнать, что за нами едет какая-то машина.

21

Я взглянул на зеркальце — Пес не ошибся. Следом за нами шла машина. Машина с одной горящей фарой.

— Наверное, это простая случайность, — сказал я.

Я замедлил ход и свернул налево. Машина повернула за нами. Я еще раз свернул налево, потом направо — машина повторила все наши маневры.

— Может, это полицейский патруль, — предположила Джой.

— С одной-то фарой? — возразил я. — К тому же, идя на той скорости, на которой недавно шли мы сами, они бы обязательно включили сирену и красный свет.

Я сделал еще несколько поворотов. Выехал на бульвар и прибавил скорость — следовавшая за нами машина не отставала.

— Как же нам теперь быть? — спросил я. — Я собирался вернуться в университет к Стирлингу. Ведь надо с ним все обсудить. Но сейчас это отпадает.

— Как у нас с бензином? — спросила Джой.

— Больше половины бака.

— Поедем к хижине, — предложила она.

— К хижине Стирлинга?

Джой кивнула.

— Хорошо бы забраться в его лодку и выехать на середину озера.

— А они возьмут да превратятся в чудовище озера Лох-Несс, в Несси.

— Совсем не обязательно. Может, они и не слышали о лохнесском чудовище.

— Тогда в какого-нибудь другого водяного монстра. Инопланетного.

— Паркер, нам нельзя оставаться в городе. Еще немного, и в игру включится полиция.

— Быть может, это было бы нам на руку, — заметил я.

Однако я знал, что это далеко не так. Полицейские поволокли бы нас в участок, отняли бы уйму времени, и, толкуй мы им о кегельных шарах хоть до святого пришествия, они все равно не поверят ни одному нашему слову. А если они еще обнаружат, что с нами говорящая собака! При одной мысли об этом я содрогнулся. Ведь они решат, что я чревовещатель и пытаюсь их одурачить — и уж тут-то рассвирепеют не на шутку.

Я проскочил несколько кварталов и вылетел на шоссе, которое вело из города на север. Раз уж необходимо куда-нибудь уехать из города, хижина Стирлинга ничуть не хуже других мест.

На шоссе было пустынно, только изредка попадались одинокие грузовики, и я дал волю машине. Стрелка спидометра доползла до восьмидесяти пяти и остановилась. Я мог выжать из нее большую скорость, но побоялся. Впереди нас ждало несколько коварных поворотов, а мне сейчас трудно было вспомнить их точное местонахождение.

— Нас все еще преследуют? — спросил я.

— Все еще преследуют, — ответил Пес. — Но они отстали. Теперь они не так близко.

Я уже знал, что нам от них не отделаться. Разве что мы сможем немного оторваться от них, но совсем от них не избавишься. Они будут висеть у нас на хвосте, отстав на каких-нибудь две-три минуты, если только не потеряют нас, когда мы свернем к хижине. Но я не был уверен, что нам удастся скрыться от них за этим поворотом.

Если уж я решил отделаться от них, нужно придумать какой-нибудь другой способ.

Сейчас характер местности изменился. Мы оставили позади обработанные поля, и то там, то здесь стали появляться горбы песчаных холмов, покрытых вечнозеленой растительностью, а между ними ютились небольшие озера. И если мне не изменяла память, с минуты на минуту должны были начаться те самые опасные повороты — на протяжении нескольких миль дорога змеей извивалась между холмами с обрывистыми склонами, болотцами и озерами.

— Намного они отстали? — спросил я.

— Примерно на милю, — ответила Джой.

— Теперь выслушай меня.

— Слушаю.

— Когда мы доедем до тех поворотов, я остановлю машину и выйду. Ты сядешь за руль. Проедешь еще немного, остановишься и будешь ждать. Как только услышишь мои выстрелы, вернешься обратно.

— Ты сошел с ума! — взорвалась она. — С ними нельзя связываться. Ты же не знаешь, как они поведут себя.

— Значит, мы с ними в одинаковом положении, — сказал я. — Им ведь тоже неизвестно, как поведу себя я.

— Но ты ведь один...

— Я не один, — возразил я. — Со мной старушка Бетси. Она уложит наповал лося. Остановит рассвирепевшего медведя.

Мы достигли первого поворота. Я свернул на слишком большой скорости — руль рванулся из моих рук, и протестующе взвизгнули шины.

Потом, не гася скорости, мы свернули вторично и, наконец, сделали третий поворот. Я с силой нажал на тормоз, машину занесло, и она стала почти поперек дороги. Я схватил винтовку и, открыв дверцу, выскочил на проезжую часть.

— Действуй, — приказал я Джой.

Она не стала ни возражать, ни спорить. Не вымолвила ни слова. Свои возражения она уже высказала, на мое решение они не повлияли, и на этом наш спор закончился. Девушка что надо.

Она скользнула за руль. Я отступил в сторону, и машина сорвалась с места. Задние фонари, мигнув, скрылись за поворотом, и я остался один.

Наступила гнетущая тишина. Ни звука, только тихо шуршали последние листья на случайно попавшей в гущу хвойных деревьев осине, да, точно привидения, вздыхали сосны. На бледном небе проступали черные зубцы холмов. Пахло запустением и осенью.

Винтовка была липкой на ощупь, я потер ее рукой. Ее покрывала какая-то клейкая масса, отвратительная клейкая масса. И от нее исходил запах, тот самый запах лосьона для бритья, с которым я познакомился сегодня утром.

«Сегодня утром, — подумал я, — о господи, неужели это было только сегодня утром!» Я попытался мысленно вернуться назад, и мне показалось, что с тех пор прошла тысяча лет. Нет, это не могло произойти сегодня утром!

Я сделал несколько шагов по дороге и остановился на обочине. Провел рукой по винтовке, пытаясь стереть эту липкую гадость. Но она не стиралась. Ладонь только скользила по клейкой поверхности.

Через несколько секунд из-за поворота появится машина, идущая, вероятно, на большой скорости. И выстрелить я должен мгновенно и почти наугад, потому что буду стрелять в темноте.

А вдруг окажется, что это обыкновенная машина, обыкновенная человеческая машина, в которой сидят настоящие человеческие существа из плоти и крови? Что, если они вовсе не преследуют нас, а по

какой-то странной случайности едут по тому же маршруту, который я избрал, чтобы от них отделаться?

При этой мысли у меня взмокло под мышками и по ребрам побежали горячие струйки пота.

«Нет, это исключено», — подумал я. Я кружил без цели, я сделал несчетное число поворотов, и ни в одном из них не было капли смысла. И тем не менее одноглазая машина неизменно сворачивала вслед за нами.

В этом месте дорога изгибалась как раз на вершине невысокого холма и потом вилась по его склону. Когда машина выскочит из-за поворота, ее силуэт на миг возникнет на фоне белесого неба — в эту секунду я и должен выстрелить.

Я приподнял винтовку и почувствовал, что у меня дрожат руки — самое скверное для задуманной мною акции. Опустив винтовку на землю, я попытался совладать с собой и унять эту дрожь. Но тщетно.

Я сделал еще одну попытку. И в то самое мгновение, когда я вновь поднял винтовку, из-за поворота вылетела машина, и я увидел такое, что дрожь мою как рукой сняло: я словно прирос к месту и обрел твердость скалы.

Я выстрелил, щелкнул затвором, снова выстрелил и еще раз передвинул затвор, но третий выстрел не понадобился. Машина сошла с дороги, опрокинулась набок и кувырком покатилась вниз по склону холма, с треском ломая кустарник и ударяясь о деревья. И пока она так катилась, свет единственной, каким-то чудом уцелевшей фары несколько раз обмахнул небо, точно луч прожектора.

Потом этот свет погас, и снова наступила тишина. Треск и грохот падения стихли, будто их и не было.

Я опустил винтовку и, не снимая пальца со спускового крючка, вернул затвор на место.

Только теперь я выпустил из легких воздух и сделал глубокий вдох.

Эта машина не имела никакого отношения к людям: в ней не было человеческих существ.

Когда она выскочила из-за поворота и перед моими глазами на секунду возник ее силуэт, за этот краткий миг я успел заметить, что единственная зажженная фара находилась не справа или слева от радиатора, а в самом центре ветрового стекла.

22

Когда я подъехал к хижине, оказалось, что перед ней в маленьком дворике стоит какая-то машина.

— Как это понимать? — спросил я, адресуясь в пространство.

— У Кэрлтона есть какие-нибудь знакомые, которым он мог бы временно уступить хижину? — спросила Джой.

— Насколько я знаю, нет, — ответил я.

Я вылез из машины, обогнул ее и остановился.

Ветер раскачивал низкорослые сосны, и они отзывались тихим скрипом. У берега посмеивались волны и — тук-тук — слышалось ритмичное постукивание: это мягко ударялась о причал лодка Стирлинга.

Джой и Пес вышли из машины и стали рядом со мной. Я не выключил мотор, и хижина была залита светом фар.

Дверь домика отворилась, на пороге показался какой-то мужчина. Видно, он одевался второпях, потому что, выходя, застегивал пряжку пояса. Он с минуту постоял, поглядел на нас, потом медленно спустился с невысокого крылечка. На нем была пижамная куртка и шлепанцы.

Мы ждали, не трогаясь с места, пока он неуверенно шел к нам через двор, щурясь от света фар. Скорей всего, ему было не больше сорока пяти — сорока семи лет, но выглядел он значительно старше. Лицо его заросло густой щетиной, а на голове во все стороны торчали космы нечесаных волос.

— Вы кого-нибудь ищете, братцы? — спросил он.

Он остановился футах в шести, всматриваясь в нас, но его слепил бивший в глаза свет фар нашей машины.

— Мы приехали переночевать, — сказал я. — Мы ведь не знали, что место уже занято.

— Выходит, это ваш дом, мистер?

— Нет, он принадлежит моему другу.

Человек судорожно глотнул. Я видел, как дернулся его кадык.

— Ясное дело, мы тут расположились не по праву, — произнес он. — Взяли, да и въехали. В доме-то ведь никто не живет.

— Так вот, ни у кого не спросясь, и въехали?

— Послушайте, человек хороший, — сказал тот, — неохота мне с вами ссориться. Мы, конечно, могли бы занять другой домишко — их здесь много понатыкано — да так уж получилось, что подвернулся нам этом. Некуда нам было деваться, понимаете? А тут еще хозяйка моя расхворалась. Не иначе как с горя. Раньше-то она у меня никогда не болела.

— А как это получилось, что вам негде жить?

— Я остался без работы, другой не нашлось, а потом и дом потеряли. Банк распорядился нас выселить за неуплату. И шериф выбросил нас на улицу. Сам-то шериф не хотел этого — служба заставила. Очень он переживал, да ничего не поделаешь.

— А что за народ в банке?

— Все какие-то новые люди, — ответил он. — Явились невесть откуда и купили банк. А вот те, что там раньше были, они бы нас не выселили. Они-то еще подождали бы.

— И помещение, в котором вы работали, тоже купили какие-то никому не известные люди, — заметил я.

Он удивленно взглянул на меня.

— А вы-то откуда знаете? — спросил он.

— Сам догадался, — ответил я.

— У меня была скобяная лавка, — объяснил он. — Совсем близко отсюда, при дороге. Рядом с заправочной станцией, что работает круглые сутки. Шло большое спортивное снаряжение. Охотничья и рыболовная снасть, да еще наживка. Дело не шибко выгодное. Доход был невелик, но концы с концами сводили.

Я промолчал. Мне нечего было ему сказать.

— Вы уж извините меня за замок, — проговорил он. — Нам ведь пришлось взломать дверь с черного хода. Если б мы нашли незапертый дом, в него бы мы и въехали. Так ведь они все под замком.

— Одно из окон спальни не заперто, — сказал я. — Рама, правда, заедает, но если поднатужиться, ее можно поднять. Стирлинг никогда не запирает это окно на задвижку, чтобы его друзья могли попасть в дом, когда им вздумается сюда нагрянуть. Чтобы достать до окна, нужно влезть на какой-нибудь деревянный чурбан или камень, но все равно проникнуть в дом совсем не сложно.

— А этот Стирлинг — он что, хозяин?

Я кивнул.

— Тогда скажите ему, что мы просим у него прощения. За то, что самовольно вселились, и за сломанный замок. Пойду, разбужу своих, и мы живо отсюда выкатимся.

— Нет, нет, — сказал я, — оставайтесь. Вот если б у вас нашлось, где устроить на ночлег девушку — ей надо бы немного вздремнуть.

— Обо мне не беспокойся, — сказала Джой. — Я могу поспать и в машине.

— Вы ведь озябнете, — возразил незваный гость Стирлинга. — В эту пору на улице уже холодновато.

— Тогда можно постелить на пол одеяла. Нас это вполне устроит.

— Скажите, — спросил наш новый знакомый, — почему вы на меня не осерчали?

— Приятель, — произнес я, — сейчас не время злобствовать друг на друга. Наступил момент, когда люди должны действовать заодно и заботиться друг о друге. Теперь всем нам нужно держаться вместе.

Несколько растерявшись, он с подозрением взглянул на меня.

— Вы часом не проповедник? — спросил он.

— Нет, я не проповедник, — успокоил я его и повернулся к Джой.

— Хочу подъехать к заправочной станции и позвонить Стирлингу, — сказал я. — Сообщить, что у нас все в порядке. Может, он там сидит и ждет нашего возвращения.

— А я пока пойду в дом, прикину, как вас устроить на ночь, — сказал этот человек. — Мы можем и уехать, только дайте команду.

— Успокойтесь, это отпадает, — сказал я.

Мы сели в машину, и я развернулся. Он не двинулся с места, провожая нас взглядом.

— Что происходит? — спросила Джой, когда мы выехали на дорогу и покатили к главному шоссе.

— О, это только начало, — ответил я. — Цветочки. Ягодки еще впереди. Все больше будет безработных, все больше бездомных. Чтобы закрыть кредит, они скупят банки. Чтобы оставить людей без работы, они скупят и закроют фирмы и предприятия. Скупят виллы и доходные многоквартирные дома, выселят людей, и этим людям негде будет жить.

— Но это же бесчеловечно! — возмутилась она.

— Разумеется.

Так оно и было, конечно. Ведь это же нечеловеческие существа. Какое им дело до судьбы человеческого рода. Род человеческий для них ничто — во всяком случае не более, чем какая-то форма жизни, мешающая использовать эту планету для других целей. Они обойдутся с людьми так же, как некогда сами люди поступили с животными, мешавшими им использовать земельные пространства. Они постараются избавиться от них любыми средствами. Оттеснят их с насиженных мест. Сгонят в кучу. И сделают все, чтобы род человеческий прекратил свое существование.

Я попытался мысленно представить, как это будет осуществляться практически, но задача оказалась не из легких. Основной принцип был мне ясен, однако колоссальный размах не позволял охватить все детали. Ведь для того, чтобы привести к желаемому результату, эта операция должна быть глобальной. И раз уж они пролезли в провинциальный банк и какую-то занюханную придорожную лавчонку, можно с уверенностью сказать, что по крайней мере в Соединенных Штатах — насколько это касается промышленности, торговли и финансов — операция проводится в масштабе всей страны. Потому что никто не станет покупать жалкую лавчонку, пока не наложил лапу на жизненно важные для страны крупные промышленные комплексы. И никто не станет возиться с провинциальным банком, если уже не установлен контроль за более солидными финансовыми учреждениями. Кегельные шары годами скупали акции и, наверняка исподволь, потихоньку занимали стратегические позиции. Ибо они никогда не позволили бы себе действовать так открыто, если б в их руках уже не находились ключевые отрасли экономики.

Есть, конечно, на земном шаре места, где эта операция не сработает. Она может принести плоды только в тех государствах, где процветает частная инициатива, где промышленные предприятия и финансовые учреждения принадлежат отдельным лицам и где природные богатства являются частной собственностью. Она не сработает в России, она не сработает в Китае, но, быть может, они обойдутся без этого. Быть может, достаточно провести такую операцию в нескольких высокоразвитых ин-

дустриальных странах. Ликвидируйте большую часть мировой промышленности, закройте крупнейшие финансовые учреждения, и с человечеством будет покончено. Прекратится торговля, приостановится обращение валюты, не будет кредита, и, содрогаясь в бессильных потугах, погибнет то, что мы зовем цивилизацией.

Но оставался вопрос, на который пока не нашлось ответа, — вопрос, крутившийся под самой поверхностью сознания и неоднократно уже всплывавший, но сразу уходивший в глубину.

Откуда взялись все эти деньги?

Ибо на проведение подобной операции нужны деньги — такое их количество, которого, пожалуй, не наберется во всем мире. И еще один вопрос, столь же актуальный. Когда и как были выплачены эти деньги?

Напрашивался ответ, что они вообще не могли быть выплачены. Ведь в противном случае банки были бы наводнены деньгами и в финансовых кругах уже заподозрили бы, что творится что-то неладное.

И обдумывая это, я вдруг вспомнил о том, что сообщил мне сегодня в конце дня Дау Крейн. Он сказал тогда, что банки буквально лопаются от невиданного притока денег. Что они переполнены деньгами. Наличными деньгами, которые люди несут к ним вот уже около недели.

Так что, может, они все-таки были выплачены, если не все, так большая их часть. И выплачены сразу — все платежи умышленно произвели в пределах одной недели; все сделки купли-продажи, все договора и опционы были оформлены с таким расчетом, чтобы не исказить картины финансового положения страны, чтобы не натолкнуть кого-нибудь на мысль, что происходит нечто странное. А если уж они действуют в открытую, положение человечества безнадежно и до гибели ему остался какой-то шаг.

Но все эти предположения и умозаключения не давали ответа на тот, первый вопрос: откуда все-таки взялись все эти деньги?

Понятно, что кегельные шары не выручали их за какие-нибудь товары, которые они могли привезти со своей планеты и продать на Земле. Ведь продай они некое количество этих неизвестных товаров, достаточное, чтобы сколотить из выручки рабочий капитал, это не могло бы пройти незамеченным. Если, конечно, эти товары не обладали невероятной, фантастической ценностью — не были чем-то таким, о существовании чего никто даже не догадывался; если они не были настолько ценными, что сам этот факт заставлял человека, который приобрел это таинственное сокровище, хранить его только для себя, зная, что оно обесценится, если он когда-либо решит им поделиться. Только при этом условии можно было незаметно ввезти на Землю какие-нибудь товары инопланетного происхождения.

— Сейчас мы свяжемся с биологом, который пребывает в своей лаборатории, — возвестил Пес.

— Правильно, — сказал я. — Иначе он будет недоумевать, куда мы запропастились.

— Мы должны предупредить его, — сказал Пес, — чтобы он соблюдал величайшую осторожность. Не помню, мы это сделали или нет. Эти твари в мешке, которых мы ему отдали, способны быть исключительно коварными.

— Ну, об этом можно не беспокоиться, — заверил я Пса. — Уж Стирлинг-то примет нужные меры. Возможно, что в эту самую минуту он уже знает о них больше, чем любой из нас.

— Допустим, мы сейчас позвоним ему, — проговорила Джой, — потом немного вздремнем и наступит утро. А что дальше?

— Будь я проклят, если знаю, — сказал я. — Что-нибудь сообразим. Мы просто обязаны что-нибудь придумать. Ведь необходимо наконец поставить людей в известность о том, что происходит. И мы должны обмозговать, в какой это сделать форме — так, чтобы они поняли и поверили нам.

Мы выехали на шоссе, и впереди блеснули огни заправочной станции.

Я подъехал к ней и затормозил перед колонкой.

Появился заправщик.

— Наполните бак, — сказал я ему. — У вас есть здесь телефон?

Он ткнул большим пальцем назад, в строну здания станции.

— Там, в углу, рядом с сигаретным автоматом.

Я вошел в помещение станции, набрал номер и, по просьбе телефонистки, опустил в прорезь монету. Раздались длинные гудки.

Мне ответил чей-то голос — резкий официальный голос, который не принадлежал Стирлингу.

— Кто вы? — спросил я. — Мне нужен Кэрлтон Стирлинг.

Голос оставил мой вопрос без ответа.

— А вы кто? — в свою очередь спросил он.

Я возмутился. Меня всегда бесят подобные штучки, но сейчас я спрятал свое возмущение в карман и назвал себя.

— Откуда вы звоните?

— Послушайте.

— Мистер Грэйвс, — перебил меня голос, — с вами говорит представитель полиции. Нам нужно с вами побеседовать.

— Полиция! Что там стряслось?

— Кэрлтон Стирлинг мертв. Около часа назад сторож обнаружил его труп.

23

Я затормозил перед зданием биологического факультета и вылез из машины.

— Ты уж лучше останься здесь, — сказал я Псу. — Сторож тебя не очень-то жалует, да и я предпочел бы не объяснять полицейским, откуда вдруг взялась говорящая собака.

Пес порывисто вздохнул, продув в усах пробор.

— Пожалуй, моя персона их несколько ошеломила бы, — проговорил он, — хотя ныне покойный биолог воспринял меня очень спокойно. Намного спокойнее, смею заметить, чем вы сами.

— У него было передо мною большое преимущество, — объяснил я. — Он рассматривал тебя с истинно научной точки зрения.

А секундой позже я с недоумением спросил себя, как мог я сейчас позволить себе хотя бы намек на шутку — ведь Стирлинг был моим другом и, вполне возможно, что именно мне принадлежала вина за его смерть, — хотя в тот момент мне не были известны обстоятельства, при которых он ушел из жизни.

Я вспомнил, как в то утро, развалясь в кресле, он спал в комнате радиопрослушивания, а жить-то ему оставалось меньше суток; как он легко проснулся, не рассерженный, не удивленный, и завел разговор в своем обычном сумасшедшем стиле, к которому давно привыкли те, кто его хорошо знал.

— Подожди нас, — сказал я Псу. — Мы не очень задержимся.

Мы с Джой поднялись по ступенькам, и я собрался было забарабанить в парадную дверь, но она оказалась незапертой. Мы одолели лестницу — дверь в лабораторию Стирлинга была открыта настежь.

Двое мужчин, поджидая нас, сидели на лабораторном столе. Они о чем-то разговаривали, но, услышав в коридоре наши шаги, разом замолчали — мы слышали, как они прервали свою беседу, — и уже молча ждали нашего появления.

Один из них был Джо Ньюмен — тот малый, который позвонил мне по поводу катившихся по дороге кегельных шаров.

— Привет, Паркер, — сказал он, спрыгнув со стола. — Привет, Джой.

— Привет, привет, — отозвалась Джой.

— Это Билл Лиггет, — представил второго мужчину Джо Ньюмен. — Он из отдела по расследованию убийств.

— Из отдела по расследованию убийств? — переспросил я.

— Конечно, — ответил Джо. — Они ведь считают, что Стирлинга кто-то прикончил.

Я круто повернулся к сыщику.

Он кивнул.

— Он умер от асфикции. Как будто его придушили. Однако на нем не обнаружили никаких следов насилия.

— Вы хотите сказать...

— Видите ли, Грэйвс, если человек душит другого, он оставляет на шее своей жертвы следы. Синяки, ссадины. Нужно немало потрудиться, чтобы задушить человека насмерть. И, как правило, при этом наносятся значительные телесные повреждения.

— А на нем таких следов нет?

— Ни пятнышка.

— Так, может, он просто задохнулся. Подавился едой или питьем. Или у него была мышечная судорога.

— Док это отрицает.

Я покачал головой.

— Тут сам черт ногу сломит.

— Быть может, что-нибудь выяснится после вскрытия, — сказал Лиггет.

— Просто не верится, что он умер, — сказал я. — Я ведь видел его только сегодня вечером.

— Насколько нам известно, — произнес Лиггет, — вы последний, кто видел его в живых. Ведь он был жив тогда, верно?

— Живей живого.

— В котором это было часу?

— Примерно в половине одиннадцатого. А может, около одиннадцати.

— Сторож сказал, что он впустил вас. С собакой. Он хорошо это помнит, потому что не хотел тогда пускать собаку. Говорит, вы заявили, что это не собака, а подопытный экспонат. Это правда, Грэйвс?

— Черт побери, конечно, нет, — ответил я. — Я просто пошутил.

— А почему вам понадобилось тащить с собой наверх собаку? Ведь сторож вам запретил.

— Я хотел показать ее Стирлингу. Мы с ним раньше говорили о ней. Во многих отношениях это весьма примечательный пес. Несколько дней он бродил вокруг моего дома и вел себя вполне дружелюбно.

— Стирлинг что, любил собак?

— Не знаю. Думаю, что особого пристрастия к собакам у него не было.

— А где эта собака сейчас?

— Внизу, в машине, — ответил я.

— Разве ваша машина сегодня вечером не взорвалась?

— Точно не знаю. Я только слышал об этом по радио. Они считают, что я погиб в ней.

— Но вас в машине не было.

— По-моему, на этот счет не может быть никаких сомнений, не так ли? Вы там установили, кто потерпевший?

Лиггет кивнул.

— Один сопляк, которого до этого уже раза два привлекали за кражу машин. Крал их только для того, чтобы покататься. Проедет несколько кварталов, потом бросит машину и смоется.

— Дело дрянь.

— Куда уж. А вы все-таки за рулем?

— Это моя машина, — вставила Джой.

— Вы, сударыня, были с ним весь вечер?

— Мы вместе поужинали, — ответила Джой. — И с тех пор я с ним не расставалась.

Умница девочка, подумал я. Ничего не говори этому фараону. Он только все испакостит.

— Вы ждали в машине, пока он с собакой был наверху?

Джой кивнула.

— Сдается мне, — проговорил Лиггет, — что сегодня вечером по соседству с вашим домом произошла какая-то потасовка. Вам что-нибудь об этом известно?

— Ровным счетом ничего, — ответила Джой.

— Не обращайте на него внимания, — вмешался Джо. — Он душу вымотает вопросами. У него все на подозрении. Так ведь служба у него такая. Этим он зарабатывает свой кусок хлеба.

— Черт знает что, — возмутился Лиггет. — Это надо же — вы двое замешаны в таком количестве историй, а чисты как новорожденные.

— На том стоим, — заметила Джой.

— Как вы оказались у озера? — спросил Лиггет.

— Просто поехали прокатиться, — ответил я.

— Вместе с собакой?

— Конечно. Мы взяли ее с собой. С ней не соскучишься.

На крюке, куда его повесил Стирлинг, пакета не было; насколько мне удалось заметить, его не было нигде. А оглядеться как следует я не мог, не рискуя привлечь внимание Лиггета.

— Вам придется поехать в полицию, — сказал мне Лиггет. — Вам обоим. Нужно уточнить кое-какие обстоятельства.

— Старик в курсе, — вмешался Джо. — Ему позвонили из отдела городских новостей сразу же после твоего звонка в лабораторию.

— Спасибо, Джо, — поблагодарил я его. — Надеюсь, мы сумеем за себя постоять.

Однако в душе у меня не было той уверенности, которую я вложил в это заявление. Ведь, если мы все вместе спустимся вниз и Пес начнет трепаться, а Лиггет его услышит, не оберешься неприятностей. К тому же в машине лежала винтовка с полупустым магазином и следами недавних выстрелов на внутренней поверхности ствола, выстрелов, которые я произвел по той машине. Мне здорово придется попотеть, объясняя, в какую цель я стрелял и почему вообще брал с собой винтовку. В одном кармане у меня лежал заряженный пистолет, а другой был набит винтовочными и пистолетными патронами. Никто, ни один добропорядочный гражданин, если у него чиста совесть и благие намерения, не станет разгуливать с заряженным пистолетом в кармане, возя с собой в машине винтовку, из которой недавно стрелял.

Было еще много кой-чего, на чем они могли нас поймать. Более чем достаточно. Хотя бы тот телефонный звонок — когда Джой позвонила Стирлингу. Если сыщики взялись за дело всерьез, без дураков, они скоро пронюхают про этот звонок. И наверняка какой-нибудь сосед Джой, выскочивший на тот жуткий гомон, заметил стоявшую перед ее домом машину и видел, как она на полной скорости рванула по улице.

Быть может, подумал я, нам следовало бы сообщить Лиггету побольше сведений. Или в своих ответах быть с ним пооткровеннее. Ведь стоит ему только захотеть, он запросто уличит нас во лжи.

Однако, если б мы пошли по этому пути, если б мы сказали ему хоть четверть правды, уж тут-то они бы обязательно продержали нас в участке несколько часов, чтобы всласть позубоскалить над нашим рассказом или попытаться подыскать этим фактам какое-нибудь солидное, вполне современное объяснение.

Впрочем, возможно, так оно и будет, сказал я себе, — все это еще вполне может произойти, но пока мы держим язык за зубами, есть еще надежда на какой-нибудь неожиданный поворот событий.

Когда я в тот свой приезд открыл коробку с винтовочными патронами, часть их высыпалась на пол. И их поднял Стирлинг. Но как он ими распорядился — отдал их мне, положил себе в карман или на лабораторный стол? Я попытался вспомнить, но не смог, хоть режь меня на куски. Если эти патроны нашли полицейские, им нетрудно будет увязать винтовку в моей машине с лабораторией, и они еще больше запутаются в своих подозрениях.

Если б мне только дали время, подумал я, я бы все объяснил. Но времени у меня не было, а сейчас такое объяснение само по себе повлечет за собой мышиную возню расследований и допросов, пронизанных непробойным скептицизмом. Поэтому, когда я наконец соберусь раскрыть людям глаза, я выберу более подходящую аудиторию, чем участковые полицейские.

Я отлично сознавал, что мне одному не расхлебать эту кашу. Но я обязан был найти человека, которому это под силу. И уж кому-кому, а полиции такой орешек не по зубам.

Я стоял там, исподтишка оглядывая лабораторию, отыскивая глазами пакет. И вдруг увидел нечто другое — на какой-то миг тут появилось что-то еще. Уголком глаза я заметил какое-то движение и зримый образ, сознание мое зафиксировало мимолетное вороватое движение в раковине, и у меня создалось отчетливое впечатление, что из раковины на секунду высунулась любопытствующая голова огромного черного червя.

— Ну как, пошли, что ли? — спросил Лиггет.

— О, конечно, — согласился я.

Я взял Джой за руку — ее бил озноб, но внешне это не было заметно; я почувствовал, что она дрожит, только прикоснувшись к ней.

— Успокойся, девочка, — сказал я. — Лейтенант только возьмет показания, и все.

— С вас обоих, — уточнил Лиггет.

— И с собаки тоже? — спросил я.

Он оскорбился. Я понял это по его виду. Черт меня потянул за язык.

Мы направились к двери. Когда мы уже подошли к самому порогу, раздался голос Джо:

— Ты уверен, Паркер, что тебе нечего передать через меня Старику?

Я быстро обернулся — лицом к нему и лейтенанту — и одарил их обоих улыбкой.

— Ни полслова, — отчеканил я.

Мы вышли в коридор, Джо шел за нами, а сыщик замыкал шествие. Он плотно прикрыл дверь в лабораторию, и я услышал, как щелкнул замок.

— Поезжайте в центр, — сказал Лиггет. — К полицейскому управлению. А я следом за вами, в своей машине.

— Благодарю, — сказал я.

Мы спустились по лестнице и, выйдя из парадного, сошли по ступенькам на тротуар.

— Пес, — шепнула мне Джой.

— Я заткну ему глотку, — успокоил я ее.

А как же иначе? На какое-то время он должен превратиться в самого обыкновенного добродушного нечленораздельного ворчащего пса. Хватало неприятностей и без его болтовни.

Но мы напрасно беспокоились.

Заднее сиденье пустовало. Пса и след простыл.

24

Лейтенант провел нас в какую-то комнатушку, чуть побольше каморки, и оставил одних.

— Я на минутку, — бросил он, уходя.

В комнате стояли небольшой стол и несколько неудобных стульев. Она была какой-то безликой, холодной, и в ней гнетуще пахло плесенью.

Джой взглянула на меня, и я понял, что ей страшно, но она изо всех сил храбрится.

— Что ж теперь делать? — спросила она.

— Понятия не имею, — ответил я. И добавил: — Прости, что я впутал тебя в эту историю.

— Но мы ведь не сделали ничего дурного, — возразила она.

В этом-то и весь идиотизм нашего положения. Мы не сделали ничего дурного, а вместе с тем завязли по уши, и хотя могли, честно

рассказав о том, что произошло, все объяснить, таким объяснениям никто не поверит.

— Я бы не прочь хлебнуть чего-нибудь покрепче, — сказала Джой.

Наши желания совпадали, но я промолчал.

Мы все сидели и сидели, а секунды тащились, еле волоча ноги. Разговор не клеился, и было очень муторно.

Сгорбившись, я сидел на стуле и думал о Кэрлтоне Стирлинге, о том, каким он был замечательным парнем и как мне будет не хватать моих набегов на лабораторию, когда я неожиданно врывался к нему, наблюдал, как он работает, и слушал его рассуждения.

Должно быть, Джой думала о том же, потому что она вдруг спросила:

— Ты считаешь, что его кто-то убил?

— Не кто-то, — поправил я. — Что-то.

Я не сомневался, что его прикончили те самые штуки, которых я принес ему в полиэтиленовом мешке. Я переступил порог лаборатории, неся смерть одному из самых близких друзей.

— Ты казнишь себя, — произнесла Джой. — Брось, тут нет твоей вины. Откуда ты мог знать?

Что правда, то правда, знать мне было неоткуда, но это служило слабым утешением.

Открылась дверь, и в комнату вошел Старик. Один, без сопровождения.

— Поехали, — сказал он. — Все улажено. Вы здесь больше никому не нужны.

Мы встали и направились к двери.

Я смотрел на него с некоторым замешательством.

Он коротко хохотнул.

— Я не нажимал ни на какие тайные пружины, — проговорил он. — Не использовал ни капли влияния. Ни на кого не давил.

— Тогда в чем же дело?

— В заключении медицинского эксперта, — сказал он. — Причина смерти твоего друга — острый приступ стенокардии.

— Но ведь у Стирлинга было здоровое сердце, — возразил я.

— Видишь ли, им больше не за что было уцепиться. А они ведь обязаны дать какое-то заключение.

— Давайте переменим обстановку, — попросила Джой. — Это помещение действует мне на нервы.

— Поедем в редакцию, — сказал Старик, обращаясь ко мне, — и опрокинем по стаканчику. Мне нужно обсудить с тобой кое-какие вопросы. Вы с нами, Джой, или вам не терпится вернуться домой?

Джой вздрогнула.

— Я поеду с вами, — поспешно ответила она.

Я сразу понял, почему она так встревожилась. Ей до смерти не хотелось возвращаться в тот дом и слушать, как копошатся во дворе эти твари, слышать их возню, даже если их уже там нет.

— Посадите к себе Джой, — сказал я Старику, — а я поведу ее машину.

Выйдя из участка, мы едва перебросились несколькими словами. Я ожидал, что Старик начнет расспрашивать меня о взрыве машины, а может, и не только об этом, но он почти не открывал рта.

Он не разговаривал даже в лифте, когда мы поднимались на его этаж. Войдя в свой кабинет, он прямым ходом направился к шкафчику с напитками и достал бутылки.

— Тебе виски, Паркер, — вспомнил он. — А что вам, Джой?

— То же самое, — ответила она.

Он наполнил стаканы и подал их нам. Потом, вместо того чтобы усесться за свой письменный стол, опустился на стул рядом с нами. Вероятно, этим он хотел дать нам понять, что сейчас он с нами на равных — не босс, а такой же, как и мы, рядовой сотрудник газеты. Подчас он доходил до смешного, стараясь продемонстрировать свою скромность, но бывали, конечно, времена, когда скромностью от него и не пахло.

Он явно хотел о чем-то поговорить со мной, но все никак не решался начать. А я не пошел ему навстречу. Сидел спокойно, потягивая виски: пусть-ка сам выкручивается, как может. Интересно, подумал я, что именно ему известно и имеет ли он хоть малейшее представление о том, что сейчас творится на свете.

И вдруг меня осенило, что в заключении судебно-медицинской экспертизы, возможно, и речи не было ни о каком приступе стенокардии, что Старик оказал на полицию немалое давление и бился он за нас по той простой причине, что понял — или предположил, — что мне кое-что известно и эти сведения могут оказаться для него достаточно ценными, чтобы ради них вызволить меня из полиции.

— Ну и денек, — проговорил он.

Я согласился, что день выдался нелегкий.

Он промямлил что-то о тупости полицейских, и я, утвердительно хмыкнув, дал понять, что придерживаюсь того же мнения.

Наконец он таки взял быка за рога.

— Паркер, — произнес он, — ты разнюхал что-то очень важное.

— Не исключено, — отозвался я. — Только не знаю, что вы имеете в виду.

— Быть может, до такой степени важное, что кое-кто был бы не прочь отправить тебя на тот свет.

— Кто-то и впрямь пытался, — согласился я.

— Можешь мне довериться, — проворковал он. — Если нужно сохранить это в тайне, я помогу тебе.

— Я пока ничего не могу вам сказать, — произнес я. — Потому что, стоит мне об этом заговорить, вы решите, что я не в своем уме. Вы не поверите ни одному моему слову. Эти сведения таковы, что я смогу сообщить их кому-нибудь только после того, как раздобуду побольше доказательств.

Он изобразил на лице изумление.

— Значит, это настолько серьезно... — протянул он.

— Вот именно, — подтвердил я.

У меня язык чесался ему рассказать. Я жаждал с кем-нибудь поделиться. Изнемогал от желания разделить с кем-нибудь свою тревогу и страх, но только с тем, кто охотно мне поверит и с той же охотой хотя бы попытается принять какие-то меры против надвигающейся опасности.

— Босс, — сказал я, — вы можете побороть в себе неверие? Можете поручиться, что готовы признать хотя бы возможность всего того, о чем я вам расскажу?

— А ты меня испытай, — предложил он.

— К черту! Этого мне недостаточно.

— Ну ладно, тогда по рукам.

— Как бы вы отреагировали, если б я сказал, что на Земле сейчас находятся пришельцы с какой-то далекой звезды и эти пришельцы покупают Землю?

— Я бы счел тебя душевнобольным, — ледяным тоном ответил он.

Он принял это за неуместную шутку.

Я встал и поставил стакан на письменный стол.

— Этого я и боялся, — произнес я. — Я предвидел такой ответ.

Джой тоже поднялась.

— Пошли, Паркер, — сказала она. — Нам тут делать нечего.

Старик набросился на меня:

— Но это же не то, Паркер. Ты просто решил надо мной подшутить!

— Черта с два, — сказал я.

Мы вышли в коридор. Мне казалось, что он подойдет к двери и позовет нас обратно, но не тут-то было. Когда мы, не дожидаясь лифта, повернули к лестнице, я мельком взглянул на него через открытую дверь — он по-прежнему сидел на стуле, глядя нам вслед, словно раздумывая над тем, что лучше: затаить на нас обиду, или просто уволить, или, может, все-таки принять во внимание мои слова — а вдруг я сказал такое неспроста. Он показался мне маленьким и далеким. Словно я взглянул на него в перевернутый бинокль.

Чтобы спуститься в вестибюль, мы отсчитали ногами ступеньки трех лестничных маршей. Право, не знаю, почему мы не воспользовались лифтом. Нам это даже в голову не пришло. Вероятно, мы просто стремились побыстрее выбраться оттуда.

Улица встретила нас дождем. Тоскливый и холодный, он еще не вошел в силу и пока только слегка накрапывал.

Мы побрели к машине и, подавленные, в нерешительности остановились перед ней, не зная, как быть дальше.

Я думал о той пакости, которая сидела тогда в моем стенном шкафу (не то чтобы я действительно знал, что именно там скрывалось), и о том, какая участь постигла мою машину. Я не сомневался, что Джой в эту минуту вспомнились те твари, которые шастали вокруг ее дома и, возможно, рыскают там до сих пор. И независимо от того, есть они там или нет, ей еще долго будет слышаться их возня.

Она пододвинулась ко мне вплотную, и в этом промозглом мраке я молча обнял ее и крепче прижал к себе, подумав, что мы с ней точно заблудившиеся испуганные дети, ищущие друг у друга защиты от дождя. И охваченные страхом перед темнотой. Впервые в жизни охваченные страхом перед темнотой.

— Смотри, Паркер, — произнесла она.

Она протянула мне руку ладонью кверху, и на ладони лежал какой-то предмет, предмет, который она до этого прятала в кулаке.

Я наклонился, чтобы разглядеть его получше, и в тусклом свете уличного фонаря, стоявшего в конце квартала, увидел на ее ладони ключ.

— Это ключ от лаборатории Стирлинга — он торчал в замке, — проговорила она. — Когда все отвернулись, я потихоньку его вытащила. Этот недотепа сыщик, закрывая дверь, даже не подумал о ключе. Он так на тебя обиделся. За то, что ты спросил, не собирается ли он брать показания с собаки. А о ключе и не вспомнил.

— Молодчина! — воскликнул я и, сжав ладонями ее лицо, поцеловал ее. Хотя, признаться, мне до сих пор не понятно, почему этот ключ привел меня тогда в такой восторг. Видно, потому, что в конечном итоге мы все-таки перехитрили представителя власти, выиграли какой-то ход в этой страшной, зловещей игре.

— Давай заглянем в лабораторию, — предложила Джой.

Я открыл дверцу и помог ей сесть в машину, потом, обойдя вокруг, сел за руль. Достал ключ, вставил его в замок зажигания и повернул, чтобы включить мотор. И когда мотор, закашляв, завелся, я инстинктивно попытался выдернуть ключ обратно, сознавая, впрочем, что уже слишком поздно.

Но ничего не случилось. Мотор добродушно урчал, работал нормально, как миленький. Никакой бомбы в машине не было.

Я покрылся испариной.

— Что с тобой, Паркер?

— Ничего.

Я включил передачу, отъехал от тротуара. И тут мне вспомнились те предыдущие разы, когда я заводил мотор, не думая ни о какой опасности, — около усадьбы «Белмонт», перед зданием биологического факультета (оттуда я отъезжал дважды), у полицейского участка — так что, возможно, это ничем не грозило. Может статься, что, потерпев

однажды неудачу, кегельные шары никогда не прибегнут к тому же методу вторично.

Я свернул на боковую улицу, держа путь к Университетской авеню.

— Может, это пустая затея, — сказала Джой. — Вдруг окажется, что парадное заперто.

— Когда мы уходили оттуда, оно было открыто, — возразил я.

— Но ведь сторож мог его потом запереть.

Однако он этого не сделал.

Мы беспрепятственно проникли в здание и, стараясь ступать как можно тише, поднялись по лестнице.

Мы подошли к лаборатории Стирлинга, и Джой протянула мне ключ. Немного повозившись, я наконец попал ключом в скважину, повернул его и распахнул дверь.

Мы вошли, и я закрыл за нами дверь. Щелкнул замок.

Комната была слабо освещена: на лабораторном столе мерцала крохотная спиртовка, которая — я был в этом уверен — раньше тут не горела. А у стола на высоком табурете восседала какая-то странно искривленная фигура.

— Добрый вечер, друзья, — произнесла фигура.

Я безошибочно узнал этот звучный, отлично поставленный голос.

На табурете сидел Этвуд.

25

Мы застыли на месте, пожирая его глазами, а он вдруг захихикал. Возможно, он собирался разразиться хохотом, но из его горла вырвалось лишь жалкое хихиканье.

— Если я выгляжу несколько необычно, — сказал он, — то это потому, что я здесь не весь. Я частично вернулся домой.

Теперь, когда наши глаза немного привыкли к полумраку, мы разглядели его получше — он был скрючен, кривобок и как-то даже маловат для человека. Он был невероятно худ, одна рука короче другой, а лицо перекошено и деформировано. И однако же одежда сидела на нем как влитая, словно была сшита с учетом всех его физических недостатков.

— На то есть еще одна причина, — заметил я. — Вы ведь лишились своей модели.

Я порылся в кармане пальто и выудил маленькую куклу, которую подобрал на полу в подвале усадьбы «Белмонт».

— Я далек от того, чтобы использовать это вам в ущерб, — сказал я.

Я швырнул ему куклу, и, несмотря на скудное освещение, он ловко поймал ее укороченной рукой. И едва кукла коснулась его пальцев,

она моментально растворилась в нем — словно его тело или рука были ртом, который в мгновение ока всосал ее.

Его лицо обрело симметрию, руки сравнялись в длине, бесследно исчезла кривобокость. Но зато одежда теперь сидела на нем прескверно, а короткий рукав пиджака едва прикрывал половину руки. И он все еще был меньше, гораздо меньше того Этвуда, которого я помнил.

— Благодарю, — сказал он. — Это помогает. С ней значительно легче сохранить свой облик — не нужно так сосредотачиваться.

Рукав вырастал на глазах, постепенно закрывая руку. Менялась и остальная одежда, приспосабливаясь к новой форме его тела.

— Хлопот не оберешься с этой одеждой, — вскользь заметил он.

— Вот почему в вашей конторе, в той, что в центре города, собран такой богатый гардероб.

Это его слегка ошеломило, но он тут же опомнился:

— Ах, да, ведь вы же там побывали. Просто я запамятовал. Должен сказать, мистер Грэйвс, что вы весьма оперативны.

— Профессиональное качество, — объяснил я.

— А кто это с вами?

— Простите, забыл вас представить. Мисс Кейн, мистер Этвуд.

Этвуд воззрился на нее.

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что никогда не встречал более бестолковой системы воспроизведения себе подобных, чем ваша, человеческая.

— А нам она нравится, — заявила Джой.

— Но она же такая нескладная и усложненная, — возразил он. — Вернее, вы сами сделали ее такой, загромоздив обычаями и нравственными установками. Полагаю, что в других отношениях она безукоризненна.

— Вам это, конечно, неизвестно, — заметил я.

— Мистер Грэйвс, — произнес он, — по-моему, вы должны понимать, копируя ваши тела, мы вовсе не обязаны заниматься всеми видами деятельности, вытекающими из функций этих тел.

— Копируете наши тела, — проговорил я. — А может, кое-что еще? Скажем, бомбы, которые подкладывают в машины.

— Безусловно, — согласился он. — Это проще простого.

— Или капканы, которые устанавливают перед дверью?

— О, это тоже простой механизм. Как вы понимаете, в нем нетрудно разобраться. Вот если что посложнее — это уже не по нашей части.

— Но почему именно капкан? — спросил я. — Ведь вы себя этим выдали. До этого я даже не подозревал о вашем существовании. Мне и во сне не снилось, что на свете могут быть такие, как вы. Если бы не капкан...

— Вы бы все равно узнали о нас, — сказал он. — Вы из тех, кто способен сообразить, что к чему. Дело в том, что мы взяли вас на заметку. Быть может, мы изучили вас куда лучше, чем вы сами. Мы

знали, на что вы способны и как, вероятнее всего, себя поведете. К тому же мы немного осведомлены о событиях ближайшего будущего. Правда, не всегда, но порой случается, что мы их можем предсказать. Есть ряд факторов...

— Да погодите вы, черт вас возьми, — перебил я его. — Вы говорите, что изучили меня. Но, конечно, не только меня, так ведь?

— Конечно. Мы знали кое-что о каждом из вас, о каждом, кто мог оказаться в таком положении, что рано или поздно догадался бы о нашем существовании. Сюда относятся репортеры, юристы, ряд чиновников государственных учреждений, крупнейшие промышленники и...

— И вы их всех разобрали по косточкам?

Он едва сдерживал самодовольную усмешку.

— Всех без исключения.

— И взяли под прицел не только меня?

— Что за вопрос! Таких, как вы, оказалось не так уж много.

— А потом появились капканы, бомбы и...

— О, самые разнообразные приспособления, — заверил он меня.

— Вы их убили! — взорвался я.

— Если настаиваете, назовем это так. Однако, чтобы вы не слишком фарисействовали, считаю своим долгом напомнить, что вы вернулись сейчас сюда с твердым намерением вылить в раковину какую-нибудь кислоту.

— Не спорю, — согласился я, — но теперь мне ясно, что это ничего бы не дало.

— Вполне вероятно, — сказал Этвуд, — что вы бы меня уничтожили — если не полностью, то, по крайней мере, большую часть моей персоны. Я ведь сидел в канализационной трубе.

— Я бы избавился от вас, — сказал я. — Но не от остальных.

— Что бы имеете в виду? — спросил он.

— Уничтожить вас, и ваше место займет другой Этвуд. Стоит лишь захотеть, и в любой момент может появится другой Этвуд. Честно говоря, я не вижу смысла в бесконечном уничтожении Этвудов, если на случай необходимости у вас всегда есть под рукой запасной.

— Право, не знаю, — задумчиво проговорил Этвуд. — Никак не постигну вашу породу. В вас, людях, есть нечто, не поддающееся определению и, по-моему, совершенно бессмысленное. Вы устанавливаете для себя правила поведения, кропотливо разрабатываете модели своих убогих социальных систем, но вы не систематизируете самих себя. В какой-то момент вы можете проявить поразительную глупость, а в следующую секунду блеснуть гениальным умом. И самый страшный ваш порок, самое в вас ужасное — это затаенная, прочно въевшаяся в вас вера в судьбу. Не в чью-нибудь судьбу, а именно в свою. Даже думать об этом — и то противно.

— А вот вы — вы бы не затаили на меня зла, облей я вас кислотой, — заметил я.

— Отчасти вы правы, — согласился Этвуд.

— В этом-то между нами и разница, — сказал я. — Та разница, которую вам не мешает принять во внимание. Я ненавижу вас — или вам подобных — за попытку убить меня. И в той же степени, а может, даже сильнее, я ненавижу вас за то, что вы убили моего друга.

— Докажите это, — вызывающим тоном потребовал Этвуд.

— Что значит — докажите?

— Докажите, что я убил вашего друга. Насколько я понимаю, это истинно человеческий подход к такого рода вопросам. Вам удается безнаказанно совершать любые преступления, если никто не докажет, что это ваша работа. Кроме того, мистер Грэйвс, вы смешиваете различные точки зрения. А они ведь меняются в зависимости от условий.

— Иными словами, есть места, где убийство не считается преступлением?

— Вот именно, — подтвердил Этвуд.

Судорожно мигало пламя спиртовки, и по комнате метались изменчивые тени. Я вдруг подумал, как обыденно и банально выглядит наша беседа — мы двое, обитатели разных планет и продукты совершенно несходных цивилизаций, разговариваем друг с другом так, словно оба мы — люди. Быть может, это потому, что то, другое существо, кем бы оно ни было, приняло облик человека и усвоило человеческую речь, поступки и, возможно, до какой-то степени даже человеческие взгляды на жизнь. Интересно, подумал я, создалась бы подобная атмосфера, если б с нами разговаривал лежащий на табурете кегельный шар — как, скажем, беседовал с нами Пес, не двигая по-человечески губами. И могло бы существо, которое хоть на краткий период, но все-таки стало Этвудом, рассуждать так легко и свободно, если б оно не впитало в себя колоссальное количество сведений — пусть даже поверхностных — о Земле и Человеке.

Мне захотелось узнать, давно ли эти пришельцы на Земле и сколько их здесь. Быть может, долгие годы они не только терпеливо набирались знаний, но одновременно проникались самим духом Земли и Человека, изучая социальные структуры, экономические системы и организацию финансов. Я прикинул, что на это, должно быть, потребовалось немало времени, потому что с самого начала им наверняка пришлось заниматься не одним только сбором информации: углубившись в лабиринт наших законов о собственности, наших правовых систем и коммерческих операций, они, вероятно, столкнулись с факторами не просто незнакомыми, а совершенно им чуждыми.

Джой схватила меня за руку.

— Пойдем отсюда, — сказала она. — Мне что-то не нравится этот тип.

— Мисс Кейн, — проговорил Этвуд, — мы вполне допускаем, что вы можете испытывать к нам неприязнь. Сказать по правде, мы не придаем этому никакого значения.

— Сегодня утром я говорила с одной семьей — эти люди от отчаяния потеряли голову, — сказала Джой. — И все из-за того, что им негде жить. А вечером мне встретилась другая семья, которую выбросили на улицу, потому что глава семьи остался без работы.

— Такого рода события происходили на протяжении всей вашей истории, — изрек Этвуд. — Этим вы меня не убедите. Я читал труды по вашей истории. В положении, которое мы создали, нет ничего нового. Напротив, для вас, людей, оно очень и очень старо. Мы действовали честно и, поверьте, свято чтили букву закона.

На миг мне показалось, что мы, все трое, играем старинную комедию нравов, в которой, чтобы ярче оценить заложенную в пьесе идею, чудовищно преувеличены основные пороки человечества.

Я почувствовал, как Джой крепче сжала мне руку, и понял, что, быть может, до нее впервые по-настоящему дошло, насколько аморален наш собеседник. А может, она еще осознала, что это существо, этот Этвуд — не более чем зримая проекция бесчисленной могучей орды пришельцев, пожелавших отнять у нас Землю. За существом, сидевшим на табурете, словно виделась алчная, всепожирающая тьма, налетевшая с какой-то далекой звезды, чтобы уничтожить Человека. И хуже того — не только самого Человека, но и все творения его рук, все дорогие его сердцу мечты, пусть несовершенные, как, впрочем, все мечты человечества.

Я вдруг понял, что величайшая трагедия — не в гибели самого Человека, а в гибели всего того, за что Человек боролся, того, что он создал, и того, что он еще собирался совершить в будущем.

— Несмотря на возмущение или даже ненависть, которые может испытывать по отношению к нам человеческий род, — произнес Этвуд, — объективно мы не совершили ни одного противозаконного действия, даже если исходить из вашей собственной концепции правомерности тех или иных поступков. Ни один закон не запрещает кому бы то ни было, даже пришельцам, приобретать собственность или владеть ею. Вы сами, друг мой, и ваша дама имеете полное право купить все, что вашей душе угодно. Вы можете скупить и, если такова ваша цель, владеть ею, всю имеющуюся в мире собственность.

— Это отпадает по двум причинам, — возразил я. — Одна из них — отсутствие денег.

— А другая?

— Это просто неприлично, — ответил я. — Ведь такое не принято. Пожалуй, есть еще и третья причина. Так называемые антитрестовские законы.

— Ах, это, — протянул Этвуд. — О них-то мы неплохо осведомлены и приняли кое-какие меры.

— Не сомневаюсь.

— Если смотреть в корень, — сказал Этвуд, — то единственное, что действительно необходимо для проведения подобной операции, — это деньги.

— Вы так говорите о деньгах, словно их назначение для вас открытие, — сказал я, уловив это в его тоне. — Неужели деньги существуют только на Земле и нигде больше?

— Смешно вас слушать, — отрезал Этвуд. — Разумеется, в космосе существует своего рода торговля и, соответственно, средства обмена. Средства обмена, но не деньги в вашем понимании. Здесь, на Земле, деньги — это нечто большее, чем те бумажки и кусочки металла, которыми вы пользуетесь для обмена, нечто большее, чем ряды цифр, выражающие их количество. Здесь, на Земле, вы вкладываете в деньги такой символический смысл, которым не обладает ни одно из известных мне средств обмена. Вы превратили деньги в символ могущества и добродетели, а их недостаток вызывает у вас презрение и даже считается чуть ли не преступлением. Деньги для вас — это мерило человеческих качеств, мерило успеха, почти что святыня.

Промолчи я, и он бы еще долго тянул эту волынку. Его так и подмывало произнести полновесную проповедь. Но я заткнул ему рот.

— Взгляните на этот бизнес с практической точки зрения, — сказал я. — Прежде чем вы доведете свою операцию до конца, вам придется выложить огромную сумму денег, куда большую, чем вы заплатите за саму Землю, — сумму, которая намного превысит ее стоимость. Вы будете увольнять людей с работы, лишать их крова, и кто-нибудь непременно попытается хоть как-то им помочь. Чтобы облегчить участь своих граждан, каждое правительство Земли разработает программы помощи — учредит пособия, а чтобы покрыть эти расходы, возрастут налоги. Налоги, которые, учтите, будут взиматься с той самой приобретенной вами собственности. Вы лишаете людей работы, вы отнимаете у них жилье, но забота о них все равно ляжет на ваши плечи, и, чтобы им помочь, вам придется платить налоги.

— Я вижу, — с издевкой проговорил Этвуд, — что от жалости к нам у вас прямо сердце обливается кровью. С вашей стороны это так гуманно, и я вам глубоко за это признателен. Но вы терзаетесь понапрасну. Мы будем платить налоги. С превеликой охотой.

— Вы можете свергнуть правительства, — сказал я, — и тогда не будет никаких налогов. Впрочем, вы, верно, уже прикидывали выгоду такого варианта.

— Конечно, нет, — отрубил Этвуд. — Нам это никогда и в голову не придет. Ведь это незаконно. А мы, друг мой, законы не преступаем.

И это было из рук вон плохо. Хуже не придумаешь.

Потому что под контролем пришельцев окажутся все природные богатства, вся земля, все, что на этой земле выстроено, — и ни землю, ни все остальное они не будут использовать по прямому назначению. Не будут пахать, не будут взращивать урожай. Не повернется ни одно

заводское колесо. В шахтах приостановится добыча руды. Прекратится рубка леса.

Люди лишатся не только своей собственности, но и всего, что они унаследовали от предыдущих поколений. Вместе с землей, заводами, работой, вместе с магазинами и товарами уйдут надежды, стремления, стимулы, вера — все, что делало человека человеком.

В принципе не так уж важно, какое количество собственности приобрели на Земле пришельцы. Им совсем не обязательно скупать все. Необходимо только остановить промышленное производство, придушить торговлю и подорвать основы финансовой системы. Как только это будет достигнуто, придет конец трудовой деятельности, кредиту и коммерческим операциям. И будут похоронены мечты и чаяния человечества.

То, что пришельцы скупили жилые дома, по сути дела не имело особого значения — ведь, если они преуспеют в остальном, четыре стены, которые человек зовет своим домом, станут его могилой. Одно из двух: либо жилые строения приобретались только с целью устрашения, либо — и это было также вероятно — пришельцы до сих пор еще не поняли, как мало им нужно потратить усилий, чтобы нанести решающий удар.

Чтобы не дать людям умереть с голоду и, по возможности, обеспечить им крышу над головой, будут, конечно, выдаваться пособия и разрабатываться программы помощи. А уж деньги на пособия найдутся, потому что это племя пришельцев с радостью будет платить налоги. Но при таком положении вещей деньги совершенно обесценятся и потеряют силу. Не все ли равно, сколько стоит картофель или булка, если съедена последняя картофелина и нет больше муки, чтобы испечь хлеб?

Когда люди разберутся в обстановке, они ринутся в бой, чтобы вернуть утраченные богатства. На борьбу поднимутся не только народные массы, но и правительства. Однако к тому времени пришельцы, несомненно, успеют подготовиться к обороне и, возможно, придумают такое, о чем сейчас и не догадываешься. Не исключено, что они изберут стратегию выжженной земли, предав огню или как-нибудь иначе уничтожив жилые строения, заводы и все остальное, чтобы Человек не мог вновь завладеть тем, с помощью чего он добывал себе средства к существованию. И тогда Человеку только и останется, что бороться за землю, но опустошенная земля не удовлетворит его потребности.

Я был уверен, что, если немедленно предпринять какие-нибудь меры, с пришельцами еще можно разделаться. А для этого необходимо, чтобы люди с готовностью безоговорочно поверили в то, что все это не выдумка, а происходит на самом деле. Но никто же не поверит! Я с горечью вынужден был признать, что весь жестокий смысл этой ситуации полностью дойдет до сознания людей лишь тогда, когда мир будет ввергнут в хаос, а к тому времени, увы, будет слишком поздно.

Я стоял там, я понял, что потерпел поражение и вместе со мной потерпела поражение Земля.

Уэллс некогда писал о вторгшихся на Землю пришельцах. А после него еще немало писателей изощряли свою фантазию, описывая нашествия инопланетян. Но ни один из них, подумал я, даже не приблизился к истине. Ни один из них не сумел предугадать, как это произойдет в действительности и как та самая система, которую мы ценой великих мучений создавали веками, теперь обернулась против нас — как свобода права собственности оказалась ловушкой, которую мы сами себе уготовили.

Джой потянула меня за руку.

— Ну пойдем же, — сказала она.

Мы повернулись и направились к двери.

За нашей спиной раздался смешок Этвуда.

— Загляните ко мне завтра, — бросил он мне вслед. — Кто знает, может, мы с вами еще столкуемся.

Снаружи уже шел настоящий дождь. Не ливень, а устойчивый, надолго зарядивший дождь, от которого становится тоскливо на душе и опускаются руки. В воздухе ощутимо похолодало. Такая вот ночь, подумал я, как нельзя лучше подходит для крушения нашего мира. Нет, не крушения — это чересчур драматично. Скорее осадки. Именно такой ночью и должен медленно осесть ослабленный, истощенный мир, не сознающий ни своей слабости, ни, тем более, ее причины, — осесть настолько плавно, что он даже не заметит своего падения и спохватится лишь тогда, когда будет разрушен полностью.

Я открыл перед Джой дверцу машины, но, прежде чем она успела сесть, быстро захлопнул ее обратно.

— Я забыл, — объяснил, — что там может быть бомба.

Она взглянула на меня и, подняв руку, отбросила упавшую на глаза прядь волос.

— Едва ли, — возразила она. — Он ведь назначил тебе свидание. На завтра.

— А, пустая болтовня, — отмахнулся я. — Его манера придуриваться.

— Есть там бомба или нет, а я не пойду в город пешком. В такой поздний час, да еще под дождем. Раньше-то ее ведь не было.

— Дай-ка я сяду в машину и заведу мотор. А ты отойди подальше.

— Нет уж, — решительно сказала она. Протянула руку и распахнула дверцу.

Я обошел машину, сел за руль. Повернул ключ, и мотор завелся.

— Вот видишь! — воскликнула Джой.

— Но она все-таки могла тут быть, — не сдавался я.

— Допустим. Но мы ведь не можем жить в вечном страхе перед этой бомбой, — сказала она. — Если они захотят нас убить, в их распоряжении миллион других способов лишить нас жизни.

— Они убили Стирлинга. И вероятно, не его одного. На мою жизнь они уже покушались дважды.

— И оба раза неудачно, — напомнила она. — Мне почему-то кажется, что они больше на это не пойдут.

— Интуиция?

— Паркер, они ведь тоже могут обладать интуицией.

— А при чем тут их интуиция?

— Может, и ни при чем. В общем-то я имела в виду другое. Я хотела сказать, что, сколько бы они ни изучали нас, как бы — в интересах дела — ни старались на нас походить, они никогда не научатся мыслить, как мы.

— Поэтому ты считаешь, что после двух неудачных покушений на чью-либо жизнь они должны оставить этого человека в покое. Ты это имеешь в виду?

— Не совсем, хотя такое тоже возможно. Во всяком случае, они никогда не прибегнут к одному и тому же методу дважды.

— Значит, впредь я могу не опасаться бомб, капканов и засад в стенном шкафу.

— Возможно, это у них от суеверия, — продолжала она. — А может, таков их образ мышления. Или их логика, о которой мы не имеем ни малейшего представления.

Я понял, что она все время думала только об этом, пытаясь разложить все по полочкам. Ее хорошенькая головка была наполнена всевозможными предположениями и догадками и непрерывно перемалывала немногие известные нам реальные или кажущиеся факты. Но для нас это темный лес, подумал я. Мы слишком мало знали, чтобы по-настоящему в этом разобраться. С человеческим складом мышления нечего и пытаться думать за пришельцев, когда не знаешь, как именно они мыслят. А если даже это было бы известно, нет никакой гарантии, что процесс человеческого мышления можно втиснуть в чуждое ему русло.

Джой подошла к этому с другого конца. По ее словам, пришельцы, как бы они к этому ни стремились, никогда не смогут мыслить по-человечески. Но при этом у них было куда больше шансов мыслить по-нашему, чем у нас — мыслить, как они. Они ведь изучали нас — одному богу ведомо, с каких пор. И их было много; сколько — этого тоже никто не знал. А что, если я заблуждаюсь? Не может ли оказаться, что на Земле только один пришелец, раздробленный на отдельные элементы — каждый размером с кегельный шар, — так что одно-единственное существо способно быть одновременно в нескольких местах и нескольких обличьях?

Но даже если это самостоятельные индивидуумы, если каждый кегельный шар представляет собой отдельную особь, между ними существует такая тесная связь, о которой Человеку не приходится и мечтать. Ведь для того, чтобы, скажем, создать Этвуда или ту девушку, с которой

я повстречался в баре, потребовалось множество таких шаров: чтобы соорудить из себя подобие человека, они должны объединиться в большие группы. И формируя из себя человека или еще что-нибудь, они действуют заодно; тогда-то, должно быть, они фактически превращаются в единый организм.

Миновав последнюю улицу студенческого городка, мы выехали на пустынную Университетскую авеню, и я повернул к городу.

— Куда теперь? — спросил я.

— Только не ко мне, — проговорила Джой. — А вдруг они все еще там.

Я кивнул, прекрасно понимая, что она чувствует. И мысленно вернулся к тем тварям, которые шныряли в ее дворе. Что это было такое? Имитация какой-нибудь свирепой зверюги, обитающей на неведомой далекой планете? А может, целая кунсткамера чудовищ, и не с одной планеты, а с нескольких? Богатый ассортимент омерзительных форм жизни, возможно созданных скорее для устрашения, чем с целью нанести реальный ущерб. Или же их использовали как приманку, чтобы собрать нас троих — Джой, Пса и меня — в одном месте. Но если они собрались всех нас убить, они на этот раз снова просчитались.

Пес вроде бы что-то говорил о нерешительности кегельных шаров, о том, что они никогда не проявляют достаточной настойчивости, ограничиваясь полумерами. Я попытался вспомнить, что конкретно он тогда сказал, но память мою застлало туманом. Она перенасытилась событиями.

И еще меня занимало таинственное исчезновение Пса.

— Паркер, — сказала Джой, — нам необходимо немного отдохнуть. Мы должны найти какое-нибудь сухое помещение и хоть часа два поспать.

— Угу, — согласился я. — Я сам об этом подумываю. Моя квартира...

— Твоя квартира отпадает. Она сейчас ничуть не лучше моего дома. Хорошо бы найти какой-нибудь мотель.

— Джой, у меня в кармане несчастные один-два доллара. Я забыл зайти за чеком.

— А мой уже обращен в наличность, — сказала она. — Так что я при деньгах.

— Джой...

— Да, да, понятно. Оставь это. Все нормально.

Мы продолжали наш путь по Университетской авеню.

— Который час? — спросил я.

Она подставила запястье под свет, падавший с приборного щитка.

— Около четырех, — ответила она.

— Ну и ночка, — обронил я.

Она устало откинулась на спинку сиденья и повернула ко мне лицо.

— Не говори, — подхватила она. — Взлетела на воздух одна машина с каким-то бедолагой — слава богу, что это был не ты; убит близкий друг, убит каким-то таинственным существом с другой планеты, и на его теле не обнаружено никаких следов насилия; ко всем чертям полетела репутация одной девицы, которая так хочет спать, что готова улечься где угодно...

— Да будет тебе, — прервал я.

Я свернул с авеню.

— Куда сейчас, Паркер?

— В редакцию. Мне нужно заказать телефонный разговор. Междугородний. С равным успехом его может оплатить и газета.

— Разговор с Вашингтоном?

Я кивнул.

— С сенатором Роджером Хиллом. Пора уже с ним поговорить.

— В такой ранний час?

— Роджеру можно звонить в любое время. Он ведь слуга народа, не так ли? Во всяком случае, он заявляет об этом во всеуслышание. Во время предвыборной кампании. А стране — всей этой проклятой стране — сейчас позарез необходим человек, посвятивший себя службе народу.

— За этот звонок он тебя не погладит по головке.

— А я на это и не рассчитываю.

Я остановил машину у обочины напротив темного здания редакции. Там лишь слабо светились окна третьего этажа и печатного цеха, который находился на первом.

— Пойдешь со мной?

— Нет, — ответила она. — Я останусь. Запру дверцу и подожду тебя здесь. Заодно прослежу, чтобы не заминировали машину.

26

В отделе не было ни души, и в нем царила та специфическая атмосфера холодного ожидания, которая свойственна пустым редакционным помещениям. Где-то, конечно, бродили уборщики, но я не встретил ни одного; нигде не было видно и Лайтнинга, редакционного мальчика на побегушках, которому полагалось сейчас находиться при исполнении служебных обязанностей. Скорей всего он отправился по каким-то своим таинственным личным делам либо прикорнул в укромном уголке, чтобы урвать часок-другой сна.

Кое-где горели лампы, но их сияние лишь подчеркивало призрачность теней, подобно свету далеких уличных фонарей на окутанном туманом бульваре.

Я прошел к своему столу, сел на стул и протянул руку к телефону, но трубки не снял. Я застыл, напрягая слух, и хоть убей, если я знал,

к чему прислушиваюсь — разве что к тишине. Комната безмолвствовала. Я не уловил даже намека на какой-нибудь звук. И мне показалось, что в эту минуту такое же безмолвие царит во всем мире, что тишина этой комнаты, просочившись сквозь стены, обволокла нашу планету, заглушив все звуки Земли.

Я медленно снял трубку и набрал номер. Мне ответил сонный голос телефонистки, в нем послышались нотки вежливого недоумения, словно она тоже не прочь была мне напомнить, что такому человеку, как сенатор, не звонят в столь неурочный час. Но она была достаточно хорошо вышколена и ограничилась тем, что попросила подождать ее звонка.

Я положил трубку на рычаг, откинулся на спинку стула и попытался собраться с мыслями, но уже давала о себе знать бессонная ночь, и мозг мой объявил забастовку. Только теперь я впервые почувствовал, до какой степени я вымотан.

Я сидел точно в тумане: далекими уличными фонарями светили редкие лампы, и ни один звук не нарушал окружающей меня тишины. И в моем усталом мозгу, который уже отказывался думать, слабо шевельнулась мысль о том, что, быть может, такова в эту ночь вся Земля — притихшая, усталая планета, выдохшаяся, безразличная ко всему планета, которая с безропотным равнодушием катится к своей гибели, и всем на это наплевать.

Зазвонил телефон.

— Говорите, мистер Грэйвс, — объявила телефонистка.

— Хелло, Родж, — сказал я.

— Паркер, ты? — донеслось издалека. — Какого дьявола ты колобродишь в такой поздний час?

— Важное дело, Родж, — сказал я. — Ты же знаешь, что иначе я не стал бы тебя беспокоить.

— Надеюсь. Я заснул всего часа два назад.

— Пришлось из-за чего-то засидеться допоздна, сенатор?

— Так, небольшое совещание. Обсуждали кое-какие вопросы.

— Кто-нибудь встревожен, Родж?

— Чем? — спросил он голосом ровным и гладким, как ледяной каток.

— Хотя бы невиданным изобилием денег в банках.

— Послушай, Паркер, — проговорил он, — если ты пытаешься из меня что-нибудь вытянуть, попусту тратишь время.

— Я из тебя ничего не вытягиваю. Напротив, сам хочу тебе кое-что сообщить. Если только ты меня выслушаешь, я расскажу, что сейчас происходит. Объяснить это не так-то просто, но тем не менее мне хотелось бы, чтобы ты мне поверил.

— Слушаю тебя.

— У нас на Земле сейчас находятся пришельцы, — сказал я. — Существа из космоса. Я их видел собственными глазами, разговаривал с ними и...

— Теперь мне все ясно, — перебил меня сенатор. — Завтра ведь суббота, и ты не упустил возможности надраться.

— Ничего подобного, — запротестовал я. — Я трезв как...

— Ты получил свой чек и отправился...

— Но я даже не зашел за чеком. Так зашился, что он совершенно вылетел у меня из головы.

— Вот теперь я уже не сомневаюсь, что ты пьян в стельку. Такого не бывает, чтобы ты забыл про чек. Уж ты всегда тут как тут, стоишь в очереди в кассу с протянутой лапой...

— Да выслушай меня наконец, черт тебя дери!

— Ползи обратно в кровать и проспись, — приказал сенатор. — А если потом у тебя не пропадет охота со мной покалякать, позвони утром.

— Чтоб ты провалился! — взревел я, но мое проклятье повисло в воздухе. Он уже положил трубку. И мне ответила лишь мертвая пустота гудков.

Меня так и разбирало хлопнуть трубкой, но я этого не сделал. Что-то меня удержало — быть может, мою ярость подавила горесть полной неудачи.

Я сидел, сжимая в руке трубку, из которой несся далекий комариный писк опустевшей линии; я уже знал, что надеяться больше не на что: мне никто не поверит, ни один человек не прислушается к моим словам. Как будто все они — Этвуды, подумал я, как будто каждый из них — лишь имитация человека, созданная из заполнившей Землю чужеродной материи.

«А если вдуматься, это не такой уж бред, сказал я себе. Это и вправду могло произойти. И сотворить такое было бы как раз в духе пришельцев.

По спине у меня забегали ледяные мурашки, а я все сидел за столом, стиснув трубку, — самое одинокое человеческое существо на Земле.

Могло ведь оказаться, что я на самом деле остался в полном одиночестве.

Что, если сенатор Роджер Хилл вовсе не человек, не тот, кем он был, скажем, лет пять назад? Что, если тело настоящего, подлинного Роджера Хилла запрятано в каком-то тайнике, а я только что разговаривал с поддельным Роджером Хиллом, с Роджером Хиллом — пришельцем? Что, если Старик — не Старик, а некое омерзительное существо, принявшее его облик? Что, если какую-нибудь крупную стальную компанию уже возглавляет не человек, а оборотень? Что, если пришельцы одного за другим убрали виднейших промышленников и политических деятелей, и их места заняли существа из другого мира, перевоплотившиеся с таким совершенством и так прекрасно обо всем осведомленные, что в их подлинности не усомнились их собственные коллеги и семьи?

Что, если женщина, которая ждала меня в машине, была не...

Стоп, одернул я себя, это же чистое безумие. Психоз какой-то. Больная фантазия, порожденная мозгом, настолько потрясенным и измученным, что он потерял способность к нормальному мышлению.

Я положил трубку на рычаг и отодвинул от себя аппарат. Медленно поднявшись на ноги, я встал во весь рост, окруженный пустотой и безмолвием, и тело мое бил озноб.

Потом я спустился по лестнице и вышел на улицу, где меня ждала Джой.

27

«Мест нет» — вспыхивали и гасли буквы светящегося объявления, роняя красные и зеленые блики на черную гладь мокрого асфальта. Вспыхивали снова и снова, предостерегая мир. А позади, в глубине двора, маячили темные блоки мотеля; над каждой дверью горела маленькая лампочка, и, отражая переменчивые вспышки букв, мягко поблескивали припаркованные машины.

— Когда на постоялом дворе нет свободных мест, — произнесла Джой, — чувствуешь себя лишним.

Я кивнул. Мы уже проехали мимо четырех переполненных мотелей. Этот был пятым. Правда, не все объявления мигали, как это, но они неизменно были на каждом, слабо светясь в ночи. И хотя в эти вспышки не был заложен какой-то особый смысл, своей выразительностью такое объявление впечатляло больше, чем остальные. Казалось, будто оно с мрачным упорством настойчиво вдалбливало людям, что отныне для них нет места на Земле.

Итак, пять мотелей, оповещавших об отсутствии мест, и один вообще безо всякого объявления — запертый, темный и пустой: уголок, наглухо отгородившийся от всего мира.

Я замедлил ход и, нажав на тормоз, плавно остановил машину. Мы уставились на мигающее объявление.

— Этого следовало ожидать, — проговорила Джой. — Как это мы не сообразили! Те люди, которые не могут найти себе жилье, — это они нас опередили. И возможно, кое-кто из них даже на несколько недель.

Дождь не стихал. Уныло поскрипывали «дворники».

— Может, мы тут и впрямь дали маху, — сказал я. — Может, все-таки...

— Нет, — перебила она. — Ни о твоей квартире, ни о моем доме даже не заикайся. Я скорее умру, чем поеду туда.

Мы тронулись дальше. Еще два мотеля — еще два объявления, сообщавших об отсутствии мест.

— С ума сойти можно! — воскликнула Джой. — Везде все занято. В отелях, верно, творится то же самое.

— Не отчаивайся, — сказал я. — Может, еще найдется для нас местечко. Помнишь тот мотель, на котором не было объявления? Тот, что был закрыт?

— Но в нем ведь темно. Он пуст.

— Зато в нем мы укроемся от непогоды, — сказал я. — И у нас будет крыша над головой. Тому человеку на берегу озера пришлось взломать замок. Почему бы нам не последовать его примеру?

Я повернул, не доезжая до конца квартала. Сейчас это было безопасно — ни вслед за нами, ни навстречу не шло ни одной машины.

— Ты помнишь, где он находится? — спросила она.

— Кажется, помню, — ответил я.

Однако я все-таки проскочил мимо и пришлось возвращаться назад. Вот наконец и он — ни вывески, ни огонька, ни души вокруг.

— Куплен и закрыт, — сказал я. — Закрыт безо всяких проволочек. Это тебе не многоквартирный дом, где нужно предупреждать жильцов заранее.

— Ты так считаешь? — спросила Джой. — По-твоему, этот мотель купил Этвуд?

— А иначе зачем было его закрывать? — в свою очередь, спросил я. — Тебе не кажется, что, будь у него другой хозяин, он был бы открыт? При нынешнем-то спросе.

Я свернул на дорогу, которая некруто спускалась к строению мотеля. Свет фар скользнул по стоявшей перед одним из блоков машине.

— Нас уже кто-то опередил, — заметила Джой.

— Не волнуйся, — сказал я. — Все в порядке.

Я проехал двор и затормозил, осветив фарами другую машину. Сквозь затуманенное дождем стекло на нас с испугом смотрели бледные, с расплывшимися контурами лица.

Немного повременив, я вылез из машины. У той машины открылась дверца со стороны водителя и показался какой-то мужчина. Он направился ко мне, шагая в веере света наших фар.

— Вы ищете, где бы переночевать? — спросил он. — Напрасный труд — везде все занято.

Это был средних лет мужчина, хорошо одетый, хотя его платье нуждалось в глажке. На нем было новое пальто, шляпа из дорогого магазина, а под пальто — элегантный деловой костюм. Ботинки его были свеже вычищены, и их облепили блестящие бусинки дождевых капель.

— Я знаю точно, что нигде нет мест, — продолжал он. — Я уже справлялся. И не только сегодня — я занимаюсь этим каждый вечер.

Я молча кивнул, чувствуя, как мои внутренности сжимаются в плотный, твердый комок. От его вида у меня тоскливо защемило сердце. Вот и еще один бездомный.

— Сэр, — проговорил он, — вы не объясните мне, что сейчас творится на свете? Вы ведь не полицейский, правда? Впрочем, это не имеет значения.

— Нет, я не фараон, — сказал я.

Судя по его тону, он был на грани истерики — голос человека, который вот-вот рухнет под тяжестью свалившихся на него невзгод. Человека, на глазах у которого день за днем, постепенно разваливался сколоченный им мирок, а он был бессилен этому помешать.

— Я в том же положении, что и вы, — сказал я. — Ищу конюшню.

Мне почему-то вдруг вспомнилось, как Джой назвала мотель постоялым двором.

Сейчас подобная острота была явно не к месту, но он, видимо, этого не заметил.

— Мое имя — Джон Куинн, — представился он. — Я — вице-президент страховой компании. Зарабатываю около сорока тысяч в год, и, как видите, мне негде жить, негде укрыть мою семью от дождя. Если, конечно, не считать машины.

Он заглянул мне в глаза.

— Обхохотаться можно, — проговорил он. — Ну, смейтесь же!

— Мне не до смеха, — сказал я. — Вам меня не рассмешить.

— Почти год назад мы продали свой дом, — продолжал Куинн. — На условии долгосрочной аренды мне предложили за него такую цену, о которой я и не мечтал. Понимаете, мы собирались купить дом побольше. Семья ведь росла. Нам очень не хотелось продавать наш старый дом. Он был такой уютный. Да и привыкли мы к нему. Но нам стало в нем тесновато.

Я кивнул. Все та же история.

— Послушайте, — сказал я, — хватит нам мокнуть под дождем.

Но он словно оглох. Он испытывал неодолимую потребность выговориться. Его распирало от желания излить душу. Быть может, я был первым человеком, с которым он мог по-настоящему поделиться, — человеком, который, как и он, рыскал по городу в поисках пристанища.

— Разве мы могли предположить, что так получится? — продолжал он. — Нам казалось, что все очень просто. При наличии договора о долгосрочной аренде у нас впереди было достаточно времени, чтобы подыскать себе подходящий дом. Но мы его так и не нашли. Нам, конечно, попадались объявления. Но мы всегда опаздывали. Приедешь, а дом уже продан. Тогда мы обратились к строительным подрядчикам, но никто из них не брался выстроить дом раньше чем через два года. Одному или двум я даже попытался дать взятку, но безрезультатно. Все в один голос твердили, что завалены заказами. Многие нахватали до ста подрядов, а то и больше. Что-то невероятное, правда?

— Да, просто не верится, — согласился я.

— По их словам, сумей они нанять больше рабочих, они бы выполнили мой заказ. Но рабочих нет и в помине. Все они заняты. Ни один не сидит сложа руки.

Мы попросили продлить срок нашего пребывания в доме — сперва на месяц, потом на два и, наконец, на три, но пришел день, когда мы уже обязаны были передать собственность владельцу. Я предложил покупателю пять тысяч отступного, если он аннулирует сделку, но получил отказ. Он сказал, что очень сожалеет, но дом им куплен, и этот дом ему нужен. Напомнил, что дал мне три месяца сверх договоренного срока. И, бесспорно, был прав.

Нам некуда было податься. У нас нет родственников, у которых можно попросить приют. Во всяком случае, в этом городе. Мы, правда, могли бы отослать детей в деревню к какой-то дальней родне, но нам очень не хотелось разбивать семью, а кроме того, кое-кто из этих родственников сам оказался в затруднительном положении. У нас, конечно, полно друзей, но ведь друзей не попросишь, чтобы они разделили с тобой свой дом. Не дай бог, чтобы они вообще узнали, в какую ты попал переделку. Тут уж гордость не позволит пожаловаться. Из последних сил изображаешь полное благополучие в надежде, что все образуется. Я, конечно, перебрал все возможности. Отели и мотели забиты до отказа. Свободных — квартир нет. Я пытался купить трейлер. Там оказалось, что нужно записываться в очередь. Великий боже, список желающих на пять лет вперед!

— Поэтому-то вас и занесло сюда сегодня ночью, — подытожил я.

— Да, — подтвердил он. — Мы не на улице, и за это спасибо. Тут хоть тебя не будят проезжающие мимо машины. И нет пешеходов. Но как мне это тяжко. Особенно для жены и ребятишек. Скоро месяц, как мы живем в этой машине. Когда повезет, едим в ресторанах, но обычно в них яблоку негде упасть. Большей же частью мы питаемся в кинотеатрах, в тех, что на открытом воздухе, а иногда покупаем какую-нибудь провизию, выезжаем за город и устраиваем пикник. Когда-то пикники были развлечением, но то время прошло. Мы пользуемся туалетами заправочных станций. Белье стираем в прачечных самообслуживания. Каждое утро я езжу на работу; потом жена отвозит детей в школу. А пока они в школе, мечется по городу в поисках жилья. К концу рабочего дня они все заезжают за мной в контору, и мы отправляемся искать место, где можно перехватить кусок.

Мы выдержали месяц такой жизни, — добавил он. — Но долго мы так не протянем. Дети все спрашивают, когда у нас снова будет дом, да и зима на пороге. Мы не сможем жить в машине, когда грянут морозы и пойдет снег. Если мы не подыщем себе жилье, придется уехать в какой-нибудь другой город, где можно найти дом, квартиру, что угодно, — мы согласны почти на любое помещение. Я буду вынужден уйти с работы и...

— Переезд вам ничего не даст, — перебил я. — Ехать некуда. Везде одно и то мне. Так сейчас повсюду.

— Мистер! — воскликнул Куинн высоким, срывающимся от отчаяния голосом. — Объясните мне, в чем дело? Что все-таки происходит?

— Кто его знает, — пожал я плечами. Не мог же я сказать ему правду. Ему и без того было тошно. Для него лучше, если он проведет эту ночь в неведении.

Так оно и будет, подумал я. Повсеместно. Население земного шара превратится в кочевников, которые будут скитаться в надежде набрести на места получше, а таких мест уже днем с огнем не сыщешь. Вначале они будут кочевать семьями, потом, возможно, объединятся в племена. Со временем многих сгонят в резервации или специально для них отведенные области типа резерваций, ибо только при этом условии уцелевшие правительства сумеют оказать им хоть какую-нибудь помощь. Но до самого конца не переведутся бродяги, которые будут остервенело биться за крышу над головой и всеми правдами и неправдами раздобывать себе пропитание. Вначале, в первом порыве бешенства, им, возможно, посчастливится захватить какие-нибудь жилые строения: свои собственные дома или чужие — неважно. На первых порах они будут драться за пищу, воровать продукты, припрятывать в тайники запасы. Но дома пришельцы либо сожгут, либо разрушат каким-нибудь иным способом. Они превратят их в руины, пользуясь своим неограниченным правом собственности, и едва ли этому можно будет помешать, поскольку они будут действовать втихую. И с чистой совестью, поскольку, как полноправные владельцы этих домов, они сочтут такое обращение со своей собственностью вполне законным, и пожарам не будет конца. И нет на них никакой управы, а если и есть, то сразу ее не найдешь. Ведь с этвудами не вступишь в рукопашную, не дашь бой кегельным шарам. Их можно только ненавидеть. Их трудно изловить, не менее трудно уничтожить, и у них всегда поблизости есть крысиная нора, через которую они могут улизнуть в другой мир.

И придет время, когда не останется больше жилых строений, кончится пища, хотя, вопреки всему, Человек, возможно, еще будет кое-как влачить жалкое существование. Но из каждой тысячи людей останется только один, и, когда наступит этот день, пришельцы окончательно выиграют войну, которой на самом деле и не было. И Человек из хозяина планеты превратится в затравленное животное.

— Мистер, — прервал молчание Куинн, — я не знаю вашего имени.

— Меня зовут Грэйвс, — сказал я.

— Так что же вы скажете, Грэйвс? Что будем делать дальше?

— То, что вам следовало сделать с самого начала, — ответил я. — Мы с вами сейчас взломаем дверь и войдем в помещение. Вы и ваша семья будете спать под крышей, вам будет где готовить себе пищу и у вас будет собственный туалет.

— Но это же незаконное вторжение! — вскричал он.

Вот так, подумал я. Даже на грани отчаяния человек не теряет уважения к законам, охраняющим право собственности. Не укради, не вторгайся в чужие владения, не прикасайся к тому, что принадлежит другому. Потому-то мы и оказались сейчас в таком положении. Именно из-за них, из-за этих законов, столь почитаемых, что мы слепо подчиняемся им даже тогда, когда они, обернувшись ловушкой, отнимают у нас право первородства.

— Вы ведь хотите, чтобы ваши дети спали под крышей, — сказал я. — Вам нужно место, где вы могли бы побриться.

— А вдруг кто-нибудь окажется поблизости и...

— Если кто-нибудь явится и попытается выставить вас за дверь, пустите в ход пистолет.

— У меня нет пистолета, — возразил он.

— Так достаньте, — посоветовал я. — Утром первым делом раздобудьте себе оружие.

И я подивился, как легко и незаметно из гражданина, свято соблюдавшего законы, я превратился в другого человека, человека, готового составить новый закон и защищать его до последней капли крови.

28

Солнечный свет косыми полосками пробирался в щели между планками жалюзи, падая в тишину, покой и тепло комнаты, которую я не сразу узнал.

Я неподвижно лежал, полузакрыв глаза, ни о чем не думая, ни над чем не ломая голову — только наслаждаясь этим своим состоянием. Солнечный свет, тишина, мягкая постель и едва уловимый запах духов.

А такими духами, мелькнуло у меня, душилась Джой.

— Джой! — позвал я, быстро сев в кровати. Я вдруг все вспомнил: и ночь, и дождь, и все, что произошло накануне.

Дверь в соседнюю комнату была открыта настежь, но никто не откликнулся.

— Джой! — снова крикнул я, выбираясь из постели.

Спустив с кровати ноги, у ощутил холодное прикосновение пола, а из полуприкрытого окна дул прохладный ветерок.

Я подошел к двери и заглянул в соседнюю комнату. Постель после ночи была не прибрана, только кое-как прикрыта одеялом. Джой там не было. И тут я увидел приколотую к двери булавкой записку.

Я сорвал ее и прочел:

«Паркер, милый, я беру машину и уезжаю в редакцию. Нужно подредактировать статью для воскресного номера. Вернусь после полудня. Кстати, где то самое хваленое мужское начало? Ты даже не пытался подгрести ко мне с нескромным предложением. Джой».

Я вернулся в свою комнату и, не выпуская из рук записки, присел на край кровати. Мои брюки, пиджак и рубашка были развешаны на стуле, а под ними на полу стояли ботинки с засунутыми в них носками. В одном углу стояла винтовка, которую я прихватил из лаборатории Стирлинга. Я вспомнил, что она оставалась в машине. Должно быть, перед тем, как уехать в редакцию, Джой перенесла ее из машины в комнату.

«Вернусь после полудня», — написала она в записке. И кровать ее была не застелена. Словно она приняла как должное, что отныне мы будем жить именно так. Словно иного образа жизни не существует вообще. Словно она уже приспособилась к происшедшим переменам.

И возможно, что вначале человек приспособится к новым условиям с такой же легкостью, радуясь всему, что хоть как-то избавляет его от трудностей и горечи разбитых надежд. Но за этой первой, кратковременной ассимиляцией придут гнев, ожесточение, осознание утраты и ощущение полной безнадежности.

Джой уехала в редакцию, чтобы поработать над статьей для воскресного номера. Мой сосед продолжал ездить в свою страховую компанию — даже теперь, когда трещал по швам его личный мирок. Все это, конечно, объяснимо: человек должен есть, человек должен как-то существовать, должен иметь деньги. Но за этим, наверное, открывалось нечто гораздо большее, подумал я. Для человека это было средством, быть может, единственным оставшимся в его распоряжении средством, сохранить привычную рутину, внушить себе, что жизнь изменилась не полностью, что кое-какие из старых, давно заведенных порядков остались нетронутыми.

А я? — спросил я себя. Что теперь делать мне?

Я мог вернуться в редакцию, сесть за свой стол и до отъезда в командировку настрочить еще несколько статей. Мне как-то даже странно было думать об этой поездке — она полностью вылетела у меня из головы. Будто сама идея ее стала для меня новостью, будто раньше я даже не знал о ней, а если и знал, то так давно, что вполне естественно было о ней забыть.

Я мог поехать в редакцию, но, собственно, с какой целью? Чтобы написать статьи, которые никто никогда не прочтет, статьи для газеты, которую через несколько дней, возможно, перестанут выпускать?

Труд, бесполезный до чертиков. Настолько бесполезный, что о нем и думать-то не хотелось. Не исключено, что именно поэтому никто не пожелает меня выслушать, — если люди о чем-то не знают, они избавлены от необходимости об этом думать.

Я выпустил из пальцев записку Джой, и она, затрепетав, медленно опустилась на пол. Я протянул руку и взял со стула рубашку. Я, правда, еще не решил, что мне делать, но, как бы там ни было, прежде, чем я за что-нибудь возьмусь, мне следовало одеться.

Я вышел на крыльцо — стоял теплый солнечный день, скорее летний, чем осенний. Дождя как не бывало, асфальт на дворе подсох, только кое-где сохранились маленькие лужицы как доказательство того, что дождь все-таки недавно шел.

Я взглянул на часы — было уже около полудня.

Машина страховщика стояла перед соседним блоком, но ни его самого, ни его близких нигде не было видно. Вероятно, он по субботам не работал и семья спала допоздна. Как раз то, что им необходимо, подумал я, — небольшая передышка, отдых под крышей.

В конце улицы я разглядел вывеску ресторана и почувствовал, что голоден. Там, наверно, есть телефон, а мне нужно было позвонить Джой.

Оказалось, что в ресторане душновато и не слишком чисто, однако он был переполнен. Я пробрался к стойке и, подождав, пока какой-то посетитель покончит с едой, захватил освободившийся табурет.

Я дал заказ подошедшей официантке, встал и протолкался сквозь толпу к телефонной будке, втиснулся в нее и закрыл за собой дверь. Опустил монету, набрал номер и попросил телефонистку соединить меня с Джой.

— Ну как, отредактировала свою статью? — спросил я ее.

— Соня ты, соня, — промурлыкала она. — Ты давно встал?

— Только что, как дела?

— Гэвин рвет и мечет. Поступили кое-какие интересные сведения, а он не может их использовать.

— Что-нибудь о...

— Не знаю, — ответила Джой, видимо поняв, о чем я собираюсь спросить. — Может быть. В банках обнаружена недостача денег. Известно, что...

— Недостача денег? Так ведь Дау вчера мне говорил, что банки забиты деньгами.

— Наверно, так оно и было, — сказала она. — Но с тех пор картина изменилась. Еще вчера в полдень деньги были на месте, а вечером к закрытию огромные суммы просто-напросто исчезли.

— И ни у кого не вытянешь ни слова, — предположил я.

— Точно. От тех, кого Гэвину и Дау удалось поймать, толку не добьешься. Они ничего не знают. Со многими же — с теми, кто поважнее и посолиднее, они вообще не могут связаться. Сам знаешь, как обстоит дело с банковскими служащими в субботу. Их разве найдешь?

— Где уж, — согласился я. — Кто на рыбалке, кто в гольф играет.

— Паркер, ты думаешь, что тут не обошлось без Этвуда?

— Не знаю, — ответил я. — Но меня бы это ничуть не удивило. Попробую навести справки.

— Интересно, как? — насторожившись, спросила она.

— Я мог бы съездить в усадьбу «Белмонт». Этвуд ведь предлагал...

— Мне это не нравится, — резко перебила она. — Ты однажды уже там побывал.

— Я не стану нарываться на неприятности. С Этвудом я как-нибудь управлюсь.

— У тебя нет машины.

— Я возьму такси.

— На такси у тебя нет денег.

— Шофер отвезет меня туда и привезет обратно, — сказал я. — На обратном пути я могу заехать в редакцию, получить деньги и расплатиться с ним.

— Все-то ты продумал, — заметила она.

— Ну, во всяком случае, почти все.

Повесив трубку, я спросил себя, продумал ли я вообще хоть что-нибудь.

29

Окно было закрыто — первое, что бросилось мне в глаза. Прошлой ночью, удирая отсюда, я оставил его открытым, хотя у меня тогда возникло странное ощущение, что, несмотря ни на что, мне нужно вернуться и закрыть его.

Но сейчас это окно было плотно прикрыто, и все окна занавешены изнутри; я попытался вспомнить, были ли на них занавески накануне, да так и не вспомнил.

Дом, старый и мрачный, купался в бледных лучах солнца, а с востока, с берега озера, доносился отдаленный плеск волн. Я стоял и смотрел на дом, внушая себе, что мне нечего здесь бояться. Что это самый обыкновенный старый дом, который, разомлев, греет на солнце свои дряхлые кости.

— Хотите, чтобы я вас подождал? — спросил шофер.

— Я ненадолго, — ответил я.

— Смотрите, дело ваше, хозяин. Мне-то все равно. Счетчик ведь щелкает.

Я направился по вымощенной кирпичом дорожке к дому. Под подошвами у меня хрустели опавшие сухие листья.

Вначале я попытаюсь проникнуть в дом через дверь, решил я. Как добропорядочный, цивилизованный человек. А если на мой звонок никто не выйдет, я, как в прошлый раз, влезу в окно. Шофер, конечно, искрутится от любопытства, пытаясь понять, что я замыслил. Ну и черт с ним. Его дело подождать меня и отвезти обратно в город, а остальное его не касается.

Впрочем, подумал я, кто-то ведь закрыл окно, и сейчас оно может оказаться запертым. Но это меня не остановит. Меня уже ничто не могло остановить. Однако я сознавал, что, даже будь у меня время на размышление, все равно я не сумел бы объяснить, почему так рвался попасть в этот дом и зачем мне вдруг понадобилось встретиться с

Этвудом. Интуиция? — спросил я себя. Джой что-то говорила о человеческой интуиции, или это был Этвуд? Я не мог вспомнить, кто из них. Не интуиция ли заставила меня сейчас идти по дорожке к дому, чтобы вновь увидеться с Этвудом — не зная зачем, не имея ни малейшего представления ни о том, что я ему скажу, ни о цели моей с ним беседы.

Я поднялся по ступенькам, нажал на кнопку звонка и немного подождал. Едва я протянул палец, чтобы позвонить еще раз, за дверью в прихожей послышались шаги.

Тут я вспомнил, что, когда я приезжал сюда прошлой ночью, звонок был испорчен. Он еле держался и завихлялся у меня под пальцем, когда я попытался позвонить. Но сейчас он был в полной исправности, окно было закрыто, а в прихожей звучали шаги, направлявшиеся к двери.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась девушка в строгом черно-белом одеянии горничной.

Я прирос к месту, вытаращив на нее глаза.

Горничная стояла неподвижно, выжидающе глядя на меня. Лицо у нее было предерзкое.

— Я надеялся увидеть здесь мистера Этвуда, — наконец выдавил я.

— Не будете ли вы так любезны войти в дом, сэр? — спросила она.

Я вступил в вестибюль: тут тоже произошли большие перемены. Прошлой ночью дом казался заброшенным, везде лежал толстый слой пыли, а стоявшая здесь мебель была закрыта чехлами. Сейчас же он приобрел вполне жилой вид. Пыль исчезла, деревянные панели и кафельные плитки пола сверкали чистотой. В сиротливом одиночестве стояла пустая старинная вешалка для одежды, а рядом с ней — зеркало в рост человека, блестевшее после недавнего мытья.

— Позвольте вашу шляпу и пальто, сэр, — сказала горничная. — Мадам в кабинете.

— Но Этвуд? Ведь это Этвуд...

— Мистера Этвуда здесь нет, сэр.

Она взяла у меня из рук шляпу и приготовилась принять пальто. Я снял его и отдал ей.

— Пожалуйста сюда, сэр, — пригласила она.

Дверь была открыта, и, переступив через порог, я очутился в комнате, вдоль стен которой с пола до потолка сплошными рядами поднимались заставленные книгами полки. У окна за письменным столом сидела замороженная блондинка, с которой я познакомился в баре, та самая, что вручила мне карточку, на которой было написано: «Мы покупаем все».

— Добрый день, мистер Грэйвс, — произнесла она. — Рада вас видеть.

— Этвуд сказал мне...

— К сожалению, мистер Этвуд нас покинул.

— И вы, конечно, заняли его место.

Ледяное спокойствие и запах фиалок. Белокурая богиня отлично уживалась в ней с опытной секретаршей. И, вдобавок, она была еще существом из другого мира и крошечной, безупречно выполненной куколкой, которую я вчера держал в руках.

— Вас это удивляет, мистер Грэйвс?

— Нет, — ответил я. — Сейчас нет. Возможно, раньше это меня поразило бы. Но не теперь.

— Вы пришли поговорить с мистером Этвудом. Мы надеялись, что вы придете. Нам нужны такие люди, как вы.

— Как рыбке — зонтик, — заметил я.

— Вы не присядете, мистер Грэйвс? И, прошу вас, оставьте этот шутливый тон.

Я опустился на стул как раз напротив нее, по эту сторону стола.

— Как же мне себя вести? — спросил я. — Может, мне положено потерять самообладание и зарыдать?

— От вас не требуется никакого особого поведения, — ответила она. — Пожалуйста, будьте самим собой, и только. Давайте побеседуем так, словно оба мы — люди.

— К которым вы, естественно, не относитесь.

— Совершенно верно, мистер Грэйвс.

Мы сидели, глядя друг на друга, и мне было дьявольски неловко. На ее бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул: прекрасное каменное лицо идола.

— Будь вы человеком иного склада, — произнесла она, — я попыталась бы заставить вас забыть, что я не принадлежу к человеческому роду. Но думаю, что с вами это не пройдет.

Я покачал головой.

— Мне тоже жаль, что это так, — сказал я. — Поверьте, я искренне сожалею об этом. Я дорого бы дал за то, чтобы считать вас человеческим существом.

— Мистер Грэйвс, если бы я была человеком, то из всех доставшихся на мою долю комплиментов этот был бы самым приятным.

— А раз вы — не человек?..

— Пожалуй, я все равно расцениваю это как комплимент.

Я пристально посмотрел на нее. Меня озадачили не только ее слова, но и тон, которым она их произнесла.

— А вдруг в вас все-таки есть что-то человеческое, — проговорил я.

— Нет, — сказала она. — Не будем себя обманывать, ни вы, ни я. В сущности вы должны меня ненавидеть, полагаю, что так оно и есть. Хотя, может статься, ваша ненависть не столь уж интенсивная. А мне, по идее, полагалось бы испытывать к вам глубочайшее презрение, однако я погрешу против истины, если скажу, что я вас презираю. И,

тем не менее, я считаю, что в нашей беседе мы оба должны, по возможности, проявить некоторое благоразумие.

— А к чему вам быть благоразумной по отношению ко мне? Есть же много других...

— Но вы же знаете о нас, мистер Грэйвс, — сказала она. — Вы и еще несколько человек. И таких людей очень, очень мало. Вы бы удивились, узнав, как мало их наберется во всем мире.

— И я должен держать язык за зубами.

— Право, мистер Грэйвс, уж кто-кто, а вы на этом собаку съели. На сегодняшний день сколько вы нашли человек, которые согласились выслушать вас?

— Одного-единственного, — признался я.

— И это наверняка девушка. Вы любите ее, а она любит вас.

Я кивнул.

— Вот видите, — сказала она. — Ваш рассказ получил единственное признание, да и то тут сыграли роль нежные чувства.

— Пожалуй, вы правы.

Я почувствовал себя последним идиотом.

— Тогда перейдем к делу, — сказала она. — Предположим, мы дадим вам возможность заключить наивыгоднейшую сделку. Если б вы о нас не знали, мы бы не обратились к вам с этим предложением, но поскольку вы достаточно осведомлены, нам терять нечего.

— Сделку? — тупо переспросил я.

— Ну конечно, — подтвердила она. — Вы получите... как это у вас называется? Акции на правах с учредителями. Я правильно выразилась?

— Но, может, в подобной сделке...

— Послушайте, мистер Грэйвс. У вас не должно быть никаких иллюзий. Я подозреваю, что они еще у вас сохранились, но вам необходимо с ними расстаться. У вас нет никакой возможности нас остановить. Нас ничто не может остановить. Просто потому, что операция слишком далеко продвинулась. Было время, когда вам, быть может, и удалось бы с нами справиться. Но оно прошло. Уверяю вас, мистер Грэйвс, уже слишком поздно.

— А если уже слишком поздно, зачем вам тогда тратить на меня энергию?

— Вы можете нам пригодиться, — ответила она. — Вы можете кое-что для нас сделать. Когда в один прекрасный день люди разберутся в том, что над ними сотворили, они возмутятся. Разве не так, мистер Грейвс?

— Голубушка, — сказал я, — вы и наполовину не представляете, что тогда поднимется.

— Но, как вы понимаете, мы хотим избежать неприятностей. Или, по крайней мере, свести их до минимума. Что касается нравственной и правовой стороны вопроса, то мы чувствуем под собой твердую почву,

неукоснительно соблюдая все законы, выработанные вашим собственным обществом. Мы не нарушили ни одного предписания, и нам не хотелось бы, чтобы нас вынудили прибегнуть к карательным мерам. Я уверена, что люди тоже предпочли бы без этого обойтись, потому что, должна вам сказать, это может принести им немало страданий. Мы хотим довести выполнение этого плана до конца и заняться чем-нибудь другим. И, насколько это в нашей власти, мы хотим завершить операцию как можно спокойнее. В этом-то вы можете нам помочь.

— С какой это стати я буду вам помогать?

— Мистер Грэйвс, — произнесла она, — вы окажете этим услугу не только нам, но и всему человеческому роду. Любые ваши действия, которые помогут сгладить трения во время завершения операции, пойдут на пользу не только нам, но и вашим соплеменникам. Потому что как бы они себя не вели, в конечном итоге судьба их от этого не изменится. А какой им смысл подвергать себя бесполезным мучениям, если они все равно обречены? Теперь обсудим следующий вопрос: вы специалист по распространению разного рода информации...

— Не такой уж я великий специалист, как вам кажется, — перебил я.

— Но вы знакомы с методами и технической стороной дела. Вы можете убедительно писать...

— Есть люди, которые пишут более убедительно.

— Но у нас в распоряжении именно вы, мистер Грэйвс.

Тон, которым это было сказано, мне не понравился.

— Стало быть, вы хотите, чтобы я успокаивал людей, убаюкивал их колыбельными песенками.

— Да, и еще в меру своих способностей вы будете советовать нам, как вести себя в тех или иных обстоятельствах. Можете назвать это должностью консультанта.

— Но вы ведь сами все знаете. Не хуже меня.

— Вам, наверно, кажется, мистер Грэйвс, что мы усвоили человеческие взгляды во всей их полноте. Что мы можем думать и действовать, как люди. А ведь дело обстоит совсем не так. Мы, конечно, разбираемся в том, что вы называете бизнесом. Быть может, вы согласитесь с тем, что мы изучили его весьма досконально. Мы отлично поднаторели в вашем законодательстве. Однако многое осталось неизученным из-за недостатка времени. Мы знаем только одну сторону человеческой натуры — то, как она реагирует на торговые сделки. А в остальном наши сведения о людях очень ограничены. Мы, к примеру, отчетливо не представляем себе реакцию людей, когда они узнают правду.

— Что, страшновато, да? — спросил я.

— Нет, мы ничего не боимся. Мы готовы, в случае чего, проявить жестокость. Но на это потребуется время. А мы хотим закончить все как можно быстрее.

— Ладно. Предположим, я буду писать для вас. А что это даст? Кто напечатает мои статьи? Каким образом они дойдут до людей?

— Вы только пишите, — произнес этот белокурый айсберг. — А остальное мы берем на себя. Мы донесем ваши статьи до людей. Мы сумеем их распространить. Это уже не ваша забота.

Меня охватил страх. Пожалуй, даже с легкой примесью злобы. Но в основном это был страх. Потому что только сейчас я по-настоящему осознал, насколько неумолимы и беспощадны эти пришельцы. Они не знали, что такое мстительность, они не знали ненависти. Едва ли их можно было считать врагами в нашем понимании этого слова. Они были губительной злой силой, и их не могли пронять никакие мольбы. Просто-напросто их ничего не трогало. Земля для них была не более чем предметом собственности, а люди — пустым местом.

— Вы предлагаете мне стать предателем, — сказал я. Впрочем, произнося эту фразу, я прекрасно сознавал, что слово «предатель» для них лишь бессмысленное сочетание звуков. И хотя, по всей вероятности, им известно, что оно означает, они не способны понять его истинный смысл. Потому что их этика не может иметь ничего общего с этикой человеческого рода; возможно, у них есть свои нравственные установки, но они так же недоступны нашему пониманию, как наши — недоступны для них.

— Давайте рассмотрим этот вопрос с практической точки зрения, — произнесла она. — Мы предлагаем вам выбрать одно из двух. Либо вы остаетесь с людьми и делите с ними их общую судьбу, либо вы переходите на нашу сторону с куда большей для себя выгодой. Если вы отклоните наше предложение, мы не очень от этого пострадаем. Если же вы его примете, вы в значительной степени облегчите существование самому себе и — правда, в несколько меньшей степени — своим соплеменникам. Лично вы от этого выиграете, а род человеческий, поверьте мне, ничего не потеряет.

— А как я могу быть уверен, что вы не нарушите слова?

— Сделка есть сделка, — отрезала она.

— Полагаю, что вы отвалите мне за это солидную сумму.

— Очень солидную, — сказала она.

Откуда ни возьмись, появился кегельный шар и покатился по полу. Он остановился футах в трех от стула, на котором я сидел.

Девушка встала и вышла из-за письменного стола. Она остановилась у угла стола, устремив взгляд на кегельный шар.

Шар вдруг стал полосатым — покрылся тончайшими, как на дифракционной решетке, полосками. Потом он начал по этим линиям расщепляться. Он расщеплялся и из черного стал зеленым — и вот вместо кегельного шара на полу уже лежала кучка банкнот.

Я не вымолвил ни слова. У меня язык прилип к гортани.

Она нагнулась, подняла одну бумажку и подала ее мне.

Я взглянул на нее. Девушка ждала. А я все разглядывал банкноту.

— Что вы скажете, мистер Грэйвс? — спросила она.

— Это похоже на деньги, — ответил я.

— Это и есть деньги. Откуда еще, по-вашему, взялись все необходимые нам деньги?

— И вы еще утверждаете, что соблюдаете наши законы, — заметил я.

— Я вас не понимаю.

— Вы нарушили один закон. Самый важный из всех. Деньги — это мерило человеческого труда: стоимость построенной человеком дороги, написанной им картины или количества часов, которые он проработал.

— Это деньги, — сказала она. — А нам только это и нужно.

Она снова наклонилась и сгребла всю кучу бумажек. Положила на стол и принялась складывать их стопками.

Я понял, что дальнейшие объяснения бесполезны, — она все равно ничего не поймет. Ее нельзя было обвинить в цинизме. Или мошенничестве. Она просто не могла это понять: пришельцы слабо разбирались в подобных вопросах. Деньги для них были не символом, а изделием. Только этим и ничем больше.

Она сложила деньги в аккуратные стопки. Потом нагнулась и подобрала несколько бумажек, отлетевших в сторону, когда она поднимала с пола ворох банкнот. Положила их на одну из стопок.

Бумажка, которую я держал в руке, была достоинством в двадцать долларов, как и большинство остальных, насколько я мог судить; впрочем, там были и десятидолларовые билеты, и кое-где в стопках проглядывали пятидесятидолларовые.

Она сложила все стопки в одну пачку и протянула ее мне.

— Это ваше, — сказала она.

— Но ведь я еще не дал...

— Будете вы работать на нас или нет, они ваши. А вы хорошенько подумайте над тем, что я вам сказала.

— Ладно, — согласился я. — Подумаю.

Я встал и взял у нее деньги. Распихал их по карманам. Карманы раздулись.

— Придет день, — сказал я, похлопывая себя по карманам, — когда от них не будет никакого проку. Наступит время, когда на них нечего будет купить.

— Когда настанет этот день, — сказала она, — их заменит что-нибудь другое. Вы будете обеспечены всем, что вам тогда понадобится.

Я стоял и думал, но почему-то думал я только о том, что теперь мне есть чем расплатиться с шофером такси. За исключением этой мысли, голова моя была абсолютно пуста. Безмерная гнусность этой беседы начисто выпотрошила меня, осталось лишь ощущение полного поражения и мысль о том, что я теперь могу расплатиться с шофером.

Я знал, что должен поскорее унести отсюда ноги. Должен покинуть этот дом, прежде чем меня захлестнет сокрушительный шквал эмоций.

Должен уйти, пока во мне не взбунтовалось человеческое достоинство. Я должен уехать, выбрать место и время и все как следует обдумать. А пока они пусть считают, что я согласен стать их союзником.

— Благодарю вас, мисс, — сказал я. — Если не ошибаюсь, я не знаю вашего имени.

— У меня нет имени, — сказала она. — Мне незачем иметь имя. Имена нужны только таким, как Этвуд.

— Тогда благодарю вас еще раз, — произнес я. — Я обдумаю ваше предложение.

Она повернулась и вышла в прихожую. Горничной нигде не было видно. Я заметил, что гостиная, расположенная по ту сторону прихожей, сверкала чистотой и была заставлена мебелью. Любопытно, подумал я, много ли тут настоящей мебели и какую часть ее составляют превратившиеся в предметы обстановки кегельные шары?

Я взял с вешалки шляпу и пальто.

Она открыла парадную дверь.

— Хорошо, что вы зашли, — сказала она. — С вашей стороны это было очень разумно. Хочу верить, что это не последний ваш визит.

Выйдя на крыльцо, я не увидел своего такси. На его месте стоял длинный белый «кадиллак».

— Я приехал на такси, — сказал я. — Должно быть, оно ждет на дороге.

— Мы расплатились с шофером, — сказала девушка, — и отослали машину. Такси вам больше не понадобится.

Она прочла на моем лице недоумение.

— Эта машина принадлежит вам, — объявила она. — Если вы будете на нас работать...

— А бомбу положить не забыли? — поинтересовался я.

Она вздохнула.

— Ну как мне заставить вас понять? Ладно, придется говорить прямо, без обиняков. Пока вы можете быть нам полезны, вам не грозит никакая опасность. Сослужите нам эту службу, и с вами никогда не случится ничего дурного. Вы будете под нашей опекой до конца ваших дней.

— А Джой Кейн? — спросил я.

— Если пожелаете, то и Джой Кейн тоже.

Она в упор посмотрела на меня своими ледяными глазами.

— Но только попробуйте помешать нам, только попробуйте нас обмануть...

И она издала звук, напоминающий звук ножа, вонзающегося в горло.

Я пошел к машине.

30

Я остановил машину на окраине города в местном торговом центре и направился в аптеку, чтобы купить газету. Меня интересовало, удалось ли Гэвину раздобыть какие-нибудь сведения об исчезнувших из банков деньгах.

Я-то теперь мог бы раскрыть ему глаза на то, что с ними произошло. Но он, как и все остальные, не стал бы меня слушать. Я мог бы прийти в редакцию, сесть за свой стол и написать потрясающую статью, такую, какой еще не видывал мир. Но это было бы пустой тратой времени. Ее бы не напечатали. Для печати она была бы слишком экстравагантной. А даже если б ее все-таки опубликовали, ей никто бы не поверил. Или почти никто. Разве что горстка каких-нибудь душевнобольных. А это не в счет.

Прежде чем выйти из машины, я в поисках десятидолларовой бумажки разворошил лежавшую в кармане пиджака пачку денег. Посмотрел, нет ли там пятидолларовых купюр, но их не оказалось. Так же, как и билетов достоинством в один доллар.

И пока я рылся в этих бумажках, мне захотелось узнать, сколько у меня сейчас денег. Не потому, что это было так уж важно. Просто из чистого любопытства.

Ведь через несколько недель, а может даже и дней, деньги начнут терять ценность. А вскоре после этого обесценятся полностью. Они превратятся в бесполезные бумажки. Ими нельзя будет питаться, их нельзя будет носить вместо одежды, и они не укроют человека от ветра и непогоды. Ибо они были — и были таковыми испокон веков — всего лишь изобретенным человеком оружием, с помощью которого он строил свою своеобразную цивилизацию. По сути дела, они значили не больше, чем бороздки на рукоятке пистолета или бессмысленные закорючки, начертанные мелом на стене. Во все времена они были не более чем хитроумными фишками.

Я вошел в аптеку, взял газету из пачки, лежавшей на табачном прилавке, и с фотографии на первой странице на меня глянула улыбающаяся и счастливая морда Пса.

Тут не могло быть никаких сомнений. Я узнал бы его при любых обстоятельствах. Он сидел перед объективом — само дружелюбие, а за его спиной возвышалось здание Белого Дома.

Заголовок напечатанной под фотографией статьи окончательно подтвердил мою догадку. В ней сообщалось, что

ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА ХОЧЕТ НАНЕСТИ ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТУ

— Мистер, — спросил продавец, — вы купите эту газету?

Я дал ему билет в десять долларов, и он недовольно хмыкнул.

— А у вас не найдется денег поменьше?

Я ответил, что не найдется.

Он отсчитал мне сдачу, я запихнул ее вместе с газетой в карман и пошел назад к машине. Я хотел прочесть статью, но по какой-то необъяснимой причине, которую я даже не пытался понять, мне хотелось прочесть ее, сидя в машине, где меня никто не побеспокоит.

Статья была написана остроумно, пожалуй, даже чуточку остроумнее, чем следовало бы.

В ней рассказывалось о псе, которому захотелось встретиться с президентом. Прежде чем его успели остановить, он проскочил в ворота и попробовал проникнуть в Белый Дом, но охранники выставили его за дверь. Уходил он неохотно, пытаясь по-своему, по-собачьи, объяснить, что в его намерения не входило учинять беспорядки, но он был бы весьма признателен, если бы ему дали возможность повидаться с президентом. Он сделал еще две-три попытки пробраться в здание, и кончилось тем, что охранники вызвали по телефону собачника.

Приехал собачник и забрал пса, который пошел с ним довольно охотно, без каких бы то ни было признаков озлобления. А вскоре собачник вместе с псом вернулся. Он сказал охранникам, что, может, все-таки стоит устроить псу свидание с президентом. По словам собачника, пес объяснил ему, что у него есть к главе государства дело чрезвычайной важности.

После этого охранники снова отправились к телефону, и спустя немного времени, за собачником приехали и отвезли его в больницу, где он в настоящее время находится под наблюдением врачей. Псу, однако, разрешили остаться, и один из охранников в предельно выразительной форме объяснил ему, насколько с его, пса, стороны смешно надеяться на встречу с президентом.

Пес, как сообщалось в статье, был вежлив и вел себя очень прилично. Он сидел перед Белым Домом и не доставлял никаких хлопот. Даже не гонялся по газону за белками.

«Автор этих строк, — писалось далее, — сделал попытку поговорить с ним. Мы задали ему несколько вопросов, но он молчал как убитый. Только улыбался».

И вот он, собственной персоной, как живой, глядел на меня с первой страницы — эдакий лохматый симпатичный бездельник, которого никому и в голову не придет принять всерьез.

Но и автор статьи, и все остальные не так уж виноваты, — подумал я. И впрямь, что может быть фантастичнее лохматого говорящего пса. А если призадуматься, этот пес своей безмерной нелепостью ничуть не уступает банде кегельных шаров, собравшихся завладеть Землей.

Если б людям грозила опасность, связанная с кровопролитием или эффектная по какой-либо другой причине, она была бы понятна. Но нынешняя опасность не обладала ни одним из этих качеств и именно поэтому была еще страшней.

Стирлинг говорил о существах, которые не зависят от окружающей среды, — именно такими и были эти пришельцы. Они могли приспособиться ко всему; они могли принять любую форму; они могли усвоить и использовать в своих интересах любой образ мышления; для достижения своих целей они могли извратить принципы любой экономической, политической или социальной системы. Они обладали безграничной гибкостью; они приспособились бы ко всему, что человек изобрел бы, пытаясь их уничтожить.

Да, скорее всего, сказал я себе, на Земле сейчас орудует не множество кегельных шаров, а одна гигантская особь, способная делиться на несметное количество частей и с той или иной целью принимать самые разнообразные формы, оставаясь при этом единым организмом, которому известно все, чем занимаются его отдельные фрагменты.

Каким же способом можно уничтожить подобное существо? — спросил я себя. — Как оказать ему сопротивление?

Однако, если это действительно был единый исполинский организм, некоторые факты не поддавались объяснению. Почему, скажем, в усадьбе «Белмонт» вместо Этвуда ждала меня девушка без имени?

Мы о них ничего не знали, и у нас уже не осталось времени на их — или его — изучение. А человеку подобные сведения пошли бы на пользу, ибо я не сомневался, что цивилизация этого врага во многих отношениях так же сложна и своеобразна, как и цивилизация человечества.

Они могли превращаться во что угодно. Они, видимо, могли — правда, в каких-то пределах — предугадывать будущее. И они затаились в засаде и будут сидеть в засаде до последнего. А вдруг так сложится, сказал я себе, что человечество погибнет, даже не зная причины своей гибели?

А я — как мне следовало себя повести?

Швырнуть им в лицо их деньги, бросить им вызов — это было бы чисто человеческой реакцией. И возможно, сделать это было бы совсем нетрудно.

Я вдруг с удивлением заметил, что думаю о них, как о «них», а не как о «нем» или о «ней», не как об Этвуде или девушке, у которой не было имени, потому что она в нем никогда не нуждалась. А не значит ли это, спросил я себя, что их маскировка под людей не так уж совершенна, как это кажется с первого взгляда?

Я сложил газету, бросил ее рядом с собой на сиденье и скользнул за руль.

Сейчас не время для героических подвигов, подумал я. Сейчас человек должен делать все, что в его силах, как бы ни выглядели его поступки. Если я, прикинувшись их союзником, сумею выведать у них какие-нибудь сведения, хоть отчасти проникнуть в их сущность и эти сведения помогут человечеству — тогда, быть может, есть смысл этим

заняться. А если дело дойдет до того, что мне придется писать для пришельцев пропагандистские статьи, не сумею ли я вставлять в эти статьи непредусмотренные ими фразы, на которые они не обратят внимания и не поймут, но которые легко дойдут до сознания читателей-людей?

Я завел мотор, включил передачу, и машина влилась в поток уличного движения. Это была прекрасная машина. Самая лучшая из всех, которые мне когда-либо случалось водить. И несмотря на ее происхождение, несмотря ни на что, я вел ее с гордостью.

Подъехав к мотелю, я увидел, что машина Куинна по-прежнему стоит перед его блоком, но к ней сейчас прибавились еще две — их припарковали около других блоков. Я понял, что вскоре в мотеле не останется ни одного свободного номера. Люди будут въезжать во двор и спрашивать у старожилов, как они сюда вселились. А те посоветуют вновь прибывшим воспользоваться ломом или молотком, а то и сами вынесут этот лом или молоток и помогут им взломать дверь. Люди — по крайней мере, на первых порах — будут держаться вместе. Будут помогать друг другу в беде. Это уже позже они разбредутся в разные стороны и каждый в одиночку пойдет своим собственным путем. А потом они, возможно, вновь объединятся, поняв, что сила людей — в их единстве.

Когда я вылез из машины, на пороге своего блока показался Куинн и пошел мне навстречу.

— Ну и машина же у вас, — сказал он.

— Это машина одного моего приятеля, — объяснил я ему. — Хорошо выспались?

Он улыбнулся.

— Так не спали уже много недель. Жена очень довольна. Это, конечно, не бог весть что, но у нас давным-давно не было и такого жилья.

— Я вижу, что мы обзавелись соседями.

Он кивнул.

— Они приехали и принялись меня расспрашивать. И я им все объяснил. А потом я вышел и, по вашему совету, купил оружие. Чувствовал себя несколько глупо, но ведь вреда от него не будет. Хотел купить винтовку, но удалось достать только дробовик. В общем-то один черт. Я ведь не снайпер.

— Это все, что вам удалось достать? — спросил я.

— Я заходил в три скобяные лавки. Ни в одной из них не нашлось никакого оружия. В четвертой оказался этот дробовик. Вот я и купил его.

Итак, подумал я, — люди уже начали скупать револьверы и пистолеты. Перепуганные насмерть люди, которые чувствуют себя в большей безопасности, имея под рукой оружие. Пожалуй, еще немного — и достать его будет совершенно невозможно.

Он опустил глаза и стал чертить по асфальту носком ботинка.

— Произошло что-то непонятное, — заговорил он. — Я не рассказал об этом жене — к чему ей лишние переживания. Я тут поехал за продуктами и по дороге изменил маршрут, чтобы проехать мимо нашего дома — того, что мы продали. С тех пор как мы покинули его, я ни разу не проезжал по той улице. Ни я, ни моя жена. Она частенько говорила мне, что ей хочется взглянуть на дом, но так и не решилась туда съездить — это было бы для нее слишком тяжко. Так вот, сегодня я все-таки проехал мимо него. И увидел, что он пуст, как в тот день, когда мы из него выехали. И хотя прошло совсем немного времени, он уже выглядит запущенным. С тех пор как они заставили нас съехать, прошел месяц, а в него еще никто не вселился. Они тогда заявили, что он им нужен позарез. Что им необходимо немедленно вступать во владение. А оказывается, он им совсем не нужен. Как, по-вашему, в чем тут дело?

— Не знаю, — ответил я.

Я-то сумел бы ему все объяснить. Возможно, так и следовало сделать. Мне очень хотелось с ним поделиться. Ведь он мог поверить моему рассказу. Его смягчили недели мытарства и невзгод, он был подготовлен к тому, чтобы поверить. А видит бог, как я нуждался в том, чтобы мне кто-нибудь поверил, кто-нибудь, кто смог бы разделить со мной тесную каморку страха и отчаяния.

Но я не сказал ему ни слова — это ничего бы не дало. По крайней мере, на сегодняшний день для него было гораздо лучше не знать правды. У него еще была надежда — ведь он пока мог приписывать все эти события каким-то неполадкам в экономике. Неполадкам, природу которых он, конечно, не понимал, но которые, как ему казалось, не выходили за пределы нормы, а раз так, то Человеку по силам было с ними справиться.

Другое же, соответствующее истине объяснение лишит его этой надежды, лицом к лицу столкнет с неведомым. И он запаникует.

Вот если б мне удалось открыть глаза миллиону людей, среди этого миллиона наверняка нашлось бы несколько человек, способных спокойно и трезво оценить обстановку и стать во главе остальных. А сообщить такое небольшой группке жителей одного-единственного города было попросту бессмысленно.

— Это бессмысленно, — повторил за мной Куинн. — Все это совершенно бессмысленно. Я не спал всю ночь, пытаясь найти какой-то ответ, но не сумел в этом разобраться. Однако я вышел к вам не из-за этого. Мы приглашаем вас и вашу жену с нами пообедать. Обед у нас не ахти какой, но есть жаркое и найдется чего выпить. Посидим, поболтаем.

— Мистер Куинн, — сказал я. — Джой мне не жена. Мы всего лишь двое людей, которых свела жизнь.

— Вот как, — сказал он. — Прошу прощения. Я просто предположил, что это ваша жена. Право же, это ничего не значит. Надеюсь, я не смутил вас.

— Нет, нисколько, — сказал я.

— И вы с нами пообедаете?

— Как-нибудь в другой раз, — ответил я. — Спасибо за приглашение. Но у меня уйма дел.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Грэйвс, — произнес он, — вы что-то от меня скрываете. То, о чем вы намекнули прошлой ночью. Вы сказали, что повсюду одно и то же, что бежать некуда. Откуда вам это известно?

— Я репортер, — объяснил я. — Собираю материал для статьи.

— И вы кое-что знаете.

— Не очень-то много.

Он ждал, но я больше ничего не сказал. Он покраснел и повернулся, чтобы уйти.

— До свидания, — буркнул он и пошел к своему блоку.

Я его за это не осудил. Я чувствовал себя последним подлецом.

Я вошел в блок — он был пуст. Джой еще не вернулась из редакции. Видно, Гэвин всучил ей какую-нибудь работу.

Я вытащил из карманов большую часть денег и засунул их под матрас. Тайник весьма примитивный и не слишком надежный, но об этих деньгах никто не знал, и я был спокоен за их сохранность. Все равно их нужно было куда-нибудь спрятать. Не мог же я оставить их на виду.

Я взял винтовку и отнес ее в машину.

Потом я занялся тем, что собирался сделать с той самой минуты, когда отъезжал от усадьбы «Белмонт».

Я осмотрел машину. Всю целиком. Я поднял капот и проверил мотор. Подлез под нее и тщательно изучил ее снизу. Я не пропустил ни единой мелочи.

И когда я покончил с осмотром, у меня не осталось ни малейшего сомнения. Она была тем, чем ей и полагалось быть. Это была дорогая, но совершенно ординарная машина. Она ничем не отличалась от других машин ее класса. В ней не оказалось ни одной лишней детали, ни одна деталь не отсутствовала. Я не обнаружил ни бомбы, ни какой-нибудь явной неисправности. Я мог поклясться, что это не результат совместных усилий кучки кегельных шаров, слившихся воедино, чтобы создать из себя имитацию машины. Передо мной были самые настоящие сталь, стекло и хром.

Я стоял рядом с машиной, похлопывал ее по крылу и размышлял над тем, что мне делать дальше.

А может, стоит сейчас еще раз позвонить сенатору Роджеру Хиллу? — подумал я. «Позвони мне, когда протрезвишься, — сказал он. — Позвони завтра, если у тебя еще будет что рассказать».

Я был трезв и по-прежнему мог кое-что рассказать.

Я отлично знал, что он на это ответит, но тем не менее я должен был позвонить ему еще раз.

И я отправился в тот маленький ресторан, чтобы заказать разговор с сенатором.

31

— Паркер, — сказал сенатор, — хорошо, что ты позвонил.

— Так, может, ты теперь выслушаешь меня? — спросил я.

— Разумеется, — слащавым тоном промолвил сенатор, — если только ты не станешь опять нести околесицу о нашествии пришельцев.

— Но, сенатор...

— Могу поставить тебя в известность, — прервал меня сенатор, — что назревает большой скандал. Ты, конечно, понимаешь, что это не подлежит оглашению.

— Я так и предполагал, — сказал я. — Стоит тебе заговорить о каком-то событии, представляющем интерес, как всегда оказывается, что это не для оглашения.

— Так вот, скандал разразится в понедельник утром, когда откроется биржа. Мы не знаем, как это получилось, но в банках не хватает денег. И заметь, не в каком-нибудь одном банке, а почти во всех, черт их дери. Ни один из них не может свести баланс. Каждый банк собрал сегодня, в сверхурочное время, своих служащих, чтобы выяснить, куда делись все эти деньги. Но это еще не самое скверное.

— А что же тогда самое скверное?

— Это деньги, — сказал сенатор. — Вначале их было слишком много. Невероятно много. Если сложить все деньги, имевшиеся в банках в пятницу утром, то получится такая огромная сумма, которая вообще не имеет права на существование. Уверяю тебя, Паркер, что такого количества денег не наберется во всех Соединенных Штатах.

— Но их там больше нет.

— Верно, — согласился сенатор, — их там больше нет. Насколько нам известно, сумма оставшихся денег приблизилась к средней норме.

Я ждал продолжения и в наступившей на секунду тишине услышал глубокий вздох, словно он боролся с удушьем.

— И кое-что еще, — произнес он. — Слухи. Всевозможные слухи. Каждый час что-нибудь новое. А проверить их невозможно.

— Что за слухи?

Он заколебался, потом сказал:

— Помни, что это строго между нами.

— Можешь не сомневаться.

— Прошел слушок, что кто-то — никто толком не знает, кто именно, — захватил контроль над «Юнайтед стейтс стил» и несколькими другими корпорациями.

— Одни и те же лица?

— Ей-богу, не знаю, Паркер. Я вообще не представляю, есть ли в этих слухах хоть капля правды. Выслушаешь одно, а через минуту тебе преподносят что-нибудь другое.

Он помолчал и немного погодя спросил:

— Паркер, а ты-то что об этом знаешь?

Я мог бы ему кое-что рассказать из того, что я знал, но понимал, что этого делать нельзя. Он бы только обозлился и послал меня к черту — на этом бы все и кончилось.

— Я могу дать тебе один совет, — сказал я. — Могу посоветовать, что ты должен сделать.

— Надеюсь, это что-нибудь путное.

— Издай закон.

— Если б мы издавали каждый закон...

— Закон, — продолжал я, — против частной собственности. Любой частной собственности. Составь его так, чтобы ни один человек не имел права владеть ни футом земли, ни промышленным предприятием, ни граммом руды, ни домом...

— Ты что, спятил?! — взорвался сенатор. — Да разве можно издать подобный закон! Такого и в мыслях не должно быть.

— А пока ты будешь разрабатывать его, придумай какой-нибудь заменитель денег.

Сенатор что-то бессвязно пролепетал.

— Потому что, — добавил я, — существующие законы дают возможность пришельцам купить Землю. Если вы оставите все как есть, Земля перейдет в их полное владение.

Сенатор обрел дар речи.

— Паркер, — взвизгнул он, — ты свихнулся! Всякое мне случалось выслушивать, но подобную белиберду я слышу впервые в жизни.

— Если ты мне не веришь, пойди и спроси у Пса.

— Какого еще пса? При чем тут пес, дьявол тебя побери?

— Того, что сидит перед Белым Домом. И ждет, когда его пустят к президенту.

— Паркер, — рявкнул он, — не смей мне больше звонить. У меня и без твоих бредней голова раскалывается. Не знаю, что у тебя на уме, но больше мне не звони. Если это шутка...

— Это не шутка, — сказал я.

— До свидания, Паркер, — сказал сенатор.

— До свидания, господин сенатор, — отозвался я.

Я повесил трубку и, не выходя из будки, попытался собраться с мыслями.

Я понял, что надеяться больше не на что. С самого начала сенатор был моей единственной надеждой. Из всех знакомых мне государственных деятелей только он был наделен воображением, но, видно, недостаточным, чтобы прислушаться к моим словам.

Я сделал все, что в моих силах, подумал я, но ничего не добился. Быть может, если б я действовал по-другому, если б я прибегнул к какому-нибудь иному способу, мне повезло бы больше. Но человек может сказать такое о любом своем поступке. Наперед никогда не угадаешь. Дело сделано, и никто не может знать заранее, чем все обернется.

Теперь уже ничто не остановит машину, пущенную в ход пришельцами. И, видимо, все произойдет гораздо быстрее, чем я предполагал. Утро понедельника принесет с собой панику на Уолл-стрит, и вслед за этим начнет разваливаться экономика. Первую трещину в нашей финансовой системе даст торговля, а отсюда эта трещина быстро расползется в разные стороны, и за одну неделю мир будет ввергнут в хаос.

А ведь, скорей всего, пришельцы уже знают о моем звонке сенатору, подумал я, и мне обдало спину холодом. Быть не может, чтобы они тем или иным способом не контролировали системы связи. И несмотря на то, что я, по их расчетам, должен сейчас обдумывать их предложение, они все равно узнают, что я звонил сенатору.

Этого я не учел. Голова была забита другими мыслями. Впрочем, если бы я вспомнил об этом раньше, вероятно, я все равно позвонил бы ему.

А может, это вообще для них ничего не значит. Они наверняка предвидели, что до того, как я соглашусь на их предложение, я еще немного побарахтаюсь. И не исключено, что этот звонок, еще раз доказавший всю безнадежность моих попыток им помешать, по их понятиям, еще крепче меня с ними свяжет, окончательно убедив меня в том, что всякое сопротивление бесполезно.

Оставались ли еще какие-нибудь неиспользованные возможности? Какой-нибудь иной подход к формированию общественного мнения, который дал бы лучшие результаты? И вообще, способен ли был Человек сделать хоть что нибудь?

Я мог, скажем, позвонить президенту, вернее, мог попытаться позвонить ему. Но я не строил на этот счет иллюзий. Я понимал, как мало шансов на то, что мне удастся с ним переговорить. В особенности сейчас, когда на плечи президента легло тягчайшее бремя: за всю историю страны ни один государственный деятель не сталкивался с подобными трудностями.

Поговорите с Псом, сказал бы я ему, если б меня с ним соединили. Поговорите с Псом, который ждет вас на улице.

Но это не пройдет. Хоть бейся головой об стену.

Я сложил оружие. Мне не везло с самого начала. И не было на свете человека, которому бы в этом повезло.

Я достал монету и опустил ее в прорезь.

Набрал номер редакции и попросил к телефону Джой.

— Все в порядке? — спросила она.

— В полнейшем. Когда ты приедешь домой?

— Не знаю, — сердито ответила она. — Этот зараза Гэвин все время находит для меня работу.

— А ты возьми да уйди.

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

— Ну ладно. Где бы тебе хотелось сегодня поужинать? Можешь выбрать ресторан подороже. Я купаюсь в деньгах.

— Откуда у тебя деньги? Ведь твой чек у меня. Я его получила для тебя.

— Джой, поверь, у меня денег навалом. Где ты хочешь поужинать?

— Останемся лучше дома, — предложила она. — Приготовим себе что-нибудь поесть. В ресторанах сейчас такая давка.

— Бифштексы? А еще что? Я пока выйду и все куплю.

Она сказала.

И я отправился за покупками.

Я шел к машине, прижимая к себе огромный бумажный пакет с продуктами, которые я купил, выполняя заказ Джой.

Я оставил машину на другом конце стоянки при магазине самообслуживания. Пакет весил немало, да и продукты в нем были уложены кое-как, а две консервные банки — одна с кукурузой, другая с компотом из персиков — уже начали прорывать в дне дыру, норовя выскочить наружу. Я шел вдоль стоянки, стараясь шагать поосторожнее, чтобы уберечь пакет от лишних толчков, и, судорожно обхватив его обеими руками, честно пытался помешать ему развалиться окончательно.

До машины я добрался благополучно, хотя был уже на грани катастрофы. Проделав акробатический этюд из репертуара «человека-змеи», я открыл дверцу и швырнул мешок на сиденье. Тут он наконец разорвался, вывалив кучу всевозможных бакалейных товаров. Мне пришлось основательно поработать обеими руками, чтобы сдвинуть всю эту груду на другой конец сиденья и освободить себе место за рулем.

Если б не возня с разорванным пакетом, я, наверное, заметил бы это сразу, но я увидел это только тогда, когда уже сидел в машине и протянул руку, чтобы вставить ключ в замок зажигания.

И тут это бросилось мне в глаза — сложенный пополам в виде палатки листок бумаги, который стоял над приборным щитком, закрывая собой часть ветрового стекла. А на листке большими печатными буквами было написано одно-единственное слово: «ПОДЛЕЦ!»

Чтобы вставить ключ в замок, я подался вперед, да так и остался, уставившись на эту бумажку с ее лаконичным посланием.

Мне не нужно было ломать голову над тем, кто мог ее здесь оставить. У меня на этот счет не было никаких сомнений. Словно

я это знал, словно я видел собственными глазами, как он клал ее сюда — некий псевдочеловек, некое скопление кегельных шаров, принявших человеческий облик и сообщавших мне, что они знали о моем звонке сенатору, знали, что я предам их при первом же удобном случае. Возможно, они не питали ко мне злобы и мой поступок не особенно их встревожил, но вполне вероятно, что они почувствовали ко мне неприязнь и перестали мне доверять. Короче, по какой-то причине они решили поставить меня в известность, что следят за мной, и давали понять, что мне не удастся обвести их вокруг пальца.

Я вставил ключ в замок и включил мотор. Потом протянул руку, взял эту бумажку, скомкал ее и выбросил в окошко. Если они следили за мной — а я полагал, что так оно и было, — этим жестом я дал им понять, что я о них думаю.

Ребячество? Конечно. Ну и что? Плевать я на это хотел. Сейчас мне было наплевать на все.

Проехав три квартала, я в зеркальце увидел, что за мной следует какая-то машина. Самая заурядная машина, черная, не из дорогих. Даже не знаю, почему я обратил на нее внимание. В ней не было ничего особенного. Машины такого цвета, модели и степени изношенности видишь по сто раз в день.

Быть может, я заметил ее потому, что заметил бы любую машину, которая, идя сзади, замедлила бы ход одновременно с моей. Я проехал еще два квартала, она шла за мной, как привязанная. Я сделал несколько поворотов, она не отставала.

Теперь уже было ясно, что это слежка, и довольно-таки грубая.

Я направил свою машину к окраине города, а та по-прежнему ехала за мной на дистанции в полквартала. Беззастенчиво, даже не пытаясь как-то скрыть, что она меня преследует. Быть может, умышленно действуя в открытую — только для того, чтобы держать меня в постоянном напряжении.

И продолжая путь, я спросил себя, стоит ли мне тратить усилия, чтобы отделаться от этого преследователя. Я не видел в этом особого смысла. Что с того, если я даже избавлюсь от него? Ведь от этого я мало что выиграю. Они подслушали мой разговор с сенатором. Они наверняка знали, где находится моя, с позволения сказать, штаб-квартира. Для них несложно меня найти, если я им когда-нибудь понадоблюсь.

Но если б мне удалось внушить им, будто я ни о чем не догадываюсь, у меня, возможно, появилось бы некоторое преимущество. Незатейливый дешевый способ — на всякий случай прикинуться дурачком.

Я выехал за городскую черту, пустил машину по одному из ведущих на запад шоссе и слегка прибавил скорость. Я оторвался от своего преследователя, но не намного.

Впереди дорога, извиваясь, поднималась по склону холма и круто сворачивала на его вершине. Я вспомнил, что за поворотом вскоре начинался проселок. Движение там было небольшое и, если б повезло, я, может быть, успел бы юркнуть на боковую дорогу и скрыться из виду до того, как черная машина одолеет этот поворот.

Поднимаясь на холм, я снова выиграл какое-то расстояние и, когда та машина скрылась за поворотом, включил полную скорость. Впереди дорога была пуста, и, домчавшись до перекрестка, я с силой нажал на тормоз и резко крутанул руль. Машина прижалась к земле, как животное, готовящееся к прыжку. Задние колеса немного занесло, взвизгнули шины, через секунду я уже был на проселочной дороге, выровнял машину и дал газ.

Дорога шла по холмам, один крутой склон за другим, а между ними — лощины. И уже поднявшись на вершину третьего холма, я, взглянув на зеркальце, увидел на вершине второго черную машину.

Это было как гром с ясного неба. Не потому, что это имело какое-то существенное значение, просто я был настолько убежден, что отделался от нее, что это здорово ударило по моей самоуверенности.

И вывело меня из себя. Если эта ничтожная тварь...

Тут я заметил тропинку. Видно, то была старая, давно заброшенная колея, проходившая через рощицу и сплошь заросшая сорняками, и, охраняя ее, низко свисали ветви деревьев, словно эти ветви пытались скрыть от людского глаза едва заметные следы проходившей здесь некогда дороги.

Я резко повернул руль, и машина, содрогнувшись, перевалила через неглубокую канавку. Ветви тут же заслонили ветровое стекло и заскребли по металлической обшивке.

Я ехал вслепую, колеса то и дело подскакивали на старой, почти стершейся колее. Наконец я затормозил и вылез из машины. Позади ветви деревьев свисали почти до земли, и машина вряд ли была видна с дороги.

Я улыбнулся, поздравил себя с этой мизерной победой.

Я был уверен, что на этот раз оставил их с носом. Я ждал.

Черная машина взлетела на вершину холма и с ревом ринулась по дороге вниз. В послеполуденной тишине ее мотор тарахтел на всю округу. Еще немного, и не миновать ей капитального ремонта.

Она спустилась с холма, и раздался резкий скрип тормозов. Они все скрипели и скрипели, пока наконец машина не остановилась.

Меня опять уложили на обе лопатки, подумал я. Каким-то образом они узнали, что я здесь.

Видно, они решили отбросить церемонии. Что ж, как аукнется, так и откликнется.

Я открыл дверцу и достал с заднего сиденья винтовку. Взвесил на руке, и ее тяжесть вселила в меня уверенность. С секунду я соображал, насколько эффективна винтовка против подобных существ, потом

вспомнил, как рассыпался Этвуд, когда я полез в карман за пистолетом, и как там, к северу от города, покатилась вниз по склону холма машина, стоило мне открыть по ней огонь.

Сжимая в руке винтовку, я крадучись пошел вдоль колеи. Если мой преследователь отправится меня искать — а он обязательно так и сделает, — ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он нашел меня в том месте, где, по его расчету, я должен находиться.

Я двигался в безмолвном мире, благоухавшем всеми ароматами осени. Над тропинкой переплелись унизанные багровыми листьями стебли ползучих растений, и нескончаемым дождем медленно и плавно падали расцвеченные холодом листья, струясь сквозь лабиринт ветвей. Я ступал почти бесшумно, образовавшийся за долгие годы многослойный ковер из опавших листьев и мха поглощал все звуки.

Я вышел из рощицы и прокрался вдоль опушки на вершину холма. Я нашел там пламенеющий куст сумаха и присел за ним на корточки. Куст еще не расстался со своими глянцевитыми красными листьями, и я оказался в идеальной засаде.

Склон подо мной спускался к крошечному ручейку — тоненькой струйке воды, которая бежала в ложбине между холмами. Роща, изогнувшись, отступала к дороге, и передо мной расстилалась бурая от засохшего сорняка поверхность склона с кое-где вкрапленными в нее пылающими факелами кустов сумаха.

Вдоль ручья шел какой-то мужчина, потом он повернул и стал взбираться по склону, направляясь прямо ко мне, как будто он знал, что я прячусь за кустом. Это был невзрачного вида сутуловатый субъект в низко надвинутой на лоб старой фетровой шляпе и черном костюме, который даже на расстоянии выглядел сильно поношенным.

Глядя себе под ноги, он шел прямо на меня. Словно хотел показать, что не видит меня, знать не знает, что я где-то поблизости. Не спеша он неуклюжей походкой ковылял вверх по склону, не отрывая глаз от земли.

Я поднял винтовку и просунул ствол сквозь занавес из алых листьев. Прижал приклад к плечу и взял на мушку опущенную голову взбиравшегося на холм человека.

Он остановился. Словно знал, что на него нацелена винтовка; остановился, вскинул голову и завертел ею по сторонам. Потом он выпрямился, подобрался и, изменив направление, пошел по склону к маленькому, заросшему травой болотцу.

Я опустил винтовку, и в этот миг моих ноздрей коснулась струя отвратительного зловония.

Я принюхался, чтобы определить, что это за запах, и сразу же все понял: где-то поблизости на склоне холма находился рассерженный скунс.

Я усмехнулся.

Так ему и надо, подумал я. Так ему и надо, этому проклятому кретину.

Теперь он уже двигался быстрее, пробираясь к болоту через островок высокой, по пояс, травы. И вдруг исчез.

Я протер глаза и снова взглянул в ту сторону — его не было.

Он мог споткнуться и упасть в траву, рассудил я, однако меня не оставляло ощущение, что я вижу такое не впервые. То же самое произошло на моих глазах в подвале усадьбы «Белмонт». Этвуд сидел тогда передо мной на стуле, и в мгновение ока стул опустел, а по полу покатились кегельные шары.

Я не заметил, как это произошло, хотя смотрел на него в упор. Я никак не мог пропустить это и тем не менее ничего не увидел. В какой-то миг Этвуд присутствовал, а в следующий — вместо него появились кегельные шары.

Именно это и произошло сейчас, при ярком свете послеполуденного осеннего солнца. Только что, по пояс в траве, шел человек, и вдруг его не стало. Он бесследно исчез.

Держа наготове винтовку, я осторожно встал во весь рост и окинул взглядом склон холма.

Смотреть там было не на что, если не считать колыхавшейся травы, и она колыхалась только в одном месте — там, где исчез этот человек. Вся остальная растительность на склоне была недвижима.

Запах скунса все настойчивее лез мне в ноздри, волной поднимаясь снизу по склону холма.

А там творилось нечто дьявольски странное.

Трава продолжала колыхаться, словно в том месте что-то бешено металось по земле, но не было слышно ни звука. Стояла мертвая тишина.

Я стал спускаться к подножию холма, по-прежнему держа наготове винтовку.

И внезапно у меня в кармане что-то закопошилось. Как будто туда раньше залезла мышь или крыса, а сейчас пытается выбраться наружу.

Я инстинктивно схватился за карман, но эта штуковина уже вылезла из него. Она оказалась маленьким черным шариком, вроде тех мягких резиновых мячиков, которые дают играть малышам.

Он высунулся из кармана, увильнул от моих пальцев, упал на землю и какими-то сумасшедшими зигзагами покатился к тому месту, где колыхалась трава.

Я стоял как вкопанный, глядя ему вслед и пытаясь сообразить, что это такое. И вдруг я понял. Это были деньги. Та их часть, что лежала у меня в кармане, — часть тех денег, которые я получил в усадьбе «Белмонт».

Теперь они вновь превратились в шар и мчались туда, где исчез тот, другой оборотень, на время принявший человеческий облик.

Я издал вопль и, забыв об осторожности, побежал к островку колыхавшейся травы.

По тому что там что-то происходило, и я должен был выяснить, что именно.

Скунсом воняло нестерпимо, и я невольно начал уклоняться в сторону, но тут краем глаза увидел, что там делается.

Я остановился и стал смотреть, ничего не понимая.

Там, в траве, как одержимые, в самозабвенном экстазе скакали кегельные шары. Они крутились волчком, катались взад и вперед, подпрыгивали в воздух.

И с этого травянистого островка поднимался тошнотворный, слезоточивый, сводящий скулы запах, оставленный растревоженным скунсом.

Я не выдержал. Давясь и отплевываясь, я пустился наутек.

И на пути к машине я подумал — без особого, правда, душевного подъема, — что наконец нашел трещину в, казалось бы, неуязвимой броне кегельных шаров.

32

Пес говорил, что они питают слабость к запахам. Завладев Землей, они обменяют ее на партию каких-то запахов. Запахи — это их жизненный стимул, единственный источник наслаждения. Они их ценят превыше всего.

И здесь, на Земле, у подножия разукрашенного осенью холма, на заросшем травой болотце они нашли запах, который их пленил. Ведь только так можно было истолковать их исступленные прыжки. Запах, который, видимо, обладал для них такой притягательной силой, что заставлял их отказаться от выполнения стоявшей перед ними задачи, какова бы ни была ее цель.

Я сел в машину, дал задний ход, выехал на дорогу и поехал обратно в сторону главного шоссе.

По-видимому, другие ароматы Земли не обладали для кегельных шаров особой привлекательностью, подумал я, но вонь скунса свела их с ума. И хотя лично мне это казалось бессмысленным, я вполне допускал, что в этом мог быть определенный смысл для кегельного шара.

Должен быть какой-то способ, сказал я себе, который даст возможность человеческому роду использовать эту информацию в своих интересах, способ, с помощью которого мы сумеем извлечь выгоду из этой любовной интрижки кегельных шаров со скунсами.

Я мысленно перенесся во вчерашний день, когда Гэвин поместил на первой странице газеты статью Джой о ферме, где разводят скунсов. Но в ней речь шла о других скунсах.

Мои мысли разбегались кругами и каждый раз ни с чем возвращались к исходной точке. И, подводя итог этим бесплодным размышлениям, я подумал, что можно задохнуться от ярости, если эту открытую мною слабость пришельцев не удастся обратить на пользу человечества.

Ибо, насколько я понимал, это был наш единственный шанс. Во всем остальном они взяли нас за горло мертвой хваткой, поставив в совершенно безвыходное положение.

Но если и была какая-то возможность извлечь из этого пользу, мне она в голову не приходила. Если б нас было много, если б я не был так одинок, меня, вероятно, осенила бы какая-нибудь идея. Но со мной была только Джой.

Я въехал в пригород; боюсь, я не уделял должного внимания своим обязанностям водителя. Я остановился у светофора, задумался и не заметил, как красный свет сменился зеленым.

До меня это дошло только тогда, когда мимо пролетело такси с высунувшимся из окошка взбешенным шофером.

— Дубина! — крикнул он мне. Там были еще кой-какие словечки, вероятно, позабористей, чем «дубина», но я их не расслышал — сзади раздраженно засигналили другие машины.

Я поскорей оттуда убрался.

Но зато теперь я кое-что знаю, подумал я. Есть одна возможность. Может, это пустой номер, но, по крайней мере, у меня появилась хоть какая-то идея.

Всю дорогу до мотеля я рылся в памяти и в конце концов нашел это — имя другого шофера такси, того, что с таким воодушевлением расписывал охоту на енотов.

Я въехал во двор мотеля, поставил машину перед блоком и остался сидеть в ней, пытаясь собраться с мыслями.

Спустя несколько минут я вылез из машины и отправился в ресторан. Закрывшись в будке, я отыскал в телефонной книге имя Ларри Хиггинса и набрал номер. Мне ответил женский голос, и я попросил позвать к телефону Ларри. Потом я ждал, пока она ходила за ним.

— Хиггинс слушает.

— Быть может, вы помните меня, — сказал я, — а может, и нет. Я тот, кого вы подвезли вчера вечером к «Уэллингтон Армз». Вы еще рассказывали мне про охоту на енотов.

— Мистер, про охоту на енотов я рассказываю всем, кто не затыкает уши. Что поделаешь, если у меня такая страстишка.

— Но говорили не только вы. Мы оба обсуждали это. Я рассказал вам, что иногда охочусь на уток и фазанов, и вы предложили мне как-нибудь вместе поохотиться на енотов. Вы сказали...

— Погодите, — перебил он, — теперь я припоминаю. Конечно же, я вас помню. Я подобрал вас у бара. Но сегодня с охотой ничего не выйдет. Мне сегодня в ночь работать. Вам повезло, что вы меня застали. Я уже уходил.

— Но я не...

— Можно же договориться на какой-нибудь другой день. Завтра воскресенье. Как насчет завтрашнего вечера? Или во вторник. Во вторник вечером я не работаю. Скажу вам, мистер, это куда веселее...

— Но я звоню по другому вопросу.

— Вы что, не хотите поохотиться? Поверьте, стоит вам только попробовать...

— Как-нибудь вечером мы это обязательно организуем, — сказал я. — В один из ближайших вечеров я вам позвоню, и мы назначим день.

— Ладно. Звоните в любое время.

Он уже собрался положить трубку, и я поспешно проговорил:

— Но у меня есть к вам еще одно дело. Вы тогда рассказывали мне про старика, который приручает скунсов.

— Ага, о том старикашке, что малость сбрендил. Даю вам честное слово...

— Вы можете мне объяснить, как его найти?

— Как его найти?

— Да. Как мне до него добраться?

— Хотите его навестить, так, что ли?

— Да, я не прочь с ним повидаться. Хочу с ним потолковать.

— О чем?

— Да как вам сказать...

— Послушайте, может, я тогда сболтнул лишнего. Он добрый и безобидный старикан. Мне не хочется, чтоб его беспокоили. Ведь над такими, как он, народ любит потешиться.

— Вы говорили мне, — сказал я, — что он пытается написать книгу.

— Ну, говорил.

— И что ему это не по зубам. Вы же так сами сказали. Да еще пожалели, что он никогда эту книгу не напишет, не справится. Так вот, я — писатель, и мне пришло в голову, что, может быть, если ему немного помочь...

— Стало быть, вы собираетесь подсобить ему?

— За некоторое вознаграждение, — сказал я.

— Ему нечем вам платить.

— Ему и не придется. Я мог бы написать для него эту книгу, если у него есть материал. А потом мы бы поделили гонорар.

Хиггинс призадумался.

— Ладно, пожалуй, это годится. Ведь сейчас он так ее пишет, что вообще не выручит за эту книгу ни цента. Ему и впрямь нелишне помочь.

— Вот именно. Как же мне его найти?

— Я мог бы вас как-нибудь вечером свозить к нему.

— Если можно, я бы хотел встретиться с ним сегодня. Завтра я уезжаю.

— Ладно уж, будь по-вашему. Сдается мне, что худа от этого не будет. У вас там есть карандаш и бумага?

Я ответил, что есть.

— Его имя — Чарли Манз, но соседи зовут его Пустомелей. Вы выезжаете из города по двенадцатому шоссе и...

Я записал под его диктовку адрес.

Поблагодарил его, когда он закруглился.

— Как-нибудь позвоните мне, — сказал он, — и мы сообразим насчет охоты.

Я пообещал.

Я достал другую монету и позвонил в редакцию. Джой еще была там.

— Ты купил продукты, Паркер?

Я сказал, что купил, но мне придется снова уехать.

— Я занесу все в блок, — добавил я. — Ты случайно не знаешь, работает ли холодильник?

— Наверно, работает, — ответила она. И тут же спросила: — Куда это ты собрался, Паркер? Голос у тебя взволнованный. Что случилось?

— Мне нужно встретиться с одним человеком по поводу скунсов.

Ей показалось, что я решил подшутить над ее вчерашней заметкой, и она обиделась.

— Ничего подобного, — заверил я ее. — Это чистая правда. В долине, вверх по течению реки, живет один старик по имени Манз. Быть может, это единственный в мире человек, который приручает диких скунсов.

— Ой, врешь...

— А вот и нет, — сказал я. — Мне о нем прожужжал уши один болтливый шофер такси, которого зовут Ларри Хиггинс.

— Паркер, — произнесла она, — ты что-то затеваешь. Ты ведь ездил в усадьбу «Белмонт». Там что-нибудь произошло?

— Ничего особенного. Они сделали мне одно предложение, и я обещал подумать.

— Какое предложение?

— Предложили стать их агентом по печати и рекламе. Кажется, это так называется.

— И ты собираешься его принять?

— Не знаю, — ответил я.

— Мне страшно, — проговорила она. — Еще страшней, чем прошлой ночью. Я хотела поговорить об этом с Гэвином, я хотела поговорить с Дау. Но у меня язык не повернулся. Что толку в таком разговоре? Нам ведь никто не поверит.

— Ни одна душа на свете, — согласился я.

— Я уеду домой. И очень скоро. Пусть Гэвин подсовывает мне какую угодно работу, все равно я сбегу отсюда. Ты ведь не надолго, правда?

— Не надолго, — пообещал я. — Я отнесу продукты в блок, и ты сразу принимайся за готовку.

Мы попрощались, и я пошел назад к машине.

Я перетащил продукты в блок, поставил молоко, масло и еще кое-что в холодильник. Остальное разложил на столе. Потом я выгреб из-под матраса остаток денег и набил ими карманы.

И покончив со всеми этими делами, я поехал к старику, чтобы побеседовать с ним о его скунсах.

33

По совету Хиггинса я поставил машину на задворках фермерской усадьбы, чуть в стороне от ворот, которые вели к сараям, чтобы она не загораживала проход, если кому-нибудь понадобится войти или выйти. Поблизости никого не было, только откуда-то выскочила, виляя хвостом, улыбающаяся деревенская дворняжка, чтобы неофициально поприветствовать меня радостными прыжками. Я похлопал ее по спине, сказал ей несколько слов, и она увязалась за мной, когда я вошел в ворота и зашагал через задний двор. Но у лаза в изгороди из колючей проволоки, за которой начиналось поле клевера, я остановился и попросил ее вернуться обратно. Мне не хотелось брать ее с собой к старику, чтобы не нарушить этим душевный покой тесной компании дружелюбных скунсов.

Она подчинилась не сразу. Она убеждала меня, что нам лучше отправиться бродить по полю вдвоем. Но я настаивал на ее возвращении, я шлепнул ее по заду, чтобы придать больше веса своим словам, и в конце концов она побежала обратно, оглядываясь через плечо в надежде, что смягчусь.

Когда она скрылась из виду, я пошел через поле вдоль проложенной телегами колеи, которая едва проглядывала сквозь густой ковер клевера. Из-под ног у меня вылетали поздние осенние кузнечики и, сердито жужжа, скачками рассыпались по полю.

Я добрался до конца поля, пролез через дыру в другой изгороди и, по-прежнему держась полустершейся колеи, зашагал дальше по заросшему молодыми деревцами пастбищу. Солнце клонилось к западу, и пролесок был исчерчен тенями, а в долине самозабвенно веселились белки, кувыркаясь в опавшей листве и молнией взлетая на деревья.

Дорога сбегала вниз по склону холма, пересекая лощину, взбиралась на другой холм, и там, наверху, под широким выступом торчавшей из склона скалы я увидел хижину и человека, которого искал.

Старик сидел в кресле-качалке, древнем, расшатанном кресле-качалке, которое так скрипело и стонало, словно с минуты на минуту собиралось развалится. Качалка стояла на небольшой площадке, вымощенной плитами местного известняка, которые старик, видно, собственноручно нарезал в высохшем русле некогда протекавшей в долине речки и втащил на холм. Через спинку кресла была переброшена грязная овечья шкура, и от качки куски этой шкуры мотались, как кисточки на попоне.

— Добрый вечер, незнакомец, — произнес старик с таким невозмутимым спокойствием, как будто чужие люди заглядывали к нему в этот час ежедневно. Тут я сообразил, что, вероятно, не застал его врасплох — он видел, как я спускался по колее с холма и пересекал лощину. Возможно, он наблюдал за мной все время, пока я шел к нему, тогда как я даже не подозревал о его присутствии, не зная, где его нужно высматривать.

Я только сейчас обратил внимание на то, как гармонировала эта хижина со склоном холма и окружавшими ее выходами скальных пород — словно она была такой же неотъемлемой частью этого лесистого пейзажа, как деревья и скалы. Домик был невелик и низок, а бревна, из которых он был сложен, под воздействием непогоды и солнца обесцветились и приобрели какой-то неопределенный оттенок. Рядом с дверью стоял умывальник. На скамье разместились оловянный таз и ведро с водой, из которого торчала ручка ковша. Позади скамьи высился штабель дров и стояла колода с вонзенным в нее обоюдоострым топором.

— Вы будете Чарли Манз? — спросил я.

— Точно. Чарли Манз — это я, — ответил старик. — А как вам удалось меня найти?

— Мне указал дорогу Ларри Хиггинс.

Он покачал головой.

— Хиггинс хороший человек. Раз уж Ларри вас направил сюда, значит, вы не держите камня за пазухой.

Когда-то он был крупным рослым мужчиной, но его обглодали годы. Рубашка свободно болталась на его широких плечах, мятые брюки казались какими-то пустыми. Голова его была непокрыта, но, благодаря густым стального цвета волосам, создавалось впечатление, будто на нее надета шапка, а лицо заросло короткой и довольно неопрятной бородой. Я никак не мог решить, отпускал ли он эту бороду намеренно или просто несколько недель не брился.

Я представился и сказал, что меня интересуют скунсы и мне известно, что он пишет книгу.

— Похоже, вы не прочь присесть и немного поработать языком, — сказал он.

— Если вы не возражаете.

Он встал с кресла и пошел к хижине.

— Садитесь, — сказал он. — Если вы собираетесь у меня немного погостить, вам лучше сесть.

Я огляделся — и, боюсь, слишком выразительно, — ища глазами, куда бы мне примоститься.

— Садитесь в кресло, — сказал он. — Я его для вас согрел. Сам я устроюсь на полене. Мне это только на пользу. А то я тут нежусь, почитай, с самого полудня.

Он исчез в хижине, и я опустился в кресло. Рассевшись в нем, я почувствовал себя последней скотиной, хотя не сделай я этого, он бы наверняка обиделся.

Кресло оказалось удобным, я мог отсюда созерцать долину и холм напротив — и все это было прекрасно. Землю устилали опавшие, но пока не утратившие своих красок листья, а несколько деревьев еще щеголяло в лохмотьях летних нарядов. По упавшему стволу пробежала белка, остановилась у самого его края, присела и принялась меня разглядывать. Она подергала хвостом, но не выказала ни тени страха.

Меня окружали красота, тишина и такой безмятежный покой, какого я не знал уже много лет. Я мог понять, что испытывал старик, коротая в этом кресле долгие часы золотистого послеполудня. Здесь было на что смотреть. Я почувствовал, как на меня нисходят покой и умиротворение, и я даже не вздрогнул, когда из-за угла хижины вразвалку вышел скунс.

Скунс остановился и вытаращил на меня глаза, приподняв изящную переднюю лапу, но, немного погодя, степенно и неторопливо прошел мимо меня по двору. Думаю, что он был не очень большой, но мне он показался огромным, и я приложил все усилия, чтобы случайно не шевельнуться; у меня не дрогнул ни один мускул.

Из хижины вышел старик. В руке у него была бутылка.

Он увидел скунса и восторженно закудахтал.

— Бьюсь об заклад, что вы здорово струхнули!

— Только в первый момент, — сказал я. — Но я сидел тихо, и он, видно, примирился с моим присутствием.

— Это Феба, — сказал он. — Страсть какая назойливая особа. Шагу нельзя ступить, чтобы на нее не наткнуться.

Он вышиб из штабеля полено и поставил его на попа. Тяжело опустился на него, откупорил бутылку и протянул ее мне.

— От разговоров пересыхает горло, — сказал он, — а у меня давненько не было компаньона по части выпивки. Сдается мне, мистер Грэйвс, что вы человек пьющий.

Стыдно сказать, но я чуть было с жадностью не облизнулся. За весь день у меня во рту не было ни капли спиртного, и я так закрутился, что у меня даже в мыслях не было пропустить стаканчик, и только сейчас я понял, как он мне необходим.

— Мистер Манз, до сих пор у меня была репутация человека, который никогда не отказывается от выпивки, — сказал я. — Я не собираюсь опровергать это.

Я запрокинул голову и деликатно отхлебнул из бутылки. Виски было не первого класса, но приятное на вкус. Я обтер рукавом горлышко и передал ему бутылку. Он сделал умеренный глоток, потом вернул ее мне.

Скунсиха Феба подошла к нему, поднялась на задние лапы и положила передние ему на бедро. Он опустил руку и помог ей взобраться к себе на колени. Там она и улеглась.

Зачарованный этой сценой, я настолько забылся, что приложился к бутылке два раза подряд, тем самым опередив хозяина на один глоток.

Я отдал старику бутылку, и он сидел теперь с бутылкой в одной руке, другой почесывал скунса под подбородком.

— По делу вы пришли или просто так, — сказал он, — я все равно рад вам. Я не из тех, кому в тягость одиночество, и на жизнь я не жалуюсь, однако для меня всегда праздник поглядеть на лицо ближнего. Но вас что-то гнетет. Неспроста вы пришли ко мне. Вам хочется снять с души эту тяжесть.

С минуту я молча смотрел на него, и тут у меня в голове созрело важное решение. Ничем не обоснованное, оно шло вразрез со всеми моими планами. Сам не знаю, что меня толкнуло на это. Быть может, умиротворенная тишина, царившая на этом склоне, быть может, спокойствие старика и удобное кресло, а может, это было вызвано целым комплексом различных причин. Потрать я какое-то время на размышление, едва ли я решился бы на этот шаг. Но некий внутренний импульс и нечто, таившееся в этом предвечернем часе, побудили меня поступить именно так.

— Я обманул Хиггинса, чтобы вытянуть из него ваш адрес, — проговорил я. — Я сказал, что хочу помочь вам написать книгу. Но я больше не желаю лгать. Одной лжи достаточно. Я не стану вас обманывать. Я расскажу вам все как есть.

На лице старика отразилось легкое удивление.

— Помочь мне написать книгу? Но какую, о скунсах?

— Если захотите, я действительно помогу вам, когда со всем этим будет покончено.

— Пожалуй, если уж говорить честно, то мне понадобилась бы кой-какая помощь. Но вы ведь пришли сюда не за этим, так ведь?

— Да, — подтвердил я. — Не за этим.

Он сделал основательный глоток и протянул мне бутылку. Я тоже еще разок приложился к ней.

— Порядок, приятель, — сказал он. — Я зарядился и готов вас выслушать. Выкладывайте свое дело.

— Когда я начну, не перебивайте и не останавливайте меня, — попросил я. — Дайте мне договорить до конца. А потом уже задавайте вопросы.

— Я умею слушать, — заметил старик, прижимая к себе бутылку, которую я отдал ему, и ласково поглаживая скунса.

— Возможно, вам будет трудно в это поверить.

— Это уже не ваша забота, — сказал он. — Давайте рассказывайте, а там видно будет.

Я и рассказал. Я призвал на помощь все свое красноречие, но при этом ни на шаг не отступил от истины. Я передал все так, как это было на самом деле, рассказал о том, что знал и что предполагал, о том, как ни один человек не согласился меня выслушать, за что я, впрочем, никого не винил. Я рассказал ему о Джой, о Стирлинге, о Старике и сенаторе, о вице-президенте страховой компании, который не мог разыскать для себя жилье. Я не пропустил ни малейшей подробности. Я рассказал ему все.

Я умолк, и наступила тишина. Пока я говорил, закатилось солнце, и лесистые склоны подернулись сумеречной дымкой. Налетел легкий ветерок, повеяло холодом, и в воздухе повис тяжелый запах опавших листьев.

Я сидел в кресле и размышлял о том, какого я свалял дурака. Я загробил свой последний шанс, выболтав ему правду. Я ведь мог иными путями добиться от него, чтобы он выполнил мою просьбу. Так нет же, дернуло меня избрать самый трудный путь — честный, без лжи.

Я сидел и ждал. Я выслушаю, что он мне скажет, потом встану и уйду. Поблагодарю за виски, за то, что он уделил мне время, и в сгущающихся сумерках пройду через лесок и поле к тому месту, где оставил машину. Я вернусь в мотель, Джой будет ждать меня с обедом и надуется на меня за опоздание. А мир будет рушиться, словно никто никогда даже пальцем не шевельнул, чтобы его спасти.

— Вы пришли ко мне за помощью, — раздался в полумраке голос старика. — Скажите же, чем я могу вам помочь?

У меня перехватило дыхание:

— Вы мне верите?

— Послушайте, незнакомец, — произнес старик, — я еще кое-что соображаю. Да если б то, о чем вы рассказали, не было правдой, вы никогда бы не побеспокоились проехать ко мне. И потом, мне кажется, я способен учуять, когда человек лжет.

Я попытался что-то сказать, но не смог. Слова застряли у меня в горле. Еще бы немного, и я бы разрыдался, а такого за мной не водилось с незапамятных времен. Я почувствовал, как душу мне переполняют благодарность и надежда.

И все потому, что мне кто-то поверил. Меня выслушало и мне поверило другое человеческое существо, и я перестал быть дураком или

полоумным. Через это таинство веры я вновь полностью обрел человеческое достоинство, которое постепенно утрачивал.

— Сколько скунсов, — спросил я, — вы можете собрать сразу?

— Дюжину, — ответил старик. — А может, и полторы. Их тут видимо-невидимо в скалах у гребня холма. Они будут шляться сюда всю ночь напролет, чтобы проведать меня и получить свой кусок.

— А вы не могли бы посадить их в ящик и как-нибудь перевезти в другое место?

— Перевезти их в другое место?

— В город, — сказал я. — В центр города.

— У Тома, у хозяина той фермы, где вы оставили машину, у него есть небольшой грузовичок. Он мог бы мне его одолжить.

— И не стал бы вас ни о чем расспрашивать?

— Ясное дело, что без вопросов тут не обойдешься. Но я найду, что ответить. Он мог бы через лес подогнать грузовик поближе.

— Тогда все в порядке, — сказал я, — об этом-то я и хотел вас просить. Вот как вы можете мне помочь...

И я быстро изложил ему свою просьбу.

— Но мои скунсы?! — испуганно воскликнул он.

— Речь идет о будущем человечества, — ответил я. — Вы же помните, о чем я вам рассказал...

— Но есть еще полицейские. Ведь они тут же схватят меня. Мне не удастся...

— Пусть это вас не тревожит. У нас есть возможность уладить конфликт с полицией. Вот, смотрите...

Я полез в карман и вытащил пачку банкнот.

— Этого хватит на оплату любых штрафов, которые пожелает с вас содрать полиция, и сверх того еще останется немалая сумма.

Он пристально посмотрел на деньги.

— Это же те самые бумажки, которые вы получили в усадьбе «Белмонт»!

— Часть тех денег, — подтвердил я. — Кстати, вам лучше оставить их дома. Если вы возьмете их с собой, они могут исчезнуть. Могут превратиться в то, чем они были раньше.

Он согнал с колен скунса и засунул деньги в карман. Потом встал и протянул мне бутылку.

— Когда мне приступать?

— Я могу позвонить этому Тому?

— Само собой, в любое время. Чуть погодя я поднимусь к нему и скажу, что жду звонка. А после того, как вы позвоните, он спустится сюда поближе на своем грузовике. Я ему все объясню. Правды-то он от меня не услышит, конечно. Но рассчитывать на него можно.

— Спасибо, — проговорил я. — Огромное за все спасибо.

— Давайте угощайтесь, — сказал он. — И верните мне бутылку. Мне самому сейчас очень в жилу лишний глоток.

Я выпил и отдал ему бутылку. Он, пыхтя, влил в себя свою порцию.

— Я немедленно принимаюсь за дело, — объявил он. — Через часок-другой скунсы будут собраны.

— Я позвоню Тому, — сказал я. — Сперва вернусь в город и разведаю обстановку. А потом позвоню Тому, кстати, как его фамилия?

— Андерсон, — ответил старик. — К тому времени я уже успею с ним поговорить.

— Еще раз спасибо, старина. До скорого.

— Хотите еще выпить?

Я отрицательно потряс головой.

— Мне работать.

Я повернулся и зашагал вниз по окутанному сумерками склону, потом поднялся по едва различимой колее, которая привела меня к полю клевера.

Когда я приблизился к тому месту, где оставил машину, в окнах фермерской усадьбы уже горел свет, но на заднем дворе было пустынно и тихо.

Пока я шел к машине, из мрака вдруг раздалось рычание. Звук этот был настолько ужасен, что у меня на голове стали дыбом волосы. Меня точно молотком ударило, я похолодел, и тело мое как-то сразу обмякло. Страх и ненависть слышались в этом рычании, и к его звуку примешивался скрежет зубов.

Я протянул руку к машине и схватился за ручку дверцы: рычание не стихало — безудержное, захлебывающееся рычание, яростное клокотание, которое рвалось из горла, почти не смолкая.

Я распахнул дверцу машины, упал на сиденье и захлопнул ее за собой. Снаружи нескончаемыми руладами разливалось рычание.

Я завел мотор и включил фары. Конус света выхватил из мрака исторгавшее рычание существо. Это была та самая приветливая деревенская дворняжка, которая так обрадовалась моему приезду и набивалась мне в попутчики. Но сейчас от ее приветливости не осталось и следа. Шерсть у нее на загривке ощетинилась, а морду рассекала белая полоса оскаленных зубов. В ярком свете фар глаза ее сверкали зеленым огнем. Выгнув спину и поджав хвост, она медленно попятилась в сторону, уступая мне дорогу.

Ужас пронзил мне душу, и я силой нажал на акселератор. Застонав, тронулись с места колеса, и, проскочив мимо собаки, машина рванулась вперед.

34

Когда я впервые увидел ее, она была приветливой и веселой собачонкой. В ту минуту я ей пришелся по душе. Я тогда немало повозился, чтобы заставить ее остаться дома.

Что же произошло с ней за несколько коротких часов?

Или, правильнее будет сказать, что произошло со мной?

И пока я ломал себе голову над этой загадкой, по спине у меня прохаживались чьи-то влажные мохнатые лапы.

Быть может, причиной этому была темнота, подумал я. Может ведь так быть, что при свете дня она оставалась дружелюбной дворнягой, а с наступлением ночи превращалась в свирепую сторожевую собаку, охранявшую хозяйское добро.

Но такое объяснение было притянуто за уши. Я был уверен, что дело тут не только в этом.

Я взглянул на приборный щиток — часы на нем показывали четверть седьмого. Сейчас я поеду в мотель и позвоню Гэвину и Дау, чтобы узнать последние новости. Не потому, что я ожидал услышать о каких-нибудь переменах — просто мне нужно было убедиться, что все по-старому. После этого я позвоню Тому Андерсону, и колеса завертятся; дело сделано, а там будь что будет.

Кролик перебежал дорогу перед самой машиной и нырнул в заросшую травой канаву у обочины. На западе, где небосклон блеклой зеленью расписало гаснущее зарево заката, летела стая птиц, казавшихся на фоне высветленной полосы неба гонимыми ветром хлопьями сажи.

Я подъехал к главному шоссе, приостановил машину, потом тронулся дальше, свернув направо, к городу.

По моей спине больше не разгуливали существа с влажными холодными лапами, и я уже начал забывать о собаке. У меня вновь потеплело на душе от сознания того, что мне кто-то поверил, — неважно, что это был всего-навсего чудаковатый старик отшельник, похоронивший себя в лесной глуши. Впрочем, не исключено, что никто на свете не мог бы оказать мне большую помощь, чем этот чудаковатый старик отшельник. Быть может, от него будет гораздо больше толку, чем от сенатора, или Старика, или любого другого человека. В том случае, если план будет выполнен, если он преждевременно не сорвется.

Холодные влажные лапы убрались с моей спины, но теперь у меня зачесалось ухо. Черт бы его побрал, с раздражением подумал я, вот уж некстати!

Я захотел снять руку с руля, чтобы почесать ухо, — и не смог. Она точно приклеилась к нему, прилипла, и я не в состоянии был ее отодрать.

Сперва я подумал, что либо мне это померещилось, либо я что-то недопонял: я собирался поднять руку, но мне это почему-то не удалось — произошла какая-то странная заминка в мозгу или отказали мышцы. Что само по себе, если оставить это без внимания, могло привести к страшным последствиям. И я сделал еще одну попытку. Мышцы руки напряглись до продела, но рука не сдвинулась с места, и меня обдало налетевшей из мрака волной ужаса.

Я попробовал оторвать другую руку, она тоже не поддавалась. И тут я увидел, что у руля появились отростки, которые наручниками обхватили мои запястья и приковали их к рулю.

Я с силой обрушил ногу на тормозную педаль, сознавая при этом, что жму на нее слишком сильно. Никакого результата. Словно тормоза не было и в помине. Машина и не дрогнула. Она продолжала нестись вперед, как будто я даже не коснулся тормозной педали.

Я нажал снова — тормоза не работали.

Но если они отказали, машина все равно должна была постепенно сбавить скорость, раз я снял ногу с акселератора. Но она не замедлила ход. Она по-прежнему шла со скоростью шестьдесят миль в час.

Я понял, в чем дело. Я понял, что произошло. Как понял и то, почему рычала собака.

Это была не машина; это была подделка, созданная пришельцами!

Чужеродное сооружение, которое захватило меня в плен, которое могло стать для меня местом пожизненного заключения, которое по своему желанию могло завезти меня куда угодно, которое могло сотворить все, что ему заблагорассудится.

Я яростно рванул к себе руль, пытаясь высвободить руки, и невольно крутанул его на сто восемьдесят градусов; я мгновенно вернул руль в исходное положение, и меня прошиб пот при мысли о том, к чему мог привести такой поворот руля на скорости сто шестьдесят миль в час.

Но тут до меня дошло, что руль-то я повернул, а на ходе машины это не отразилось, и я понял, что теперь могу, не боясь последствий, вертеть руль в любую сторону. Потому что машина полностью вышла из-под моего контроля. Она не подчинялась ни тормозам, ни рулю, ни акселератору.

А иначе и не могло быть. Это же была не машина. Не машина, а нечто иное, нечто иное и страшное.

Но я был убежден, что раньше это была настоящая машина. Это сооружение было машиной еще сегодня к вечеру, когда преследовавшее меня существо рассыпалось на склоне холма от зловонной струи скунса. Оно-то рассыпалось, а машина уцелела; она не превратилась в сотню кегельных шаров, ринувшихся к болотцу, чтобы пуститься в пляс, упиваясь этим смрадом.

Потом машину подменили — скорее всего, в те последние часы, которые я провел у хижины, рассказывая Чарли Манзу свою историю. Ведь когда я въехал во двор, собака не протестовала против машины, она рычала на нее уже в темноте, когда я вернулся.

В мое отсутствие кто-то в этой машине въехал во двор фермерской усадьбы — не в машине, а в ловушке, в которую я сейчас попался, — оставил ее там и уехал в настоящей. Проделать это было несложно, ведь когда я вернулся, во дворе не было ни души. А если б даже в ту минуту кто-нибудь находился поблизости, такая замена вполне мог-

ла пройти незамеченной или, самое большее, вызвать у этого свидетеля только легкое недоумение.

Вначале машина была настоящей; конечно же, она была настоящей. Ведь они, вероятно, предвидели, что я тщательно осмотрю ее, и, возможно, боялись, что я сумею обнаружить какой-нибудь дефект в конструкции. А рискнуть они не решились — они непременно должны были обеспечить для меня ловушку. Но, видно, они рассудили, что после того, как я осмотрю машину, после того, как я удостоверюсь в ее подлинности, ее можно заменить безо всякой опаски, поскольку, удовлетворившись этим осмотром, я выброшу из головы все сомнения.

Вполне вероятно, что их возможности ограничены, и они это отлично понимали. Быть может, самое большое, на что они способны, — это копировать внешний вид предмета. И возможно, что даже в этом у них случались кое-какие промашки. Взять хотя бы ту машину, которую я обстрелял по дороге, — ее единственная фара находилась в центре ветрового стекла. Но та машина была, конечно, сляпана наспех. Они могли работать гораздо лучше и, видимо, отдавали себе в этом отчет, но тем не менее, наверно, не были до конца уверены в своей компетентности или боялись, что существуют какие-нибудь неизвестные им способы, с помощью которых можно распознать подделку.

Поэтому они действовали наверняка. И их осторожность окупилась сполна. Теперь я был в их власти.

Я сидел там, беспомощный, объятый страхом перед этой своей беспомощностью, но прекратив всякое сопротивление, потому что я был убежден, что никакие физические усилия не освободят меня от этой машины. Для этого могли существовать иные пути, без применения силы, и я мысленно прикинул, что тут можно сделать. Я, скажем, мог бы попытаться завязать с машиной разговор. На первый взгляд это, конечно, глупость, но все же не лишенная определенного смысла, поскольку это была не машина, а враг, который, несомненно, сознавал мое присутствие. Но я эту идею отверг, так как не был уверен в том, что машина, которая, возможно, услышит меня, снабжена говорящим устройством и сумеет мне ответить. А подобный односторонний разговор смахивал бы на мольбу; мне показалось бы, что к моим словам относятся с презрением, и я почувствовал бы себя униженным. А я, невзирая на свое незавидное положение, был далек от того, чтобы умолять или унижаться.

Я, конечно, испытывал сожаление, но не по отношению к себе. Я жалел о том, что мой план провалился, что теперь все пойдет прахом и что мой выход из игры лишал меня единственного слабого шанса на победу над пришельцами.

Нам встречались другие машины, и я криками пытался привлечь их внимание, но окна моей машины были закрыты, так же, видимо, как и окна тех, других, и меня никто не услышал.

Так мы проехали несколько миль, потом машина снизила скорость и свернула на другую дорогу. Я попытался определить, где мы находимся, но я давно уже не следил за путевыми знаками и не смог сориентироваться. Дорога, узкая и извилистая, петляла в густом лесу, порой огибая огромные скалистые бугры, которые выпячивались из плоской равнины.

Глядя на придорожный пейзаж, я не то чтобы понял — скорее догадался, куда мы держим путь. Я присмотрелся повнимательней и пришел к убеждению, что моя догадка правильна. Мы ехали к усадьбе «Белмонт», возвращались туда, где все это началось, где они поджидают меня, быть может, разгневанные, со зловеще поджатыми губами, если подобные существа способны испытывать гнев и зловеще поджимать губы. Естественно, что это был конец всему. На этом можно было поставить точку. Если, конечно, где-то в другом месте над этой проблемой не бьется кто-нибудь еще, и бьется один на один, потому что этому человеку никто не верит. А ведь такое вполне вероятно, подумал я. И в том, в чем я в конце концов потерпел неудачу, ему, быть может, повезет.

В глубине души я сознавал, как мало на это шансов, но это была моя единственная надежда, и в полете фантазии я ухватился за нее и попытался внушить себе, что это правда.

Машина свернула за поворот, но недостаточно круто, и перед нами вдруг возник густой частокол деревьев. Колеса сошли с дороги, и мы ринулись к этим деревьям. Передок машины ушел вниз, и она, задрав бампер, нырнула со склона.

Внезапно она исчезла, и я оказался в воздухе один, без машины, окруженный тьмой и летящий в гущу этого леса.

Я успел издать один-единственный вопль ужаса прежде, чем вмазался в дерево, которое, казалось, стремительно бросилось ко мне из мрака.

35

Я окоченел от холода. Мне в спину дул ледяной ветер, и кругом была непроглядная тьма, хоть глаз выколи. Я лежал на чем-то сыром и холодном, все тело у меня разрывалось от боли, а откуда-то из темноты доносились странные тоскливые звуки, похожие на плач.

Я попытался шевельнуться, но от движения боль усилилась, и я больше не двигался, так и остался лежать в холоде и сырости. Меня не интересовало, кто я и где я нахожусь — не все ли равно. Я слишком устал и слишком страдал от боли, чтобы думать еще и об этом.

Немного погодя плач и сырость куда-то исчезли, и мое сознание заволокло тьмой, а потом, спустя долгий период времени, я вновь стал самим собой, вокруг по-прежнему было темно, а холод даже усилился.

Я снова шевельнулся и снова ощутил боль, но все-таки протянул руку с растопыренными пальцами, пытаясь до чего-то дотянуться, что-то отыскать, схватить. И когда пальцы сомкнулись, я зажал в кулаке что-то знакомое на ощупь, что-то мягкое и бесформенное.

Мох и опавшие листья, подумал я. Я протянул руку, и она выхватила из мрака мох и опавшие листья.

Какое-то время я лежал, не двигаясь, проникаясь сознанием того, где я, ибо теперь я понял, что нахожусь в лесу. Заунывный плач был шумом ветра в верхушках деревьев, сырость подо мной — сыростью лесного мха, а запах — запахом осеннего леса. Если б не холод и боль, подумал я, было бы не так уж плохо. Место здесь приятное. А боль я чувствовал только при движении. Быть может, мне стало бы лучше, если б я смог снова вобрать в себя тьму.

Я попытался, но тьма не возвращалась, и теперь я начал припоминать машину, которая сошла у поворота с узкой дороги, и то, как она исчезла и оставила меня одного, летящего сквозь мрак.

Я ведь жив, подумал я и поразился этой мысли, вспомнив дерево, которое тогда увидел или интуитивно почувствовал его присутствие и которое, как мне показалось, мчалось на меня из тьмы.

Я разжал пальцы, сжимавшие мох и листья, потом вытянул обе руки и попробовал приподняться. Подтянул под себя ноги. И руки, и ноги действовали, значит, обошлось без переломов, но к животу нельзя было притронуться, и острая боль растекалась в грудной клетке.

Значит, они все-таки просчитались, подумал я, эти этвуды, кегельные шары или как их там зовут. Я еще был жив, я освободился от них, и, если б мне удалось добраться до телефона, я бы еще успел осуществить свой замысел.

Я попробовал подняться, но не смог. Наконец я все-таки заставил себя встать на ноги и с минуту простоял так, захлестываемый волнами боли. Нервы мои не выдержали, колени подогнулись, и я мягко сел на землю, обхватив себя руками, чтобы не выпустить боль, которая рвалась наружу.

Я долго сидел так, и мало-помалу боль притупилась. Мучительным свинцовым комом она залегла где-то в глубине тела.

Судя по всему, я находился на другом склоне какого-то холма, а дорога, должно быть, проходила выше, надо мной. Мне необходимо было выбраться на дорогу, потому что, если мне это удастся, появится шанс, что меня там кто-нибудь найдет. Я понятия не имел, какое расстояние отделяет меня от дороги, как далеко меня зашвырнуло, прежде чем я ударился о дерево, и далеко ли я откатился после падения на землю.

Я должен был добраться до дороги — хоть на четвереньках, хоть ползком, если не смогу идти. Дорогу я не видел; я вообще ничего не видел. Я существовал в мире абсолютной тьмы. Ни звезд. Ни огонька. Сплошная чернота без единого проблеска света.

Я встал на четвереньки и пополз вверх по склону. Мне приходилось поминутно останавливаться. Казалось, у меня иссякли все силы. Боль вроде бы мучила меня меньше, но я ослабел до предела.

Я продвигался медленно и с великим трудом. На пути мне попалось дерево, и пришлось ползком огибать его. Я запутался в кустарнике, который принял за заросли куманики, и вынужден был изменить направление и ползти вдоль этих зарослей, пока не обогнул их. Потом дорогу мне преградил полусгнивший ствол упавшего дерева, и ценой невероятных усилий я перевалился через него и продолжал свой путь наверх.

Мне захотелось узнать, который час, и я провел рукой по запястью, чтобы проверить, сохранились ли часы. Часы были на месте — я порезал себе разбитым стеклом пальцы. Поднес их к уху — они не тикали. Впрочем, что толку, если б они и шли, я ведь все равно их не видел.

Издалека до меня донеслось какое-то бормотание, не похожее на стон ветра в верхушках деревьев. Я замер и прислушался, пытаясь определить, что это за звук. Внезапно он стал громче, и я безошибочно узнал в нем рокот мотора. Этот звук подстегнул меня, и я как сумасшедший стал судорожно карабкаться вверх по склону, но это отчаянное карабканье в основном состояло из бесполезных телодвижений. Они немногим ускорили мой подъем.

Звук усилился, и налево от себя я увидел расплывчатое пятно света фар приближавшейся машины. Свет куда-то нырнул и исчез, потом появился снова, теперь уже ближе.

Я закричал — без слов, только чтобы привлечь внимание, — но машина, как раз надо мной, быстро свернула за поворот и, судя по тому, что она даже не замедлила ход, меня никто не услышал. На секунду свет и корпус мчащейся машины возникли на вершине холма, заполнив собой горизонт, и она исчезла, а я, оставшись в одиночестве, продолжал ползти вверх по склону.

Я запретил себе думать о чем-либо, кроме подъема. Когда-нибудь на дороге появится другая машина или поедет обратно та, что сейчас проскочила мимо.

Спустя какое-то время — мне оно показалось очень долгим — я наконец добрался до дороги.

Я посидел на обочине, передохнул и осторожно поднялся на ноги. Боль еще не прошла, но мне показалось, что она несколько поутихла. Хоть я и не очень твердо держался на ногах, я все-таки сумел встать и стоять, не падая на землю.

Длинный же я прошел путь с той ночи, когда обнаружил перед своей дверью капкан. Они полагали, что этой ночью игра будет закончена, — я ведь должен был погибнуть. Пришельцы, несомненно, собирались меня убить и сейчас наверняка думают, что меня уже нет в живых.

Но я выжил. Возможно, что, ударившись о дерево, я сломал себе одно-два ребра и ушиб диафрагму, но я был жив, стоял на ногах и пока что не сложил оружие.

Есть смысл немного подождать — вдруг по дороге проедет другая машина. Коли судьба за меня, обязательно появится еще одна машина.

У меня мелькнула страшная мысль: «А что, если следующая машина, которая проедет по этой дороге, окажется новой подделкой кегельных шаров?»

Я пораскинул умом, и это показалось мне маловероятным. Они превращались во что-нибудь только с определенной целью, и, если рассудить здраво, едва ли им снова понадобится машина.

Они ведь не нуждались в машине как в средстве передвижения. Где бы они ни находились, они могли через свои норы попасть в любое место на Земле и, по всей видимости, так и перемещались на земной поверхности. Не нужно обладать особо богатым воображением, сказал я себе, чтобы представить, что Земля сплошь оплетена густой сетью этих нор. Впрочем, я понимал, что слово «нора», пожалуй, выбрано не совсем удачно.

Я сделал один-два шага и убедился, что я в состоянии идти. Быть может, вместо того чтобы стоять здесь, мне лучше без посторонней помощи добраться до главного шоссе. Там уж я обязательно дождусь какую-нибудь машину. А здесь, может, до самого утра больше не проедет ни одной.

Прихрамывая, я заковылял по дороге, и все бы ничего, только сильно ныла грудь и каждый мой шаг посылал в нее новый заряд боли.

Пока я так тащился, мне показалось, что ночной мрак немного рассеивается, словно в небе разорвался и стал расползаться тяжелый облачный покров.

Я то и дело останавливался, чтобы передохнуть, и сейчас, сделав очередную остановку, я оглянулся назад в ту сторону, откуда я шел, и мне стало ясно, почему так просветлело. Позади меня в лесу пылал пожар; внезапно, на моих глазах, пламя огненным фонтаном взметнулось к небу и сквозь багровое зарево проступили контуры стропил.

Я понял, что это усадьба «Белмонт»; усадьба «Белмонт» горела!

Я стоял, смотрел на пожар и страстно мечтал о том, чтобы хоть часть их сгорела вместе с домом. Но я знал, что они уцелеют, что они спасутся в своих норах, которые ведут в какой-то другой мир. Я представил, как, подгоняемые пламенем, спешат они к этим дырам в стенах, как фальшивые люди, фальшивая мебель и прочие подделки превращаются в кегельные шары и катятся к черным отверстиям.

Это было великолепно, но ровным счетом ничего не значило, потому что усадьба «Белмонт» была только одним из штабов. А по всему миру разбросано множество других, есть тысячи других мест, соединенных

туннелями с неким неведомым миром, родиной пришельцев. И возможно, что благодаря достижениям их науки и таинственным свойствам туннелей, эта их родина находится настолько близко, что попасть домой для них секундное дело.

Из-за оставшегося позади поворота вынырнули две широко расставленные горящие фары и устремились прямо на меня. Я замахал руками, закричал, потом неловко отскочил в сторону, пропуская машину, которая пронеслась мимо. Вслед за этим тормозные огни прожгли в ночи две красные дыры, и внезапно взвизгнули шины. Машина дала задний ход и, вернувшись, поравнялась со мной.

Из окошка водителя высунулась голова, и чей-то голос произнес:

— Что за черт?! А мы вас уже записали в покойники!

Огибая машину, ко мне бежала рыдающая Джой, и Хиггинс заговорил снова.

— Скажите ей что-нибудь, — попросил он. — Ради бога, поговорите с ней, она совершенно ополоумела. Она подожгла дом.

Джой стремительно налетела на меня. Она схватила меня за руки и изо всех сил стиснула их, словно желая удостовериться, что я не призрак.

— Один из них позвонил, — проговорила она, захлебываясь от рыданий, — и сказал, что ты мертв. Они сказали, что никому не удастся безнаказанно вести с ними двойную игру. Они сказали, что ты попытался их обмануть и они тебя прикончили. Они сказали, что, если у меня есть какой-нибудь план, мне лучше о нем забыть. Они сказали...

— Что это она несет, мистер? — с отчаянием воскликнул Хиггинс. — Ей-богу, она свихнулась. По мне, так это сущая бессмыслица. Она позвонила и стала выспрашивать про старика Пустомелю, прямо криком кричала — она и тогда уже была какая-то шальная...

— Ты ранен? — спросила Джой.

— Нет, разве что немного ушибся. Может, треснуло одно-два ребра. Но нам нужно спешить...

— Она уговорила меня отвезти ее к Пустомеле, — продолжал Ларри Хиггинс, — и сказала ему, что вы погибли, но он все равно должен выполнить вашу просьбу. Так он загрузил скунсов...

— Что?! — вскричал я, не веря своим ушам.

— Набил грузовик этими самыми скунсами и потрюхал в город.

— Я поступила неправильно? — спросила Джой. — Ты ведь тогда упомянул старика со скунсами и сказал, что говорил о нем с шофером такси, которого зовут Ларри Хиггинс, и я...

— Нет, — прервал я ее, — ты сделала именно то, что нужно. Ты не могла поступить правильнее.

Я обнял ее и привлек к себе. У меня слегка заныла грудь, но мне было на это наплевать.

— Включите радио, — сказал я Хиггинсу.

— Но, мистер, нам лучше побыстрей смотаться отсюда. Она ведь подожгла дом. Клянусь, я ни сном ни духом...

— Включите радио! — заорал я.

Недовольно ворча, он втянул голову в окошко и завозился с приемником.

Мы ждали, и, когда радио заговорило, раздался взволнованный голос диктора:

— «... Их тысячи, миллионы! Никто не знает, что они из себя представляют и откуда берутся...»

Отовсюду, подумал я. Не только из этого города или из этой страны, а, вероятно, со всех уголков Земли, причем это только начало, ведь по ходу ночи известие будет распространяться все дальше.

Тогда под вечер, на склоне холма у них не было возможности быстро связаться с остальными, не было возможности донести до всех своих эту радостную весть. Потому что существо в облике человека, которое преследовало меня, и тот маленький осколок, что лежал у меня в кармане в виде денег, — они находились далеко от всех туннелей, вдалеке от каких бы то ни было средств связи.

Но теперь эта добрая весть летит во все концы, она дойдет до всех пришельцев, обосновавшихся на Земле, а может, и до их соотечественников за ее пределами, и это только начало. Еще до того, как все будут оповещены, вырастет целая гора из жаждущих насладиться этим новым ароматом.

— «...Вначале появились скунсы, — взволнованно продолжало радио. — В самом центре города, на пересечении Седьмой и Государственной, кто-то выпустил на волю множество скунсов. Излишне объяснять, к чему может привести подобная выходка, когда вокруг полно людей, возвращающихся из ночных клубов и со зрелищ.

Полиции сообщили, что скунсов подбросил какой-то чудаковатый старик с бородкой, который привез их на небольшом грузовике. Но не успела полиция пуститься за ним в погоню, как начали прибывать эти непонятные предметы. Пока никто не может сказать, есть ли какая-нибудь связь между скунсами и этими штуками. Поначалу их было совсем немного, но, раз появившись, они вскоре повалили со всех сторон, нескончаемыми потоками стекаясь к перекрестку. Они похожи на черные кегельные шары, и сейчас они запрудили весь перекресток и четыре ведущие к нему улицы.

Скунсы, когда их выпустили из грузовика, были утомлены и совершенно ошалели, поэтому они весьма интенсивно реагировали на все, что находилось поблизости. Естественно, что перекресток довольно быстро опустел. Все, кто там был, поспешили покинуть это место. Кварталы были забиты застрявшими машинами, и куда ни бросишь взгляд, повсюду можно было увидеть бегущих людей. И как раз тогда по-

явились первые кегельные шары. По словам очевидцев, они прыгали, скакали и гонялись за скунсами. Вполне естественно, что скунсы дали на это дополнительную реакцию. К этому времени воздух в районе перекрестка несколько перенасытился их запахом. Люди, сидевшие в машинах на передовой линии уличного затора, побросали свои авто и пустились наутек. А кегельные шары все прибывали.

Сейчас они больше не прыгают и не скачут — для этого не осталось места. Они образовали сплошную колышущуюся и бурлящую массу, которая, затопив перекресток, растекается по улицам, вздуваясь буграми перед застрявшими машинами.

С крыш «Мак Кендлесс билдинг», откуда мы ведем этот репортаж, перед нами открывается потрясающее зрелище. Никто, повторяю, не знает, что это за штуки, откуда и зачем они сюда явились...»

— Это же старый Пустомеля, — задыхаясь, проговорил Хиггинс. — Это он выгрузил тех скунсов. И похоже, что ему удалось смыться.

Джой взглянула на меня.

— Ты этого и хотел? Того, что там сейчас происходит?

Я кивнул.

— Теперь они знают, — сказал я. — Теперь будут знать все. Теперь они выслушают нас.

— Что это делается? — взревел Хиггинс. — Может, мне кто-нибудь объяснит? Еще один Орсон Уэллес, что ли...

— Садись в машину, — сказала мне Джой. — Нужно найти тебе врача.

— Послушайте, мистер, — взмолился Хиггинс, — я же не знал, что вляпаюсь в такую историю. Она попросила, чтобы я с ней поехал. Я завел свою клячу и покатил. Она сказала, что ей нужно побыстрей добраться до старика Пустомели. Она уверяла, что это вопрос жизни и смерти.

— Успокойтесь, Ларри, — сказал я. — Это действительно было вопросом жизни и смерти. Можете за это не переживать.

— Но она ведь подожгла тот дом...

— Я сделала глупость, — произнесла Джой. — Наверно, это был слепой ответный удар. Сейчас-то я понимаю всю бессмысленность такого поступка. Но я должна была как-то им отомстить, а ничего другого мне не пришло в голову. Когда они позвонили и сказали, что ты мертв...

— Мы их здорово напугали, — сказал я. — Иначе они никогда бы не позвонили. Быть может, они боялись, что мы замышляем нечто такое, о чем они даже не в состоянии догадаться. Поэтому они попытались меня убить, поэтому они пытались запугать тебя.

— «... Полиция настоятельно просит всех, — надрывался диктор, — воздержаться от посещения центра города. Тут колоссальные заторы в движении, и вы только осложните обстановку. Оставайтесь дома, сохраняйте спокойствие...»

Они допустили ошибку, подумал я. Не позвони они Джои, у них, возможно, все пошло бы гладко. Я, конечно, был еще жив, но им не понадобилось бы много времени, чтобы это обнаружить, а тогда-то они разделались бы со мной по всем правилам, на этот раз без промаха. Но они запаниковали и допустили эту единственную ошибку, и теперь все кончено.

По дороге вприпрыжку бежала какая-то громоздкая, неуклюжая тень. Радостная, ликующая тень, которая возбужденно подскакивала на бегу. Она была огромной и косматой, а под ее подбородком болтался вывалившийся из пасти язык.

Она добежала до нас и плюхнулась задом в пыль. Восторженно застучала по земле хвостом.

— Вы сделали свое дело, дружище, — произнес Пес. — Вы выманили их из укрытия. Выставили их напоказ. Теперь ваш народ знает...

— Ты здесь?! — вскричал я. — Ты же сейчас должен быть в Вашингтоне!

— Существует немало средств сообщения, — пояснил Пес, — более быстрых, чем ваши самолеты, а чтобы установить местонахождение какого-нибудь существа, есть способы получше ваших телефонов.

Правильно, подумал я. Ведь он сегодня был с нами до самого рассвета, а с первыми лучами солнца объявился в Вашингтоне.

— Пришел мой черед свихнуться, — слабым голосом проговорил Хиггинс. — Такого не бывает, чтобы собака разговаривала.

— «... Мы просим вас сохранять спокойствие! — пронзительно вопил диктор. — Нет никаких оснований для паники. Никто, конечно, не знает, что из себя представляют эти объекты, но не может не быть какого-то объяснения этому явлению, и наверняка достаточно простого. Полиция контролирует создавшееся положение, и нет никаких оснований...»

— Мне кажется, я слышал, — сказал Пес, — как кто-то вроде бы произнес некое слово «врач». А что такое «врач», я не знаю.

— Врач — это тот, кто чинит тела других людей, — объяснила Джой. — Паркер ранен.

— Ах, вот оно что, — протянул Пес. — У нас есть аналогичное понятие, но, вне всякого сомнения, мы это делаем по-иному. Поистине поразительно, какое множество различных методов ведет к достижению одних и тех же целей.

— «... Количество их растет! — визжало радио. — Громоздясь друг на друга, они уже поднялись до окон шестого этажа, и распространились далеко в глубь окрестных улиц. Такое впечатление, будто сейчас они прибывают быстрее, чем раньше. Эта гора растет с каждой минутой...»

— А теперь, — проговорил Пес, — когда моя миссия закончена, я должен воскликнуть: «Прощайте!» Мне было приятно навестить ваши

края. У вас очаровательная планета. И в грядущие времена вам лучше держаться за нее покрепче.

— Погоди минутку, — сказал я. — Есть еще столько вопросов...

Но я говорил в пространство — Пес уже удалился. Не в каком-нибудь направлении, а просто его не стало.

— Будь я проклят, — сказал Хиггинс. — Он в самом деле был тут или мне это почудилось?

Я знал, что это в порядке вещей. Он побыл здесь, а теперь отправился к себе домой — на ту далекую планету, в то неведомое измерение, откуда был родом. И я знал, что он никогда бы нас не покинул, если бы в нем еще здесь нуждались.

Сейчас дела наши пошли на лад. Люди узнали о существовании кегельных шаров, и теперь они выслушают нас — и Старик, и сенатор, и президент, и остальные. Они примут все необходимые меры. Быть может, они начнут с того, что объявят мораторий на все деловые операции, пока сделки с участием пришельцев не будут отсортированы от сделок между настоящими людьми. Потому что, с точки зрения закона, сделки пришельцев квалифицируются как мошенничество, если учесть, какими они пользовались деньгами. Но даже если они и не были мошенничеством, это не меняло дела, потому что теперь человечество знало или узнает в недалеком будущем, что происходит, и предпримет какие-то меры, чтобы этому воспрепятствовать и уцелеть; люди сделают все необходимое, чтобы положить этому конец.

Я протянул руку, открыл заднюю дверцу и жестом пригласил Джой сесть в машину.

— Поехали, — сказал я Хиггинсу. — Меня ждет работа. Нужно написать статью.

Я представил себе физиономию Старика в тот момент, когда я появлюсь в редакции. Я уже мысленно репетировал речь, с которой перед ним выступлю. А ему придется сидеть и слушать, потому что в моих руках потрясающий материал. Такой материал был у меня одного, и он вынужден будет меня выслушать.

— Редакция подождет, — сказала Джой. — Сперва мы найдем врача.

— Врача?! — воскликнул я. — Да мне не нужен никакой врач!

Я стоял, пораженный не столько тем, что у меня вырвались эти слова (потому что совсем недавно врач был бы мне очень кстати), сколько спокойствием, с которым я воспринял этот факт, случайно обнаружив нечто, свершившееся без участия моего сознания и осознанное не сразу, так что я даже не удивился.

Я ведь действительно больше не нуждался в медицинской помощи. Грудь не болела, живот успокоился, колени не подгибались. Я подвигал руками, чтобы испытать грудную клетку, и убедился, что

не ошибся. Если там раньше и было что-нибудь сломано, то уже все срослось.

«Поистине поразительно, — сказал недавно Пес, в свойственной ему слащаво-сентиментальной манере, — какое множество различных методов ведет к достижению одних и тех же целей».

— Благодарю, друг мой, — столь же жеманно произнес я, взглянув на небо. — Благодарю. Не забудь прислать счет.

36

Лайтнинг швырнул на мой стол газету. Она была влажной от еще не просохшей типографской краски. Первую страницу начинал набранный жирным шрифтом заголовок моей статьи.

Я не взял ее в руки. Сидел, смотрел на нее, и только. Потом встал и, так и не притронувшись к газете, пошел к окну, чтобы выглянуть наружу. Там, к северу, освещенная батареями прожекторов, вздымалась гора, к этому моменту уже значительно поднявшаяся над линией горизонта и продолжавшая непрерывно расти. Прошли часы с тех пор, как распростились с надеждой спасти бригаду радиокорреспондентов, которые оказались в ловушке и были погребены на крыше «Мак Кендлесс билдинг». Сейчас люди могли лишь пассивно наблюдать за происходящим, не более. Гэвин подошел к окну и стал рядом со мной.

— Белый Дом считает, — сказал он, — что следует эвакуировать жителей и сбросить на эту гору водородную бомбу. Только что пришла телеграмма. Подождут, пока покажется, что она перестала расти, и пошлют сюда бомбардировщики.

— А какой в этом смысл? — спросил я. — Ведь они нам уже ничем не грозят. Они были опасны только тогда, когда мы о них ничего не знали.

Я отошел от окна и направился к своему столу. Я машинально взглянул на запястье, чтобы посмотреть, который час, забыв, что мои часы разбиты.

Я поднял взгляд на большие стенные часы. Было пять минут третьего.

Старик до этого стоял возле стола отдела городских новостей, но теперь он подошел ко мне и протянул руку. Я взял ее, и он крепко сжал мою руку своей огромной, вдвое больше моей, лапищей.

— Отличная работа, Паркер, — сказал он. — Ценю.

— Спасибо, босс, — поблагодарил я, вспомнив, что так и не сказал ему ни слова из той речи, которую собирался произнести. И, как ни странно, нисколько не пожалел о том, что этого не сделал.

— У меня в кабинете ждет бутылка.

Я покачал головой.

Он хлопнул меня по спине и выпустил мою руку. Я пошел по проходу и остановился у стола Джой.

— Пошли, красотка, — сказал я. — Нам нужно закончить одно дело.

Она поднялась и, стоя, ждала продолжения.

— Я намерен, — заявил я, — прежде чем ночь подойдет к концу, подгрести к тебе с нескромным предложением.

Я думал, что она обидится, но ничуть не бывало.

Она подняла руки и при всем честном народе обняла меня за шею.

Проживи вы хоть миллион лет, вам никогда не понять женщин.

РОМАН

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

1

Инспектор Дрейтон сидел за письменным столом, как несокрушимая скала, и терпеливо ждал. Он был костляв, а его лицо словно вырубили тупым топором из узловатого чурбака. Глаза его, больше всего напоминавшие кремневые наконечники стрел, время от времени, казалось, тускло поблескивали — он был сердит и расстроен. Но Питер Максвелл знал, что такой человек никогда не допустит, чтобы его раздражение вырвалось наружу. Он будет делать свое дело с бульдожьим упорством и хваткой, игнорируя все окружающее.

Именно такой ситуации Максвелл и надеялся избежать. Но теперь ему стало ясно, что он тешил себя пустыми иллюзиями. Конечно, он с самого начала понимал, что на Земле не могли не встревожиться, когда полтора месяца назад он не появился на станции своего назначения, и, естественно, у него не было никаких шансов вернуться домой тихо и незаметно. И вот сейчас он сидит напротив инспектора, и ему во что бы то ни стало нужно сохранять спокойствие и держать себя в руках. Он сказал:

— Я, право же, не понимаю, почему мое возвращение на Землю могло заинтересовать службу безопасности. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор факультета сверхъестественных явлений Висконсинского университета. Вы ознакомились с моими документами...

— У меня нет никаких сомнений касательно того, кто вы такой, — сказал Дрейтон. — Может быть, я удивлен, но сомнений у меня нет ни малейших. Странно другое. Профессор Максвелл, не могли бы вы сказать мне поточнее, где вы находились все это время?

— Но я и сам почти ничего не знаю, — ответил мистер Максвелл. — Я был на какой-то планете, однако мне неизвестны ни ее название, ни координаты. Может быть, до нее не больше светового года, а может быть, она находится далеко за пределами нашей Галактики.

— Но как бы то ни было, — заметил инспектор, — вы не прибыли на станцию назначения, указанную в вашем билете?

— Да, — сказал Максвелл.

— Не могли бы вы объяснить, что произошло?

— Только предположительно. Я полагаю, что моя волновая схема отклонилась от заданного направления, а может быть, ее перехватили. Сначала я приписал это неполадкам в передатчике, но потом усомнился. Передатчиками мы пользуемся уже сотни лет, и малейшая возможность ошибки была исключена давным-давно.

— То есть вы полагаете, что вас похитили?

— Если угодно.

— И все-таки не хотите мне ничего сказать?

— Но я же объяснил, что говорить в сущности нечего.

— А эта планета никак не связана с колесниками?

Максвелл покачал головой.

— Точно сказать не могу, но вряд ли. Во всяком случае, там их не было. И я не заметил никаких признаков того, что они могли бы иметь ко всему этому хотя бы малейшее отношение.

— Профессор Максвелл, а вы когда-нибудь видели колесников?

— Всего один раз. Это было несколько лет назад. Кто-то из них стажировался в Институте времени, и я однажды столкнулся с ним в коридоре.

— Так что вы узнали бы колесника, если бы увидели его?

— Да, конечно!

— Судя по вашему билету, вы намеревались посетить одну из планет системы Енотовой Шкуры?

— Ходили слухи о драконе, — объяснил Максвелл. — Правда, ничем не подтвержденные. И довольно смутные. Но я подумал, что имело бы смысл установить...

Дрейтон поднял бровь.

— О драконе? — переспросил он.

— Вероятно, человеку, далекому от моей науки, трудно оценить все значение дракона, — сказал Максвелл. — Ведь пока еще не обнаружено ни одного реального подтверждения того, что подобное существо действительно где-нибудь когда-нибудь обитало. А ведь легенды о драконах — одна из характернейших черт фольклора Земли и некоторых других планет. Феи, гоблины, тролли, баньши — их всех мы обнаружили во плоти, но драконы по-прежнему остаются легендой. И любопытно, что у нас на Земле эта легенда бытовала не только среди людей. Легенды о драконах есть и у маленького народца холмов. Мне иногда кажется, что наши сказания о драконах мы заимствовали именно у них. Но все это лишь предания, и нет никаких фактов, подтверждающих...

Он неловко умолк. Какое дело лишенному воображения полицейскому до легенд о драконах?

— Извините, инспектор, — сказал он. — Боюсь, я несколько увлекся.

— Мне приходилось слышать, что в основе этих легенд лежат воспоминания о динозаврах, унаследованные от предков.

— Да, я знаю о таких предположениях, — ответил Максвелл. — Но ведь этого не могло быть. Динозавры вымерли задолго до того, как появились самые отдаленные предки человека.

— Но маленький народец...

— Возможно, — перебил Максвелл, — но маловероятно. Я хорошо знаком с обитателями холмов и разговаривал об этом с ними. Их род, несомненно, гораздо древнее нашего, но нет никаких данных, что их предки уже существовали в дни динозавров. Во всяком случае, никаких воспоминаний об этом у них не сохранилось, хотя их легенды и сказания восходят к событиям давностью в несколько миллионов лет. Они очень долговечны, почти бессмертны по нашим меркам, хотя, конечно, в свой срок они тоже умирают. При подобном положении вещей изустные предания, переходящие от поколения к поколению, как правило, сохраняются...

Дрейтон нетерпеливо отмахнулся от драконов и от маленького народца холмов.

— Вы отправились в систему Енотовой Шкуры, — сказал он, — но не попали туда.

— Совершенно верно. Я оказался на той планете, о которой говорил. На хрустальной планете, заключенной в оболочку.

— Хрустальной?

— Из какого-то камня. Может быть, из кварца. А может быть, и из метана. Я видел там металлы.

Дрейтон спросил мягко:

— А когда вы отправлялись, вы не знали, что окажетесь на этой планете?

— Если вы подозреваете сговор, — ответил Максвелл, — то вы ошибаетесь. Для меня это было полной неожиданностью. В отличие от вас, как будто. Ведь вы ждали меня здесь!

— Да, особой неожиданностью ваше прибытие не было, — согласился Дрейтон. — Нам уже известны два таких случая.

— Значит, у вас есть сведения об этой планете?

— О ней — никаких, — сказал Дрейтон. — Нам известно только, что где-то имеется планета с незарегистрированным передатчиком, а также приемником, позывные которой в списках не значатся. Когда здесь, на Висконсинской станции, оператор принял их уведомление о передаче, он послал им сигнал подождать, пока не освободится какой-нибудь из приемников, а сам связался со мной.

— А остальные двое?

— Также поступили сюда. Оба они были адресованы на Висконсинскую станцию.

— Но если они вернулись...

— В том-то и дело! — сказал Дрейтон. — Они не вернулись. То есть в том смысле, что мы не могли их ни о чем расспросить. В волновой схеме произошли какие-то нарушения, и они восстановились

неверно. Перепутались друг с другом. Оба — внеземляне, но клубок получился такой, что нам пришлось много повозиться, прежде чем мы установили, кем они могли быть. Да и сейчас еще мы полностью не уверены.

— Они были мертвы?

— Мертвы? Еще бы! Довольно жуткая история. Вам повезло.

Максвелл с трудом подавил дрожь.

— Да, пожалуй, — сказал он.

— Казалось бы, — продолжал Дрейтон, — те, кто берется за передачу материи на расстояние, должны бы прежде научиться делать это как положено. И неизвестно, сколько пассажиров они уже успели неправильно принять!

— Но ведь вы должны были бы это знать! — возразил Максвелл. — Я хочу сказать, что вам должны быть известны все случаи исчезновения в пути. Любая станция немедленно сообщила бы о том, что ожидаемый пассажир не прибыл.

— Тут-то и зарыта собака! — воскликнул Дрейтон. — Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь исчез. Мы не сомневаемся, что двое внеземлян, которых мы приняли мертвыми, благополучно прибыли на станцию назначения, так как ни единого нарушения в расписании прибытий зарегистрировано не было.

— Но ведь я же отправился в систему Енотовой Шкуры, и оттуда должны были сообщить...

Он умолк, оглушенный внезапной мыслью.

Дрейтон медленно кивнул.

— Я так и думал, что вы разберетесь в ситуации. Питер Максвелл благополучно прибыл на станцию Енотовой Шкуры и почти месяц назад вернулся на Землю.

— Это какая-то ошибка, — машинально сказал Максвелл.

Он был не в силах поверить, что их теперь двое, что на Земле существует еще один Питер Максвелл, во всем ему подобный.

— Нет, это не ошибка, — сказал Дрейтон. — Мы пришли к выводу, что эта планета не перехватывает волновые схемы. Она их дублирует.

— Так, значит, я существую в двойственном числе? И может быть...

— Уже нет, — сказал Дрейтон. — Вы существуете в единственном числе. Примерно через неделю после своего возвращения Питер Максвелл погиб. Несчастный случай.

2

В нескольких шагах от крохотного кабинета, где Максвелл беседовал с Дрейтоном, за поворотом коридора он увидел ряд свободных стульев и, поставив свой чемодан на пол, осторожно опустился на один из них.

Это невозможно, твердил он себе. Сразу два Питера Максвелла — а теперь один из этих Максвеллов мертв! Как поверить, что хрустальная планета располагает аппаратами, которые способны дублировать систему волн, движущихся со сверхсветовой скоростью, вернее, со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость света, поскольку в любом уголке Галактики, уже охваченном сетью передатчиков материи, нигде не замечалось ни малейшего разрыва между моментом передачи и моментом приема. Перехват — да, пожалуй! Перехватить волновую схему в пути теоретически еще можно. Но снять с нее копию? Нет!

Две невероятности, думал он. Два события, которые просто не могли произойти. Впрочем, если одно все-таки произошло, то другое было лишь его естественным следствием. Раз с волновой схемы была снята копия, то обязательно должны были возникнуть два Максвелла, один из которых отправился в систему Енотовой Шкуры, а другой — на хрустальную планету. Но если тот, другой Питер Максвелл действительно отправился в систему Енотовой Шкуры, он должен еще быть там или только-только вернуться. Ведь он уехал туда на шесть недель и собирался задержаться дольше, если того потребуют розыски источника легенд о драконе.

Внезапно он заметил, что у него дрожат руки, и, стиснув их, зажал в коленях.

Держись! — приказал он себе. Что бы его ни ждало, он должен довести дело до конца! И ведь он ничего, в сущности, не знает. У него нет никаких фактов. Только утверждения инспектора службы безопасности, а к ним следует относиться критически. Ведь это могло быть всего лишь неуклюжей полицейской уловкой, попыткой заставить его сказать лишнее. Однако это могло быть и правдой... Все-таки могло!

Но если так, он тем более должен держаться. Потому что у него есть дело, которое надо довести до конца, ничего не напортив.

Однако все станет гораздо сложнее, если за ним будут следить. С другой стороны, неизвестно, будут ли за ним следить. А впрочем, так ли уж это важно? Труднее всего будет пробиться к Эндрю Арнольду. Попасть на прием к ректору Планетарного университета не очень-то просто. Он слишком занятый человек, чтобы тратить время на разговоры с заурядным преподавателем, тем более что указанный преподаватель не сможет даже сообщить заранее, о чем, собственно, он намерен беседовать с ректором.

Дрожь в руках унялась, но он все еще не разжимал их. Немного погодя он выберется отсюда, спустится к шоссе и сядет где-нибудь на одной из внутренних скоростных полос. Через час с небольшим он уже будет у себя в университетском городке и скоро узнает, правду ли говорил Дрейтон. И увидит своих друзей — Алле-Опа, Духа, Харлоу Шарпа, Аллена Престона и всю прочую братию. И вновь будут буйные ночные пирушки в «Свинье и Свистке», долгие мирные прогулки по тенистым аллеям и катанье на байдарках по озеру. Будут беседы и

споры, и обмен старинными сказаниями, и неторопливый академический распорядок дня, оставляющий человеку досуг, чтобы жить.

Он поймал себя на том, что с удовольствием думает о предстоящей поездке, потому что шоссе огибало холмы по границе заповедника гоблинов. Там, конечно, жили не только гоблины, но и прочие существа, с древних времен называемые маленьким народцем, и все они были его друзьями — ну если не все, то очень многие. Тролли порой могли вывести из себя кого угодно, а сколотить настоящую прочную дружбу с такими созданиями, как баньши, было трудновато.

В это время года, подумал он, холмы должны быть великолепны. Он отправился в систему Енотовой Шкуры на исходе лета, и холмы все еще были облачены в темно-зеленые одежды, но теперь, в середине октября, они, конечно, уже блистают всеми пышными красками осени: винный багрянец дубов, багрец и золото кленов и пламенеющий пурпур дикого винограда, как нить сшивающая все остальные цвета. И воздух будет пахнуть сидром, будет пронизан тем неповторимым пьянящим благоуханием, которое приходит в леса только с умиранием листьев.

Он сидел и вспоминал, как два года назад в такую же осень они с мистером О'Тулом отправились на байдарках вверх по реке в северные леса, надеясь где-нибудь по пути вступить в контакт с лесными духами, о которых повествуют древние легенды оджибуэев. Они плыли по кристально-прозрачным протокам, а вечером разжигали костер на опушке темного соснового бора; они ловили рыбу на ужин, и отыскивали лесные цветы на укромных полянках, и рассматривали бесчисленных птиц и зверей, и отлично отдохнули. Но никаких духов они так и не увидели, что, впрочем, было вполне естественно. С маленьким народцем Северной Америки редко кому удавалось вступить в соприкосновение, потому что это были подлинные дети первозданной природы, непохожие на полуцивилизованных, свыкшихся с людьми обитателей холмов Европы.

Стул, на котором сидел Максвелл, был повернут к западу, и сквозь гигантские стеклянные стены он видел реку и обрывы за ней, по которым в старину проходила граница штата Айова — темно-лиловые громады в венце молочно-голубого осеннего неба. На краю одного из обрывов он различил чуть более светлое пятно — это был Институт тавматургии, где преподавали главным образом восьминожки с планет Альфы Центавра. Вглядываясь в дальний силуэт здания, Максвелл вспомнил, что много раз обещал себе принять участие в одном из их летних семинаров, но так и не собрался.

Он протянул руку и переставил чемодан, намереваясь встать, но остался сидеть. Он никак не мог отдышаться, а в коленях ощущалась неприятная слабость.

То, что он услышал от Дрейтона, потрясло его гораздо больше, чем ему показалось в первый момент, и шок никак не проходил. Спокойнее, спокойнее, сказал он себе. Нельзя так распускаться. Может быть, это

неправда, даже наверное неправда. И пока он сам во всем не убедился, нервничать нечего.

Максвелл медленно встал, нагнулся, чтобы взять чемодан, но задержался, все еще не решаясь окунуться в шумную суматоху зала ожидания. Люди — земляне и внеземляне — деловито спешили куда-то или стояли небольшими группами. Белобородый старец в чопорном черном костюме — маститый ученый, судя по его виду, решил Максвелл, — что-то говорил компании студентов, явившихся его проводить. Семейство рептилий расположилось на длинных диванчиках, предназначавшихся для существ такого типа, то есть не способных сидеть. Двое взрослых, лежавших лицом друг к другу, переговаривались с шипением, характерным для речи рептилий, а дети тем временем ползали по диванчикам и под диванчиками и, играя, свивались в клубки на полу. В небольшой нише бочкообразное существо, лежа на боку, неторопливо перекатывалось от одной стены к другой, что, вероятно, соответствовало манере землян в задумчивости расхаживать взад и вперед по комнате. Два паукообразных создания, удивительно похожих на фантастические конструкции из тоненьких палочек, расположились друг против друга на полу. Они начертили мелом на плитах что-то вроде игральной доски, расставили на ней странные фигурки и, азартно вереща, принялись двигать их с молниеносной быстротой.

Дрейтон спрашивал о колесниках. Нет ли какой-нибудь связи между хрустальной планетой и колесниками?

Вечно колесники! Настоящая мания — колесники, колесники, колесники, думал Максвелл. И может быть, для этого все-таки есть основания. Ведь о них неизвестно почти ничего. Они были смутным и неясным фактором, возникшим где-то в глубинах космоса, еще одной движущейся по вселенной мощной культурой, которая кое-где на дальних границах вступала в отдельные контакты с ширящейся человеческой культурой.

И Максвелл воскресил в своей памяти первый и единственный случай, когда ему довелось увидеть колесника — студента, который приехал из Института сравнительной анатомии в Рио-де-Жанейро на двухнедельный семинар в Институте времени. Он помнил возбуждение, охватившее Висконсинский университетский городок: разговоров было много, однако выяснилось, что увидеть загадочное существо практически невозможно — колесник почти не покидал здания, где проходил семинар. Но однажды, когда Максвелл шел к Харлоу Шарпу, который пригласил его пообедать вместе, ему в коридоре встретился колесник, и это было настоящее потрясение.

Все дело только в колесах, сказал он себе. Ни у какого другого существа в известных пределах вселенной колес не было. Он вдруг увидел перед собой пухлый пудинг, подвешенный между двумя колесами, ось которых проходила примерно через середину туловища. Колеса были одеты мехом, а обод, как он заметил, заменяли роговые

затвердения. Низ пудингообразного тела свисал под осью, точно набитый мешок. Но худшее он обнаружил, подойдя поближе: вздутая нижняя часть была прозрачной, и внутри что-то непрерывно извивалось и копошилось — казалось, ты видишь огромную банку, наполненную червяками самых ярких расцветок.

И эти извивающиеся червяки в этом обвислом безобразном брюхе действительно были если и не червями, то, во всяком случае, какими-то насекомыми, какой-то формой жизни, тождественной земным насекомым. Колесники представляли собой организмы-ульи, и их культура слагалась из множества таких ульев, каждый из которых был отдельной колонией насекомых или чего-то, что соответствовало насекомым в представлении землян.

Такие ульевые создания вполне могли дать пищу для тех страшных историй о колесниках, которые возникали где-то на отдаленных границах вселенной. И если эти жуткие истории не были вымыслом, значит, человек наконец действительно столкнулся с тем гипотетическим врагом, встречи с которым он опасался с того момента, как вышел в космос.

Исследуя вселенную, человек обнаружил немало странных, а иногда и жутких созданий, но ни одно из них, размышлял Максвелл, не наводило такого ужаса, как это снабженное колесами гнездо насекомых. В самой его идее было что-то тошнотворное.

Земля уже давно стала гигантским галактическим учебным центром, куда десятками тысяч прибывали внеземные существа, чтобы учиться и преподавать в его бесчисленных университетах и институтах. И со временем, подумал Максвелл, в это галактическое содружество, символом которого стала Земля, могли бы войти и колесники, если бы только удалось установить с ними хоть какое-то взаимопонимание. Но до сих пор достичь этого не удавалось.

Почему, с недоумением спросил себя Максвелл, даже мысль о колесниках вызывает необоримое отвращение, хотя человек и все другие обитатели вселенной научились отлично ладить друг с другом?

Зал ожидания вдруг представился ему вселенной в миниатюре. Тут были существа, прибывшие со множества планет самых разных звезд — и прыгуны, и ползуны, и дергунчики, и катуны. Земля стала плавильной печью галактик, думал он, тем местом, где встречаются существа и тысяч звезд, чтобы знакомиться с чужими культурами, чтобы обмениваться мыслями и идеями.

— «Номер пять-шесть-девять-два! — завопил громкоговоритель. — Пассажир номер пять-шесть-девять-два, до вашего отбытия остается пять минут. Кабина тридцать седьмая. Пассажир пять-шесть-девять-два, просим вас немедленно пройти в кабину тридцать семь!»

Куда может отправляться пассажир № 5692, прикинул Максвелл. В джунгли второй планеты Головной Боли, в мрачные, открытые всем ветрам ледяные города Горести IV, на безводные планеты Убийственных Солнц или на любую другую из тысяч планет, до которых с того места,

где он стоял, можно было добраться в мгновение ока, потому что их объединяла система передатчиков материи. Но сама эта система служит вечным памятником кораблям-разведчикам, которые первыми проложили путь сквозь тьму космического пространства — как пролагают они его и теперь, медленно, с трудом расширяя пределы вселенной, известной человеку.

Зал ожидания гудел от отчаянных призывов диктора к опоздавшим или неявившимся пассажирам, от жужжания тысяч голосов, разговаривающих на сотнях языков, от шарканья, топота и перестука множества ног.

Максвелл нагнулся, поднял чемодан и направился было к выходу, но тотчас снова остановился, пропуская автокар с аквариумом, заполненным мутной жижей. В туманной глубине аквариума он разглядел неясные очертания фантастической фигуры; вероятно, это был обитатель какой-нибудь жидкой планеты (жидкой, но отнюдь не водяной), профессор, прибывший на Землю прочесть курс лекций по философии, а может быть, на стажировку в тот или иной физический институт.

Когда автокар с аквариумом проехал, Максвелл без дальнейших помех добрался до дверей и вышел на красивую эспланаду, которая террасами спускалась к бегущим полосам шоссе. Он с удовольствием заметил, что около шоссе нет очереди — это случалось не так уж часто.

Максвелл всей грудью вдыхал чистый вкусный воздух, пронизанный холодной осенней свежестью. Он казался особенно приятным после недель, проведенных в мертвой, затхлой атмосфере хрустальной планеты.

Подходя к шоссе, Максвелл увидел огромную афишу. Набранная старинным большим шрифтом, она торжественно и с достоинством зазывала почтенную публику:

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР, ЭСКВАЙР

Из Стрэтфорда-на-Эйвоне
(Англия)
прочтет лекцию

«ПИСАЛ ЛИ Я ШЕКСПИРОВСКИЕ ПЬЕСЫ»

под эгидой Института времени
22 октября в аудитории Музея времени.

Начало в 8 часов вечера.
Билеты продаются во всех агентствах

— Максвелл! — крикнул кто-то, и он обернулся. К нему по эспланаде бежал какой-то человек.

Максвелл поставил чемодан, поднял было руку в приветственном жесте, но тут же опустил ее, увидев, что окликнул его кто-то совсем незнакомый. Тот перешел на рысцу, а потом на быстрый шаг.

— Профессор Максвелл, не так ли? — спросил он. — Я не мог ошибиться.

Максвелл сдержанно кивнул, испытывая некоторую неловкость.

— А я — Монти Черчилл, — объяснил незнакомец, протягивая руку. — Мы познакомились с вами около года назад. У Нэнси Клейтон на ее очередном галавечере.

— Как поживаете, Черчилл? — сказал Максвелл холодно.

Потому что теперь он вспомнил этого человека — если не лицо, то фамилию. Как будто юрист. И, кажется, специализируется на посредничестве. Один из тех, кто берется за любое дело, лишь бы клиент хорошо заплатил.

— Лучше не бывает! — весело воскликнул Черчилл. — Только что вернулся из поездки. Не слишком долгой. Но все-таки до чего же приятно вернуться домой! Ничего нет на свете лучше дома. Потому-то я вас и окликнул. Несколько недель ни одного знакомого лица, представляете?

— Спасибо, — сказал Максвелл.

— Направляетесь к себе в университетский городок?

— Да. Я как раз шел к шоссе.

— Ну зачем же! — запротестовал Черчилл. — У меня тут автолет. На станционной площадке. Места для двоих вполне хватит. Доберетесь домой гораздо быстрее.

Максвелл молчал, не зная, на что решиться. Черчилл ему не нравился, но он был прав: по воздуху они доберутся туда гораздо быстрее. А это его устраивало — он хотел поскорее выяснить положение вещей.

— Очень любезно с вашей стороны, — наконец ответил он. — Конечно, если я вас не стесню.

3

Мотор зафыркал и смолк. Через секунду оборвалось тихое гудение сопел и в наступившей тишине стал слышен пронзительный свист воздуха, ударяющегося о металл.

Максвелл взглянул на своего соседа. Черчилл сидел, словно окаменев — то ли от страха, то ли от изумления. Ведь случилось нечто немыслимое, то, чего никак не могло быть. Автолеты этого типа никогда не ломались.

Внизу под ними вздымались острые зубцы крутых утесов и макушки могучих деревьев, под которыми прятались скалы. Слева вилась серебристая лента реки, омывавшая подножья лесистых холмов.

Время словно застыло и начало растягиваться — казалось, непонятное колдовство превращает каждую секунду в целую минуту. И с удлинением времени пришло спокойное осознание того, что должно было произойти — так, как будто речь шла не о нем, а о ком-то другом,

как будто ситуацию трезво и реалистически оценивал посторонний наблюдатель, подумал Максвелл. Но где-то в дальнем, скрытом уголке его мозга жила мысль о паническом страхе, который вспыхнет чуть позже, когда автолет ринется вниз, на верхушки деревьев и скал, а время обретет обычную быстроту.

Подавшись вперед, он осмотрел простиравшуюся внизу местность и вдруг увидел поляну в лесу — крохотный светло-зеленый разрыв в темном море деревьев.

Он толкнул Черчилла локтем и указал на поляну. Тот посмотрел, кивнул и начал поворачивать штурвал медленно и нерешительно, словно проверяя, будет ли машина слушаться.

Автолет слегка накренился и сделал вираж, по-прежнему продолжая медленно падать, но уже в нужном направлении. На мгновение он, казалось, вышел из-под контроля, затем скользнул вбок, теряя высоту быстрее, чем раньше, но планируя туда, где среди деревьев был виден просвет.

Теперь верхушки стремительно мчались к ним навстречу, и Максвелл уже различал их осенние краски — сплошная темная масса стала красной, золотой и оранжевой. Длинные багряные копья взметнулись, чтобы пронзить их, золотые клешни злобно тянулись к ним, чтобы сомкнуться в цепкой схватке.

Автолет задел верхние ветки дуба, на миг словно в нерешительности повис между небом и землей, а затем нырнул к зеленой лужайке в самой гуще леса.

Лужайка фей, сказал себе Максвелл. Их бальный зал, а теперь — посадочная площадка.

Он покосился на Черчилла, вцепившегося в рычаги управления, и вновь устремил взгляд на несущийся к ним зеленый круг. Он должен, должен быть ровным! Ни кочек, ни рытвин, ни ям! Ведь когда создавалась эта лужайка, почва специально выравнивалась в соответствии с принятыми стандартами.

Автолет ударился о землю, подскочил и угрожающе накренился. Затем он вновь коснулся травы и покатил по ней без единого толчка. Деревья в дальнем конце лужайки неслись на них с ужасающей быстротой.

— Держитесь! — крикнул Черчилл, и в тот же момент машина повернула и пошла юзом. Когда она остановилась, до стены деревьев было не больше пяти шагов. Их обступила мертвящая тишина, которая словно надвигалась на них от пестрого леса и скалистых обрывов.

Из безмолвия донесся голос Черчилла:

— Еще немного, и...

Он откинул верх и выбрался наружу. Максвелл последовал за ним.

— Не понимаю, что произошло, — говорил Черчилл. — В эту штуку встроено столько всяких предохранителей, что уму непостижимо! Да, конечно, можно угодить под молнию, или врезаться в гору, или

попасть в смерч — но мотор не выходит из строя никогда. Остановить его можно, только выключив.

Он вытер лоб рукавом, а потом спросил:

— Вы знали про эту лужайку?

Максвелл покачал головой.

— Нет. Но я знал, что такие лужайки существуют. Когда создавался заповедник, в планах его ландшафта эти лужайки были специально оговорены. Видите ли, феям нужно место для танцев. И, заметив в лесу просвет, я догадался, что это может быть такое.

— Когда вы указали вниз, — сказал Черчилл, — я просто положился на вас. Деваться все равно было некуда — и я рискнул...

Максвелл жестом остановил его.

— Что это? — спросил он, прислушиваясь.

— Как будто топот лошадиных копыт, — отозвался Черчилл. — Но кому могло взбрести в голову прогуливать тут лошадь? Доносится вон оттуда.

Топот явно приближался.

Обойдя автолет, Максвелл и Черчилл увидели тропу, которая круто поднималась к узкому отрогу, увенчанному массивными стенами полуразрушенного средневекового замка.

Лошадь спускалась по тропе тряским галопом. На ее спине примостился толстячок, который при каждом движении своего скакуна подпрыгивал самым удивительным образом. Выставленные вперед локти нескладного всадника взлетали и падали, точно машущие крылья.

Лошадь тяжелыми скачками спустилась со склона на лужайку. Она была столь же неизящна, как и ее всадник, — лохматый битюг, чьи могучие копыта ударяли по земле с силой парового молота, вырывая куски дерна и отбрасывая их далеко назад. Он держал курс прямо на автолет, словно намереваясь опрокинуть его, но в последнюю секунду неуклюже свернул и встал как вкопанный. Бока его вздымались и опадали, точно кузнечные мехи, из дряблых ноздрей вырывалось шумное дыхание.

Всадник грузно соскользнул с его спины и, едва коснувшись ногами земли, разразился гневными восклицаниями.

— Это все они, негодники и паршивцы! — вопил он. — Это все они, мерзкие тролли! Сколько раз я им втолковывал: летит себе помело и летит, а вы не вмешивайтесь! Так нет! Не слушают! Только и думают, как бы эту шутку сшутить. Наложат заклятие, и все тут...

— Мистер О'Тул! — закричал Максвелл. — Вы меня еще помните?

Гоблин обернулся и прищурил красные близорукие глаза.

— Да никак профессор! — взвизгнул он. — Добрый друг всех нас! Ах, какой стыд, какой позор! Профессор, я с этих троллей спущу шкуры и растяну на двери, я приколочу их уши к деревьям!

— Заклятие? — спросил Черчилл. — Вы сказали — заклятие?

— А что же еще? — негодовал мистер О'Тул. — Что еще может свести помело с неба на землю?

Он подковылял к Максвеллу и озабоченно уставился на него.

— А это и вправду вы? — спросил он с некоторым беспокойством. — В истинной плоти? Нас известили, что вы скончались. Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби.

— Нет, это воистину я и в истинной плоти, — сказал Максвелл, привычно переходя на диалект обитателей холмов. — Это были только слухи.

— Тогда на радостях мы все трое, — вскричал О'Тул, — испьем по большой кружке доброго октябрьского эля! Варка как раз окончена, и я от всего сердца приглашаю вас, господа, разделить со мой первую пробу!

Со склона по тропе к ним бежало полдесятка других гоблинов, и мистер О'Тул властно замахал, поторапливая их.

— Всегда опаздывают! — пожаловался он. — Никогда их нет на месте в нужную минуту. Прийти-то они приходят, но обязательно позже, чем надо бы. Хорошие ребята, как на подбор, и сердца у них правильные, но нет в них подлинной живости, коей отмечены истинные гоблины вроде меня.

Гоблины косолапой рысью высыпали на лужайку и выстроились перед О'Тулом, ожидая распоряжений.

— У меня для вас много работы! — объявил он. — Для начала идите к мосту и скажите этим троллям, чтобы они не смели заклятия накладывать. Раз и навсегда пусть прекратят и больше не пробуют. Скажите им, что это последнее предупреждение. Если они снова примутся за свое, тот мост мы разнесем на камни и каждый мшистый камень укатим далеко от других, так что вновь тот мост не встанет никогда. И пусть снимут заклятие вот с этого упавшего помела, чтобы оно летело как новое! А другие идите искать фей, расскажите им о повреждении их лужайки, не забыв присовокупить, что во всем повинны эти подлые тролли, и обещайте, что лужайка будет выровнена к той поре, когда они придут сюда танцевать под полной луной. Третьи же позаботьтесь о Доббине: приглядите, чтобы его неуклюжие копыта не причиняли лужайке нового ущерба, но если найдется трава повыше, пусть он ее пощиплет. Бедняге нечасто выпадает случай насладиться таким пастбищем.

Мистер О'Тул повернулся к Максвеллу и Черчиллу, потирая ладонь о ладонь в знак удачно исполненного дела.

— А теперь, господа, — сказал он, — соблаговолите подняться со мной на холм, и мы испробуем, на что годится сладкий октябрьский эль. Однако прошу вас из сострадания ко мне идти помедленнее — мое брюхо что-то очень выросло, и я весьма страдаю от одышки.

— Ведите нас, старый друг, — сказал Максвелл. — Мы с охотой подладим свой шаг к вашему. Давненько не пили мы вместе октябрьского эля.

— Да-да, разумеется, — сказал Черчилл растерянно.

Они начали подниматься по тропе. Впереди на фоне светлого неба четко вырисовывался силуэт развалин.

— Я должен заранее извиниться за состояние замка, — сказал мистер О'Тул. — Он полон сквозняков, способствующих насморкам, гайморитам и всяким другим мучительным недугам. Ветер рыскает по нему как хочет, и всюду стоит запах сырости и плесени. Я так и не постиг, почему вы, люди, уж раз вы начали строить для нас замки, не могли сделать их уютными и непроницаемыми для ветра и дождя. Если мы некогда и обитали в руинах, это еще не значит, что нас не влекут удобства и комфорт. Поистине, мы жили в них лишь потому, что бедная Европа не могла предложить нам ничего более подходящего.

Он умолк, отдышался и продолжал:

— Я прекрасно помню, как две тысячи лет назад и более мы жили в новехоньких замках, хотя, конечно, и убогих, ибо невежественные люди той поры не умели строить лучше — и мастерства они не знали, и инструментов у них нужных не было, а уж о машинах и говорить не приходится. Да и вообще худосочный был народ. А нам приходилось скрываться по углам и закоулкам замков, ибо непросвещенные люди той поры страшились и чурались нас и пытались в своем невежестве обороняться от нас могучими чарами и заклинаниями. — А впрочем, — добавил он не без самодовольства, — они же были всего только люди, и колдовство у них хромало. Нам были не страшны даже самые замысловатые их чары.

— Две тысячи лет? Не хотите ли вы сказать... — начал было Черчилл и замолчал, заметив, что Максвелл замотал головой.

Мистер О'Тул остановился и бросил на Черчилла уничтожающий взгляд.

— Я помню, — объявил он, — как из того болотистого бора, который вы теперь называете Центральной Европой, весьма бесцеремонно явились варвары и рукоятками своих грубых железных мечей начали стучаться в ворота самого Рима. Мы слышали об этом в лесных чащах, где обитали тогда, и среди нас еще жили те — теперь давно умершие, — кто узнал про Фермопилы всего через несколько недель после того, как пали Леонид и его воины.

— Простите, — сказал Максвелл. — Но не все настолько хорошо знакомы с маленьким народцем...

— Будьте добры, — перебил О'Тул, — познакомьте его в таком случае!

— Это правда, — сказал Максвелл, обращаясь к Черчиллу. — Или, во всяком случае, вполне может быть правдой. Они не бессмертны и в конце концов умирают. Но долговечны они так, что нам и представить

это трудно. Рождения у них редкость, иначе на Земле не хватило бы для них места. Но они доживают до невероятного возраста.

— А все потому, — сказал мистер О'Тул, — что мы роем глубоко, в самом сердце природы, и не транжирим драгоценную силу духа на мелочные заботы, о которые вдребезги разбиваются жизнь и надежды людей. Однако это слишком печальные темы, чтобы тратить на них столь великолепный осенний день. Так обратим же наши мысли со всем рвением к пенному элю, который ждет нас на вершине!

Он умолк и вновь начал взбираться по тропе — заметно быстрее, чем раньше.

Сверху к ним навстречу опрометью бежал крохотный гоблин — пестрая рубаха, которая была ему велика, билась на ветру.

— Эль! — верещал он. — Эль!

Он остановился перед ними, еле удерживаясь на ногах.

— Ну и что эль? — пропыхтел мистер О'Тул. — Или ты хочешь покаяться, что осмелился его попробовать?

— Он скис! — стенал маленький гоблин. — Весь этот заклятый чан скис!

— Но ведь эль не может скиснуть! — возразил Максвелл, понимая, какая произошла трагедия.

Мистер О'Тул запрыгал на тропе, пылая яростью. Его лицо из коричневого стало багровым и тут же полиловело. Он хрипел и задыхался.

— Нет, может! Если его сглазить! Проклятие, о проклятие!

Он повернулся и заспешил вниз по тропе в сопровождении маленького гоблина.

— Только дайте мне добраться до этих гнусных троллей! — вопил мистер О'Тул. — Только дайте мне наложить лапы на их жадные глотки! Я их выкопаю из-под земли вот этими самыми руками и повешу на солнце сушиться! Я спущу с них со всех шкуры! Я их так проучу, что они вовек не забудут!..

Его угрозы все больше сливались в нечленораздельный рев, пока он быстро удалялся вниз по тропе, спеша к мосту, под которым обитали тролли.

Два человека с восхищением смотрели ему вслед, дивясь такому всесокрушающему гневу.

— Ну, — сказал Черчилл, — вот мы и лишились возможности испить сладкого октябрьского эля.

4

Когда Максвелл на одной из внешних более медленных полос шоссе доехал до окраины университетского городка, часы на консерватории начали отбивать шесть. Из аэропорта Черчилл поехал другим путем, и

Максвелл был этим очень доволен — не только потому, что юрист был ему чем-то неприятен, но и потому, что он испытывал потребность побыть одному. Ему хотелось ехать медленно, откинув щиток, в тишине, ни с кем не разговаривая и только впитывая атмосферу всех этих зданий и аллей, и чувствовать, что он вернулся домой, в единственное место в мире, которое по-настоящему любил.

Сумерки спускались на городок благостной дымкой, смягчая очертания зданий, превращая их в романтические гравюры из старинных книг. В аллеях группами стояли студенты с портфелями и негромко переговаривались. Некоторые держали книги прямо под мышкой. На скамье сидел седой старик и смотрел, как в траве резвятся белки. По дорожке неторопливо ползли двое внеземлян-рептилий, поглощенные беседой. Студент-человек бодро шагал по боковой аллее, насвистывая на ходу, и его свист будил эхо в тихих двориках. Поравнявшись с рептилиями, он поднял руку в почтительном приветствии. И повсюду высились древние величественные вязы, с незапамятных времен осеняющие все новые и новые поколения студентов.

И вот тут-то огромные куранты начали отбивать шесть часов. Густой звон разнесся далеко вокруг, и Максвеллу вдруг почудилось, что это дружески здоровается с ним университетский городок. Часы были его другом, подумал он, и не только его, но всех, до кого доносился их бой. Это был голос городка. По ночам, когда он лежал в постели и засыпал, ему было слышно, как они бьют, отсчитывая время. И не просто отсчитывая время, но, подобно стражу, возвещая, что все спокойно.

Впереди в сумраке возникла громада Института времени — гигантские параллелепипеды из пластмассы и стекла, сияющие огнями. К их подножью прижался музей. Поперек его фасада протянулось бьющееся на ветру белое полотнище. В сгущающихся сумерках Максвелл с такого расстояния сумел разобрать только одно слово: «ШЕКСПИР».

Он улыбнулся при мысли о том, как должен бурлить сейчас факультет английской литературы. Старик Ченери и вся компания не простили Институту времени, когда два-три года назад институт докопался, что автором пьес был все-таки не граф Оксфорд. И это появление стрэтфордца во плоти будет горстью соли, высыпанной на еще не зажившую рану.

Вдали, на западной окраине городка, высились на вершине холма административные корпуса, словно вписанные тушью в гаснущий багрец над горизонтом.

Полоса шоссе двигалась все дальше мимо Института времени и его кубического музея с трепещущим полотнищем плаката. Часы кончили отбивать время, и последние отголоски замерли во мгле.

Шесть часов! Через две-три минуты он сойдет с полосы и направится к «Гербу Уинстонов», который был его домом уже четыре года...

нет, впрочем, не четыре, а пять! Максвелл сунул руку в правый карман куртки и в маленьком внутреннем кармашке нащупал кольцо с ключами.

Теперь впервые после того, как он покинул Висконсинскую передаточную станцию, им вдруг овладела мысль о другом Питере Максвелле. Конечно, история, которую рассказал ему инспектор Дрейтон, могла быть правдой, хотя он сильно в этом сомневался. Служба безопасности была вполне способна пустить в ход именно такой прием, чтобы выведать у человека всю подноготную. Однако если это ложь, то почему из системы Енотовой Шкуры не поступило сообщения о том, что он не прибыл? Впрочем, и это ему известно только со слов инспектора Дрейтона, и про другие два таких же случая — тоже. Если можно усомниться в одном утверждении Дрейтона, с какой стати принимать на веру остальные? Если хрустальная планета перехватывала и других путешественников, он, пока был там, ничего об этом не слышал. Однако, сказал себе Максвелл, это тоже ничего не означает: хозяева хрустальной планеты, несомненно, сообщали ему только то, что считали нужным сообщить.

Тут он сообразил, что тревожит его не столько разговор с Дрейтоном, сколько слова О'Тула: «Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби». Если бы не скисший эль, он, конечно, обсудил бы со старым гоблином события этих недель, но им так и не представилась возможность поговорить по душам.

Впрочем, пока можно об этом не думать. Как только он доберется домой, то сразу же позвонит кому-нибудь из своих друзей и узнает правду. Но кому позвонить? Харлоу Шарпу в Институт времени? Или Даллесу Греггу, декану его факультета? Или, может быть, Ксигму Маону Тайру, старому эриданцу с белоснежным мехом и задумчивыми лиловыми глазами, который целую жизнь провел в крохотном кабинете, разрабатывая методы анализа структуры мифов? Или Аллену Престону, близкому приятелю, юристу? Пожалуй, начать следует с Престона — ведь если Дрейтон не солгал, ситуация может осложниться именно в юридическом плане.

Максвелл сердито одернул себя. Он, кажется, поверил! Во всяком случае вот-вот поверит! Если так пойдет дальше, он начнет убеждать себя, что все это — чистая правда!

«Герб Уинстонов» был уже совсем близко. Максвелл поднялся с сиденья, взял чемодан и перешел на внешнюю, еле ползущую полосу. Напротив «Герба Уинстонов» он спрыгнул на тротуар.

Ни на широкой каменной лестнице, ни в вестибюле никого не было. Пошарив в кармане, он вытащил ключи и зажал в пальцах тот, который открывал дверь его квартиры. Лифт уже ждал, и он нажал кнопку седьмого этажа.

Ключ сразу вошел в замок и легко в нем повернулся. Дверь открылась, и Максвелл вошел в темную комнату. Дверь за его спиной авто-

матически закрылась, щелкнув замком, и он протянул руку к выключателю.

Но так и застыл с поднятой рукой. Что-то было не так. Какое-то чувство... ощущение... может быть, запах? Да, именно — запах! Слабый нежный аромат незнакомых духов.

Максвелл ударил кулаком по кнопке. Вспыхнул свет.

Комната стала другой. Не та мебель и пронзительно-яркие картины на стенах. У него не было и никогда не будет таких картин!

Позади него снова щелкнул замок, и он стремительно обернулся. Дверь распахнулась, и в комнату вошел саблезубый тигр.

При виде Максвелла огромный кот припал к полу и заворчал, обнажив шестидюймовые кинжалы клыков.

Максвелл осторожно попятился. Тигр медленно пополз вперед, по-прежнему ворча. Максвелл шагнул назад, почувствовал удар по лодыжке, попытался удержаться на ногах и понял, что падает. Он же видел этот пуфик! Мог бы, кажется, вспомнить... но не вспомнил, споткнулся о него и сейчас здорово шлепнется. Он попытался расслабиться, ожидая удара о жесткий пол, но вместо этого его спина погрузилась во что-то мягкое, и он сообразил, что приземлился на кушетку, которая стояла за пуфиком.

Тигр в изящном прыжке повис в воздухе, прижав уши, полуоткрыв пасть и вытянув массивные лапы вперед, словно таран. Максвелл вскинул руки, загораживая грудь, но лапы отбросили их в сторону, как пушинки, и придавили его к кушетке. Огромная кошачья морда со сверкающими клыками придвинулась к самому его лицу. Медленно, почти ласково тигр опустил голову, и длинный розовый язык, шершавый, как терка, облизал щеки Максвелла.

Гигантский кот замурлыкал.

— Сильвестр! — донеслось из-за двери. — Сильвестр, немедленно прекрати!

Тигр еще раз ободрал языком лицо Максвелла и присел на задние лапы. Ухмыляясь и поставив уши торчком, он рассматривал Максвелла с дружеским и даже восторженным интересом.

Максвелл приподнялся и сел, откинувшись на спинку кушетки.

— Кто вы, собственно, такой? — спросила стоявшая в дверях девушка.

— Видите ли, я...

— Однако вы не из робких, — заметила она.

Сильвестр замурлыкал громче.

— Извините, мисс, — сказал Максвелл, — но я здесь живу. Во всяком случае жил раньше. Это ведь квартира семь — двадцать один?

— Да, конечно, — кивнула она. — Я сняла ее ровно неделю назад.

— Я мог бы догадаться, — сказал Максвелл, пожимая плечами. — Ведь мебель другая!

— Я потребовала, чтобы хозяин вышвырнул прежнюю, — объяснила она. — Это было что-то чудовищное.

— Погодите, — перебил Максвелл. — Старый зеленый диван, довольно потертый...

— И бар орехового дерева, — подхватила девушка. — И гнуснейший морской пейзаж, и...

— Достаточно, — устало сказал Максвелл. — Вы вышвырнули отсюда мои вещи.

— Не понимаю... Хозяин сказал, что прежний жилец умер. Несчастный случай, если не ошибаюсь.

Максвелл медленно поднялся на ноги. Тигр последовал его примеру, подошел поближе и начал нежно тереться головой о его колени.

— Сильвестр, перестань! — скомандовала девушка.

Сильвестр продолжал свое занятие.

— Не сердитесь на него, — сказала она. — Он ведь просто большой котенок.

— Биомех?

Девушка кивнула.

— Поразительный умница. Он ходит со мной повсюду. И всегда ведет себя прилично. Не понимаю, что не него нашло. Наверное, вы ему понравились.

Говоря все это, она смотрела на тигренка, но тут внезапно бросила на Максвелла внимательный взгляд.

— Вам нехорошо?

Максвелл покачал головой.

— Вы что-то очень побелели.

— Небольшое потрясение, — объяснил он. — Наверное, в этом все дело. Я сказал вам правду. До недавнего времени я действительно жил здесь. Произошла какая-то путаница...

— Сядьте, — приказала она. — Хотите выпить чего-нибудь?

— Если можно. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор...

— Погодите! Максвелл, вы сказали? Питер Максвелл... Ведь так звали...

— Да, я знаю, — сказал Максвелл. — Так звали того человека, который умер.

Он осторожно опустился на кушетку.

— Я принесу вам чего-нибудь, — сказала девушка.

Сильвестр подобрался поближе и ласково положил массивную голову Максвеллу на колени. Максвелл почесал его за ухом, и Сильвестр, громко замурлыкав, чуть-чуть повернулся, чтобы показать Максвеллу, где надо чесать.

Девушка вернулась с рюмкой и села рядом.

— Но я все-таки не понимаю... Если вы тот, кто...

— Все это, — заметил Максвелл, — очень запутано.

— Должна сказать, что держитесь вы неплохо. Немного ошеломлены, пожалуй, но не сокрушены.

— По правде говоря, — признался Максвелл, — на самом-то деле я не был застигнут врасплох. Меня поставили об этом в известность, но я не поверил. То есть не позволил себе поверить. — Он поднес рюмку к губам. — А вы не будете пить?

— Если вам лучше, — сказала она, — если вы в норме, я пойду налью и себе.

— Я прекрасно себя чувствую, — объявил Максвелл. — И как-нибудь все это переживу.

Он посмотрел на свою собеседницу и только теперь увидел ее по-настоящему — стройная, подтянутая, коротко подстриженные темные волосы, длинные ресницы и глаза, которые ему улыбались.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Кэрол Хэмптон. Я историк, работаю в Институте времени.

— Мисс Хэмптон, — сказал он, — приношу вам свои извинения. Я уезжал — вообще с Земли. И только что вернулся. У меня был ключ, он подошел к замку, и когда я уезжал, эта квартира была моей...

— Не нужно ничего объяснять, — перебила она.

— Мы выпьем, — сказал он. — А потом я встану и уйду. Если только...

— Что?

— Если только вы не согласитесь пообедать со мной. Чтобы я мог хоть чем-то отплатить вам за чуткость. Ведь вы могли бы выбежать с воплями...

— А не подстроено ли все это? — спросила она подозрительно. — Вдруг вы...

— Ни в коем случаю, — сказал он. — У меня не хватило бы сообразительности. И к тому же откуда я взял бы ключ?

Она поглядела на него, а потом сказала:

— Это было глупо с моей стороны. Но нам придется взять с собой Сильвестра. Он ни за что не останется один.

— Да я никогда и не согласился бы бросить его одного! — заявил Максвелл. — Мы с ним друзья до гроба.

— Это обойдется вам в бифштекс, — предупредила она. — Он всегда голоден, а ест только хорошие бифштексы. Большие. И с кровью.

5

В «Свинье и Свистке» было темно, шумно и чадно. Между тесно составленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Низкий зал был заполнен разноголосым гулом, точно все посетители говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл прищурился, стараясь высмотреть свободный столик. Пожалуй, подумал он, им следовало бы пойти куда-нибудь еще. Но ему хотелось поужинать именно тут, потому что этот кабачок бы облюбован студентами и преподавателями его факультета и здесь он чувствовал себя как дома.

— Пожалуй, нам лучше пойти куда-нибудь еще, — сказал он, обернувшись к Кэрол Хэмптон.

— Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик, — ответила она. — Наверное, большой наплыв — официанты совсем сбились с ног... Сильвестр! Немедленно прекрати! Извините его, пожалуйста, — добавила она умоляюще, обращаясь к людям, сидевшим за столиком, возле которого они стояли. — Он такой невоспитанный! И особенно не умеет вести себя за столом. Хватает все, что увидит...

Сильвестр облизывался с довольным видом.

— Пустяки, мисс, — сказал обездоленный бородач. — Я, собственно говоря, и не собирался его есть. Просто у меня привычка заказывать бифштексы.

— Пит! Пит Максвелл! — закричал кто-то в дальнем конце зала.

Прищурившись, Максвелл разглядел в полумраке, что ему машет руками какой-то человек, вскочивший из-за столика в углу. Потом он узнал его. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

— Встретили друзей? — спросила Кэрол.

— Да. По-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

— Это неандерталец? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом сидит Дух?

— Они неразлучны, — объяснил Максвелл.

— Ну так идемте же!

— Мы можем просто поздороваться, а потом отправиться куда-нибудь еще.

— Ни в коем случае! — воскликнула Кэрол. — По-моему, это очень интересное место.

— Вы не бывали тут раньше?

— Не осмеливалась, — ответила она.

— Ну так следуйте за мной, — сказал он и начал медленно пробираться между столиками. Девушка и тигренок шли за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил навстречу Максвеллу, бурно заключил его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться ему в лицо.

— Ты же в самом деле старина Пит? — спросил он. — Ты нас не морочишь?

— Да, я Пит, — ответил Максвелл. — А кем еще я могу быть, как по-твоему?

— В таком случае, — сказал Оп, — кого мы хоронили три недели назад, в четверг? И я, и Дух оба были там. И ты должен нам двадцать монет — ровно столько стоил венок, который мы прислали.

— Давайте сядем, — предложил Максвелл.

— Опасаешься скандала? — осведомился Оп. — Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и разражается речью.

— Оп, — сказал Максвелл, — со мной дама, так что ты укротись и оцивилизуйся. Мисс Кэрол Хэмптон, а эта стоеросовая дубина зовется Алле-Оп.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс Хэмптон, — сказал Алле-Оп. — Но кого я вижу! Саблезубый тигр, с места мне не сойти! Помнится, был случай, когда я в буран укрылся в пещере, где уже сидела такая вот киска, а при мне никакого оружия, кроме тупого кремневого ножа. Понимаете, палица у меня сломалась, когда я повстречал медведя, и...

— Доскажешь как-нибудь в другой раз, — перебил Максвелл. — Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, чтобы нас вышвырнули отсюда.

— Пит, — сказал Алле-Оп, — быть вышвырнутым из этой забегаловки — весьма большая честь. Ты можешь считать свое общественное положение упроченным только после того, как тебя вышвырнут отсюда.

Однако, продолжая ворчать себе под нос, он все-таки направился к своему столику и галантно подвинул стул Кэрол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положил подбородок на стол и недоброжелательно уставился на Алле-Опа.

— Этой киске я не нравлюсь, — объявил Оп. — Возможно, она знает, сколько ее предков я поистреблял в добром старом каменном веке.

— Сильвестр всего лишь биомех, — объяснила Кэрол, — и ничего знать не может.

— Ни за что не поверю, — сказал Оп. — Эта животина — никакой ни биомех. У него в глазах видна самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

— Пожалуйста, Оп, уймись на минутку, — прервал его Максвелл. — Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего очень старого друга.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух, — сказала Кэрол.

— Только не «мистер», а просто Дух, — поправил тот. — Я ведь дух, и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей я, собственно, дух. Очень рад познакомиться с вами. Так

уютно сидеть за столиком вчетвером. В цифре «четыре» есть что-то милое и уравновешенное.

— Ну, — объявил Оп, — теперь, когда мы перезнакомились, давайте перейдем к делу. Выпьем! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные качества, но не переваривaю непьющих.

— Ты же знаешь, что я не могу пить, — вздохнул Дух. — И есть не могу. И курить. Возможности духов весьма и весьма ограниченны, но мне хотелось бы, чтобы ты перестал указывать на это всем, с кем мы знакомимся.

Оп повернулся к Кэрол.

— Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен изъясняться так красноречиво и свободно, как я?

— Не удивлена, а потрясена, — поправила Кэрол.

— Оп, — сообщил ей Максвелл, — за последние двадцать лет вобрал в себя такое количество знаний, какое обыкновенному человеку и не снилось. Начал с программы детского сада в буквальном смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией. А главное, он и дальше собирается продолжать в том же духе. Его можно назвать одним из самых выдающихся наших студентов.

Оп поднял руку и замахал официанту, призывая его могучим голосом.

— Сюда! — крикнул он. — Здесь есть люди, которые хотели бы облагодетельствовать вас заказом. Все они умирают от ползучей жажды.

— Больше всего меня в нем восхищает, — заметил Дух, — его застенчивость и скромность.

— Я продолжаю учиться, — сказал Оп, — не столько из стремления к знанию, сколько ради удовольствия наблюдать ошарашенное выражение на лицах педантов-преподавателей и дураков-студентов. Впрочем, — повернулся он к Максвеллу, — я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели — обязательно педанты.

— Спасибо! — сказал Максвелл.

— Есть люди, — продолжал Оп, — которые, по-видимому, убеждены, что Homo sapiens neanderthalensis — глупая скотина, и ничего больше. Ведь что ни говори, а он вымер, он не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадежной второсортности. Боюсь, я и дальше буду посвящать мою жизнь опровержению...

Рядом с Опом возник официант.

— А, это опять вы! — сказал он. — Можно было сразу догадаться, как только вы принялись на меня орать. Вы невоспитанны, Оп.

— С нами тут сидит человек, — сообщил ему Оп, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение, — который вернулся из страны теней. По-моему, достойнее всего будет отпраздновать его воскресение вакханалией дружбы.

— Насколько я понял, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

— Так почему же вы сразу не принесли бутылку хорошего пойла, ведерко льда и четыре... нет, три рюмки? — осведомился Оп. — Дух, знаете ли, не пьет.

— Я знаю, — сказал официант.

— То есть если мисс Хэмптон не предпочитает какую-нибудь модную болтушку, — уточнил Оп.

— Кто я такая, чтобы вставлять палки в колеса? — спросила Кэрол. — Что пьете вы?

— Кукурузное виски, — ответил Оп. — Наш с Питом вкус в этом отношении ниже всякой критики.

— Ну, так кукурузное виски, — решила Кэрол.

— Насколько я понял, — сказал официант, — когда я приволоку сюда бутылку, у вас будет чем за нее заплатить. Я помню, как однажды...

— Если я обману ваши ожидания, — объявил Оп, — мы обратимся к старине Питу.

— К Питу? — переспросил официант и, посмотрев на Максвелла, воскликнул: — Профессор! А я слышал, что вы...

— Я вам уже битый час об этом толкую, — перебил Оп. — Потому-то мы и празднуем. Он восстал из гроба.

— Но я не понимаю...

— И незачем, — сказал Оп. — Несите-ка выпивку, а больше от вас ничего не требуется.

Официант убежал.

— А теперь, — сказал Дух, обращаясь к Максвеллу, — пожалуйста, объясните нам, что вы такое. По-видимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда человек, которого представляю я, сбросил бренную оболочку.

— Насколько можно судить, — начал Максвелл, — перед вами результат раздвоения личности. Один из нас, насколько я понял, стал жертвой несчастного случая и умер.

— Но это же невозможно! — возразила Кэрол. — Психическое раздвоение личности — это понятно, но чтобы физически...

— Ни на земле, ни в небесах нет ничего невозможного, — объявил Дух.

— Цитатка-то заезженная! — заметил Оп. — И к тому же ты ее переврал.

Он принялся энергично скрести волосатую грудь короткими пальцами.

— Не глядите на меня с таким ужасом, — сказал он Кэрол. — Зуд, и больше ничего. Я дитя природы и потому чешусь. Но я отнюдь не наг. На мне надеты шорты.

— Его выучили ходить на двух ногах, — заметил Максвелл, — но только-только.

— Вернемся к раздвоению вашей личности, — сказала Кэрол. — Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, произошло?

— Я отправился на одну из планет системы Енотовая Шкура, и в пути моя волновая схема каким-то образом сдублировалась, так что я прибыл одновременно в два разных места.

— Вы хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

— Вот именно.

— На твоем месте, — сказал Оп, — я подал бы на них в суд. Этим транспортникам даже убийство с рук сойдет! Ты можешь вытрясти из них хорошее возмещение. Вызовешь свидетелями меня и Духа. Мы ведь были на твоих похоронах! И вообще, — добавил он, — нам с Духом тоже следует предъявить им иск. За причинение моральных мук. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы совсем убиты горем.

— Нет, правда, мы очень горевали, — сказал Дух.

— Я знаю, — ответил Максвелл.

— Послушайте, — сказала Кэрол. — По-моему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легко. Один из трех друзей...

— Чего вы от нас хотите? — осведомился Оп. — Чтобы мы запели «Аллилуйя»? Или таращили глаза, дивясь неслыханному чуду? Мы потеряли приятеля, а теперь он вернулся...

— Но ведь их было двое, и один...

— Для нас он всегда был один, — сказал Оп. — И, пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие недоразумения возникли бы, если бы их было двое.

Кэрол повернулась к Максвеллу.

— А что скажете вы?

Он покачал головой.

— Я буду всерьез думать об этом только дня через два. А пока, наверное, я просто не могу. По правде говоря, при одной мысли об этом меня охватывает какое-то оцепенение. Но сейчас я сижу здесь с хорошенькой девушкой, с двумя старыми друзьями и с большим симпатичнейшим котиком и знаю, что нам предстоит разделаться с бутылкой виски, а потом хорошенько поужинать.

Он весело ей улыбнулся. Кэрол пожала плечами.

— Таких сумасшедших я еще не видела, — сказала она. — И знаете, мне это нравится.

— Мне тоже, — объявил Оп. — Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было дня счастливей того, когда экспедиция из Института времени утащила меня сюда как раз в тот момент, когда несколько моих любящих соплеменников вздумали подзакусить мною. Впрочем, у меня к ним нет никаких претензий. Зима выдалась долгая и суровая, снег был очень глубоким, и дичь совсем исчезла. К тому же кое-кто из пле-

мени имел на меня зуб — и не без оснований, не буду вас обманывать. Меня уже собирались тюкнуть по затылку и, так сказать, бросить в общий котел...

— Каннибализм! — с ужасом произнесла Кэрол.

— Естественно, — утешил ее Оп. — В те безыскусственные первобытные деньки в подобной ситуации не было ничего особенного. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кишки сводило, чтобы совсем иссохнуть...

Он умолк и обвел глазами зал.

— Наиболее утешительный аспект этой культуры, — продолжал он, — заключается в изобилии пищи. В старину у нас была чересполосица: ухлопаем мастодонта и едим, пока нас не начнет рвать, после чего опять едим и...

— На мой взгляд, — предостерегающе сказал Дух, — эта тема не слишком подходит для разговора за столом.

Оп поглядел на Кэрол.

— Во всяком случае, вы должны признать, — объявил он, — что я прямодушен. Когда я имею в виду рвоту, я так и говорю — «нас рвало», а не «мы срыгивали».

Подошел официант и почти швырнул на стол бутылку и ведерко со льдом.

— Горячее сейчас закажете? — спросил он.

— Мы еще не решили, будем ли мы питаться в этой подозрительной харчевне. Одно дело тут нализаться, и совсем другое...

— В таком случае, сэр... — сказал официант и положил перед ним счет.

Оп порылся в карманах и вытащил деньги. Максвелл придвинул бутылку и ведерко поближе и начал накладывать лед в рюмки.

— Но мы же поужинаем тут? — спросила Кэрол. — Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благонравно он ведет себя, несмотря на все эти аппетитные запахи!

— Ведь он уже скушал один бифштекс! — напомнил Максвелл. — Сколько еще он способен их сожрать?

— Неограниченное количество, — ответил Оп. — В старину такое чудище в один присест запросто уминало лося. Я вам когда-нибудь рассказывал...

— Думаю, что да, — поспешно сказал Дух.

— Но бифштекс был пережаренный! — запротестовала Кэрол. — А он любит их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

— Оп, — попросил Максвелл. — Верни официанта. У тебя это отлично получается. Твой голос словно создан для этой цели.

Оп взмахнул могучей рукой и взревел. Потом подождал немного и снова взревел, но опять безрезультатно.

— Он меня игнорирует, — проворчал Оп. — А может быть, это вовсе и не наш официант. Я их, макак, не различаю. Они для меня все на одно лицо.

— Не нравится мне сегодняшняя публика, — сказал Дух. — Я все посматриваю по сторонам. Что-то назревает.

— А чем они плохи? — спросил Максвелл.

— Слишком много слизняков из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Завсегдатаи здесь временщики и сверхъестественники.

— Ты думаешь, из-за Шекспира?

— Возможно, — согласился Дух.

Максвелл передал рюмку Кэрол, а другую подвинул через стол Опу.

— Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем, — сказала Кэрол, обращаясь к Духу. — Ну понюхайте хотя бы!

— Пусть это вас не тревожит, — вмешался Оп. — Этот субъект напивается до розовых слонов одним лунным светом. Он может танцевать на радуге. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бессмертен. Духа ведь ничем не убьешь.

— Ну, не знаю, — сказал Дух.

— Я не понимаю одного... — сказала Кэрол. — Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы пошутили или это правда?

— Это правда, — ответил Дух. — И поверьте, весьма неприятная правда. Я чувствую себя крайне неловко. Но что поделаешь — забыл! Из Англии — это я, во всяком случае, знаю твердо. Но фамилию вспомнить никак не могу. У меня есть подозрение, что и остальные духи...

— У нас тут нет других духов, — сказал Максвелл. — Контакты с духами, беседы, интервью — это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя, не захотел жить среди нас. Почему ты это сделал, Дух? Пришел к нам, я имею в виду?

— Он прирожденный аферист, — заметил Оп. — Всегда высматривает, где чем можно поживиться.

— Ну, положим! — возразил Максвелл. — Что, собственно, мы можем дать Духу?

— Вы даете мне, — сказал Дух, — ощущение реальности.

— Какова бы ни была причина, я очень рад, что ты пришел к нам, — сказал Максвелл.

— Вы трое — уже давние друзья, — задумчиво произнесла Кэрол.

— И это вас удивляет? — спросил Оп.

— Да, пожалуй... Я не очень отдаю себе отчет, что, собственно, я имела в виду.

В противоположном конце зала послышалась какая-то возня. Кэрол и Максвелл обернулись на шум, но не смогли разобрать, что там происходит.

Внезапно на один из столиков вспрыгнул человек и запел:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал,
Не давал проходу юбкам,
Громко песенки орал...

Раздались возмущенные вопли и свист. Кто-то бросил чем-то в певца, но промахнулся. Часть посетителей подхватила песню:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал...

Какой-то могучий бас оглушительно взревел:

— К черту Билла Шекспира!

И зал словно взорвался. Летели на пол стулья, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, сталкивали и стаскивали друг друга вниз. Замелькали кулаки. В воздух взвились различные предметы.

Максвелл вскочил, протянул руку и перебросил Кэрол себе за спину. Оп с оглушительным боевым кличем перепрыгнул через стол и опрокинул ногой ведерко. Ледяные кубики разлетелись во все стороны.

— Я посбиваю их, как кегли, — кричал он Максвеллу, — а ты знай оттаскивай!

Максвелл заметил кулак, взметнувшийся у него над ухом, увернулся и нанес удар в пустоту, примерно в том направлении, откуда появился кулак. Над его плечом промелькнула ручища Опа, завершавшаяся могучим кулаком, который врезался в чью-то физиономию, и кто-то покатился по полу за их столиком.

В затылок Максвелла угодил какой-то тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью, и он свалился. Вокруг двигалась стена ног. Кто-то наступил ему на руку. Кто-то упал на него. Где-то в неизмеримой вышине раздавались дикие завывания Опа.

Максвелл извернулся, сбросил упавшее на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его локоть впились сильные пальцы.

— Давай-ка выбираться отсюда, — сказал Оп. — Это может скверно кончиться.

Кэрол откинулась назад, обеими руками сжимая загривок Сильвестра. Тигренок стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху. Он утробно рычал, и его длинные клыки поблескивали даже в полутьме.

— Если мы сейчас же не вытащим его отсюда, — сказал Оп, — котик сам раздобудет себе бифштекс.

Он стремительно нагнулся, ухватил тигренка поперек живота, поднял его и прижал к груди...

— Позаботься о девушке, — скомандовал Оп. — Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

6

— Я трус, — признался Дух. — Я не скрываю, что стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

— А ведь ты единственный парень в мире, которого никто и пальцем тронуть не может, — заметил Оп.

Они сидели вокруг квадратного шаткого стола, который Оп однажды в припадке хозяйственной энергии собственноручно сколотил из нетесаных досок. Кэрол отодвинула тарелку.

— Я умирала от голода, — сказала она, — но не в силах больше проглотить ни кусочка.

— И не только вы, — отозвался Оп. — Взгляните-ка на нашу кисоньку.

Сильвестр лежал, свернувшись возле очага. Обрубок хвоста был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, усы ритмично подрагивали от спокойного дыхания.

— В первый раз вижу, чтобы саблезубый наелся до отвала, — сказал Оп.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неандерталец, встав, направился в угол, нагнулся, приподнял дверцу в полу и пошарил под ней. Он вытащил стеклянную банку и отставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец он с торжествующим видом извлек из темной дыры бутылку.

Убрав банки на прежнее место, Оп опустил дверцу, вернулся к столу, откупорил бутылку и начал разливать ее содержимое по стаканам.

— Вы, ребята, конечно, пьете без льда, — сказал он. — Что зря разбавлять хороший напиток! А к тому же льда у меня все равно нет.

Он указал на дверцу в полу.

— Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сломаю ногу, а медик запретит мне пить...

— Из-за сломанной-то ноги? — усомнился Дух.

— Ну, не из-за ноги, так из-за чего-нибудь другого, — сказал Оп.

Они с удовольствием прихлебывали виски, Дух смотрел в огонь, а снаружи ветер шуршал по стенам хижины.

— В жизни я так вкусно не ужинала, — вздохнула Кэрол. — Я никогда еще не жарила себе сама бифштекс на палочке прямо над огнем.

Оп удовлетворенно рыгнул.

— Так мы жарили мясо в каменном веке. Или ели его сырым, как вон тот саблезубый. У нас ведь не было ни плит, ни духовок, ни прочих ваших выдумок.

— У меня такое ощущение, — сказал Максвелл, — что лучше не спрашивать, откуда взялась эта вырезка. Ведь все мясные лавки наверняка были закрыты.

— Были-то были, — согласился Оп. — Но есть тут один магазинчик, и на задней двери там висел вот этот простенький замок...

— Когда-нибудь, — сказал Дух, — ты наживешь крупную неприятность.

Оп покачал головой.

— Не думаю. Во всяком случае, не в этот раз. Жизненно важная потребность... Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет. Такой закон был в первобытные времена. Уж, конечно, суд и сейчас примет его во внимание. Кроме того, я завтра зайду туда и объясню, что произошло. Кстати, — повернулся он к Максвеллу, — есть у тебя деньги?

— Сколько хочешь, — ответил тот. — Мне были выписаны командировочные для поездки в Енотовую Шкуру, и я не истратил из них ни гроша.

— Значит, на планете, куда вы попали, с вами обращались как с гостем? — заметила Кэрол.

— Примерно. Я так до конца и не разобрался, в каких отношениях я находился с местными обитателями.

— Они были приятными людьми?

— Приятными-то приятными, но вот людьми ли — не знаю. — Он повернулся к Опу. — Сколько тебе нужно?

— Сотни должно хватить. Мясо, взломанная дверь и, конечно, оскорбленные чувства нашего друга — мясника.

Максвелл достал бумажник, вытащил несколько банкнот и протянул их Опу.

— Спасибо, — сказал неандерталец. — Считай за мной.

— Нет, — возразил Максвелл. — Сегодня угощаю я. Ведь я пригласил Кэрол поужинать, хотя из этого так ничего и не вышло.

Сильвестр у очага зевнул, потянулся и снова уснул — уже на спине, задрав все четыре лапы кверху.

— Вы здесь в гостях, мисс Хэмптон? — спросил Дух.

— Нет, — с удивлением ответила Кэрол. — Я здесь работаю. А почему вы подумали...

— Из-за вашего тигра. Вы сказали, что это биомех, и я, естественно, подумал, что вы сотрудник Биомеханического института.

— А! — сказала Кэрол. — Нью-йоркского или венского?

— Есть еще азиатский центр в Улан-Баторе, если мне не изменяет память.

— А вы там бывали?

— Нет. Только слышал.

— А ведь мог бы побывать, если бы захотел, — сказал Оп. — Он ведь способен переноситься куда угодно в мгновение ока. Вот почему сверхъестественники терпят его штучки. Они рассчитывают в конце концов докопаться до этих его свойств. Только старина Дух — стреляный воробей и ничего им не говорит.

— На самом деле его молчание объясняется тем, что ему платят транспортники, — вмешался Максвелл. — Им нужно, чтобы он держал язык за зубами. Если он расскажет о способе своего передвижения, им придется закрыть лавочку. Люди смогут переноситься по желанию куда захотят, не обращая внимания на расстояние, будь то хоть миля, хоть миллион световых лет.

— А до чего он тактичен! — подхватил Оп. — Ведь клонил-то он к тому, что такой саблезубый стоит больших денег, если вы не специалист по биомеханике и сами состряпать его не можете.

— Понимаю! — сказала Кэрол. — Это верно. Они стоят безумных денег, которых у меня нет. Мой отец преподавал в нью-йоркском Биомеханическом институте, и Сильвестра изготовили студенты его семинара, а потом подарили ему, когда он уходил на пенсию.

— А я все равно не верю, что эта киса биомеханического происхождения. Слишком уж у нее блестят глаза, когда она смотрит на меня, — заметил Оп.

— Дело в том, — объяснила Кэрол, — что в настоящее время они все уже не столько «мех», сколько «био». Термин «биомеханический» родился в те дни, когда чрезвычайно сложный электронный мозг и нервная система помещались в особого типа протоплазму. Но теперь механическими в них остались только органы, которые в природе изнашиваются особенно быстро — сердце, почки, легкие и прочее в том же роде. Собственно говоря, в настоящее время биомеханические институты просто создают те или иные живые организмы... Но вы это, конечно, знаете.

— Ходят разговоры, — сказал Максвелл, — что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы что-нибудь об этом слышали?

— Да. Но ведь всегда ходят какие-нибудь странные слухи.

— А самый лучший поймал недавно я, — вмешался Оп. — Конфетка! Мне шепнули, что сверхъестественники установили контакт с Сатаной! Так как же, Пит?

— Ну, возможно, кто-то и предпринял подобную попытку, — сказал Максвелл. — Ведь это просто напрашивалось.

— Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует? — удивилась Кэрол.

— Двести лет назад, — ответил Максвелл, — люди точно таким же тоном спрашивали, неужели существуют гоблины, тролли и феи.

— И духи, — вставил Дух.

— Кажется, вы говорите серьезно! — воскликнула Кэрол.

— Нет, конечно, — ответил Максвелл. — Но я не склонен априорно отрицать существование даже Сатаны.

— Это удивительный век! — заявил Оп. — Что, несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы покончили с суевериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них зерно истины. Однако мои соплеменники знали про троллей, гоблинов и прочих. Легенды о них, как

вам известно, всегда основывались на фактах. Только позже, когда человек вышел из пеленок дикарской простоты, если вам угодно называть это так, он отмел факты, не позволяя себе поверить в то, что, как он знал, было правдой. Поэтому он принялся приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали: в свое время они вовсе не были такими милыми, какими вы считаете их теперь.

— А Сатана? — спросил Дух.

— Не знаю, — ответил Оп. — Возможно, но точно сказать не могу. Тогда уже были все те, кого вы теперь разыскали, выманили на свет и поселили в заповедниках. Но их разновидностей было куда больше. Некоторые были жуткими, и все — вредными.

— По-видимому, вы не питали к ним большой симпатии, — заметила Кэрол.

— Да, мисс. Не питал.

— На мой взгляд, — сказал Дух, — этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. По-видимому, существовало много разных типов этих... можно назвать их приматами?

— Да, пожалуй, можно, — согласился Максвелл.

— ... приматов совсем иного склада, чем обезьяны и человек.

— Еще бы не другого! — с чувством произнес Оп. — Гнусные вонючки, и больше ничего...

— Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возьмется и за разрешение этого вопроса, — сказала Кэрол.

— Еще бы! — ответил Оп. — Я им только об этом и твержу и прилагаю надлежащие описания.

— У Института времени слишком много задач, — напомнил им Максвелл. — В самых различных и одинаково интересных областях. Им же надо охватить все прошлое!

— При полном отсутствии денег, — добавила Кэрол.

— Мы слышим голос лояльного сотрудника Института времени, — объявил Максвелл.

— Но это же правда! — воскликнула девушка. — Исследования, которые проводит наш институт, могли бы принести столько пользы другим наукам! На писаную историю полагаться нельзя. Во многих случаях оказывается, что все было совсем не так. Пристрастия, предубеждения или просто тупые суждения, навеки мумифицированные на страницах книг и документов! Но разве другие институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я вам могу ответить: нет и нет! Ну, есть, конечно, исключения. Юридический факультет всегда идет нам навстречу, но таких мало. Остальные боятся. Они не хотят рисковать благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, историю с Шекспиром. Казалось бы, факультет английской литературы должен был обрадоваться, узнав, кто был настоящим автором этих пьес.

В конце концов, вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий. Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только вышли из себя.

— А теперь, — сказал Максвелл, — институт тащит сюда Шекспира читать лекцию о том, писал он их или нет. Не кажется ли вам, что это не слишком тактично?

— Ах, дело совсем в другом! — вспыхнула Кэрол. — В том, что Институт времени вынужден превращать историю в аттракцион, чтобы пополнить свою кассу. И так всегда. Всевозможные планы, цель которых одна — раздобыть деньги. И так уж у нас репутация балаганных клоунов. Неужели вы думаете, что декану Шарпу нравится...

— Я хорошо знаю Харлоу Шарпа, — сказал Максвелл. — Поверьте, он извлекает из этого массу удовольствия.

— Какое кощунство! — воскликнул Оп с притворным ужасом. — Или ты не знаешь, что за разглашение священных тайн тебя могут распять?

— Вы смеетесь надо мной! — сказала Кэрол. — Вы смеетесь над всеми и над всем. И вы тоже, Питер Максвелл.

— Я приношу извинения от их имени, — вмешался Дух, — поскольку у них не хватает ума извиниться самим. Только прожив с ними бок о бок десять — пятнадцать лет, начинаешь понимать, что они, в сущности, совсем безвредны.

— И все равно наступит день, когда Институт времени получит в свое распоряжение все необходимые средства, — сказала Кэрол. — Тогда он сможет привести в исполнение задуманные проекты, а остальные факультеты могут убираться ко всем чертям. Когда состоится продажа...

Она внезапно умолкла и словно окаменела. Казалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы зажать себе ладонью рот:

— Какая продажа? — спросил Максвелл.

— По-моему, я знаю, — сказал Оп. — До меня дошел слух, собственно говоря, слушок, и я не обратил на него внимания. Хотя, если на то пошло, как раз такие мерзкие тихие слушки и оказываются на поверку правдой. Когда слух грозен, повсеместен и...

— Оп, нельзя ли без речей? — перебил Дух. — Просто скажи нам, что ты слышал.

— О, это невероятно! — объявил Оп. — Вы не поверите. Как бы ни старались.

— Да перестаньте же! — вскричала Кэрол.

Все трое выжидающе посмотрели на нее.

— Я сказала лишнее. Слишком увлеклась и... Пожалуйста, забудьте об этом. Я даже не знаю, действительно ли предполагается что-то подобное.

— Разумеется! — сказал Максвелл. — Ведь вы провели вечер в дурном обществе, вынуждены были терпеть грубости и...

— Нет, — сказала Кэрол, покачав головой. — Моя просьба бессмысленна. Да я и не имею права просить вас об этом. Мне остается только рассказать вам все и положиться на вашу порядочность. И я совершенно уверена, что это не пустые слухи. Институту времени предлагают продать Артефакт.

В хижине воцарилась напряженная тишина — Максвелл и его друзья замерли, почти не дыша. Кэрол удивленно переводила взгляд с одного на другого, не понимая, что с ними.

Наконец Дух сделал легкое движение, и в безмолвии им всем показалось, что его белый саван зашуршал так, словно был материален.

— Ведь вам неизвестно, — сказал он, — как нам всем троим дорог Артефакт.

— Вы нас как громом поразили, — объявил Оп.

— Артефакт! — вполголоса произнес Максвелл. — Артефакт. Величайшая загадка. Единственный предмет в мире, ставящий всех в тупик...

— Таинственный камень! — сказал Оп.

— Не камень, — поправил его Дух.

— Значит, вы могли бы объяснить мне, что это такое? — спросила Кэрол.

Но вся соль как раз и заключается в том, что Дух не может ответить на ее вопрос, и никто другой тоже, подумал Максвелл. Около десяти лет назад экспедиция Института времени, отправившаяся в юрский период, обнаружила Артефакт на вершине холма, и он был доставлен в настоящее ценой неимоверных усилий и затрат. Его вес потребовал для переброски во времени такой энергии, какой еще ни разу не приходилось применять, — для осуществления этой операции пришлось отправить в прошлое портативный ядерный генератор, который пересылался по частям и был смонтирован на месте. Затем перед экспедицией встала задача возвращения генератора в настоящее, поскольку простая порядочность не позволяла оставлять в прошлом подобные предметы — даже в столь отдаленном прошлом, как юрский период.

— Я не могу вам этого объяснить, — сказал Дух. — И никто не может.

Дух говорил чистую правду. Пока еще никому не удалось установить хотя бы приблизительно, что такое Артефакт. Этот массивный брус из какого-то материала, который не бы ни металлом, ни камнем, хотя вначале его определили как камень, а затем как металл, ставил в тупик всех исследователей. Он был длиной в шесть футов и высотой в четыре и представлял собой сгусток сплошной черноты, не поглощавшей энергии и не испускавшей ее. Свет и другие излучения отражались от его поверхности, на которой никакие режущие инструменты не могли оставить ни малейшего следа — даже лазерный луч оказывался

бессильным. Неуязвимый и непроницаемый Артефакт упрямо хранил свою тайну. Он лежал на пьедестале в первом зале Музея времени — единственный предмет в мире, для которого не было найдено хотя бы гипотетически правдоподобного объяснения.

— Но если так, — сказала Кэрол, — то почему вы расстроились?

— А потому, — ответил Оп, — что Питу кажется, будто эта штука в далекую старину была предметом поклонения обитателей холмов. То есть если эти паршивцы вообще способны чему-то поклоняться.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол. — Нет, правда. Я ведь не знала. Наверное, если сообщить в институт...

— Это же только предположение, — возразил Максвелл. — У меня нет фактов, на которые можно было бы сослаться. Просто кое-какие ощущения, оставшиеся после разговоров с обитателями холмов. Но даже и маленький народец ничего не знает. Это ведь было так давно.

Так давно! Почти двести миллионов лет назад.

7

— Ваш Оп меня просто ошеломил, — заметила Кэрол. — И этот домик, который он соорудил на краю света!

— Он оскорбился бы, если бы услышал, что вы назвали его жилище домиком, — сказал Максвелл. — Это хижина, и он ею гордится! Переход из пещеры прямо в дом был бы для него слишком тяжел. Он чувствовал бы себя очень неуютно.

— Из пещеры? Он и в самом деле жил в пещере?

— Я должен вам сообщить кое-что про моего старого друга Опа, — сказал Максвелл. — Он записной врун. И его рассказам далеко не всегда можно верить. Эта история про каннибализм, например...

— У меня сразу стало легче на душе. Чтобы люди ели друг друга... Брр!

— О, каннибализм в свое время существовал. Это известно точно. Но вот должен ли был Оп попасть в котел — дело совсем другого рода. Вообще-то если речь идет об общих сведениях, на его слова можно полагаться. Сомнительны только описания его собственных приключений.

— Странно! — сказала Кэрол. — Я не раз видела его в институте, и он показался мне интересным, но я никак не думала, что познакомлюсь с ним. Да если говорить честно, у меня и не было такого желания. Есть люди, от которых я предпочитаю держаться подальше, и он казался мне именно таким. Я воображала, что он груб и неотесан...

— Он такой и есть! — вставил Максвелл.

— Но и удивительно обаятельный, — возразила Кэрол.

В темной глубине неба холодно мерцали ясные осенние звезды. Шоссе, почти совсем пустое, вилось вдоль самого гребня холма. Далеко

внизу широким веером сияли огни университетского городка. Ветер, срывавшийся с гребня, приносил слабый запах горящих листьев.

— И огонь в очаге — такая прелесть! — вздохнула Кэрол. — Питер, почему мы обходимся без огня? Ведь построить очаг, наверное, совсем несложно.

— Несколько сот лет назад, — сказал Максвелл, — в каждом доме или почти в каждом доме был по меньшей мере один очаг. А иногда и несколько. Разумеется, эта тяга к открытому огню была атавизмом. Воспоминанием о той эпохе, когда огонь был подателем тепла и защитником. Но в конце концов мы переросли это чувство.

— Не думаю. Мы просто ушли в сторону. Повернулись спиной к какой-то части нашего прошлого. А потребность в огне все еще живет в нас. Возможно, чисто психологическая. Я убедилась в этом сегодня. Огонь был таким завораживающим и уютным! Возможно, это первобытная черта, но должно же в нас сохраниться что-то первобытное.

— Он не может жить без огня, — сказал Максвелл. — Именно отсутствие огня ошеломило его больше всего, когда экспедиция доставила его сюда. Первое время с ним, конечно, обходились как с пленником — держали не то чтобы взаперти, но под строгим присмотром. Но когда он стал, так сказать, сам себе хозяином, он подыскал подходящее место за пределами городка и выстроил там хижину. Примитивную, как ему и хотелось. И, конечно, с очагом. И с огородом. Вам непременно следует посмотреть его огород. Идея, что пищу можно выращивать, была для него абсолютно новой. В его времена никто и представить себе не мог ничего подобного. Гвозди, пилы, молотки и доски тоже были ему в новинку, как и все остальное. Но он проявил поразительную психологическую гибкость и с легкостью освоил как новые инструменты, так и новые идеи. Его ничто не могло ошеломить. Свою хижину он строил, пользуясь пилой, молотком, гвоздями, досками и всем прочим. И все-таки, мне кажется, больше всего его потряс огород — возможность выращивать пищу вместо того, чтобы охотиться за ней. Вероятно, вы заметили, что он и сейчас еще внутренне не может до конца привыкнуть к изобилию и доступности еды.

— И напитков! — добавила Кэрол.

Максвелл засмеялся.

— Еще одно новшество, с которым он мгновенно освоился. Это почти его конек. Он даже поставил у себя в сарае аппарат и гонит гнуснейший самогон. Удивительно ядовитое пойло.

— Но гостям он его не дает, — сказала Кэрол. — Мы же пили виски.

— Самогон он бережет для самых близких друзей. Банки, которые он достал из подполья...

— Я еще подумала, зачем он там их прячет. Они показались мне совсем пустыми.

— Обе до краев полны прозрачным самогоном.

— Вы сказали, что прежде он находился на положении пленника. А теперь? Какое отношение он имеет к Институту времени?

— Он считается подопечным вашего института. Впрочем, это его ни к чему не обязывает. Но он ни за что не расстанется с институтом. Он ему предан даже больше, чем вы.

— А Дух? Он живет в общежитии факультета сверхъестественных явлений? На положении подопечного?

— Ну нет! Дух — бродячая кошка. Он странствует повсюду, где захочет. У него есть друзья во всех уголках планеты. Насколько мне известно, он ведет большую работу в Гималайском институте сравнительной истории религий. Однако он довольно часто выбирается сюда. Они с Опом сразу же стали закадычными друзьями, едва только факультет сверхъестественных явлений установил контакт с Духом.

— Пит, вы называете его Духом. Но что он такое на самом деле?

— Дух, а что же еще?

— Но что такое дух?

— Не знаю. И никто не знает, насколько мне известно.

— Но вы же сверхъестественник!

— Да, конечно. Но я всегда работал с маленьким народцем, специализируясь по гоблинам, хотя меня интересуют и все остальные. Даже баньши, хотя трудно вообразить более коварные и скрытные существа.

— Но, значит, имеются и специалисты по духам? Что они говорят?

— Вероятно, довольно многое. Написаны тонны книг о привидениях, призраках и прочем, но у меня никогда не хватало на них времени. Я знаю, что в давние века считалось, будто всякий человек после смерти становится духом, но теперь, насколько мне известно, эта теория отвергнута. Духи возникают благодаря каким-то особым обстоятельствам, но каким именно, я не имею ни малейшего представления.

— Знаете, — сказала Кэрол, — его лицо, хотя, может быть, и потустороннее, в то же время на редкость притягательно. Мне было ужасно трудно удержаться и не разглядывать его все время. Просто клочок сумрака в складках савана, хотя, конечно, это вовсе не саван. И порой — намек на глаза. Крохотные огоньки, которые кажутся глазами. Или это одно мое воображение?

— Нет, мне тоже иногда мерещится что-то такое.

— Пожалуйста, — попросила Кэрол, — возьмите этого дурака за шиворот и оттащите немного назад. Он того и гляди соскользнет на скоростную полосу. Ну просто ничего не соображает! И засыпает где угодно и когда угодно. Ни о чем другом, кроме еды и сна, он вообще думать не способен.

Максвелл нагнулся и сдвинул Сильвестра на прежнее место. Сильвестр сонно заворчал.

Откинувшись на спинку сиденья, Максвелл посмотрел вверх.

— Поглядите на звезды, — сказал он. — Нигде нет такого неба, как на Земле. Я рад, что вернулся.

— Но что вы намерены делать дальше?

— Провожу вас домой, заберу чемодан и вернусь к Опу. Он откроет одну из своих банок, и мы будем попивать его зелье и разговаривать до зари. Тогда я улягусь в постель, которую он завел для гостей, а он свернется на куче листьев...

— Я видела эти листья в углу, и мне было ужасно любопытно узнать, зачем они там. Но я не спросила.

— Он спит на них. На кровати ему неудобно. Ведь в конце-то концов в течение многих лет куча листьев была для него верхом роскоши...

— Ну вот, вы снова надо мной смеетесь.

— Вовсе нет, — сказал Максвелл, — я говорю чистую правду.

— Но я спрашивала вас вовсе не о том, что вы будете делать сегодня вечером, а вообще. Вы ведь мертвы. Или вы забыли?

— Я буду объяснять, — сказал Максвелл. — Без конца объяснять. Где бы я ни оказался, найдутся же люди, которые захотят узнать, что произошло. А может быть, даже будет проведено официальное расследование. Я искренне надеюсь, что обойдется без этого, но правила есть правила.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол, — и все-таки я рада. Как удачно, что вас было двое.

— Если транспортники сумеют разобраться в этой механике, — заметил Максвелл, — они откроют для себя золотую жилу. Все мы будем хранить где-нибудь свою копию на черный день.

— Это ничего не даст, — возразила Кэрол. — То есть для каждого данного индивида. Тот, другой, Питер Максвелл был самостоятельной личностью и... нет, я запуталась. Час слишком поздний, чтобы разбираться в подобных сложностях, но я убеждена, что ваша идея неосуществима.

— Да, — согласился Максвелл, — пожалуй, так. Это была глупая мысль.

— А вечер был очень приятный, — сказала Кэрол. — Спасибо. Я получила большое удовольствие.

— А Сильвестр получил большой бифштекс.

— Да, конечно. Он вас не забудет. Он любит тех, кто угощает его бифштексами. Удивительный обжора!

— Я хотел вас спросить вот о чем, — сказал Максвелл. — Вы нам не сказали, кто предложил купить Артефакт.

— Не знаю. Мне известно только, что такое предложение было сделано. И насколько я поняла, условия достаточно выгодные, чтобы серьезно заинтересовать Институт времени. Я случайно услышала отрывок разговора, не предназначавшегося для моих ушей. А от этого что-нибудь зависит?

— Возможно, — сказал Максвелл.

— Я теперь вспоминаю, что одно имя упоминалось, но не покупателя, как мне кажется. Просто кого-то, кто имеет к этому отношение. Я только сейчас вспомнила — кто-то по фамилии Черчилл. Это вам что-нибудь говорит?

8

Когда Максвелл вернулся, таща свой чемодан, Оп сидел перед очагом и подрезал ногти на ногах большим складным ножом.

Неандерталец указал лезвием на кровать.

— Брось-ка его туда, а сам садись где-нибудь рядом со мной. Я только что положил в огонь парочку поленьев, и того, что в банке, хватит на двоих. К тому же у меня припрятаны еще две.

— А где Дух? — осведомился Максвелл.

— Исчез. Я не знаю, куда он отправился. Он мне этого не говорит. Но он скоро вернется. Он никогда надолго не пропадает.

Максвелл положил чемодан на кровать, вернулся к очагу и сел, прислонившись к его шершавым камням.

— Сегодня ты валял дурака даже лучше, чем это у тебя обычно получается, — сказал он. — Ради чего?

— Ради ее больших глаз, — ответил Оп, ухмыляясь. — Девушку с такими глазами нельзя не шокировать. Извини, Пит, я никак не мог удержаться.

— Все эти разговоры о каннибализме и рвоте, — продолжал Максвелл. — Не слишком ли ты перегнул палку?

— Ну, я, пожалуй, и вправду немного увлекся, — признал Оп. — Но ведь публика как раз этого и ждет от дикого неандертальца!

— А она далеко не глупа, — заметил Максвелл. — Она проболталась об этой истории с Артефактом на редкость ловко.

— Ловко?

— Само собой разумеется. Неужто ты думаешь, что она и в самом деле проговорилась нечаянно?

— Я об этом вообще не думал, — сказал Оп. — Может быть, и нарочно. Но в таком случае зачем ей это, как ты думаешь?

— Скажем, она не хочет, чтобы его продавали. И она решила, что если упомянуть об этом при болтуне вроде тебя, наутро новость станет известна всему городку. Она рассчитывает, что такие разговоры могут сорвать продажу.

— Ты же знаешь, Пит, что я вовсе не болтун.

— Я-то знаю. Но вспомни, как ты себя сегодня вел.

Оп сложил нож, сунул его в карман и, взяв банку, протянул ее Максвеллу — Максвелл сделал большой глоток. Огненная жидкость полоснула его по горлу как бритва, и он закашлялся. «Ну хоть бы раз

выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» — подумал он. Кое-как проглотив самогон, он еще несколько секунд никак не мог отдышаться.

— Забористая штука, — сказал Оп. — Давненько у меня не получалось такой удачной партии. Ты видел — чистый как слеза!

Максвелл, не в силах произнести ни слова, только кивнул.

Оп в свою очередь взял банку, поднес ее к губам, запрокинул голову, и уровень самогона в банке сразу понизился на дюйм с лишним. Потом он нежно прижал ее к волосатой груди и выдохнул воздух с такой силой, что огонь в очаге заплясал. Свободной рукой он погладил банку.

— Первоклассное пойло, — сказал он, утер рот рукой и некоторое время молча смотрел на пламя.

— Вот тебя она, несомненно, не могла принять за болтуна, — сказал он наконец. — Я заметил, что сегодня вечером ты сам выделывал лихие пируэты вокруг да около правды.

— Возможно, потому что я сам не знаю, какова эта правда, — задумчиво произнес Максвелл, — и как мне с ней поступить. У тебя есть настроение слушать?

— Сколько угодно, — сказал Оп. — То есть если тебе этого хочется. А так можешь мне ничего не говорить. Я имею в виду — по долгу дружбы. Если ты мне ничего не скажешь, мы все равно останемся друзьями. Ты же знаешь. Мы вообще можем ничего об этом не говорить. У нас найдется немало других тем.

Максвелл покачал головой.

— Нет, Оп. Мне необходимо с кем-то обсудить все это. Но довериться я могу только тебе. В одиночку мне не справиться.

— Ну-ка, отхлебни еще, — сказал Оп, протягивая ему банку, — а потом начинай, если хочешь. Я одного не могу понять: как транспортники допустили такую промашку. И я не верю, будто они ее допустили. Я бы сказал, что тут кроется что-то совсем другое.

— И ты не ошибся бы, — ответил Максвелл. — Где-то есть планета, и, по-моему, не так уж далеко. Свободно странствующая планета, не связанная ни с каким солнцем. Хотя, насколько я понял, она в любой момент может присоединиться к той системе, какая ей приглянется.

— Это ведь довольно-таки сложно! Орбиты законных местных планет спутаются в клубок.

— Не обязательно, — возразил Максвелл. — Она ведь может выбрать орбиту в другой плоскости. И тогда ее присутствие практически на них не отразится.

Он взял банку, зажмурил глаза и сделал могучий глоток. Отняв банку ото рта, он снова прислонился к грубым камням. В трубе мяукал ветер, но эти тоскливые звуки раздавались снаружи, за дощатыми стенами. Головешка в очаге рассыпалась каскадом раскаленных угольков. Пламя заплясало, и по всей комнате замелькали неверные тени.

Оп забрал банку из рук Максвелла, но пить не стал, а зажал ее между коленями.

— Иными словами, эта планета перехватила и сдублировала твою волновую схему, так что вас стало двое, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Дедуктивный метод. Наиболее логичное объяснение того, что произошло. Мне известно, что вас было двое. С тем другим, который вернулся раньше тебя, я разговаривал. И он был — ты. Он был точно таким же Питером Максвеллом, как ты. Он сказал, что на планетах Енотовой Шкуры никаких следов дракона не оказалось, что все это были пустые слухи, а потому он вернулся раньше, чем предполагал.

— Так вот в чем дело! — заметил Максвелл. — Я никак не мог понять, почему он вернулся до срока.

— Передо мной стоит дилемма, — сказал Оп, — должен ли я предаваться радости или горю? Наверное, и радости, и горю понемножку, оставив место для смиренного удивления перед неисповедимыми путями человеческих судеб. Тот, другой, был ты. И вот он умер — и я потерял друга, ибо он был человеком и личностью, а человеческая личность кончается со смертью. Но вот тут сидишь ты. И если прежде я потерял друга, то теперь я вновь его обрел, потому что ты такой же настоящий Питер Максвелл, как и тот.

— Мне сказали, что это был несчастный случай.

— Ну, не знаю, — заметил Оп. — Я над этим довольно много размышлял. И я вовсе не уверен, что это действительно был несчастный случай — особенно после того, как ты вернулся. Он сходил с шоссе, споткнулся, упал и ударился затылком...

— Но ведь никто не спотыкается, сходя с шоссе. Разве что калеки или люди мертвецки пьяные. Наружная полоса еле ползет.

— Конечно, — сказал Оп. — И так же рассуждала полиция. Но других объяснений не нашлось, а полиции, как тебе известно, требуется какое-нибудь объяснение, чтобы закрыть дело. Случилось это в пустынном месте. Примерно на полпути отсюда до заповедника гоблинов. Свидетелей не было. Очевидно, все произошло, когда шоссе было пустынно. Возможно, ночью. Его нашли около десяти часов утра. С шести часов на шоссе было уже много людей, но, вероятно, все они сидели на внутренних скоростных полосах и не видели обочины. Труп мог пролежать очень долго, прежде чем его заметили.

— По-твоему, это не был несчастный случай? Так что же — убийство?

— Не знаю. Мне приходила в голову эта мысль. Одна странность так и осталась необъясненной. В том месте, где обнаружили тело, стоял какой-то необычный запах. Никому не знакомый. Может быть, кто-то знал, что вас двое. И по какой-то причине это его не устраивало.

— Но кто же мог знать, что нас двое?

— Обитатели той планеты. Если на ней были обитатели...

— Были, — сказал Максвелл. — Это поразительное место...

И пока он говорил, оно вновь возникло перед ним как наяву. Хрустальная планета — во всяком случае, такой она показалась ему при первом знакомстве. Огромная, простирающаяся во все стороны хрустальная равнина, а над ней хрустальное небо, к которому с равнины поднимались хрустальные колонны, чьи вершины терялись в млечной голубизне неба, — колонны, возносящиеся ввысь, чтобы удержать небеса на месте. И полное безлюдье, рождавшее сравнение с пустым бальным залом гигантских размеров, убранным и натертым для бала, ожидающим музыки и танцоров, которые не пришли и уже никогда не придут, и пустой зал во веки веков сияет сказочным блеском, никого не радуя своим изяществом.

Бальный зал, но бальный зал без стен, простирающийся вдаль — не к горизонту (горизонта там, казалось, не было вовсе), а туда, где небо, это странное матово-стеклянное небо, смыкалось с хрустальным полом.

Он стоял, ошеломленный этой невероятной колоссальностью — не безграничного неба (ибо небо отнюдь не было безграничным) и не огромных просторов (ибо просторы не были огромными), но колоссальностью именно замкнутого помещения, словно он вошел в дом великана, и заблудился, и ищет дверь, не представляя себе, где она может находиться.

Место, не имевшее никаких отличительных черт, потому что каждая колонна была точной копией соседней, а в небе (если это было небо) не виднелось ни облачка, и каждый фут, каждая миля были подобны любому другому футу, любой другой миле этих абсолютно ровных хрустальных плит, которые тянулись во всех направлениях.

Ему хотелось закричать, спросить, есть ли здесь кто-нибудь, но он боялся закричать — возможно, из страха (хотя тогда он этого не осознавал, а понял только потом), что от звука его голоса холодное сверкающее великолепие вокруг может рассыпаться облаком мерцающего инея, ибо там царила тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Это было безмолвное, холодное и пустынное место, все его великолепие и вся его белизна терялись в его пустынности.

Медленно, осторожно, опасаясь, что движение его ног может обратить весь этот мир в пыль, он повернулся и уголком глаза уловил... нет, не движение, а лишь намек на движение, словно там что-то было, но унеслось с быстротой, не воспринимаемой глазом. Он остановился, чувствуя, что по коже у него забегали мурашки, завороженный ощущением чужеродности, более страшной, чем реальная опасность, пугаясь этой чужеродности, столь непохожей, столь далекой от всего нормального, что при взгляде на нее, казалось, можно было сойти с ума прежде, чем успеешь закрыть глаза.

Ничего не случилось, и он снова пошевелился, осторожно поворачиваясь дюйм за дюймом, и вдруг увидел, что за спиной у него все это время было какое-то сооружение... Машина? Прибор? Аппарат?

И внезапно он понял. Перед ним находилось неведомое приспособление, которое притянуло его сюда, — эквивалент передатчика и приемника материи в этом невозможном хрустальном мире.

Одно он знал твердо — эта планета не принадлежала к системе Енотовой Шкуры. Об этом месте он никогда даже не слышал. Нигде во всей известной вселенной не было ничего, даже отдаленно похожего на то, что он видел сейчас. Что-то произошло, и его швырнуло не на ту планету, на которую он отправился, а в какой-то забытый уголок вселенной, куда человек, быть может, проникнет не ранее чем через миллион лет, — так далеко от Земли, что мозг отказывался воспринять подобное расстояние.

Он снова уловил какое-то неясное мерцание, как будто на хрустальном фоне мелькали живые тени. И внезапно это мерцание превратилось в непрерывно меняющиеся фигуры, и он увидел, что их здесь много, этих движущихся фигур, непонятных, отдельно существующих и, казалось, таивших в своем мерцании какую-то индивидуальность. Словно это были призраки неведомых существ, подумал он с ужасом.

— И я отнесся к ним как к реальности, — сказал он Опу. — Я принял их на веру. Другого выхода у меня не было. Иначе я остался бы один на этой хрустальной равнине. Человек прошлого века, возможно, не смог бы воспринять их как реальность. Он постарался бы вычеркнуть их из своего сознания как плод расстроенного воображения. Но я слишком много часов провел в обществе Духа, чтобы пугаться идеи привидений. Я слишком долго работал со сверхъестественными явлениями, чтобы меня могла смущать мысль о существах и силах, не известных человеку. И странно, но утешительно одно — они почувствовали, что я их воспринимаю.

— Так, значит, это была планета с привидениями? — спросил Оп.

Максвелл кивнул.

— Можно посмотреть на это и так, но скажи мне, что такое привидение?

— Призрак, — сказал Оп, — дух.

— Но что ты подразумеваешь под этими словами? Дай мне определение.

— Я пошутил, — виновато сказал Оп, — и пошутил глупо. Мы не знаем, что такое привидение. Даже Дух не знает точно, что он такое. Он просто знает, что он существует. А уж кому это знать, как не ему? Он много над этим размышлял. По-всякому анализировал. Общался с другими духами. Но объяснения так и не отыскал. Поэтому приходится вернуться к сверхъестественному...

— То есть к необъясненному, — сказал Максвелл.

— Какие-то мутанты? — предположил Оп.

— Так считал Коллинз, — сказал Максвелл. — Но у него не нашлось ни сторонников, ни последователей. Я тоже не соглашался с ним — но до того, как побывал на хрустальной планете. Теперь я уже ни в чем не уверен. Что происходит, когда раса разумных существ достигает конца своего развития, когда она как раса минует пору детства и зрелости и вступает в пору глубокой старости? Раса, подобно человеку, умирающая от дряхлости. Что она тогда предпринимает? Разумеется, она может просто умереть. Это было бы наиболее логично. Но, предположим, есть причина, которая мешает ей умереть. Предположим, ей надо во что бы то ни стало остаться в живых и она не может позволить себе умереть?

— Если призрачное состояние — это действительно мутация, — сказал Оп, — и если они знали, что это мутация, и если они достигли таких высот знания, что могли контролировать мутации... — Он умолк и посмотрел на Максвелла. — По-твоему, произошло что-то в этом роде?

— Пожалуй, — сказал Максвелл. — Я все больше и больше склоняюсь к этой мысли.

— Выпей, — сказал Оп, протягивая ему банку. — Тебе это будет полезно. А потом дай и мне отхлебнуть.

Максвелл взял банку, но пить не стал. Он протянул руку к дровам, могучими пальцами ухватил полено и бросил его в огонь. Столб искр унесся в трубу. Снаружи за стенами стонал ветер.

Максвелл поднес банку к губам. Самогон хлынул в его глотку, как поток лавы. Он закашлялся. «Ну хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» И протянул банку Опу. Оп поднял ее, но пить не стал и посмотрел на Максвелла.

— Ты сказал — какая-то причина, ради которой необходимо жить. Какая-то причина, не позволяющая им умереть, заставляющая их существовать в любой форме, в какой это для них возможно.

— Вот именно, — сказал Максвелл. — Сведения. Знание. Планета, нафаршированная знаниями, настоящий склад знаний. И, думаю, не более десятой доли дублирует то, что известно нам. А все остальное — новое для нас, неведомое. Такое, что нам и не снилось. Знания, каких нам еще миллион лет не приобрести, если мы вообще до них доберемся. Вся эта информация, насколько я понимаю, зафиксирована на атомарном уровне таким образом, что каждый атом становится носителем частички информации. Хранится она в железных листах вроде книжных страниц, сложенных гигантскими стопками и кипами, причем каждый слой атомов — да, они расположены слоями — содержит какой-то определенный раздел. Прочитываешь первый слой и принимаешься за второй. И опять это похоже на страницы книги: каждый слой атомов — страница, положенная на другие такие же страницы. Каждый металлический лист... Нет, не спрашивай, я даже примерно не могу сказать, сколько слоев атомов содержит каждый лист. Вероятно, сотни тысяч.

Оп поспешно поднял банку, сделал гигантский глоток, расплескав самогон по волосатой груди, и шумно вздохнул.

— Они не могут бросить эти знания на произвол судьбы, — сказал Максвелл. — Они должны передать их кому-то, кто сможет ими воспользоваться. Они должны жить, пока не передадут их. Вот тут-то им и понадобился я! Они поручили мне продать их запас знаний.

— Продать?! Кучка призраков, дышащих на ладан? Что им может понадобиться? Какую цену они просят?

Максвелл поднял руку и вытер внезапно вспотевший лоб.

— Не знаю, — сказал он.

— Не знаешь? Но как же ты можешь продавать товар, не зная, чего он стоит, не зная, какую цену просить?

— Они сказали, что еще свяжутся со мной. Они сказали, чтобы я узнал, кого это может заинтересовать. И тогда они сообщат мне цену.

— Хорошенький способ заключать деловые сделки! — возмутился Оп.

— Да, конечно, — согласился Максвелл.

— И у тебя нет даже примерного представления о цене?

— Ни малейшего. Я попытался объяснить им положение, а они не могли понять. Или, может быть, не хотели. И сколько я с тех пор ни ломал над этим голову, я так и не пришел ни к какому выводу. Все, конечно, сводится к вопросу, в чем, собственно, может нуждаться подобная братия. И, хоть убей, я не могу себе этого представить.

— Во всяком случае, — заметил Оп, — они знали, где искать покупателей. И что же ты собираешься предпринять?

— Я попробую поговорить с Арнольдом.

— Ты умеешь выбирать крепкие орешки! — сказал Оп.

— Видишь ли, я могу говорить только с самим Арнольдом. Такой вопрос нельзя пускать по инстанциям. Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Ведь на первый взгляд подобное предложение кажется смехотворным. Если про него проведают репортеры или просто любители сплетен, университет немедленно откажется от каких бы то ни было переговоров. Ведь если он, несмотря на огласку, все-таки что-то предпримет, а сделка сорвется — что не исключено, так как я действую вслепую, — хохотать над ним будут по всей вселенной до самых дальних ее пределов. Расплачиваться же придется Арнольду, и мне, и...

— Арнольд — чиновник, Пит, и больше ничего. Ты это знаешь не хуже меня. Он администратор. Его интересует лишь деловая сторона. От того, что он носит звание ректора, суть не меняется — он коммерческий директор, и только. На науку ему в высшей степени наплевать. И он не рискнет своей карьерой даже ради трех планет, какими бы знаниями они ни были нашпигованы.

— Ректор университета и должен быть администратором...

— Случись это в другое время, — печально добавил Оп, — у тебя еще могли бы быть какие-то шансы. Но в настоящий момент Арнольд

и без того танцует на канате. Когда он перевел ректорат из Нью-Йорка в этот заштатный городишко...

— Знаменитый своими замечательными научными традициями, — перебил Максвелл.

— Университетскую политику меньше всего заботят традиции — научные или какие бы там ни было другие! — объявил Оп.

— Пусть так, но я все равно должен поговорить с Арнольдом. Конечно, я предпочел бы иметь дело с кем-нибудь другим. Однако нравится он мне или не нравится, выбора у меня нет.

— Но ты мог бы вообще отказаться!

— От роли посредника? Ну нет, Оп! И никто на моем месте не отказался бы. Тогда бы они нашли еще кого-нибудь и могли довериться человеку, который не справился бы с такой задачей. Я вовсе не хочу сказать, что сам обязательно с ней справлюсь, но, во всяком случае, я приложу все усилия. А кроме того, ведь речь идет не только о нас, но и о них.

— Ты проникся к ним симпатией?

— Не знаю, можно ли тут говорить о симпатии. Скорее о восхищении. Или о жалости. Они ведь делают все, что в их силах! Они так долго искали, кому бы передать накопленные знания.

— Передать? По-моему, ты говорил о продаже!

— Только потому, что они в чем-то нуждаются. Если бы я знал, в чем именно! Это облегчило бы дело для всех заинтересованных сторон.

— Один побочный вопрос — ты с ними разговаривал? Каким образом?

— С помощью таблиц. Я тебе о них уже рассказывал — о металлических листах, содержащих информацию. Они говорили со мной посредством таблиц, а я отвечал им тем же способом.

— Но как же ты читал...

— Они дали мне приспособление для этого. Что-то вроде защитных очков, только очень больших. Довольно-таки объемистая штука. Наверное, в ней скрыто множество всяких механизмов. В этих очках я свободно читал таблицы. Не письмена, а крохотные закорючки в металле. Это трудно объяснить. Но когда глядишь на них сквозь очки, становится ясно, что они означают. Потом я обнаружил, что фокусировку можно менять по желанию и читать разные слои. Но вначале они просто писали... если тут подходит слово «писать». Ну, как дети пишут вопросы и ответы на грифельных досках. А когда я отвечал, еще одно приспособление, прикрепленное к моим очкам, непосредственно воспроизводило мои мысли.

— Машина-переводчик! — воскликнул Оп.

— Да, пожалуй. Двухстороннего действия.

— Мы пытались сконструировать такой прибор, — сказал Оп. — Говоря «мы», я имею в виду объединенные усилия лучших инженерных

умов не только Земли, но и всего того, что в шутку именуется «известной частью вселенной».

— Да, я знаю.

— А у этих ребят он есть. У твоих призраков.

— У них есть еще очень много всякой всячины, — ответил Максвелл. — Я и миллионной части не видел. Я познакомился лишь с некоторыми образчиками, которые выбирал наугад. Только чтобы убедиться в истинности их утверждений.

— Но одного я так и не могу понять, — сказал Оп. — Ты все время говоришь о планете. А как насчет звезды?

— Планета заключена в искусственную оболочку. Какая-то звезда там есть, насколько я понял, но с поверхности она не видна. Соль ведь в том, что звезда для них необязательна. Если не ошибаюсь, ты знаком с гипотезой пульсирующей вселенной?

— Типа «уйди-уйди»? — спросил Оп. — Та, которая взрывается, а потом снова взрывается и так далее?

— Правильно, — сказал Максвелл. — И теперь мы можем больше уже не ломать над ней головы. Она соответствует действительности. Хрустальная планета — это частица вселенной, существовавшей до того, как возникла наша вселенная. Видишь ли, они успели своевременно во всем разобраться. Они знали, что наступит момент, когда вся энергия исчезнет и мертвая материя начнет медленно собираться в новое космическое яйцо, которое затем взорвется, породив новую вселенную. Они знали, что приближается смертный час их вселенной, который станет смертным часом и для них, если они не найдут какого-то выхода. И они создали планетарный проект. Они засасывали энергию и накопили гигантские ее запасы... Не спрашивай меня, как и откуда они ее извлекли и каким способом хранили. Но, во всяком случае, она находилась в самом веществе их планеты, и потому, когда вся остальная вселенная сгинула в черноте и смерти, они по-прежнему располагали энергией. Они одели планету в оболочку, преобразили ее в свое жилище. Они сконструировали двигатели, которые превратили их планету в независимое тело, несущееся в пространстве, послушно подчиняясь их воле. И до того, как мертвая материя их вселенной начала стягиваться в одну точку, они покинули свою звезду, превратившуюся в черный мертвый уголь, и отправились в самостоятельное путешествие, которое длится до сих пор — обитатели прежнего мира на планете-космолете. Они видели, как погибала их вселенная, предшествовавшая нашей. Они остались одни в пространстве, в котором не было ни единого намека на жизнь, ни единого проблеска света, ни единого биения энергии. Вероятно — точно я не знаю, — они наблюдали образование нового космического яйца. Они могли находиться в неизмеримой дали от него, но все-таки его видеть. А в этом случае они видели и взрыв, положивший начало вселенной, в которой теперь обитаем мы, — ослепительную

вспышку, когда энергия вновь ринулась в пространство. Они видели, как зарделись первые звезды, они видели, как складывались галактики. А когда галактики окончательно сформировались, они отправились в эту новую вселенную. Они могли посещать любые галактики, обращаться по орбите вокруг любой приглянувшейся им звезды, а потом лететь дальше. Они были межгалактическими бродягами. Но теперь их конец недалек. Планета, я думаю, еще на полном ходу, так как машины, снабжающие ее энергией, работают по-прежнему. Наверное, для планеты тоже существует свой предел, но до него еще далеко. Однако сами они, как раса, утратили и жизнеспособность, хотя хранят в своем архиве мудрость двух вселенных.

— Пятьдесят миллиардов лет! — пробормотал Оп. — Пятьдесят миллиардов лет познания мира!

— По меньшей мере, — сказал Максвелл. — Вполне возможно, что срок этот гораздо больше.

Они умолкли, пытаясь охватить мыслью эти пятьдесят миллиардов лет. Огонь в очаге потрескивал и что-то шептал. Издалека донесся бой курантов консерватории, отсчитывающих время.

9

Максвелл проснулся оттого, что Оп тряс его за плечо.

— Тут тебя желают видеть!

Сбросив одеяло, Максвелл спустил ноги с кровати и начал нащупывать брюки. Оп сунул их ему в руку.

— А кто?

— Назвался Лонгфелло. Отвратный надутый тип. Он ждет снаружи. Явно боится войти в хижину из опасения инфекции.

— Ну так пусть убирается к черту! — объявил Максвелл и потянулся за одеялом.

— Нет-нет, — запротестовал Оп. — Я выше оскорблений. Чихать я на него хотел.

Максвелл влез в брюки, сунул ноги в ботинки и притопнул.

— А кто он такой?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Оп.

Максвелл побрел в угол к скамье у стены, налил из ведра воды в таз и ополоснул лицо.

— Который час? — спросил он.

— Начало восьмого.

— Что-то мистер Лонгфелло торопится меня увидеть!

— Он там меряет газон шагами. Изнывает от нетерпения.

Лонгфелло и правда изнывал.

Едва завидев Максвелла в дверях, он бросился к нему с протянутой рукой.

— Профессор Максвелл! — воскликнул он. — Как я рад, что отыскал вас. Это было нелегко. Но мне сказали, что я, возможно, найду вас здесь, — он посмотрел на хижину, и его длинный нос чуть-чуть сморщился. — И я рискнул.

— Оп, — спокойно сказал Максвелл, — мой старый и близкий друг.

— Может быть, прогуляемся немного? — предложил Лонгфелло. — Удивительно приятное утро! Вы уже позавтракали? Ах да! Конечно же нет!

— Если бы вы сказали мне, кто вы такой, это значительно упростило бы дело, — заметил Максвелл.

— Я работаю в ректорате. Стивен Лонгфелло, к вашим услугам. Личный секретарь ректора.

— Вы-то мне и нужны! — сказал Максвелл. — Мне необходимо встретиться с ректором, и как можно скорее.

Лонгфелло покачал головой.

— Могу сразу же сказать, что это невозможно.

Они неторопливо пошли по тропинке, ведущей к шоссе. С могучего каштана, осенявшего тропинку, медленно слетали листья, отливавшие червонным золотом. Дальше на фоне голубого утреннего неба багряным факелом пылал клен. И высоко над ним к югу уносился треугольник утиной стаи.

— Невозможно? — повторил Максвелл. — Это звучит как окончательный приговор. Словно вы обдумали мою просьбу заранее.

— Если вы хотите что-нибудь сообщить доктору Арнольду, — холодно проинформировал его Лонгфелло, — вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и...

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанции. Отсрочки, оттяжки, проволочки, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

— Профессор Максвелл, — сказал Лонгфелло, — я буду говорить с вами откровенно. Вы человек настойчивый и, мне кажется, довольно упрямый, а с людьми такого типа обиняки ни к чему. Ректор вас не примет. Он ни в коем случае не может вас принять.

— По-видимому, из-за того, что нас было двое? И один из нас умер?

— Все утренние газеты будут этим полны. Гигантские заголовки: человек воскрес из мертвых! Может быть, вы слушали вчера радио или смотрели какую-нибудь телевизионную программу?

— Нет, — сказал Максвелл.

— Ну так вы — сенсация дня. И должен признаться, положение создалось весьма неприятное.

— Попросту говоря, назревает скандал?

— Если угодно. А у ректората довольно хлопот и без того, чтобы еще вмешиваться в историю вроде вашей. У нас уже на руках Шекспир

и все, что отсюда вытекает. Тут мы не могли остаться в стороне, но обременять себя еще и вами мы не станем.

— Неужели у ректората нет ничего важнее Шекспира и меня? — спросил Максвелл. — А возрождение дуэлей в Гейдельберге? И спор о том, этично ли допускать некоторых внеземных студентов в футбольные команды, и...

— Но поймите же! Важно то, что происходит именно в этом городке! — простонал Лонгфелло.

— Потому что сюда перевели ректорат? Хотя Оксфорд, Гарвард и десяток других...

— Если хотите знать мое мнение, — сухо сказал Лонгфелло, — то я считаю, что попечительский совет поступил несколько необдуманно. Это создало для ректората множество трудностей.

— А что произойдет, если я поднимусь на вершину холма, войду в здание ректората и начну стучать кулаком по письменным столам? — спросил Максвелл.

— Вы это сами прекрасно знаете. Вас вышвырнут вон.

— А если я приведу с собой полки журналистов и телевизионных операторов, которые будут ждать моего возвращения у дверей?

— В этом случае вас, вероятно, не вышвырнут. И, возможно, вы даже прорветесь к ректору. Но могу вас заверить, что при подобных обстоятельствах вы заведомо ничего не добьетесь.

— Следовательно, — сказал Максвелл, — я заранее обречен на неудачу, что бы я ни пытался предпринять.

— Собственно говоря, — сообщил ему Лонгфелло, — я пришел к вам сегодня совсем для другого. Мне было поручено передать вам приятное известие.

— Не сомневаюсь! Так какую же косточку вы собирались мне бросить, чтобы я тихо исчез со сцены?

— Вовсе не косточку! — обиженно заявил Лонгфелло. — Я уполномочен предложить вам пост декана в экспериментальном институте, который наш университет организует на Готике Четыре.

— А, на планете с колдуньями и магами?

— Перед специалистом в вашей области этот пост открывает огромные возможности, — убедительно сказал Лонгфелло. — Планета, где магические свойства развивались без помех со стороны разумных существ иного типа, как это произошло на Земле...

— И расстояние в сто пятьдесят миллионов световых лет, — заметил Максвелл. — Далековато и, наверное, нудно. Однако оплачивается эта миссия, вероятно, неплохо?

— Весьма и весьма, — ответил Лонгфелло.

— Нет, спасибо, — сказал Максвелл. — Моя работа здесь меня вполне удовлетворяет.

— Работа?

— Ну конечно. Разрешите напомнить вам, что я профессор факультета сверхъестественных явлений.

Лонгфелло покачал головой.

— Уже нет, — объявил он. — Простите, но я должен вам напомнить, что вы скончались более трех недель назад. А открывающиеся вакансии заполняются немедленно.

— То есть мое место уже занято?

— Ну разумеется, — заметил Лонгфелло. — В настоящее время вы безработный.

10

Официант принес омлет с грудинкой, налил кофе и удалился, оставив Максвелла одного. За огромным окном голубым зеркалом простиралось озеро Мендота, и холмы на дальнем берегу терялись в лиловой дымке. По стволу кряжистого дуба у самого окна пробежала белка и вдруг замерла, уставившись глазами-бусинами на человека за столиком. Красно-бурый дубовый лист оторвался от ветки и, неторопливо покачиваясь, спланировал на землю. По каменистому откосу у воды шли рука об руку юноша и девушка, окутанные утренней озерной тишиной.

Куда воспитаннее и цивилизованнее было бы принять приглашение Лонгфелло и позавтракать с ним, подумал Максвелл. Но в ту минуту он чувствовал, что сыт секретарем ректора по горло, и ему хотелось только одного: наедине с самим собой оценить положение и кое о чем поразмыслить — хотя, возможно, времени на размышления у него уже не оставалось.

Он оказался прав — шансов увидеться с ректором у него почти не было, и не только потому, что тот был чрезвычайно занят, а его подчиненные настаивали на строжайшем соблюдении всех тонкостей священной бюрократической процедуры, но еще и потому, что по не вполне понятной причине ситуация с удвоившимся Питером Максвеллом запахла скандалом, от которого Арнольд жаждал держаться как можно дальше. Глядя в выпученные беличьи глазки, Максвелл прикидывал, не могла ли позиция ректора объясняться беседой с инспектором Дрейтоном. Может быть, служба безопасности взялась за Арнольда? Это казалось маловероятным, но все же возможным. Как бы то ни было, о нервном состоянии Арнольда можно было судить по той поспешности, с какой ему был предложен пост на Готике IV. Ректорат не только не хотел иметь ничего общего с этим вторым Питером Максвеллом, но и предпочел бы убрать его с Земли на захолустную планету, где он вскоре был бы всеми забыт.

После смерти того, другого Питера Максвелла его место на факультете, естественно, не могло оставаться незаполненным — студенты дол-

жны учиться и кто-то должен вести его курс. Тем не менее для него можно было бы подыскать что-нибудь и здесь. А если этого не сделали и сразу же предложили ему пост на Готике IV, следовательно, на Земле он мешает.

И все-таки странно! Ведь о том, что существовало два Питера Максвелла, ректорату стало известно лишь накануне, а до тех пор никакой проблемы вообще не было. А это значит, решил Максвелл, что кто-то уже успел побывать в ректорате — кто-то, стремящийся избавиться от него, кто-то, опасающийся, что он помешает... Но чему? Ответ напрашивался сам собой, и самая эта легкость вызвала у Максвелла инстинктивное ощущение, что он ошибается. Однако, сколько он ни раздумывал, ответ был только один: кто-то еще знает о сокровищах библиотеки хрустальной планеты и пытается ими завладеть.

Во всяком случае, ему известно одно имя — Черчилл. Кэрол сказала, что к переговорам о продаже Артефакта, которые ведет Институт времени, имеет отношение какой-то Черчилл... А вдруг Артефакт и есть цена, за которую можно получить библиотеку хрустальной планеты? Конечно, слишком полагаться на это нельзя, и тем не менее... ведь никому не известно, что такое Артефакт.

И если подумать, Черчилл — самый подходящий человек для устройства подобных сделок. Конечно, только как подставное лицо, по поручению кого-то, кто не может выступить открыто. Ведь Черчилл профессиональный посредник и знает все ходы и выходы. У него есть связи, и за долгие годы он, наверное, обзавелся источниками информации в самых разных влиятельных учреждениях.

Но в этом случае, подумал Максвелл, его собственная задача очень усложняется. Ему теперь надо остерегаться не только огласки, неизбежной, если бы он обратился в обычные инстанции, — возникала опасность, что его сведения попадут во враждебные руки и будут обращены против него.

Белка уже соскочила со ствола и теперь деловито сновала по спускающейся к озеру лужайке, шурша опавшими листьями в надежде отыскать желудь, которого не углядела раньше. Юноша и девушка скрылись из вида, и поднявшийся легкий ветерок морщил зеркальную поверхность озера.

Зал был почти пуст — те, кто начал завтракать раньше, уже кончили и ушли. С верхнего этажа доносились звуки голосов и шарканье подошв — это студенты собирались в клубе, где они обычно проводили свободное от занятий время.

Это здание было одним из самых старых в городке и, по мнению Максвелла, самым прекрасным. Уже более пятисот лет оно служило уютным местом встреч и занятий для многих поколений, и множество чудесных традиций превратило его в родной дом для бесчисленных тысяч студентов. Тут они находили тишину и покой для размышлений и занятий, и уютные уголки для дружеской беседы, и комнаты для

бильярда и шахмат, и столовые, и залы для собраний, и укромные маленькие читальни, где стенами служили полки с книгами.

Максвелл отодвинул стул от столика, но остался сидеть — ему не хотелось вставать и уходить, так как он понимал, что, покинув этот тихий приют, будет вынужден сразу же погрузиться в водоворот трудных проблем. За окном золотое осеннее утро нежилось в лучах солнца, которое поднималось все выше и пригревало все сильнее, обещая день, полный золотых метелей опадающих листьев, голубой дымки на дальних холмах, торжественного великолепия хризантем на садовых клумбах, пригашенного сияния златоцвета и астр в лугах и на пустырях.

За его спиной послышался торопливый топоток множества ног в тяжелой обуви, и, повернувшись, он увидел, что собственник этих ног быстро приближается к нему по красным плиткам пола.

Больше всего это существо напоминало гигантского сухопутного краба — членистые ноги, нелепо наклоненное туловище, длинные гротескные выросты (по-видимому, органы чувств) над непропорционально маленькой головой. Он был землисто-белого цвета. Три черных глаза-шарика подрагивали на концах длинных стебельков.

Существо остановилось перед столиком, и три стебелька сошлись, направив глаза на Максвелла. Оно заговорило высоким пискливым голосом, и кожа на горле под крохотной головкой быстро запульсировала.

— Сообщено мне, что вы есть профессор Максвелл.

— Вас не обманули, — сказал Максвелл. — Я действительно Питер Максвелл.

— Я есть обитатель мира, вами названного Наконечник Копья Двадцать Семь. Имя, мною имеемое, вам интересно не есть. Я являюсь к вам с поручением лица, меня нанимающего. Возможно, вам оно известно под наименованием мисс Нэнси Клейтон.

— Еще бы! — сказал Максвелл и подумал, насколько это в духе Нэнси — нанять в качестве посыльного столь явно внеземное существо.

— Я тружусь на свое образование, — объяснил Краб. — Я выполняю работу, какую нахожу.

— Весьма похвально, — заметил Максвелл.

— Я прохожу курс математики времени, — сообщил Краб. — Я специализируюсь на конфигурации линий вселенной. Я лихорадочно этим увлечен.

По виду Краба было трудно поверить, что он способен на увлечение, и тем более лихорадочное.

— Но чем объясняется подобный интерес? — спросил Максвелл. — Какими-то особенностями вашей родной планеты? Вашими культурными традициями?

— О, весьма и весьма! Абсолютно новая идея есть. На моей планете нет представления о времени, никакого восприятия такого явления, как время. Очень есть потрясен узнать о нем. И заинтересован. Но я чрезмерно уклоняюсь. Я есть здесь с поручением. Мисс Клейтон желает

знать, способны вы посетить ее прием вечером данного дня. У нее в восемь по часам.

— Пожалуй, я приду, — сказал Максвелл. — Передайте ей, что я всегда стараюсь не пропускать ее приемов.

— Чрезмерно рад! — объявил Краб. — Она столь хочет получить вас там. Вы есть говоримы о.

— Ах так! — сказал Максвелл.

— Вас тяжко находить. Я бегаю быстро и тяжко. Я спрашиваю во многих местах. И вот — победоносен.

— Мне очень жаль, что я причинил вам столько беспокойства, — сказал Максвелл, опуская руку в карман и извлекая кредитку.

Существо протянуло одну из передних ног, ухватило кредитку клешней, сложило ее несколько раз и засунуло в маленькую сумку, открывшуюся на его груди.

— Вы добры более ожидания, — пропищало оно. — Еще одно сведение. Причина приема — представление гостям картины, недавно приобретенной. Картины очень долго утраченной и исчезнувшей. Кисти Альберта Ламберта, эсквайра. Большой триумф для мисс Клейтон.

— Не сомневаюсь, — сказал Максвелл. — Мисс Клейтон — специалистка по триумфам.

— Она, как наниматель, любезна, — с упреком возразил Краб.

— Конечно, конечно, — успокоил его Максвелл.

Существо быстро переставило ноги и галопом выбежало из зала. Максвелл услышал, как оно протопало вверх по лестнице, ведущей к выходу на улицу. Потом он встал и тоже направился к дверям. Если прием посвящен картине, подумал он, полезно будет поднабраться сведений о художнике. И усмехнулся — уж наверное почти все, кого Нэнси пригласила, займутся сегодня тем же.

Ламберт? Фамилия показалась ему знакомой. Что-то он о нем читал... возможно, очень давно. Статью в каком-нибудь журнале, коротая свободный час?

II

Максвелл открыл книгу.

«Альберт Ламберт, — гласила первая страница, — родился в Чикаго (штат Иллинойс) 11 января 1973 года. Славу ему принесли картины, исполненные причудливого символизма и гротеска, однако его первые работы никак не позволяли предугадать последующий взлет его таланта. Хотя они были достаточно профессиональны и свидетельствовали о глубоком проникновении в тему, их нельзя назвать выдающимися. Период гротеска в его творчестве начался после того, как ему исполнилось пятьдесят лет, причем его талант развивался не постепенно, а достиг расцвета буквально за один день, словно художник работал в этом

направлении тайно и не показывал картин в своей новой манере до тех пор, пока не был полностью удовлетворен тем, что создал. Однако никаких фактических подтверждений подобной гипотезы не найдено; наоборот, существуют данные, свидетельствующие, что она не...»

Максвелл бросил читать, открыл книгу на цветных репродукциях и быстро перелистал образчики раннего творчества художника. И вдруг на какой-то странице картины стали совсем иными — тематика, колорит и даже, подумал Максвелл, сама манера. Перед ним словно были произведения двух художников: один давал выход интеллектуальной потребности в упорядоченном самовыражении, а другой был весь захвачен, поглощен, одержим каким-то потрясшим его переживанием, от которого он пытался освободиться, перенеся его на холст.

Скупая, темная, грозная красота рвалась со страницы, и Максвеллу почудилось, что в сумрачной тишине читальни он различает шорох черных крыльев. Немыслимые существа взмывали над немыслимым ландшафтом, и все же Максвеллу почудилось, что и этот ландшафт, и эти существа не были простой фантазией, прихотливой причудой намеренно затуманенного сознания, но четко укладывались в рамки какой-то неслыханной гармонии, опирающейся на логику и мироощущение, чуждые всему тому, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Форма, цвет, подход к теме и ее интерпретация не были просто искажением человеческих представлений; наоборот, зритель немедленно проникался убеждением, что они были вполне реалистическим воспроизведением чего-то, что лежит за пределами человеческих представлений. «Причудливый символизм и гротеск» — говорилось в предисловии... Может быть, сказал себе Максвелл, но в таком случае символизм этот возник в результате и на основе самого тщательного изучения натуры.

Он открыл следующую репродукцию и вновь увидел такой же полнейший уход от всего человеческого — иные существа в иной ситуации на фоне иного ландшафта, но несущие в себе столь же ошеломляющее ощущение реальности; нет, все это не было плодом воображения художника, все это он когда-то видел, а теперь изгонял из сознания и памяти. Вот так, подумал Максвелл, человек яростно намыливает руки куском едкого и грубого мыла и снова и снова трет их, пытаясь с помощью физических средств избавиться от следов психической травмы. Возможно, художник созерцал эту сцену не непосредственно, а через зрительный аппарат давно исчезнувшей и никому теперь не известной расы.

Максвелл сидел, завороженно глядя на страницу книги, не в силах оторваться от нее, захваченный в плен жуткой и зловещей красотой, скрытым и ужасным смыслом, которого он не мог постичь. Краб сказал, что Время было неизвестно его расе, что этот универсальный фактор никак не воздействовал на культуру его планеты, а вот здесь, в этих

цветных репродукциях, крылось что-то неизвестное людям, не грезившееся им даже во сне.

Максвелл протянул руку, чтобы закрыть книгу, но вдруг заколебался, словно по какой-то причине книгу закрывать не следовало, словно ему почему-то было необходимо еще пристальнее вглядеться в репродукцию.

И в этот момент он осознал, что в ней прячется нечто загадочное, ускользающее и притягательное.

Он положил руки на колени и продолжал смотреть на репродукцию, потом медленно перевернул страницу, и, взглянув на третью репродукцию, внезапно поймал то, что раньше от него ускользало — особые мазки создавали эффект неуловимого движения, туманной нечеткости, словно мгновение назад здесь что-то мерцало и сразу же исчезло, оставаясь за гранью зрения, но где-то совсем рядом.

Полуоткрыв рот, Максвелл вглядывался в загадочное мерцание — разумеется, это был оптический обман, рожденный виртуозным мастерством художника. Но пусть даже оптический обман — все равно он был томительно знаком тому, кто побывал на хрустальной планете и видел ее призрачных обитателей.

И глубокая тишина сумрачной читальни зазвенела вопросом, на который не было ответа: откуда Альберт Ламберт мог узнать про обитателей хрустальной планеты?

12

— Мне сообщили о твоем возвращении, — заявил Аллен Престон. — И я просто не мог поверить. Однако источник, из которого я получил эти сведения, настолько надежен, что я попытался связаться с тобой. Ситуация мне не слишком нравится, Пит. Как юрист, должен сказать, что ты очутился в очень незавидном положении.

Максвелл опустился в кресло перед столом Престона.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Начать хотя бы с того, что я лишился работы. Можно ли в подобном случае добиться восстановления?

— В подобном случае? — переспросил Престон. — А как, собственно, обстоит дело? Никто этого ясно не представляет. Разговоров много, но никому ничего толком не известно. Я сам...

Максвелл криво усмехнулся.

— Да, конечно. Ты был рад составить определенное мнение. Ведь ты ошеломлен, растерян и опасаешься за свой рассудок. И сейчас ты задаешь себе вопрос, действительно ли я Питер Максвелл.

— А ты действительно Питер Максвелл? — спросил Престон.

— Я в этом уверен. Но если ты сомневаешься, я на тебя не обижусь... и ни на кого другого. Нас, несомненно, было двое. Что-то про-

изошло с моей волновой схемой. Один из нас отправился в систему Енотовой Шкуры, другой — куда-то еще. Тот, кто отправился в Енотовую Шкуру, вернулся на Землю и умер. А я вернулся вчера.

— И обнаружил, что умер?

Максвелл кивнул.

— Моя квартира сдана, все мое имущество исчезло. Университет заявил, что на мое место взят другой преподаватель, и я остался без работы. Вот почему я и спрашиваю, можно ли добиться восстановления.

Престон откинулся на спинку кресла и задумчиво скосил глаза на Максвелла.

— С точки зрения закона, — сказал он, — позиция университета, бесспорно, неуязвима. Ты же мертв, понимаешь? И у них по отношению к тебе нет никаких обязательств. Во всяком случае, до той поры, пока твои права не будут подтверждены.

— После нескончаемых судебных разбирательств?

— Боюсь, что да. Дать тебе точный ответ на твой вопрос я пока не могу. Ведь это беспрецедентно. О, разумеется, известны случаи неверного установления личности, когда умершего ошибочно опознавали как кого-то другого, кто на самом деле был жив. Но ведь тут никакой ошибки не произошло. Человек, который бесспорно был Питером Максвеллом, столь же бесспорно мертв, а прецедента установления личности при подобных обстоятельствах не существует. Этот прецедент должны будем создать мы путем кропотливейших юридических исследований, на которые, возможно, потребуются годы. По правде говоря, я еще толком не представляю себе, с чего следует начать. Безусловно, какая-нибудь зацепка отыщется и все можно будет уладить, но это потребует сложнейшей работы и предварительной подготовки. В первую очередь необходимо будет установить юридически, кто ты такой.

— Кто я такой? Но ради всего святого, Аллен! Мы же это знаем.

— Мы, но не закон. Для закона ты в настоящем своем положении не существуешь. Юридически ты никто. Абсолютно никто. Все твои документы были отправлены в архив и, несомненно, уже подшиты...

— Но все мои документы при мне, — спокойно сказал Максвелл. — Вот в этом кармане.

Престон с недоумением уставился на него.

— Ах да! Конечно, они должны быть при тебе. Ну и клубок!

Он встал и прошелся по кабинету, покачивая головой. Потом вернулся к столу и снова сел.

— Дай я подумаю, — сказал он. — Мне нужно немножко времени, чтобы разобраться... Я что-нибудь откопаю. Мы должны отыскать какую-нибудь зацепку. И сделать нам нужно очень много. Вот хотя бы твое завещание...

— Мое завещание? Я о нем начисто забыл. Ни разу даже не вспомнил.

— Оно рассматривается в нотариате. Но я добьюсь отсрочки.

— Я завещал все брату, который служит в Корпусе исследователей космоса. Я мог бы связаться с ним, хотя, вероятно, это будет очень нелегко. Он ведь из одной экспедиции почти немедленно отправляется в следующую. Но важно другое: затруднений в этом отношении у нас не будет. Как только он узнает, что произошло...

— К сожалению, — сказал Престон, — решает не он, а суд. Конечно, все должно уладиться, но времени на это, возможно, потребуется много. А до тех пор ты не имеешь никаких прав на свое имущество. У тебя нет ничего, кроме одежды, которая сейчас на тебе, и содержимого твоих карманов.

— Университет предложил мне пост декана экспериментального института на Готике Четыре. Но я не намерен соглашаться.

— А как у тебя с деньгами?

— Пока все в порядке. Он пригласил меня пожить у него. И на ближайшее время денег мне хватит. Ну, а в случае необходимости я могу подыскать временную работу. Если понадобится, Харлоу Шарп мне, конечно, поможет. На крайний случай возьмет в экспедицию. Это должно быть интересно.

— Но разве в такие экспедиции берут людей без диплома Института времени?

— В качестве подсобных рабочих берут. Но для чего-либо более ответственного диплом, я полагаю, необходим.

— Прежде, чем я начну действовать, — сказал Престон, — мне нужно точно знать, что именно произошло. Во всех подробностях.

— Я напишу для тебя полное изложение событий. И заверю у нотариуса. Все, что тебе угодно.

— Мне кажется, — заметил Престон, — мы можем предъявить иск транспортному управлению. Это по их вине ты оказался в таком положении.

— Не сейчас, — уклончиво ответил Максвелл. — Этим можно заняться и позже.

— Ну, пиши изложение событий, — сказал Престон. — А я пока подумаю и пороюсь в кодексах. Тогда уж начнем. Ты видел газеты? Смотрел телепередачи?

Максвелл покачал головой.

— У меня не было времени.

— Репортеры неистовствуют, — сказал Престон. — Просто чудо, что они тебя еще не разыскали. Уж конечно, они охотятся за тобой. Пока ведь у них нет ничего, кроме предположений. Вчера вечером тебя видели в «Свинье и Свистке». Там тебя опознало множество людей — во всяком случае, так они утверждают. В настоящий момент считается, что ты воскрес из мертвых. На твоем месте я постарался бы не попадаться репортерам. Но если они тебя найдут, не говори им ничего. Абсолютно ничего.

— Можешь быть спокоен, — сказал Максвелл.

Они умолкли и в наступившей тишине некоторое время смотрели друг на друга.

— Какой клубок! — задумчиво произнес Престон. — Какой потрясающий клубок! Нет, Пит, я чувствую, что возиться с ним будет одно удовольствие.

— Кстати, — сказал Максвелл, — Нэнси Клейтон пригласила меня на свой сегодняшний вечер. Я все думаю, нет ли тут какой-нибудь связи... Хотя почему же? Она и раньше меня иногда приглашала.

— Но ты же знаменитость! — улыбнулся Престон. — И, значит, чудесный трофей для Нэнси.

— Ну, не знаю, — сказал Максвелл. — Она от кого-то услышала, что я вернулся. И, конечно, в ней заговорило любопытство.

— Да, — сухо согласился Престон. — В ней, конечно, заговорило любопытство.

13

Максвелл почти не сомневался, что возле хижины Опа его подстерегают репортеры, но там никого не было. По-видимому, они еще не пронюхали, где он остановился.

Хижину окутывала сонная предвечерняя тишина, и осеннее солнце щедро золотило старые доски, из которых она была сколочена.

Две-три пчелы лениво жужжали над клумбой с астрами у двери, а над склоном, в туманной дымке уходившем к шоссе, порхали желтые бабочки.

Максвелл приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Хижина была пуста. Оп где-то бродил, и Духа тоже не было видно. В очаге алела куча раскаленных углей.

Максвелл закрыл дверь и сел на скамью у стены.

Вдали на западе голубым стеклом поблескивало одно из четырех озер, между которыми стоял городок. Пожухлая осока и вянущая трава придавали ландшафту желто-бурый колорит. Там и сям маленькими островками пламенели купы деревьев.

Теплота и спокойствие, думал Максвелл. Край, где можно тихо грезить. Ничем не похожий на мрачные, яростные пейзажи, которые столько лет назад писал Ламберт.

Он не понимал, почему эти ландшафты репейником вцепились в его сознание. И еще он не понимал, откуда художник мог узнать, как мерцают призрачные обитатели хрустальной планеты. Это не было случайным совпадением; человек не способен вообразить подобное из ничего. Рассудок говорил ему, что Ламберт должен был что-то знать об этих людях-призраках. И тот же рассудок говорил, что это невозможно.

Ну, а все остальные существа, все эти гротескные чудища, которых Ламберт разбросал по холсту яростной, безумной кистью? Как объяс-

нить их? Откуда они взялись? Или они были просто лоскутами безумной фантазии, кровоточащими, вырванными из странно и мучительно бредящего сознания? Были ли обитатели хрустальной планеты единственными реальными созданиями из всех тех, кого рисовал Ламберт? Это казалось маловероятным. Где-то, когда-то, каким-то образом Ламберт видел и этих, остальных. А ландшафты? Были ли они только плодом воображения, фоном, подкреплявшим впечатление, которое создавали фантастические существа? Или же такой была хрустальная планета в неизмеримо давнюю эпоху, когда ее еще не заключили в оболочку, навеки укрывшую ее от остальной вселенной? Но нет, решил он, это невозможно! Ведь планету покрыли оболочкой еще до того, как возникла нынешняя вселенная. Десять миллиардов лет назад, если не все пятьдесят.

Максвелл беспокойно нахмурился. Во всем этом не было смысла. Ни малейшего. А у него и без картин Ламберта хватает хлопот. Он потерял место, на его имущество наложен арест, юридически он просто не существует.

Но все это не так уж важно, во всяком случае сейчас. Главное — сокровищница знаний на хрустальной планете. Она должна принадлежать университету — свод знаний, несомненно, превосходящий все, что удалось накопить всем разумным существам известной части вселенной. Конечно, что-то будет лишь повторением старых открытий, но он был убежден, что металлические листы хранят много такого, о чем нынешняя вселенная еще и не помышляла. Та ничтожная крупица, с которой он успел ознакомиться, подкрепляла это убеждение.

И ему вдруг показалось, что он вновь сгибается над столиком вроде журнального, на который он положил стопку металлических листов, сняв их с полки, а на глаза у него надето приспособление для чтения... или для перевода... А, не в названии дело!

Один металлический лист говорил о сознании не как о метафизическом или философском понятии, но как о механизме; однако он не сумел разобраться в терминологии, не смог постичь совершенно новых понятий. Он прилагал отчаянные усилия, вспоминал Максвелл, так как уловил, что перед ним труд о еще никем не открытой области восприятия, но потом, отчаявшись, отложил этот лист. А другой лист, по-видимому, руководство по применению определенных математических принципов к социальным наукам; правда, о сути некоторых из упомянутых наук он мог только догадываться, шаря среди идей и понятий на ощупь и наугад, точно слепец, ловящий порхающих бабочек. А свод истории? Не одной вселенной, но двух! И историческая биология, повествующая о формах жизни, настолько фантастических в самой своей основе и в своих функциях, что в их реальность невозможно было поверить. А тот удивительно тонкий лист, такой тонкий, что он гнулся и сворачивался в руке, как бумажный, — его содержание было ему абсолютно недоступно, и он даже не сумел уловить, о чем идет речь.

Тогда он взял лист потолще, намного толще, и познакомился с мыслями и философией существ и культур, давно уже рассыпавшихся прахом, и испытал невыразимый ужас, отвращение, гнев и растерянность, к которым примешивалось робкое изумление перед полнейшей нечеловечностью этих философий.

Все это — и больше, несравненно больше, в триллионы раз больше — ожидало ученых там, на хрустальной планете.

Нет, он должен, он обязан выполнить возложенное на него поручение. Он должен добиться, чтобы библиотеку хрустальной планеты получила Земля, и сделать это следует как можно быстрее, хотя никаких сроков ему поставлено не было. Ведь если он потерпит неудачу, обитатели планеты, несомненно, предложат свой товар кому-нибудь еще в другом секторе Галактики, а может быть, и вообще в другой галактике.

Пожалуй, решил Максвелл, их интересует Артефакт, хотя полной уверенности в этом нет. Однако кто-то хочет его приобрести, причем в сделке замешан Черчилл, а потому такое предположение похоже на истину. И все-таки вдруг это не так? Артефакт мог понадобиться кому-нибудь еще совсем по иной причине — например, кто-то сумел разгадать его назначение... Максвелл попробовал представить себе, в чем может заключаться это назначение, но вскоре зашел в тупик.

Стайка дроздов стремительно упала с неба, пронеслась над самой крышей хижины и повернула в сторону шоссе. Максвелл следил за тем, как черные птички опустились на пожелтевший бурьян у болотца за шоссе, изящно покачиваясь на сгибающихся стеблях. До заката они будут кормиться тут, а потом улетят в какую-нибудь укромную лесную чащу, где переночуют, чтобы завтра отправиться дальше на юг.

Максвелл встал и потянулся. Мирное спокойствие золотистого дня совсем его разнежило. Хорошо бы вздремнуть немножко, подумал он. А потом придет Оп и разбудит его, и у них будет время перекусить и поговорить, прежде чем он отправится к Нэнси.

Он открыл дверь, вошел в хижину и сел на кровать. Тут ему пришло в голову, что нехудо было бы проверить, найдется ли у него на вечер чистая рубашка и пара носков. Вытащив чемодан, он положил его на кровать, отпер, откинул крышку и вынул брюки, чтобы добраться до рубашек под ними. Рубашки он нашел, а кроме них — маленький аппарат, прикрепленный к большим очкам.

Максвелл сразу узнал этот аппарат и даже рот раскрыл от изумления. Автоматический переводчик, с помощью которого он читал на хрустальной планете металлические листы! Он поднял аппарат и взвесил его на ладони. Вот лента, охватывающая голову, с генератором энергии сзади, и очки, которые нужно опустить на глаза, когда аппарат надет.

Наверное, он случайно сунул его в чемодан, решил Максвелл, хотя как это могло произойти? Но что же теперь делать? А впрочем, это,

пожалуй и неплохо. Аппарат еще может пригодиться в будущем, в качестве доказательства, что он действительно побывал на этой планете. Правда, насколько это доказательство весомо? По виду — ничего особенного. Однако если заглянуть в механизм, напомнил он себе, эта штука, вероятно, не покажется такой уж обыкновенной...

Раздался легкий стук, и Максвелл, вздрогнув, начал напряженно прислушиваться. Поднялся ветер, и ветка ударяет по крыше? Но ветки обычно стучат совсем не так.

Стук оборвался, а затем раздался снова, но теперь он стал прерывистым, словно сигнал: три удара, пауза, еще два быстрых удара и снова пауза, а потом все сначала.

Кто-то стучал в дверь.

Максвелл вскочил, но остановился в нерешительности. Возможно, репортерам наконец удалось его выследить. Но вдруг они только предполагают, что он может быть здесь? В таком случае лучше не откликаться. Но даже один репортер стучал бы куда громче и увереннее. А этот стук был тихим, почти робким, словно тот, кто был за дверью, чего-то опасался или стеснялся. Ну, а если это все-таки репортеры, молча выжидать нет никакого смысла: дверь отперта и, не получив ответа, они наверняка толкнут ее и войдут без приглашения.

Стук на мгновение замер, затем раздался снова. Максвелл на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Снаружи стоял Краб, белея в лучах заходящего солнца, точно привидение. Под одной из своих конечностей, которая в настоящий момент, по-видимому, играла роль руки, а не ноги, он держал большой пакет.

— Да входите же! Пока вас тут никто не увидел, — нетерпеливо сказал Максвелл.

Краб вошел, а Максвелл, закрывая дверь, удивился, с какой стати он потребовал, чтобы это существо вошло в хижину.

— Вам не нужны опасения, — заявил Краб, — касательно жнецов новостей. Я был осторожен, и я глядел. За мной никто не следил. У меня такой нелепый вид, что за мной никогда не следят. Никто никогда не полагает, что я могу действовать сообразно с целью.

— Очень выгодная особенность, — заметил Максвелл. — По-моему, это называется защитной окраской.

— Я появляюсь вновь по указанию мисс Нэнси Клейтон, — продолжал Краб. — Она знает, что вы ездили в путешествие без багажа и не имели случая сделать покупку или стирку. Без желания причинить обиду — это мне указано сказать с отменным чувством — она желает прислать вам костюм для ношения.

Он вынул из-под конечности сверток и протянул его Максвеллу.

— Очень любезно со стороны Нэнси.

— Она — заботливое лицо. Она поручила мне сказать далее.

— Валяйте!

— Колесный экипаж прибудет отвезти вас к ее дому.

— Зачем? — удивился Максвелл. — Шоссе проходит совсем рядом с ним.

— Еще одно извинение, — твердо объявил Краб, — но она считает, что нужно так. Очень много типов разных существ снуют там и сям, чтобы узнать место, где вы есть.

— Кстати, — сказал Максвелл, — а откуда его узнала мисс Клейтон?

— Поистине сие мне неведомо, — ответил Краб.

— Ну хорошо. Поблагодарите от меня мисс Клейтон, пожалуйста.

— С восторгом и удовольствием, — сказал Краб.

14

— Я подвезу вас к черному ходу, — объяснил шофер. — Перед парадным кишмя кишат репортеры. Потом они разойдутся, но сейчас рыщут там стаями. Мисс Клейтон думает, что вы, возможно, предпочтете с ними не встречаться.

— Спасибо, — сказал Максвелл. — Вы очень предусмотрительны.

Нэнси, подумал он как обычно, все предусмотрела, присваивая себе привилегию организовывать жизнь других людей.

Ее дом стоял на невысоком обрыве над самым берегом озера. Слева от дороги в лучах недавно взошедшей луны поблескивала вода. Фасад дома был озарен множеством огней, но задняя его сторона была погружена во мрак.

Машина свернула с подъездной аллеи и начала медленно взбираться по узкой крутой дороге, окаймленной могучими дубами. Вспугнутая птица с криком стремительно пронеслась у самых фар, отчаянно взмахивая крыльями. Откуда-то навстречу машине выбежали два разъяренных пса и помчались по бокам, точно конвой.

Шофер усмехнулся.

— Если бы вы шли пешком, они сожрали бы вас заживо.

— Но с каких это пор Нэнси охраняет собачья свора? — спросил Максвелл.

— Мисс Клейтон тут ни при чем, — ответил шофер. — Они охраняют совсем не ее.

У Максвелла на языке вертелся новый вопрос, но он не стал его задавать.

Машина свернула под аркаду и остановилась.

— Вот в эту дверь, — сказал шофер. — Стучать не надо. Пройдете прямо через холл мимо винтовой лестницы. Гости в большом зале.

Максвелл хотел было открыть дверцу машины, но в нерешительности отнял руку.

— О собаках не думайте, — сказал шофер. — Они знают эту машину. И тех, кто из нее выходит, в жизни не тронут.

Впрочем, собак вообще нигде не было видно, и Максвелл, быстро поднявшись по трем ступенькам на крыльцо, распахнул дверь.

Холл был погружен в темноту. Только на винтовую лестницу падал отблеск света — по-видимому, на втором этаже горела лампочка. Кругом же царила полная тьма. Откуда-то доносились приглушенные звуки музыки и голоса.

Максвелл простоял несколько секунд, не двигаясь, и, когда его глаза привыкли к темноте, различил, что холл простирается и за винтовую лестницу. Вероятно, там дверь или коридор...

Странно! Если уж Нэнси распорядилась, чтобы шофер высадил его у задней двери, то почему она не поручила кому-нибудь встретить его здесь? И во всяком случае, она могла бы сказать, чтобы свет не гасили — тогда он сам отыскал бы дорогу.

Да, странно и довольно глупо — приехать на званый вечер и ощупью отыскивать путь к остальным гостям. Не лучше ли будет просто повернуться и уйти? Вернуться к Опу... Но тут Максвелл вспомнил о собаках. Они, конечно, рыщут вокруг дома; а судя по виду, ничего хорошего от них ждать не приходится.

Что-то тут не так! Это совсем не похоже на Нэнси. Она никогда не поставила бы его в подобное положение. Да, тут что-то совсем не так.

Максвелл осторожно прошел по холлу, протянутой вперед рукой нащупывая столики или стулья, которые могли оказаться на его пути. Хотя видел он теперь гораздо лучше, холл по-прежнему оставался темной пещерой, где глаз не различал подробностей.

Он обогнул винтовую лестницу, и холл показался ему еще темнее теперь, когда проблески света остались у него за спиной. Внезапно кто-то спросил:

— Профессор Максвелл? Это вы, профессор Максвелл?

Максвелл замер на левой ноге, потом медленно и бесшумно опустил на пол правую, уже поднятую для шага ногу и застыл, чувствуя, что весь покрывается гусиной кожей.

— Профессор Максвелл! — повторил голос. — Я знаю, что вы в холле.

Собственно говоря, это не был голос в прямом смысле слова. Максвелл готов был поклясться, что тишину холла не нарушил ни единый звук, и все же он ясно слышал эти слова... может быть, они раздавались у него не в ушах, а в каком-то уголке мозга.

Его охватил безотчетный ужас, и он попытался отогнать его, но ужас не исчезал — ужас затаился рядом во мраке, готовый вновь захлестнуть его черной волной.

Максвелл попробовал заговорить, но не смог. Голос произнес:

— Я поджидал вас здесь, профессор. Мне необходимо вступить с вами в контакт. Это столько же в ваших интересах, сколько в моих.

— Где вы? — спросил Максвелл.

— Я за дверью слева от вас.

— Я не вижу никакой двери.

Здравый смысл настойчиво твердил Максвеллу: беги, немедленно беги. Поскорее выберись отсюда!

Но он не мог бежать. У него не было сил. Да и куда? Назад под аркаду нельзя — там ждут собаки. Вперед по темному холлу, опрокидывая все на своем пути, поднимая оглушительный грохот, чтобы все гости сбежались сюда и обнаружили его — растрепанного, в синяках, дрожащего от страха? Он знал, что стоит ему побежать, и им сразу же овладеет паника.

Чтобы его увидели в подобном состоянии? Нет! Хватит и того, что он проник в дом украдкой, с черного хода.

Если бы это был просто голос — какой угодно, но голос, — он не нагонял бы подобного ужаса. Но он производил такое жуткое впечатление — ни намека на интонацию, монотонный, механический, словно скрежещущий! Ни один человек так говорить не может, решил Максвелл. Где-то рядом с ним в темноте прятался внеземлянин.

— Тут есть дверь, — произнес этот пустой жесткий голос. — Сделайте шаг влево и толкните ее.

Положение становится просто смешным, подумал Максвелл. Либо он войдет в эту дверь, либо опрометью бросится прочь. Конечно, можно было бы спокойно уйти, но он знал, что стоит ему повернуться спиной к невидимой двери, и он побежит — против воли, гонимый ужасом, маячащим позади.

Максвелл сделал шаг влево, нащупал дверь и толкнул ее. В комнате было темно, но в окна просачивался свет фонаря снаружи и падал на пудингообразное существо в центре комнаты — оплывший живот слабо фосфоресцировал, словно клубок светящихся обитателей морского дна копошился в круглом аквариуме.

— Да, — сказало существо, — вы совершенно правы. Я принадлежу к тем жителям вселенной, которых вы именуете «колесниками». На время моего визита здесь я обзавелся наименованием, которое легко воспринимается вашим сознанием. Вы можете называть меня «мистер Мармадьюк». Несомненно, вы понимаете, что это лишь удобства ради, так как я не ношу подобного имени. Собственно говоря, у нас нет имен. Они излишни. Наше индивидуальное различение достигается иными способами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, произнося слова медленно и раздельно, потому что губы у него тоже вдруг стали холодными и непослушными, как и все его тело.

— А я с вами, профессор.

— Как вы узнали, кто я такой? — спросил Максвелл. — Вы, по-видимому, были абсолютно в этом уверены. Значит, вам было известно, что я пройду через холл?

— Разумеется, — сказал колесник.

Теперь Максвелл мог лучше разглядеть своего странного собеседника — пухлое тело, висящее между двумя колесами, копашащаяся масса в нижней прозрачной его части.

— Вы один из гостей Нэнси? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Мармадьюк. — Да, разумеется. Если не ошибаюсь, почетный гость, ради которого она и устроила это собрание.

— Но в таком случае вам следовало бы быть в зале с остальными приглашенными.

— Я сослался на усталость, — объяснил мистер Мармадьюк. — Легкое уклонение от истины, признаюсь, ибо я никогда не устаю. И вот я удалился отдохнуть...

— И дождаться меня?

— Вот именно, — сказал мистер Мармадьюк.

Нэнси, подумал Максвелл. Нет! Нэнси, конечно, тут ни при чем. Она слишком легкомысленна, слишком поглощена своими бесконечными зваными вечерами и совершенно не способна на интриги.

— Мы могли бы обсудить некую тему, — сказал мистер Мармадьюк. — Ко взаимной выгоде, как я полагаю. Вы, если не ошибаюсь, ищете покупателя для некоего движимого имущества. Не исключено, что это движимое имущество может представлять некоторый интерес для меня.

Максвелл отступил на шаг, стараясь найти какой-нибудь ответ. Но ему ничего не приходило в голову. А ведь он мог бы знать! Мог бы догадаться или хотя бы заподозрить!

— Вы ничего не отвечаете, — сказал мистер Мармадьюк. — Но я не мог ошибиться. Вы действительно посредник по этой продаже, и здесь нет никакого недоразумения?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, я посредник.

Он знал, что запираться нет смысла. Каким-то образом это существо на колесах проведало про хрустальную планету и про сокровищницу накопленных там знаний. И, возможно, ему известна назначенная цена. Уж не этот ли колесник пытается купить Артефакт?

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам следует немедленно приступить к переговорам и обсудить условия. Не забыв при этом упомянуть и причитающиеся вам комиссионные.

— Боюсь, в настоящее время это невозможно, — сказал Максвелл. — Я не знаю условий продажи. Видите ли, сначала я должен был найти потенциального покупателя, а уж потом...

— Это не составит ни малейшего затруднения, — объявил колесник. — Ибо у меня есть сведения, которыми не располагаете вы. Мне известны условия продажи.

— И вы готовы заплатить требуемую цену?

— О, безусловно, — сказал колесник. — На это просто потребуется некоторое время — весьма незначительное. Необходимо завершить не-

кую коммерческую операцию. По ее заключении мы с вами сможем довести наше дело до конца без хлопот и шума. Единственное, что еще следовало бы установить, как мне представляется, — это размеры комиссионных, которые вы заслужили столь безмерно.

— Я полагаю, — растерянно произнес Максвелл, — они должны быть неплохими.

— Мы намерены, — заявил мистер Мармадьюк, — назначить вас... не сказать ли «библиотекарем?» — при том движимом имуществе, которое мы приобретаем. Предстоит большая работа по разбору и каталогизации указанного имущества. Для этого нам необходимо существо, подобное вам, и мне представляется, что ваши обязанности будут для вас весьма интересными. А что до жалованья... Профессор Максвелл, мы покорно просим вас самого назвать его цифру, а также и остальные условия, на которых вы согласитесь занять эту должность.

— Мне нужно все это обдумать.

— О, разумеется, разумеется! — произнес мистер Мармадьюк. — В делах такого рода небольшое размышление бывает полезным. Вы найдете нас склонными к самой неограниченной щедрости.

— Вы меня не поняли, — сказал Максвелл. — Мне нужно будет подумать о самой продаже. Сочту ли я возможным ее устроить.

— Быть может, вы сомневаетесь в том, достойны ли мы приобрести указанное движимое имущество?

— И это тоже, — сказал Максвелл.

— Профессор Максвелл, — заявил колесник, — для вас будет несравненно лучше, если вы отбросите свои сомнения. Поверьте, вам не следует испытывать по отношению к нам какие-либо сомнения, ибо мы полны решимости получить то, что вы можете предложить. А потому вы должны охотно и добровольно вести переговоры с нами.

— Хочу я того или нет? — осведомился Максвелл.

— Я, — сказал мистер Мармадьюк, — не стал бы выражаться столь прямолинейно. Но вы описали ситуацию весьма исчерпывающим образом.

— Ваше положение не дает вам оснований разговаривать подобным тоном! — заметил Максвелл.

— Вы не имеете представления о том, какое положение мы занимаем, — сказал колесник. — Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса. И вы не можете знать, что лежит за этими пределами.

В этих словах, в том, как они были произнесены, было что-то такое, от чего по спине Максвелла пробежала холодная дрожь, словно в комнату ворвался ледяной вихрь, примчавшийся из неведомых глубин вселенной.

Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса, сказал мистер Мармадьюк... Но что лежит за этими пределами?

Никто ничего не знал — известно было только, что в некоторых областях по ту сторону зыбкой границы, за которую еще не проникли разведчики человечества, колесники создали империю. И из-за этой границы до освоенной части вселенной доходили жуткие истории, какие всегда рождаются на дальних границах, питаемые воображением человека, стремящегося разгадать то неизвестное, что таится чуть дальше впереди.

Контакты с колесниками были редкими и мимолетными, и о них не было известно почти ничего, а это само по себе уже не обещало ничего хорошего. Никто не протягивал дружеских рук, никто не делал жестов благожелательности и доброй воли — ни колесники, ни люди, ни друзья и союзники людей. В огромном секторе космического пространства пролегла безмолвная угрюмая граница, которую не пересекала ни та, ни другая сторона.

— Мне было бы легче принять решение, — сказал Максвелл, — если бы мои сведения были более подробными, если бы мы могли узнать о вас больше...

— Вы знаете, что мы — таракашки, — заявил мистер Мармадьюк, и слова эти буквально брызгали желчью. — Ваша нетерпимость...

— Вовсе нет, — негодующе перебил Максвелл. — И мы не считаем вас таракашками. Мы знаем, что вы — ульевые конгломераты. Мы знаем, что каждый из вас является колонией существ, сходных с теми, которых мы здесь на Земле называем насекомыми, и это, разумеется, составляет значительное различие между нами, и все же вы отличаетесь от нас не больше, чем многие другие существа с иных звезд. Слово «нетерпимость» мне не нравится, мистер Мармадьюк, так как оно подразумевает «терпимость», а это оскорбительно и для вас, и для меня, и для любого другого существа во вселенной.

Он заметил, что трясется от гнева, и удивился, почему одно какое-то слово могло его так взбесить. Его не вывела из себя даже мысль о том, что знания хрустальной планеты вот-вот достанутся колесникам, и вдруг он пришел в ярость от одного слова. Возможно, подумал он, это произошло потому, что там, где множество самых разных рас должно жить в мире и согласии друг с другом, и «нетерпимость» и «терпимость» одинаково стали грязными ругательствами.

— Вы ведете спор убедительно и любезно, — сказал мистер Мармадьюк. — И возможно, вы не нетерпимы...

— Если бы нетерпимость и существовала, — не дал ему докончить Максвелл, — не понимаю, почему вы приходите в такое негодование. Ведь проявление подобного чувства бросает тень не на того, против кого оно направлено, а на того, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только невоспитанность, но и глубокое невежество. Нет ничего глупее нетерпимости.

— В таком случае что же вызывает у вас колебания? — спросил колесник.

— Мне необходимо узнать, как вы думаете распорядиться своим приобретением. Я хотел бы выяснить, какова ваша цель. Я еще очень многое должен был бы о вас узнать.

— Чтобы получить право судить?

— Но как можно судить в подобных ситуациях? — с горечью сказал Максвелл.

— Мы слишком много говорим, — объявил мистер Мармадьюк. — И без всякого смысла. Я вижу, что у вас нет намерения устроить нам это приобретение.

— Вот именно, — ответил Максвелл. — По крайней мере в настоящий момент.

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам придется искать иной путь. Своим отказом вы причините нам значительные хлопоты и потерю времени, и мы будем вам весьма неблагодарны.

— Мне почему-то кажется, — сообщил ему Максвелл, — что я как-нибудь стерплю вашу неблагодарность.

— Быть на стороне победителя, милостивый государь, — угрожающе произнес мистер Мармадьюк, — это немалое преимущество.

Мимо Максвелла промелькнуло что-то большое и быстрое. Уголком глаза он уловил блеск оскаленных зубов и стремительный взлет песочно-коричневого тела.

— Сильвестр, не надо! — вскрикнул Максвелл. — Не трогай его, Сильвестр!

Мистер Мармадьюк не растерялся. Его колеса бешено закрутились, и, ловко обогнув прыгнувшего Сильвестра, он ринулся к двери. Когти Сильвестра царапнули о половицы, и он извернулся спиралью. Максвелл кинулся в сторону от мчавшегося прямо на него колесника, но колесо все-таки задело его плечо, и он отлетел к стене. Мистер Мармадьюк молнией выскочил за дверь. За ним метнулось длинное гибкое тело — казалось, Сильвестр летит по воздуху, не касаясь земли.

— Сильвестр, не надо! — вопил Максвелл, бросаясь вслед за тигренком. В холле он резко повернул и отчаянно засеменил ногами, стараясь сохранить равновесие. Впереди по холлу быстро катил колесник, но Сильвестр настигал его, Максвелл не стал больше расходовать силы и время на бесполезные крики и поспешил за ними.

В дальнем конце холла мистер Мармадьюк круто свернул влево, и Сильвестр, совсем уже было схвативший его, не сумел проделать поворот столь же быстро и ловко и потерял несколько драгоценных секунд. Максвелл, успев оценить обстановку, обогнул угол на полном ходу и увидел перед собой освещенный коридор и мраморные ступени, ведущие вниз, в зал, где множество людей стояло, разбившись на небольшие группы, с бокалами в руках.

Мистер Мармадьюк стремительно приближался к лестнице. Сильвестр опережал Максвелла на один прыжок, отставая от колесника прыжка на три.

Максвелл хотел было крикнуть, но у него перехватило дыхание, да и в любом случае его вопль вряд ли что-нибудь изменил бы, так как события развивались с неимоверной быстротой.

Колесник соскочил на первую ступеньку, и Максвелл прыгнул, протягивая вперед руки. Он упал на спину тигренка и крепко обнял его за шею. Они вместе растянулись на полу, и краем глаза Максвелл увидел, что колесник на второй ступеньке подскочил высоко в воздух и начал угрожающе крениться на бок.

Тут раздался испуганный женский визг, растерянные крики мужчин и звон бьющихся бокалов.

На этот раз, угрюмо подумал Максвелл, Нэнси получила сенсацию, на которую, наверное, не рассчитывала. Он лежал у стены над лестницей. Сильвестр, уютно устроившись у него на груди, примеривался нежно облизать ему лицо.

— Сильвестр, — сказал Максвелл. — Вот ты и добился своего. Ты подложил нам колоссальную свинью.

Сильвестр лизнул его и хрипло замурлыкал.

Максвелл спихнул тигренка на пол и сел, прислонившись к стене. Мистер Мармадьюк валялся на боку у нижней ступеньки лестницы. Оба его колеса вертелись как бешеные, и он неуклюже вращался вокруг своей оси.

По лестнице взбежала Кэрол и, уперев руки в бока, уставилась на Максвелла и тигренка.

— Хорошая парочка, нечего сказать! — вскричала она и задохнулась от гнева.

— Мы не нарочно, — сказал Максвелл.

— Почетный гость! — она чуть не плакала от злости. — Почетный гость, а вы двое гоняетесь за ним по коридорам, словно он мышь какая-нибудь!

— По-видимому, мы не причинили ему большого вреда, — заметил Максвелл. — Я вижу, он цел и невредим. Хотя меня не удивило бы, если бы его брюхо лопнуло и эти милые жучки разлетелись по всему полу.

— Что подумает Нэнси? — негодующе спросила Кэрол.

— Думаю, она будет в восторге, — ответил Максвелл. — На ее званых вечерах не случалось ничего интересного с тех пор, как огнедышащая амфибия из системы Крапивы подожгла новогоднюю елку.

— Вы это придумали! — заявила Кэрол. — Этого не было.

— Чтоб мне провалиться! Я сам был тогда здесь, видел все своими глазами и помогал гасить пожар.

Тем временем мистера Мармадьюка окружили гости и принялись поднимать его. По залу засновали маленькие роботы, собирая осколки и вытирая лужицы коктейлей.

Максвелл встал на ноги, а Сильвестр, подобравшись к нему, начал тереться головой о его колени.

Откуда-то появилась Нэнси и заговорила с мистером Мармадьюком. Гости, окружив их кольцом, внимательно слушали.

— На вашем месте, — посоветовала Кэрол, — я бы испарилась отсюда как можно незаметнее. Не думаю, чтобы вас тут теперь встретили с распростертыми объятиями.

Он начал спускаться по лестнице, а Сильвестр с царственным видом шагал рядом с ним. Нэнси обернулась, увидела Максвелла и поспешила к нему навстречу

— Пит! — воскликнула она — Так, значит, это все-таки правда! Ты действительно вернулся.

— Да, конечно, — растерянно согласился Максвелл.

— Я читала в газетах, но не могла поверить. Я думала, что это какой-нибудь трюк или розыгрыш.

— Но ты же меня пригласила, — сказал Максвелл.

— Пригласила? Тебя?

Она не шутила. Это было ясно.

— Значит, ты не посылала Краба...

— Какого краба?

— Ну, существо, которое больше всего похоже на краба-переростка.

Нэнси покачала головой, и, вглядываясь в ее лицо, Максвелл вдруг почти со страхом обнаружил, что она начинает стареть. В уголках глаз и рта лучились морщинки, которых не могла спрятать никакая косметика.

— Существо, похожее на краба, — повторил он. — Оно сказало, что работает у тебя посыльным и что ты приглашаешь меня на этот вечер. Оно сказало, что за мной будет прислан автомобиль. Оно даже принесло мне костюм, сказав, что...

— Пит, — перебила Нэнси, — пожалуйста, поверь мне. Я ничего этого не делала. Я тебя не приглашала. Но я очень рада, что ты пришел.

Придвинувшись к нему почти вплотную, она взяла его под руку и сказала, еле сдерживая смех:

— И мне было бы очень интересно узнать, что у тебя произошло с мистером Мармадьюком.

— Мне очень жаль... — начал Максвелл.

— И напрасно. Разумеется, он мой гость, а с гостями следует обходиться любезно, но, в сущности, он ужасен, Пит. Скучный педант, сноб и...

— Тсс! — предостерег ее Максвелл.

Мистер Мармадьюк, высвободившись из кольца гостей, катил к ним через зал. Нэнси повернулась навстречу колеснику.

— Вы правда не пострадали? — спросила она. — Нет, правда?

— Я отнюдь не пострадал, — сказал мистер Мармадьюк.

Он подкатил к Максвеллу, и из верхушки его округлого туловища возникла рука — гибкая, пружинообразная, больше напоминавшая щу-

пальце, чем руку, — с клешней из трех пальцев. Мистер Мармадьюк обвил этой рукой плечи Максвелла, и тот почувствовал инстинктивное желание сбросить ее, отодвинуться, но подавил этот импульс и заставил себя остаться на месте.

— Благодарю вас, сэр, — сказал мистер Мармадьюк. — Я весьма вам благодарен. Возможно, вы спасли мою жизнь. В момент моего падения я увидел, как вы прыгнули на этого зверя. Весьма героичный поступок.

Сильвестр крепче прижался к боку Максвелла, поднял голову и обнажил клыки в беззвучном рычании.

— Он не причинил бы вам вреда, сэр, — вмешалась Кэрол. — Он ласков, как котенок. Если бы вы не побежали, он не стал бы за вами гнаться. Он по глупости вообразил, что вы с ним играете. Сильвестр очень любит играть.

Сильвестр зевнул, продемонстрировав все свои зубы.

— Эта игра, — сказал мистер Мармадьюк, — не доставляет мне удовольствия.

— Когда я увидел, что вы упали, — переменил тему Максвелл, — я испугался за вас. Мне показалось, что вы вот-вот разорветесь.

— О, это был напрасный испуг, — заявил мистер Мармадьюк. — Я чрезвычайно упруг. Это тело сотворено из превосходного материала, весьма крепкого и обладающего исключительной эластичностью.

Он снял руку с плеча Максвелла, и она взвилась в воздух, точно промасленный канат, изогнулась и втянулась в тело, на поверхности которого Максвелл не сумел различить ничего, что указывало бы, где именно она скрылась.

— Очень прошу вас извинить меня, — сказал мистер Мармадьюк. — Мне нужно кое-кого увидеть, — и, повернув, он быстро покатил прочь.

Нэнси вздрогнула.

— У меня от него мурашки бегают! — пожаловалась она. — Хотя нельзя отрицать, что он — настоящее украшение вечера. Далеко не всякой хозяйке салона удается заполучить колесника. Тебе я могу признаться, Пит, что пустила в ход все свои связи, чтобы он остановился у меня. А теперь я жалею — в нем есть что-то слизистое.

— А ты не знаешь, зачем он здесь? То есть здесь, на Земле?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что он обыкновенный турист. Хотя я как-то не могу вообразить, чтобы подобные существа путешествовали для удовольствия.

— Согласен.

— Пит, ну расскажи же мне о себе! Газеты утверждают...

Максвелл ухмыльнулся.

— Как же, знаю! Что я воскрес из мертвых!

— Но на самом деле ты ведь не воскресал? Я понимаю, что это невозможно. Так кого же мы похоронили? Все, слышишь ли, все были

на похоронах, и никто из нас не усомнился, что это ты. Но ведь это не мог быть ты. Так что же...

— Нэнси, — перебил Максвелл. — Я вернулся только вчера. Я узнал, что я скончался, что мою комнату сдали, что мое место на факультете занято и...

— Но это же невозможно! — повторила Нэнси. — Подобные вещи в действительности не случаются. И я не понимаю, что, собственно, произошло.

— Мне самому это не вполне понятно, — признался Максвелл. — Позже мне, возможно, удастся выяснить подробности.

— Но как бы то ни было, ты теперь тут, и все в порядке, — сказала Нэнси. — А если ты не хочешь говорить об этом, я скажу всем, чтобы они тебя не расспрашивали.

— Я очень благодарен тебе за такую предусмотрительность, — сказал Максвелл, — но из этого ничего не выйдет.

— Репортеров можешь не опасаться, — продолжала Нэнси. — Репортеров тут нет. Прежде я их приглашала — специально отобранных, тех, кому, мне казалось, я могу доверять. Но репортерам доверять невозможно, как я убедилась на горьком опыте. Так что тебе они не грозят.

— Насколько я понял, у тебя есть картина...

— А, так ты знаешь про картину! Пойдем посмотрим на нее. Это жемчужина моей коллекции. Только подумай — подлинный Ламберт! И к тому же никому прежде не известный. Потом я расскажу тебе, как была найдена эта картина, но во что она мне обошлась, я тебе не скажу. Ни тебе и никому другому. Мне стыдно об этом даже думать.

— Так много или так мало?

— Так много, — ответила Нэнси. — И ведь необходима величайшая осторожность. Очень легко попасть впросак! Я начала вести переговоры о покупке только после того, как ее увидел эксперт. Вернее, два эксперта. Один проверил заключение другого, хотя, возможно, тут я несколько перегнула палку.

— Но в том, что это Ламберт, сомнений нет?

— Ни малейших. Даже мне было ясно с самого начала. Ни один другой художник не писал так, как Ламберт. Но ведь его все-таки можно скопировать, и я хотела удостовериться.

— Что тебе известно о Ламберте? — спросил Максвелл. — Больше, чем нам всем? Что-то, чего нет в справочниках?

— Ничего. То есть не очень много. И не о нем самом. А почему ты так подумал?

— Потому что ты в таком ажиотаже.

— Ну вот! Как будто мало найти неизвестного Ламберта! У меня есть две другие его картины, но эта — особенная, потому что она была потеряна. Собственно говоря, я не знаю, насколько тут подходит слово

«потеряна». Вернее сказать, она никогда не значилась ни в одном каталоге. Не существует никаких упоминаний, что он ее писал, — во всяком случае, сохранившихся упоминаний. А ведь она принадлежит к его так называемым гротескам! Как-то трудно вообразить, чтобы хоть один из них пропал бесследно, или был совершенно забыт, или... ну, что еще могло с ним произойти? Другое дело, если бы речь шла о картине раннего периода.

Они прошли через зал, лавируя между кучками гостей.

— Вот она, — сказала Нэнси, когда они проложили путь через толпу, собравшуюся у стены, на которой висела картина.

Максвелл откинул голову и взглянул на стену.

Картина несколько отличалась от цветных репродукций, которые он видел утром в библиотеке. Это, сказал он себе, объясняется тем, что она больше, а краски ярче и чище... и тут же обнаружил, что этим все не исчерпывается. Иным был ландшафт и населявшие его существа. Ландшафт казался более земным — гряда серых холмов, бурый кустарник, разлапистые, похожие на папоротники деревья. По склону дальнего холма спускалась группа созданий, которые могли быть гномами; под деревом, прислонившись к стволу, сидело существо, похожее на гоблина, — оно, по-видимому, спало, нахлобучив на глаза подобие шляпы. А на переднем плане — жуткие ухмыляющиеся твари с безобразными телами и мордами, при взгляде на которые кровь стыла в жилах.

На плоской вершине дальнего холма, у подножья которого толпилось множество разнообразных существ, лежало что-то маленькое и черное, четко выделяясь на фоне серого неба.

Максвелл ахнул, быстро шагнул вперед и замер, боясь выдать свое волнение. Неужели никто еще этого не заметил? Впрочем, возможно, кто-то и заметил, но не придал своему открытию никакой важности или решил, что ошибся.

Но Максвелл знал, что он не ошибается. Никаких сомнений у него не возникло. Маленькое черное пятно на дальней вершине было Артефактом!

15

Максвелл нашел укромный уголок позади внушительной мраморной вазы с каким-то пышно цветущим растением и сел на один из стоявших там стульев.

Из-за вазы он наблюдал, как толпа гостей в зале постепенно начинает редеть. И даже те, кто пока не собирался уходить, несколько приуныли. Но если кто-нибудь еще вздумает спросить, что с ним произошло, решил Максвелл, он даст ему в челюсть, и дело с концом.

Накануне он сказал Кэрол, что в ближайшее время ему придется объяснять, объяснять и снова объяснять. Именно это он и делал весь вечер — с некоторыми отклонениями от истины, — и никто ему не верил. Его собеседники глядели на него пустыми глазами и прикидывали, пьян он или просто их разыгрывает.

Хотя настоящей жертвой розыгрыша, подумал Максвелл, был он сам. Его пригласили на этот вечер, но приглашение исходило не от Нэнси Клейтон. Нэнси не посылала ему костюма и не поручала шоферу заехать за ним, а потом высадить его у задней двери, чтобы он прошел через холл мимо двери, за которой его поджидал колесник. И десять против одного, что собаки не принадлежат Нэнси, хотя он и забыл спросить ее о них.

Кто-то, не щадя усилий и хлопот, чрезвычайно сложным способом обеспечил колеснику возможность переговорить с ним. Все это настолько отдавало дешевой мелодрамой и было настолько пропитано атмосферой плащей и кинжалов, что становилось смешным. Но только... только ему почему-то не было смешно.

Сжимая бокал в ладонях, Максвелл слушал гул идущего к концу вечера. Через просветы в густой листве над мрамором вазы он видел почти весь зал, но колесника нигде не было, хотя раньше мистер Мармадьюк все время кружил среди гостей.

Максвелл рассеянно переложил бокал из одной руки в другую и понял, что не будет пить, что и так уже он выпил больше, чем следовало бы, — не потому, что опьянел, а потому, что пить здесь было не место. Это удовольствие следует приберегать для небольшой дружеской компании в чьей-нибудь привычной уютной комнате, а не пить среди шумной толпы незнакомых и малознакомых людей в большом и безликом зале... Внезапно он почувствовал, что очень устал. Сейчас он встанет, попрощается с Нэнси, если сумеет ее найти, и тихонько побредет к хижине Опа.

А завтра? Завтра ему предстоит многое сделать. Но сейчас он об этом думать не будет. Он все отложит на завтра.

Поднеся бокал к краю мраморной вазы, Максвелл вылил коктейль на корни растения.

— Ваше здоровье! — сказал он ему, потом осторожно, стараясь не потерять равновесия, нагнулся и поставил бокал на пол.

— Сильвестр! — раздался голос за его спиной. — Ты видишь, что тут происходит?

Максвелл извернулся и встретился взглядом с Кэрол, которая стояла по ту сторону вазы, положив руку на голову Сильвестра.

— Входите, входите, — приветливо сказал он. — Это мой тайник. Если вы оба будете вести себя смирно...

— Я весь вечер пыталась поговорить с вами с глазу на глаз, — заявила Кэрол. — Но где там! Я хочу знать, зачем вам с Сильвестром понадобилось охотиться на колесника.

Она забралась за вазу и остановилась, ожидая его ответа.

— Я был удивлен даже больше вас, — сообщил ей Максвелл. — У меня буквально дух захватило. Я никак не ждал увидеть Сильвестра. Мне и в голову не приходило...

— Меня часто приглашают на званые вечера, — холодно сказала Кэрол. — Не ради меня самой, поскольку вас это, по-видимому, удивило, но ради Сильвестра. Он служит прекрасной темой для светской болтовни.

— Очко в вашу пользу, — заметил Максвелл. — Меня так вовсе не пригласили.

— И тем не менее вы тут!

— Но не спрашивайте меня, как я сюда попал. Мне будет трудно отыскать правдоподобное объяснение.

— Сильвестр всегда был очень благовоспитанным котенком, — обвиняющим тоном сказала Кэрол. — Возможно, он любит поесть, но он джентльмен.

— Понимаю! В моем дурном обществе...

Кэрол окончательно обогнула вазу и села рядом с ним.

— Вы собираетесь ответить на мой вопрос?

Он покачал головой.

— Трудно. Все было как-то запутано.

— По-моему, я никогда не встречала человека, который так умеет вывести собеседника из себя, как вы. И вообще это непорядочно.

— Кстати, — сказал он, — вы ведь видели эту картину?

— Конечно! Она же — гвоздь вечера. Вместе с этим забавным колесником.

— А ничего странного вы не заметили?

— Странного?

— Да. На картине.

— По-моему, нет.

— На одном из холмов нарисован крохотный кубик. Черный, на самой его вершине. Он похож на Артефакт.

— Я не обратила внимания... А особенно ее не разглядывала.

— Но гномов-то вы разглядели?

— Да. Во всяком случае, кого-то на них похожего.

— А существа на переднем плане? Они ведь совсем другие.

— Другие? По сравнению с кем?

— С теми, каких обычно писал Ламберт.

— Вот не знала, — заметила Кэрол, — что вы специалист по Ламберту.

— А я и не специалист. Просто сегодня утром, когда я узнал про этот званый вечер и про картину, которой обзавелась Нэнси, я пошел в библиотеку и взял альбом с репродукциями.

— Но даже если они и другие, так что? — спросила Кэрол. — Художник же имеет право писать все, что ему вздумается.

— Совершенно верно. Но речь не об этом. Ведь на картине изображена Земля. То есть если это действительно Артефакт, в чем я не сомневаюсь, значит, на ней должна быть изображена Земля. Но не наша Земля, не та, которую мы знаем, а Земля, какой она была в юрский период.

— По-вашему, на других его картинах изображена не Земля? Но этого не может быть! Ламберт жил в эпоху, когда ничего другого художник писать не мог. Ведь в космос еще никто не летал — то есть в глубокий космос, а не только на Луну и на Марс.

— Нет, в космос летали, — возразил Максвелл. — На крыльях фантазии. Тогда существовали и путешествия в космосе, и путешествия во времени — силой воображения. Ни один художник никогда не был ограничен железными рамками «сейчас» и «здесь». Все так и считали, что Ламберт пишет страну Фантазию. Но теперь я начинаю задумываться, а не писал ли он реальные ландшафты и реальных существ — просто то, где он бывал и что видел.

— Но если вы правы, — возразила Кэрол, — то как он туда попадал? Конечно, Артефакт на его картине объяснить трудно, однако...

— Нет, я имел в виду то, о чем постоянно твердит Оп, — сказал Максвелл. — Он принес из своих неандертальских дней воспоминание о гоблинах, троллях и прочих обитателях холмов. Но он говорил, что были и какие-то «другие». И они были несравненно хуже: злокозненные, безжалостные, и неандертальцы смертельно боялись их.

— И вы думаете, что на картине есть и они? Те, кого вспоминал Оп?

— Да, мне пришло в голову как раз это, — признался Максвелл. — Может быть, Нэнси не будет возражать, если я завтра приведу Опа взглянуть на картину.

— Наверное, не будет, — сказала Кэрол. — Но это и не обязательно. Я сфотографировала картину.

— Как же...

— Конечно, я знаю, что так делать не полагается. Но я попросила разрешения у Нэнси, и она сказала, что ничего не имеет против. А что другое она могла бы ответить? И я снимала картину не для того, чтобы продавать снимки, а только для собственного удовольствия. Ну, как плату за то, что я привела Сильвестра, чтобы ее гости могли на него посмотреть. Нэнси хорошо разбирается в подобных тонкостях, и у нее не хватило духа сказать мне «нет». Если вы хотите, чтобы я показала снимки Опу...

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. И, пожалуйста, не осуждайте меня за то, что я сфотографировала картину. Надо же сводить счеты!

— Счеты? С Нэнси?

— Ну, не специально с ней, но со всеми теми, кто приглашает меня на званые вечера. Со всеми ними без исключения. Ведь их интересую

вовсе не я. На самом-то деле они приглашают Сильвестра. Словно он ученый медведь или фокусник! Ну, и чтобы заполучить его, они вынуждены приглашать меня. Но я знаю, почему они меня приглашают, и они знают, что я знаю, но все равно приглашают!

— По-моему, я понимаю, — сочувственно сказал Максвелл.

— А по-моему, они просто расписываются в снобизме и чванстве.

— Вполне согласен.

— Если мы намерены показать снимки Опу, — сказала Кэрол, — нам, пожалуй, пора идти. Все равно веселье засыхает на корню. Так вы решительно не хотите рассказать мне, что у вас произошло с колесником?

— Потом, — уклончиво сказал он. — Не сейчас. Возможно, позже.

Они вышли из-за вазы и пошли через зал к дверям, лавируя между поредевшими группами гостей.

— Надо бы разыскать Нэнси, — заметила Кэрол, — и попрощаться с ней.

— Как-нибудь в другой раз, — предложил Максвелл. — Мы напишем или позвоним ей. Объясним, что не сумели ее найти, поблагодарим за удивительно приятный вечер, скажем, что было необыкновенно интересно, что ее приемов мы никогда не пропускаем, что картина нам необыкновенно понравилась и что она поистине гениальна, раз сумела ее приобрести...

— Вам не следует паясничать, — посоветовала Кэрол. — Вы утрируете, и у вас ничего не получается.

— Я тоже так думаю, — признался Максвелл, — но продолжаю пробовать — а вдруг?

Они закрыли за собой парадную дверь и начали спускаться по широким полукруглым ступеням, которые заканчивались у самого шоссе.

— Профессор Максвелл! — крикнул кто-то.

Максвелл оглянулся. К ним по лестнице сбегал Черчилл.

— Можно вас на минутку, Максвелл? — сказал он.

— Да. Так что же вам нужно, Черчилл?

— Поговорить с вами. И наедине, с разрешения вашей дамы.

— Я подожду вас у шоссе, — сказала Кэрол Максвеллу.

— Не нужно, — возразил Максвелл. — Я разделаюсь с ним в два счета.

— Нет, — твердо сказала Кэрол. — Я подожду. Не надо бурных эмоций.

Максвелл остановился, и Черчилл, слегка запыхавшись, ухватил его за локоть.

— Я весь вечер искал случая подойти к вам. Но вы ни на минуту не оставались в одиночестве.

— Что вам нужно? — резко спросил Максвелл.

— Колесник! — сказал Черчилл. — Пожалуйста, забудьте о вашей с ним беседе. Он не знает наших обычаев. Я не знал о его намерениях. Более того, я его прямо предупреждал...

— То есть вы знали, что колесник устроил на меня засаду?

— Я отговаривал его! — возмущенно заявил Черчилл. — Я прямо сказал, чтобы он оставил вас в покое! Мне очень жаль, профессор Максвелл! Поверьте, я сделал все, что было в моих силах!

Максвелл вцепился правой рукой в рубашку Черчилла, собрал ее в комок и подтянул юриста к себе.

— А, так, значит, это вы прислужник колесника! — крикнул он. — Его ширма! Это вы ведете переговоры о покупке Артефакта, чтобы его заполучил колесник!

— Я поступаю так, как нахожу нужным! — злобно ответил Черчилл. — Моя профессия — служить посредником в делах, которые люди не хотят или не могут вести сами.

— Колесник к людям не относится, — возразил Максвелл. — Только богу известно, что такое колесник. Во-первых, он — гнездо насекомых, а во-вторых, а в-третьих, а в-четвертых... мы этого не знаем!

— Он не нарушает никаких законов, — сказал Черчилл. — Он имеет право покупать все, что ему угодно.

— А вы имеете право пособничать ему, — прошипел Максвелл. — Имеете право состоять у него на жалованье. Но осторожней выбирайте способы, как это жалованье отрабатывать! И не попадайтесь на моей дороге!

Резким движением он оттолкнул Черчилла. Тот зашатался, потерял равновесие и покатился по широким ступеням. Кое-как задержав свое падение, он не встал и продолжал лежать, раскинув руки.

— Надо было сбросить вас с лестницы, так, чтобы вы сломали свою поганую шею! — крикнул Максвелл.

Оглянувшись на дом, он обнаружил, что у дверей собралось довольно много людей, которые смотрят на него. Смотрят и переговариваются между собой.

Он повернулся на каблуках и зашагал вниз по ступеням.

Внизу Кэрол мертвой хваткой вцепилась в разъяренного тигренка.

— Я думала, он вот-вот вырвется и растерзает этого субъекта в клочья, — задыхаясь, пробормотала она и посмотрела на Максвелла с плохо скрываемым отвращением. — Неужели вы ни с кем не можете разойтись мирно?

16

Максвелл спрыгнул с шоссе в том месте, где начиналась лощина Гончих Псов, и несколько минут простоял, вглядываясь в скалистые утесы и резкие очертания осенних обрывов. Дальше по лощине, за

желто-красной завесой листвы, он увидел крутой каменистый склон холма Кошачья Берлога, на вершине которого, как ему было известно, стоял, уходя высоко в небо, замок гоблинов, где проживал некий О'Тул. А внизу, в чаще, прятался обомшелый каменный мост, обиталище троллей.

Час был еще ранний, потому что Максвелл отправился в путь задолго до рассвета. На траве и кустах, до которых еще не добралось солнце, поблескивала ледяная роса. Воздух оставлял во рту винный привкус, а голубизна неба была такой нежной и светлой, что оно словно вообще не имело цвета. И все это — и небо, и воздух, и скалы, и лес — было пронизано ощущением непонятного ожидания.

Максвелл прошел по горбатому пешеходному мостику, перекинутому через шоссе, и зашагал по тропинке, убегавшей в лощину...

Вокруг него сомкнулись деревья — он шел теперь по затаившей дыхание волшебной стране. Максвелл вдруг заметил, что он старается ступать медленно и осторожно, опасаясь нарушить лесное безмолвие резким движением или шумом. С балдахина ветвей над ним, неторопливо кружа, слетали листья — трепещущие разноцветные крылышки — и устилали землю мягким ковром. Тропку перед ним торопливым клубочком перебежала мышь, и опавшие листья даже не зашуршали под ее лапками. Вдали стрекотала голубая сойка, но деревья приглушали и смягчали ее пронзительный голос.

Тропка разделилась на две — левая продолжала виться по лощине, правая свернула к обрыву. Максвелл пошел по правой тропинке. Ему предстоял долгий и утомительный подъем, но он не торопился и был намерен устраивать частые передышки. В такой день, подумал он, просто грех спешить, экономя время, которое можно провести здесь, среди красок и тишины.

Крутая тропинка петляла, огибая огромные, припавшие к земле валуны в бахроме седых лишайников. Ее со всех сторон обступали древесные стволы — грубая темная кора вековых дубов оттенялась атласной белизной берез в мелких коричневых пятнышках там, где тонкая кора скрутилась в трубочку, но все еще льнула к родному дереву, трепеща на ветру. Над грудой валежника поднималась пирамида ариземы, осыпанная багряными ягодами, и лиловые листья обвисали, как рваная мантия.

Максвелл не спеша взбирался по склону, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и вдохнуть аромат осени, окутывавший все вокруг. В конце концов он дошел до лужайки, на которую опустился автолет Черчилла, когда тролли наложили на него заклятие. Отсюда тропа вела прямо к замку гоблинов.

Он постоял на лужайке, переводя дух, а потом пошел дальше. На огороженном жердями пастбище Доббин — или другой, очень похожий на него конь — общипывал редкие пучки скудной травы.

Над башенками замка кружили голуби, а в остальном он казался вымершим.

Внезапно благостная тишина утра была нарушена оглушительными воплями, и из распахнутых ворот замка вывалилась орава троллей, которые двигались довольно странным строем. Они шли тремя вереницами, и каждая вереница тянула канат — совсем как волжские бурлаки в старину, решил Максвелл, вспомнив картину, которую ему как-то довелось увидеть. Тролли выбрались на подъемный мост, и Максвелл увидел, что все три каната привязаны к большому обтесанному камню — тролли волочили его за собой, и он, подпрыгивая на мосту, глухо гремел.

Старый Доббин дико ржал и бегал по кругу с внутренней стороны забора, вскидывая задом.

Тролли тяжелой рысцой спускались по тропе — темно-коричневые морщинистые злобные лица, длинные сверкающие клыки, спутанные гривы волос, дыбящиеся больше обычного, — а позади них, поднимая клубы пыли, грузно полз камень.

Из ворот замка выплеснулась кипящая волна гоблинов, которые размахивали дубинками, мотыгами, вилами — короче говоря, всем, что подвернулось им под руку.

Максвелл поспешно посторонился, пропуская троллей. Они бежали молча, решительно, всем весом налегая на канаты, а за ними, испуская пронзительные воинственные клики, мчалась орда гоблинов. Впереди, тяжело переваливаясь, несся мистер О'Тул; лицо и шея у него посинели от гнева, а в руке была зажата скалка.

В том месте, где Максвелл сошел с тропы, она круто уходила вниз по каменистому склону к лужайке фей. Камень, который волокли тролли, над самым спуском ударился о выступ скалы и подпрыгнул высоко в воздух. Канаты провисли, и камень, еще раз подпрыгнув, стремительно покатился по склону.

Какой-то тролль оглянулся и отчаянно завопил, предупреждая остальных. Бросив канаты, тролли кинулись врассыпную. Камень, набирая скорость с каждым оборотом, промчался мимо, обрушился на лужайку, опять подскочил, оставив огромную вмятину, и скользнул по траве к деревьям. Поперек бального зала фей протянулась безобразная полоса вывороченного дерна, а камень ударился о ствол могучего дуба в дальнем конце лужайки и наконец остановился.

Гоблины, оглушительно крича, кинулись в лес за разбежавшимися похитителями камня. Преследуемые вопили от страха, преследователи — от ярости, по холму раскатывались эхо и треск кустов, ломающихся под тяжестью множества тел.

Максвелл перешел через тропу и направился к огороженному пастбищу. Старый Доббин уже успокоился и стоял, положив морду на верхнюю жердь, словно ему нужна была подпорка. Конь с любопытством наблюдал за тем, что происходило у подножья холма.

Максвелл положил ладонь на шею Доббина, погладил коня и ласково потянул его за ухо. Доббин скосил на него кроткий глаз и задвигал верхней губой.

— Надеюсь, — сказал ему Максвелл, — они не заставят тебя волочить этот камень назад в замок. Подъем тут крутой и длинный.

Доббин лениво дернул ухом.

— Ну, насколько я знаю О'Тула, тебе этого делать не придется. Если ему удастся переловить троллей, камень потащат они.

Шум у подножья холма тем временем стих, и вскоре, пыхтя и отдуваясь, на тропу вышел мистер О'Тул и начал взбираться по склону. Скалку он нес на плече. Лицо у него все еще отливало синевой, но уже не от бешенства, а от усталости. Он свернул с тропы к пастбищу, и Максвелл поспешил ему навстречу.

— Приношу глубочайшие извинения, — произнес мистер О'Тул настолько величественно, насколько позволяла одышка. — Я заметил вас и обрадован вашим присутствием, но меня отвлекло весьма важное и весьма настоятельное дело. Вы, я подозреваю, присутствовали при этой гнуснейшей подлости.

Максвелл кивнул.

— Они забрали мой сажальный камень, — гневно объявил мистер О'Тул, — со злобным и коварным намерением обречь меня на пешее хождение.

— Пешее? — переспросил Максвелл.

— Вы, как я вижу, лишь слабо постигаете смысл случившегося. Мой сажальный камень, на который я должен взобраться, чтобы сесть на спину Доббина. Без сажального камня верховой езде приходит конец, и я обречен ходить пешком с большими страданиями и одышкой.

— Ах, вот что! — сказал Максвелл. — Как вы совершенно справедливо заметили, сперва я не постиг смысла случившегося.

— Эти подлые тролли! — Мистер О'Тул в ярости заскрежетал зубами. — Ни перед чем не останавливаются, негодяи! Сначала сажальный камень, а потом и замок — кусочек за кусочком, камушек за камушком, пока не останется ничего, кроме голой скалы, на которой он некогда высился. При подобных обстоятельствах необходимо со стремительной решимостью подавить зародыш их намерений.

Максвелл посмотрел вниз.

— И как же это кончилось? — спросил он.

— Мы обратили их в паническое бегство, — удовлетворенно сказал гоблин. — Они разбежались, как цыплята. Мы вытащим их из-под скал и из тайников в чаще, а потом взнуздаем, точно мулов, на которых они разительно похожи, и они, потрудившись хорошенько, втащут сажальный камень туда, откуда его забрали.

— Они сводят с вами счеты за то, что вы срыли их мост.

Мистер О'Тул в раздражении отколол лихое коленце.

— Вы ошибаетесь! — вскричал он. — Из великого и незаслуженного сострадания мы не стали его срывать. Обошлись двумя камушками, двумя крохотными камушками и большим шумом. И тогда они сняли чары с помела, а также и со сладкого октябрьского эля, и мы, будучи простыми душами, приверженными к доброте и незлобивости, спустили им все остальное.

— Они сняли чары с эля? Но ведь некоторые химические изменения необратимы и...

Мистер О'Тул смерил Максвелла презрительным взглядом.

— Вы, — сказал он, — лепечете на ученом жаргоне, пригодном только для чепухи и заблуждений. Мне непостижно ваше пристрастие к этой вашей науке, когда, будь у вас охота учиться и попроси вы нас, вам открылась бы магия. Хотя должен признать, что расколдованный эль не безупречен. В его вкусе ощущается намек на затхлость. Впрочем, и такой эль все же лучше, чем ничего. Если вы согласны составить мне компанию, мы могли бы его испробовать.

— За весь день, — ответил Максвелл, — не было сказано ничего приятнее!

— Так удалимся же, — воскликнул мистер О'Тул, — под сень сводов, где гуляют сквозняки — и все по вашей милости, по милости смешных людишек, которые воображают, будто мы обожаем развалины. Так удалимся же туда и угостимся большими кружками пенного напитка.

В большом зале замка, где отчаянно дуло, мистер О'Тул вытащил втулку из огромной бочки, покоившейся на больших козлах, наполнил до краев большие кружки и отнес их на дощатый стол возле большого каменного очага, в котором еле теплилось дымное пламя.

— А главное кощунство в том, — произнес мистер О'Тул, поднося кружку к губам, — что это возмутительное похищение сажального камня было совершено как раз тогда, когда мы приступили к поминовению.

— К поминовению? — переспросил Максвелл. — Мне очень грустно это слышать. Я не знал...

— Нет-нет, никто из наших! — поспешно сказал О'Тул. — За возможным исключением меня самого, все племя гоблинов пребывает в свински прекрасном здравии. Мы поминали баньши.

— Но ведь баньши не умер!

— Да, но он умирает. И как это печально! Он — последний представитель великого и благородного племени в этом заповеднике, а тех, кто еще сохранился в других уголках мира, можно пересчитать по пальцам на одной руке, и пальцев более чем хватит.

Гоблин поднял кружку и, почти засунув в нее физиономию, принялся пить долго и с наслаждением. Когда он поставил кружку на стол, оказалось, что на его бакенбарды налипла пена, но он не стал ее вытирать.

— Мы вымираем весьма ощутимо, — сказал он, погрустнев. — Планета изменилась. Все мы, весь маленький народец и те, кто не так уж мал, спускаемся в долину, где тени густы и непроницаемы, мы уходим от всего живого, и нам настает конец. И содрогаешься, так это горько, ибо мы были доблестным племенем, несмотря на многие наши недостатки. Даже тролли, пока они не выродились, все еще сохраняли в целости некоторые слабые добродетели, хотя я и заявляю громогласно, что ныне никакая добродетель им не свойственна вовсе. Ибо кража сажального камня — это самая низкая подлость, ясно показывающая, что они лишены какого бы то ни было благородства духа.

Он вновь поднес кружку к губам и осушил ее до дна двумя-тремя большими глотками. Затем со стуком поставил ее на стол и поглядел на еще полную кружку Максвелла.

— Пейте же, — сказал мистер О'Тул. — Пейте до дна, и я их снова наполню, чтобы получше промочить глотку.

— Наливайте себе, не дожидаясь меня, — сказал Максвелл. — Но разве можно пить эль так, как пьете его вы? Его следует хорошенько распробовать и посмаковать.

Мистер О'Тул пожал плечами.

— Наверное, я жадная свинья. Но это же расколдованный эль, и смаковать его не стоит.

Тем не менее гоблин встал и вперевалку направился к бочке. Максвелл поднес кружку к губам и отхлебнул. О'Тул сказал правду — в эле чувствовалась затхлость, отдававшая привкусом паленых листьев.

— Ну? — спросил гоблин.

— Его вкус необычен, но пить его можно.

— Придет день, и мост этих троллей я срою до основания, — внезапно взъярился мистер О'Тул. — Разберу камень за камнем, соскребая мох самым тщательным образом, чтобы разрушить чары, а потом молотом раздроблю камни на мельчайшие кусочки, а кусочки подниму на самый высокий утес и разбросаю их вдаль и вширь, дабы за всю вечность не удалось бы их собрать. Вот только, — добавил он, понурившись, — какой это будет тяжкий труд! Но соблазн велик. Этот эль был самым бархатным, самым сладким, какой только удавалось нам сварить. А теперь взгляните — свиное пойло! Да и свиньи им побрезгуют! Но был бы великий грех вылить даже такие мерзкие помои, если им наименование «эль».

Он схватил кружку и рывком поднес ее к губам. Его кадык запрыгал, и он поставил кружку, только когда выпил ее до дна.

— А если я причиню слишком большие повреждения этому гнуснейшему из мостов, — сказал он, — а эти трусливые тролли начнут хныкать перед властями, вы, люди, призовете меня к ответу, потребуете, чтобы я объяснил свои мысли. А как стерпеть подобное? В том, чтобы

жить по правилам, нет благородства, и радости тоже нет — скверным был день, когда возник человеческий род.

— Друг мой! — сказал Максвелл ошеломленно. — Прежде вы мне ничего подобного не говорили.

— Ни вам и ни одному другому человеку, — ответил гоблин. — И ни перед одним человеком в мире, кроме как перед вами, не мог бы я выразить свои чувства. Но, может быть, я предался излишней словоохотливости.

— Вы прекрасно знаете, — сказал Максвелл, — что наш разговор останется между нами.

— Конечно, — согласился мистер О'Тул. — Об этом я не тревожусь. Вы ведь почти один из нас. Вы настолько близки к гоблину, насколько это дано человеку.

— Для меня ваши слова — большая честь, — заверил его Максвелл.

— Мы — древнее племя, — сказал мистер О'Тул. — Много древнее, думается мне, чем может помыслить человеческий разум. Но, может быть, вы все-таки изопьете этот мерзейший и ужаснейший напиток и наполните заново свою кружку?

Максвелл покачал головой.

— Но себе вы налейте. Я же буду попивать свой эль не торопясь, а не глотать его единым духом.

Мистер О'Тул совершил еще одно паломничество к бочке, вернулся с полной до краев кружкой, брякнул ее на стол и расположился за ним со всем возможным удобством.

— Столько долгих лет миновало, — сказал он, скорбно покачивая головой. — Столько долгих, невероятно долгих лет, а потом явился щуплый грязный примат и все нам испортил.

— Давным-давно... — задумчиво произнес Максвелл. — А как давно? Еще в юрском периоде?

— Вы говорите загадками. Мне это обозначение неизвестно. Но нас было много, и самых разных, а теперь нас мало, и далеко не все из прежних дотянули до этих пор. Мы вымираем медленно, но неумолимо. И скоро займется день, который не увидит никого из нас. Тогда все это будет принадлежать только вам, людям.

— Вы расстроены, — осторожно сказал Максвелл. — Вы же знаете, что мы вовсе этого не хотим. Мы приложили столько усилий...

— С любовью приложили? — перебил гоблин.

— Да. Я даже скажу — с большой любовью.

По щеке гоблина поползли слезы, и он принялся утирать их волосатой мозолистой лапой.

— Не надо принимать меня во внимание, — сказал он. — Я погружен в глубокое расстройство. Это из-за баньши.

— Разве баньши ваш друг? — с некоторым удивлением спросил Максвелл.

— Нет, он мне не друг! — решительно объявил мистер О'Тул. — Он стоит по одну сторону ограды, а я — по другую. Старинный враг, и все-таки один из наших. Один из истинно древних. Он выдержал дольше других. И упорнее сопротивляется смерти. Другие все мертвы. И в подобные дни старые раздоры отправляются на свалку. Мы не можем сидеть с ним, как того требует совесть, но в возмещение мы воздаем ему посильную честь поминовения. И тут эти ползучие тролли без капли чести на всю компанию...

— Как? Никто... Никто здесь в заповеднике не захотел сидеть с баньши в час его смерти?

Мистер О'Тул устало покачал головой.

— Ни единый из нас. Это против закона, в нарушение древнего обычая. Я не могу сделать вам понятным... он за оградой.

— Но он же совсем один!

— В терновнике, — сказал гоблин. — В терновом кусте возле хижины, которая служила ему обиталищем.

— В терновом кусте?

— Колючки терновника, — сказал гоблин, — таят волшебство, в его древесине... — он всхлипнул, поспешно схватил кружку и поднес ее к губам. Его кадык задергался.

Максвелл сунул руку в карман и извлек фотографию картины Ламберта, которая висела на стене зала Нэнси Клейтон.

— Мистер О'Тул, — сказал он, — я хочу показать вам вот это.

Гоблин поставил кружку.

— Ну так показывайте! — проворчал он. — Сколько обиняков, когда у вас есть дело.

Он взял фотографию и начал внимательно ее разглядывать.

— Тролли! — сказал он. — Ну конечно! Но тех, других, я не узнаю. Словно бы я должен их узнать, но не могу. Есть сказания, древние-древние сказания...

— Он видел эту картину. Вы ведь знаете Опа?

— Дюжий варвар, который утверждает, будто он ваш друг.

— Он правда мой друг. И он вспомнил этих. Они — древние, из незапамятных времен.

— Но какие чары помогли получить их изображение?

— Этого я не знаю. Снимок сделан с картины, которую написал человек много лет назад.

— Но как он...

— Не знаю, — сказал Максвелл. — По-моему, он побывал там.

Мистер О'Тул заглянул в свою кружку и увидел, что она пуста. Пошатываясь, он пошел к бочке и наполнил ее. Потом вернулся к столу, взял фотографию и снова внимательно посмотрел на нее, хотя и довольно смутным взглядом.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Среди нас были и другие. Много разных, которых больше нет. Мы здесь — жалкое охвостье не-

когда великого населения планеты. — Он перебросил фотографию через стол Максвеллу. — Может быть, баньши скажет. Его годы уходят в тьму времен.

— Но ведь баньши умирает.

— Да, умирает, — вздохнул мистер О'Тул. — И черен этот день, и горек этот день для него, потому что никто не сидит с ним.

Он поднял кружку.

— Пейте, — сказал он. — Пейте до дна. Если выпить сколько нужно, может быть, станет не так плохо.

17

Максвелл обогнул полуразвалившуюся хижину и увидел терновник у ее входа. В нем было что-то странное — словно облако мрака расположилось по его вертикальной оси, и казалось, будто видишь массивный ствол, от которого отходят короткие веточки с колючками. Если О'Тул сказал правду, подумал Максвелл, это темное облако и есть умирающий баньши.

Он медленно приблизился к терновнику и остановился в трех шагах от него. Черное облако беспокойно заколыхалось, словно клубы дыма на легком ветру.

— Ты баньши? — спросил Максвелл у терновника.

— Если ты хочешь говорить со мной, — сказал баньши, — ты опоздал.

— Я пришел не говорить, — ответил Максвелл. — Я пришел сидеть с тобой.

— Тогда садись, — сказал баньши. — Это будет недолго.

Максвелл сел на землю и подтянул колени к груди, а ладонями уперся в сухую пожухлую траву. Внизу осенняя долина уходила к дальнему горизонту, к холмам на северном берегу реки, совсем не похожим на холмы этого, южного берега — отлогие и симметричные, они ровной чередой поднимались к небу, как ступени огромной лестницы.

Над гребнем позади него захлопали крылья, и стайка дроздов стремительно пронеслась сквозь легкий голубой туман, который висел над узким оврагом, круто уходившим вниз. Но когда стих этот недолгий шум крыльев, вновь наступила мягкая ласковая тишина, не таившая в себе угроз и опасностей, мечтательная тишина, одевавшая холмы спокойствием.

— Другие не пришли, — сказал баньши. — Сначала я думал, что они все-таки придут. На мгновение я поверил, что они могут забыть и прийти. Теперь среди нас не должно быть различий. Мы едины в том, что потерпели поражение и низведены на один уровень. Но старые условности еще живы. Древние обычаи еще сохраняют силу.

— Я был у гоблинов, — сказал Максвелл. — Они устроили поминовение по тебе. О'Тул горюет и пьет, чтобы притупить горе.

— Ты не принадлежишь к моему народу, — сказал баньши. — Ты вторгся сюда незваный. Но ты говоришь, что пришел сидеть со мной. Почему ты так поступил?

Максвелл солгал. Ничего другого ему не оставалось. Он не мог сказать умирающему, что пришел, чтобы получить сведения.

— Я работал с твоим народом, — произнес он наконец. — И принимаю близко к сердцу все, что его касается.

— Ты Максвелл, — сказал баньши. — Я слышал про тебя.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Максвелл. — Могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— Нет, — сказал баньши. — У меня больше нет ни желаний, ни потребностей. Я почти ничего не чувствую. В том-то и дело, что я ничего не чувствую. Мы умираем не так, как вы. Это не физиологический процесс. Энергия истекает из меня, и в конце концов ее не останется вовсе. Как мигающий язычок пламени, который дрожит и гаснет.

— Мне очень жаль, — сказал Максвелл. — Но, может быть, разговаривая, ты ускоряешь...

— Да, немного, но мне все равно. И я ни о чем не жалею. И ничего не оплакиваю. Я почти последний из нас. Если считать со мной, то нас всего трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас осталось только двое.

— Но ведь есть же гоблины, и тролли, и феи...

— Ты не понимаешь, — сказал баньши. — Тебе не говорили. А ты не догадался спросить. Те, кого ты назвал, — более поздние; они пришли после нас, когда юность планеты уже миновала. А мы были колонистами. Ты же, наверное, знаешь это.

— У меня возникли такие подозрения, — ответил Максвелл. — За последние несколько часов.

— А ты должен был бы знать, — сказал баньши. — Ты ведь побывал на старшей планете.

— Откуда ты знаешь? — ахнул Максвелл.

— А как ты дышишь? — спросил баньши. — Как ты видишь? Для меня держать связь с древней планетой так же естественно, как для тебя дышать и видеть. Мне не сообщают. Я знаю и так.

Так вот, значит, что! Источником сведений, которыми располагал колесник, был баньши. А о том, что баньши может знать то, что не известно больше никому, вероятнее всего, догадался Черчилл, и он же сообщил об этом колеснику.

— А остальные? Тролли и...

— Нет, — сказал баньши. — Путь был открыт только для нас, для баньши. Это была наша работа, единственное наше назначение. Мы были звеньями между старшей планетой и Землей. Мы были связными.

Когда старшая планета начала колонизировать необитаемые миры, необходимо было создать средства связи. Мы все были специалистами, хотя эти специальности теперь утратили смысл, а самих специалистов почти не осталось. Первые были специалистами. А те, кто появился позже, были просто поселенцами, задача которых сводилась лишь к тому, чтобы освоить новые земли.

— Ты говоришь про троллей и гоблинов?

— Про троллей, и гоблинов, и всех прочих. Они, бесспорно, обладали способностями, но не специализированными. Мы были инженерами, они — рабочими. Нас разделяла пропасть. Вот почему они не захотели прийти сидеть со мной. Древняя пропасть существует по-прежнему.

— Ты утомляешься, — сказал Максвелл. — Тебе следует поберечь силы.

— Это не имеет значения. Энергия истекает из меня, и когда она иссякнет совсем, с ней иссякнет жизнь. Мое умирание не материально, не телесно, поскольку у меня никогда не было настоящего тела. Я представлял собой сгусток энергии. Впрочем, это не имеет значения. Ведь старшая планета умирает. Ты ее видел и знаешь.

— Да, я знаю, — сказал Максвелл.

— Все было бы совсем иначе, если бы не люди. Когда мы явились сюда, здесь и млекопитающих почти не было, не говоря уж о приматах. Мы могли бы воспрепятствовать развитию приматов. Мы могли бы уничтожить их еще в зародыше. Вопрос о таких мерах ставился, так как эта планета казалась очень многообещающей, и нам было трудно смириться с мыслью, что мы должны отказаться от нее. Но существует древний закон: разум слишком редок во вселенной, чтобы кто-нибудь имел право становиться на пути его развития. Нет ничего драгоценней — и когда мы с большой неохотой отступили с его дороги, мы признали всю его драгоценность.

— Но вы остались здесь! — заметил Максвелл. — Может быть, вы не преградили ему путь, но вы остались.

— Было уже поздно, — ответил баньши. — Нам некуда было уйти. Старшая планета умирала уже тогда. Возвращаться не имело смысла. А эта планета, как ни странно, стала для нас родной.

— Вы должны ненавидеть нас, людей.

— Одно время мы вас и ненавидели. Вероятно, следы этого сохраняются и теперь. Со временем ненависть перегорает. И только тлеет, хотя и не исчезает. А может быть, ненавидя, мы немного гордились вами. Иначе почему старшая планета предложила вам свои знания?

— Но вы предложили их и колеснику!

— Колеснику?.. А, да! Но мы ничего ему не предлагали. Где-то в глубоком космосе этот колесник, по-видимому, прослышал о существовании старшей планеты и о том, что она располагает чем-то, что хотела бы продать. Он пришел ко мне и задал только один вопрос: какова цена

этого движимого имущества? Я не знаю, имеет ли он представление, что именно продается. Он сказал просто — «движимое имущество».

— И ты открыл ему, что обусловленная цена — это Артефакт?

— Конечно. Потому что тогда мне еще не сообщили о тебе. Позже меня действительно поставили в известность, что по истечении определенного времени я должен буду сообщить цену тебе.

— И, конечно, ты как раз собирался это сделать, — заметил Максвелл.

— Да, — сказал баньши, — я как раз собирался это сделать. И вот теперь сделал. Вопрос исчерпан.

— Ты можешь сказать мне еще одно. Что такое Артефакт?

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу, — сказал баньши.

Преданы! — подумал Максвелл. Человечество предано этим умирающим существом — ведь баньши, что бы он ни говорил, вовсе не собирался сообщать ему цену. Бесчисленные тысячелетия баньши ненавидел человечество неутолимой холодной ненавистью. И теперь, уходя в небытие, он, издеваясь, рассказал пришедшему к нему человеку обо всем, чтобы тот узнал, как было предано человечество, чтобы люди знали, чего они лишились.

— И ты сообщил колеснику про меня! — воскликнул Максвелл. — Вот почему Черчилл оказался на станции, когда я вернулся на Землю. Он говорил, что и сам только что вернулся из деловой поездки, но, конечно, он никуда не ездил.

Максвелл гневно вскочил на ноги.

— А тот я, который умер?

Он угрожающе шагнул к терновнику, но терновник был пуст. Темное облако, колыхавшееся среди его веток, исчезло. Они четким узором рисовались на фоне закатного неба.

Исчез, подумал Максвелл. Не умер, но исчез. Субстанция стихийного существа распалась на составные элементы, невообразимые узы, соединявшие их в странное подобие живого существа, наконец настолько ослабели, что оно иссякло, рассеялось в воздухе и в солнечном свете, как щепотка пыли на ветру.

С живым баньши ладить было трудно. Но и мертвый он не стал ближе и доступнее. Еще несколько минут назад Максвелл испытывал к нему сострадание, какое вызывают в человеке все умирающие. Но теперь он понял, что сострадание было неуместно: баньши умер, безмолвно смеясь над человечеством.

Оставалась одна надежда — уговорить Институт времени отложить продажу Артефакта, пока он не переговорит с Арнольдом, не расскажет ему всего, не убедит в правдивости своего рассказа, который, как прекрасно понимал Максвелл, выглядел теперь даже еще более фантастичным, чем прежде.

Он повернулся и начал спускаться в овраг. На опушке он остановился и посмотрел на вершину холма. Терновник на фоне неба казался крепким и материальным, его корни цепко держались за почву.

Проходя мимо лужайки фей, Максвелл обнаружил, что там угрюмо трудятся тролли — они заравнивали взрыхленную землю и укладывали новый дерн взамен вырванного катившимся камнем. Самого камня нигде не было видно.

18

Максвелл проехал уже половину пути до Висконсинского университетского городка, когда возле него внезапно возник Дух и опустился на соседнее сиденье.

— Я с поручением от Опа, — начал он сразу же. — Тебе нельзя возвращаться в хижину. Газетчики напали на твой след. Когда они явились с расспросами, Оп принялся действовать, на мой взгляд, довольно необдуманно. Он накинулся на них с кулаками, но они все равно болтаются в окрестностях хижины, подстерегая тебя.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Максвелл. — Хотя теперь, пожалуй, это большой разницы не составит.

— События развиваются не слишком удачно? — спросил Дух.

— Они вообще не развиваются, — ответил Максвелл и после некоторого колебания добавил: — Вероятно, Оп ввел тебя в курс дела?

— Мы с Опом — одно, — сказал Дух. — Да, конечно, он мне все рассказал. Он, очевидно, полагал, что ты не станешь возражать. Но, во всяком случае, можешь быть совершенно спокоен...

— Я просто хотел знать, нужно ли мне декламировать все сначала, — объяснил Максвелл. — Значит, тебе известно, что я отправился в заповедник показать там фотографии картины Ламберта.

— Да, — сказал Дух. — Той, которая находится у Нэнси Клейтон.

— У меня такое ощущение, — продолжал Максвелл, — что я узнал больше, чем рассчитывал. Во всяком случае, я узнал одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает дела. Цену, назначенную хрустальной планетой, колеснику сообщил баньши. Ему было поручено назвать ее мне, но он предпочел колесника. Он утверждал, что колесник явился к нему до того, как он узнал про меня, но мне что-то не верится. Баньши умирал, когда рассказывал мне все это, но отсюда вовсе не следует, будто он говорил правду. Баньши никогда нельзя было доверять.

— Баньши умирает?

— Уже умер. Я сидел с ним до конца. Фотографию картины я ему показывать не стал. У меня не хватило духа допрашивать его в такую минуту.

— И все-таки он рассказал тебе о колеснике?

— Только для того, чтобы я понял, как он ненавидел человеческий род с самого начала его восхождения по эволюционной лестнице. И еще — чтобы я понял, что ему в конце концов удалось расквитаться с нами. Ему явно хотелось сказать, что и гоблины, и все остальные обитатели холмов тоже нас ненавидят, но на это он все-таки не решился. Зная, наверное, что я все равно не поверю. Правда, еще перед этим в разговоре с О'Тулом я понял, что отголоски какой-то давней неприязни, возможно, и существуют. Да, пожалуй, неприязни, но никак не ненависти. Однако из слов баньши следовало, что Артефакт действительно собираются продать и что Артефакт — это и есть цена, назначенная хрустальной планетой. Я так и подозревал с самого начала. А вчера колесник это подтвердил. Впрочем, абсолютной уверенности у меня все-таки нет хотя бы потому, что и сам колесник, по-видимому, не слишком уверен, как обстоит дело. Иначе зачем ему понадобилось подстерегать меня и предлагать мне работу? Получилось, что он хочет от меня откупиться, словно знает, что я каким-то образом могу сорвать сделку, которой он добивается.

— Итак, перспектива выглядит довольно безнадежной, — заметил Дух. — Друг мой, мне очень жаль. Не могли бы мы как-нибудь помочь? Оп, и я, и, может быть, даже та девушка, которая столь доблестно пила с тобой и Опом. Та, с тигренком.

— Несмотря на всю эту безнадежность, — ответил Максвелл, — я могу еще кое-что предпринять — пойти к Харлоу Шарпу в Институт времени и убедить его отложить продажу, а потом силой вломиться в административный корпус и загнать Арнольда в угол. Если мне удастся убедить Арнольда предложить Харлоу для финансирования его программ столько же, сколько предлагает колесник, тот, конечно, предпочтет с колесником дела не иметь.

— Я знаю, что ты не пожалеешь усилий, — заметил Дух. — Но, боюсь, кроме неприятностей, это ничего не принесет. Не со стороны Харлоу Шарпа, так как он твой друг... но ректор Арнольд не друг никому. И ему вряд ли понравится, если его загонят в угол.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Максвелл. — Я думаю, что ты прав. Но убедиться в этом можно, только попробовав. А вдруг в Арнольде проснется что-то человеческое и он на минуту забудет, что он — официальное лицо и бюрократ!

— Я должен тебя предупредить, — сказал Дух, — что Харлоу Шарп, возможно, не найдет для тебя свободной минуты — ни для тебя и ни для кого другого. У него сейчас слишком много своих забот. Утром прибыл Шекспир...

— Шекспир! — возопил Максвелл. — А я совсем забыл про него. Да-да, он же читает лекцию завтра вечером. Вот уж невезенье так невезенье! Обязательно надо было притащить его сюда именно сегодня!

— По-видимому, — продолжал Дух, — сладить с Вильямом Шекспиром оказалось не так-то просто. Он пожелал немедленно начать зна-

комство с новым веком, о котором ему столько нарассказали. Временщики еле-еле смогли убедить его хотя бы сменить елизаветинский костюм на нашу нынешнюю одежду. Он согласился только после того, как они категорически заявили, что иначе не выпустят его из института. А теперь они трясутся от страха, как бы с ним чего-нибудь не приключилось. Им нужно как-то держать его в руках и в то же время гладить по шерстке. Все билеты распроданы — и на приставные стулья, и на право стоять в проходах, и они больше всего опасаются, что лекция сорвется.

— Откуда тебе все это известно? — поинтересовался Максвелл. — По-моему, ты узнаешь самые свежие сплетни раньше всех.

— Ну, я не сижу на одном месте, — скромно ответил Дух.

— Что ж, хорошего тут мало, — сказал Максвелл. — Но придется рискнуть. У меня почти не остается времени. Если Харлоу вообще способен кого-то видеть, то меня он примет.

— Просто не верится, — грустно сказал Дух, — что путь тебе могло преградить столь ужасное стечение обстоятельств. Неужели из-за бюрократической тупости университет и Земля навеки лишатся свода знаний двух вселенных?

— Все дело в колеснике, — проворчал Максвелл. — Если бы не его предложение, все можно было бы сделать спокойно, не торопясь. Будь у меня больше времени, я без труда добился бы своего. Поговорил бы с Харлоу, по инстанциям добрался бы до Арнольда. И вообще я мог бы просто убедить Харлоу — библиотеку хрустальной планеты купил бы непосредственно Институт времени, обойдясь без санкции университета. Но у нас нет времени. Дух, ты что-нибудь знаешь о колесниках? Такое, чего не знаем мы?

— Не думаю. Только одно: возможно, они и есть те гипотетические враги, которых мы всегда опасались встретить в космосе. Их поведение свидетельствует о том, что они действительно враги — во всяком случае, потенциальные. Их побуждения, нравы, этика, самое их мироощущение должны кардинально отличаться от наших. Возможно, у нас с ними меньше общего, чем с осами или пауками. Хотя они и умны... что хуже всего. Они настолько разобрались в наших взглядах, настолько усвоили наши обычаи, что могут общаться с нами и вести с нами дела... как это следует из операции, которую они предприняли, чтобы заполучить Артефакт. Друг мой, меня больше всего пугает именно их ум, их гибкость. Думаю, что в подобной ситуации люди не смогли бы в такой степени приспособиться к обстоятельствам и использовать их.

— Да, ты прав, — ответил Максвелл. — Потому-то мы и не должны допустить, чтобы библиотека хрустальной планеты досталась им. Одному богу известно, что она таит в себе. Я провел там некоторое время, но ознакомился лишь с ничтожной долей ничтожнейшей доли ее сокровищ. И многое на сотню световых лет превосходило мое понимание. Хотя отсюда вовсе не следует, что, располагая временем, которого у

меня не было, а также знаниями, которых у меня нет и самое существование которых мне неизвестно, другие люди не сумеют в этом разобраться. Мне кажется, эта задача человечеству по силам. И колесникам тоже. Гигантские области науки, пока совершенно от нас скрытые. И, возможно, именно они должны сыграть решающую роль в нашем споре с колесниками. Если человечество и колесники когда-нибудь столкнутся, возможно, библиотека хрустальной планеты решит вопрос о нашей победе или поражении. И ведь если колесники будут знать, что она находится у нас, они, скорее всего, не пойдут на такое столкновение. Другими словами, судьба этой библиотеки определит, быть ли миру или войне.

Максвелл съежился на своем сиденье, ощутив сквозь тепло мягкого осеннего дня порыв ледяного ветра, который принесся не с этих багряно-золотых холмов и не с обнимающего их лазурного неба, а откуда-то из неведомого.

— Ты разговаривал с баньши перед его смертью, — сказал Дух. — Он упоминал про Артефакт. А он не намекнул, что это может быть такое? Знай мы, что такое Артефакт, мы могли бы...

— Нет, Дух. Он ничего не сказал. Но у меня сложилось впечатление... вернее, у меня мелькнула смутная мысль, слишком неопределенная, чтобы ее можно было назвать впечатлением... И не в тот момент, а позже. Странная догадка, не подкрепленная никакими фактами. Я думаю, что Артефакт — это нечто из другой вселенной, той, которая предшествовала нашей, той, в которой возникла хрустальная планета. Нечто драгоценное, сохранявшееся миллиарды и миллиарды лет со времен той вселенной. И еще одно: баньши и другие древние, которых помнит Оп, были обитателями той вселенной, и между ними и жителями хрустальной планеты существует какая-то связь. Формы жизни, которые зародились, развились и эволюционировали в прошлой вселенной, а потом явились на Землю и другие планеты, как колонисты, пытаясь создать новую цивилизацию, которая пошла бы по пути, начатому хрустальной планетой. Но что-то случилось. Все эти попытки колонизировать новые планеты потерпели неудачу — у нас на Земле из-за появления человека, а в других местах, возможно, по другим причинам. И, мне кажется, о некоторых из этих причин я догадываюсь. Возможно, расы тоже стареют и сами собой вымирают, уступая место чему-то новому. Может быть, у каждой расы есть свой срок и древние существа несут в себе свой смертный приговор. Наверное, существует какой-то принцип, о котором мы не задумывались, потому что еще очень молоды, — какой-то естественный процесс, расчищающий путь для непрерывной эволюции, чтобы ей ничто не мешало.

— Звучит логично, — заметил Дух. — То есть, что все эти колонии вымерли. Если бы где-нибудь в нашей вселенной была уцелевшая колония, хрустальная планета передала бы свои знания ей, а не предлагала бы их нам и колесникам, то есть существам, ей чуждым.

— Меня смущает одно, — сказал Максвелл. — Зачем нужен Артефакт обитателям хрустальной планеты, которые так близки к полному вымиранию, что уже стали почти тенями? Какая им от него будет польза? Для чего он им?

— Ответить на это можно, только зная, что он такое, — задумчиво произнес Дух. — Ты уверен, что не мог бы догадаться? Что не видел и не слышал ничего такого, что...

— Нет, — сказал Максвелл. — Ничего.

19

Вид у Харлоу Шарпа был измученный.

— Прости, что я заставил тебя так долго ждать, — сказал он Максвеллу. — Это был безумный день.

— Я рад, что меня вообще сюда впустили, — сказал Максвелл. — Эта твоя церберша в приемной сначала была склонна указать мне на дверь.

— Я тебя ждал, — объяснил Шарп. — По моим расчетам, ты должен был рано или поздно объявиться. Я наслышался очень странных историй.

— И большинство из них соответствует истине, — сказал Максвелл. — Но я пришел сюда не потому. Считай, что это деловое посещение, а не дружеский визит. Я не отниму у тебя много времени.

— Отлично, — сказал Шарп. — Ну, так чем же я могу тебе быть полезен?

— Ты продаешь Артефакт?

Шарп кивнул.

— Мне очень жаль, Пит. Я знаю, что интересует тебя и еще кое-кого. Однако он пролежал в музее уже много лет и остается бесполезной диковинкой, на которую глазеют гости университета и туристы. А нашему институту нужны деньги. Уж тебе-то это известно. Фондов не хватает, а другие факультеты и институты уделяют нам жалкие крохи на составленные ими программы, и...

— Харлоу, я все это знаю. И полагаю, что ты имеешь право его продать. Когда вы доставили Артефакт сюда, университет, помнится, не заинтересовался им. И все расходы по доставке легли на вас и...

— Нам приходится экономить, клянчить, занимать, — сказал Шарп. — Мы разрабатывали программу за программой — полезные, нужные программы, которые сторицей окупились бы, позволив собрать новые сведения, получить новые знания, — и они никого не привлекли! Только подумай! Можно раскопать все прошлое — и никому это не интересно. Пожалуй, кое-кто опасается, что мы камня на камне не оставим от некоторых излюбленных теориек, которые кого-то кормят и поят. Вот нам и приходится всякими путями добывать средст-

ва для своих исследований. Думаешь, мне нравятся номера, к которым мы прибегаем, вроде этого представления с Шекспиром и всего прочего? Никакой пользы это нам не принесло. Только поставило нас в унизительное положение, не говоря уж о неприятностях и хлопотах. Ты себе представить не можешь, Пит, что это такое. Возьми, к примеру, хоть Шекспира. Он где-то разгуливает как турист, а я сижу здесь и обгрызаю ногти чуть ли не до локтей, воображая все, что с ним может приключиться. А ты понимаешь, какая поднимется буча, если такого человека, как Шекспир, не вернуть в его эпоху? Человека, который...

Максвелл перебил его, пытаясь возвратиться к своему делу:

— Я не спорю с тобой, Харлоу. И я пришел не для того...

— И вдруг, — продолжал Шарп, не слушая, — вдруг подвертывается возможность продать Артефакт. И за сумму, которой от университетских сквалыг не дождешься и в сто лет. Пойми же, что значит для нас эта продажа! Мы получим возможность заняться настоящими исследованиями, которых не вели из-за недостатка средств. Конечно, я знаю, что такое колесники. Когда Черчилл явился нас прощупывать, мне сразу стало ясно, что он представляет какое-то неизвестное лицо. Но это меня не устраивало. Никаких неизвестных лиц! Я взял Черчилла за горло — наотрез отказался разговаривать с ним до тех пор, пока не узнаю, для кого он служит ширмой. А когда он мне сказал, мне стало тошно, но я все-таки начал переговоры, так как знал, что другого такого шанса пополнить наши фонды нам не представится. Я бы хоть с самим дьяволом вступил в сделку, чтобы получить такие деньги.

— Харлоу, — сказал Максвелл, — я прошу тебя только об одном: пока ничего не решай окончательно. Дай мне немного времени...

— А зачем тебе время?

— Мне нужен Артефакт.

— Артефакт? Но зачем?

— Я могу выменять его на планету, — сказал Максвелл. — На планету, хранящую знания не одной, а двух вселенных. Знания, накопленные за пятьдесят миллиардов лет.

Шарп наклонился вперед, но тут же вновь откинулся на спинку кресла.

— Ты говоришь серьезно, Пит? Ты меня не разыгрываешь? Я слышал странные вещи — что ты раздвоился и один из вас был убит. А ты прятался от репортеров, а возможно, и от полиции. Кроме того, у тебя вышел какой-то скандал с администрацией.

— Харлоу, я могу тебе все объяснить, но вряд ли это нужно. Ты, вероятно, мне не поверишь. Но я говорю правду. Я могу купить планету...

— Ты? Для себя?

— Нет, не для себя. Для университета. Вот почему мне нужно время — добиться приема у Арнольда...

— И получить его согласие? Пит, можешь и не надеяться. Ты ведь не поладил с Лонгфелло, а парадом тут командует он. Даже если бы ты был официально уполномочен...

— Ну да же! Да! Можешь мне поверить. Я разговаривал с обитателями планеты, я видел их библиотеку...

Шарп покачал головой.

— Мы с тобой друзья давно, очень давно, — сказал он. — Я готов для тебя сделать что угодно. Но только не это. Я не могу так подвести свой институт. К тому же, боюсь, ты все равно опоздал.

— Как — опоздал?

— Условленная сумма была заплачена сегодня. Завтра утром колесник заберет Артефакт. Он хотел забрать его немедленно, но возникли затруднения с перевозкой.

Максвелл молчал, оглушенный этой новостью.

— Вот так, — сказал Шарп. — От меня теперь уже ничего не зависит.

Максвелл встал, но тут же снова сел.

— Харлоу, а если мне удастся увидеться с Арнольдом сегодня вечером? Если мне удастся убедить его и он заплатит вам столько же...

— Не говори глупостей! — перебил Шарп. — Он грохнется в обморок, когда ты назовешь ему цифру.

— Так много?

— Так много, — ответил Шарп.

Максвелл медленно встал.

— Я должен сказать тебе кое-что, — продолжал Шарп. — Каким-то образом ты нагнал страху на колесника. Сегодня утром ко мне явился Черчилл и с пеной у рта потребовал, чтобы я завершил продажу сейчас же. Жаль, что ты не пришел ко мне раньше. Может быть, мы что-нибудь и придумали бы, хотя я не представляю себе — что.

Максвелл пошел к двери, в нерешительности остановился, а потом вернулся к столу, за которым сидел Шарп.

— Еще один вопрос... Относительно путешествий во времени. У Нэнси Клейтон есть картина Ламберта...

— Да, я слышал.

— На заднем плане там написан холм с камнем на вершине. Я готов поклясться, что этот камень — Артефакт. А Оп говорит, что он помнит существа, изображенные на картине, — видел их в своем каменном веке. И ведь ты действительно нашел Артефакт на холме в юрский период. Откуда Ламберт мог знать, что он лежал на этой вершине? Артефакт же был найден через несколько веков после его смерти. Мне кажется, Ламберт видел Артефакт и те существа, которые изобразил на своей картине. Мне кажется, он побывал в мезозое. Ведь шли какие-то толки про Симонсона, верно?

— Я вижу, куда ты клонишь, — сказал Шарп. — Что ж, это, пожалуй, могло быть. Симонсон работал над проблемами путешествия во времени в двадцать первом веке и утверждал, что чего-то добился, хотя у него не ладилось с контролем. Существует легенда, что он потерял во времени одного путешественника, а то и двух — послал их в прошлое и не сумел вернуть. Но вопрос о том, действительно ли у него что-нибудь получилось, так и остался нерешенным. Его заметки, те, которые находятся у нас, очень скупы. Никаких работ он не публиковал. Свои исследования вел втайне, так как верил, что на путешествиях во времени можно нажить сказочное богатство — заключать контракты с научными экспедициями, любителями охоты и так далее, и тому подобное. Рассчитывал даже побывать в доисторической Южной Африке и обчистить кимберлейские алмазные поля. Поэтому свою работу он хранил в глубочайшем секрете, и никто ничего о ней точно не знает.

— Но ведь это все-таки могло произойти? — требовательно спросил Максвелл. — Эпоха совпадает. Симонсон и Ламберт были современниками, а стиль Ламберта претерпел внезапное изменение... словно с ним что-то произошло. И это могло быть путешествием во времени!

— Да, конечно, — сказал Шарп. — Но не думаю.

20

Когда Максвелл вышел из Института времени, в небе уже загорались звезды и дул холодный ночной ветер. Гигантские вязы сгустками мрака вставали на фоне ярко освещенных окон зданий напротив.

Максвелл зябко поежился, поднял воротник куртки, застегнул его у горла и быстро сбежал по ступенькам на тротуар. Вокруг не было ни души.

Максвелл вдруг почувствовал сильный голод и вспомнил, что не ел с самого утра. Он усмехнулся, подумав, что аппетит у него разыгрался именно тогда, когда рухнула последняя надежда. И ведь он не только голоден, но и остался без крова — возвращаться к Опу нельзя, там его ждут репортеры. А впрочем, теперь у него нет причины их избегать! Если он расскажет свою историю, это уже не принесет ни вреда, ни пользы. И все-таки мысль о встрече с репортерами была ему неприятна: он представил себе недоверие на их лицах, вопросы, которые они будут задавать, и снисходительный, насмешливый тон, который почти наверное прозвучит в их статьях.

Он все еще стоял на тротуаре, не зная, в какую сторону пойти. Ему никак не удавалось припомнить кафе или ресторан, где он заведомо не встретит никого из знакомых. Он чувствовал, что сегодня не вынесет их расспросов.

Позади него послышался шорох, и, оглянувшись, он увидел Духа.

— А, это ты! — сказал Максвелл.

— Я уже давно тебя жду, — ответил Дух. — Ты что-то долго там пробыл.

— Сначала Шарп был занят, а потом мы никак не могли кончить наш разговор.

— Ты чего-нибудь добился?

— Ничего. Артефакт уже продан и оплачен. Колесник заберет его завтра утром. Боюсь, это конец. Я мог бы попробовать добраться сегодня до Арнольда, но что толку? То есть мой разговор с ним уже ничего не даст.

— Оп занял для нас столик. Ты, наверное, голоден.

— Как волк, — ответил Максвелл.

— Ну так идем.

Они свернули в боковой проезд и принялись петлять по узким проулкам и проходным дворам.

— Уютный подвальчик, где мы никого не встретим, — объяснил Дух. — Но готовят там сносно и подают дешевое виски. Оп особенно подчеркнул последнее обстоятельство.

Еще через несколько минут они спустились по железной лестнице, и Максвелл толкнул подвальную дверь. Они очутились в тускло освещенном зале, из глубины которого веяло запахом стряпни.

— Тут у них заведен семейный стиль, — сказал Дух. — Брякают на стол все разом, и каждый сам за собой ухаживает. Опу это очень нравится.

Из-за столика у стены поднялась массивная фигура неандертальца. Он помахал им. Поглядев по сторонам, Максвелл убедился, что занято не больше трех-четырех столиков.

— Сюда! — оглушительно позвал Оп. — Хочу вас кое с кем познакомить.

Максвелл в сопровождении Духа направился к нему. В полутьме он различил лицо Кэрол, а рядом — еще чье-то. Бородатое и как будто хорошо знакомое.

— Наш сегодняшний гость, — объявил Оп. — Достославный Вильям Шекспир.

Шекспир встал и протянул Максвеллу руку. Над бородой блеснула белозубая улыбка.

— Почитаю себя счастливым, что судьба свела меня со столь веселыми молодцами, — сказал он.

— Бард подумывает остаться здесь, — сообщил Оп. — Ему у нас понравилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините, — сказал Оп. — Мы уж так привыкли...

— Остаться здесь... — задумчиво произнес Максвелл и покосился на Опа. — А Харлоу знает, что он тут?

— По-моему, нет, — ответил Оп. — Мы уж постарались.

— Я сорвался с поводка, — сказал Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой. — Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь! — воскликнул Максвелл. — Еще бы! Неужели, шуты гороховые, вы так и не научитесь...

— Не надо, Пит! — вмешалась Кэрол. — Я считаю, что Оп поступил очень благородно. Человек явился сюда из другой эпохи, и ему только хотелось посмотреть, как живут люди теперь, а...

— Может быть, сядем? — предложил Дух Максвеллу. — Судя по твоему виду, тебе не мешает выпить.

Максвелл сел рядом с Шекспиром, а Дух опустился на стул напротив. Оп протянул Максвеллу бутылку.

— Валяй! — сказал он. — Не церемонься, пожалуйста. И не жди рюмки. Мы тут в дружеском кругу.

Максвелл поднес бутылку к губам и запрокинул голову. Шекспир смотрел на него с восхищением и, когда он кончил пить, произнес:

— Дивлюсь вашей доблести. Я сделал только один глоток, и меня прожгло насквозь.

— Со временем привыкнете, — утешил его Максвелл.

— Но вот этот эль, — продолжал Шекспир, погладив бутылку с пивом, — этот эль — добрый напиток, веселящий язык и приятный животу.

Из-за стула Шекспира выскользнул Сильвестр, протиснулся между ножками и положил голову на колени к Максвеллу. Максвелл почесал тигренка за ухом.

— Он опять к вам пристает? — спросила Кэрол.

— Мы с Сильвестром друзья навек, — объявил Максвелл. — Мы с ним сражались бок о бок. Вчера и он, и я, если вы помните, восстали на колесника и повергли его в прах.

— У вас веселое лицо, — сказал Шекспир, обращаясь к Максвеллу. — Так, значит, дело, которое вас так задержало, было завершено к вашему удовольствию?

— Наоборот, — ответил Максвелл. — И если мое лицо кажется веселым, то лишь потому, что я нахожусь в таком приятном обществе.

— Другими словами, Харлоу тебе отказал! — взорвался Оп. — Не согласился дать тебе день-другой!

— Он ничего не мог поделать, — объяснил Максвелл. — Он уже получил условленные деньги, и завтра колесник увезет Артефакт.

— У нас есть возможность заставить его пойти на попятный! — грозно и загадочно проговорил Оп.

— Ничего не выйдет, — возразил Максвелл. — От него это уже не зависит. Продажа состоялась. Он не захочет вернуть деньги, а главное — нарушить свое слово. А если я правильно тебя понял, ему достаточно будет отменить лекцию и выкупить билеты.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Оп. — Мы ведь не знали, что у них там уже все решено, и рассчитывали укрепить свои позиции.

— Вы сделали все, что могли, — ответил Максвелл. — Спасибо.

— Мы прикинули, что нам нужно выиграть день-другой, чтобы всей компанией пробиться к Арнольду и втолковать ему, что к чему. Но раз теперь надеяться больше не на что, то... отхлебни еще глоток и передай мне бутылку.

Максвелл так и сделал. Шекспир допил пиво и с громким стуком поставил бутылку на стол. Кэрол отобрала виски у Опа и наполнила свою рюмку.

— Вы поступайте, как хотите, — объявила она, — но я отказываюсь совсем одикариваться и буду пить из рюмки.

— Пива! — завопил Оп. — Еще пива для нашего благородного гостя.

— Весьма вам благодарен, сударь, — сказал Шекспир.

— Как ты отыскал этот притон? — спросил Максвелл.

— Мне известны все задворки сего ученого града, — сообщил ему Оп.

— Нам требовалось как раз что-то в этом роде, — заметил Дух. — Временщики скоро устроят облаву на нашего друга. А Харлоу сказал тебе, что он исчез?

— Нет, — ответил Максвелл. — Но он как будто нервничал. И даже упомянул, что тревожится, но ведь по его лицу ни о чем догадаться нельзя. Он из тех, кто усядется на краю кратера действующего вулкана и даже глазом не моргнет... Да, а как репортеры? Все еще рыщут вокруг хижины?

Оп мотнул головой.

— Нет. Но они вернутся. Нам придется подыскать тебе другой ночлег.

— Я, пожалуй, уже могу с ними встретиться, — сказал Максвелл. — Ведь рано или поздно все равно нужно будет рассказать всю историю.

— Они раздерут вас в клочья, — заметила Кэрол. — А Оп говорит, что вы остались без работы и Лонгфелло зол на вас. Плохая пресса в такой момент вас вообще погубит.

— Все это пустяки, — ответил Максвелл. — Вопрос в том, что мне им сказать, а о чем умолчать.

— Выложи им все, — посоветовал Оп. — Со всеми подробностями. Пусть Галактика узнает, чего она лишилась.

— Нет, — сказал Максвелл. — Харлоу — мой друг. И я не хочу причинять ему неприятности.

Подошел официант и поставил на их столик бутылку пива.

— Одна бутылка?! — вознегодовал Оп. — Это что еще вы придумали? Тащите-ка сюда ящик! Нашего друга замучила жажда.

— Но вы же не предупредили! — обиженно огрызнулся официант. — Откуда мне было знать! — И он пошел за пивом.

— Ваше гостеприимство превыше всех похвал, — сказал Шекспир. — Но не лишний ли я? Вас, кажется, гнетут заботы.

— Это правда, — ответил Дух. — Но вы никак не лишний. Мы очень рады вашему обществу.

— Оп сказал что-то о том, будто вы намерены совсем остаться здесь. Это верно? — спросил Максвелл.

— Мои зубы пришли в негодность, — сказал Шекспир. — Они шатаются и порой очень болят. Мне рассказывали, что тут много искуснейших мастеров, которые могут вырвать их без малейшей боли и изготовить на их место новые.

— Да, конечно, — подтвердил Дух.

— Дома меня ждет сварливая жена, — сказал Шекспир, — и нет у меня желания возвращаться к ней. К тому же ваш эль, который вы зовете пивом, поистине дивен на вкус, и я слышал, что вы заключили мир с гоблинами и феями, а это — великое чудо. И я сижу за одним столом с духом, что превосходит всякое человеческое понимание, хотя и мнится, что тут где-то кроется самый корень истины.

Подошел официант с охапкой бутылок и сердито брякнул их на стол.

— Вот! — сказал он неприязненно. — Пока, наверное, обойдетесь. Повар говорит, что горячее будет сейчас готово.

— Так, значит, — спросил Максвелл у Шекспира, — вы не собираетесь читать эту лекцию?

— Коли я ее прочту, — ответил Шекспир, — они мигом отошлют меня домой.

— Всенепременно, — вставил Оп. — Уж если они его заграбастают, то больше не выпустят.

— Но как же вы будете жить? — спросил Максвелл. — Ведь для того, что вы знаете и умеете, в этом мире вряд ли найдется применение.

— Что-нибудь да придумаю, — сказал Шекспир. — В тяжкие минуты ум человеческий удивительно проясняется.

Официант подкатил к столику тележку с дымящимися блюдами и начал расставлять их на столе.

— Сильвестр! — крикнула Кэрол.

Потому что Сильвестр вскочил, положил передние лапы на стол и схватил два сочных куска ростбифа. Услышав голос Кэрол, Сильвестр стремительно скрылся под столом вместе со своей добычей.

— Котик проголодался, — сказал Шекспир. — Он находит себе пропитание, где может.

— Когда дело касается еды, — пожаловалась Кэрол, — он забывает о хороших манерах.

Из-под стола донеслось довольное урчание.

— Досточтимый Шекспир, — сказал Дух. — Вы прибыли сюда из Англии, из городка на реке Эйвон.

— Край, радующий глаз, — вздохнул Шекспир. — Но полный всякого отребья. Разбойники, воры, убийцы — кого там только нет!

— А я вспоминаю лебедей на реке, — пробормотал Дух. — Ивы по ее берегам, и...

— Что-что? — вскрикнул Оп. — Как это ты вспоминаешь?

Дух медленно поднялся из-за стола, и в этом движении было что-то, что заставило всех поглядеть на него. Он поднял руку — но это была не рука, а рукав одеяния... если это было одеянием.

— Нет-нет, я вспоминаю, — сказал он глухим голосом, доносившимся словно откуда-то издалека. — После всех этих лет я наконец вспоминаю. Либо я забыл, либо не знал. Но теперь...

— Почтенный Дух, — сказал Шекспир, — что с вами? Какой странный недуг вас внезапно поразил?

— Теперь я знаю, кто я такой! — с торжеством сказал Дух. — Я знаю, чей я дух.

— Ну и слава богу, — заметил Оп. — Перестанешь теперь хныкать об утраченном наследии предков.

— Но чей же вы дух, если позволено будет спросить? — сказал Шекспир.

— Твой! — взвизгнул Дух. — Теперь я знаю! Теперь я знаю! Я дух Вильяма Шекспира.

На мгновенье наступила ошеломительная тишина, а потом из горла Шекспира вырвался глухой вопль ужаса. Одним рывком он вскочил со стула, перемахнул через стол и кинулся к двери. Стол с грохотом опрокинулся на Максвелла, и тот упал навзничь вместе со своим стулом. Край столешницы прижал его к полу, а лицо ему накрыла миска с соусом. Он обеими руками принялся стирать соус. Откуда-то со стороны доносились яростные крики Опа.

Кое-как протерев глаза, Максвелл выбрался из-под стола и поднялся на ноги. С его лица и волос продолжал капать соус.

На полу среди перевернутых тарелок восседала Кэрол. Вокруг перекатывались бутылки с пивом. В дверях кухни, упирая пухлые руки в бока, стояла могучая повариха. Сильвестр, скорчившись над ростбифом, торопливо рвал его на части и проглатывал кусок за куском.

Оп, прихрамывая, возвращался от входной двери.

— Исчезли без следа, — сказал он. — И тот, и другой.

Он протянул руку Кэрол, помогая ей подняться.

— Не дух, а идиот! — сказал он злобно. — Не мог промолчать. Даже если он и знал....

— Но он же не знал! — воскликнула Кэрол. — Он только сейчас понял. Из-за этой встречи. Может быть, какие-нибудь слова Шекспира пробудили в нем воспоминания... Он же только об этом и думал все эти годы, и, конечно, от неожиданности...

— Последняя соломинка! — объявил Оп. — Шекспира теперь не разыщешь. Так и будет бегать без остановки.

— Наверное, Дух отправился за ним, — предположил Максвелл. — Чтобы догнать его, успокоить и привести назад к нам.

— Успокоить? — переспросил Оп. — Это как же? Да если Шекспир увидит, что Дух за ним гонится, он побьет все мировые рекорды и в спринте, и в марафоне.

21

Они уныло сидели вокруг дощатого стола в хижине Опа. Сильвестр лежал на спине у очага, уютно сложив передние лапы на груди, а задние задрав к потолку. На его морде застыло выражение глуповатого блаженства.

Оп подтолкнул стеклянную банку к Кэрол. Она понюхала ее содержимое и сморщила нос.

— Пахнет керосином, — сказала она. — И вкус, насколько помню, абсолютно керосиновый.

Зажав банку в ладонях, она сделала большой глоток и протянула ее Максвеллу со словами:

— А знаете, и к керосину можно привыкнуть!

— Это хороший самогон! — обиженно сказал Оп. — Впрочем, — признал он после некоторого раздумья, — ему, пожалуй, следовало бы дать немножечко дозреть. Только он расходуется быстрее, чем я успеваю его гнать.

Максвелл угрюмо отхлебнул из банки. Едкая жидкость обожгла горло, фейерверком вспыхнула в желудке, но и это не помогло. Он остался трезвым и мрачным. Бывают моменты, подумал он, когда напиться невозможно, сколько чего ни пей. А как хорошо было бы сейчас напиться до беспамятства и не приходить в себя два дня! Может быть, когда он протрезвеет, у него будет не так скверно на душе.

— Одного не могу понять, — говорил Оп. — Почему старина Билл так перепугался своего духа? А тут сомневаться не приходится. Он прямо-таки полиловел. Но ведь до этого они с Духом так хорошо ладили. Ну, конечно, сперва он немного нервничал — но чего и ждать от человека из шестнадцатого столетия? Однако, едва мы ему все объяснили, он даже обрадовался. И воспринял Духа с гораздо бо́льшей легкостью, чем мог бы его воспринять, например, человек двадцатого столетия. Ведь в шестнадцатом веке верили в духов, и поэтому встреча с духом не могла произвести впечатления чего-то сверхъестественного. И он был совершенно спокоен, пока Дух не заявил, что он — его дух. Но уж тогда...

— Его очень заинтересовали наши взаимоотношения с маленьким народцем, — сказала Кэрол. — Он взял с нас слово, что мы его свозим

в заповедник и познакомим с ними. Он всегда в них верил, как и в духов.

Максвелл приложился к банке и пододвинул ее Опу, утирая рот тыльной стороной руки.

— Одно дело — чувствовать себя легко и свободно в обществе первого попавшегося духа, — сказал он, — и совсем другое — нарваться на духа, который оказывается твоим собственным. Человек внутренне неспособен понять и принять свою смерть. Даже зная, что духи — это...

— Ради бога, не начинайте сначала! — взмолилась Кэрол.

Оп ухмыльнулся.

— Ну, во всяком случае, он вылетел оттуда стрелой. Точно ему к хвосту привязали шутиху. Он даже щеколду не откинул, а пробил дверь насквозь.

— Я ничего не видел, — отозвался Максвелл. — У меня на физиономии лежала миска с соусом.

— Ну, радости эта заварушка никому не принесла, — философски объявил Оп, — кроме вон того саблезубого. Он сожрал целый ростбиф. С кровью, как ему нравится.

— Он никогда не теряется, — сказала Кэрол. — И из всего умеет извлечь выгоду.

Масквелл пристально посмотрел на нее.

— Я давно уже хочу спросить вас, каким образом вы-то очутились в нашей компании. Мне казалось, что после истории с колесником вы навсегда отрясли наш прах со своих ног.

— Она беспокоилась о тебе, — хихикнул Оп. — А кроме того, она любопытна как не знаю кто.

— И еще одно, — продолжал Максвелл. — Как вообще вы оказались замешанной в это? Вспомним, с чего все началось. Вы предупредили нас про Артефакт... что его продают.

— Я вас не предупреждала! Я просто проговорилась. А потом...

— Вы нас предупредили, — категорическим тоном повторил Максвелл. — И совершенно сознательно. Что вы знаете про Артефакт? Вы должны о нем что-то знать, иначе его продажа вас не встревожила бы.

— Что верно, то верно! — сказал Оп. — Ну-ка, сестренка, выкладывайте все начистоту.

— Два нахальных грубияна...

— Не надо превращать это в комедию, — попросил Максвелл. — Ведь речь идет о важном деле.

— Ну, хорошо. Как я вам говорила, я случайно услышала о том, что его собираются продать. И меня это встревожило. И очень не понравилось. То есть с точки зрения закона в этой продаже нет ничего такого. Насколько мне известно, Артефакт принадлежит Институту времени и может быть продан по усмотрению его администрации. Но мне

казалось, что Артефакт нельзя продавать даже за миллиарды. Потому что я действительно кое-что о нем знаю — чего не знает никто другой и о чем я боялась кому-нибудь сказать. А когда я заговорила с нашими сотрудниками о всем значении Артефакта, я увидела, что это их совершенно не трогает. И вот, когда позавчера вечером я поняла, как вы им интересуетесь...

— Вы подумали, что мы можем помочь.

— Я не знаю, что я подумала. Но Оп и вы были первыми, кого Артефакт интересовал. Однако я не могла говорить с вами откровенно. Взять и просто сказать. Во-первых, мне вообще не полагалось этого знать, а во-вторых, лояльность по отношению к институту требовала, чтобы я промолчала. И я совсем запуталась.

— Вы работали с Артефактом? И в результате...

— Нет, — сказала Кэрол. — Я с ним не работала. Но как-то раз я остановилась посмотреть на него... Ну, как любой турист. Потому что я проходила через внутренний дворик, а Артефакт интересный и таинственный предмет. И тут я увидела... или мне показалось... Я не знаю. У меня нет полной уверенности. Но тогда я не усомнилась. Я была абсолютно уверена, что видела то, чего никто прежде не замечал... Или, быть может, кто-то и заметил, но...

Кэрол умолкла и посмотрела сначала на Максвелла, потом на Опа, однако оба молчали, ожидая, что она скажет дальше.

— Но я не уверена, — сказала она. — Теперь я не уверена. Возможно, мне показалось.

— Говорите, — сказал Оп. — Расскажите все как было.

Кэрол кивнула.

— Это длилось одно мгновение. И сразу исчезло, но тогда я не сомневалась, что действительно видела его. Был ясный солнечный день, и на Артефакт падал солнечный луч. Вероятно, никому прежде не случалось видеть Артефакт в тот момент, когда солнечный свет падал на него именно под таким углом. Не знаю. Разгадка, возможно, кроется именно в этом. Но как бы то ни было, у меня создалось впечатление, что я вижу что-то внутри Артефакта. А точнее сказать — не внутри. Казалось, словно Артефакт был чем-то, что сложили и спрессовали в брусок, но заметить это удалось только при определенном освещении. Я как будто различила глаз... и в тот момент я почувствовала, что он живой и смотрит на меня, и...

— Но как же так! — воскликнул Оп. — Артефакт похож на камень. На слиток металла.

— Странный металл! — возразил Максвелл. — Металл, который ничто не берет, который...

— Но не забывайте, что мне могло просто почудиться, — напомнила Кэрол.

— Правды мы уже никогда не узнаем, — сказал Максвелл. — Колесник завтра утром заберет Артефакт...

— И купит за него хрустальную планету, — докончил Оп. — По-моему, мы зря сидим здесь сложа руки. Эх, если бы мы не упустили Шекспира...

— Ничего хорошего из этого не вышло бы! — отрезал Максвелл. — И вообще, похищение Шекспира...

— Мы его не похищали! — оскорбился Оп. — Он пошел с нами по доброй воле. Можно даже сказать, с радостью. Он только о том и думал, как бы избавиться от сопровождающего, которого к нему приставили временщики. И вообще инициатором был он. А мы только немножко поспособствовали.

— Хорошенько стукнув сопровождающего по голове?

— Да никогда в жизни! Все было чинно и благородно. Мы просто отвлекли его внимание с помощью небольшого дивертисмента, так сказать.

— Ну, ладно, — перебил Максвелл. — В любом случае план был дурацкий. Тут речь идет о слишком больших деньгах. Вы могли бы похитить хоть дюжину Шекспиров, но Харлоу все равно продал бы Артефакт.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — вздохнула Кэрол. — Например, стащить Арнольда с постели...

— Арнольд мог бы спасти Артефакт, только возместив Харлоу сумму, которую он получил от колесника. Вы способны представить себе это?

— Нет, не способны, — отозвался Оп и, взяв банку, опрокинул остатки ее содержимого в рот. Потом он направился к своему тайнику, вытащил очередную полную банку, неуклюже отвинтил крышку и протянул Кэрол. — Устроимся же поудобнее и налижемся как следует. Завтра утром явятся репортеры, и мне нужно набраться сил, чтобы повышвыривать их отсюда.

— Погоди! — остановил его Максвелл. — У меня наклевывается идея.

Кэрол и Оп в молчании ждали, чтобы идея проклюнулась.

— Аппарат-переводчик! — воскликнул Максвелл. — Тот, с помощью которого я читал на хрустальной планете металлические листы. Я нашел его у себя в чемодане.

— Ну и что? — спросил Оп.

— Что, если Артефакт просто содержит какие-то записи?

— Но Кэрол говорит...

— Я знаю, что говорит Кэрол! Но она же не уверена. Ей только кажется, что она видела смотрящий на нее глаз. А это маловероятно.

— Правильно, — сказала Кэрол. — Ручаться я не могу. А в словах Пита есть своя логика. Если он прав, эти записи должны быть очень важными и подробными. Может быть, они дают ключ к целому миру неведомых прежде знаний. Вдруг хрустальная планета оставила Артефакт на Земле, рассчитывая, что никто не станет искать его здесь! Что-то вроде тайного архива!

— Пусть даже так, — перебил Оп. — Но что это дает нам? Музей заперт, и Харлоу не станет открывать его для нас.

— Это я могу устроить! — заявила Кэрол. — Я позвоню сторожу и скажу, что мне необходимо поработать там. Или что мне надо забрать оттуда материал. У меня есть разрешение работать в музее в любое время.

— И вы вылетите с работы, — заметил Оп.

Кэрол пожала плечами.

— Найду что-нибудь другое. Зато если нам удастся...

— Но какой смысл? — спросил Максвелл. — Один шанс на миллион. Или даже меньше. По правде говоря, мне очень хотелось бы проверить, но...

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Кэрол. — Тогда мы могли бы пойти к Шарпу, объяснить ему и, возможно...

— Не думаю, — ответил Максвелл. — Вряд ли нам удастся обнаружить что-то настолько важное, чтобы Харлоу вернул такие деньги.

— Ну, во всяком случае, не будем терять зря время на обсуждения и предложения, — объявил Оп. — Надо действовать!

Максвелл посмотрел на Кэрол.

— По-моему, он прав, Пит, — сказала она. — По-моему, рискнуть стоит.

Оп взял со стола банку с самогоном и тщательно завинтил крышку.

22

Их окружало прошлое — в витринах, в шкафах, на подставках, утраченное, забытое, безвестное прошлое, отнятое у времени полевыми экспедициями, которые обследовали скрытые уголки истории человечества. Творения художников и искусных ремесленников, какие никому и не снились, пока люди не вернулись в прошлое и не обнаружили их там: новенькие гончарные изделия, прежде известные в лучшем случае только в черепках, флаконы из древнего Египта, полные притираний и душистых мазей, совсем еще свежих, доисторические железные орудия, выхваченные чуть ли не прямо из кузнечного горна, свитки из Александрийской библиотеки, которые должны были бы сгореть, но не сгорели, потому что были посланы люди спасти их за мгновение до того, как их поглотило бы пламя пожара, уничтожившего библиотеку, прославленные ткани Элама, секрет которых был утрачен в незапамятные времена, — все это и неисчислимое множество других экспонатов, бесценная сокровищница предметов (многие из которых сами по себе не были бесценными сокровищами), добытых из недр времени.

Какой же это Музей времени, подумал Максвелл. Нет, это скорее был «Музей безвременья», место, где сходились все эпохи, где исчезали все хронологические различия, где постепенно собирались все мечты человечества, претворенные в явь, — и при этом совершенно новые, сверкающие, созданные только накануне. Тут не приходилось по древним разрозненным обломкам угадывать гипотетическое целое, тут можно было брать в руки и применять орудия, инструменты и приспособления, которые человек создавал и использовал на всем протяжении своего развития.

Стоя возле пьедестала с Артефактом, Максвелл прислушивался к замирающим шагам сторожа, отправившегося в очередной обход здания.

Кэрол удалось-таки провести их в музей, хотя вначале он опасался, что ее план неосуществим. Она позвонила сторожу и сказала, что ей и двум ее сотрудникам необходимо взглянуть на Артефакт в последний раз перед тем, как его увезут, и сторож встретил их у маленькой калитки, вделанной в величественные массивные двери, которые широко распахивались в часы, когда музей бывал открыт для посетителей.

— Только вы недолго, — ворчливо предупредил сторож. — Не знаю, может, вас и вообще-то пускать не стоило.

Но Кэрол заверила его, что все будет в порядке — он может ни о чем не беспокоиться, и сторож удалился, шаркая подметками и что-то бормоча себе под нос.

Над черным брусом Артефакта горели яркие лампы.

Максвелл нырнул под бархатный канат, огораживавший пьедестал, вскарабкался к самому Артефакту и скорчился рядом с ним, нащупывая в кармане аппарат-переводчик.

Дурацкая догадка, сказал он себе. Да и никакая это не догадка, а просто нелепая идея, порожденная отчаянием. Он только зря потратит время и поставит себя в глупое положение. Ну, а если это маловероятное предположение даже в какой-то мере и подтвердится, все равно изменить он уже ничего не сможет. Завтра колесник заберет Артефакт и вступит во владение библиотекой хрустальной планеты, а человечество навсегда лишится доступа к знаниям, тщательно и трудолюбиво копившимся пятьдесят миллиардов лет в двух вселенных, — к знаниям, которые должны были бы принадлежать Объединенным университетам Земли и могли бы достаться им, а теперь навеки станут собственностью загадочной культуры, которая, возможно, окажется тем потенциальным галактическим врагом, которого Земля всегда опасалась встретить в космосе.

Ему не хватило времени! Еще какой-нибудь день или два — и он воспрепятствовал бы этой сделке, он нашел бы людей, которые его выслушали бы, которые приняли бы меры. Но обстоятельства все время складывались против него, а теперь было уже поздно.

Максвелл надел на голову аппарат-переводчик, но очки никак не желали опускаться на место.

— Дайте я помогу, — сказала Кэрол, и он почувствовал, как ее ловкие пальцы растягивают ремни, прилаживают застежки. Покосившись вниз, он увидел Сильвестра. Тигренок сидел у самого пьедестала и скалил зубы на Опа. Перехватив взгляд Максвелла, неандерталец сказал:

— Эта тигра чует, что я ее естественный враг. В один прекрасный день она соберется с духом и прыгнет на меня.

— Не говорите глупостей! — сердито огрызнулась Кэрол. — Он же просто шаловливый котенок.

— Это как посмотреть! — отозвался Оп.

Максвелл еще раз подергал очки и надвинул их на глаза.

И поглядел на Артефакт.

В этом слитке черноты было что-то. Линии, очертания... непонятные формы. Артефакт перестал быть просто сгустком непроницаемой тьмы, отражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничего не приемлющим и ничего не открывающим, словно он был вещью в себе, инородным телом во вселенной.

Максвелл завертел головой, стараясь найти наиболее удобный угол зрения, чтобы разобраться в том, что увидел. Во всяком случае, это не записи... Нет, это что-то совсем другое! Он нащупал винт фокусировки и попробовал изменить настройку.

— В чем дело? — спросила Кэрол.

— Не понимаю...

И в то же мгновение он понял. И увидел. В уголке бруса виднелась лапа, покрытая радужной пленкой... или кожей... или чешуей, с когтями, сверкающими, как алмазы. И эта лапа... шевелилась и дергалась, словно стараясь высвободиться и дотянуться до него.

Максвелл вздрогнул, инстинктивно отпрянул и вдруг почувствовал, что падает. Он попытался извернуться так, чтобы не удариться затылком. Его плечо задело бархатный канат, и стойки с грохотом опрокинулись на пол. Однако канат успел спружинить, и Максвелл упал на бок, чуть не сломав ключицу, но зато его голова не коснулась каменного пола. Он рывком сдвинул очки в сторону, чтобы освободить глаза.

Артефакт над ним стремительно изменялся. Из сгустка тьмы возникало что-то, свивалось и билось в судорожном стремлении вырваться на свободу. Что-то живое, полное буйной энергии, ослепительно прекрасное.

Изящная, вытянутая вперед голова, зубчатый гребень, сбегающий от лба по шее и спине. Могучая грудь, продолговатое туловище с полусложенными крыльями, красиво изогнутые передние лапы с алмазными когтями. Сказочное создание сверкало и переливалось всеми цветами радуги в ярком свете ламп, нацеленных на Артефакт — вернее, на то место, где раньше был Артефакт. И каждая сияющая чешуйка была

зеркальцем, отражающим пучки бронзовых, золотых, оранжевых и голубых лучей.

Дракон, подумал Максвелл. Дракон, возникший из черноты Артефакта! Дракон, наконец обретший свободу после миллионов лет заключения в сгустке мрака.

Дракон! После стольких лет поисков, размышлений, неудач он все-таки увидел живого дракона! И совсем не такого, каким он рисовался его воображению, не прозаическое создание из плоти и чешуи, но великолепнейший символ. Символ дней расцвета хрустальной планеты, а может быть, и всей той вселенной, которая канула в небытие, уступая место новой, нашей вселенной, — древний, легендарный современник тех странных, необыкновенных рас, захиревшими жалкими потомками которых были гоблины, тролли, феи и баньши. Существо, название которого передавалось от отца к сыну тысячами и тысячами поколений, но которого до этой минуты не видел ни один человек.

Возле одной из упавших стоек замер Оп, с ужасом и удивлением глядя вверх, — его кривые ноги были полусогнуты, точно он окаменел, готовясь к прыжку, окорокообразные руки свисали по бокам, пальцы были искривлены, как когти. Сильвестр припал к полу, разинув пасть, ощерив клыки. На его ногах под густым мехом вздулись узлы мышц. Он был готов нападать и защищаться.

На плечо Максвелла легла ладонь, и он резко повернулся.

— Это дракон? — спросила Кэрол.

Ее голос был странен: точно она боялась этого слова, точно лишь с большим трудом заставила себя произнести его. Она глядела не на Максвелла, а вверх — на дракона, который, по-видимому, уже закончил свою трансформацию.

Дракон дернул длинным гибким хвостом, и Оп неуклюже припал к полу, увертываясь от удара.

Сильвестр яростно зашипел и пополз вперед.

— Сильвестр! Не смей! — крикнул Максвелл.

Оп поспешно кинулся вперед на четвереньках и ухватил Сильвестра за заднюю лапу.

— Да скажите ему что-нибудь! — потребовал Максвелл, поворачиваясь к Кэрол. — Если этот идиот сцепится с ним, произойдет черт знает что!

— Сильвестр Опа не тронет, можете не опасаться!

— При чем тут Оп? Я говорю о драконе. Если он прыгнет на дракона...

Из темноты донесся разъяренный вопль и топот бегущих ног.

— Что вы тут затеяли? — загремел сторож, выбегая на свет.

Дракон повернулся на пьедестале и соскользнул с него навстречу сторожу.

— Берегись! — рявкнул Оп, держа лапу Сильвестра железной хваткой.

Дракон двигался осторожной, почти семенящей походкой, вопросительно наклонив голову. Он взмахнул хвостом и смел на пол полдюжину чаш и кувшинов.

Раздался оглушительный треск, блестящие черепки брызнули во все стороны.

— Эй, прекратите! — крикнул сторож и, по-видимому, только тут заметил дракона. Он взвизгнул и кинулся наутек. Дракон неторопливо затрусил за ним, с любопытством вытягивая шею. Его продвижение по залам музея сопровождалось грохотом и звоном.

— Если мы не уберем его отсюда, — заявил Максвелл, — тут скоро не останется ни одного целого экспоната. При таких темпах ему на это потребуется не больше пятнадцати минут. Он сотрет весь музей в порошок. И ради всего святого, Оп, не выпусти Сильвестра. Нам только не хватает боя тигра с драконом!

Он поднялся с пола, снял с головы аппарат и сунул его в карман.

— Можно открыть двери, — предложила Кэрол, — и выгнать его наружу. Я знаю, как отпираются большие двери.

— Оп, а ты умеешь пасти драконов? — осведомился Максвелл.

Дракон тем временем добрался до последнего зала и повернул назад.

— Оп! — попросила Кэрол. — Помогите мне. Тут нужна сила.

— А тигр как же?

— Предоставь его мне, — распорядился Максвелл. — Может быть, он возьмет себя в руки. И вообще послушается меня.

Приближение дракона было отмечено новыми взрывами треска и грохота. Максвелл застонал. Шарп убьет его за это. И с полным правом: хотя они и друзья, но музей разгромлен, а Артефакт преобразился в буйствующее многотонное чудовище!

Максвелл осторожно направился туда, откуда донесся очередной грохот. Сильвестр последовал за ним, припадая к полу. В темноте Максвелл с трудом различил очертания дракона, плутающего среди стендов.

— Хороший, хороший дракошечка, умница! — сказал Максвелл. — Легче на поворотах, старина!

Это прозвучало довольно глупо и неубедительно. Но как вообще полагается разговаривать с драконами?

Сильвестр испустил хриплое рычание.

— Хоть ты-то не суйся! — сердито сказал Максвелл. — И без тебя все так скверно, что дальше некуда.

А где сейчас сторож, подумал он. Наверное, звонит в полицию, так что гроза может разразиться с минуты на минуту.

Позади раздалось поскрипывание открывающихся створок огромной двери. Хоть бы дракон подождал, пока они совсем откроются! Тогда его, возможно, удастся выгнать из музея. Да, но дальше-то что? Максвелл содрогнулся при мысли о том, как гигантское чудовище начнет резвить-

ся на улицах городка и в академических двориках. Может быть, все-таки лучше оставить его взаперти?

Он замер в нерешительности, взвешивая минусы запертого дракона по сравнению с минусами дракона на свободе. Музей и так разнесен вдребезги, а потому довершение этого разгрома, пожалуй, все-таки предпочтительнее того, что может натворить дракон в городке.

Створки продолжали поскрипывать, расходясь. Дракон, до тех пор передвигавшийся легкой рысцой, вдруг припустился галопом в их сторону.

Максвелл стремительно повернулся, вопя:

— Двери! Закройте двери! — и еле успел отскочить с пути мчащегося дракона.

Створки остались полуоткрытыми, а Кэрол и Оп метнулись в разные стороны, стараясь предоставить как можно больше пустого пространства для надвигающегося на них чудовища, которому явно захотелось погулять.

По залам музея прокатился громовый рык, и Сильвестр помчался вдогонку за убегающим драконом.

Прижавшись к стене, Кэрол кричала:

— Сильвестр, прекрати! Не смей, Сильвестр! Не смей!

На бегу дракон нервно хлестал гибким хвостом. Разлетались витрины и столы, волчками крутились статуи. Дракон стремился к свободе, оставляя позади себя хаос и разрушение.

Максвелл со стоном бросился за Сильвестром и драконом, хотя сам не понимал, что он, собственно, собирается сделать. Меньше всего ему хотелось хватать дракона за хвост.

Дракон достиг дверей и прыгнул — прыгнул высоко в воздух, разворачивая крылья, которые загремели, как паруса под ветром.

Максвелл резко остановился в дверях, чуть не потеряв равновесие. На нижней ступеньке крыльца Сильвестр, также с усилием затормозив, теперь тянулся всем телом вверх, негодующе рыча на летящего дракона.

Это было ошеломительное зрелище. Лунный свет играл на поднимающихся и опускающихся крыльях, алыми, золотыми и голубыми огнями вспыхивал на тысячах полированных чешуек, и казалось, что в небе дрожит многоцветная радуга.

Из дверей выскочили Кэрол с Опом и тоже задрали головы.

— Как красиво! — сказала Кэрол.

— Да, не правда ли? — отозвался Максвелл.

И только тут он полностью осознал смысл случившегося: Артефакта больше не существовало, и колесник лишился своей покупки. Но и он уже не мог представить хрустальной планете требуемую цену. Цепь событий, начавшаяся с дублирования его волновой схемы, когда он направлялся в систему Енотовой Шкуры, оборвалась. И если бы не эта летящая в небе радуга, можно было бы считать, что вообще ничего не произошло.

Дракон взмывал все выше, описывая расширяющиеся круги, и казался теперь просто многоцветным пятном.

— Вот так! — уныло сказал Оп. — Что мы предпримем теперь?

— Это я во всем виновата, — пробормотала Кэрол.

— Виноватых тут нет, — возразил Оп. — Неумолимый ход событий — и все.

— Ну, во всяком случае, мы сорвали Харлоу его продажу! — заметил Максвелл.

— Что да, то да, — сказал голос позади них. — Не будет ли кто-нибудь так любезен объяснить мне, что здесь происходит?

Они обернулись.

В дверях музея стоял Харлоу Шарп. В зале теперь горели все лампы, его фигура выделялась в светлом прямоугольнике дверей четким черным силуэтом.

— Музей разгромлен, — сказал Шарп, — Артефакт исчез, а тут я вижу вас двоих, как я мог бы предугадать заранее. Мисс Хэмптон, я удивлен. Я никак не ожидал найти вас в таком дурном обществе. Впрочем, этот ваш бешеный кот...

— Пожалуйста, не примешивайте сюда Сильвестра! — воскликнула она. — Он тут ни при чем!

— Так как же, Пит? — спросил Шарп.

Максвелл помотал головой.

— Мне трудно объяснить...

— Я так и предполагал, — сказал Шарп. — Когда ты разговаривал со мной сегодня вечером, ты уже имел в виду все это?

— Нет. Непредвиденная случайность.

— Дорогостоящая случайность! — заметил Шарп. — Может быть, тебе будет интересно узнать, что ты затормозил работу Института времени лет на сто, если не больше. Правда, если вы просто унесли Артефакт и где-то его припрятали, это еще можно исправить. В таком случае даю вам, мой друг, ровно пять секунд на то, чтобы вы его мне вернули.

Максвелл судорожно глотнул.

— Я его не уносил, Харлоу. Я к нему даже не прикасался. Я сам не понимаю, что произошло. Он превратился в дракона.

— Во что? Во что?

— В дракона. Пойми же, Харлоу...

— Ага! — воскликнул Шарп. — Ты ведь всегда бредил драконами. И в систему Енотовой Шкуры отправился подыскать себе дракона. И вот теперь ты им обзавелся! Надеюсь, не завалящим каким-нибудь?

— Он очень красивый, — сказала Кэрол. — Золотой и сияющий.

— Чудесно. Нет, просто замечательно. Мы все можем разбогатеть, таская его по ярмаркам. Организуем цирк и сделаем дракона гвоздем представления. Я уже вижу анонс — большими такими буквами: «ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ДРАКОН».

— Но его же здесь нет, — объяснила Кэрол. — Он взял и улетел.

— Оп! А вы почему молчите? — поинтересовался Шарп. — Что с вами приключилось? Обычно вы гораздо разговорчивее. Что произошло?

— Я глубоко огорчен, — пробормотал Оп.

Шарп отвернулся от неандертальца и посмотрел на Максвелла.

— Пит, — сказал он, — возможно, ты все-таки понимаешь, что ты натворил. Сторож позвонил мне и хотел вызвать полицию. Но я велел ему подождать, пока я сам не посмотрю, что произошло. Правда, ничего подобного я все-таки не ожидал. Артефакт исчез, и, значит, я не могу вручить его покупателю и должен буду вернуть деньги — и какие деньги! — а чуть ли не половина экспонатов разбита вдребезги...

— Их разбил дракон, — объяснил Максвелл. — Прежде чем мы успели его выпустить.

— Ах, так вы его выпустили? Он не сам удрал, а вы его просто выпустили!

— Но он же громил музей. Мы совсем растерялись, ну, и...

— Пит, скажи мне, только честно. А был ли дракон?

— Да, был. Его заключили в Артефакт. Но возможно, что Артефакт — это и был он. Не спрашивай меня, как это было сделано. Скорее всего, с помощью чар...

— Ах, чар!

— Но чары существуют, Харлоу. Я не знаю принципа их действия. Хотя я много лет занимался их изучением, мне так и не удалось узнать ничего конкретного.

— Мне кажется, — сказал Харлоу, — здесь кое-кого не хватает. Еще одной личности, без которой не обходится ни один такой скандал. Оп, скажите, будьте так добры, где Дух, ваш ближайший и дражайший друг?

Он покачал головой.

— Разве за ним уследишь? Постоянно куда-нибудь исчезает.

— И это еще не все, — продолжал Шарп. — Есть еще одно обстоятельство, которое нам следует прояснить. Пропал Шекспир. Не мог ли бы кто-нибудь из вас пролить свет на это исчезновение?

— Он некоторое время был с нами, — сказал Оп. — Мы как раз собрались поужинать, но он вдруг перепугался и удрал. Это случилось в тот момент, когда Дух припомнил, что он дух Шекспира. Вы же знаете, как он все эти годы мучился оттого, что не знал, чей он дух.

Медленно, постепенно Шарп опустился на верхнюю ступеньку и медленно, постепенно обвел их взглядом.

— Ничего, — сказал он, — ну, ничего вы не упустили, начав губить Харлоу Шарпа. Вы прекрасно справились со своей задачей.

— Мы не собирались вас губить, — возразил Оп. — Мы питаем к вам самые лучшие чувства. Но просто все пошло вкривь и вкось, да так и не остановилось.

— Я имею полное право, — сказал Шарп, — подать на вас в суд для взыскания всех убытков музея. Я должен был бы потребовать судебного постановления — и, будьте спокойны, я его добился бы! — и оно обязало бы вас всех работать на Институт времени до скончания ваших дней. Но вы все трое вместе взятые неспособны отработать и миллионной доли того, во что обошлись институту ваши сегодняшние развлечения. Поэтому мне нет никакого смысла обращаться в суд. Хотя, полагаю, без полиции обойтись будет нельзя. Я обязан поставить ее в известность. Так что, боюсь, вам всем придется ответить на порядочное число вопросов.

— Если бы кто-нибудь из вас только согласился меня выслушать! — пожаловался Максвелл. — Я мог бы все объяснить. Только этого я и добивался с момента моего возвращения на Землю — найти кого-то, кто бы меня выслушал. Я ведь пытался объяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечером...

— В таком случае, — заявил Шарп, — можешь начать объяснения немедленно. Признаюсь, мне будет любопытно их послушать. Пойдемте в мой служебный кабинет, где нам будет уютнее разговаривать. Это ведь близко — через дорогу. Или это вам неудобно? Возможно, вам еще осталось сделать два-три завершающих штриха, чтобы окончательно разорить Институт времени?

— Да нет, пожалуй, — сказал Оп. — Насколько могу судить, мы уже сделали все, что было в наших силах.

23

В приемной Шарпа им навстречу поднялся инспектор Дрейтон.

— Хорошо, что вы наконец пришли, доктор Шарп, — сказал он. — Произошло нечто...

Тут инспектор увидел Максвелла и на мгновение умолк.

— А, это вы! — продолжал он после короткой паузы. — Рад вас видеть. Вы-таки заставили меня погоняться за вами!

Максвелл скорчил гримасу.

— К сожалению, не могу сказать, инспектор, что разделяю вашу радость.

Уж если он мог без кого-нибудь спокойно обойтись в настоящую минуту, сказал себе Максвелл, то, конечно, без инспектора Дрейтона.

— А кто вы, собственно, такой? — резко спросил Шарп. — По какому праву вы сюда врываетесь?

— Я инспектор службы безопасности. Моя фамилия Дрейтон. Позавчера у меня была короткая беседа с профессором Максвеллом каса-

тельно его возвращения на Землю, но, боюсь, осталось еще несколько вопросов, которые...

— В таком случае, — заявил Шарп, — будьте добры встать в очередь. У меня есть к доктору Максвеллу кое-какое дело, и, боюсь, оно важнее вашего.

— Вы меня не поняли, — терпеливо сказал Дрейтон. — Я пришел сюда не для разговора с вашим другом. Его появление с вами — это всего лишь приятный сюрприз. А ваша помощь нужна мне в связи с совсем другим делом, возникшим довольно неожиданно. Видите ли, я узнал, что профессор Максвелл был в числе гостей на последнем приеме мисс Клейтон, а потому я отправился к ней...

— Ничего не понимаю! — перебил Шарп. — Ну при чем тут Нэнси Клейтон?

— Право, не знаю, Харлоу, — сказала Нэнси Клейтон, выходя из его кабинета. — Я всегда стараюсь избегать историй. Я просто люблю, когда у меня бывают мои друзья, и, по-моему, в этом нет ничего плохого!

— Нэнси, пожалуйста, погоди! — взмолился Шарп. — Объясни сначала, что, собственно, происходит. Зачем ты пришла сюда? А зачем пришел инспектор Дрейтон? И...

— Из-за Ламберта, — сказала Нэнси.

— Из-за художника, который написал эту твою картину?

— У меня их три! — с гордостью сообщила Нэнси.

— Но Ламберт умер пятьсот с лишним лет назад!

— Я и сама так думала, — ответила Нэнси. — Но сегодня вечером он пришел ко мне. Говорит, что заблудился.

Из кабинета, вежливо отодвинув Нэнси в сторону, вышел мужчина — высокий, крепкий, белобрысый, с лицом, изборожденным глубокими морщинами.

— Господа! — сказал он. — Кажется, речь идет обо мне? В таком случае не разрешите ли вы и мне принять участие в вашей беседе?

Его произношение производило странное впечатление, но он улыбнулся им всем такой веселой и добродушной улыбкой, что они почувствовали к нему невольную симпатию.

— Вы — Альберт Ламберт? — спросил Максвелл.

— Не кто иной, — ответил Ламберт. — Надеюсь, я вам не помешал? Но со мной приключилась большая неприятность.

— Только с вами одним? — осведомился Шарп.

— Право, не могу сказать, — сказал Ламберт. — Вероятно, неприятности приключаются со множеством людей. Однако для каждого в подобном случае вопрос ставится просто — как найти выход из положения?

— Почтеннейший! — воскликнул Шарп. — Вот над этим-то я и ломаю голову, совсем как вы.

— Разве ты не понимаешь, что Ламберт его уже нашел? — спросил Максвелл у Шарпа. — Он явился именно туда, где ему могут помочь.

— На вашем месте, молодой человек, — вмешался Дрейтон, — я держался бы потише. В тот раз вы меня провели, но теперь вам от меня так просто не отделаться. Сначала вы ответите на некоторые вопросы.

— Инспектор, — попросил Шарп, — ну, пожалуйста, не вмешивайтесь. И без вас голова идет кругом. Артефакт исчез, музей разгромлен, Шекспир пропал.

— Но мне-то, — вразумительно сказал Ламберт, — мне-то нужно всего лишь одно: вернуться домой. В мой две тысячи двадцать третий год.

— Погодите минутку, — потребовал Шарп. — Вы лезете без очереди. Я не...

— Харлоу, — перебил Максвелл, — я же тебе уже объяснял. Не далее как сегодня вечером. Я еще спросил тебя про Симонсона. Не мог же ты забыть!

— Симонсон? А, да! — Шарп посмотрел на Ламберта. — Вы — тот художник, который нарисовал картину с Артефактом?

— С каким Артефактом?

— Большим черным камнем на вершине холма.

Ламберт покачал головой.

— Нет, я ее не писал. Но, наверное, еще напишу. Вернее, не могу не написать. Мисс Клейтон показала ее мне, и кисть, несомненно, моя. И хотя не мне бы это говорить, а вещь получилась недурная.

— Значит, вы действительно видели Артефакт в юрском периоде?

— Когда-когда?

— Двести миллионов лет назад.

— Так давно? — удивился Ламберт. — Впрочем, я так и полагал. Там ведь были динозавры.

— Но как же вы не знали? Вы ведь путешествовали во времени.

— Беда в том, — объяснил Ламберт, — что настройка времени закапризничала. Я больше не способен попадать в то время, в которое хочу.

Шарп вскинул руки и сжал ладонями виски. Потом отнял руки от головы и проговорил:

— Давайте по порядку. Не торопясь. Сначала одно, потом другое, пока во всем не разберемся.

— Я ведь объяснил вам, — сказал Ламберт, — что хочу одного, самого простого. Я хочу вернуться домой.

— А где ваша машина времени? — спросил Шарп. — Где вы ее оставили? Мы могли бы ее наладить.

— Я ее нигде не оставлял. Я вообще не могу ее оставить. Она всегда со мной. Она у меня в голове.

— В голове?! — взвыл Шарп. — Машина времени в голове? Но это же невозможно!

Максвелл посмотрел на Шарпа и ухмыльнулся.

— Когда мы разговаривали про это сегодня вечером, — сказал он, — ты упомянул, что Симонсон не публиковал никаких сведений о своей машине времени. И вот теперь выясняется...

— Да, я тебе это сказал, — согласился Шарп. — Но кто в здравом уме и твердой памяти мог бы заподозрить, что машина времени вживляется в мозг объекта опыта? Это какой-то новый принцип. Мы прошли мимо него. — Он повернулся к Ламберту. — Вы не знаете, как она действует?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил тот. — Мне известно только, что с тех пор, как эту штучку засунули мне в череп — весьма сложная была операция, могу вас заверить! — я получил способность путешествовать во времени. Мне нужно было просто подумать о том, куда я хочу попасть, используя определенные несложные координаты, и я оказывался там. Но что-то разладилось. Что бы я ни думал, меня бросает вперед и назад, точно бильбоке, из эпохи в эпоху, причем совсем не в те, в которые я хотел бы попасть.

— А ведь в этом есть свои преимущества, — задумчиво произнес Шарп, ни к кому не обращаясь. — Возможность независимых действий и малый объем аппарата... несравненно меньший, чем тот, которым пользуемся мы. Иначе ведь нельзя было бы вживить его в мозг и... Ламберт, а что вам все-таки про него известно?

— Я же вам уже сказал: ничего. Меня совершенно не интересовало, как он работает. Просто Симонсон — мой друг, и...

— Но почему вы очутились здесь? Именно здесь? В данном месте и в данное время?

— Чистейшая случайность. Но попав сюда, я решил, что этот городок выглядит куда цивилизованнее, чем многие из тех мест, куда меня заносило, и начал наводить справки, чтобы сориентироваться. По-видимому, я еще никогда не забирался так далеко в будущее, поскольку почти сразу узнал, что вы тут уже начали путешествовать во времени и у вас есть Институт времени. Потом я прослышал про свою картину у мисс Клейтон и рассудил, что в этом случае она может отнестись ко мне благожелательно, а потому отправился к ней в надежде, что она поможет мне связаться с теми, кто мог бы оказать мне большую любезность, отправив меня домой. А пока я беседовал с ней, пришел инспектор Дрейтон...

— Мистер Ламберт! — сказала Нэнси. — Прежде чем вы будете продолжать, я хотела бы задать вам вопрос. Почему вы, когда вы были в юрской... в юрском... ну, там, где, как сказал Харлоу, вы были и написали эту свою картину...

— Вы забыли, — прервал ее Ламберт, — что я еще ничего не написал. Правда, у меня есть эскизы, и я надеюсь...

— Ну, хорошо. Так почему, когда вы начнете ее писать, вы не введете в нее динозавров? На ней динозавров нет, а вы только что

сказали, что поняли, в какую древнюю эпоху попали, когда увидели там динозавров.

— Я не написал динозавров по самой простой причине, — ответил Ламберт. — Там не было динозавров.

— Но вы же сказали...

— Поймите, — начал терпеливо объяснять художник, — я пишу только то, что вижу. Я никогда ничего не опускаю. Я никогда ничего не ввожу. А динозавров там не было, потому что другие создания, которые есть на картине, их разогнали. И я не написал ни динозавров, ни прочих.

— Прочих? — переспросил Максвелл. — О чем вы говорите? Что это были за прочие?

— Ну, те, на колесах, — ответил Ламберт.

Он умолк и обвел взглядом их ошеломленные лица.

— Я сказал какую-то неловкость?

— Нет-нет, что вы! — успокоила его Кэрол. — Продолжайте, мистер Ламберт. Расскажите нам про этих... на колесах.

— Вы, наверное, мне не поверите, — сказал Ламберт. — И я не могу вам объяснить, что они были такое. Может быть, рабы. Рабочий скот. Носильщики. Сервы. По-видимому, они были не машинами, а живыми существами, но они передвигались не с помощью ног, а с помощью колес и представляли собой что-то вроде гнезда насекомых. Ну, как пчелиный рой или муравейник. Общественные насекомые, по-видимому. Разумеется, я не жду, чтобы вы мне поверили, но даю вам честное слово...

Откуда-то издали донесся глухой нарастающий рокот, словно от быстро катящихся колес. Они замерли, прислушиваясь, и поняли, что колеса катятся по коридору. Рокот все приближался, становясь громче и громче. Внезапно он раздался у самой двери, затих на повороте, и на пороге кабинета возник колесник.

— Вот один из них! — взвизгнул Ламберт. — Что он тут делает?

— Мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, — я рад снова увидеться с вами.

— Нет, — сказал колесник. — Не мистер Мармадьюк. Так называемого мистера Мармадьюка вы больше не увидите. Он в большой немилости. Он совершил непростительную ошибку.

Сильвестр двинулся было вперед, но Оп быстро протянул руку, ухватил его за загривок и не выпустил, как ни старался тигренок вывернуться.

— Гуманоид, известный под именем Харлоу Шарп, заключил условие о продаже. Кто из вас Харлоу Шарп?

— Это я, — сказал Шарп.

— В этом случае, сэр, я должен спросить вас, как вы думаете выполнить указанное условие?

— Я ничего не могу сделать, — ответил Шарп. — Артефакт исчез и не может быть вам вручен. Ваши деньги, разумеется, будут вам немедленно возвращены.

— Этого, мистер Шарп, окажется недостаточно, — сказал колесник. — Далеко, далеко недостаточно. Мы возбудим против вас преследование по закону. Мы пустим против вас в ход все, чем мы располагаем. Мы сделаем все, чтобы ввергнуть вас в разорение и...

— Ах ты, самоходная тачка! — вдруг взорвался Шарп. — На какой это закон вы думаете ссылаться? Галактический закон неприложим к таким тварям! И если вы воображаете, что можете являться сюда и угрожать мне...

В проеме двери из ничего возник Дух.

— Явился наконец — взревел Оп сердито. — Где тебя носило всю ночь? Куда ты девал Шекспира?

— Бард в безопасном месте, — ответил Дух, — но у меня другие известия. — Рукав его одеяния взметнулся, указывая на колесника. — Его сородичи ворвались в заповедник гоблинов и ловят дракона!

Так значит, они с самого начала охотились именно за драконом, несколько нелогично подумал Максвелл. Значит, колесники всегда знали, что в Артефакте скрыт дракон? И сам себе ответил — да, конечно, знали! Ведь это они сами или их предки жили на Земле в юрский период. В юрский период — на Земле? А в какие времена на разных других планетах? Ламберт назвал их сервами, носильщиками, рабочим скотом. Были ли они биологическими роботами, которых создали эти древние существа? А может быть, одомашненными животными, приспособленными с помощью генетической обработки к выполнению определенных функций?

И вот теперь эти бывшие рабы, создав собственную империю, пробуют завладеть тем, что с некоторым правом могут считать своим. Потому что больше нигде во всем мире, исключая разрозненные, вымирающие остатки былых поселений, не осталось иных следов гигантского замысла освоить новую юную вселенную, о котором мечтала хрустальная планета.

И может быть, может быть, подумал Максвелл, это наследие и должно принадлежать им. Ибо осуществление этого замысла опиралось на их труд. И не пытался ли умирающий баньши, томимый сознанием давней вины, не пытался ли он искупить прошлое, когда обманул хрустальную планету, чтобы помочь этим бывшим рабам? Или он полагал, что лучше отдать это наследие не чужакам, а существам, которые сыграли свою роль — пусть небольшую, пусть чисто служебную — в подготовке к осуществлению великого замысла, который так и не удалось привести в исполнение?

— То есть пока вы стоите здесь и угрожаете мне, — говорил Шарп колеснику, — ваши бандиты...

— Уж он ничего не упустит, — вставил Оп.

— Дракон, — сказал Дух, — отправился в единственное родное и близкое место, какое ему удалось отыскать на этой планете. Он полетел туда, где живет маленький народец, в надежде увидеть вновь своих сородичей, парящих в лунном свете над речной долиной. И тут на него с воздуха напали колесники, пытаясь прижать его к земле, чтобы там схватить. Дракон доблестно отбивает их атаки, но...

— Колесники не умеют летать, — перебил его Шарп. — И вы сказали, что их там много. Этого не может быть. Мистер Мармадьюк был единственным...

— Возможно, и считается, что они не могут летать, — возразил Дух. — Но вот летают же! А почему их много, я не знаю. Может быть, они все время были здесь и прятались, а может быть, пополнение к ним прибывает с передаточных станций.

— Ну, этому мы можем положить конец! — воскликнул Максвелл. — Надо поставить в известность транспортников, и...

Шарп покачал головой.

— Нет. Транспортная система не принадлежит Земле. Это межгалактическая организация. Мы не имеем права вмешиваться...

— Мистер Мармадьюк, — сказал инспектор Дрейтон самым официальным своим тоном, — или как бы вы там себя ни называли, судя по всему, я должен вас арестовать.

— Прекратите словоизлияния! — воскликнул Дух. — Маленькому народцу нужна помощь.

Максвелл схватил стул.

— Довольно дурачиться! — сказал он и, занеся стул над головой, обратился к колеснику: — Ну-ка, выкладывайте все начистоту, иначе я вас в лепешку расшибу!

Внезапно из груди колесника высунулись наконечники сопел и раздалось пронзительное шипение. В лицо людям ударила невыносимая вонь, смрад, который бил по желудку, как тяжелый кулак, вызывая мучительную тошноту.

Максвелл почувствовал, что падает на пол — тело перестало ему повиноваться и словно связалось в узлы, парализованное зловонием, которое выбрасывал колесник. Он схватил себя за горло, задыхаясь, жадно глотая воздух, но воздуха не было, был только густой удушливый смрад.

Над его головой раздался ужасающий визг, и, перекатившись на бок, он увидел Сильвестра — вцепившись передними лапами в верхнюю часть тела колесника, тигренок рвал когтями мощных задних лап пухлое прозрачное брюхо, в котором извивалась отвратительная масса белесых насекомых. Колеса колесника отчаянно вращались, но с ними что-то произошло: одно колесо вертелось в одну сторону, а другое — в противоположную, в результате чего колесник волчком вертелся на месте, а Сильвестр висел на нем, терзая его брюхо.

Максвеллу вдруг показалось, что они танцуют нелепый стремительный вальс.

Чья-то рука ухватила Максвелла за локоть и бесцеремонно поволокла по полу. Его тело стукнулось о порог, и он, наконец, глотнул более или менее чистого воздуха.

Максвелл перекатился на живот, встал на четвереньки и с трудом поднялся на ноги. Потом кулаками протер слезящиеся глаза. Вонь достигла и коридора, но тут все-таки можно было кое-как дышать.

Шарп сидел, привалившись к стене, судорожно кашлял и тер глаза. Кэрол скорчилась в углу. Оп, согнувшись в три погибели, тащил из отравленной комнаты бесчувственную Нэнси, а оттуда по-прежнему доносился свирепый визг саблезубого тигра, расправляющегося с врагом.

Максвелл, пошатываясь, побрел к Кэрол, поднял ее, вскинул на плечо, как мешок, повернулся и заковылял по коридору к выходу.

Шагов через двадцать он остановился и оглянулся. В этот момент из двери приемной выскочил колесник. Он наконец стряхнул с себя Сильвестра, и оба колеса вращались теперь в одну сторону. Он двигался по коридору, выписывая фантастические вензеля, прихрамывая — если только существо на колесах способно прихрамывать, — натыкаясь на стены. Из огромной прорехи в его животе на пол сыпались какие-то маленькие белые крупинки.

Шагах в десяти от Максвелла колесник упал, потому что одно из колес, ударившись о стену, прогнулось. Медленно, с каким-то странным достоинством колесник перевернулся, и из его живота хлынул поток насекомых, образовавших на полу порядочную кучу.

По коридору крадущейся походкой скользил Сильвестр. Он припадал на брюхо, вытягивал морду и осторожными шажками подбирался к своей жертве. За тигренком шел Оп, а за неандертальцем — все остальные.

— Вы могли бы спустить меня на пол, — сказала Кэрол.

Максвелл бережно опустил ее и помог встать на ноги. Она прислонилась к стене и негодующе заявила:

— По-моему, трудно придумать более нелепый способ переноски. Тащить женщину, как узел с тряпьем! Где ваша галантность?

— Прошу прощения, — сказал Максвелл. — Мне, конечно, следовало оставить вас на полу.

Сильвестр остановился и, вытянув шею, обнюхал колесника. Он наморщил нос, и на его морде было написано брезгливое недоумение. Колесник не подавал никаких признаков жизни. Сильвестр удовлетворенно попятился, присел на задние лапы и принялся умываться. На полу возле неподвижного колесника копошилась куча насекомых. Около десятка их ползло к выходу.

Шарп быстро прошел мимо колесника.

— Идемте, — сказал он. — Надо выбраться отсюда.

В коридоре все еще висела отвратительная вонь.

— Но что произошло? — жалобно спросила Нэнси. — Почему мистер Мармадьюк...

— Горстка жуков-вонючек, и ничего больше! — объяснил ей Оп. — Нет, вы подумайте! Галактическая раса жуков-вонючек! И они нагнали на нас страху!

Инспектор Дрейтон встал поперек коридора.

— Боюсь, — сказал он внушительно, — что вам всем придется пойти со мной. Мне понадобятся ваши показания.

— Показания? — злобно повторил Шарп. — Да вы с ума сошли! Какие там показания, когда дракон на воле и...

— Но ведь был убит внеземлянин! — возразил Дрейтон. — И не простой внеземлянин, а представитель наших возможных врагов. Это может привести к самым непредвиденным последствиям.

— Да запишите просто: «Убит диким зверем», — посоветовал Оп.

— Оп, как вы смеете! — вспылила Кэрол. — Сильвестр совсем не дикий. Он ласков, как котенок. И он вовсе не зверь!

— А где Дух? — спросил Максвелл, оглядываясь.

— Смылся, — ответил Оп. — Его обычная манера, когда дело начинает пахнуть керосином. Трус он, и больше ничего.

— Но он же сказал...

— Правильно, — отозвался Оп. — И мы напрасно тратим время. О'Тулу нужна помощь.

24

Мистер О'Тул ждал их у шоссе.

— Я знал, что вы не преминете прибыть, — приветствовал он их, едва они сошли с полосы. — Дух сказал, что разыщет вас и оповестит. А нам безотлагательно потребен кто-то, кто сумеет вразумить троллей, которые попрятались в мосту, бессмысленно бормочут и не слушают никаких доводов.

— Но при чем тут тролли? — спросил Максвелл. — Хоть раз в жизни не могли бы вы забыть про троллей?

— Тролли, — возразил мистер О'Тул, — как они ни подлы, одни лишь способны оказать нам помощь. Они ведь единственные, кто, не вкусив плодов цивилизации с ее множеством удобств, сохранили сноровку в колдовстве былых времен, и специализируются они на самых черных, самых вредных чарах. Феи, естественно, также хранят заветы старины, но их волшебство направлено лишь на все доброе, а доброта — это не то, в чем мы нуждаемся сейчас.

— Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, происходит? — попросил Шарп. — Дух испарился, ничего толком не сказав.

— С удовольствием, — ответил гоблин. — Но прежде отправимся в путь, не мешкая, и я поведаю вам все обстоятельства на ходу. Нам не осталось времени, чтобы терять его зря, а тролли упрямы, и много потребуется убеждений, дабы они согласились помочь нам. Они засели в обомшелых камнях своего дурацкого моста и хихикают как умалишенные. Хотя как ни горька такая правда, но этим грязным троллям лишаться-то нечего!

Они начали гуськом подниматься вверх по узкому оврагу, разделявшему две гряды холмов. Небо на востоке посветлело, но на тропинке, вьющейся среди кустов под густыми деревьями, было совсем темно. Там и сям уже звучал щебет просыпающихся птиц, а где-то на холме верещал енот.

— Дракон прилетел к нам, — рассказывал О'Тул. — В единственное место на Земле, где он еще мог найти близких себе, а колесники — которые в древние времена назывались совсем по-другому — напали на него, как метлы, летящие боевым строем. Нельзя позволить, чтобы они принудили его спуститься на землю, ибо тогда они без труда изловят его и утащат к себе. И поистине, он сражается доблестно и отражает их натиск, но он начинает уставать, и нам надо торопиться, если мы хотим поспособствовать ему в тяжкую минуту.

— И вы рассчитываете, — сказал Максвелл, — что тролли сумеют остановить колесников в воздухе, как они остановили автолет?

— Вы догадливы, друг мой. Именно это я и замыслил. Но поганцы тролли задумали погреть здесь руки.

— Я никогда не слышал, что колесники умеют летать, — сказал Шарп. — Все, которых я видел, только катались по твердой земле.

— Умений их не перечесть, — ответил О'Тул. — Они способны сотворять из своих тел разные приспособления, которые ни назвать, ни вообразить невозможно. Трубки, чтобы выбрасывать гнусный газ, пистолеты, чтобы поражать врагов смертоносными громами, реактивные двигатели для метел, что движутся с дивной быстротой. И всегда они замышляют только подлости и зло. Сколько ни прошло веков, а они, все еще полные злобы и мести, затаились в глубинах вселенной, лелея и вынашивая в своих смрадных умах планы, как стать тем, чем им никогда не стать, ибо они всегда были только слугами и слугами они останутся.

— Но к чему нам возиться с троллями? — растерянно спросил Дрейтон. — Я мог бы вызвать орудия и самолеты...

— Не валяйте дурака, — сердито ответил Шарп. — Мы их пальцем тронуть не можем. Нам необходимо обойтись без инцидента. Люди не могут вмешиваться в дело, которое обитатели холмов и их прежние служители должны разрешить между собой.

— Но ведь тигр уже убил...

— Тигр. А не человек. Мы можем...

— Сильвестр только защищал нас! — вмешалась Кэрол.

— Нельзя ли идти не так быстро? — взмолилась Нэнси. — Я не привыкла...

— Обопритесь на мою руку, — предложил Ламберт. — Тропа тут действительно очень крута.

— Знаешь, Пит, — радостно сказала Нэнси, — мистер Ламберт согласился погостить у меня год-другой и написать для меня несколько картин. Как мило с его стороны, не правда ли?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, конечно.

Тропа, которая до сих пор вилась вверх по склону, тут круто пошла вниз, к оврагу, усыпанному огромными камнями, в полусвете раннего утра напоминавшими приготовившихся к прыжку горбатых зверей. Через овраг был переброшен мост, казалось, доставленный сюда прямо с одной из дорог средневековья. Поглядев на него, Максвелл усомнился, действительно ли его построили всего несколько десятилетий назад, когда создавался заповедник.

И неужели, подумал он, прошло всего двое суток с того момента, когда он вернулся на Землю и попал прямо в кабинет инспектора Дрейтона? За этот срок произошло столько событий, что они, казалось, никак не могли вместиться в сорок восемь часов. И столько произошло — и продолжает происходить — самого невероятного! Но от исхода этих событий, возможно, зависели судьбы человечества и союза дружбы, который человек создал среди звезд.

Он попытался вызвать в своей душе ненависть к колесникам, но ненависти не было. Они были слишком чужды людям, слишком от них далеки, чтобы внушать ненависть. Они представлялись некоей абстракцией зла, а не злыми ожесточенными существами, хотя, как он прекрасно понимал, это не делало их менее опасными. Например, тот, другой Питер Максвелл: его, конечно, убили колесники — ведь там, где его нашли, в воздухе чувствовался странный, отвратительный запах, — и теперь, после тех нескольких минут в кабинете Шарпа, Максвелл легко представил себе, что это был за запах. А убили его колесники потому, что, по их сведениям, первым на Землю должен был вернуться Максвелл, попавший на хрустальную планету, и, убив его, они рассчитывали помешать ему сорвать переговоры, которые они вели о покупке Артефакта. Когда же появился второй Максвелл, они уже не рискнули прибегнуть к такому опасному средству вторично, а потому мистер Мармадьюк попытался подкупить его.

И тут Максвелл вспомнил, какую роль сыграл во всем этом Монти Черчилл, и обещал себе по завершении нынешнего утра, каким бы ни оказался исход, отыскать его и скрупулезно свести с ним счеты по всем статьям.

Тем временем они приблизились к мосту, прошли под ним и остановились.

— Эй вы! Ничтожные тролли! — завопил мистер О'Тул, обращаясь к безмолвным камням. — Нас много пришло сюда побеседовать с вами!

— Ну-ка, замолчите! — сказал Максвелл, обращаясь к О'Тулу. — И вообще не вмешивайтесь. Вы же не ладите с троллями.

— А кто, — возмущенно спросил О'Тул, — поладить с ними может? Упрямцы без чести они, и разум со здравым смыслом равно им чужд!

— Замолчите, и ни слова больше, — повторил Максвелл.

Все они умолкли, и вокруг воцарилась глубокая тишина нарождающегося утра, а потом из-под дальнего конца моста донесся пискливый голос.

— Кто тут? — спросил голос. — Если вы пришли помыкать нами, мы не поддадимся! Крикун О'Тул все эти годы помыкал нами и поносил нас, и больше мы терпеть не будем.

— Меня зовут Максвелл, — ответил Максвелл невидимому парламентеру. — И я пришел не помыкать вами, я пришел просить о помощи.

— Максвелл? Добрый друг О'Тула?

— Добрый друг всех вас. И каждого из вас. Я сидел с умирающим баньши, заменяя тех, кто не захотел прийти к нему в последние минуты.

— И все равно ты пьешь с О'Тулом, да-да! И разговариваешь с ним, да! И веришь его напраслине.

О'Тул выскочил вперед, подпрыгивая от ярости.

— Вот это я вам в глотки вобью, — взвизгнул он. — Дайте мне только наложить лапы на их мерзкие шеи...

Он внезапно умолк, потому что Шарп ухватил его сзади за штаны и поднял, не обращая внимания на его бессвязные гневные вопли.

— Валяй! — сказал Шарп Максвеллу. — А если этот бахвальщик еще посмеет рот раскрыть, я окуну его в первую попавшуюся лужу.

Сильвестр подобрался к Шарпу, вытянул морду и начал изящно обнюхивать болтающегося в воздухе О'Тула. Гоблин замахал руками, как ветряная мельница.

— Отгоните его! — взвизгнул он.

— Он думает, что ты мышь, — объяснил Оп. — И взвешивает, стоишь ли ты хлопот.

Шарп попятился и пнул Сильвестра в ребра. Сильвестр с рычанием отскочил.

— Харлоу Шарп! — закричала Кэрол, кидаясь к нему. — Если вы позволите себе еще раз ударить Сильвестра, я... я...

— Да заткнитесь же! — вне себя от бешенства крикнул Максвелл. — Все заткнитесь! Дракон там бьется из последних сил, а вы тут затеваете свары!

Все замолчали и отошли в сторону. Максвелл выдержал паузу, а потом обратился к троллям.

— Мне неизвестно, что произошло раньше, — сказал он. — Я не знаю причины вашей ссоры. Но нам нужна ваша помощь, и вы должны нам помочь. Я обещаю вам, что все будет честно и справедливо, но если вы не поведете себя разумно, мы проверим, что останется от вашего моста после того, как в него заложат два заряда взрывчатки.

Из-под моста донесся тихий пискливый голосок.

— Но ведь мы только всего и хотели, мы только всего и просили, чтобы крикун О'Тул сварил нам бочонок сладкого октябрьского эля.

— Это правда? — спросил Максвелл, оглядываясь на гоблина.

Шарп поставил О'Тула на землю, чтобы тот мог ответить.

— Это же будет неслыханное нарушение всех прецедентов! — возопил О'Тул. — Вот что это такое! С незапамятных времен только мы, гоблины, варим радующий сердце эль. И сами его выпиваем. Мы не можем сварить больше, чем мы можем выпить. А если сварить его для троллей, тогда и феи потребуют...

— Но ты же знаешь, — перебил его Оп, — что феи не пьют эля. Они ничего не пьют, кроме молока. И эльфы тоже.

— Из-за вас нас всех умучит жажда, — вопил О'Тул. — Неизмеримый тяжкий труд мы тратим, чтобы сварить его столько, сколько нужно нам! И времени, и размышлений, и усилий!

— Если вопрос только в производительности, — вмешался Шарп, — то ведь мы могли бы вам помочь.

Мистер О'Тул в бешенстве запрыгал на месте.

— А жучки?! — неистовствовал он. — А что будет с жучками? Вы не допустите их в эль, я знаю, пока он будет бродить. Уж эти мне гнусные правила санитарии и гигиены! А чтобы октябрьский эль удался на славу, в него должны падать жучки и всякая другая пакость, не то душистости в нем той не будет!

— Мы набросаем в него жучков, — пообещал Оп. — Наберем целое ведро и высыплем в чан.

О'Тул захлебывался от ярости. Его лицо побагровело.

— Невежество! — визжал он. — Жуков ведрами в него не сыплют. Жуки сами падают в него с дивной избирательностью и...

Его речь завершилась булькающим визгом и воплем Кэрол:

— Сильвестр! Не смей!

О'Тул, болтая руками и ногами, свешивался из пасти Сильвестра, который задрал голову так, что ноги гоблина не могли дотянуться до земли.

Оп с хохотом повалился на пожухлую траву, колотя по ней кулаками.

— Он думает, что О'Тул — это мышка! — вопил неандерталец. — Вы посмотрите на эту кисоньку! Она поймала мышку!

Сильвестр держал О'Тула очень осторожно, раня только его достоинство. Он почти не сжимал зубов, но огромные клыки не позволяли гоблину вырваться.

Шарп занес ногу для пинка.

— Нет! — крикнула Кэрол. — Только посмейте!

Шарп в нерешительности застыл на одной ноге.

— Оставь, Харлоу, — сказал Максвелл. — Пусть себе играет с О'Тулом. Он ведь так отличился сегодня у тебя в кабинете, что заслужил награду.

— Хорошо! — в отчаянии завопил О'Тул. — Мы сварим им бочонок эля! Два бочонка!

— Три! — пискнул голос из-под моста.

— Ладно, три, — согласился гоблин.

— И без увиливаний? — спросил Максвелл.

— Мы, гоблины, никогда не увиливаем, — заявил О'Тул.

— Ладно, Харлоу, — сказал Максвелл. — Дай ему хорошего пинка.

Шарп снова занес ногу. Сильвестр отпустил О'Тула и попятился.

Из моста хлынул поток троллей — возбужденно вопя, они кинулись на холм.

Люди начали взбираться по склону вслед за троллями.

Кэрол, которая шла впереди Максвелла, споткнулась и упала. Он помог ей подняться, но она вырвала у него руку и повернулась к нему, пылая гневом:

— Не смейте ко мне прикасаться! И разговаривать со мной не смейте! Вы велели Харлоу дать Сильвестру хорошего пинка! И накричали на меня! Сказали, чтобы я заткнулась!

Она повернулась и бросилась вверх по склону почти бегом. Максвелл несколько секунд ошеломленно смотрел ей вслед, а потом начал карабкаться прямо на обрыв, цепляясь за кусты и камни.

С вершины холма донеслись радостные вопли, и Максвелл увидел, как с неба, бешено вращая колесами, скатился большой черный шар и под треск ломающихся веток исчез в лесу справа от него. Он остановился, задрал голову и увидел, что над вершинами деревьев два черных шара мчатся прямо навстречу друг другу. Они не свернули в сторону, не снизили скорости. Столкнувшись, они взорвались. Максвелл проводил взглядом кувыркающиеся в воздухе обломки. Через секунду они дождем обрушились на лес.

Вверху на обрыве все еще слышались радостные крики, и вдали, у вершины холма, вздымающегося по ту сторону оврага, что-то, скрытое от его взгляда, тяжело ударилось о землю.

Максвелл полез дальше. Вокруг никого не было.

Вот и кончилось, сказал он себе. Тролли сделали свое дело, и дракон может теперь опуститься на землю. Максвелл усмехнулся. Столько лет он разыскивал дракона, и вот наконец дракон, но так ли

все просто? Что такое дракон и почему он был заключен в Артефакте, или превращен в Артефакт, или что там с ним сделали?

Странно, что Артефакт сопротивлялся любым воздействиям, не давая проникнуть в себя, пока он не надел переводящий аппарат и не посмотрел на черный брус сквозь очки. Так что же высвободило дракона из Артефакта? Несомненно, переводящий аппарат дал к этому какой-то толчок, но самый процесс оставался тайной. Впрочем, тайной, известной обитателям хрустальной планеты в числе многих и многих других, еще скрытых от жителей новой вселенной. Да, но случайно ли переводящий аппарат попал в его чемодан? Не положили ли его туда для того, чтобы он вызвал то превращение, которое вызвал? И вообще, действительно ли это был переводящий аппарат или совсем иной прибор, которому придали тот же внешний вид?

Максвелл вспомнил, что одно время он раздумывал, не был ли Артефакт богом маленького народца или тех неведомых существ, которые на заре земной истории вступили в общение с маленьким народцем. Так, может быть, он и не ошибся? Не был ли дракон богом из каких-то невообразимо древних времен?

Он снова начал карабкаться на обрыв, но уже не торопясь, потому что спешить больше было некуда. Впервые после того, как он возвратился с хрустальной планеты, его оставило ощущение, что нельзя терять ни минуты.

Максвелл уже достиг подножия холма, когда вдруг услышал музыку — сперва такую тихую и приглушенную, что он даже усомнился, не чудится ли она ему.

Он остановился и прислушался. Да, это, несомненно, была музыка.

Из-за горизонта высунулся краешек солнца, ослепительный сноп лучей озарил вершины деревьев на склоне над ним, и они заиграли всеми яркими красками осени. Но склон под ним все еще был погружен в сумрак.

Максвелл стоял и слушал — музыка была как звон серебряной воды, бегущей по счастливым камням. Неземная музыка. Музыка фей. Да-да. Слева от него на лужайке фей играл их оркестр.

Оркестр фей! Феи, танцующие на лужайке! Он никогда еще этого не видел, и вот теперь ему представился случай! Максвелл свернул влево и начал бесшумно пробираться к лужайке.

«Пожалуйста! — шептал он про себя. — Ну, пожалуйста, не исчезайте! Не надо меня бояться. Пожалуйста, останьтесь и дайте посмотреть на вас!»

Он подкрался уже совсем близко. Вон за этим валуном! А музыка все не смолкала.

Максвелл на четвереньках пополз вокруг валуна, стараясь не дышать.

И вот — он увидел!

Оркестранты сидели рядком на бревне у опушки и играли, а утренние лучи солнца блестели на их радужных крылышках и на сверкающих инструментах. Но на лужайке фей не было. Там танцевала только одна пара, которую Максвелл никак не ожидал увидеть в этом месте. Две чистые и простые души, каким только и дано танцевать под музыку фей.

Лицом друг к другу, двигаясь в такт волшебной музыке, на лужайке плясали Дух и Вильям Шекспир.

25

Дракон расположился на зубчатой стене замка, и солнце озаряло его многоцветное тело. Далеко внизу, в долине, река Висконсин, синяя, как уже забытое летнее небо, струила свои воды между пламенеющими лесными чащами. Со двора замка доносились звуки веселой пирушки — гоблины и тролли, на время забыв вражду, пили октябрьский эль, гремя огромными кружками по столам, которые ради торжественного случая были вынесены из зала, и распевали древние песни, сложенные в те далекие времена, когда такого существа, как Человек, не было еще и в помине.

Максвелл сидел на ушедшем в землю валуне и смотрел на долину. В десяти шагах от него, там, где обрыв круто уходил на сто с лишним футов вниз, рос старый искривленный кедр — искривленный ветрами, проносившимися по этой долине несчетное количество лет. Его кора была серебристо-серой, хвоя — светло-зеленой и душистой. Ее бодрящий аромат доносился даже до того места, где сидел Максвелл.

Вот все и кончилось благополучно, сказал он себе. Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотеку, но зато вон там, на стене замка, лежит дракон, а возможно, именно он и был настоящей ценой. Но если и нет, колесники проиграли, а это, пожалуй, даже еще важнее.

Все получилось отлично. Даже лучше, чем он мог надеяться. Если не считать того, что теперь все на него злы. Кэрол — потому что он сказал, чтобы Харлоу пнул Сильвестра, а ее попросил заткнуться. О'Тул — потому что он оставил его в пасти Сильвестра и тем принудил уступить троллям. Харлоу наверняка еще не простил ему сорванную продажу Артефакта и разгром музея. Но, может быть, заполучив назад Шекспира, он немного отойдет. И, конечно, Дрейтон, который, наверное, еще прицеливается снять с него допрос, и Лонгфелло в ректорате, который ни при каких обстоятельствах не проникнется к нему симпатией.

Иногда, сказал себе Максвелл, любить что-то, бороться за что-то — это дорогое удовольствие. Возможно, истинную мудрость жиз-

ни постигли только люди типа Нэнси Клейтон — пустоголовой Нэнси, у которой гостят знаменитости и которая устраивает сказочные приемы.

Он почувствовал мягкий толчок в спину и обернулся. Сильвестр немедленно облизал его щеки жестким шершавым языком.

— Не смей! — сказал Максвелл. — У тебя не язык, а терка.

Сильвестр довольно замурлыкал и устроился рядом с Максвеллом, тесно к нему прижавшись. И они начали вместе смотреть на долину.

— Тебе легко живется, — сообщил Максвелл тигренку. — Нет у тебя никаких забот. Живешь себе и в ус не дуешь.

Под чьей-то подошвой хрустнули камешки. Чей-то голос сказал:

— Вы прикарманили моего тигра. Можно, я сяду рядом и тоже им попользуюсь?

— Ну конечно, садитесь! — отозвался Максвелл. — Я сейчас подвинусь. Мне казалось, что вы больше не хотите со мной разговаривать.

— Там, внизу, вы вели себя гнусно, — сказала Кэрол, — и очень мне не понравились. Но, вероятно, у вас не было выбора.

На кедр опустилось темное облако.

Кэрол ахнула и прижалась к Максвеллу. Он крепко обнял ее одной рукой.

— Все в порядке, — сказал он. — Это только баньши.

— Но у него же нет тела! Нет лица! Только бесформенное облако...

— В этом нет ничего странного, — сказал ей баньши. — Так мы созданы, те двое из нас, которые еще остались. Большие грязные полотенца, колышущиеся в небе. И не бойтесь — человек, который сидит рядом с вами, — наш друг.

— Но третий не был ни моим другом, ни другом всего человечества, — сказал Максвелл. — Он продал нас колесникам.

— И все-таки ты сидел с ним, когда остальные не захотели прийти.

— Да. Это долг, который следует отдавать даже злейшему врагу.

— Значит, — сказал баньши, — ты способен что-то понять. Колесники ведь были одними из нас и, может быть, еще остаются одними их нас. Древние узы рвутся нелегко.

— Мне кажется, я понимаю, — сказал Максвелл. — Что я могу сделать для тебя?

— Я явился только для того, чтобы сообщить тебе, что место, которое вы называете хрустальной планетой, извещено обо всем, — сказал баньши.

— Им нужен дракон? — спросил Максвелл. — Тебе придется дать нам их координаты.

— Координаты будут даны Транспортному центру. Вам надо будет отправиться туда — и тебе и многим другим, — чтобы доставить на Землю библиотеку. Но дракон останется на Земле, здесь, в заповеднике гоблинов.

— Я не понимаю, — сказал Максвелл. — Им же нужен был...

— Артефакт, — докончил баньши. — Чтобы освободить дракона. Он слишком долго оставался в заключении.

— С юрского периода, — добавил Максвелл. — Я согласен: это слишком долгий срок.

— Но так произошло против нашей воли, — сказал баньши. — Вы завладели им прежде, чем мы успели вернуть ему свободу, и мы думали, что он пропал бесследно. Артефакт должен был обеспечить ему безопасность, пока колония на Земле не утвердилась бы настолько, чтобы могла его оберегать.

— Оберегать? Почему его нужно было оберегать?

— Потому что, — ответил баньши, — он последний в своем роду и очень дорог всем нам. Он последний из... из... я не знаю, как это выразить... У вас есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— Да, — сказала Кэрол. — Вот одно из них сидит здесь с нами.

— Предметы забавы, — продолжал баньши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которые были вашими спутниками с первых дней вашей истории. А дракон — то же самое для обитателей хрустальной планеты. Их последний четвероногий друг. Они состарились, они скоро исчезнут. И они не могут бросить своего четвероногого друга на произвол судьбы. Они хотят отдать его в заботливые и любящие руки.

— Гоблины будут о нем хорошо заботиться, — сказала Кэрол. — И тролли, и феи, и все остальные обитатели холмов. Они будут им гордиться. Они его совсем избалуют.

— И люди тоже?

— И люди тоже, — повторила она.

Они не уловили, как он исчез. Только его уже не было. И даже грязное полотенце не колыхалось в небе. Кедр был пуст.

Четвероногий друг, подумал Максвелл. Не бог, а домашний зверь. И все-таки вряд ли это так просто и плоско. Когда люди научились конструировать биомеханические организмы, кого они создали в первую очередь? Не других людей — во всяком случае, вначале, — не рабочий скот, не роботов, предназначенных для одной какой-нибудь функции. Они создали четвероногих друзей.

Кэрол потерлась о его плечо.

— О чем вы думаете, Пит?

— О приглашении. О том, чтобы пригласить вас пообедать со мной. Один раз вы уже согласились, но все получилось как-то нескладно. Может, попробуете еще раз?

— В «Свинье и Свистке»?

— Если хотите?

— Без Опа и без Духа. Без любителей скандалов.

— Но, конечно, с Сильвестром.

— Нет, — сказала Кэрол. — Только вы и я. А Сильвестр останется дома. Ему пора привыкать к тому, что он уже не маленький.

Они поднялись с валуна и направились к замку.

Сильвестр поглядел на дракона, разлегшегося на зубчатой стене, и зарычал.

Дракон опустил голову на гибкой шее и посмотрел тигренку прямо в глаза. И показал ему длинный раздвоенный язык.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД

Роман

Перевод с английского Л.Жданова

5

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

Роман

Перевод с английского С.Васильевой

189

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

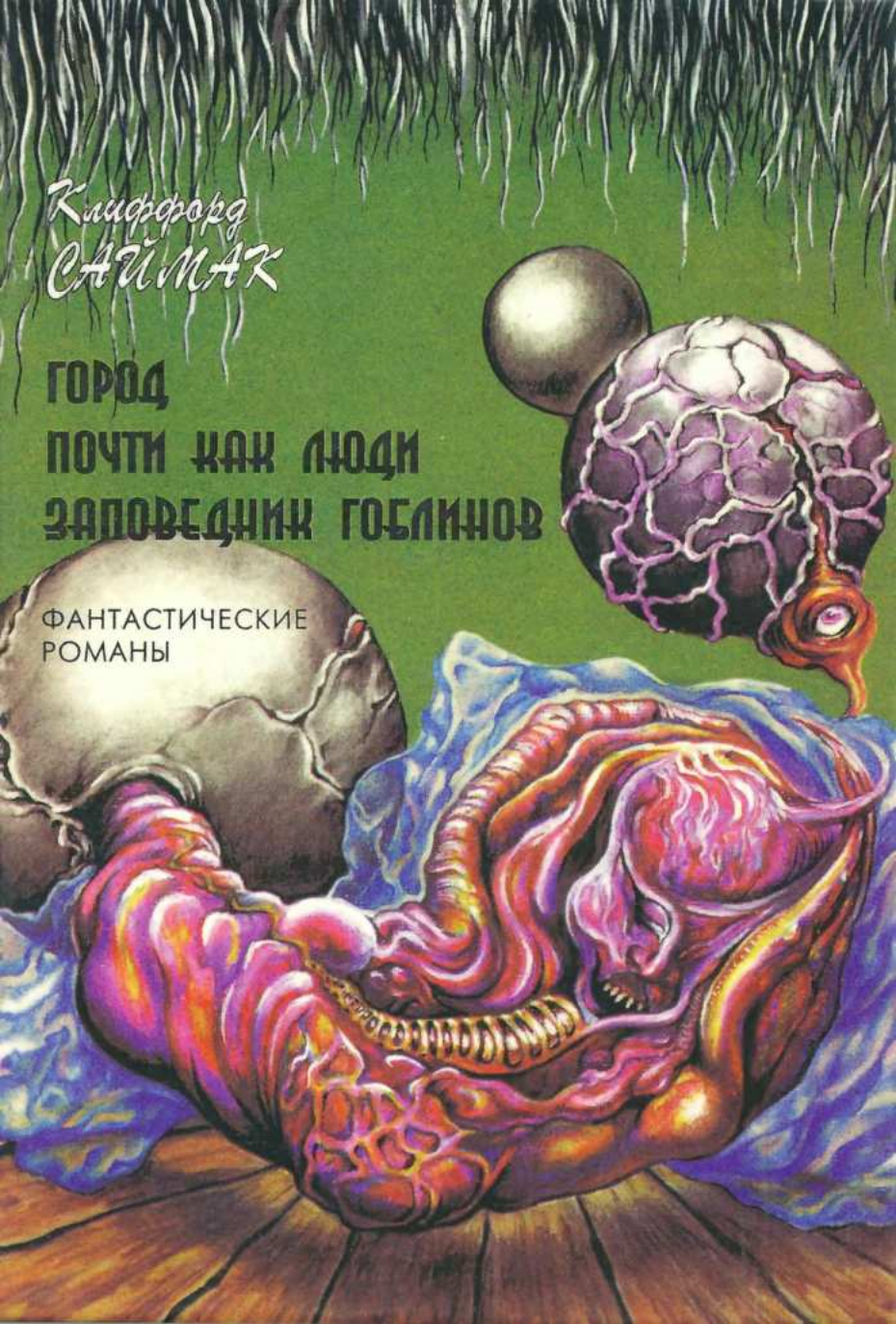
Роман

Перевод с английского И.Гуровой

361

Клиффорд
САЙМАК
ГОРОД
ПОЧТИ КАК ЛЮДИ
ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ